ГОСУДАРЬ

(IL PRINCIPE)

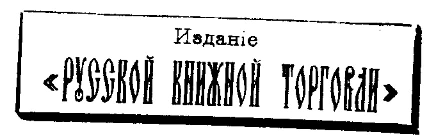
и

РАЗСУЖДЕНІЯ НА ПЕРВЫЯ ТРИ КНИГИ ТИТА ЛИВІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ МАКІАВЕЛЛИ.

Переводъ съ итальянскаго подъ редакціею Н. КУРОЧКИНА.

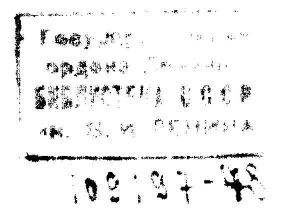

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Тиблена и К° (Неклюдова) В. О. 8 л. д. № 25.
1869

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Государь.

РАЗСУЖДЕНІЯ О ПЕРВОЙ ДЕКАДѢ ТИТА ЛИВІЯ.

Книга первая.

Книга вторая.

Книга третья.

Стр.

НИКОЛАЙ МАКІАВЕЛЛИ

ЛАВРЕНТІЮ ВЕЛИКОЛѢПНОМУ

СЫНУ ПЕТРА МЕДИЧИ.

Лица, желающія заслужить благоволеніе къ себѣ Государей, обыкновенно выражаютъ это поднесеніемъ имъ въ даръ такихъ предметовъ, обладаніемъ которыхъ они особенно дорожатъ или по заключающейся въ нихъ цѣнности, или по тому удовольствію, которое они приносятъ. Поэтому-то, Государямъ весьма часто представляютъ дорогихъ коней, многоцѣнное и рѣдкое оружіе, парчевыя ткани, драгоцѣнные камни и украшенія, соотвѣтственныя величію верховной власти.

Желая такимъ образомъ представить Вашему Великолѣпію какое-либо доказательство моей глубокой къ Вамъ преданности, я не нашелъ ничего, между самыми цѣнными предметами, какими я обладаю, чѣмъ бы я такъ дорожилъ и высоко цѣнилъ, какъ мое познаніе дѣйствій людей высокопоставленныхъ. Знаніе это я добылъ

долгимъ изученіемъ современныхъ событій и глубокимъ изслѣдованіемъ древней исторіи. Въ небольшой книгѣ, которую я имѣю честь представить Вашему Великолѣпію, я помѣстилъ всѣ выводы и результаты, добытые мною продолжительнымъ размышленіемъ и настойчивой наблюдательностью. Хотя я и сознаю, что это мое произведеніе далеко не достойно чести представленія его Вамъ, но я увѣренъ, что Вы по своему великодушію примете его благосклонно, такъ какъ Вы примете во вниманіе, что самый цѣнный даръ, какимъ я могъ располагать, состоялъ въ возможности доставить Вамъ средство въ кратчайшее время узнать все то, на изученіе чего я употребилъ многіе годы и могъ понять и усвоить себѣ только послѣ продолжительныхъ трудностей и опасностей.

Въ книгѣ моей Вы не найдете ни цвѣтистыхъ разсужденій, ни пышныхъ и краснорѣчивыхъ фразъ, ни одного изъ тѣхъ внѣшнихъ украшеній, къ какимъ прибѣгаютъ авторы для приданія наружнаго блеска своимъ сочиненіямъ. Я хотѣлъ, чтобы моя книга или вовсе не имѣла никакого значенія, или, если она его удостоится, то значеніе это происходило бы отъ внутреннихъ ея достоинствъ: истины, положенной въ ея основаніе и разнообразія и важности предметовъ, составляющихъ ея содержаніе.

Я не хотѣлъ бы однакоже, чтобы меня сочли за человѣка дерзкаго за то, что я, принадлежа къ низшему сословію государства и не обладая высокимъ саномъ, осмѣлился разсуждать и изслѣдовать предметы, подлежащіе вѣдѣнію Правительствъ и Государей.

Подобно тому какъ пейзажисты, для того чтобы снять видъ горъ и возвышенныхъ мѣстъ, помѣщаются въ

долинахъ, а для того, чтобы схватить общій характеръ равнинъ, поднимаются на высоты,—для того, чтобы хорошо понять и оцѣнить особенности народа, надобно быть государемъ, а чтобы знать государей — надобно принадлежать къ народу.

Примите же, Ваше Великолѣпіе, скромное приношеніе мое такъ же радушно, какъ искренно я Вамъ его представляю. Если вамъ будетъ угодно прочитать мою книгу со вниманіемъ, то Вы замѣтите, что меня, при трудѣ надъ ней, руководило горячее желаніе, чтобы Вамъ удалось достигнуть той степени славы и величія, на какую вы имѣете право по своей высокой доблести и можете разсчитывать при Вашемъ счастіи. И если съ высоты своего величія Ваше Великолѣпіе удостоитъ взглянуть на то, что находится внизу, то Вы увидите насколько незаслуженно приходится мнѣ въ жизни страдать и быть жертвою суровой и несправедливой судьбы.

ГОСУДАРЬ.

ГЛАВА I.

Сколькихъ видовъ бываетъ верховная власть и какимъ образомъ она водворяется.

Всѣ гражданскія общества въ государственномъ смыслѣ представляются или монархіями или республиками. Монархіи бываютъ или наслѣдственными, правители которыхъ составляютъ продолжительное время одну династію, или вновь возникающими. Монархіи, вновь возникающія, образуются или самостоятельно, какъ напримѣръ Миланское герцогство при Франческѣ Сфорца, или входятъ, какъ составная часть въ наслѣдственную монархію, уже существующую, когда правители ея увеличиваютъ свои владѣнія пріобрѣтеніемъ новыхъ странъ, какъ было наприм. пріобрѣтено Испанскимъ королемъ Неаполитанское королевство. Страны, вновь пріобрѣтаемыя, раздѣляются на такія, которыя до присоединенія управлялись своими государями, и такія, обитатели которыхъ до этого присоединенія были свободны. Пріобрѣтаются таковыя страны или силой оружія, все равно, своими или наемными войсками располагаетъ для этого завоеватель, или мирнымъ путемъ при стеченіи особенно счастливыхъ обстоятельствъ для того или другаго правителя, или тогда, когда вслѣдствіе личныхъ его достоинствъ, сосѣдніе народы добровольно провозглашаютъ его владычество.

ГЛАВА II.

Наслѣдственныя монархіи.

Я не стану здѣсь касаться республикъ, такъ какъ говорилъ о нихъ уже подробно въ другомъ сочиненіи *). Здѣсь я займусь только монархіями и, придерживаясь установленнаго мною раздѣленія, выясню, какимъ образомъ могутъ управляться всякаго рода монархіи. Такъ я замѣчу, что въ монархіяхъ наслѣдственныхъ, подданные которыхъ уже привыкли къ династіи своихъ правителей, монарху гораздо легче поддерживать власть, нежели въ монархіяхъ, вновь возникающихъ: ему для этого достаточно только не заходить за предѣлы власти своихъ предшественниковъ и сообразоваться съ обстоятельствами. При такомъ образѣ дѣйствій, правитель съ самыми обыденными способностями съумѣетъ всегда удержаться на тронѣ; или для того, чтобы онъ его лишился, необходима какая либо неодолимая сила, предвидѣть которую было положительно невозможно; но даже и въ этомъ исключительномъ случаѣ, всякая малѣйшая ошибка узурпатора неизбѣжно даетъ ему возможность безъ труда возвратить свое потерянное владычество. Яркій примѣръ этого въ Италіи представляетъ собой герцогъ Феррарскій: если онъ устоялъ въ 1464 г. противъ нападенія Венеціанцевъ, а въ 1510 — противъ папы Юлія, то единственно благодаря тому, что страна издавна привыкла къ его династіи. И дѣйствительно, наслѣдственные монархи бываютъ уже потому обыкновенно любимы народомъ, что имъ гораздо рѣже, нежели новымъ правителямъ, предстоитъ случай или необходимость оскорблять своихъ подданныхъ; для такой любви достаточно, чтобы правитель не проявлялъ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ пороковъ, которые заставляли бы возненавидѣть его, а давность и продолжительность династіи заставляютъ забывать, какъ насильственные перевороты, происходившіе въ странѣ, такъ и причины, вызывавшія ихъ, — чѣмъ устраняются тѣ камни преткновенія для государственной власти, которые оставляются предшествовавшими революціями съ цѣлью снова воспользоваться ими при случаѣ.

*) Discorsi sopra la prima decade di Tito Livio, переводъ которыхъ читатель найдетъ въ этомъ же изданіи.

ГЛАВА III.

Монархіи смѣшанныя.

Управлять вновь возникающими монархіями уже несравненно труднѣе.

Такъ, если вновь возникшая монархія не представляется самостоятельной, а входитъ только какъ новопріобрѣтенная часть въ существующую уже монархію, представляя вмѣстѣ съ нею какъ бы одно смѣшанное цѣлое, то неизбѣжныя неурядицы при переустройствѣ вновь слагающихся государственныхъ формъ даютъ первый поводъ къ броженію умовъ и желанію переворотовъ; люди же вообще, изъ желанія улучшенія своей судьбы, склонны къ перемѣнамъ своихъ правителей. Эта причина весьма часто заставляетъ ихъ браться за оружіе противъ существующаго правительства, и только тогда видѣть свою ошибку, когда они путемъ опыта узнаютъ, что, вмѣсто улучшенія, въ результатѣ достигаютъ только ухудшенія своей участи. Ухудшеніе же это естественно возникаетъ изъ той неизбѣжной необходимости, въ которую обыкновенно бываетъ поставленъ новый правитель самымъ своимъ положеніемъ. Для водворенія своей власти онъ обыкновенно бываетъ вынужденъ угнетать вновь пріобрѣтаемую страну тяжкими повинностями для содержанія арміи, и безчисленнымъ множествомъ всякихъ другихъ несправедливыхъ налоговъ и поборовъ. Всѣ лица, интересы которыхъ онъ почему-либо нарушилъ, овладѣвая государствомъ, становятся его врагами, врагами же его дѣлаются и тѣ, которыя дружественно помогали его успѣху, или потому, что онъ не можетъ ихъ отблагодарить сообразно ихъ заслугамъ, или его обѣщанію, или потому, что, будучи имъ обязанъ, онъ даже въ случаѣ необходимости лишенъ возможности дѣйствовать противъ нихъ крутыми мѣрами. Услуги обыкновенно обязываютъ на призна-

тельность, такъ какъ обыкновенно, какъ бы ни былъ могущественъ завоеватель съ своими арміями, для покоренія страны ему всегда бываетъ необходимо входить предварительно въ соглашенія съ ея жителями, чтобы въ ихъ благорасположеніи получить поддержку своему оружію. Вотъ отчего французскій король Людовикъ XII такъ же быстро потерялъ Миланъ, какъ и пріобрѣлъ его; для того, чтобы его оттуда выгнать, достаточно было однихъ войскъ Людовика (Сфорцы), такъ какъ тѣ же жители, которые помогли ему овладѣть городомъ, видя себя обманутыми въ своихъ надеждахъ и не получая тѣхъ выгодъ, на которыя разсчитывали, не хотѣли переносить тяжести новой власти. Но зато, если такое возстаніе удается вторично усмирить, то власть пріобрѣтетъ значительную прочность, такъ какъ побѣдитель, пользуясь прекращеннымъ возстаніемъ, дѣлаетъ его для себя благовиднымъ предлогомъ, чтобы уже не стѣсняться въ средствахъ для упроченія за собой завоеванія: наказывать непокорныхъ, преслѣдовать тѣхъ, кто ему кажется подозрителенъ, вообще устранять все то, что ему препятствуетъ или его ослабляетъ. Поэтому-то, для того, чтобы Франція потеряла Миланъ въ первый разъ, было достаточно небольшой агитаціи, произведенной Людовикомъ между окрестнымъ населеніемъ, но чтобы потерять его вторично—нужно было, чтобы всѣ государства противъ нее возстали и арміи ея были или уничтожены, или изгнаны изъ Италіи, что́ могло произойти отъ причинъ, мною уже указанныхъ. Извѣстно однако, что Франція въ оба раза лишилась этой провинціи. Общія причины первой неудачи Людовика XII уже достаточно ясны послѣ моего объясненія, но вторую его неудачу стоитъ разсмотрѣть подробнѣе, чтобы уяснить, не было ли въ рукахъ его возможности, которой другіе правители воспользовались бы на его мѣстѣ, чтобы удержать за собой пріобрѣтенную область. Надобно между прочимъ замѣтить, что страны, вновь присоединяемыя, къ установившейся монархіи, для составленія съ нею одного цѣлаго, могутъ находиться въ одинаковыхъ съ нею географическихъ условіяхъ или въ различныхъ и жители ихъ говорить тѣмъ же языкомъ, или инымъ. Когда пріобрѣтаемая страна составляетъ какъ-бы продолженіе пріобрѣтающей, а жители той и другой говорятъ одинаковымъ языкомъ, то удержать пріобрѣтеніе за собой очень легко, особливо если обитатели ея не привыкли къ свободнымъ учрежденіямъ; для управленія ею въ полной безопасности, достаточно только одного условія, — чтобы династія прежнихъ ея правителей изсякла. Во всемъ остальномъ, при одинаковости установившихся обычаевъ, правителю стоитъ только не нарушать прежняго образа жизни обитателей пріобрѣтаемой страны. и онъ можетъ быть увѣренъ, что новые его подданные будутъ жить спокойно. Такимъ образомъ Бургундія, Бретань, Гасконія и Нормандія столько лѣтъ сряду находятся подъ французскимъ владычествомъ; хотя между нарѣчіями этихъ странъ и есть нѣкоторыя рѣзкія различія, но такъ какъ нравы и обычаи ихъ весьма сходны, то имъ и легко ладить между собой. Въ подобныхъ случаяхъ завоевателю должно помнить главнѣйше двѣ вещи: окончательно ли изсякла династія правителя присоединяемой страны, и — что для него ничего не можетъ быть пагубнѣе какого бы то ни было измѣненія законовъ или системы налоговъ въ новой странѣ. Если оба эти условія соблюдены, то присоединенная страна очень скоро совершенно сливается съ господствующей и составляетъ съ нею какъ-бы одно органическое цѣлое.

Но если присоединяемая страна бываетъ чуждою присоединяющей по языку, обычаямъ и нравамъ, то для удержанія ея въ своей власти требуется очень много счастія и умѣнья, и одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ и радикальныхъ для этого мѣръ можетъ служить переселеніе правителя во вновь пріобрѣтенную страну. Этимъ переселеніемъ значительно закрѣпляются прочность и безопасность обладанія ею. Такъ поступили турецкіе султаны съ Греціею и всякія другія ихъ распоряженія для удержанія Греціи за собой едвали привели бы ихъ къ какимъ-нибудь успѣшнымъ результатамъ, еслибы они сами туда не переселились. Правитель, переселяющійся въ завоеванную страну, можетъ слѣдить за начинающимися безпорядками и заблаговременно подавлять ихъ; живя же вдали, онъ узнаетъ объ нихъ только тогда, когда они становятся настолько значительными, что по большей части совладать съ ними становится очень трудно, если не невозможно.

Кромѣ того, присутствіе государя удерживаетъ назначаемыхъ имъ сановниковъ отъ раззоренія страны; возможность личнаго обращенія къ правителю доставляетъ нравственное удовлетвореніе подданнымъ и, если они расположены къ вѣрности, то получаютъ болѣе возможности любить своего монарха; если же они ненадежны, то его близость даетъ имъ болѣе основаній бояться его.

Кромѣ того, присутствіе государя въ странѣ служитъ отчасти охраной отъ чужеземныхъ вторженій, такъ что, поселяясь въ ней, правитель какъ-бы обезпечиваетъ за собой бóльшую вѣроятность прочнаго обладанія ею.

Другое отличное средство для удержанія завоеванной области состоитъ въ образованіи по близости ея одной или двухъ колоній, въ мѣстностяхъ, господствующихъ надъ страной: безъ этого приходилось бы содержать весьма значительное количество войска, между тѣмъ какъ основаніе колоній обыкновенно обходится правителямъ очень дешево. Основать и поддерживать ихъ бываетъ возможно или безъ всякихъ издержекъ, или съ весьма незначительными; онъ при этомъ нарушаетъ интерессы только тѣхъ, у кого отнимаетъ поля и жилища для водворенія въ нихъ новыхъ обитателей, но такихъ лицъ обыкновенно бываетъ немного, и по своей бѣдности и разрозненности они по большей части бываютъ лишены возможности вредить ему. Всѣ остальные подданные, не будучи съ одной стороны ничѣмъ обижены, не имѣютъ поводовъ къ недовольству, а съ другой будутъ удерживаемы отъ волненій страхомъ, чтобъ и ихъ, въ случаѣ непокорства, не постигла участь подобная участи лицъ, раззоренныхъ на ихъ глазахъ. Однимъ словомъ, эти очень дешево стоющія колоніи, служащія образцомъ вѣрности, въ тоже время нисколько не отяготительны для страны, а небольшое число обиженныхъ этою мѣрою, по своей бѣдности и разрозненности, становятся для правителя безвредны.

Вообще должно замѣтить, что при управленіи людьми ихъ необходимо или ласкать, или угнетать; мстятъ люди обыкновенно только за легкія обиды и оскорбленія, сильный же гнетъ лишаетъ ихъ возможности мести: поэтому, если уже приходится подданныхъ угнетать, то дѣлать это слѣдуетъ такимъ образомъ, чтобы отнимать отъ нихъ всякую возможность отомщенія.

Если же, вмѣсто основанія этихъ колоній или передовыхъ постовъ, правитель рѣшаетъ поддерживать свою власть помощью войскъ, то расходы, сопряженные съ содержаніемъ этихъ охранительныхъ силъ, возрастаютъ обыкновенно чрезмѣрно и совершенно поглощаютъ всѣ государственные доходы страны. Тогда самое пріобрѣтеніе страны служитъ въ ущербъ завоевывающему государству, который становится тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ ея жители считаютъ себя болѣе обиженными, ибо всѣ они, какъ и самое государство, страдаютъ отъ постоевъ и передвиженія войскъ. А такъ какъ отъ постойной повинности обыкновенно не освобождается никто, то всѣ граждане становятся врагами правителя, тѣмъ болѣе ожесточенными, что этой повинностью нарушаются ихъ частные интересы, и, оставаясь у себя дома, они не лишаются возможности вредить правителю. Вообще эти охранительныя арміи во всѣхъ отношеніяхъ настолько же безполезны и вредны, насколько основаніе передовыхъ постовъ полезно и необходимо.

Но это еще не все. Когда завоеванная область находится въ другой странѣ, чѣмъ наслѣдственная монархія завоевателя, для него является множество другихъ заботъ, которыми онъ не вправѣ пренебрегать: онъ долженъ стремиться сдѣлаться главой и покровителемъ сосѣднихъ и менѣе могущественныхъ государей, но также ослаблять тѣхъ изъ нихъ, чье могущество начинаетъ возрастать, зорко наблюдая, чтобы въ управленіе этими мелкими государствами не вмѣшался по какому-либо случаю какой-либо правитель, настолько же, какъ и онъ могущественный; всякое такое вмѣшательство обыкновенно принимается благопріятно всей массой тѣхъ гражданъ, которыхъ неудовлетворенное честолюбіе или страхъ сдѣлали недовольными, и всѣ они дѣлаются обыкновенно сторонниками этого чуждаго вмѣшательства. Такъ Этолійцы помогли Римлянамъ проникнуть въ Грецію, подобно тому какъ помогали имъ въ этомъ и жители всѣхъ другихъ странъ, куда они проникали.

Обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣло происходитъ такъ: какъ только могущественный иноземецъ вступаетъ въ чужія страны,

всѣ мелкіе правители, побуждаемые ненавистью и завистью къ болѣе сильному сосѣду, примыкаютъ къ нему и стараются ему содѣйствовать въ его предпріятіяхъ. Но предусмотрительный государь можетъ не опасаться этого, онъ всегда съумѣетъ заранѣе привязать къ себѣ всѣхъ этихъ мелкихъ правителей разными ничтожными уступками ихъ самолюбію, и тогда они обыкновенно охотно становятся защитниками пріобрѣтенной имъ страны, какъ-бы усиливая ея контингентъ. Но при этомъ конечно онъ не долженъ забывать, что нельзя допускать ни одного изъ этихъ мелкихъ правителей забирать себѣ слишкомъ много власти; а если бы съ которымъ-нибудь изъ нихъ это и случилось, то государю легко, при помощи своихъ войскъ и расположеніи другихъ мелкихъ правителей, тотчасъ же ему воспрепятствовать и оставаться такимъ образомъ самымъ полновластнымъ господиномъ между всѣми окрестными странами. Правитель, не соблюдающій этого образа дѣйствій, обыкновенно очень скоро лишается завоеванной страны или, если въ ней еще и удерживается, то встрѣчаетъ для своей власти безконечныя препятствія и непріятности. Римляне старательно соблюдали всѣ эти правила въ отношеніи къ завоеваннымъ ими землямъ: они основывали колоніи, поддерживали менѣе могущественныхъ сосѣдей, не допуская усиливаться ихъ могуществу, и препятствовали водворенію въ ихъ странахъ всякаго вліянія могущественныхъ иноземцевъ. Для доказательства достаточно одного примѣра—дѣйствій Римлянъ въ Греціи: они поддерживали Этолійцевъ и Ахеянъ, ослабляли Македонію, прогнали Антіоха и, несмотря на всѣ услуги, оказанныя имъ Этолійцами и Ахеянами, они не допускали ихъ усиливаться; всѣ усилія Филиппа пріобрѣсти ихъ дружбу не могли увѣнчаться успѣхомъ, прежде чѣмъ имъ не удалось его нѣсколько унизить, и все могущество Антіоха не могло вынудить у нихъ согласія на то, чтобы онъ могъ владѣть хотя клочкомъ земли въ Греціи.

Римляне въ этомъ случаѣ поступали именно такъ, какъ обязаны дѣйствовать всѣ прозорливые правители, озабочиваясь объ отстраненіи нетолько настоящихъ, но и всѣхъ могущихъ произойти въ будущемъ, затрудненій — всѣми мѣрами, какія указываетъ благоразуміе, ибо только предвидя зло заблаговременно, можно его избѣжать; если же ждать его приближенія, то можно потерять благопріятное время для противодѣйствія ему, подобно тому, какъ запуская болѣзнь можно довести ее до неизлечимости, когда уже никакое лекарство не въ состояніи помочь. Чахотка, о которой врачи говорятъ, — что она вначалѣ трудно распознается и легко излечивается, а въ концѣ распознается легко, но лечить ее бываетъ трудно,—весьма подходящій примѣръ къ моимъ положеніямъ. И въ дѣлахъ государствъ мы видимъ тоже самое: если зло предвидится заблаговременно (что̀ доступно конечно только правителямъ мудрымъ), то уничтожить его можно быстро, если же, по небрежности, дать ему возможность усилиться до того, что оно сдѣлается очевиднымъ для всѣхъ,—побороть его становится уже дѣломъ почти невозможнымъ. Римляне, предвидя обыкновенно зло заранѣе, всегда удачно ему противодѣйствовали, они не дозволяли ему развиваться даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это угрожало имъ войною; они знали, что всякое промедленіе при этомъ могло служить только въ пользу ихъ врагамъ. Поэтому они объявили войну Антіоху и Филиппу въ Греціи, чтобы предупредить необходимость защищаться отъ нихъ въ Италіи, и хотя могли избѣгнуть этихъ обѣихъ войнъ, но не избѣгали ихъ. Они не придавали значенія словамъ, такъ часто повторяемымъ мудрецами нашего времени: *пользуйся преимуществами времени*, они предпочитали преимущества силы и благоразумія, зная, что время можетъ приносить съ собой и зло, также какъ и добро.

Но возвратимся къ Франціи, и посмотримъ, было ли ею сдѣлано что-либо изъ того, о чемъ мы говорили. Мы разсмотримъ дѣйствія Людовика (XII), а не Карла (IX), такъ какъ сохраненіе первымъ на болѣе продолжительное время своего владычества въ Италіи даетъ намъ бо̀льшую возможность прослѣдить весь его образъ дѣйствій. При этомъ мы ясно увидимъ, что онъ поступалъ совершенно противоположно тому, какъ долженъ былъ бы поступать, чтобы сохранить за собой господство надъ страной. Людовикъ XII получилъ возможность проникнуть въ Италію, благодаря помощи честолюбивыхъ Венеціанцевъ, которые разсчитывали при

этомъ воспользоваться половиной Ломбардскаго герцогства. Я далекъ отъ осужденія этой связи Людовика съ Венеціанцами, такъ какъ онъ, желая войти въ Италію и утвердиться въ ней, нетолько не имѣлъ въ то время въ ней никакихъ друзей, но напротивъ предшествовавшее поведеніе Карла VIII дѣлало ему это невозможнымъ, и онъ вынужденъ былъ не выбирать себѣ союзниковъ, а только пользоваться тѣмъ, что предоставляли обстоятельства, и его планы имѣли бы успѣшное осуществленіе, еслибы только впослѣдствіи онъ не дѣлалъ ошибокъ. Такимъ образомъ, завладѣвъ Ломбардіей, онъ быстро возстановилъ ту репутацію, которой лишилъ его Карлъ: Генуя пошла на уступки, Флоренція — стала его союзницей, герцогъ Феррарскій, семья Бентиволіо, правительница Форли, владѣтели Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Піомбино, жители Лукки, Пизанцы, жители Сіенны — всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ искали его дружбу. Венеціанцамъ сдѣлалось ясно, что—допустивъ, ради пріобрѣтенія себѣ двухъ городовъ въ Ломбардіи, французскаго короля сдѣлаться властителемъ двухъ третей Италіи — они сдѣлали неблагоразумную ошибку. При такихъ обстоятельствахъ, Людовику XII весьма не трудно было бы поддерживать въ этой странѣ свое вліяніе, еслибы онъ съумѣлъ осуществить на дѣлѣ тѣ правила благоразумія, которыя изложены нами выше. Для этого ему было бы необходимо принять подъ свое покровительство и оказывать дѣятельную защиту многочисленнымъ мелкимъ владѣтелямъ, искавшимъ его дружбы. Всѣ они были слабы и, боясь нападеній — одни со стороны папъ, другіе со стороны Венеціанцевъ,—поневолѣ должны были бы стараться быть съ нимъ за одно, а такой союзъ былъ бы для него достаточнымъ, чтобы бороться успѣшно съ тѣми владѣтелями, у которыхъ еще оставалось какое-либо могущество. Но онъ, едва вступивъ въ Миланъ, сталъ дѣйствовать совершенно противоположно, подавъ помощь папѣ Александру, при занятіи послѣднимъ Романьи. Онъ не видѣлъ что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ дѣйствовалъ противъ себя самого, ослабляя себя потерею союзниковъ, которые такъ желали его дружбы, и усиливая власть папъ, помогая имъ къ духовной власти, дававшей имъ и безъ того громадное значеніе, пріобрѣсти еще и свѣтскую, столь же значительную.

За первой ошибкой послѣдовали другія, такъ что ему пришлось самому отправиться въ Италію, чтобы положить предѣлъ честолюбиво-завоевательнымъ стремленіямъ папы Александра и воспрепятствовать ему подчинить Тоскану своему владычеству.

Но и это еще не все. Неудовольствовавшись тѣмъ, что такъ возвеличилъ могущество церкви, что лишился чрезъ это союзниковъ, Людовикъ, пламенно желая овладѣть Неаполитанскимъ королевствомъ, рѣшился раздѣлить его съ Испанскимъ королемъ; и такимъ образомъ, будучи до тѣхъ поръ единымъ, неограниченнымъ властелиномъ Италіи, онъ самъ ввелъ туда себѣ соперника, помогать планамъ котораго могли всѣ честолюбцы и недовольные. Для него было весьма возможно оставить на тронѣ Неаполитанскаго короля, который безъ сопротивленія согласился бы быть его данникомъ, но онъ свергнулъ его и помогъ взойти на престолъ сильному Испанскому королю, который его самого могъ во всякое время прогнать изъ Италіи.

Страсть къ завоеваніямъ—дѣло безъ сомнѣнія весьма обыкновенное и естественное: завоеватели, умѣющіе достигать своихъ цѣлей, достойны скорѣе похвалы, нежели порицанія; но создавать планы, не будучи въ состояніи ихъ осуществлять,—и неблагоразумно и нелѣпо. Поэтому-то, еслибы Франція имѣла достаточно силы для завладѣнія Неаполемъ, то она имѣла бы право къ этому стремиться, но не имѣя на это достаточно силъ—было неразумно даже и затѣвать такое предпріятіе, а тѣмъ болѣе раздѣлять это королевство; и если раздѣлъ обладанія Ломбардіи съ Венеціанцами извинителенъ, какъ единственная мѣра, могшая помочь его вступленію въ Италію, то послѣднее раздѣленіе, не имѣвшее никакихъ важныхъ, побудительныхъ причинъ, положительно не извинительно. Итакъ Людовикъ XII сдѣлалъ въ Италіи пять основныхъ ошибокъ: онъ совершенно задавилъ слабыхъ правителей и усилилъ могущество сильнѣйшаго, ввелъ въ Италію весьма могущественнаго чужеземнаго государя, не перенесъ туда своей резиденціи и не укрѣпился тамъ основаніемъ колоній. Всѣ эти пять ошибокъ не повлекли бы однако за собой немедленнаго паденія его власти, по крайней мѣрѣ при его жизни, еслибы онъ не присоединилъ къ

нимъ шестой и самой важной, т. е. не вознамѣрился бы отнять власти у Венеціанцевъ. Мысль ослабить ихъ была бы вполнѣ разумной и даже необходимой, еслибы предварительно онъ не возвысилъ власти церкви и не призвалъ въ Италію Испанскаго короля; но сдѣлавъ уже то и другое, онъ не долженъ былъ соглашаться на дѣло, грозившее гибелью для Венеціанцевъ, такъ какъ до тѣхъ поръ, пока ихъ могущество не было нарушено, они служили оплотомъ противъ покушеній на Ломбардію и не допускали бы никого завладѣть ею, кромѣ себя, и конечно никому бы и не пришло на мысль отнимать Ломбардію у Франціи съ тѣмъ, чтобы уступить ее Венеціанской республикѣ; бороться же противъ соединенныхъ силъ Франціи и Венеціи едвали у кого хватилобы духу. Еслибы кто-нибудь вздумалъ извинять отдачу Людовикомъ Романьи — папѣ, а Неаполя — Испанскому королю тѣмъ, что онъ дѣлалъ это для избѣжанія войны, то въ высказанномъ уже мною положеніи, что никто изъ правителей не долженъ, ради избѣжанія войны, допускать усиленіе зла, заключается на это опроверженіе, такъ какъ война при этомъ не избѣгается, а только отдаляется, чтобы потомъ послужить во вредъ самому неблагоразумному правителю.

Еслибы кто-нибудь сталъ объяснять эту отдачу — какъ исполненіе обѣщанія, даннаго Людовикомъ папѣ, помогать ему въ этомъ предпріятіи за разрѣшеніе своего брака и полученіе кардинальской шапки Руанскимъ архіепископомъ (кардиналомъ Амбруазскимъ), то я на это отвѣчу дальнѣйшимъ изложеніемъ моей книги, гдѣ покажу, какъ должно смотрѣть на обѣщанія государей и какимъ образомъ они ихъ исполняютъ.

Итакъ Людовикъ XII потерялъ Ломбардію потому, что не соблюлъ ни одной мѣры благоразумія изъ обыкновенно соблюдаемыхъ тѣми завоевателями, которые хотятъ пріобрѣтаемыя провинціи удержать за собою. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но такъ должно было случиться, сообразно съ логикой и естественнымъ порядкомъ вещей.

Я былъ въ Нантѣ въ то время, когда Валентино (такъ назывался тогда Цезарь Борджіа, сынъ папы Александра VI) сдѣлался вла-

дѣтелемъ Романьи. Кардиналъ Амбруазскій, съ которымъ я разсуждалъ объ этихъ событіяхъ, сказалъ мнѣ, что Итальянцы ничего не смыслятъ въ военномъ дѣлѣ; на это я замѣтилъ ему, что Французы столько же понимаютъ въ политикѣ, такъ какъ, если бы они въ ней хотя что нибудь понимали, то никогда не допустили бы церкви подняться до такого могущества. Опытъ же показалъ, что увеличеніе могущества церкви и Испаніи въ Италіи было дѣломъ Франціи, а въ немъ заключалась и ея собственная погибель. Изъ всего этого можно вывести то общее правило, почти безошибочное, что каждый государь, оказывающій услугу другому, если этимъ значительно увеличивается могущество послѣдняго, работаетъ на свою погибель, такъ какъ для этого онъ употребляетъ силу или умѣнье, а оба эти качества начинаютъ казаться новому потентату, едва онъ достигнетъ своей цѣли, подозрительными и опасными для него.

ГЛАВА IV.

Почему государство Дарія, завоеванное Александромъ Македонскимъ, послѣ смерти послѣдняго, не возстало противъ его наслѣдниковъ?

Соображая всѣ трудности, съ какими сопряжено удержаніе за собой завоеванныхъ областей, многіе можетъ быть станутъ удивляться, какимъ образомъ послѣ смерти Александра Великаго, завоевавшаго въ нѣсколько мѣсяцевъ цѣлую Азію и умершаго тотчасъ же вслѣдъ за этимъ завоеваніемъ, при его наслѣдникахъ не происходило никакихъ возстаній, тогда какъ, по здравому смыслу и естественному порядку вещей, казалось бы, что они немедленно должны бы были вспыхнуть повсюду. Это дѣйствительно можетъ показаться страннымъ, такъ какъ единственныя трудности, возникавшія у его наслѣдниковъ, происходили между ними самими и были порождаемы ихъ личнымъ честолюбіемъ.

Для объясненія этого явленія, замѣчу, что всѣ монархіи, о которыхъ намъ извѣстно въ исторіи и о которыхъ остались воспо-

минанія, управлялись двумя различными способами. Въ однихъ верховная власть принадлежала одному Правителю; всѣ подданные были рабами, изъ которыхъ Правитель могъ по своему благоусмотрѣнію и какъ бы изъ милости назначать Министровъ, помогавшихъ ему въ дѣлѣ управленія. Въ другихъ, кромѣ верховнаго Правителя, существовали еще самостоятельные князья, не получавшіе своей власти изъ милости Государя, но пользовавшіеся ею по праву древности своего рода. Каждый изъ этихъ князей имѣлъ свои собственныя владѣнія и подданныхъ, признававшихъ его своимъ государемъ и отличавшихся своею естественною преданностію ему. Въ государствахъ перваго рода—Правители имѣли несравненно бо́льшую власть, такъ какъ во всей ихъ монархіи не находилось никого равнаго имъ по могуществу; если народъ и повиновался министрамъ, то повиновался имъ только какъ органамъ государственной власти, не питая къ нимъ никакого личнаго расположенія. Въ наше время типами этихъ двухъ различій государственнаго устройства могутъ служить Турція и Франція. Вся Турецкая Имперія управляется однимъ Султаномъ, всѣ другіе властители ея—его рабы и слуги; онъ раздѣляетъ свою территорію на пашалыки, какъ ему заблагоразсудится, и, назначая различныхъ Сатраповъ, даетъ имъ полномочія какія вздумаетъ, сохраняя за собою право по произволу смѣнятъ ихъ и усиливать или ограничивать ихъ власть, сообразно своимъ личнымъ капризамъ. Во Франціи же король окруженъ множествомъ ленныхъ владѣтелей древнихъ родовъ, у каждаго изъ нихъ есть свои подданные, привязанные къ нему; они пользуются прерогативами, на которыя король не можетъ безъ вреда для себя посягать.

Разсматривая оба эти различные образы правленія, мы поймемъ, что покорить Турецкую Имперію весьма трудно, но, разъ покоривши ее, удержать за собою власть будетъ чрезвычайно легко. Трудность завоеванія Турціи состоитъ въ томъ, что въ ней нѣтъ независимыхъ князей, которые могли бы призвать завоевателя, и въ томъ, что для успѣха своего предпріятія онъ не можетъ разсчитывать на возмущеніе приближенныхъ Султана, что уже ясно изъ всего изложеннаго мною: всѣ эти приближенные—созданіе его

рукъ, рабы, возвеличенные его милостью и потому лично ему обязанные; подкупъ ихъ—дѣло рискованное, да если бы онъ и удался и они возмутились, то все таки нельзя надѣяться, что они съумѣютъ и смогутъ увлечь въ возстаніе—массы народа. Такимъ образомъ, если бы кто нибудь задумалъ покорить Турцію, — ему нечего было бы разсчитывать на смуты и несогласія лицъ, окружающихъ престолъ Султана; онъ долженъ быть приготовленъ, что во всѣхъ ихъ — онъ встрѣтитъ единодушный отпоръ, а потому долженъ сообразить насколько онъ можетъ надѣяться на свои собственныя силы. За то, если бы онъ хотя разъ разбилъ турецкія войска въ открытомъ сраженіи, такъ что поставилъ бы Турцію уже въ невозможность дать другое сраженіе, — ему оставалась бы только единственная забота: искоренить династію Султана. Со стороны народа ему нечего было бы опасаться, такъ какъ послѣднему было бы некого ему противупоставить, и подобно тому, какъ до рѣшительнаго сраженія ему нельзя было надѣяться на народъ, — послѣ побѣды для него не было бы также никакого основанія опасаться его.

Совершенно другое дѣло—завоевать Францію и всякую другую страну съ образомъ правленія подобнымъ существующему въ ней. Завладѣть такою страною и войти въ нее, вкравшись въ расположеніе кого либо изъ ленныхъ владѣтелей, — не особенно трудно. Найти въ этой средѣ помощника для своихъ цѣлей легко уже потому, что между ними всегда есть недовольные и люди жаждущіе новизны и перемѣнъ. Эти недовольные могутъ дать завоевателю средство войти въ страну и сдѣлать завоеваніе—скорымъ и безопаснымъ, но вслѣдъ за этимъ завоеваніемъ прямо наступаютъ непреодолимыя трудности для удержанія владѣнія за собою. Завоевателю приходится бороться и съ тѣми, кто помогалъ его побѣдѣ, и съ тѣми, кого придется ему угнетать для водворенія своей власти. Истребленіе династіи короля не послужитъ ни къ чему, такъ какъ послѣ такого истребленія остаются ленные владѣтели, изъ которыхъ каждый можетъ въ свою очередь сдѣлаться главою новаго возстанія. Всѣхъ ихъ истребить, по многочисленности ихъ, невозможно, и завоеватель обыкновенно теряетъ свое пріобрѣ-

теніе, при первомъ неблагопріятномъ для себя случаѣ. Теперь, принявъ въ соображеніе, что государство Дарія управлялось подобно тому, какъ управляется Турція, легко понять, что Александру Македонскому пришлось бороться со всѣми силами его государства, но послѣ рѣшительнаго сраженія и смерти Дарія, управиться съ покоренною страною и удержать ее за собою, по причинамъ уже изложеннымъ мною,—было не трудно. Точно также, еслибы его наслѣдники не разъединялись, то могли бы спокойно править этими областями, такъ какъ въ нихъ нигдѣ не поднималось никакихъ другихъ смутъ, кромѣ тѣхъ, которыя происходили отъ несогласій и соперничества самихъ этихъ правителей.

Что же касается до государствъ, управляемыхъ подобно Франціи, то удерживать ихъ также спокойно за собою—едва ли даже возможно. Вотъ причина безпрестанныхъ возстаній противъ римлянъ какъ въ Испаніи, такъ и въ Галліи и въ Греціи, гдѣ находилось множество мелкихъ независимыхъ государствъ. Эти возстанія происходили безпрестанно, не давая римлянамъ никакой вѣроятности расчитывать на прочность своего владычества до тѣхъ поръ, пока самая память о существованіи этихъ мелкихъ владѣній не угасла; только тогда началось для римлянъ время спокойнаго обладанія завоеванными областями. Но и послѣ наступленія такого спокойствія, когда между самими римлянами начали происходить междоусобія, каждый изъ предводителей партій могъ подчинять себѣ тѣ изъ провинцій, въ которыхъ имѣлъ больше вліянія, такъ какъ, за продолжительностью владычества римлянъ, всякая память о другихъ государяхъ въ нихъ угасла. Всякій, кто вникнетъ во все мною изложенное, уже не станетъ удивляться, почему Александру Македонскому было легко сохранить свою власть въ азіятскихъ, завоеванныхъ имъ, государствахъ и почему прочимъ завоевателямъ, какъ напримѣръ Пирру и многимъ другимъ,—это было такъ трудно. Это различіе обусловливалось вовсе не личными доблестями того или другаго завоевателя, а различіемъ, существовавшимъ въ прежнемъ образѣ правленія самихъ завоеванныхъ странъ.

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ должно управлять странами или государствами, которыя до своего покоренія управлялись собственными законами.

Когда завоеванныя страны до своего покоренія управлялись собственными законами, пользовались свободными учрежденіями, то завоеватель можетъ удержать ихъ за собою тремя способами. Первый способъ — раззорить и обезсилить ихъ, второй — лично въ нихъ поселиться и третій — оставить неприкосновенными существующія въ нихъ учрежденія, обложивъ только жителей данью и учредивъ у нихъ управленіе, съ ограниченнымъ личнымъ составомъ, для удержанія жителей въ вѣрности и повиновеніи. Такое управленіе, власть и значеніе котораго — дѣло рукъ завоевателя, будетъ очень хорошо сознавать свою отъ него зависимость и станетъ употреблять всевозможныя мѣры къ сохраненію и поддержанію его власти, да и обыкновенно особыхъ безпорядковъ въ странѣ не происходитъ, такъ какъ страны, привыкшія къ свободнымъ учрежденіямъ, лучше всего управляются этимъ способомъ, при которомъ въ управленіи принимаютъ участіе тѣ самые граждане, которые стояли во главѣ управленія и до завоеванія страны.

Спартанцы и Римляне могутъ въ подобномъ случаѣ служить намъ примѣромъ.

Спартанцы держались въ Аѳинахъ и Ѳивахъ, (хотя въ послѣдствіи ихъ и потеряли), только тѣмъ, что поручили въ нихъ власть весьма небольшому числу людей. Римляне, чтобы утвердить свое господство въ Капуѣ, Карѳагенѣ и Нуманціи, раззорили эти провинціи и сохранили ихъ за собою. Въ Греціи однако они хотѣли послѣдовать примѣру Спартанцевъ, оставя завоеванные города свободными и не нарушивъ существовавшихъ въ нихъ учрежденій, — и имъ это неудалось, такъ что для того, чтобы удержать за собой эту покоренную провинцію, имъ пришлось раззорить и уничтожить многіе города. Очевидно, что способъ

разоренія покоренныхъ странъ — самый лучшій и наиболѣе безопасный. Вообще всякій завоеватель, не разорившій завоеваннаго имъ государства, привыкшаго къ свободнымъ учрежденіямъ, можетъ и долженъ впослѣдствіи ожидать себѣ отъ него погибели. Никакая продолжительность времени, никакія благодѣянія не помогутъ жителямъ завоеванной области позабыть свою утраченную свободу и народныя учрежденія; эта утраченная свобода дѣлается лозунгомъ при всѣхъ недоразумѣніяхъ, производя возмущенія; если только жители не разъединены и не разсѣяны по другимъ странамъ государства завоевателя, то всякій удобный случай подаетъ имъ поводъ возставать во имя этой свободы и своихъ утерянныхъ учрежденій: такъ Пиза, послѣ столѣтняго рабства, все таки поднялась и свергла иго Флорентійцевъ.

Совершенно иначе бываетъ въ странахъ привыкшихъ жить подъ управленіемъ своего государя. Какъ скоро династія его угасла, жители, привыкшіе къ повиновенію, не умѣя ни согласиться между собой въ выборѣ новаго Правителя, ни жить свободно, не очень скоро принимаются за оружіе, такъ что завоеватель можетъ, какъ легко завладѣть ими, также легко впослѣдствіи и держать ихъ въ покорности и повиновеніи. Это не республики — жизнь въ которыхъ дѣятельна и складывается совершенно иначе, отчего у республиканцевъ и ненависть къ завоевателю болѣе глубока, и жажда мщенія—неугасимѣе; эта жажда мщенія во имя утраченной свободы не оставляетъ ихъ мысли ни на одну минуту, такъ что завоевателю, покоривъ республику, остается только или раззорить ее, или перенести туда свою резиденцію.

ГЛАВА VI.

О странахъ, пріобрѣтаемыхъ оружіемъ или искусствомъ завоевателя.

Да не станетъ никто удивляться, что я, говоря о вновь возникающихъ государствахъ, привожу примѣры знаменитѣйшихъ государствъ древности. Люди въ своихъ дѣлахъ почти всегда идутъ

по проторенной уже дорогѣ и дѣйствуютъ, подражая кому-либо или чему-либо, хотя имъ не удается никогда ни сравниться въ добродѣтеляхъ съ тѣми, кому они подражаютъ, ни совершенно точно слѣдовать по избранному пути. Поэтому то и необходимо, чтобы благоразумный человѣкъ шелъ по путямъ, пробитымъ великими людьми; тогда если онъ и не достигнетъ величія и славы мужа, которому онъ подражаетъ, то все таки воспроизведетъ въ своихъ дѣйствіяхъ его духъ и направленіе. Онъ долженъ поступать какъ поступаютъ опытные стрѣлки, которые, замѣтивъ что мѣсто, куда имъ слѣдуетъ попасть, весьма отдаленно, и зная въ совершенствѣ качества своихъ арбалетовъ, цѣлятъ гораздо выше,—туда куда имъ попасть невозможно, разсчитывая что, только благодаря такому прицѣлу, пули ихъ достигнутъ предположенной цѣли. И такъ, замѣчу, что во вновь возникающихъ государствахъ, гдѣ Правители только что водворяются, бо̀льшія или меньшія трудности управленія находятся въ прямой зависимости отъ личныхъ качествъ и добродѣтелей этого Правителя, только что получающаго власть, хотя и не слѣдуетъ предполагать, чтобы эти трудности были вообще незначительны. Хотя уже одно возвышеніе простаго гражданина до власти Правителя предполагаетъ, что ему помогли въ этомъ или доблесть или счастіе, а и то и другое можетъ значительно помочь при отстраненіи дальнѣйшихъ затрудненій, но чѣмъ меньшую роль при его возвышеніи играло счастіе, тѣмъ вѣроятнѣе продолжительность и прочность его власти. Неимѣніе другихъ владѣній также служитъ въ пользу такому Государю: онъ поневолѣ основываетъ свою резиденцію во вновь возникающемъ государствѣ, а это значительно облегчаетъ трудности управленія.

Изъ лицъ сдѣлавшихся Правителями народа, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ, а не одной удачѣ,—приведу въ примѣръ Моисея, Кира, Ромула, Тезея и имъ подобныхъ.

О Моисеѣ распространяться много не стану, такъ какъ онъ былъ только точнымъ исполнителемъ божественныхъ повелѣній, и въ немъ замѣчательна только полученная имъ благодать возможности личнаго бесѣдованія съ Богомъ. Но разсматривая дѣй-

ствія Кира и другихъ, ему подобныхъ завоевателей и основателей царствъ, прихожу къ заключенію, что и ихъ образъ дѣйствій совершенно такой же, какъ и Моисея, хотя никто изъ нихъ не получалъ непосредственныхъ наставленій отъ Великаго Учителя Моисея.

Изучая жизнь и дѣйствія этихъ лицъ, усматриваю что счастіе не дало имъ ничего кромѣ случая, доставившаго въ руки ихъ матерьялъ, которому они могли дать формы, какія имъ заблагоразсудилось; безъ такого случая доблести ихъ могли угаснуть, не имѣя приложенія; безъ ихъ личныхъ достоинствъ случай, давшій имъ въ руки власть — не былъ бы плодотворнымъ и могъ пройти безслѣдно. Необходимо было, чтобы Моисей нашелъ народъ Израилевъ въ Египтѣ томящимся въ рабствѣ и угнетеніи, чтобы желаніе выйти изъ такого невыносимаго положенія побудило слѣдовать за нимъ. Для того, чтобы Ромулъ сдѣлался основателемъ и царемъ Рима, было необходимо, чтобы онъ при самомъ своемъ рожденіи былъ всѣми покинутъ и удаленъ изъ Альбы. Киру было необходимо застать Персовъ недовольными Мидійскимъ господствомъ, а Мидійцевъ ослабленными и изнѣженными отъ продолжительнаго мира. Тезею не удалось бы выказать во всемъ блескѣ своихъ доблестей, если бы онъ не засталъ Аѳинянъ ослабленными и разрозненными. Дѣйствительно, начало славы всѣхъ этихъ великихъ людей было порождено случаемъ, но каждый изъ нихъ, только силой своихъ дарованій съумѣлъ придать великое значеніе этимъ случаямъ и воспользоваться ими, для славы и счастія ввѣренныхъ имъ народовъ.

Правители, которые, подобно упомянутымъ мною лицамъ, обладаютъ высокими дарованіями, если и овладѣваютъ съ трудомъ государствами, за то безъ затрудненій поддерживаютъ въ нихъ свою власть.

Въ этомъ отношеніи затрудненія ихъ всего чаще происходятъ отъ новыхъ учрежденій, новыхъ государственныхъ формъ, которыя они бываютъ принуждены вводить, чтобы основать свое правленіе и обезопасить его; а надобно сказать, что нѣтъ предпріятія болѣе труднаго для исполненія, болѣе ненадежнаго относительно

успѣха и требующаго большихъ предосторожностей при его веденіи — чѣмъ введеніе новыхъ учрежденій. Нововводитель при этомъ встрѣчаетъ враговъ во всѣхъ тѣхъ, кому жилось хорошо при прежнихъ порядкахъ, и пріобрѣтаетъ только весьма робкихъ сторонниковъ въ тѣхъ, чье положеніе должно при этихъ нововведеніяхъ улучшиться; робость эта происходитъ отчасти оттого, что лица, которымъ введеніе новыхъ учрежденій обѣщаетъ улучшеніе положенія, боятся навлечь на себя этимъ злобу своихъ противниковъ, сильныхъ при существующемъ порядкѣ, отчасти отъ общей всѣмъ людямъ недовѣрчивости ко всему новому, не признанному обычаемъ, не провѣренному опытомъ. Отъ этого происходитъ, что если враждебная сторона получитъ возможность напасть на нововводителей, то дѣлаетъ это со всѣмъ ожесточеніемъ къ какому приводитъ ее духъ партіи, тогда какъ противники ихъ защищаются вяло и неохотно, считая эту борьбу опасной для себя. Для того, чтобы съ полною основательностью разсмотрѣть этотъ вопросъ, слѣдуетъ различать достаточно ли сильны сами по себѣ нововводители, т. е. дѣйствуютъ ли они самостоятельно или подъ чуждымъ вліяніемъ, и поэтому могутъ ли они для достиженія своихъ цѣлей повелѣвать, или бываютъ вынуждены прибѣгать для этого къ просьбамъ и увѣщаніямъ?

Въ томъ случаѣ, когда они не самостоятельны и вынуждены прибѣгать къ просьбамъ, они обыкновенно терпятъ неудачу и не достигаютъ никакихъ благопріятныхъ для себя результатовъ; но когда они самобытны и имѣютъ возможность дѣйствовать открытой силой — то успѣхъ почти всегда на ихъ сторонѣ. Поэтому то вооруженные проповѣдники почти всегда торжествуютъ, а безоружные обыкновенно погибаютъ; такъ какъ, кромѣ всего мною сказаннаго, не должно упускать изъ виду, что народы вообще, по самой природѣ своей—крайне непостоянны, и если порою и легко бываетъ убѣдить ихъ въ чемъ либо, то удержать ихъ въ этомъ убѣжденіи все таки чрезвычайно трудно. Поэтому дѣло должно вести такимъ образомъ, чтобы тотчасъ вслѣдъ за ослабленіемъ въ нихъ убѣжденія, можно было силой принудить ихъ убѣдиться. Ни Моисей, ни Киръ, ни Тезей, ни Ромулъ не были бы въ состоя-

ніи долго поддерживать все, учрежденное ими, еслибы не прибѣгали въ случаѣ надобности къ оружію. На нашихъ глазахъ, въ наше время погибъ знаменитый Джироламо Савонаролла, потерявшій довѣріе увлеченнаго имъ народа, такъ какъ не располагалъ достаточными средствами, какъ для того, чтобы утвердить довѣріе къ своей проповѣди въ тѣхъ, кто уже начиналъ ему вѣрить, такъ и для того, чтобы заставить убѣдиться тѣхъ, кто не поддавался его убѣжденіямъ.

Повторяю, что всѣ великіе люди, подобные мною названнымъ осуждены на борьбу съ разнообразными затрудненіями; ихъ путь исполненъ опасностями, которыя они должны преодолѣть, и только тогда, когда они съумѣютъ совладать со всѣми препятствіями, когда почтеніе къ нимъ прочно укореняется, когда всѣ ихъ противники уничтожены,—они становятся и могущественны, и спокойны, и уважаемы, и счастливы.

Къ этимъ великимъ примѣрамъ я хотѣлъ бы присоединить не столько яркіе, но одинаковые съ ними по своей сущности, и полагаю, что для этого довольно будетъ указать хотя на однаго Гіерона Сиракузскаго. Онъ сдѣлался государемъ своей родины изъ простаго гражданина, будучи обязанъ счастью только однимъ случаемъ.

Угнетенные врагами Сиракузцы избрали его въ полководцы и, только вслѣдствіе его заслугъ на этомъ поприщѣ, онъ удостоился быть облеченнымъ верховною властью, но будучи еще простымъ гражданиномъ онъ проявлялъ столько достоинствъ, что всѣ древніе писатели, упоминавшіе о немъ, говорили, что ему не доставало только государства, чтобы представлять собою образцоваго Государя. Онъ устранилъ старую военную систему и ввелъ новую, нарушилъ прежніе союзы и заключилъ новые и, создавъ такимъ образомъ и войско и союзниковъ, вполнѣ ему преданныхъ, на такомъ прочномъ фундаментѣ могъ уже воздвигать зданіе, сообразное со своими стремленіями, такъ что хотя достигнуть власти ему было и не легко, но сохранить ее за собою—не представляло уже никакихъ трудностей.

ГЛАВА VII.

О новыхъ монархіяхъ, пріобрѣтаемыхъ съ чужой помощью и вслѣдствіе счастія.

Всѣ тѣ, которые изъ частныхъ лицъ дѣлаются Государями вслѣдствіе благопріятной имъ судьбы, если и достигаютъ власти безъ особеннаго труда, за то испытываютъ немалыя трудности, для удержанія ее за собою.

Такими Государями бываютъ или тѣ, которымъ какое-либо государство отдается за извѣстную сумму денегъ, или по доброй волѣ того, кто имъ просто уступаетъ государство. Такъ Дарій жаловалъ въ Греціи многіе города, находившіеся въ Іоніи и по берегамъ Геллеспонта, своимъ приближеннымъ, чтобы они управляли ими для его славы и безопасности; точно также, многіе узурпаторы, подкупая войско, получали черезъ него верховную власть. Существованіе подобныхъ Правителей находится въ вѣчной зависимости отъ лицъ, избравшихъ ихъ, и измѣнчивыхъ и невѣрныхъ обстоятельствъ. По бóльшей части они бываютъ не въ силахъ и не умѣютъ поддерживаться на высотѣ выпавшаго на ихъ долю значенія. Не въ силахъ,—потому что у нихъ не достаетъ ни значительныхъ войскъ, ни вѣрныхъ союзниковъ, не умѣютъ,—потому что для человѣка съ обыкновенными способностями, жившаго частною жизнью, весьма трудно пріобрѣсти тѣ многоразличныя качества, къ которымъ обязываетъ Правителя верховная власть. Кромѣ того быстро и внезапно возникающія государства, какъ и все скороспѣлое въ порядкѣ вещей, не имѣютъ той необходимой прочности и опоры, которыя достигаются только медленнымъ и глубокимъ ростомъ корней, въ чемъ и заключается ручательство, что первая же буря не опрокинетъ ихъ безъ слѣда, если только эти правители не обладаютъ тою опытностью, чтобы тотчасъ же, вслѣдъ затѣмъ какъ счастіе дастъ въ руки имъ власть, съумѣть приготовить себя къ ея сохраненію. Обыкновенно же они только въ послѣдствіи уже хватаются за то, что должны бы были предвидѣть еще прежде полу-

ченія власти. Приведу для обоихъ случаевъ,—когда частныя лица становятся Правителями, благодаря своимъ достоинствамъ или одному счастію, въ примѣръ происходившее на нашей памяти,— Франческо Сфорцу и Цезаря Борджіа.

Франческо Сфорца—честными средствами и единственно вслѣдствіе своего мужества и умѣнья—сдѣлался Миланскимъ герцогомъ, и то что пріобрѣлъ съ громаднымъ трудомъ, сохранялъ за собою довольно легко.

Напротивъ того, Цезарь Борджіа, называемый обыкновенно герцогомъ Валентино, получилъ власть благодаря счастію своего отца и потерялъ ее тотчасъ же, какъ только послѣднее перестало его поддерживать, не смотря на то, что не пренебрегалъ ничѣмъ, что можетъ сдѣлать благоразумный и честный человѣкъ, чтобы утвердить свое могущество въ странѣ, доставшейся ему при помощи чужаго оружія и счастія. Дѣйствительно, какъ я уже говорилъ, нельзя считать невозможнымъ, чтобы очень искусный человѣкъ не сталъ тотчасъ же по достиженіи власти утверждать основы ея, которыя должны бы были существовать еще до полученія имъ управленія государствомъ, но это трудъ всегда весьма тяжелый для архитектора и не безопасный для зданія. Разсматривая дѣйствія герцога, всякій можетъ убѣдиться, что онъ потратилъ не мало труда, для доставленія прочныхъ основъ своей власти въ будущемъ. Я считаю не безполезнымъ остановиться на подробномъ ихъ разсмотрѣніи, такъ какъ полагаю, что для всякаго новаго Правителя они могутъ быть образцомъ, и если его учрежденія не увѣнчались успѣхомъ, то это произошло не отъ его вины или оплошности, но только вслѣдствіе стеченія необыкновенныхъ, крайне неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ. Александръ VI, желая возвеличить герцогство своего сына, видѣлъ что ему придется бороться со множествомъ затрудненій въ настоящемъ и въ будущемъ. Прежде всего онъ видѣлъ, что не можетъ сдѣлать его обладателемъ никакого государства, кромѣ того, которое было подвластно церкви, а противъ его захвата предвидѣлъ противодѣйствіе Миланскаго герцога и Венеціянцевъ, такъ какъ въ то время Фаэнца и Римини пользовались уже покровительствомъ Венеціи. Видѣлъ онъ также, что всѣ силы Италіи и преимущественно тѣ, которыми онъ могъ бы воспользоваться, находились въ рукахъ тѣхъ, кто имѣлъ болѣе всѣхъ основаній опасаться увеличенія могущества папъ; надѣяться на нихъ онъ не могъ, такъ какъ всѣ они были въ зависимости отъ семействъ Орсини и Колонна и ихъ приверженцевъ. Для него было, слѣдовательно, необходимо разрушить весь существовавшій въ Италіи порядокъ, перессорить между собою всѣ италіанскія государства, чтобы во время неурядицъ съумѣть привлечь нѣкоторыя изъ нихъ на свою сторону. Ему это было не трудно, такъ какъ Венеціянцы въ то же время, побуждаемые другими основаніями, уже задумывали призвать французовъ въ Италію; онъ не только не сталъ этому препятствовать, но даже помогъ, дозволивъ Людовику XII расторженіе его прежняго брака. Правитель этотъ, слѣдовательно, вошелъ въ Италію съ согласія Венеціянцевъ и папы и, едва онъ занялъ Миланъ, въ распоряженіи Александра VI очутилось могущественное войско для занятія Романьи; благодаря страху, который нагнало на всѣхъ это французское войско, Романья не сопротивлялась и страна само собою очистилась для него. Завладѣвъ такимъ образомъ этой провинціей, герцогъ Валентино, для осуществленія прочности своего господства и дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ, встрѣтилъ двѣ слѣдующія трудности: одна происходила оттого, что онъ не могъ полагаться на войска, другую представляло могущество французскаго короля, т. е. онъ столько же опасался, чтобы войска Орсини, которые ему служили, не отказались бы въ трудныя минуты помогать ему, не только отнявъ этимъ у него возможность дальнѣйшихъ завоеваній, но даже поставивъ въ необходимость потерять уже пріобрѣтенное, сколько и завоевательныхъ замысловъ французскаго короля. Орсиніевскія войска уже показали передъ тѣмъ на дѣлѣ, на сколько можно расчитывать на ихъ преданность, такъ какъ, послѣ взятія Фаэнцы, во время Болонской экспедиціи, онъ видѣлъ, что они дѣйствовали вяло и неохотно. Образъ же мыслей французскаго короля нѣсколько выяснился передъ нимъ тѣмъ, что когда, завладѣвъ герцогствомъ Урбино, онъ располагалъ идти на Тоскану, — французскій король воспрепятствовалъ осуществленію этаго предпріятія.

Вслѣдствіе такихъ соображеній, герцогъ рѣшился дѣйствовать независимо и освободиться, какъ отъ помощи чужихъ войскъ, такъ и отъ чуждаго вліянія. Въ этихъ видахъ онъ сталъ прежде всего стремиться къ ослабленію въ Римѣ партій Орсини и Колонны, дѣйствуя преимущественно на тѣхъ изъ ихъ сторонниковъ, которые были значительнѣе по благородству своего происхожденія. Онъ осыпалъ ихъ почестями, назначалъ имъ значительное содержаніе, облекалъ ихъ значительною властью, назначалъ высокія мѣста— такъ что въ самое короткое время переманилъ ихъ всѣхъ на свою сторону и заставилъ угаснуть духъ партій.

Ослабивъ, такимъ образомъ, сначала партію Колонны, онъ выждалъ случая сдѣлать тоже самое со сторонниками Орсини, а когда этотъ случай представился, онъ блистательно имъ воспользовался. Въ самомъ дѣлѣ, когда наконецъ представители этой послѣдней партіи стали нѣсколько поздно догадываться, что усиленіе его могущества и могущества церкви — послужитъ для нихъ погибелью, они учредили между собой въ Маджіонѣ, въ Перузѣ нѣчто въ родѣ совѣщательнаго сейма; на этомъ сеймѣ было рѣшено какъ возстаніе въ Урбино, такъ и смуты въ Романьи и всѣ различныя трудности, надъ которыми однако герцогу удалось восторжествовать при помощи французовъ. Возстановивъ свою репутацію и недовѣряясь болѣе ни Франціи, ни другой какой-либо чуждой державѣ, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, и съумѣлъ такъ искусно притворяться, что при посредствѣ Синьора Паволо, въ которомъ онъ былъ увѣренъ, такъ какъ осыпалъ его деньгами и подарками (богатыя одежды, лошади и т. д.) ему удалось даже помириться съ Орсиніевской партіей и она по своей простотѣ отдалась въ его руки при Синигаліи.

Ослабивъ этихъ знаменитыхъ предводителей и привязавъ къ себѣ ихъ сторонниковъ, онъ тѣмъ прочнѣе усилилъ свою власть, что въ тоже время благоразумными и кроткими мѣрами заставилъ жителей пріобрѣтенныхъ имъ Романьи и Урбинскаго герцогства думать, что для нихъ наступила пора благополучной жизни — и этимъ заслужилъ ихъ привязанность. Такъ какъ и въ этомъ дѣйствія его можно считать образцовыми, то я не считаю безполезнымъ привести нѣкоторыя подробности о мѣрахъ, принятыхъ имъ для этого.

Романья досталась герцогу послѣ ряда Правителей слабыхъ и неспособныхъ, скорѣе разорявшихъ страну, нежели управлявшихъ ею, скорѣе разъединявшихъ своихъ подданныхъ, нежели способствовавшихъ имъ образовать собой сильное единство; такъ что въ ней происходили безпрестанныя грабежи, убійства и всякія неурядицы. Герцогу сдѣлалось ясно, что для водворенія въ ней порядка и повиновенія его власти, слѣдовало озаботиться о хорошемъ управленіи ею. Для этого онъ назначилъ туда мессира Римиро д'Орко, человѣка жестокаго и энергическаго, и далъ ему самыя широкія права. Этотъ д'Орко на самомъ дѣлѣ въ самое короткое время привелъ все въ порядокъ и водворилъ всюду спокойствіе, чѣмъ и пріобрѣлъ себѣ весьма быстро репутацію. Тогда герцогъ, видя, что въ насильственныхъ мѣрахъ не настоитъ болѣе надобности и боясь, чтобы дальнѣйшее господство д'Орко не сдѣлало его ненавистнымъ народу, учредилъ въ центральномъ пунктѣ провинціи судебный трибуналъ, въ которомъ каждый городъ имѣлъ своего представителя, а главой его выбралъ лицо, пользовавшееся общимъ уваженіемъ за свои превосходныя качества. Онъ пошелъ даже дальше: сознавая что крутыя мѣры д'Орко должны были неизбѣжно поселить въ нѣкоторыхъ жителяхъ чувство ненависти и недовольства и желая уничтожить самыя основанія къ такому недовольству, онъ счелъ необходимымъ показать видъ, что будто бы всѣ минувшія жестокости происходили не отъ него, а отъ личной кровожадности бывшаго министра. Для этого, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ казнилъ д'Орко, и приказалъ выставить на площади въ Чезенѣ у плахи тѣло его, разсѣченное пополамъ, и положить подлѣ окровавленный ножъ. Это возмутительное зрѣлище, какъ удовлетворило чувство ненависти въ народѣ, такъ и поселило чувство страха и уваженія къ герцогу. Но вернемся къ тому, на чемъ мы остановились.

Преобразовавъ свои военныя силы, уменьшивъ значеніе военныхъ силъ сосѣднихъ государствъ, могшихъ быть для него опасными, герцогъ увидѣлъ, что онъ сталъ весьма могущественнымъ,

почти совершенно обезпеченнымъ отъ опасностей въ настоящемъ, и могъ уже думать о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ. Но для осуществленія своихъ завоевательныхъ замысловъ онъ видѣлъ одно препятствіе—Францію, такъ какъ онъ понималъ, что французскій король, понявшій поздно, что онъ ошибся въ герцогѣ, — не потерпѣлъ бы дальнѣйшаго увеличенія его могущества. Поэтому онъ сталъ искать новыхъ союзовъ, а въ отношеніи Франціи принялъ двусмысленный образъ дѣйствій, въ то время когда французскія войска двинулись противъ испанцевъ, осадившихъ Гаэту; онъ мечталъ даже, что удастся ему поставить Францію въ совершенную невозможность ему вредить,—чего вѣроятно скоро бы и достигъ, еслибы папа Александръ прожилъ долѣе.

Такимъ образомъ боролся онъ съ тѣми препятствіями, которыя представляло ему настоящее. Въ отношеніи будущаго ему грозила прежде всего опасность, чтобы преемникъ папы не сталъ къ нему во враждебное отношеніе и не вздумалъ бы отнять отъ него то, что было доставлено ему его отцомъ—папой Александромъ VI. Предотвратить такую побѣду онъ задумалъ слѣдующими четырьмя способами: во первыхъ, онъ счелъ нужнымъ искоренить все потомство тѣхъ изъ синьоровъ, которыхъ онъ ослабилъ, чтобы отнять у новаго папы возможность вредить ему при содѣйствіи этихъ лицъ. Во вторыхъ, онъ расчиталъ необходимость пріобрѣсти расположеніе представителей древнѣйшихъ родовъ въ Римѣ, чтобы при ихъ пособіи держать новаго папу какъ бы въ уздѣ. Въ третьихъ, онъ задумалъ сблизиться, какъ только можно, съ членами священной коллегіи. Въ четвертыхъ, онъ понималъ, что ему еще до наступленія смерти папы Александра, необходимо такъ поднять свои силы, чтобы, въ случаѣ надобности, онъ безъ чужой помощи могъ выдержать первое нападеніе. Въ минуту смерти папы Александра, три первые способа дѣйствія были уже успѣшно имъ приложены къ дѣлу, и онъ считалъ уже, что почти осуществилъ и то, что требовалось четвертымъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему удалось уничтожить почти все потомство раззоренныхъ имъ синьоровъ—и мало кому изъ нихъ удалось отъ него спастись. Представителей древнихъ родовъ въ Римѣ ему удалось увлечь на свою сторону,

и въ самой священной коллегіи—онъ располагалъ уже значительной партіей въ свою пользу. Что же касается до усиленія его могущества, то онъ уже предполагалъ въ то время овладѣть Тосканой: это ему казалось легко достижимымъ, такъ какъ онъ уже владѣлъ Перузой и Піомбино и держалъ подъ своимъ покровительствомъ Пизу. Послѣднюю онъ могъ даже захватить, не принимая въ соображеніе, какъ отнесется къ этому Франція, такъ какъ въ это время ему не было необходимости ее опасаться. Французы были уже тогда выгнаны изъ Неаполитанскаго королевства Испанцами, и какъ тѣ, такъ и другіе, были настолько истощены войною, что сами должны были искать дружбы герцога. Вслѣдъ за покореніемъ Пизы ему подчинились бы и Лукка и Сіенна, частію изъ страха, частію изъ зависти къ Флорентійцамъ, которые этимъ были бы поставлены въ незавидное положеніе. Если бы вся эта программа была имъ осуществлена (а достигнуть такого осуществленія онъ могъ разсчитывать къ концу того самаго года, въ началѣ котораго умеръ папа Александръ), то онъ достигъ бы вершины такого могущества и славы, что самъ собою, одинъ, независимо отъ игры случая или чужой помощи, могъ бы быть и сильнымъ, и самостоятельнымъ, благодаря только личному своему могуществу и доблести. Но папа Александръ умеръ, когда еще не прошло и пяти лѣтъ съ того дня, какъ герцогъ обнажилъ свой мечь, и изъ всѣхъ его завоеваній одна только Романья была хорошо устроена, — во всѣхъ другихъ областяхъ власть его была еще мало упрочена, ему приходилось колебаться въ выборѣ между двумя враждующими арміями и вдобавокъ еще быть больнымъ при смерти.

Однако онъ отличался такой рѣшимостью и энергической храбростью; онъ такъ тонко понималъ искусство управлять людьми и истреблять ихъ; основы, положенныя имъ для упроченія своей власти, были настолько крѣпки, что не будь вблизи этихъ двухъ армій и будь онъ здоровъ, онъ восторжествовалъ бы надъ всѣми трудностями. Доказательствомъ того, что основы его власти отличались дѣйствительной прочностью, можетъ служить какъ то, что Романья болѣе мѣсяца ждала его выздоровленія, прежде чѣмъ рѣшиться

дѣйствовать противъ него, такъ и то, что полу-мертвый онъ находился въ Римѣ въ полнѣйшей безопасности и ни сторонники Бальони, ни сторонники Вителли и Орсини, отовсюду собравшіеся въ этотъ городъ, не могли составить противъ него партіи. Онъ могъ бы, еслибы былъ только здоровъ, если не утвердить папу по своему выбору, то по крайней мѣрѣ воспрепятствовать избранію такого, котораго онъ не хотѣлъ бы; если бы онъ только былъ здоровъ въ минуту смерти папы — ему было бы легко достигнуть всего. Такимъ образомъ, по поводу назначенія папы Юлія II-го, онъ говорилъ мнѣ, что заранѣе предвидѣлъ всѣ обстоятельства, какія могли возникнуть со смертію его отца, и что имѣлъ средства со всѣмъ справиться, но что никогда и не воображалъ, чтобы въ эти критическія минуты ему пришлось бороться не съ политическими соперниками, а съ болѣзнію и смертью.

Соображая всѣ дѣйствія герцога, я нахожу, что въ нихъ не только нѣтъ ничего, достойнаго порицанія, но что на него,—какъ я и сдѣлалъ, – можно смотрѣть какъ на достойный подражанія образецъ Правителя, достигшаго власти при помощи счастья и чужихъ войскъ. Обладая значительною храбростью и высокимъ честолюбіемъ, онъ не могъ дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствовалъ, и въ достиженіи своихъ цѣлей только и могъ быть остановленъ совпаденіемъ двухъ роковыхъ для себя случайностей: недолговѣчностью отца своего—папы и гибельною своею болѣзнью. Всякій Правитель, которому придется учреждать новую монархію и который пойметъ, что ему необходимо обеспечить себя отъ враговъ, пріобрѣсти союзниковъ, побѣдить хитростью или открытой силой, заставить подданныхъ любить себя и покоряться себѣ, привязать къ себѣ солдатъ и заставить ихъ быть усердными исполнителями своей воли, уничтожить всѣхъ, кто можетъ ему вредить, замѣнить старыя учрежденія новыми, выказаться въ одно и тоже время строгимъ и милостивымъ, великодушнымъ и либеральнымъ, образовать новыя войска и уничтожить старыя, съумѣть такъ поставить себя въ отношеніи къ другимъ Государямъ, чтобы каждый изъ нихъ считалъ пріятнымъ для себя дѣлать ему услуги и опасался поступать въ

отношеніи къ нему несправедливо,—каждый такой Правитель долженъ взять себѣ примѣромъ герцога Валентино. Болѣе свѣжаго примѣра разумныхъ дѣйствій этого рода—я не съумѣю найдти. Единственной его ошибкой было согласіе на избраніе папы Юлія II-го, такъ какъ я уже говорилъ, что если онъ и не могъ назначить папы по своему произволу, то имѣлъ полную возможность воспрепятствовать избранію того, котораго не хотѣлъ бы. Онъ не долженъ былъ ни въ какомъ случаѣ давать своего согласія на назначеніе папой кого бы то ни было, изъ оскорбленныхъ имъ кардиналовъ, такъ какъ, возведенные въ санъ первосвященника, эти кардиналы все-таки имѣли бы основаніе его опасаться, а страхъ и ненависть — главнѣйшіе двигатели, обращающіе людей въ нашихъ враговъ.

Кардиналы, оскорбленные герцогомъ, были Петръ (San Pietro ad Vincula), Коллона, Георгій (San Giorgio) и Асканіо Сфорца. Всѣ остальные имѣли основанія его бояться, за исключеніемъ кардинала Амбуазскаго (Roano) и испанскихъ; послѣдніе составляли между собой какъ бы отдѣльную корпорацію, значительно усиливавшую каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, кардиналъ же Амбуазскій былъ силенъ своими связями съ Франціей. Слѣдовательно герцогу, должно было поддерживать преимущественно кандидатуру кого либо изъ кардиналовъ испанскихъ или наконецъ даже скорѣе согласиться на избраніе кардинала Амбуазскаго, чѣмъ на избраніе Петра. Страшное заблужденіе думать, что люди, облеченные верховною властью, принимая новыя добровольныя услуги, въ состояніи забыть старые счеты. Согласясь, слѣдовательно, на избраніе папы Юлія II-го, герцогъ Валентино сдѣлалъ роковую ошибку, приведшую его къ окончательной погибели.

ГЛАВА VIII.

О правителяхъ, достигающихъ верховной власти безчестными средствами.

Такъ какъ частные люди могутъ достигать верховной власти (что не всегда можно приписать ихъ счастію или личнымъ достоин-

стоинствамъ) еще другими двумя способами, то я не считаю возможнымъ обойти и эти способы молчаніемъ. Объ одномъ изъ нихъ слѣдовало бы даже говорить съ особенною подробностью, еслибы дѣло шло о республикахъ, а не о монархіяхъ.

Одинъ изъ этихъ способовъ, когда верховная власть достигается безчестнымъ захватомъ или подлогомъ, другой—когда она вручается избраннику, какъ выраженіе расположенія къ нему его согражданъ.

Для указанія, какъ достигается власть первымъ способомъ, я удовольствуюсь двумя примѣрами: однимъ изъ древней, другимъ изъ новой исторіи. Входить въ разсмотрѣніе значенія этого способа съ точки зрѣнія справедливости и нравственности — я не стану, такъ какъ полагаю, что для того, кто захочетъ прибѣгнуть къ такому способу, достаточно будетъ указаній, какія онъ найдетъ въ примѣрахъ, которые я привожу. Агаѳоклъ Сицилійскій сдѣлался Государемъ Сиракузъ, будучи не только простымъ гражданиномъ, но выйдя изъ самаго низшаго и отверженнаго сословія. Сынъ простаго горшечника, онъ былъ извѣстенъ за человѣка отчаяннаго, способнаго на всякія продѣлки, но всѣ эти продѣлки выказывали въ немъ столько силы физической и силы ума, что, избравъ военное поприще, онъ скоро достигъ званія претора Сиракузъ. Дойдя до этого званія, онъ задумалъ сдѣлаться Правителемъ и даже захватить верховную власть, но, чтобы не быть никому обязаннымъ, рѣшился взять ее силою, хотя могъ получить эту власть съ согласія своихъ согражданъ. Для этого онъ вошелъ въ соглашеніе съ Карѳагенскимъ военачальникомъ Амилькаромъ, войска котораго находились въ это время въ Сициліи. Въ одно утро созвавъ сиракузскій народъ и сенатъ, подъ предлогомъ обсужденія важныхъ для республики дѣлъ, онъ приказалъ своимъ солдатамъ, броситься на сенаторовъ и богатыхъ гражданъ и перебить ихъ. Когда всѣ эти лица были перерѣзаны, — онъ безъ всякаго труда захватилъ господство надъ страной и сохранилъ его за собою. Хотя послѣ этого Карѳагеняне два раза его разбили, а въ послѣдній разъ даже осадили Сиракузы, онъ нетолько съумѣлъ отстоять городъ, но, раздѣливъ свои

войска на двѣ части и оставивъ одну гарнизономъ въ Сиракузахъ, съ другою отправился въ Африку, такъ что въ самое короткое время заставилъ Карѳагенянъ снять осаду и привелъ ихъ въ крайнюю необходимость войти съ нимъ въ сношенія и, за спокойное обладаніе Африкой, оставить его Правителемъ Сиракузъ. Разсматривая дѣйствія и характеръ Агаѳокла, всякій легко убѣдится, что онъ весьма немногимъ былъ обязанъ счастію, если оно даже и играло тутъ какую нибудь роль. Какъ сказано выше, своимъ успѣхомъ онъ обязанъ тому, что, проходя со всевозможными трудностями всѣ степени военнаго званія, съумѣлъ пріобрѣсть себѣ расположеніе войскъ, съ помощью которыхъ не только съумѣлъ захватить верховную власть, но и выполнить самыя сложныя и опасныя предпріятія. Его готовность убивать согражданъ и измѣнять друзьямъ, отсутствіе въ немъ всякой вѣры, милосердія и религіи, разумѣется, нельзя признать въ немъ проявленіями доблести; при помощи ихъ онъ могъ бы только захватить власть, но никогда не достигнулъ бы славы. Разсматривая же находчивость Агаѳокла въ борьбѣ съ опасностями и способность ихъ побѣждать, величіе духа, съ какимъ онъ умѣлъ выносить бѣдствія и торжествовать надъ ними,—нѣтъ никакой причины не признать его однимъ изъ величайшихъ Правителей. Но его жестокость и необузданное безчеловѣчіе, вмѣстѣ со множествомъ низостей, къ которымъ онъ прибѣгалъ,—никогда не позволятъ причислить его къ великимъ людямъ. Нельзя, слѣдовательно, приписывать его успѣхъ ни счастью, ни его личной доблести, такъ какъ этимъ успѣхомъ онъ имъ не обязанъ.

Въ наши дни, во время правленія Александра VI, Оливеротто да Фермо представляетъ другой подобный примѣръ. Оставшись сиротой въ дѣтскихъ лѣтахъ, онъ былъ принятъ на воспитаніе своимъ дядей со стороны матери, Джіованни Фоліани, и отданъ имъ въ военную службу подъ начальство Паоло Вителли, для того, чтобы, ознакомившись со всѣми трудностями военной карьеры, онъ впослѣдствіи могъ достигнуть какого нибудь виднаго поста. Когда Паоло умеръ, Оливеротто продолжалъ службу подъ начальствомъ его брата Вителлоццо и въ самое короткое время, благодаря

своимъ прекраснымъ качествамъ, — тѣлесной ловкости и замѣчательной храбрости, — сдѣлался однимъ изъ первыхъ людей въ войскѣ. Тогда ему показалось невыносимымъ быть въ подчиненіи и онъ замыслилъ съ помощью нѣкоторыхъ гражданъ Фермо, которые предпочитали свободѣ рабство своей страны, и, расчитывая на расположеніе къ себѣ войска, захватить верховную власть надъ Фермо. Для этаго онъ написалъ къ Джіованни Фоліани, что, будучи такъ давно внѣ своего отечества, онъ хотѣлъ бы вернуться, какъ для того, чтобы увидѣть свой родной городъ и Вителлоццо, такъ и для того, чтобы привести въ ясность свое наслѣдство. При этомъ онъ писалъ, что такъ какъ, для достиженія своего настоящаго положенія, онъ перенесъ много трудностей, то и хотѣлъ бы, чтобы сограждане видѣли, что онъ не потерялъ времени напрасно, для чего и считалъ не лишнимъ, получить позволеніе вернуться съ почетной стражей изъ ста человѣкъ его друзей и подчиненныхъ,—верхами. Онъ просилъ дядю распорядиться, чтобы граждане встрѣтили съ почетомъ его возвращеніе, намекая, что почетъ будетъ относиться не къ нему только, но еще болѣе къ Фоліани, такъ какъ послѣдній былъ его воспитателемъ. Джіованни счелъ, что его племянникъ вполнѣ заслужилъ почетной встрѣчи, распорядился объ ней и пригласилъ его жить къ себѣ. Оливеротто, поселясь у дяди и посвятивъ нѣсколько дней на устройство всего того, что считалъ нужнымъ для успѣха своей будущей предательской попытки, задалъ блистательный пиръ, — на который пригласилъ какъ Фоліани, такъ и всѣхъ значительныхъ гражданъ Фермо. За обѣдомъ, по окончаніи угощенія изысканными яствами, какъ это водилось съ такими почетными гостями, Оливеротто съ большимъ искуствомъ навелъ рѣчь на высокіе предметы; онъ сталъ прославлять величіе папы Александра и его сына Цезаря, разсуждая очень много обо всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Джіованни и другіе стали нѣсколько возражать противъ нѣкоторыхъ его положеній, тогда онъ, поспѣшно замѣтивъ, что о такихъ вещахъ слѣдуетъ говорить въ мѣстахъ болѣе секретныхъ, пригласилъ Джіованни и прочихъ гражданъ перейти съ нимъ въ другую комнату. Когда всѣ они въ нее перешли и хотѣли садится, то изъ потайныхъ мѣстъ этой комнаты вышли спрятанные до того времени солдаты и убили Джіовани и всѣхъ другихъ. Тотчасъ послѣ убійства, не теряя времени, Оливеротто сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ зданію, занимаемому высшимъ магистратомъ, и осадилъ его, такъ что всѣ изъ страха вынуждены были повиноваться ему и тотчасъ же образовали правительство, главою котораго онъ и былъ немедленно утвержденъ. Умертвивъ всѣхъ, кто могъ быть для него опасенъ своимъ недовольствомъ или властью, онъ тотчасъ же, для упроченія своего господства, принялся за новыя гражданскія учрежденія; такъ что, въ теченіи одного года продолженія своей власти, онъ не только съумѣлъ сдѣлать для себя безопаснымъ пребываніе въ Фермо, но сдѣлался грознымъ для всѣхъ своихъ сосѣдей. Его было бы также трудно побѣдить, какъ и Агаѳокла, если бы онъ не попался въ сѣти Цезаря Борджіа, который, какъ я уже разсказалъ выше, истреблялъ въ Синигаліи партіи Орсини и Вителли. Ровно черезъ годъ послѣ сдѣланныхъ имъ убійствъ, Оливеротто былъ задушенъ вмѣстѣ съ Вителлоццо, учителемъ своимъ въ козняхъ и низостяхъ.

Многимъ можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ Агаѳоклъ и ему подобные, послѣ безчисленныхъ предательствъ и жестокостей, могутъ долгое время не только безопасно жить въ своемъ отечествѣ, но и защищаться отъ враговъ и достигать того, что ихъ сограждане никогда противъ нихъ не конспирируютъ, между тѣмъ какъ другіе Правители не умѣютъ при помощи жестокости сохранять миръ въ своемъ государствѣ, не только въ сомнительную пору войны, но и въ мирное время. Я полагаю что это зависитъ отъ того, что и самая жестокость можетъ быть хорошо или дурно направлена. Хорошо направленными жестокостями (если говоря объ нихъ можно употребить слово: хорошо) я назову такія, къ какимъ прибѣгаютъ въ случаѣ необходимости для укрѣпленія своей власти; однажды укрѣпивъ послѣднюю, Правители на нихъ не настаиваютъ, но замѣняютъ ихъ мѣрами возможно полезными для подданныхъ. Дурно же направленная жестокость—та, которая не будучи особенно ощутительна сначала, съ теченіемъ времени

не только не уменьшается, но даже увеличивается. Правители, прибѣгающіе къ жестокостямъ перваго рода, съ помощью Бога и людей могутъ иногда находить въ нихъ средство для блага своей страны: такъ было съ Агаѳокломъ. Лица, поступающія иначе, никогда не удерживаются. Отсюда слѣдуетъ, что при неправомъ захватѣ власти всякій узурпаторъ долженъ рѣшиться произвести всѣ необходимыя для него жестокости за одинъ разъ, чтобы не быть въ необходимости возвращаться къ нимъ безпрестанно и обезпечить за собой власть, не прибѣгая къ нимъ постоянно, а привязавъ къ себѣ подданныхъ своими благодѣяніями. Поступающій иначе или изъ боязни, или изъ неумѣнія и дурно направленной воли, будетъ вынужденъ постоянно проливать кровь и никогда не будетъ господствовать надъ подданными, такъ какъ они при безпрестанныхъ и новыхъ несправедливостяхъ не получатъ къ нему довѣрія. Всѣ необходимыя жестокости должны быть произведены заразъ, для того чтобы они были перенесены съ меньшимъ раздраженіемъ: благодѣянія же должно дѣлать мало по малу для того, чтобы подданные имѣли больше времени для ихъ благодарной оцѣнки.

Главнѣе всего Государи должны дѣйствовать въ отношеніи своихъ подданныхъ съ постоянствомъ, чтобы подданные не могли думать, что они измѣняютъ свой образъ дѣйствій, соображаясь съ благопріятными или дурными обстоятельствами. Иначе, вынужденный необходимостью на какую-нибудь злую или благую мѣру, Правитель или потеряетъ удобное время для приведенія къ осуществленію своей жестокости, или благая мѣра не принесетъ ему лично никакого добра, такъ какъ ее будутъ объяснять, только какъ вынужденную необходимостью, и никто изъ подданныхъ не сочтетъ себя обязаннымъ за нее благодарностью.

ГЛАВА IX.

О гражданской власти.

Разсмотримъ теперь случай, когда частный человѣкъ достигаетъ верховной власти не безчестнымъ захватомъ или не при помощи жестокаго насилія, но становится Правителемъ страны, съ согласія своихъ согражданъ. Такую власть я назову властью гражданской; для достиженія ее обыкновенно бываетъ необходимо не столько счастье, или личная доблесть сколько успѣшно употребленная хитрость.

Замѣчу, что достигнуть такой власти можно или при помощи народа, или при пособіи расположенія важнѣйшихъ гражданъ; — обыкновенно въ каждомъ государствѣ существуютъ два разнообразныя направленія: народъ стремится къ тому, чтобы не быть тѣснимымъ знатными гражданами и уменьшить ихъ власть, аристократія же стремится захватить ее какъ можно крѣпче и усилить угнетеніе народа; результатомъ двухъ этихъ различныхъ стремленій обыкновенно бываетъ то, что въ государствѣ преобладаетъ или верховная власть, или свобода, или анархія. При этомъ верховная власть можетъ быть вручена Государю или народомъ, или аристократіей, смотря по тому, которая изъ этихъ партій воспользуется случаемъ для ея водворенія. Когда аристократы замѣчаютъ, что они не въ состояніи противодѣйствовать народу, то обыкновенно начинаютъ усиливать репутацію котораго-нибудь одного изъ своей среды, для того чтобы, избравъ его Государемъ, продолжать, подъ его прикрытіемъ, удовлетворять своимъ страстямъ. Народъ же обыкновенно избираетъ одного и облекаетъ его властью для того, чтобы онъ составлялъ его защиту противъ аристократіи, противодѣйствіе которой народъ сознаетъ себѣ не подъ силу. Лица, достигнувшія власти при помощи аристократіи, удерживаютъ ее за собою съ большимъ трудомъ, нежели получившія ее изъ рукъ народа; обыкновенно они бываютъ вынуждены дѣйствовать въ средѣ людей, изъ которыхъ многіе считаютъ себя съ ними равными, такъ что они не могутъ ни владычествовать, ни распоряжаться такъ, какъ бы имъ хотѣлось. Тотъ же, кто получаетъ власть изъ рукъ народа, обыкновенно прямо дѣлается самостоятельнымъ; онъ ни съ кѣмъ не раздѣляетъ власти и не встрѣчаетъ кругомъ себя никого или почти никого, кто не былъ бы привыченъ къ повиновенію. Кромѣ того удовлетворить аристократовъ такъ, чтобы не сдѣлать несправедливости и не возвеличить однихъ насчетъ другихъ, бываетъ очень трудно; совершенно не то съ народомъ: цѣль его гораздо достижимѣе, такъ какъ онъ мечтаетъ обыкновенно не объ угнетеніи—

къ чему стремится аристократія,—но только желаетъ не быть угнетеннымъ. Замѣтимъ еще, что для Правителя несравненно труднѣе утвердиться, если къ нему враждебенъ народъ, чѣмъ тогда, когда противъ него только аристократы: народъ многочисленъ, аристократовъ же не много; за то самое худшее, чего можетъ Государь ждать отъ народа, состоитъ въ томъ, что онъ отъ него отложится, между тѣмъ какъ враги аристократы не только могутъ оставить его, но и начать дѣйствовать противъ него, такъ какъ, обладая бо́льшею противъ народа степенью знанія и ловкости, они всегда съумѣютъ приготовить себѣ средства къ спасенію и выиграть расположеніе той партіи, которая по ихъ соображенію останется побѣдителемъ. Кромѣ того народъ, съ которымъ вынужденъ ладить Правитель, всегда одинъ и тотъ же. Его нельзя ни измѣнить, ни замѣнить по произволу, между тѣмъ какъ аристократію онъ можетъ каждый день уничтожать и учреждать, усиливая ея значеніе или, если захочетъ, совершенно его уничтожая. О послѣднемъ я считаю нужнымъ подробнѣе распространиться.

Считаю нужнымъ сказать, что образъ дѣйствій Правителя по отношенію къ аристократамъ долженъ главнѣйше различаться, смотря потому, связываютъ ли они совершенно свои интересы съ интересами Государя, или дѣйствуютъ иначе.

Тѣхъ аристократовъ, которые связываютъ свои интересы съ интересами Государя и не грабительствуютъ, должно любить и осыпать почестями; дѣйствующихъ же иначе, тоже должно различать смотря потому, что служитъ для нихъ исходною точкою ихъ образа дѣйствій. Дѣйствуютъ ли они такъ по малодушію или по ограниченности,—тогда можно пользоваться ихъ услугами и тѣми изъ совѣтовъ, которые не лишены здраваго смысла; такъ какъ, при успѣхѣ Правителя, они же первые будутъ его прославлять, а при неудачѣ—ихъ не стоитъ опасаться; когда же ихъ образъ дѣйствій зависитъ отъ честолюбія и дѣйствуютъ они та́къ съ умысломъ, и такъ какъ это служитъ для Правителя доказательствомъ, что они свои личные интересы предпочитаютъ его интересамъ, то ихъ надобно опасаться и дѣйствовать противъ нихъ, какъ противъ открытыхъ враговъ, ибо они всегда въ минуту опасности помогаютъ гибели Государя.

Напротивъ того Государь, получившій власть изъ рукъ народа, долженъ стараться удержать за собой его расположеніе; достигнуть этого Государю не особенно трудно, такъ какъ народъ стремится только къ тому, чтобы не быть угнетаемымъ. Точно также, достигнувъ власти съ помощью аристократіи, какъ бы противъ желанія народа, Правитель прежде всего долженъ стараться расположить народъ въ свою пользу; это не трудно, — для этого нужно только принять его подъ свое покровительство. Тогда народъ становится еще болѣе преданнымъ и покорнымъ, чѣмъ даже тогда, когда самъ вручилъ Государю власть, ибо люди обыкновенно гораздо болѣе цѣнятъ блага, получаемыя ими отъ тѣхъ, отъ кого они ожидаютъ одно зло, и считаютъ себя въ отношеніи ихъ болѣе обязанными. Подданство свое народъ считаетъ въ этихъ случаяхъ даже болѣе добровольнымъ, нежели тогда, когда Правитель избранъ имъ самимъ. Способовъ, какими могутъ располагать при этомъ Правители, чрезвычайно впрочемъ много, и такъ какъ тутъ можетъ быть много разныхъ случайностей и трудно дать на всѣ случаи положительныя правила, то я и не стану объ этомъ распространяться, а заключу только, что Государямъ важнѣе всего обладать привязанностью народа, иначе въ гибельныя для нихъ минуты, у нихъ не найдется никакой прочной опоры.

Набидъ, одинъ изъ спартанскихъ Государей, выдержалъ осаду войскъ всей Греціи, которымъ сверхъ того еще помогала побѣдоносная римская армія, и защитилъ отъ нихъ и власть свою и отечество; для этого въ минуту опасности ему было достаточно убѣдиться въ преданности къ себѣ немногихъ, чего онъ не могъ бы достигнуть, если бы народъ былъ къ нему враждебенъ. Еслибы кто нибудь сталъ опровергать мое мнѣніе, приводя въ доказательства противнаго избитую пословицу: «расчитывающій на народъ, строитъ на грязи», — онъ былъ бы не правъ. Смыслъ этой пословицы справедливъ—если частный человѣкъ станетъ расчитывать на народную привязанность и станетъ думать, что народъ вступится за него въ случаѣ его преслѣдованій врагами его или правительствомъ. Такой расчетъ часто оказывался ошибочнымъ, что и случилось съ Гракхами въ Римѣ и съ мессеромъ

Джорджіо Скали во Флоренціи. Когда же къ защитѣ народа прибѣгаетъ Государь, имѣющій право имъ властвовать, если онъ человѣкъ съ сильнымъ духомъ, не падающій въ несчастіяхъ, и если кромѣ того онъ приметъ всѣ другія необходимыя мѣры и съумѣетъ своею энергіею и бодростью поддержать духъ народа, — онъ увидитъ, что не ошибся въ немъ и что, положившись на народъ, онъ строилъ на прочномъ основаніи. Обыкновенно Государямъ этого рода приходится бороться съ опасностями тогда, когда они пожелаютъ сдѣлать свою власть абсолютною; при этомъ могутъ быть два различія, смотря по тому управляютъ ли они народомъ безраздѣльно, или при посредствѣ магистратовъ. Въ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно значительно слабѣе и находятся въ бо̀льшей опасности, такъ какъ въ этомъ случаѣ они зависятъ отъ воли тѣхъ гражданъ, которымъ поручена магистратура и которые, особливо въ дурныхъ обстоятельствахъ, могутъ легко отнять отъ нихъ власть или возстановляя противъ нихъ народъ, или просто неслушаясь ихъ. Напрасно подобный Правитель задумалъ бы захватить въ свои руки абсолютную власть, — граждане и подданные, привыкнувъ управляться распоряженіями магистратовъ, не захотятъ въ критическія минуты повиноваться ему одному и онъ встрѣтитъ во кругъ себя недостатокъ въ такихъ лицахъ, которымъ могъ бы довѣриться. Въ самомъ дѣлѣ, подобный Правитель никогда не долженъ расчитывать, что въ трудныя для него минуты онъ встрѣтитъ вокругъ себя тоже самое, что онъ видитъ въ обыкновенное время,—когда его подданные нуждаются въ его управленіи. Въ такое время всѣ окружающіе стараются заслужить его благоволеніе, суетятся вокругъ него и на словахъ бываютъ рады положить за него свою жизнь, такъ какъ въ смерти ихъ не представляется необходимости; но въ трудныя для себя минуты, когда необходимо содѣйствіи согражданъ, онъ встрѣчаетъ очень мало лицъ, готовыхъ ему помочь. Подобный опытъ тѣмъ болѣе гибеленъ для Государя, что его нельзя испытать два раза. Слѣдовательно, заботою мудраго Правителя этого рода должно быть введеніе и поддержаніе такого образа правленія, при которомъ его подданные во всякое

время и при всякихъ обстоятельствахъ нуждались бы въ немъ; только въ такомъ случаѣ можетъ онъ разсчитывать во всякое время встрѣтить въ нихъ вѣрность къ себѣ.

ГЛАВА X.

Какимъ образомъ въ государствахъ всякаго рода можно опредѣлять степень своей силы.

Разсматривая различные роды государствъ, я долженъ замѣтить, что для Правителя всегда бываетъ чрезвычайно важно знать, можетъ ли его государство въ случаѣ необходимости защищаться собственными своими средствами или должно быть вынуждено прибѣгать для своей защиты къ чужой помощи. Чтобы мысль моя была ясна, я долженъ сказать, что считаю способными защищаться своими средствами только такихъ Государей, которые располагаютъ достаточнымъ числомъ людей и суммами денегъ, чтобы во всякое время выставить значительную армію, могущую выдержать битву съ врагами. Государствами же слабыми и нуждающимися въ чужой защитѣ, я считаю такія, войско которыхъ такъ незначительно, что не въ состояніи выдержать открытаго сраженія, а можетъ только служить гарнизономъ во время осады врагами крѣпостей, принадлежащихъ государствамъ. Я уже говорилъ о государствахъ перваго рода и впослѣдствіи еще возвращусь къ разсмотрѣнію случайностей, которыя съ ними могутъ происходить.

Во второмъ случаѣ, слабымъ Государямъ я могу только посовѣтовать какъ можно усерднѣе укрѣплять тѣ города, въ которыхъ находятся ихъ резиденціи, и не заботиться объ остальной странѣ. Если Правитель съумѣетъ хорошо укрѣпить свою столицу и хорошимъ управленіемъ, при помощи средствъ, о которыхъ я уже говорилъ и буду еще говорить, привяжетъ къ себѣ подданныхъ, то обыкновенно не охотно рѣшаются на осаду его столицы. Это происходитъ отъ того, что люди вообще не особенно охотно рѣшаются на предпріятія, успѣхъ которыхъ

труденъ, осаждать же хорошо укрѣпленную столицу такого Государя, который любимъ своими подданными,—дѣло не легкое.

Германскія государства пользуются весьма широкой свободой, хотя территоріи ихъ весьма необширны; жители не страдаютъ отъ особеннаго гнета своихъ Правителей и не боятся ни ихъ, ни Правителей сосѣднихъ городовъ. Каждый городъ такъ хорошо укрѣпленъ, что осаждать его весьма затруднительно; всѣ они окружены крѣпкими стѣнами и широкими рвами, снабжены въ достаточномъ количествѣ артиллерійскими орудіями и снарядами, а общественные магазины въ нихъ наполнены провіантомъ и топливомъ въ такомъ количествѣ, что его хватитъ на годъ для всѣхъ жителей. Кромѣ того у нихъ заготовлены значительные запасы матерьяловъ, могущихъ дать на цѣлый годъ работу нуждающимся классамъ населенія, безъ общественнаго отягощенія. Народъ въ нихъ будетъ слѣдовательно и во время осадъ спокоенъ, предаваясь именно тѣмъ занятіямъ, которыя составляютъ жизнь и нервъ мѣстной его дѣятельности. Кромѣ того военное званіе въ этихъ городахъ пользуется почетомъ и въ войскахъ учрежденъ образцовый порядокъ. Итакъ Правитель, столица котораго хорошо укрѣплена и который не ненавидимъ народомъ, не долженъ бояться бѣдствій осады; обыкновенно противъ такихъ укрѣпленныхъ мѣстъ осадъ не предпринимаютъ, въ случаѣ же начатой осады, она къ стыду осаждающихъ весьма скоро снимается, такъ какъ, при измѣнчивости дѣлъ въ этомъ мірѣ, почти невозможно, чтобы врагъ оставался съ своими войсками лагеремъ цѣлый годъ въ одной и той же мѣстности.

Мнѣ возразятъ, что жители страны, живущіе за городскими стѣнами, не могутъ сохранять спокойствіе при видѣ того, какъ ихъ собственность будетъ сожигаема непріятелемъ; что скука осаднаго времени и личная безопасность заставитъ ихъ мало заботиться объ интересахъ своего Государя. На это я отвѣчу, что храбрый и могущественный Правитель всегда съумѣетъ восторжествовать надъ этими трудностями: онъ можетъ обнадеживать подданныхъ тѣмъ, что невзгода долго не продолжится, возбуждать въ нихъ боязнь жестокостей врага и наконецъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ

въ отношеніи тѣхъ, кого онъ найдетъ слишкомъ дерзкими и недовольными.

Кромѣ того непріятель обыкновенно жжетъ и грабитъ страну въ первое время своего вторженія, т. е. въ то именно время, когда умы жителей особенно возбуждены противъ него и всѣ расположены къ защитѣ. При такомъ настроеніи умовъ, для Государей обязательно хладнокровіе; такъ какъ впослѣдствіи, когда первая вспышка энтузіазма народа утихнетъ, ему придется поддерживать въ немъ этотъ духъ. Тогда жители поймутъ, что бѣда уже совершилась, зло уже ими перенесено и противъ него нѣтъ болѣе лекарства; они увидятъ, что связь ихъ съ Государемъ какъ бы укрѣпилась, такъ какъ они почтутъ его какъ бы обязаннымъ вознаградить ихъ за то, что ихъ дома сожжены и поля истоптаны для его защиты. Такимъ образомъ, сообразивъ все мною сказанное, легко понять, что мудрому Государю, осажденному въ столицѣ, весьма нетрудно внушать бодрость ея жителямъ и поддерживать ихъ въ этомъ расположеніи до тѣхъ поръ, пока средства продовольствія и защиты не истощатся.

ГЛАВА XI.

О государствахъ, управляемыхъ духовною властью.

Мнѣ остается теперь разсмотрѣть государства, управляемыя духовной властью. Вся трудность въ отношеніи ихъ состоитъ впрочемъ только въ ихъ пріобрѣтеніи, для чего нужно или счастливое стеченіе обстоятельствъ, или личное достоинство духовнаго лица, пріобрѣтающаго ихъ. При дальнѣйшемъ ихъ управленіи не требуется ни того, ни другого, такъ какъ власть поддерживается обыкновенно укоренившимися религіозными обычаями, чрезвычайно могущественными въ человѣческихъ обществахъ, и уваженіемъ къ сану Правителей, независимо отъ того, какъ бы они ни дѣйствовали и какого бы рода жизнь ни вели.

Только такого рода Правители обладаютъ государствами, не обязываясь ихъ защищать, и имѣютъ подданныхъ, о которыхъ ничуть

не заботятся. Государствъ этихъ, хотя и не защищенныхъ, никто у нихъ не оспариваетъ, и ихъ подданные, хотя о хорошемъ управленіи ими никто не заботится, не желаютъ, да и не могутъ отлагаться отъ нихъ. Только такіе Правители счастливы и безопасны. Такъ какъ подобное явленіе зависитъ отъ высшихъ причинъ, до которыхъ человѣческій умъ не можетъ возвыситься, то я и не буду совершенно объ этомъ говорить. Власть ихъ обыкновенно проистекаетъ отъ Бога и поддерживается Божіею милостію, такъ что и разсуждать о ней человѣку грѣшно и дерзко. Тѣмъ неменѣе, если меня спросятъ, какимъ образомъ свѣтская власть церкви могла достигнуть настоящаго своего могущества, я долженъ буду, несмотря на то, что все это хорошо извѣстно, освѣжить нѣсколько причины этого въ памяти моихъ читателей. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ до Александра VI всѣ итальянскіе Государи, имѣвшіе хотя какую нибудь власть въ Италіи, и нетолько самостоятельные Правители, но даже мелкіе бароны и синьоры нисколько не обращали вниманія на свѣтскую власть папы,—теперь значеніе ее поднялось до того, что она заставила трепетать самого французскаго короля и обусловила какъ его изгнаніе изъ Италіи, такъ и погибель Венеціянцевъ.

Прежде нежели французскій король Карлъ VIII проникъ въ Италію, ею обладали: папа, Венеціянцы, Неаполитанскій король, Миланскій герцогъ и Флорентійцы. Главнымъ дѣломъ всѣхъ этихъ властителей были двѣ важнѣйшія заботы: во первыхъ, препятствовать вторженію всякаго чужеземца въ Италію, и во вторыхъ, не допускать увеличенія одного изъ этихъ государствъ на счетъ другихъ. Въ послѣднемъ смыслѣ слѣдовало обращать особенное вниманіе на папу и Венеціянцевъ. Для удержанія ихъ въ настоящихъ границахъ было достаточно соглашенія между собою всѣхъ остальныхъ государствъ, какъ было при защитѣ Феррары; для противодѣйствія же папѣ, надо было дѣйствовать на римскихъ аристократовъ; послѣднихъ было двѣ фракціи: Орсинисты и послѣдователи Колонны, постоянно враждовавшія между собою и сѣявшія въ Римѣ раздоры, такъ что, будучи всегда вооружены въ виду самого папы, они обусловливали постоянную непрочность и слабость его власти.

Хотя въ средѣ папъ иногда и появлялись отважныя и рѣшительныя личности въ родѣ Сикста IV, но никому изъ нихъ не доставало ни счастья, ни умѣнья освободиться отъ этихъ неудобствъ. Краткость сроковъ господства папъ служила для этого препятствіемъ; среднимъ числомъ каждый изъ нихъ владычествовалъ не болѣе десяти лѣтъ, а такого промежутка было едва достаточно для усмиренія которой нибудь одной изъ партій, раздѣлявшихъ Римъ. Такимъ образомъ, если кто либо изъ папъ достигалъ уничтоженія власти партіи Колонны, его намѣстникъ, будучи врагомъ Орсини, снова ее возстановлялъ, но и ему въ свою очередь не хватало времени для уничтоженія Орсиніевской партіи. Отъ этого происходило то, что свѣтская власть папы не пользовалась никакимъ значеніемъ въ Италіи.

Наконецъ на папскій престолъ взошелъ Александръ VI, съумѣвшій лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ воспользоваться всѣмъ, чѣмъ только могли располагать папы для увеличенія своей власти при помощи сокровищъ и войскъ церкви. Онъ воспользовался вторженіемъ въ Италію Французовъ и нашелъ исполнителя своихъ плановъ въ герцогѣ Валентино, устроивъ все то, о чемъ я уже говорилъ подробно, разбирая дѣйствія послѣдняго. При этомъ онъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ въ виду увеличенія власти церкви, но только усиленіе власти герцога, тѣмъ не менѣе всѣ его предпріятія принесли пользу церкви, которая и наслѣдовала, послѣ его смерти и гибели герцога, плоды его трудовъ.

Потомъ на папскій престолъ взошелъ папа Юлій; онъ засталъ церковь уже весьма могущественною: Романья принадлежала ей, главы римскихъ партій были уничтожены, самыя партіи строгими мѣрами папы Александра приведены въ невозможность составлять заговоры; кромѣ того онъ нашелъ источники доходовъ, къ которымъ до папы Александра никто не прибѣгалъ. Папа Юлій рѣшился идти по дорогѣ своего предшественника и даже дальше его; для этого онъ предположилъ завоевать Болонью, уничтожить Венеціянцевъ и выгнать Французовъ изъ Италіи. Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ онъ имѣлъ успѣхъ и покрылъ себя тѣмъ большею

славою, что дѣйствовалъ во всемъ этомъ только для увеличенія власти церкви, а не въ видахъ личнаго своего интереса.

Кромѣ того, онъ съумѣлъ удержать партіи Колонны и Орсини въ тѣхъ границахъ, въ какія привелъ эти партіи папа Александръ, и хотя между ними встрѣчались еще личности, могшія сдѣлаться предводителями возстаній, но ничего подобнаго не происходило, такъ какъ съ одной стороны ихъ удерживало могущество церкви, а съ другой — потому что въ средѣ ихъ не было кардиналовъ, обыкновенно бывающихъ первыми зачинщиками и производителями раздоровъ и междоусобій; до тѣхъ поръ пока эти партіи имѣли своихъ кардиналовъ, они не могли быть спокойными, такъ какъ кардиналы создавали новыя партіи въ Римѣ и другихъ мѣстахъ, а бароны обязывались ихъ поддерживать; такимъ образомъ изъ за честолюбія духовныхъ рождались раздоры и безпорядки между военачальниками.

Такимъ образомъ произошло то, что Левъ X засталъ при своемъ избраніи папскую власть чрезвычайно могущественною, и должно надѣяться, что, если его предшественники съумѣли ее вознести на такую степень силы съ помощью оружія, онъ сможетъ увеличить ея значеніе и доставить ей общее уваженіе, благодаря своему милосердію и безчисленнымъ другимъ своимъ добродѣтелямъ.

ГЛАВА XII.

Сколькихъ родовъ бываютъ войска и о наемныхъ войскахъ.

Я подробно разсмотрѣлъ всѣ особенности, свойственныя различнымъ родамъ монархій,—говорить о чемъ поставилъ себѣ задачею, — и при этомъ разобралъ нѣкоторыя случайности, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе или неустройство государства; я показалъ различные способы, которые употребляли многіе завоеватели для пріобрѣтенія и сохраненія за собой верховной власти; теперь мнѣ остается разсмотрѣть вообще способы нападеній и защиты государствъ.

Я уже говорилъ выше, на сколько необходимо Государямъ утверждать свою власть на прочныхъ основахъ, такъ какъ иначе они по закону необходимости лишаются ее. Главнѣйшими основами устройства государствъ всякаго рода служатъ хорошіе законы и хорошо организованныя войска, а такъ какъ безъ хорошо организованнаго войска въ государствахъ не могутъ поддерживаться и хорошіе законы, и гдѣ хорошо организовано войско, тамъ существуютъ обыкновенно и хорошіе законы, то я не стану ничего говорить о законахъ и остановлюсь только на разсмотрѣніи устройства войскъ.

Войска, которыми располагаютъ Правители для защиты своихъ государствъ, бываютъ обыкновенно или собственныя, или наемныя и вспомогательныя, или могутъ состоять изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Я нахожу, что нанятыя и вспомогательныя войска не только безполезны для Государей, но прямо и положительно для нихъ вредны. Правитель, поддерживающій свою власть при помощи наемныхъ войскъ, не можетъ никогда считать себя ни сильнымъ, ни безопаснымъ. Въ подобныхъ войскахъ обыкновенно господствуютъ раздоры, борьба честолюбій, и не бываетъ никакой возможности ввести дисциплину; наемные солдаты не способны къ вѣрности, они храбры на словахъ и трусливы въ битвахъ, въ нихъ нѣтъ ни богобоязни, ни честности въ отношеніи къ людямъ. Обыкновенно Правитель въ военное время встрѣчаетъ въ нихъ гибель вмѣсто помощи, а въ мирное время они предаются такому же грабежу, къ какому прибѣгаетъ непріятель только въ военное время.

Причины всего этого заключаются въ томъ, что наемныя войска служатъ не изъ расположенія къ Государямъ и не изъ другихъ какихъ-нибудь поводовъ, а изъ за ничтожной платы, которая въ добавокъ не можетъ быть на столько значительна, чтобы побудить ихъ съ охотою умирать за своего нанимателя. Въ мирное время обыкновенно они служатъ довольно охотно, но за то, при наступленіи войны, разбѣгаются и дезертируютъ. Въ этомъ мнѣ не трудно будетъ всѣхъ убѣдить. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что современныя бѣдствія Италіи произошли отъ того,

что ея Государи въ теченіи долгаго времени имѣли наемныя войска; нѣкоторые изъ Правителей имѣли даже кое-какой успѣхъ, пока этимъ войскамъ приходилось воевать между собою, но едва показывался чужеземецъ, они выказывались въ своемъ настоящемъ свѣтѣ. Отсюда понятно, что французскому королю (Карлу) было легко завоевать Италію съ однимъ кускомъ мѣла въ рукахъ *); и кто говорилъ, что виною нашей гибели были наши грѣхи, говорилъ правду, но грѣхи эти были не тѣ, о которыхъ думали говорившіе, а тѣ, о которыхъ я разсказалъ. Такъ какъ это были грѣхи Государей, то и они также понесли за нихъ наказаніе. Я хочу однако же показать подробнѣе неудобство, происходящее отъ наемныхъ войскъ. Военачальники могутъ быть людьми превосходными, также какъ могутъ ими и не быть. Въ первомъ случаѣ Государи не могутъ на нихъ полагаться, такъ какъ они бываютъ обыкновенно слишкомъ надменны своею славою и часто идутъ даже противъ самаго Государя, нанимающаго ихъ, или противъ другихъ лицъ, помимо его воли; во второмъ случаѣ недостатокъ въ нихъ доблести служитъ въ ущербъ и къ погибели Государя, нанимающаго ихъ.

Тѣмъ, кто мнѣ скажетъ, что дѣйствія военачальника съ оружіемъ въ рукахъ, не могутъ зависѣть отъ того, служитъ ли онъ по найму, я отвѣчу, что, такъ какъ войну начинаетъ или Государь, или республика, то или самъ Государь долженъ принимать личное командованіе войсками, или республика должна высылать лучшихъ своихъ гражданъ, такъ чтобы, если выбранный ею военачальникъ окажется неспособнымъ, можно было бы его смѣнить, а ежели способнымъ, — то удерживать его власть въ законныхъ границахъ.

Опытъ всѣхъ вѣковъ показалъ также, что только тѣ Государи и республики могутъ имѣть успѣхъ на войнѣ, которые дѣйствуютъ собственными войсками, и что при существованіи наемныхъ войскъ, никогда такой успѣхъ не достигается. Точно также республика, вооруженная собственными средствами, гораздо труднѣе

*) Т. е. введя въ нее и расположивъ по квартирамъ огромное войско. Мѣломъ означались дома для постоя войска.

подчиняется захвату власти кѣмъ-либо изъ своихъ гражданъ, нежели республика съ наемными войсками. Римъ и Спарта, вооруженные своими войсками, были свободны въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій; Швейцарцы, имѣющіе хорошее войско, пользуются значительной свободой.

Въ доказательство того, какъ мало можно полагаться на наемныя войска, можно привести изъ древней исторіи примѣръ Карѳагенянъ: по окончаніи первой ихъ войны съ Римомъ, они чуть было сами не были покорены тѣми войсками, которыя они нанимали, несмотря на то, что командованіе ими поручено было гражданамъ Карѳагена; Ѳиванцы, послѣ смерти Эпаминонда, сдѣлали начальникомъ своихъ войскъ Филиппа македонскаго и послѣдній воспользовался первой же побѣдой, чтобы отнять отъ нихъ свободу.

Въ новѣйшее время Миланцы, по смерти своего герцога (Филиппа Висконти), во время войны съ Венеціянцами, наняли Франческо Сфорца и онъ, доставивъ имъ побѣду надъ врагами при Караваджіо, самъ потомъ соединился съ Венеціянцами и поднялъ оружіе уже противъ Миланцевъ, своихъ нанимателей. Отецъ этого самаго Сфорцы, состоя по найму на службѣ у королевы Джіованны неаполитанской, оставилъ ее безъ всякой военной силы, такъ что она, для того чтобы не потерять королевства, вынуждена была принять условія насильственнаго союза съ королемъ Арагонскимъ. Если же Флорентійцамъ и Венеціянцамъ удавалось увеличивать свои государства и если военачальники, нанимаемые ими, нетолько не обращали своего оружія противъ нихъ, но защищали и способствовали увеличенію ихъ территоріи, то я объясняю это тѣмъ, что Флорентійцы въ этомъ случаѣ были покровительствуемы судьбою; такъ какъ нѣкоторые изъ храбрыхъ предводителей, которыхъ они могли опасаться,—не могли достигнуть побѣды, другіе встрѣчали для этого разныя препятствія, а у нѣкоторыхъ честолюбіе было направлено въ другую сторону.

Примѣромъ первыхъ можетъ служить Джіованни Акуто, вѣрность котораго нельзя было оцѣнить, такъ какъ онъ не достигъ побѣды, но всякій легко пойметъ, что еслибы эта побѣда ему удалась, то Флорентійцы были бы совершенно въ его рукахъ.

Сфорца постоянно враждовалъ съ партіею Браччіо и эта взаимная вражда не давала никому изъ нихъ думать о возможности какихъ-либо завоеваній: кромѣ того Франческо Сфорца имѣлъ честолюбивые замыслы на Ломбардію, а Браччіо — на Церковныя Владѣнія и королевство Неаполитанское.

Но посмотримъ на то, что происходило недавно. Флорентійцы наняли себѣ военачальникомъ Паоло Вителли, человѣка съ большими способностями, съумѣвшаго изъ простаго гражданина возвыситься до почетнаго значенія. Если бы ему удалось овладѣть Пизой, то Флорентійцамъ конечно пришлось бы быть у него въ зависимости, такъ какъ, если бы онъ нанялся у ихъ враговъ, — имъ не къ кому было бы прибѣгнуть, еслиже они продолжали бы его нанимать для себя,—имъ пришлось бы подчиняться его волѣ.

Что касается до Венеціянцевъ, то, разсматривая ихъ военные успѣхи, легко убѣдиться, что слава и счастье сопутствовали ихъ оружію на войнѣ, до тѣхъ поръ, пока они вели ее съ помощью своихъ войскъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока они не задумали сдѣлать нападеніе на твердую землю; до тѣхъ поръ они побѣждали, благодаря доблести своихъ гражданъ и представителей благороднаго сословія, но едва только они перенесли оружіе на твердую землю, вся прежняя доблесть исчезла и они начали дѣйствовать какъ и всѣ остальныя итальянскія государства.

Сначала, когда они только что начали свои завоеванія, когда территорія ихъ была невелика, а слава значительна, имъ не было основаній особенно опасаться наемныхъ военачальниковъ, но впослѣдствіи, когда государство ихъ увеличилось,—и имъ пришлось испытать это неудобство. Случилось это съ Карминьолой: они знали, что этотъ военачальникъ способенъ и храбръ; убѣдиться въ этомъ они могли послѣ его побѣды надъ Миланскимъ герцогомъ, но они видѣли въ тоже самое время, что онъ началъ дѣйствовать вяло и неохотно.

Они поняли, что съ нимъ не будутъ въ состояніи побѣждать, но, чтобы не потерять своихъ прежнихъ завоеваній, они не могли и не желали съ нимъ развязаться и, чтобы освободится отъ него, они были вынуждены убить его.

Впослѣдствіи войсками ихъ начальствовали такіе люди, какъ Бартоломео Бергамскій, Роберто да Санъ-Северино, графъ ди-Питильяно и имъ подобные; съ ними приходилось думать больше о потеряхъ, нежели о побѣдахъ, подобно тому, какъ случилось при Вайлѣ, гдѣ Венеціянцы въ одинъ день потеряли плоды восьмисотълѣтняго труда. Съ подобными войсками успѣхъ бываетъ поздній, слабый и медленный, потери же наступаютъ быстро и бываютъ чрезвычайными.

Такъ какъ я дошелъ уже до этихъ примѣровъ въ Италіи, гдѣ издавна укоренился обычай прибѣгать къ наемнымъ войскамъ, то поговорю объ немъ подробнѣе, чтобы, разсмотрѣвъ значеніе этихъ войскъ и вѣроятность успѣха, какого съ ними можно ожидать, также какъ и самое происхожденіе привычки прибѣгать къ ихъ помощи, легче было бы найти лекарство противъ такого обычая.

Я обращу, слѣдовательно, вниманіе на то, что съ тѣхъ поръ, какъ императорская власть стала изгоняться изъ Италіи, а папа возвысилъ свою свѣтскую власть, число государствъ значительно увеличилось въ Италіи; въ самомъ дѣлѣ, многіе большіе города подняли оружіе противъ потентатовъ, угнетавшихъ ихъ подъ покровительствомъ императорской власти, и сдѣлались независимыми, вспомоществуемые въ этомъ церковью, стремившеюся усилить то значеніе, до котораго она достигла; во многихъ другихъ—ихъ граждане захватили верховную власть. Отъ этого произошло то, что бо́льшая часть Италіи очутилась въ зависимости и отчасти даже подъ господствомъ церкви или одной изъ республикъ, а такъ какъ ни духовныя лица, ни мирные до того времени граждане не были сильны въ военномъ искусствѣ, то и пришлось приглашать по найму иностранныя войска.

Первое лицо, съумѣвшее создать репутацію миллиціи этого рода, былъ Альберико (da Conio) изъ Романьи. Подъ его командой образовались Браччіо и Сфорца, продолжительное время бывшіе военачальниками въ Италіи. Послѣ нихъ явились и всѣ другіе наемные вожди, управлявшіе итальянскими войсками.

Единственная услуга, которую они оказали злополучной Италіи, состояла въ томъ, что Карлъ VIII легко ее занялъ, Людовикъ XII опустошилъ, Фердинандъ — подчинилъ своему господству, а Швейцарцы могли ее безнаказанно оскорблять. Способъ, къ которому они прибѣгли для упроченія своей репутаціи, состоялъ въ томъ, что они всячески старались унизить значеніе пѣхоты. Дѣйствовали они такъ потому, что, не имѣя земель и существуя однимъ только военнымъ промысломъ, они не могли содержать значительное число пѣхотинцевъ, а малочисленность ихъ не могла доставить имъ того почета, котораго они добивались. Поэтому имъ пришлось ограничиться кавалеріей, такъ какъ небольшое число хорошо вооруженныхъ всадниковъ составляло войско, могшее возбудить къ себѣ уваженіе и доставить имъ хорошую плату. Такимъ образомъ обстоятельства сами собой сложились такъ, что впослѣдствіи всѣ войска состояли изъ кавалеріи и на двадцать тысячъ конницы едва приходилось двѣ тысячи пѣхотинцевъ.

Сверхъ того, они употребляли всевозможные способы, чтобы охранить себя и своихъ солдатъ отъ всякихъ трудностей и опасностей. Въ битвахъ, которыя вели подобныя войска между собой, они старались избѣгать убійствъ и довольствовались тѣмъ, что брали солдатъ враждебной стороны въ плѣнъ, возвращая ихъ однако безъ всякаго выкупа. Когда они производили осады, то въ ночное время обыкновенно прекращали всякія дѣйствія, а осажденные въ свою очередь не пользовались ночною темнотою ни для какихъ вылазокъ; лагерей своихъ они не окружали ни рвами, ни траншеями и, наконецъ, въ зимнее время не производили никакихъ военныхъ дѣйствій. Все это допускалось въ ихъ военномъ устройствѣ и было ими придумано для того, чтобы избѣгать, какъ можно удобнѣе, всякихъ трудностей и опасностей, но этимъ самымъ устройствомъ они и привели Италію въ состояніе рабства и униженія.

ГЛАВА XIII.

О войскахъ вспомогательныхъ, собственныхъ и смѣшанныхъ.

Вспомогательныя войска представляютъ другой видъ безполезнаго войска: обыкновенно войска эти принадлежатъ какому-нибудь могущественному и сильному государству, къ помощи и защитѣ котораго обращается какая-нибудь страна въ критическія для себя минуты. Такъ въ недавнее время папа Юлій II, убѣдившійся своею неудачею въ Феррарской экспедиціи въ несостоятельности наемныхъ войскъ, прибѣгнулъ къ вспомогательнымъ, для чего обратился къ Фердинанду, королю испанскому, прося у него войскъ себѣ на помощь. Этотъ родъ войскъ можетъ быть самъ по себѣ и хорошъ, но онъ всегда бываетъ въ тягость тѣмъ, кто къ нему прибѣгаетъ, такъ какъ если подобныя войска разбиты, то и лицо, прибѣгающее къ ихъ помощи обезсилено, а если они выходятъ побѣдителями, то какъ бы подчиняютъ своему господству того Государя, которому помогали. И подобными примѣрами также полна древняя исторія, но я останавлюсь на примѣрѣ папы Юлія, какъ на примѣрѣ еще очень свѣжемъ. Мысль, для овладѣнія Феррарой, отдаться въ чужія руки, я смѣло назову, чрезвычайно необдуманной, и если папа не испыталъ отъ нее всѣхъ гибельныхъ для себя послѣдствій, то этимъ онъ обязанъ только своей счастливой звѣздѣ, обусловившей особенно благопріятное для него стеченіе обстоятельствъ, такъ какъ вспомогательныя его войска были разбиты при Равеннѣ и на полѣ дѣйствія тотчасъ же явились Швейцарцы, которые, противъ всякаго ожиданія, прогнали побѣдителей. Такимъ образомъ онъ избѣгнулъ подчиненія, какъ своимъ врагамъ, которые ударились въ бѣгство, такъ и вспомогательнымъ войскамъ, такъ-какъ своей побѣдой онъ былъ обязанъ не имъ, а постороннему вмѣшательству.

Флорентійцы, когда ихъ войско было разбито, наняли десять тысячъ Французовъ и отправили въ Пизу, которой хотѣли завладѣть, и такимъ необдуманнымъ дѣйствіемъ подвергли себя опасностямъ, какихъ прежде никогда не испытывали.

Константинопольскій императоръ въ минуту необходимости пригласилъ въ Грецію десять тысячь турецкихъ солдатъ, и это войско по окончаніи войны уже не захотѣло выходить изъ Греціи: необдуманная мѣра императора положила первое основаніе дальнѣйшему подчиненію Грековъ игу невѣрныхъ.

Такимъ образомъ, только тотъ Государь, который захочетъ отнять у себя всякую возможность побѣждать, можетъ приглашать вспомогательныя войска. И дѣйствительно, они для него еще опаснѣе, нежели наемныя. Гибель отъ нихъ тѣмъ неизбѣжнѣе, что они обыкновенно бываютъ единодушны и привычны къ повиновенію не тому лицу, которое ихъ пригласило, а другому, между тѣмъ, какъ для того, чтобы наемныя войска пошли противъ нанявшаго ихъ государя и послѣ побѣды обратили противъ него оружіе, необходимо и больше времени и стеченіе болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, такъ-какъ войска эти не составляютъ единодушнаго тѣла, собраны этимъ самымъ Государемъ и отъ него же получаютъ плату. Кромѣ того лицо, которое бываетъ поставлено Государемъ для начальствованія надъ этимъ войскомъ, не въ состояніи въ короткое время пріобрѣсти такого авторитета, чтобы, воспользовавшись имъ, успѣшно бороться со своимъ Государемъ.

Короче сказать, должно опасаться въ наемныхъ войскахъ ихъ трусости и недѣятельности, въ вспомогательныхъ — ихъ храбрости. Такимъ образомъ, мудрые Государи всегда опасались прибѣгать къ помощи войскъ того и другаго рода и предпочитали дѣйствовать собственными войсками: побѣдамъ съ чужой помощью они предпочитали пораженіе съ собственными войсками, разсуждая совершенно справедливо, что непрочна та побѣда, которая достигается съ пособіемъ чужаго оружія.

И здѣсь я не усомнюсь указать на способъ дѣйствія Цезаря Борджіа, какъ на образцовый. Этотъ герцогъ занялъ Романью тоже съ помощью вспомогательныхъ войскъ, состоявшихъ изъ Французовъ, — и съ ними онъ взялъ Имолу и Форли, но тотчасъ же, какъ увидѣлъ, — что дольше на нихъ опасно будетъ полагаться, нанялъ солдатъ Орсини и Вителли, считая ихъ менѣе для себя

опасными. Когда же онъ убѣдился, что и въ этихъ войскахъ была для него плохая опора и что самая ихъ вѣрность сомнительна, онъ распустилъ и ихъ и обратился къ собственнымъ силамъ. Различіе между всѣми этими родами войскъ становится ясно, если сравнить репутацію, которую имѣлъ герцогъ сначала, дѣйствуя съ одними Французами и со сторонниками Орсини и Вителли, съ той, которую онъ пріобрѣлъ, начавши дѣйствовать самостоятельно съ своими собственными войсками; репутація эта постоянно росла, и высшей степени славы достигъ онъ только тогда, когда сдѣлался самовластнымъ вождемъ своихъ собственныхъ войскъ.

Я не хотѣлъ бы приводить другихъ примѣровъ кромѣ итальянскихъ и недавнихъ, но такъ какъ имя Гіерона Сиракузскаго было мною уже упомянуто, то я не могу избѣгнуть, чтобы не сказать объ немъ и здѣсь. Едва только сдѣлавшись главою сиракузскихъ войскъ, онъ тотчасъ-же понялъ, что наемныя войска никуда не годятся, такъ какъ вожди этихъ войскъ весьма походили на нашихъ итальянскихъ кондотьеровъ. Понимая, что нельзя съ безопастностью ни оставить, ни отпустить этихъ вождей, онъ приказалъ зарѣзать всѣхъ ихъ, послѣ чего велъ свои войны уже не съ наемными, а съ собственными войсками.

Приведу также одну черту изъ Ветхаго Завѣта, которая какъ бы олицетворяетъ въ образѣ высказанную мною мысль. Когда Давидъ вызвался на борьбу съ филистимляниномъ Галіафомъ, хваставшимся передъ израильтянами своею непобѣдимою силою, Саулъ хотѣлъ для поощренія вооружить его собственнымъ оружіемъ, но Давидъ, надѣвъ его доспѣхи, отказался отъ нихъ, говоря, что въ нихъ онъ чувствуетъ себя не такъ какъ привыкъ и хотѣлъ бы побѣдить врага, только со своею пращею и ножемъ. Въ самомъ дѣлѣ, чужія доспѣхи обыкновенно или слишкомъ тяжелы, или велики, или жмутъ и мѣшаютъ свободнымъ движеніямъ.

Карлъ VII, отецъ Людовика XI, освободившій благодаря счастью и своей храбрости Францію отъ Англичанъ, понималъ эту необходимость носить свое собственное оружіе и учредилъ въ своемъ королевствѣ правильныя войска изъ кавалеріи и пѣхоты. Людовикъ,

его сынъ, распустилъ пѣхоту и сталъ нанимать Швейцарцевъ; наслѣдники его продолжали дѣлать тоже, и это, какъ доказали факты, привело Францію ко многимъ опасностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, придавъ такое высокое значеніе наемнымъ Швейцарцамъ, онъ (Людовикъ) унизилъ этимъ свои собственныя войска и, уничтоживъ совершенно пѣхоту, подчинилъ кавалерію Швейцарцамъ, такъ что она, привыкнувъ побѣждать вмѣстѣ съ Швейцарцами, потеряла всякую увѣренность въ свои силы и въ возможность побѣждать и безъ нихъ. Отъ этого произошло то, что французскіе солдаты не были въ состояніи соперничать съ швейцарскими, а безъ нихъ не могли выдерживать битвы ни съ какими войсками. Французскія войска слѣдовательно были войсками смѣшанными, состоявшими отчасти изъ наемныхъ и отчасти изъ собственныхъ; такія войска безъ всякаго сомнѣнія, лучше нежели одни наемныя или вспомогательныя, но несравненно хуже войска національнаго.

Примѣръ Франціи весьма замѣчателенъ, такъ какъ, еслибы учрежденія Карла были поддержаны и усовершенствованы, — ни одно государство не было бы сильнѣе французскуго королевства, но людская неопытность любитъ дѣлать различные опыты, увлекаясь одною внѣшностью предмета и не замѣчая въ немъ того яда, который этою внѣшностью прикрытъ. Ядъ оказываетъ свое вредное дѣйствіе впослѣдствіи, когда противоядіе бываетъ уже недѣйствительно, подобно тому, какъ это происходитъ, о чемъ я уже говорилъ, въ развитой чахоткѣ. Государи же, не умѣющіе распознавать зла въ самомъ началѣ и дающіе ему усиливаться, не могутъ называться мудрыми: подобная мудрость дается немногимъ.

Разсматривая даже причины паденія Римской Имперіи, я нахожу, что это паденіе началось съ тѣхъ поръ, какъ Римляне стали нанимать Готтовъ. Съ этихъ поръ сила римскихъ войскъ стала ослабѣвать и настолько же, на сколько Римляне теряли въ своихъ доблестяхъ — варвары выигрывали.

Изъ всего этого я заключаю, что ни одно государство не можетъ быть могуществено безъ собственныхъ войскъ; не имѣя на случай несчастья постоянной защиты, оно отдаетъ свою судьбу на волю случая; мудрые люди всѣхъ временъ хорошо знали, что

нѣтъ ничего болѣе обманчиваго и непрочнаго, какъ слава могущества какого нибудь государства, не основанная на сильномъ собственномъ войскѣ. Собственными же войсками я называю только тѣ, которыя Государи составляютъ изъ своихъ подданныхъ, гражданъ своей страны и лицъ, обязанныхъ значеніемъ своему монарху; всякія другія войска—войска наемныя или вспомогательныя. Чтоже касается до способовъ учрежденія и управленія собственными войсками, то при изученіи приведенныхъ уже мною примѣровъ, способы эти выяснятся сами собой. Какъ Филиппъ Македонскій, отецъ Александра Великаго, какъ многіе Государи и республики съумѣли создавать и организовать свои войска, такъ и всякій Государь можетъ это сдѣлать, если изучитъ ихъ образъ дѣйствій, который я считаю вполнѣ достигающимъ цѣли.

ГЛАВА XIV.

Какой образъ дѣйствій долженъ быть принятъ государемъ въ отношеніи войскъ.

Война, военное искусство и дисциплина—должны составлять главнѣйшій предметъ заботъ каждаго Государя. Всѣ его мысли должны быть направлены къ изученію и усовершенствованію военнаго искусства и ремесла; онъ не долженъ увлекаться ничѣмъ другимъ, такъ какъ въ этомъ искусствѣ вся тайна силы власти Государя и благодаря ему, не только наслѣдственные Государи, но даже и обыкновенные граждане могутъ достигать верховнаго управленія; съ другой стороны, исторія представляетъ не мало примѣровъ того, что Правители, посвящая свое время болѣе утонченнымъ предметамъ, часто теряли свои государства. Презирать военное искусство значитъ идти къ погибели, владѣть имъ въ совершенствѣ служитъ залогомъ возможности пріобрѣтенія верховной власти. Франческо Сфорца, отличавшійся въ военномъ искусствѣ, изъ частнаго человѣка сдѣлался Миланскимъ герцогомъ; его сыновья, пренебрегавшіе имъ и избѣгавшіе трудностей и не-

пріятностей военнаго дѣла, изъ наслѣдственныхъ Государей сдѣлались частными людьми.

Небрежность къ военному дѣлу приводитъ Государя къ тому, что его начинаютъ презирать — унизительное состояніе, котораго преимущественно долженъ остерегаться Государь, о чемъ я скажу ниже. Самъ онъ при этомъ дѣлается какъ бы безоружнымъ человѣкомъ, а такъ какъ между вооруженнымъ и не вооруженнымъ человѣкомъ не можетъ быть никакого сравненія, и неестественно, чтобы вооруженный сталъ охотно покоряться невооруженному, то и невооруженный Государь не можетъ расчитывать на повиновеніе вооруженныхъ своихъ подданныхъ; совмѣстное дѣйствіе ихъ къ одной цѣли не мыслимо. Можетъ-ли неискусный въ военномъ дѣлѣ Государь, помимо всѣхъ другихъ неудобствъ о которыхъ я уже говорилъ, заслужить уваженіе своихъ солдатъ и довѣриться имъ? Ни одинъ Государь, слѣдовательно, не долженъ ни на минуту забывать о военномъ дѣлѣ, и особенно постоянно долженъ онъ въ немъ упражнятся въ мирное время. Упражненія эти двоякаго рода: упражненія духа и тѣлесныя упражненіе. Тѣлесныя упражненія должны состоять въ томъ, чтобы постоянно упражнять свое войско и самому участвовать во всѣхъ передвиженіяхъ и маневрахъ, производимыхъ для обученія войска. Кромѣ того онъ долженъ постоянно находиться на охотахъ, чтобы пріучать себя къ перенесенію военныхъ трудностей и отчасти для изученія различныхъ условій мѣстностей и ознакомленія съ тѣмъ, какъ подымаются горы, распространяются равнины, располагаются долины, протекаютъ рѣки и распредѣляются болота: на все это онъ долженъ обращать особенное вниманіе. Изученіе всѣхъ такихъ естественныхъ условій полезно для него въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно даетъ основаніе къ изученію мѣстныхъ условій страны, что значительно облегчаетъ умѣнье, въ случаѣ необходимости, защищать ее. Во вторыхъ, изучивъ основательно какую нибудь мѣстность, онъ безъ труда совладаетъ съ быстрымъ изученіемъ всякой другой мѣстности, на которой ему можетъ встрѣтиться необходимость дѣйствовать, такъ какъ горы, долины, равнины и рѣки какой нибудь страны, напримѣръ хоть Тосканы, расположены совершенно

также, какъ и во всякой другой странѣ и, изучивъ хорошо одну какую нибудь мѣстность, можно легко понять всякую другую. Этого рода знаніе чрезвычайно важно для Государя и тотъ Правитель, который имъ пренебрежетъ, не будетъ имѣть главнаго достоинства военачальника: умѣть отыскивать врага, нападать на его лагерь, проводить войско, располагать его для сраженія и пользоваться всѣми удобствами или особенностями какой нибудь мѣстности.

Среди похвалъ, которыми историки осыпаютъ Ѳилопомена, ахейскаго вождя, они особенно выставляютъ ту его черту, что онъ и въ мирное время не забывалъ о войнѣ, такъ что, во время даже прогулокъ съ друзьями, онъ останавливалъ ихъ вопросами, относившимися къ случайностямъ войны: «если бы непріятель находился на этомъ холмѣ, а наши войска внизу, то на чьей сторонѣ было бы преимущество мѣстности? Если бы мы пошли на него, то какимъ путемъ было бы безопаснѣе сдѣлать это, сохраняя порядокъ строя? Если бы намъ пришлось отступать, то въ какомъ порядкѣ должно было бы совершаться наше отступленіе? Если бы непріятель бѣжалъ, то какъ бы мы его преслѣдовали?» Однимъ словомъ, онъ задавалъ вопросы обо всѣхъ случайностяхъ, какія могутъ встрѣтится во время войны, выслушивалъ мнѣнія друзей, высказывалъ свое и поддерживалъ его различными доказательствами. При такомъ обыкновеніи, онъ достигъ того, что для войскъ, находившихся подъ его начальствомъ, война не могла представлять никакихъ случайностей, отъ которыхъ войска его могли бы растеряться.

Упражнять свой военный духъ Государи должны чтеніемъ исторіи; при такомъ чтеніи они должны особенно изучать образъ дѣйствій великихъ завоевателей, обдумывать причины ихъ побѣдъ и пораженій, чтобы въ первомъ случаѣ воспользоваться ихъ опытностью, а во второмъ избѣжать ихъ ошибокъ. Они должны особенно слѣдовать великимъ полководцамъ въ томъ, что каждый изъ нихъ избиралъ себѣ образцомъ для подражанія кого нибудь изъ героевъ древности и всегда старался припоминать, какъ, избранный имъ для подражанія, человѣкъ поступалъ въ томъ или

другомъ случаѣ. Извѣстно, что такимъ образомъ Александръ Македонскій подражалъ Ахиллесу, Юлій Цезарь—Александру Македонскому, а Сципіонъ Африканскій—Киру. Всякій, кто прочтетъ жизнеописаніе Кира, написанное Ксенофонтомъ, увидитъ изъ жизни Сципіона на сколько такое подражаніе Киру, способствовало славѣ Сципіона и какъ старался послѣдній въ отношеніи цѣломудрія, гуманности, добросердечія и либерализма согласоваться съ дѣйствіями своего образца, описаннаго Ксенофонтомъ. Вотъ какъ долженъ поступать мудрый Правитель, не имѣющій права предаваться праздности даже въ мирное время; онъ долженъ въ это время запасаться тѣмъ нравственнымъ капиталомъ, который въ минуту опасности принесетъ ему пользу. Какъ бы не измѣнило ему счастье, онъ, дѣйствуя подобнымъ образомъ, всегда будетъ въ состояніи побороть неудачи и отстранить удары судьбы.

ГЛАВА XV.

О тѣхъ качествахъ, за которыя людей, а особенно государей хвалятъ или порицаютъ.

Теперь мнѣ остается разсмотрѣть: какимъ образомъ Государи должны себя держать въ отношеніи къ своимъ подданнымъ и союзникамъ? а такъ какъ объ этомъ предметѣ писали очень многіе, то я боюсь, чтобы намѣреніе мое не было сочтено дерзкимъ, потому что, разсуждая объ этомъ предметѣ, я намѣренъ сойдти съ обычной дороги. Дѣлаю же я это (желая быть полезнымъ для тѣхъ, кто будетъ въ состояніи меня понять) потому, что нахожу несравненно удобнѣе, при описаніи какого либо предмета, разсматривать его реальную сущность, а не отдаваться мечтательнымъ увлеченіямъ.

Многіе писатели изображали государства и республики такими, какими имъ никогда не удавалось встрѣчать ихъ въ дѣйствительности. Къ чему же служили такія изображенія? Между тѣмъ, какъ живутъ люди, и тѣмъ, какъ должны они жить — разстояніе необъятное; кто для изученія того, что должно бы быть,

пренебрежетъ изученіемъ того, что есть въ дѣйствительности, тѣмъ самымъ, вмѣсто сохраненія себя, приведетъ себя къ погибели: человѣкъ, желающій въ наши дни быть во всѣхъ отношеніяхъ чистымъ и честнымъ, неизбѣжно долженъ погибнуть въ средѣ громаднаго, безчестнаго большинства. Изъ этого слѣдуетъ, что всякій государь, желающій удержаться, можетъ и не быть добродѣтельнымъ, но непремѣнно долженъ пріобрѣсти умѣнье казаться или не казаться таковымъ, смотря по обстоятельствамъ.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ все, что можно придумать, говоря объ обязанностяхъ государей и придерживаясь одной только дѣйствительности, я скажу, что всѣ люди и преимущественно государи, такъ какъ послѣдніе стоятъ на виду у всѣхъ, различаются нѣкоторыми качествами, которыя и обусловливаютъ брань или хвалу. Такъ одни люди считаются великодушными, а другіе *жалкими* (miseri). Я руководствуюсь въ этомъ случаѣ тосканскимъ выраженіемъ, такъ какъ слово *скупой* (avaro) по итальянски имѣетъ еще значеніе — прибѣгать къ грабежу для пріобрѣтенія; я же словомъ жалкій хочу назвать такого человѣка, который не умѣетъ распорядиться и тѣмъ даже, что имѣетъ; одни пользуются репутаціей щедрыхъ, другіе грабителей; однихъ мы называемъ жестокими, другихъ милостивыми; однихъ клятвопреступными, другихъ вѣрными своему слову; однихъ малодушными и обабившимися, другихъ отважными и твердыми; однихъ человѣчными, другихъ надменными; однихъ распущенными, другихъ цѣломудренными; однихъ искренними, другихъ хитрыми; однихъ тяжелыми, другихъ обходительными; однихъ глубокими, другихъ поверхностными; однихъ религіозными, другихъ свободномыслящими, и т. д. Я знаю, что всякій согласится съ тѣмъ, что было бы пріятно встрѣтить въ одномъ государѣ полное развитіе и сочетаніе всѣхъ перечисленныхъ мною положительныхъ качествъ. Но такъ какъ это невозможно и даже противно человѣческой природѣ, то необходимо, чтобы каждый государь старался, по крайней мѣрѣ, избѣгать безчестія тѣхъ пороковъ, которые могутъ его привести къ потерѣ верховной власти; отъ всѣхъ другихъ онъ можетъ воздерживаться, но бѣда не велика, если при

этомъ онъ и не совладаетъ съ собою. И еще, Государь не долженъ бояться осужденія за тѣ пороки, безъ которыхъ невозможно сохраненіе за собою верховной власти, такъ какъ, изучивъ подробно разныя обстоятельства, легко понять, что существуютъ добродѣтели, обладаніе которыми ведетъ только къ гибели лицо, обладающее ими, и есть пороки, усвоивая которые, Государи могутъ только достигнуть безопасности и благополучія.

ГЛАВА XVI.

О щедрости и скупости.

Начиная разсматривать названныя мною качества Государей, скажу, что для нихъ весьма полезно считаться великодушно-щедрыми; однако великодушная щедрость, подрывающая къ нимъ боязнь, служитъ имъ въ ущербъ, такъ что, будучи великодушно-щедрымъ, нужно заботиться, чтобы эта щедрость была признана и не навлекла на Государя нареканія въ совершенно противуположномъ качествѣ.

Если Государь захочетъ пріобрѣсти между людьми репутацію великодушно-щедраго, ему необходимо будетъ не пренебрегать никакой роскошью; это приведетъ его казну къ неизбѣжному оскудѣнію и. для поддержанія репутаціи, онъ вынужденъ будетъ отягощать свой народъ чрезвычайными налогами, заводить фиски и однимъ словомъ употреблять всевозможные способы для увеличенія своихъ доходовъ. Это отягощеніе послужитъ первой причиной народной къ нему ненависти и вмѣстѣ съ его обѣдненіемъ начнетъ расти къ нему и неуваженіе. Такимъ образомъ, возбудивъ своей великодушной щедростью негодованіе большинства и удовлетворивъ только весьма не многихъ, онъ дойдетъ до того, что всякое ничтожное затрудненіе станетъ для него опаснымъ и всякое недоразумѣніе можетъ послужить причиной его гибели. Понявъ ошибку, онъ конечно захочетъ ее исправить, но первыя же мѣры въ этомъ направленіи навлекутъ на него обвиненіе

въ скупости. Слѣдовательно Государь не долженъ быть великодушно-щедрымъ въ такой степени, чтобы эта щедрость приносила ему ущербъ, и, если онъ мудръ,—не долженъ бояться прослыть за скупаго, такъ какъ съ теченіемъ времени онъ будетъ выказываться все болѣе и болѣе щедрымъ, имѣя возможность при помощи своихъ доходовъ и своей казны вести войны, какъ оборонительныя, такъ и наступательныя, не отягощая народъ налогами. Тогда безчисленное большинство, видя, что онъ ничего отъ нихъ не требуетъ, будетъ считать его щедрымъ, а скупымъ его будутъ называть только тѣ немногіе, которымъ не придется воспользоваться его благодѣяніями

Въ наше время всѣ Государи, прославившіеся своими дѣйствіями, принадлежали къ такимъ, которыхъ народъ считалъ скупыми; никто изъ великодушно-щедрыхъ не достигъ никакой извѣстности. Папа Юлій II-й для достиженія папскаго престола умѣлъ выказаться великодушно-щедрымъ, но, достигнувъ власти, онъ обратилъ всѣ свои помыслы на войну съ Франціей и уже не заботился о томъ, чтобы его считали щедрымъ; онъ съумѣлъ вести всѣ свои войны, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ налогамъ, такъ какъ постоянная экономія доставляла ему средства на всѣ излишнія военныя издержки.

Нынѣшній испанскій король никогда не былъ бы въ состояніи такъ прославиться своими побѣдами и завоеваніями, еслибы дорожилъ репутаціей великодушно-щедраго правителя.

Слѣдовательно всякій Государь, не желающій, въ случаѣ неизбѣжной защиты, быть поставленнымъ въ необходимость разорять своихъ подданныхъ для того, чтобы не остаться безъ средствъ и не потерять вслѣдствіе этого уваженія къ себѣ, — чтобы отстранить отъ себя всякій поводъ къ грабежу своихъ подданныхъ, долженъ не бояться обвиненія въ скупости, такъ какъ скупость одинъ изъ тѣхъ пороковъ, благодаря которымъ онъ можетъ поддерживать свою власть. Если мнѣ скажутъ, что Цезарь достигъ верховной власти, благодаря великодушной щедрости, и что качество это служило причиной весьма значительнаго возвышенія очень многихъ лицъ, — я возражу на это: сдѣлался ли ты

уже государемъ, или ты еще только стремишься къ власти. Въ первомъ случаѣ великодушная щедрость положительно пагубна, во второмъ, для достиженія цѣлей, необходимо казаться великодушно-щедрымъ. Цезарь прославился своей щедростью еще въ то время, когда стремился къ власти, но если бы, по достиженіи ея, онъ продолжалъ быть щедрымъ и не ограничилъ своихъ расточительныхъ издержекъ, онъ погубилъ бы Римскую Имперію.

И если меня все-таки станутъ опровергать примѣрами многихъ Государей, прославившихся своими завоеваніями и извѣстныхъ въ тоже время своей щедростью, — я возражу: въ этихъ случаяхъ надо строго различать, какія суммы тратитъ Государь для выказыванія своей великодушной щедрости: употребляетъ ли онъ на это доходы своей казны и богатство своего народа, или тѣ сокровища, которыя онъ пріобрѣтаетъ, какъ военную добычу; въ первомъ случаѣ онъ долженъ быть разсчетливъ, во второмъ ему необходимо быть щедрымъ, безъ всякихъ ограниченій.

Въ самомъ дѣлѣ, завоеватель, обязанный побѣдами своей многочисленной арміи, живущей грабежемъ и контрибуціями, постоянно отнимающій чужое, необходимо долженъ быть щедрымъ, такъ какъ иначе его солдаты будутъ неохотно переносить военныя трудности. Никто не долженъ порицать такихъ Государей, съ какой бы широкой щедростью они (подобно Киру, Цезарю и Александру) ни дарили завоеванныхъ земель и богатствъ; раздавать пріобрѣтенное завоеваніемъ нисколько не вредно для Государей, —вредна имъ только растрата собственной казны или денегъ своего народа.

Наконецъ, щедрость скорѣе всего другаго сама собой истощается: чѣмъ щедрѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе отнимаетъ онъ у себя средствъ къ дальнѣйшей своей щедрости и дѣлается или бѣднымъ и необходимо разсчетливымъ, или для продолженія своей расточительности бываетъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ грабежу и заслуживаетъ этимъ ненависть подданныхъ. Обоихъ этихъ результатовъ долженъ стараться избѣгнуть Государь, такъ какъ для него и то и другое весьма вредно: ничего нѣтъ хуже для Государя, какъ быть поставленнымъ въ необходимость или

ограничивать себя въ необходимыхъ издержкахъ, или же заслужить народную ненависть. Такимъ образомъ, для Государя гораздо полезнѣе прослыть скупымъ, — чѣмъ онъ заслужитъ одно только презрѣніе, безъ ненависти,—нежели, изъ желанія считаться великодушно-щедрымъ, быть поставленнымъ въ необходимость сдѣлаться грабителемъ, что навлечетъ на него и ненависть и презрѣніе народа.

ГЛАВА XVII.

О жестокости и милосердіи, или что лучше, пользоваться любовью или возбуждать страхъ.

Разбирая далѣе перечисленныя мною качества, я нахожу, что каждый Государь для своего блага долженъ стараться прослыть милосерднымъ, а не жестокимъ. Необходимо однако остерегаться, чтобы и милосердіе не приносило вреда. Цезарь Борджіа извѣстенъ своей жестокостью, но эта жестокость обусловила порядокъ и единство Романьи и водворила въ ней повиновеніе и спокойствіе; соображая же всѣ обстоятельства, невольно придешь къ заключенію, что Цезарь Борджіа былъ милосерднѣе флорентійскаго народа, который, для избѣжанія нареканія въ жестокости, допустилъ уничтоженіе Пистойи.

Слѣдовательно Государи, когда дѣло идетъ о вѣрности и единствѣ ихъ подданныхъ, не должны бояться прослыть жестокими. Прибѣгая въ отдѣльныхъ случаяхъ къ жестокостямъ, государи поступаютъ милосерднѣе, нежели тогда, когда отъ избытка снисходительности допускаютъ развиваться безпорядкамъ, ведущимъ къ грабежу и насилію, потому что безпорядки составляютъ бѣдствіе цѣлаго общества, а казни поражаютъ только отдѣльныхъ лицъ. Государямъ, только что получающимъ власть во вновь возникающихъ монархіяхъ, бываетъ труднѣе всѣхъ другихъ Государей избѣгнуть названія жестокихъ, такъ какъ, во вновь возникающихъ монархіяхъ, неустройство ихъ служитъ обыкновенно причиной возникновенія множества гибельныхъ случайностей.

Такъ Виргилій оправдываетъ жестокости Дидоны, недавнимъ существованіемъ государства, влагая въ ея уста слѣдующія слова:

> Res dura, et regni novitas me talia cogunt
> Moliri, et late fines custode tueri *).

Тѣмъ не менѣе Государь долженъ строго обдумывать свои слова и дѣйствія, не быть подозрительнымъ безъ причины и слѣдовать во всемъ правиламъ благоразумія, не забывая гуманности. Онъ долженъ одинаково заботиться, чтобы изъ излишней довѣрчивости не сдѣлаться недальновиднымъ и въ то же время не стать несноснымъ по своей подозрительности.

Изъ этой двойственности, обязательной для Государя, вытекаетъ вопросъ: что для Государя лучше — внушать-ли страхъ или любовь? что для него полезнѣе, чтобы его любили, или чтобы его боялись?

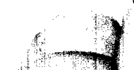
Я нахожу, что желательно было бы, чтобы Государи достигали одновременно и того и другаго, но такъ какъ осуществить это трудно и Государямъ обыкновенно приходится выбирать, то въ видахъ личной ихъ выгоды замѣчу, что полезнѣе держать подданныхъ въ страхѣ. Люди, говоря вообще, неблагодарны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны; если Государи осыпаютъ ихъ благодѣяніями, они выказываются приверженными къ нимъ до самоотверженія и, какъ я уже выше говорилъ, если опасность далека, предлагаютъ имъ свою кровь, средства и жизнь свою и дѣтей своихъ, но едва наступаетъ опасность — бываютъ непрочь отъ измѣны. Государь, слишкомъ довѣряющій подобнымъ обѣщаніямъ и не принимающій никакихъ мѣръ для своей личной безопасности, обыкновенно погибаетъ; потому что привязанность подданныхъ, купленная по-

*) Меня таковой (жестокой) дѣлаютъ: новость моего государства и существующія въ немъ затрудненія, при опредѣленіи его границъ и прочномъ ихъ обезпеченіи.

дачками, а не величіемъ и благородствомъ души, хотя и легко пріобрѣтается, но обладаніе ею не прочно и, въ минуту необходимости, на нее нельзя полагаться. Кромѣ того, люди скорѣе бываютъ готовы оскорблять тѣхъ, кого любятъ, чѣмъ тѣхъ, кого боятся; любовь обыкновенно держится на весьма тонкой основѣ благодарности и люди, вообще злые, пользуются первымъ предлогомъ, чтобы въ видахъ личнаго интереса измѣнить ей; боязнь же основывается на страхѣ наказанія, никогда не оставляющемъ человѣка.

Заставляя бояться себя, Государи должны однако стараться не возбудить противъ себя ненависти. Внушать страхъ, не возбуждая ненависти, для нихъ очень выгодно; достигнуть же этого весьма не трудно, если только Государь не будетъ нарушать имущественныхъ и личныхъ правъ своихъ подданныхъ и не будетъ посягать на ихъ честь и на честь ихъ женъ и дочерей. Если Государямъ бываетъ необходимо казнить кого-либо изъ подданныхъ смертью, — они должны рѣшаться на это только въ случаѣ значительной важности и очевидности преступленія, такъ чтобы казнь оправдывалась неизбѣжною необходимостью. Еще важнѣе для нихъ не посягать на имущественныя права подданныхъ, потому что люди обыкновенно скорѣе прощаютъ и забываютъ даже смерть своихъ родителей, нежели потерю состоянія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что случаи, когда Государи могутъ воспользоваться имуществомъ своихъ подданныхъ, возникаютъ очень часто и въ благовидныхъ предлогахъ, для ихъ оправданія, недостатка быть не можетъ, между тѣмъ какъ необходимость казней представляется не часто.

Безъ боязни могутъ быть Государи жестокими въ военное время или когда они обладаютъ значительными арміями, такъ какъ безъ жестокости трудно поддержать порядокъ и повиновеніе въ войскахъ. Въ числѣ доблестей Ганнибала обыкновенно считаютъ и его умѣнье держать въ повиновеніи многочисленныя арміи, состоявшія изъ самыхъ разнородныхъ массъ, такъ что даже въ то время, когда онъ дѣйствовалъ въ чужихъ земляхъ, ни въ хорошія, ни въ дурныя для него минуты въ арміяхъ никогда не возникало ни ослабленій въ

дисциплинѣ, ни возстаній противъ него. Причиною этого была его безпощадная жестокость, которая, при другихъ безчисленныхъ доблестяхъ, поселяла къ нему въ войскахъ уваженіе, смѣшанное съ ужасомъ; безъ жестокостей, при всѣхъ своихъ личныхъ качествахъ, онъ никогда бы не достигъ такого благопріятнаго результата. Недальновидные писатели, разсматривающіе его жизнь, обыкновенно превозносятъ его успѣхи и порицаютъ въ то же время жестокость, упуская изъ виду, что она-то и была главною причиною его успѣховъ. Для доказательства же, что безъ жестокостей Ганнибалъ не могъ бы достигнуть своихъ успѣховъ, можно привести примѣръ Сципіона Африканскаго, вождя замѣчательнаго по своему милосердію, не только въ свое время, но и во всемъ прошедшемъ исторіи. Извѣстно, что войска взбунтовались противъ него въ испаніи, поводомъ же къ этому возстанію была излишняя его снисходительность и кротость, служившія причиною такой распущенности и своеволія, какія не могутъ быть допущены военною дисциплиною. Фабій Максимъ открыто порицалъ его въ Сенатѣ, называя развратителемъ римскихъ войскъ. Кромѣ того, Локрійцы, угнетенные и ограбленные однимъ изъ подчиненныхъ ему военачальниковъ, не были удовлетворены послѣ того, какъ они жаловались Сципіону на этого грабителя: Сципіонъ, по своей слабости, не съумѣлъ достаточно наказать его и защитить и предохранить угнетенныхъ Локрійцевъ отъ дальнѣйшихъ его звѣрствъ. Поэтому-то одинъ обвинитель въ сенатѣ и называлъ Сципіона человѣкомъ, умѣвшимъ избѣгать личныхъ ошибокъ, но не умѣвшимъ исправлять чужія. Если бы Сципіонъ, при своей излишней кротости, обладалъ нѣкоторое время верховною властью, — его слава и доброе имя навѣрно бы пострадали; спасало его только то, что онъ самъ былъ подчиненъ сенату, что не только дѣлало его слабость незамѣтною, но даже способствовало тому, что слабость эта послужила даже къ его славѣ.

Возвращаясь къ вопросу, что выгоднѣе для Государей, то ли когда подданные ихъ любятъ, или когда они ихъ боятся, я заключаю, что такъ какъ въ первомъ случаѣ они бываютъ въ зависимости отъ подданныхъ, возбуждая же боязнь бываютъ самостоятельны, то для мудраго Правителя гораздо выгоднѣе утвердиться на томъ, что зависитъ отъ него, нежели на томъ, что зависитъ отъ другихъ. При этомъ однако же, какъ я уже сказалъ, Государи должны стараться не возбуждать къ себѣ ненависти.

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ Государь долженъ исполнять свое слово.

Всякій легко пойметъ, какъ похвально, если Государь всегда вѣренъ своему слову и дѣйствуетъ всегда прямо и безъ лукавства. Въ наше время однако же путемъ опыта можно убѣдиться въ томъ, что бывали Государи, прославившіеся своими дѣлами, которые не придавали никакого значенія вѣрному исполненію своихъ обѣщаній и умѣли лукавствомъ затемнять правильную оцѣнку своихъ дѣйствій. Случалось даже, что подобные Государи выигрывали болѣе, нежели тѣ, которые основывали свои дѣйствія на правдѣ и справедливости.

Существуютъ два способа дѣйствія для достиженія цѣлей: путь закона и путь насилія; первый способъ — способъ человѣческій, второй—способъ дикихъ животныхъ; но такъ какъ первый способъ не всегда удается, то люди прибѣгаютъ иногда и ко второму. Государи должны умѣть пользоваться обоими способами. Эта мысль выражена аллегорически у многихъ древнихъ писателей: Ахиллесъ и многіе другіе Правители и герои древности воспитывались, по ихъ словамъ, у центавра Хирона, наблюдавшаго за ихъ дѣйствіями. Мысль этого миѳа ясна: учитель получеловѣкъ и полузвѣрь показываетъ, что Государи должны развивать въ себѣ, какъ человѣческую, такъ и животную сторону, безъ чего власть ихъ не можетъ быть прочна.

Государь, дѣйствуя грубой силой, подобно животнымъ, долженъ соединять въ себѣ качества льва и лисицы. Обладая качествами только льва, онъ не будетъ умѣть остерегаться и избѣгать западни, которую будутъ ему ставить; будучи же только лисицею

онъ не будетъ умѣть защищаться противъ враговъ, такъ что, для избѣжанія сѣтей и возможности побѣды надъ врагами, Государи должны быть и львами и лисицами. Тѣ, которые захотятъ щеголять одною только львиною ролью, выкажутъ этимъ только крайнюю свою неумѣлость.

Предусмотрительный Государь не долженъ, слѣдовательно, исполнять своихъ обѣщаній и обязательствъ, если такое исполненіе будетъ для него вредно, и всѣ мотивы, вынудившіе его обѣщаніе, устранены. Конечно, если бы всѣ люди были честны, — подобный совѣтъ можно было бы счесть за безнравственный, но такъ какъ люди обыкновенно не отличаются честностью и подданные относительно Государей не особенно заботятся о выполненіи своихъ обѣщаній, то и Государямъ относительно ихъ не для чего быть особенно щекотливыми. Для Государей же не трудно каждое свое клятвопреступленіе прикрывать благовидными предлогами. Въ доказательство этого можно привести безчисленные примѣры изъ современной исторіи, можно указать на множество мирныхъ трактатовъ и соглашеній всякаго рода, нарушенныхъ Государями или оставшихся мертвою буквою за неисполненіемъ ихъ. При этомъ станетъ очевидно, что въ бо́льшихъ барышахъ оставались тѣ Государи, которые лучше умѣли подражать своими дѣйствіями лисицамъ. Необходимо, однако же, послѣдній способъ дѣйствій хорошо скрывать подъ личиной честности: Государи должны обладать великимъ искусствомъ притворства и одурачиванья, потому что люди бываютъ обыкновенно до того слѣпы и отуманены своими насущными потребностями, что человѣкъ, умѣющій хорошо лгать, всегда найдетъ достаточно легковѣрныхъ людей, охотно поддающихся обману.

Не могу изъ множества примѣровъ не привести одного.

Папа Александръ VI во всю свою жизнь только и дѣлалъ, что лгалъ и обманывалъ; мысль его постоянно была занята отыскиваніемъ новыхъ способовъ и случаевъ къ обману, и между тѣмъ небыло въ мірѣ человѣка, который умѣлъ бы лучше его убѣдить другихъ въ истинѣ того, что онъ считалъ выгоднымъ для себя

предпринять. Чѣмъ меньше было у него желанія что либо исполнить, тѣмъ болѣе онъ давалъ обѣщаній и клятвъ, — и хотя всѣ это знали, — всѣ его предпріятія увѣнчивались успѣхомъ. Зная хорошо человѣческое сердце, онъ не сомнѣвался, что всегда найдутся люди, которыхъ ему легко удастся обмануть.

Государямъ, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности обладать въ дѣйствительности тѣми хорошими качествами, которыя я перечислилъ, но каждому изъ нихъ необходимо показывать видъ, что онъ всѣми ими обладаетъ. Скажу больше, — дѣйствительное обладаніе этими качествами вредно для личнаго блага Государей, притворство же и личина обладанія ими — чрезвычайно полезны. Такъ для Государей очень важно умѣть выказываться милосердными, вѣрными своему слову, человѣколюбивыми, религіозными и откровенными; быть же таковыми на самомъ дѣлѣ не вредно только въ такомъ случаѣ, если Государь съ подобными качествами съумѣетъ, въ случаѣ надобности, заглушить ихъ и выказать совершенно противоположныя.

Едвали кто нибудь станетъ сомнѣваться, что Государямъ, особенно только что получившимъ власть или управляющимъ вновь возникающими монархіями, бываетъ невозможно согласовать свой образъ дѣйствій съ требованіями нравственности: весьма часто для поддержанія порядка въ государствѣ они должны поступать противъ законовъ совѣсти, милосердія, человѣколюбія и даже противъ религіи. Государи должны обладать гибкою способностью измѣнять свои убѣжденія сообразно обстоятельствамъ и, какъ я сказалъ выше, если возможно не избѣгать честнаго пути, но въ случаѣ надобности прибѣгать и къ безчестнымъ средствамъ.

Государи должны усиленно заботиться о томъ, чтобы каждая фраза, исходящая изъ ихъ устъ, представлялась продиктованной совмѣстно всѣми пятью перечисленными мною качествами, чтобы слушающему ее особа Государя представлялась само́ю истиною, самимъ милосердіемъ, самимъ человѣколюбіемъ, само́ю искренностью и самимъ благочестіемъ. Особенно важно для Государей притворятся благочестивыми; въ этомъ случаѣ люди, судящіе по бо́льшей части только по одной внѣшности, такъ какъ способность глубо-

каго обсужденія дана не многимъ, — легко обманываются. Личина для Государей необходима, такъ какъ большинство судитъ о нихъ по тому, чѣмъ они кажутся и только весьма немногіе бываютъ въ состояніи отличать кажущееся отъ дѣйствительнаго; и если даже эти немногіе поймутъ настоящія качества государей, они не дерзнутъ высказать свое мнѣніе, противное мнѣнію большинства, да и побоятся посягнуть этимъ на достоинство верховной власти, представляемой Государемъ. Кромѣ того, такъ какъ дѣйствія Государей неподсудны трибуналамъ, то подлежатъ обсужденію одни только результаты дѣйствій, а не самыя дѣйствія. Если Государь съумѣетъ только сохранить свою жизнь и власть, то всѣ средства, какія бы онъ не употреблялъ для этого, будутъ считаться честными и похвальными. Толпа обыкновенно увлекается внѣшностью и успѣхомъ, а весь міръ представляетъ толпу и не многихъ, къ мнѣнію которыхъ Государи обращаются только тогда, когда сами не умѣютъ выйти изъ какихъ либо затруднительныхъ обстоятельствъ. Въ наше время существуетъ Государь, назвать котораго я не считаю позволительнымъ *), который на словахъ— само благочестіе и первый другъ мира, но на дѣлѣ давно уже потерялъ бы свое государство, если бы проводилъ въ жизнь эти убѣжденія.

ГЛАВА XIX.

О томъ, что государи должны избѣгать ненависти и презрѣнія.

Разсмотрѣвъ подробно тѣ изъ приведеныхъ мною качествъ Государя, которыя я считаю важнѣйшими, я скажу объ остальныхъ только коротко и въ общихъ выраженіяхъ, припомнивъ то, что я уже сказалъ,—что Государь долженъ избѣгать всего, что можетъ на него навлечь ненависть и презрѣніе. Если ему последнее удастся, — онъ можетъ спокойно дѣйствовать, какъ хочетъ, нисколько не заботясь о томъ, что о немъ думаютъ и

*) Макіавелли говоритъ здѣсь о Фердинандѣ Католическомъ.

говорятъ. А такъ какъ ненависть заслуживаютъ преимущественно тѣ Государи, которые, какъ я уже сказалъ, прибѣгаютъ къ грабительству и нарушаютъ имущественныя права своихъ подданныхъ или покушаются на честь ихъ женъ и дочерей, то Государямъ, чтобъ не заслужить ненависти, надобно воздерживаться только отъ этого. Общество обыкновенно живетъ спокойно, если Государи не покушаются ни на честь, ни на имущество его членовъ, и Государямъ при этомъ, приходится бороться только съ честолюбіемъ немногихъ, что не трудно, такъ какъ въ рукахъ Государей обыкновенно находятся тысячи средствъ, чтобы совладать съ этимъ неудобствомъ. Презираютъ только тѣхъ Государей, которые выказываются нерѣшительными, непослѣдовательными, малодушными и легкомысленными. Всѣхъ такихъ качествъ долженъ избѣгать Государь, какъ подводныхъ камней своей власти, стараясь придавать своимъ дѣйствіямъ внѣшній отпечатокъ величія, важности, твердости и отваги. Въ отношеніи частныхъ дѣлъ своихъ подданныхъ, они должны поступать такъ, чтобы ихъ рѣшенія казались незыблемыми, и общественное мнѣніе до того считало бы ихъ неизмѣнными, что никто изъ подданныхъ не дерзалъ бы и думать, что ихъ можно избѣжать обманомъ или склоненіемъ Государя въ свою пользу. Государь, съумѣвшій заставить такъ о себѣ думать, пользуется обыкновенно прочной репутаціей, и заговорамъ противъ него представляются значительныя трудности, такъ какъ онъ считается хорошимъ Государемъ, пользующимся уваженіемъ своихъ подданныхъ. Опасности же для Государей могутъ возникать или со стороны внѣшнихъ могущественныхъ враговъ, или въ средѣ его подданныхъ. Противъ внѣшнихъ враговъ, онъ можетъ предохранять себя содержаніемъ сильной арміи и союзами съ сильными государствами, а союзниковъ, имѣя сильную армію, найти очень не трудно. Если-же государство не вовлечено въ какую нибудь внѣшнюю борьбу, то и внутри его, обыкновенно, господствуютъ порядокъ и спокойствіе, если только до наступленія мира, это спокойствіе не было нарушено уже начавшимися заговорами. Даже въ случаѣ внѣшней борьбы Государи, подобно Набису, спартанскому тирану, всегда найдутъ помощь въ своей странѣ,

если только будутъ поступать согласно съ высказанными мною правилами и не растеряются въ критическую минуту. Въ мирное время государи могутъ опасаться только тайныхъ противъ себя заговоровъ, но они обыкновенно предохранены отъ нихъ, если только не возбудили къ себѣ ненависти и презрѣнія своихъ подданныхъ и съумѣли такъ дѣйствовать, что народъ ими доволенъ. Для достиженія послѣдней цѣли, какъ я уже сказалъ, они должны не щадить никакихъ усилій. Въ самомъ дѣлѣ, самое лучшее средство противъ заговоровъ—любовь народа; обыкновенно заговорщики предполагаютъ, что смерть Государя желательна народу; если бы они предполагали, что такая смерть раздражитъ народъ, то никто изъ нихъ не отваживался бы приводить въ исполненіе свои замыслы, представляющіе обыкновенно безчисленныя трудности. Опытъ показываетъ, что хотя заговоры и возникаютъ часто, но весьма немногіе изъ нихъ удаются. Это происходитъ отъ того, что одному быть заговорщикомъ невозможно и замышляющій заговоръ долженъ отыскивать себѣ соумышленниковъ и соучастниковъ. Понятно, что встрѣтить ихъ онъ можетъ только въ средѣ недовольныхъ; открывая же тайну кому-либо изъ недовольныхъ, онъ этимъ самымъ даетъ ему средство улучшить свое положеніе, такъ какъ каждый знаетъ, что стоитъ только донести на довѣрившаго ему свою тайну, чтобы попасть въ милость и получить награду. Такимъ образомъ необходимо, чтобы лицо, къ которому обращается зачинщикъ, было или искреннимъ его другомъ, или человѣкомъ очень сильно озлобленнымъ противъ Государя, чтобы оно не выдало тайны; иначе оно разрушитъ планы зачинщика, видя съ одной стороны вѣрную прибыль, а съ другой только сомнительный успѣхъ и безчисленныя опасности. Короче сказать, заговорщикамъ приходится постоянно опасаться измѣны и быть подъ страхомъ наказанія, между тѣмъ какъ на сторонѣ Государя — величіе его сана, авторитетъ законовъ, защита приверженцевъ и всѣ охранительныя силы страны. Если при этомъ Государь еще пользуется расположеніемъ народа, то весьма трудно, чтобы нашлись смѣльчаки, которые рѣшились бы на заговоры. При такихъ обстоятельствахъ, кромѣ обыкновенныхъ трудностей, сопровождающихъ исполненіе замысла заго-

ворщика, ему приходится еще опасаться и тѣхъ послѣдствій, какія въ случаѣ успѣха могутъ возникнуть со стороны народа, избѣгнуть мести котораго, обыкновенно, нѣтъ никакихъ средствъ.

Я могъ бы подкрѣпить свои слова безчисленными примѣрами, но ограничусь приведеніемъ одного, очевидцами котораго были наши отцы.

Мессеръ Ганнибалъ Бентивольи, дѣдъ нынѣ живущаго мессера Ганнибала, будучи правителемъ Болоньи, сдѣлался жертвою заговора семейства Каннески и былъ ими убитъ.—Весь родъ его былъ истребленъ и единственнымъ его представителемъ оставался мессеръ Джіованни — младенецъ, находившійся еще въ колыбели. Но привязанность жителей Болоньи къ роду Бентиволи была такъ сильна, что убійство это послужило поводомъ къ народному возстанію: всѣ Каннески были перебиты народомъ. Мало того, такъ какъ послѣ смерти мессера Ганнибала не было никого изъ членовъ семейства Бентиволи, кому можно было бы поручить правленіе, то народъ, узнавъ что во Флоренціи живетъ одинъ изъ представителей этой фамиліи подъ видомъ сына кузнеца, отправился къ нему и предложилъ ему быть правителемъ Болоньи. Лице это приняло предложеніе и управляло Болоньей до тѣхъ поръ, пока мессеръ Джіованни не подросъ и не достигъ возраста въ которомъ могъ уже сдѣлаться Государемъ Болоньи. Итакъ я заключаю, что если Государь любимъ народомъ, ему нечего опасаться никакихъ противъ себя заговоровъ и злоумышленій, но если онъ враждебенъ народу и заслужилъ его ненависть, онъ долженъ всѣхъ и всего опасаться. Хорошо организованныя государства и предусмотрительные Государи обыкновенно усиленно заботятся о томъ, чтобы народъ былъ ими доволенъ и не очень угнетенъ, съ тѣмъ однако же, чтобы это не сильно раздражало аристократовъ; достиженіе этого,— одна изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ Государя.

Изъ современныхъ, хорошо организованныхъ государствъ, не могу не указать на Францію. Въ этой странѣ существуетъ безчисленное множество отличныхъ учрежденій, обусловливающихъ независимость и безопасность короля. Главнѣйшее изъ нихъ —

парламентъ и его власть. Введеніе парламента показываетъ, что организаторы Франціи понимали насколько необходимо обуздать честолюбіе и ненасытную гордость знатныхъ лицъ государства, а съ другой стороны, зная ненависть массъ къ знатнымъ лицамъ, основанную на страхѣ, и желая нѣсколько охранить и послѣднихъ, разсудили, что будетъ благоразумно, чтобы забота о такой охранѣ не лежала на одномъ Государѣ, который, покровительствуя народу, не возбуждалъ бы этимъ ненависти знатныхъ, а, охраняя знатныхъ, не возстановлялъ бы противъ себя массъ. Въ этихъ то видахъ и былъ основанъ парламентъ, родъ посредствующаго учрежденія, которое могло бы покровительствовать народу, не раздражая знати противъ королей и обуздывая ихъ честолюбіе. Для прочности государства и спокойствія Государей — трудно придумать лучшее и болѣе разумное учрежденіе.

Изъ учрежденія пармамента должно вывести кромѣ того, еще слѣдующее общее правило: вообще Государи всѣ тягости управленія должны возлагать на другихъ, оставляя за собою только право милосердія. Кромѣ того, повторяю, — Государи должны покровительствовать знати, но умѣть не возбуждать этимъ ненависти въ народѣ.

Разсматривая обстоятельства жизни и смерти многихъ римскихъ императоровъ, многіе могутъ подумать, что ихъ примѣръ совершенно противорѣчитъ тому, что я здѣсь высказываю, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на свою постоянную мудрость и великія доблести, все-таки теряли свои государства или даже просто погибали во время заговоровъ, возникавшихъ въ средѣ ихъ подданныхъ.

Въ отвѣтъ на такое возраженіе, я считаю нелишнимъ разсмотрѣть обстоятельства жизни и личный характеръ нѣкоторыхъ изъ римскихъ императоровъ, чтобы доказать, что причины ихъ погибели не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы моимъ положеніямъ. Кромѣ того, я воспользуюсь при этомъ возможностью высказать нѣсколько общихъ взглядовъ на особенности событій того времени, взглядовъ, которые будутъ не безполезны для изучающихъ исторію. Для этой цѣли я считаю достаточнымъ прослѣдить рядъ государей отъ Марка Аврелія до Максимина, которые слѣдовали другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ: Маркъ Аврелій, сынъ его Коммодъ, Пертинаксъ, Юліанъ, Северъ, Антонинъ, сынъ его Карракала, Макринъ, Геліогабалъ, Александръ и Максиминъ. Прежде всего замѣчу, что если въ другихъ государствахъ правителямъ приходится бороться только съ честолюбіемъ знати и грубостью народа, то римскимъ императорамъ, кромѣ этихъ трудностей, предстояла еще третья: борьба съ жестокостью и корыстолюбіемъ солдатъ, и эта послѣдняя трудность была до того значительна, что она одна обусловливала погибель многихъ изъ римскихъ Государей. Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно трудно удовлетворить одновременно народъ и войско; народъ любитъ спокойствіе и миролюбивыхъ Правителей, войско привязывается къ Государямъ завоевательнымъ, жестокимъ, хищнымъ, вносящимъ въ другія страны раззореніе и грабежъ; войско желало бы, чтобы таковыми являлись Государи и для своихъ подданныхъ, такъ какъ при этомъ войска получаютъ усиленное содержаніе и могутъ насыщать свое стремленіе къ жестокости и грабежамъ. Отъ этого то тѣ изъ римскихъ императоровъ, которые не обладали, или не съумѣли пріобрѣсти умѣнья обуздывать одновременно войско и народъ, обыкновенно погибали, и большая часть императоровъ, а особливо тѣ, которые достигли власти будучи *новыми людьми* (uomini nuovi, homines novi)—сознавая трудность одновременнаго удовлетворенія двухъ противоположныхъ требованій, обыкновенно стремились только къ тому, чтобы удовлетворить войско, нисколько не заботясь о томъ, что этимъ самымъ они угнетали народъ. Иной образъ дѣйствій былъ для нихъ невозможенъ, такъ какъ, поставленные въ необходимость непремѣнно возбуждать чью либо ненависть, они должны были прежде всего озаботиться, чтобы не возбуждать ненависти большинства, а если не могли этого достигнуть, то имъ всякими способами необходимо было расположить въ свою пользу хотя ту часть большинства, которая была могущественнѣе. Поэтому то римскіе императоры, какъ люди новые, недавно получившіе власть и нуждавшіеся, для удержанія ея за собою, въ чрезвычайныхъ мѣрахъ, обыкновенно предпочитали расположеніе войска расположенію народа, и это имъ болѣе или менѣе

удавалось, смотря по тому, какую репутацію умѣли они себѣ составить въ войскѣ.

Отъ вышеизложенныхъ причинъ и произошло то, что изъ трехъ императоровъ,—Маркъ Аврелій, Пертинаксъ и Александръ Северъ,— одинаково отличавшихся миролюбіемъ, скромною жизнію, любовью къ справедливости, нерасположеніемъ къ жестокостямъ, гуманностью и благодушіемъ,—не погибъ только Маркъ Аврелій. Но если Маркъ Аврелій жилъ и умеръ съ честію, то онъ обязанъ этимъ отчасти тому, что, вступивъ на римскій престолъ по праву наслѣдованія, онъ не былъ обязанъ своею властью ни войску, ни народу, и отчасти тому, что его высокія добродѣтели возбуждали къ нему такое всеобщее почтеніе, что онъ, въ силу его, могъ постоянно удерживать государство свое въ границахъ долга, не возбуждая этимъ къ себѣ ни презрѣнія, ни ненависти.

Что касается до Пертинакса, то выбранный противъ воли войска, онъ ввелъ въ войскахъ дисциплину и вооружилъ этимъ противъ себя солдатъ, привыкшихъ къ той распущенности, которая существовала между ними при Коммодѣ; солдаты тотчасъ же возненавидѣли его. Къ ненависти этой прибавилось еще и презрѣніе, которое возбуждала его старость,—и онъ погибъ тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ власти. Замѣчу здѣсь снова, что заслужить ненависть за добрыя дѣйствія также легко, какъ и за дурныя, и что изъ этого слѣдуетъ, какъ я уже говорилъ выше, что Государямъ, желающимъ удержать за собою власть, весьма часто необходимо быть порочными. Если народъ, или войско, или аристократія, короче—какой-нибудь классъ подданныхъ, въ опорѣ котораго нуждается Государь,—испорченъ и развращенъ, то Государь долженъ, чтобы не возбуждать его противъ себя, угождать ему, а въ такихъ случаяхъ всякое честное дѣйствіе для него вредно.

Перейдемъ къ Александру Северу. Государь этотъ былъ настолько добръ, что въ числѣ расточаемыхъ ему похвалъ обыкновенно приводятъ слѣдующее: въ теченіе 14 лѣтняго его царствованія ни одинъ римлянинъ не былъ подвергнутъ лишенію жизни безъ предварительнаго суда. Не смотря на это, такъ какъ на него смотрѣли, какъ на обабившагося человѣка, позволявшаго своей

матери управлять собою,—онъ впалъ въ презрѣніе у войска; между солдатами возникъ заговоръ и онъ былъ убитъ.

Разсматривая, въ противуположность Государямъ, только что мною перечисленнымъ, качества и личный характеръ Коммода, Септимія Севера, Антонина, Каракаллы и Максимина, мы найдемъ, что всѣ эти императоры были чрезвычайно жестоки и ненасытно жадны, что для удовлетворенія страстей солдатъ они не останавливались ни передъ какою неправдою и угнетеніемъ народа—и, несмотря на это, всѣ, за исключеніемъ Септимія, тоже погибли. Севера спасла его доблесть; благодаря ей онъ съумѣлъ привязать къ себѣ солдатъ, и, несмотря на то, что отягощалъ народъ чрезмѣрными налогами, могъ счастливо властвовать надъ Римской Имперіей: доблесть его возбуждала восхищеніе въ массахъ, народъ былъ какъ бы удивленъ и увлеченъ ею, солдаты были удовлетворены и почитали его. Такъ какъ такой образъ дѣйствій былъ замѣчателенъ въ человѣкѣ, едва получившемъ власть, то я хочу вкратцѣ указать, какъ Септимій умѣлъ принимать на себя личины льва и лисицы,—личины, прибѣгать къ которымъ, какъ я уже говорилъ выше, бываетъ полезно для Государей. Узнавъ, что Юліанъ предательски захватилъ императорскую власть, онъ убѣдилъ войска, которыми въ то время начальствовалъ въ Паннонія, въ томъ, что на ихъ обязанности лежитъ идти на Римъ, для отмщенья за смерть Пертинакса, удушеннаго преторіянцами, и, не открывая своего замысла овладѣть престоломъ, онъ такъ поспѣшно направился съ войсками къ Риму, что явился въ Италіи прежде, нежели туда дошелъ слухъ объ его походѣ. Едва онъ явился въ Римъ, Юліанъ былъ убитъ, и растерявшійся Сенатъ провозгласилъ его императоромъ. Послѣ такого начала, Септимію, для завладѣнія всею Римскою Имперіею, предстояло только совладать съ двумя трудностями: отдѣлаться на востокѣ отъ Нигера, который, начальствуя войсками въ Азіи, былъ тогда провозглашенъ ими императоромъ, и на западѣ—отъ Альбина, стремившагося также къ захвату верховной власти. Считая опаснымъ для себя начинать одновременно борьбу съ обоими соперниками, Северъ рѣшился дѣйствовать открытою силой противъ Нигера и обманомъ противъ Альбина. Для

*

достиженія послѣдней цѣли, онъ написалъ Альбину дружественное письмо, въ которомъ извѣщалъ его, что, избранный Сенатомъ въ императоры, онъ тяготится слишкомъ большою властью и желалъ бы ее раздѣлить съ Альбиномъ, почему и посылаетъ къ нему титулъ Цезаря и декретъ Сената, которымъ Альбинъ признанъ его соправителемъ. Альбинъ попался въ западню, принявъ всю эту продѣлку за чистую монету. Когда Северъ побѣдилъ и умертвилъ Нигера, когда онъ успокоилъ возмущенія на востокѣ, то, возвратясь въ Римъ, онъ принесъ Сенату жалобу на дѣйствія Альбина, въ которой обвинялъ послѣдняго въ неблагодарности за всѣ благодѣянія, какими онъ его осыпалъ. Говорилъ, что ему извѣстно, что Альбинъ замышляетъ тайно умертвить его, и заключилъ тѣмъ, что считаетъ себя не вправѣ оставить безнаказанною такую измѣнническую неблагодарность. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ заявленіемъ, онъ направился во Францію, гдѣ тогда находился Альбинъ, и лишилъ его власти и жизни.

Таковъ былъ образъ дѣйствій этого Государя; разсматривая шагъ за шагомъ всѣ его поступки, нетрудно убѣдиться, что онъ постоянно являлся или смѣлымъ львомъ, или хитрою лисою; народъ его чтилъ и боялся, солдаты любили. При этомъ никто не станетъ удивляться, какъ онъ, новый человѣкъ, съумѣлъ удержать власть за собою, если вспомнить, что его громадная слава предохраняла его постоянно отъ ненависти, которую онъ могъ бы заслужить у народа за свое грабительство.

Сынъ Севера, Антонинъ, подобно отцу своему, также обладалъ нѣкоторыми личными качествами, доставившими ему удивленіе народа и привязанность солдатъ. Такъ, войско къ нему привязывало его искусство въ военномъ дѣлѣ, твердость въ перенесеніи всякихъ лишеній, его пренебреженіе къ изысканной пищѣ и всякой роскоши; но его жестокость, неслыханная его кровожадность, множество чуть не ежедневныхъ казней въ Римѣ и истребленіе чуть не всѣхъ жителей Александріи, заставили весь народъ крайне возненавидѣть его, и трепетать передъ нимъ даже окружающихъ его, такъ что вскорѣ одинъ изъ центуріоновъ умертвилъ его, въ присутствіи окружавшей его гвардіи. Изъ этого событія можно вывести общее правило: Государю трудно избѣгнуть смерти, если человѣкъ энергическій и закаленный въ своемъ намѣреніи замыслитъ его погибель, потому что человѣкъ, не дорожащій своей жизнью, обыкновенно дѣлается властелиномъ жизни другихъ людей; но такъ какъ случаи подобнаго рода встрѣчаются рѣдко, то Государямъ нечего ихъ и опасаться. Все, что можетъ сдѣлать Государь, въ видахъ избѣжанія подобной участи, состоитъ въ осторожности и избѣжаніи поводовъ къ сильнымъ оскорбленіямъ своихъ окружающихъ и приближенныхъ. Антонинъ въ этомъ смыслѣ не остерегся, несправедливо приговорилъ къ казни брата центуріона, сдѣлавшагося впослѣдствіи его убійцею, и мало того, каждый день угрожалъ тою же участью и ему,—не удаляя его однако изъ числа своихъ приближенныхъ тѣлохранителей. Это была большая неосторожность, долженствовавшая его погубить,—что и случилось.

Перейдемъ къ Коммоду. Этому Государю было легко удерживать за собою власть, такъ какъ она была наслѣдственная и перешла къ нему, какъ къ сыну Марка Аврелія; ему стоило только идти по слѣдамъ отца, и онъ могъ удерживать и народъ и войско въ повиновеніи. Но, какъ человѣкъ жестокой и низкой души, для того, чтобы удовлетворять своему стремленію къ грабительству, онъ вздумалъ потворствовать солдатамъ и дозволять имъ всякую распущенность. Кромѣ того, забывая достоинство своего сана, онъ нерѣдко являлся на публичной аренѣ для борьбы съ гладіаторами и предавался всякому неприличію, несоотвѣтствовавшему величію римскаго правителя, такъ что возбудилъ къ себѣ омерзѣніе даже въ своихъ солдатахъ, и такимъ образомъ, презираемый одними и ненавидимый другими, онъ былъ задавленъ убійцами, во время возникшаго противъ него заговора

Мнѣ остается сказать только о Максиминѣ. Онъ отличался воинскими способностями и храбростію. По смерти Александра Севера, о которомъ я уже говорилъ, войска, недовольныя его слабостью, избрали императоромъ Максимина; но онъ недолго удержалъ за собою полученную власть. Два обстоятельства возбудили къ нему всеобщее презрѣніе и ненависть. Первое обстоятельство состояло въ ничтожности его происхожденія: всѣмъ было извѣстно, что

онъ былъ прежде пастухомъ во Ѳракіи, и его не могли уважать. Вторымъ обстоятельствомъ была быстро распространившаяся репутація о его чрезмѣрной жестокости: едва избранный въ императоры и еще прежде, нежели явился въ Римъ для принятія престола, онъ черезъ своихъ довѣренныхъ лицъ, успѣлъ уже произвесть какъ въ Римѣ, такъ и въ другихъ частяхъ имперіи, цѣлый рядъ различныхъ звѣрствъ и жестокостей. Все единодушно возстало противъ него, отчасти вслѣдствіе презрѣнія къ низости его происхожденія, отчасти отъ страха, возбужденнаго его жестокостями, и сначала жители римскихъ провинцій въ Африкѣ, а потомъ и самый Сенатъ, вмѣстѣ со всѣмъ населеніемъ Рима и Италіи, пошли противъ него. Вскорѣ къ этому общему возстанію присоединились и его войска, которыя въ это время осаждали Аквилею. Утомленныя долговременной осадой и раздраженныя его жестокостями эти войска, видя общее противъ него недовольство, перестали его бояться и рѣшились его умертвить.

Я не стану останавливаться болѣе ни на Геліогабалѣ, ни на Макринѣ, ни на Юліанѣ,—всѣ эти лица были настолько жалки, что немедленно за полученіемъ власти, утрачивали ее,—и, переходя къ выводу изъ всего мною сказаннаго, повторяю, что современнымъ Государямъ легче удержать свою власть, чѣмъ это было римскимъ императорамъ. Имъ предстоитъ одною трудностью меньше. Трудность эта — чрезвычайныя мѣры для удовлетворенія солдатъ. Конечно и они должны нѣсколько озабочиваться тѣмъ, чтобы войска были ими довольны, но это не представляется особенно затруднительнымъ, такъ какъ никому изъ этихъ Государей не приходится имѣть дѣло съ войсками, которыя подобно римскимъ были бы, такъ сказать, за панибрата съ прежними правительствами и отдѣльными управленіями областей. Римскіе императоры были поставлены въ необходимость угождать войскамъ въ ущербъ народу, такъ какъ войска были могущественнѣе народа; нынѣ же главною заботою Государей должно быть удовлетвореніе народа, такъ какъ народъ сдѣлался могущественнымъ. Исключенія въ этомъ смыслѣ составляютъ развѣ только Турція и Египетъ.

Я исключаю Турецкаго Султана, такъ какъ онъ, обязанный содержать постоянное войско въ 20 т. пѣхоты и 15 т. кавалеріи, для личной своей охраны — отъ чего зависитъ прочность и безопасность его государства,—долженъ поневолѣ стараться привязать ихъ къ себѣ, прежде всякой заботы объ удовлетвореніи народа. Точно также и Правитель Египта, находящійся совершенно въ рукахъ своихъ солдатъ, долженъ преимущественно стараться выиграть въ ихъ расположеніи, несмотря на то, понравится это или нѣтъ народу. Замѣчу при этомъ, что Египетъ представляетъ собою государство исключительное, по своему устройству, въ средѣ другихъ государствъ, и подобное развѣ только владѣніямъ папы, такъ какъ Правители тамъ не наслѣдственны, и вмѣстѣ съ тѣмъ, Египетъ не представляетъ собою типа вновь возникающаго государства. Въ самомъ дѣлѣ, по смерти правителя, его дѣти ему тамъ не наслѣдуютъ, но его наслѣдникъ выбирается особыми лицами, которымъ ввѣрено такое избраніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ такое учрежденіе въ Египтѣ—учрежденіе древнее, освященное преданіемъ, то послѣ такого выбора въ странѣ не представляется тѣхъ трудностей, какія мы видимъ обыкновенно во вновь возникающихъ монархіяхъ. Правитель бываетъ новый, но порядки въ государствѣ остаются старые, и все представляетъ собою такой видъ, какъ будто бы вновь избранное лицо получило престолъ по праву престолонаслѣдія.

Возвращаясь къ предмету моего изслѣдованія, замѣчу, что всякій, кто станетъ раздумывать обо всемъ, что я уже сказалъ, легко увидитъ, что причиною гибели римскихъ императоровъ, о которыхъ я упоминалъ, были заслуженныя ими ненависть или презрѣніе, и его нисколько не удивитъ, что, несмотря на то, что одни изъ нихъ дѣйствовали однимъ, а другіе совершенно противуположнымъ образомъ,—всѣ они погибли, за исключеніемъ только двоихъ, изъ которыхъ каждый былъ какъ бы представителемъ этихъ двухъ противуположныхъ способовъ дѣйствія. Читатель пойметъ, что Пертинаксу и Александу Северу, государямъ выборнымъ, было неблагоразумно, и даже пагубно, подражать Марку Аврелію, государю наслѣдственному, и что точно также Каракалла, Коммодъ и Максиминъ, погубили себя, желая подражать Северу, такъ какъ

они не имѣли тѣхъ личныхъ высокихъ качествъ, обладаніе которыми, одно только давало бы имъ право идти по его слѣдамъ.

Скажу, кромѣ всего этого, что всякій новый Государь можетъ и долженъ, не подражать Марку Аврелію или Северу, но послѣдовать и усвоить въ примѣрѣ Севера все то, что для него необходимо для упроченія своей власти, а въ примѣрѣ Марка Аврелія — все, что для него можетъ быть полезнымъ, для поддержанія прочности и славы государства, издавна учрежденнаго и прочно установившагося.

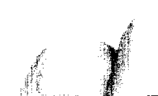
ГЛАВА XX.

Полезны или вредны для Государей сооруженіе крѣпостей и разныя мѣры, принимаемыя ими для своей безопасности.

Для поддержанія своей власти въ управляемой ими странѣ, Государи обыкновенно прибѣгали къ различнымъ мѣрамъ, смотря потому, какую изъ нихъ находили для себя болѣе удобною. Одни обезоруживали своихъ подданныхъ, другіе поддерживали борьбу и несогласія между разными партіями въ завоеванныхъ ими странахъ; нѣкоторые старались нарочно поддерживать противъ себя недовольство, другіе старались выиграть расположеніе именно тѣхъ лицъ, которыя при полученіи ими власти были для нихъ подозрительны; одни воздвигали крѣпости, другіе же ихъ срывали и уничтожали. Высказаться опредѣленно о каждой изъ подобныхъ мѣръ невозможно, не входя въ разсмотрѣніе каждаго частнаго случая, объусловленнаго тѣми или другими обстоятельствами, возникавшими въ той или другой странѣ; но и нѣсколько общихъ воззрѣній по ихъ поводу будутъ небезполезны для читателя. Обыкновенно, ни одинъ новый Государь, только что достигнувшій власти, не начинаетъ съ обезоруживанія своихъ подданныхъ, но совершенно напротивъ, если его народъ вооруженъ недостаточно, онъ усиливаетъ его вооруженіе, зная, что этимъ онъ привяжетъ его къ себѣ и оружіе послужитъ къ его же защитѣ, — что даже тѣ лица, которыя были для него подозрительны, получивъ отъ него оружіе, сдѣлаются ему вѣрными, — что вѣрность всего народа вообще этимъ поддержится, и всѣ его новые подданные сдѣлаются его

сторонниками. Обыкновенно бываетъ такъ, что въ странѣ находится множество людей, неспособныхъ носить оружіе; награждая и возвышая тѣхъ, которые его носить въ состояніи, Государи могутъ быть вполнѣ увѣрены, что этимъ они не возбудятъ никакихъ серьезныхъ и опасныхъ для себя неудовольствій въ средѣ тѣхъ, которые его носить не могутъ. Тѣ, которыхъ Государи станутъ награждать, уже за одно это привязываются къ нимъ, другіе найдутъ совершенно согласнымъ съ справедливостью, что награды выпадаютъ на долю тѣхъ, кто ревностнѣе служитъ и сами станутъ охотнѣе отваживаться на всякую опасность. Государь, который началъ бы свое властвованіе обезоруженіемъ своихъ подданныхъ, началъ бы съ оскорбленія, выказывая такою мѣрою, что онъ недовѣряетъ ихъ вѣрности, а такое недовѣріе, каковы бы ни были къ нему основные поводы, обыкновенно возбуждаетъ къ Государямъ общую ненависть. Кромѣ того, Государь, рѣшившійся на такую мѣру, при невозможности оставаться безъ войска, вынужденъ былъ бы обратиться къ наемной милиціи, истинный характеръ которой я уже достаточно выяснилъ выше, и которая, еслибы даже и была пригодною, никогда не можетъ количественно быть достаточною для того, чтобы Государи при ея помощи могли защищаться и отъ сильныхъ непріятелей, и отъ раздраженныхъ подданныхъ. Поэтому то, какъ я уже сказалъ, ни одинъ новый Правитель, устраивая новое государство, никогда не забывалъ озаботиться объ организаціи вооруженной силы. Исторія представляетъ безчисленные примѣры этого. Но когда Государи завоевываютъ новую страну, которую присоединяютъ, какъ часть къ своему государству, то имъ необходимо обезоруживать покоренныя страны, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда жители страны покоряются добровольно ихъ подданству или даже сами высказываются за ихъ избраніе. Впрочемъ и въ послѣднемъ случаѣ, надобно умѣть постепенно и при удобныхъ обстоятельствахъ поселить въ странѣ стремленіе къ нѣгѣ и роскоши и распорядиться такъ, чтобы все вооруженное войско состояло впослѣдствіи изъ солдатъ Государя и жило вблизи его, непремѣнно на территоріи стараго его государства.

Наши предки, а особливо тѣ изъ нихъ, которые признавались

мудрыми, обыкновенно говорили: «властвовать надъ Пистойей значитъ ссорить между собой существующія въ ней партіи, властвовать надъ Пизой значитъ воздвигать крѣпости.» Поэтому они и въ другихъ странахъ, подчиненныхъ имъ, для упроченія своей власти, старались поддерживать несогласіе партій. Такая система была хороша въ то время, когда вся Италія находилась въ колебаніи, нотеперь я не считаю ее настолько удобной, чтобы введеніе ея можно было посовѣтовать Государямъ, такъ какъ я не думаю, чтобы внесеніе въ страну раздора могло бы быть хотя сколько нибудь полезно. Напротивъ, обыкновенно бываетъ такъ, что страны, въ которыхъ господствуетъ внутренній раздоръ, погибаютъ при первомъ столкновеніи съ внѣшнимъ непріятелемъ: партія болѣе способная обыкновенно передается врагамъ, отчего сильная партія ослабѣваетъ и побѣждается. Венеціанцы смотрѣли на внутреннія раздоры, какъ на значительное подспорье своему могуществу, и въ каждомъ городѣ, которымъ овладѣвали, старались разжигать вражду между гвельфами и гиббелинами. Правда, они не допускали этимъ междоусобіямъ доходить до кровопролитія, но они поселяли смуты и раздоръ только для того, чтобы вниманіе жителей было постоянно ими нѣсколько занято, чтобы имъ нѣкогда было подумать о сверженіи венеціанскаго господства. Однако это ни къ чему не послужило, и едва Венеціанцы потеряли сраженіе при Вайлѣ, какъ всѣ подвластные имъ города ободрились и тотчасъ же свергли иго ихъ господства.

Вообще система введенія въ государство раздора—показываетъ слабость Государей; еще въ мирное время она годна, облегчая управленіе страною, но за то, едва возникаетъ война, и подобная система приводитъ Государей къ погибели.

Безспорно, Государи становятся славными только тогда, когда имъ удастся восторжествовать надъ всѣми препятствіями, которыя противустояли на пути къ ихъ величію. Поэтому-то фортуна окружаетъ своихъ избранниковъ (преимущественно Государей новыхъ, для которыхъ достигнуть славы необходимѣе, чѣмъ для Государей наслѣдственныхъ) множествомъ враговъ и побуждаетъ ихъ къ борьбѣ съ ними для проявленія блистательныхъ подвиговъ, и

такимъ образомъ, по этой лѣстницѣ, которую составляютъ непріятели, ведетъ своихъ любимцевъ къ величію и славѣ. Поэтому-то нѣкоторые и полагали, что всякій мудрый Государь долженъ, на сколько это отъ него зависитъ, при возшествіи на престолъ, искуственно возбудить противъ себя нѣкоторое неудовольствіе, чтобы, восторжествовавъ надъ нимъ, положить этимъ первую основу для дальнѣйшаго своего величія.

Обыкновенно Государи, и преимущественно получившіе власть не по наслѣдству, убѣждались, что наибольшей пользы и вѣрности можно имъ ожидать именно отъ тѣхъ людей, которые, при началѣ ихъ господства, казались имъ подозрительными, нежели отъ тѣхъ, кто съ самаго начала заявлялъ себя вѣрнымъ. Пандольфо Петруччи, Правитель Сіены, поручалъ всѣ главнѣйшія отрасли управленія именно тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ сначала признавалъ для себя опасными и подозрительными. Впрочемъ въ такомъ предметѣ трудно дать опредѣленныя общія правила, такъ какъ въ бóльшей части случаевъ тутъ все зависитъ отъ частныхъ комбинацій; скажу только вообще, что Государи, вновь получающіе власть, могутъ безопасно полагаться на тѣхъ лицъ, которыя въ началѣ заявляютъ себя противъ нихъ, доставивъ имъ поддержку, если только эти лица нуждаются въ какой либо поддержкѣ. Этимъ Государи обыкновенно ихъ къ себѣ привязываютъ. Обыкновенно бываетъ такъ, что лица эти какъ бы вынуждаются благодарностью къ вѣрности и усердной службѣ, такъ какъ они сознаютъ, что имъ бываетъ необходимо, дѣлами изгладить то неблагопріятное объ нихъ мнѣніе, которое Государи необходимо должны были о нихъ составить и, такимъ образомъ, Государямъ они несравненно полезнѣе тѣхъ людей, которые, не имѣя этихъ основаній къ усердію и вѣрности, могутъ небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ и интересамъ Государя. Кромѣ того, такъ какъ я уже распространился объ этомъ, то замѣчу, что для Государей, которые получили власть надъ новой страной, благодаря посредству нѣкоторыхъ лицъ этой страны, чрезвычайно важно изслѣдовать основанія и причины, по которымъ эти лица стали дѣйствовать въ ихъ пользу, такъ какъ, если они помогали Государю не изъ расположенія къ нему,

а только вслѣдствіе недовольства существовавшимъ прежде въ ихъ странѣ порядкомъ вещей, то для новаго Государя будетъ чрезвычайно трудно сохранить ихъ привязанность къ себѣ и совершенно невозможно ихъ удовлетворить.

Разбирая всѣ примѣры, какіе по этому поводу представляютъ древняя и новая исторія, приходишь къ очевидному выводу, что для новаго Государя несравненно легче бываетъ пріобрѣсть расположенія тѣхъ, кто до полученія имъ власти былъ ему враждебенъ потому, что былъ доволенъ существовавшимъ до того порядкомъ вещей, нежели сохранить привязанность тѣхъ лицъ, которыя помогали его планамъ и относились къ нему дружелюбно только потому, что были недовольны существовавшимъ до него порядкомъ вещей.

Для бóльшей безопасности и удобнѣйшаго поддержанія своей власти, Государи различныхъ странъ вообще имѣли обыкновеніе воздвигать многочисленныя крѣпости. Такія крѣпости служили обыкновенно, какъ бы оплотомъ противъ внутреннихъ возмущеній страны, а въ крайности служили даже и убѣжищами для самихъ Государей. Я одобряю эту мѣру, такъ какъ она признавалась полезною и въ древнія времена. Но въ наше время, мы видимъ примѣры совершенно противуположнаго образа дѣйствій. Мы видѣли, что мессеръ Никколо Вителли, для того, что бы удержать за собою обладаніе городомъ Кастелло, приказалъ срыть въ немъ двѣ крѣпости. Точно также Герцогъ Урбино, Гвидо Убальдо, возвратясь въ свое герцогство, изъ котораго онъ былъ изгнанъ Цезаремъ Борджіа, приказалъ срыть до основанія всѣ крѣпости, которыя находились въ этой странѣ, полагая, что этимъ онъ былъ въ состояніи предохранить себя отъ вторичнаго изгнанія. Подобно тому поступили и Бентивольи, по возвращеніи ихъ въ Болонью. Крѣпости, слѣдовательно, смотря по обстоятельствамъ, могутъ быть полезны или вредны для Государей, и если, съ одной стороны, обладаніе ими выгодно для государей, то съ другой — оно представляетъ и нѣкоторыя неудобства. Вообще объ этомъ можно сказать вотъ что: Государямъ, опасающимся своихъ подданныхъ болѣе, чѣмъ внѣшнихъ враговъ, полезно воздвигать крѣпости; и

имъ не слѣдуетъ ихъ имѣть, если они опасаются внѣшнихъ враговъ болѣе, нежели своихъ подданныхъ. Миланская крѣпость (Castel di Milano), воздвигнутая Франческо Сфорца, принесла его роду гораздо болѣе вреда, чѣмъ всѣ другія безпорядки, существовавшіе въ странѣ. Лучшая крѣпостъ для Государя — расположеніе къ нему подданныхъ, такъ какъ Государь можетъ обладать самыми лучшими крѣпостями и всетаки, если народъ его ненавидитъ, то онѣ не спасутъ его; стоитъ только народу подняться противъ него, и въ помощь народу тотчасъ же явится чужестранное вмѣшательство.

Въ наши дни крѣпости не принесли пользы ни одному Государю, за исключеніемъ графини Форли, которая послѣ убійства своего мужа, графа Джироламо, нашла въ крѣпости убѣжище противъ возставшаго народа и могла въ ней выгадать время, пока изъ Милана не прислали ей вспомогательнаго войска, при помощи котораго ей удалось снова овладѣть потерянной страной. Но время, когда совершалось это событіе, было исключительное, такъ какъ никто изъ чуждыхъ народовъ не могъ поддержать возмутившихся подданныхъ. Кромѣ того, таже самая крѣпость не принесла ей никакой пользы впослѣдствіи, когда противъ нея пошелъ Цезарь Борджіа, и когда народъ, ненавидѣвшій ее, присоединился къ нему. И въ этомъ, какъ и въ первомъ случаѣ, для нея было бы гораздо выгоднѣе отсутствіе народной ненависти, чѣмъ обладаніе крѣпостями. Принявъ все это въ соображеніе, я одинаково похвалю и того Государя, который строитъ, и того, который разрушаетъ крѣпости въ своихъ владѣніяхъ; но я считаю достойнымъ порицанія всѣхъ тѣхъ Правителей, которые, надѣясь на защиту этого рода, не опасаются возбуждать противъ себя народную ненависть.

ГЛАВА XXI.

Какъ долженъ дѣйствовать Государь, чтобы заслужить хорошую репутацію.

Ничто не заставляетъ такъ уважать Государей, какъ ихъ великіе подвиги и возвышенные, образцовые поступки. Примѣромъ

подобнаго Государя въ наши дни можетъ служить Фердинандъ Арагонскій, нынѣ король Испанскій. На него можно смотрѣть какъ на Государя новаго, такъ какъ изъ незначительнаго владѣтеля, онъ, благодаря своей славѣ и завоеваніямъ, сдѣлался первымъ изъ христіанскихъ королей. Разсматривая всѣ его дѣйствія, вы увидите, что всѣ они славны, а нѣкоторыя даже необыкновенно мудры. Въ началѣ своего управленія, онъ завоевалъ Гренадское королевство, и это предпріятіе послужило основой для его дальнѣйшаго величія. Во первыхъ, онъ чрезвычайно искусно выбралъ время для этой войны, когда находился со всѣми въ мирѣ и могъ выполнить свой планъ безъ опасенія, что его отвлекутъ отъ его исполненія; во вторыхъ, этою войной онъ далъ пищу честолюбію Кастильской знати, и кастильцы были отвлечены отъ мысли о необходимыхъ улучшеніяхъ въ своей странѣ, тогда какъ Фердинандъ пріобрѣталъ славою своихъ подвиговъ преобладающее надъ ними вліяніе, чего они даже не могли и замѣтить. Кромѣ того, деньги, полученныя имъ отъ церкви, и налоги, которые онъ имѣлъ благовидный предлогъ собрать съ народа, дали ему возможность завести громадную армію, окрѣпшую въ школѣ непрерывныхъ войнъ и доставившую ему впослѣдствіи такой всеобщій почетъ. Кромѣ того, чтобы имѣть возможность къ дальнѣйшему осуществленію своихъ обширныхъ плановъ, онъ тотчасъ по завоеваніи Гренады, подъ предлогомъ интересовъ религіи, прибѣгнулъ къ религіозной нетерпимости и жестокости, преслѣдуя Мавровъ и изгнавъ ихъ изъ своего королевства: мысль чрезвычайно счастливая, мѣра мудрая, достойная удивленія. Потомъ, все подъ тою же личиною религіозности, онъ затѣялъ свой походъ въ Африку, потомъ перенесъ свое оружіе въ Италію и наконецъ затѣялъ войну съ Франціей. Такимъ образомъ, онъ безостановочно обдумывалъ и осуществлялъ громадныя предпріятія, и держалъ умы своихъ подданныхъ въ постоянномъ удивленіи къ своей мудрости, въ непрестанномъ ожиданіи исхода тѣхъ или другихъ важныхъ событій. При этомъ всѣ его предпріятія такъ безостановочно слѣдовали одно за другимъ и такъ тѣсно между собою связывались, что недавали времени никому, ни врагамъ его, ни подданнымъ, ни на минуту одуматься, чтобы дѣйствовать противъ него.

Весьма полезно также для Государей и во внутреннемъ управленіи дѣйствовать такъ, какъ, судя по разсказамъ, дѣйствовалъ миланскій герцогъ, Мессеръ Бернабо Висконти, т. е. при удобномъ случаѣ принимать такія мѣры, которые производили бы на подданныхъ сильное впечатлѣніе и возбуждали толки и шумъ. Исключительныя награды или наказанія тѣмъ изъ подданныхъ, которые отличились какими нибудь заслугами или совершили важное преступленіе, подаютъ обыкновенно поводъ къ такимъ распоряженіямъ, впечатлѣніе отъ которыхъ можетъ быть очень сильно въ народѣ, и заставляютъ смотрѣть на Государя какъ на великую и необыкновенную личность.

Уважаются также Государи, которые въ данныхъ обстоятельствахъ умѣютъ выказываться откровеннымъ врагомъ или другомъ кого-либо. Такая откровенность во враждѣ и дружбѣ, несравненно полезнѣе для государей, нежели двусмысленный нейтралитетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если два сосѣднія государства вступаютъ между собою въ войну, то обыкновенно бываетъ такъ, что или они настолько слабы, что въ случаѣ побѣды, ни одно изъ нихъ не можетъ быть опасно для того Государя, о которомъ мы говоримъ, или на оборотъ. Постараюсь доказать, что въ обоихъ этихъ случаяхъ только откровенныя дѣйствія Государя ему полезны, и вотъ почему: въ случаѣ если воюющія государства сильны и вы не высказались откровенно въ пользу одного изъ нихъ,—вы становитесь жертвою государства побѣдившаго; государство побѣжденное будетъ этому даже радоваться, такъ какъ оно не имѣетъ никакихъ основаній ни защищать васъ, ни давать вамъ у себя убѣжище. Побѣдители же пренебрегаютъ двусмысленными друзьями, не помогшими имъ въ минуту опасности, а побѣжденные — смотрятъ на нихъ, какъ на чужихъ, потому что они уже доказали свое нерасположеніе тѣмъ, что не хотѣли съ оружіемъ въ рукахъ раздѣлить ихъ судьбы.

Когда Антіохъ вошелъ въ Грецію, куда былъ призванъ Этолійцами, для изгнанія Римлянъ, то онъ отправилъ парламенте-

ровъ къ Ахейцамъ, союзникамъ Римлянъ, чтобы убѣдить ихъ сохранить нейтралитетъ. Римляне въ то же время прислали къ Ахейцамъ своихъ парламентеровъ, чтобы склонить ихъ къ войнѣ. Вопросъ сталъ обсуждаться въ совѣтѣ Ахейцевъ, и когда парламентеры Антіоха настаивали на нейтралитетѣ, римскіе парламентеры отвѣтили имъ такимъ обращеніемъ къ Ахейцамъ: «что касается до совѣта, который вамъ предлагаютъ, быть нейтральными въ нашей войнѣ, то хотя вамъ и выдаютъ такое положеніе за самое для васъ выгодное и безопасное, но дѣло стоитъ совершенно иначе, и для васъ ничего не можетъ быть пагубнѣе согласія вашего послѣдовать такому совѣту: не заслуживъ ни славы, ни благодарности ни одной изъ воюющихъ сторонъ, послѣ побѣды — вы сдѣлаетесь жертвою побѣдителя.»

Каждый Государь можетъ расчитывать, что во время войны сосѣдей, только то государство будетъ просить его нейтралитета, которое ему враждебно, дружественное же государство обыкновенно просить его вооруженнаго содѣйствія. Соглашаются на нейтралитетъ обыкновенно только Государи нерѣшительные, боящіеся опасности въ настоящемъ, но нейтралитетъ обыкновенно и приводитъ ихъ къ погибели. Если же Государь твердъ и рѣшительно высказывается въ пользу одной изъ воюющихъ сторонъ, то въ случаѣ побѣды она не будетъ для него опасной, если бы даже, благодаря этой побѣдѣ, могущество ея сдѣлалось угрожающимъ, такъ какъ ее обязываетъ благодарность и дружеская, опытомъ доказанная, связь; люди же никогда не бываютъ до того лишены всякаго чувства чести, чтобы рѣшаться тотчасъ же идти противъ тѣхъ, съ кѣмъ они находятся въ дружескомъ союзѣ и тѣмъ высказать самую черную неблагодарность. Кромѣ того, побѣды никогда не бываютъ на столько рѣшительны, чтобы побѣдитель могъ считать себя вправѣ нарушать всякія условія, и особливо условія, требуемыя справедливостью. Если же воюющая сторона, союзъ съ которой вы заключили, побѣждена,—то и тогда вы все-таки можете расчитывать, что она станетъ помогать вамъ, насколько это будетъ для нея возможно, и тогда ни для какого Государя не можетъ быть вредна готовность на помощь государства, дѣла котораго всегда еще могутъ поправиться.

Въ случаѣ противуположномъ разсмотрѣнному мной, т. е. когда обѣ воюющія стороны на столько слабы, что Государю, къ помощи котораго онѣ обращаются, нѣтъ основаній опасаться, что, въ случаѣ побѣды, то или другое государство можетъ сдѣлаться для него опаснымъ, мудрость все таки обязываетъ Государя высказаться опредѣленно за одну изъ сторонъ. И вотъ почему; отказавшись отъ помощи слабому государству, Государь способствуетъ его погибели, вмѣсто того, чтобы, дѣйствуя мудро, его поддержать, такъ какъ съ его участіемъ побѣда могла бы быть положительно на сторонѣ этого государства, а послѣ побѣды это побѣдившее государство невольно, побуждаемое благодарностью, подчинилось бы его вліянію. Кстати замѣчу здѣсь еще одно правило, на которое навело меня это разсужденіе: ни одинъ Государь не долженъ прибѣгать къ помощи государства болѣе сильнаго для побѣды надъ третьимъ государствомъ, если только онъ не вынужденъ на это крайней необходимостью, такъ какъ побѣда обыкновенно какъ бы подчиняетъ его могущественному союзнику, а Государямъ прежде всего слѣдуетъ избѣгать такого подчиненія и оберегать свою независимость. Венеціанцы соединились съ Франціей для борьбы съ Миланскимъ герцогомъ, и отъ этого союза, котораго они весьма легко могли бы избѣгнуть, произошла ихъ погибель. Къ подобнымъ союзамъ можно прибѣгать только тогда, когда нѣтъ другаго средства спасенія и когда, слѣдовательно, не до выбора благоразумныхъ мѣръ, какъ это было съ флорентійцами, когда папа и Испанія направили свои войска противъ Ломбардіи. Впрочемъ, ни одно государство не можетъ разсчитывать, чтобы заключая тотъ или другой союзъ, оно было гарантировано этимъ отъ всякой опасности и должно, напротивъ, постоянно имѣть въ виду, что во всякомъ предпріятіи всегда есть нѣчто опасное и сомнительное, такъ какъ въ самой природѣ вещей лежитъ необходимость, избѣгая какого либо неудобства, попадать въ другое: вся мудрость человѣческая только въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть оцѣнивать степень затрудненій и неудобствъ и принимать за лучшее именно то, что хотя нѣсколько менѣе худо, чѣмъ все остальное.

Кромѣ всего мною сказаннаго, Государи должны выказывать-

ся покровителями доблести и талантовъ и умѣть поощрять всѣхъ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые съумѣютъ отличиться своимъ искусствомъ въ той или другой отрасли человѣческой дѣятельности. Государи должны побуждать своихъ подданныхъ къ мирному производству всего полезнаго для страны, какъ въ торговлѣ и земледѣліи, такъ и во всякаго рода занятіяхъ, чтобы никто изъ ихъ подданныхъ не затруднялся усовершенствовать, напр. хоть хозяйственныя заведенія въ своихъ владѣніяхъ, изъ опасенія, что они будутъ у него отняты, и не останавливался осуществить какое-либо полезное открытіе и нововведеніе, изъ боязни, что его предпріятіе будетъ убито усиленными налогами и поборами. Государь долженъ поощрять наградами всякое полезное изобрѣтеніе и усовершенствованіе, точно также, какъ награждать всѣхъ тѣхъ, кто какимъ либо способомъ содѣйствуетъ усиленію богатствъ и величія его страны. Кромѣ того, въ опредѣленные дни въ году, Государи обязаны развлекать народъ различными зрѣлищами и увеселеніями, и такъ какъ обыкновенно жители каждой страны раздѣляются на группы, по роду своихъ занятій, то Государи должны обращать особенное вниманіе на всѣ подобныя коммуны и корпораціи, показываться порою на ихъ сходкахъ и проявлять на нихъ черты великодушія и гуманности, разумѣется только не въ ущербъ величію своего сана, чувство достоинства котораго не должно оставлять ихъ ни въ какое время и ни при какихъ обстоятельствахъ.

ГЛАВА XXII.

О сановникахъ Государей.

Выборъ приближенныхъ и министровъ—дѣло для Государей огромной важности. Сановники эти бываютъ хороши или дурны соотвѣтственно степени мудрости самого Правителя. Способность или неспособность Государя прежде всего опредѣляется оцѣнкой свойствъ его приближенныхъ. Если министры искусны и отличаются вѣрностью, то заключаютъ, что и самъ Государь не лишенъ мудрости, такъ

какъ онъ съумѣлъ угадать ихъ таланты и распознать ихъ преданность; но къ совершенно противуположному заключенію приводитъ неудачный выборъ сановниковъ Государемъ. Такой выборъ—слишкомъ очевидная для всѣхъ и существенная ошибка. Сіенскій правитель, Пандольфо Петруччи, былъ признаваемъ всѣми за правителя мудраго за то только, что съумѣлъ выбрать своимъ министромъ Мессера Антоніо да Венафро.

Людей, по умственнымъ ихъ способностямъ, можно вообще раздѣлить на три разряда. Люди перваго разряда все понимаютъ и отгадываютъ сами; люди второго разряда бываютъ въ состояніи понимать все, что имъ объяснятъ; люди третьяго разряда сами ничего не отгадываютъ и не умѣютъ ничего понять, какъ бы усердно другіе имъ не объясняли. Первый разрядъ — это великіе умы, второй — просто умные люди, и третій — люди въ умственномъ отношеніи ничтожные. Такъ какъ Пандольфо къ первому разряду не принадлежалъ, то, на основаніи его удачнаго выбора, пришлось все таки заключить, что онъ принадлежалъ ко второму разряду; и этого было достаточно, такъ какъ Государь, хотя и не обладающій возвышенными идеями, но по крайней мѣрѣ умѣющій оцѣнивать добро и зло въ словахъ и поступкахъ другихъ, съумѣетъ различить полезныя и вредныя дѣйствія своего министра, поощрять одни, порицать другія, не допускать въ немъ и мысли, что онъ можетъ поддаться обману и, такимъ образомъ, сдерживать своего сановника въ точныхъ предѣлахъ власти и долга. Узнать же хорошо министра для Государя нетрудно, если онъ обратитъ вниманіе на слѣдующія соображенія. Если Государь замѣтитъ, что министръ заботится болѣе о личномъ своемъ благѣ, нежели о благѣ своего повелителя, если во всѣхъ его дѣйствіяхъ проглядываетъ стремленіе къ своекорыстной пользѣ, то подобный министръ никуда негодится, и Государю ввѣряться ему — безразсудно. Человѣкъ, въ рукахъ котораго находятся дѣла государства, не долженъ ни на минуту думать о себѣ, а только о своемъ Государѣ, и не долженъ занимать вниманіе послѣдняго ничѣмъ, прямо не относящимся къ его интересамъ. За то и Государь, съ своей стороны, обязанъ заботиться о хорошемъ мини-

стрѣ, окружать его почестями и уваженіемъ, осыпать наградами и богатствомъ, раздѣлять съ нимъ весь почетъ, окружающій его самаго, такъ чтобы министръ былъ на столько удовлетворенъ въ своемъ честолюбіи, что не желалъ бы ничего лучшаго, опасался бы всякой малѣйшей перемѣны въ своемъ положеніи и сознавалъ, что не можетъ удержаться на такой высотѣ собственными средствами, безъ покровительства своего Государя.

Когда Государь и его первый министръ таковы, какими я ихъ описалъ, то они смѣло и вполнѣ могутъ довѣриться другъ другу. Въ противномъ случаѣ, конецъ ихъ отношеній будетъ непремѣнно гибеленъ для того или другого.

ГЛАВА XXIII.

Какъ должно избѣгать льстецовъ.

Я не хочу оставить безъ вниманія одной весьма важной ошибки, избѣгнуть которой бываетъ чрезвычайно трудно Государямъ, если только они не предохранены отъ нее своею мудростью или удачнымъ выборомъ приближенныхъ. Дѣло идетъ о льстецахъ, которыми обыкновенно изобилуетъ всякій дворъ, потому что люди вообще любятъ выслушивать похвалы себѣ и иногда до того ослѣпляются самолюбіемъ, что имъ бываетъ трудно не поддаться обаянію лести—этой губительной чумы всего хорошаго въ человѣкѣ. Желаніе же, слишкомъ усердное, избѣгнуть всякой лести можетъ привести Государей къ другой опасности: ихъ перестаютъ уважать и начинаютъ презирать. Происходитъ это отъ того, что Государь не можетъ иначе отдѣлаться отъ льстецовъ, какъ показавъ опредѣленно, что ему бываетъ не непріятно узнавать и правду, но ежели всѣ станутъ позволять себѣ открыто высказывать Государю все, что они считаютъ правдой, то всякое уваженіе къ нему исчезнетъ.

Поэтому то мудрый Государь долженъ выбрать, для избѣжанія лести и презрѣнія, особый путь, который можно назвать среднимъ: — онъ долженъ сдѣлать хорошій выборъ ближайшихъ своихъ сановниковъ и только имъ однимъ дозволить свободно высказывать себѣ правду, и только о томъ, о чемъ самъ онъ ихъ спрашиваетъ, а не о чемъ другомъ. Выспрашивать же ихъ онъ можетъ обо всемъ, что найдетъ нужнымъ узнать, долженъ выслушивать всѣ ихъ мнѣнія, но рѣшать все самостоятельно, какъ самъ заблагоразсудитъ. При этомъ, выспрашивая, онъ долженъ показывать, что хочетъ, чтобы всѣ знали, что чѣмъ свободнѣе съ нимъ говорятъ, тѣмъ большее это для него доставляетъ удовольствіе, но, рѣшаясь на что либо, онъ не долженъ уже слушать болѣе никого и дѣйствовать, какъ самъ рѣшилъ съ твердостью и достоинствомъ.

Государь, дѣйствующій иначе, или ослѣпляется льстецами, или находится въ постоянной нерѣшительности отъ множества самыхъ противуположныхъ совѣтовъ, что значительно уменьшаетъ уваженіе къ нему окружающихъ его. Приведу современный примѣръ этого. Отецъ Лука, приближенное лицо Максимиліана, нынѣ императора, говорилъ объ этомъ государѣ: «онъ никогда не принимаетъ ничьего совѣта и никогда ничего не дѣлаетъ по своей волѣ». Такая характеристика показываетъ, что этотъ Государь поступалъ совершенно противуположно тому образу дѣйствія, который я выше совѣтовалъ Государямъ. И дѣйствительно, онъ человѣкъ чрезвычайно скрытный, никому недовѣряющій и необращающійся ни къ кому за совѣтомъ; но едва его планы начинаютъ дѣлаться извѣстными при ихъ осуществленіи, они начинаютъ оспариваться его приближенными, и онъ, по слабости своей, поддается этимъ опроверженіямъ; такимъ образомъ то, что онъ дѣлаетъ сегодня, отъ того завтра отказывается, и никогда нельзя знать, чего онъ хочетъ и куда стремится, точно также, какъ нельзя полагаться ни на одно изъ его рѣшеній.

Государь никогда не долженъ чуждаться совѣтовъ, но онъ долженъ ихъ выслушивать тогда, когда самъ этого захочетъ, а не тогда, когда захотятъ другіе. Онъ долженъ держать себя такъ, чтобы никто не осмѣливался передъ нимъ высказывать

свое мнѣніе о чемъ бы то ни было, пока онъ самъ этого мнѣнія не спрашиваетъ; но онъ долженъ умѣть терпѣливо выспрашивать и спокойно выслушивать правду; если же, почему либо, лицо, говорящее съ нимъ, захотѣло бы ее отъ него утаить, онъ долженъ показать видъ, что это ему непріятно.

Люди, которые полагаютъ, что тотъ или другой Государь, кажущійся мудрымъ, не обладаетъ на самомъ дѣлѣ этой мудростью, такъ какъ вся его мудрость является результатомъ хорошихъ совѣтовъ окружающихъ его,—дѣлаютъ важную ошибку, потому что должно принять за общее правило, что хорошіе совѣты можетъ получать только такой Государь, который самъ достаточно мудръ, развѣ только за исключеніемъ того случая, когда слабый Правитель находится въ рукахъ искуснаго и ловкаго человѣка, съумѣвшаго совершенно подчинить его своему вліянію и окончательно имъ управляющаго. Но въ этомъ случаѣ—когда Государь можетъ казаться мудрымъ, не обладая мудростью—это продолжается весьма короткое время, такъ какъ подобный наставникъ Государя обыкновенно весьма скоро отнимаетъ отъ него власть, захватывая ее себѣ. За исключеніемъ такого случая, Государь, необладающій мудростью, имѣя множество совѣтниковъ, всегда будетъ выслушивать самые противоположные совѣты и, не умѣя соглашать ихъ, всегда будетъ въ нерѣшительности, которому изъ нихъ послѣдовать. Каждый изъ его совѣтниковъ станетъ стремиться къ достиженію личныхъ цѣлей, и неопытный Государь не съумѣетъ ни исправить ихъ, ни распознать. И это всегда такъ бываетъ, — ибо люди обыкновенно дѣйствуютъ дурно, если только не принуждены необходимостью поступать хорошо. Изъ всего этого должно заключить, что хорошіе совѣты, откуда бы они ни происходили, всегда плодъ мудрости Государя, и наоборотъ—эта мудрость никогда не бываетъ плодомъ хорошихъ совѣтовъ.

ГЛАВА XXIV.

Почему Итальянскіе Государи потеряли свои владѣнія.

Если новый Государь осмотрительно исполняетъ въ своихъ дѣйствіяхъ все, высказанное мною выше, то на него начинаютъ смотрѣть, какъ на Государя наслѣдственнаго, и власть его въ самомъ скоромъ времени становится даже прочнѣе, чѣмъ если бы она предварительно весьма долго принадлежала его династіи. Это происходитъ отъ того, что за новымъ Государемъ всегда слѣдятъ пристальнѣе, нежели за Государемъ наслѣдственнымъ, и если образъ его дѣйствій признается справедливымъ и достойнымъ, то это привязываетъ къ нему гораздо большее число лицъ, нежели древность династіи; ибо люди обыкновенно придаютъ гораздо бо́льшую цѣну настоящему, нежели прошедшему, и когда существующій порядокъ ихъ удовлетворяетъ, они имъ наслаждаются, не заботясь ни о чемъ другомъ. При этомъ подданные бываютъ обыкновенно расположены охранять и защищать своего Государя, подъ условіемъ только, чтобы онъ не измѣнялъ себѣ.

Государь, самъ достигнувшій власти, обыкновенно пользуется двойною славою,—во первыхъ за основаніе новаго Государства и во вторыхъ за его упроченіе, если онъ ввелъ хорошіе законы, учредилъ организованное войско, заключилъ выгодные союзы и преподалъ своимъ подданнымъ хорошіе примѣры; точно также двойнымъ стыдомъ покрывается наслѣдственный Государь, если онъ, рожденный для престола, по недостатку мудрости потеряетъ унаслѣдованное государство.

Если разсматривать дѣйствія различныхъ итальянскихъ Государей, потерявшихъ въ недавнее время свои государства, какъ наприм. король Неаполитанскій, герцогъ Миланскій и другіе, то всѣхъ ихъ можно прежде всего упрекнуть въ одной общей всѣмъ имъ ошибкѣ, въ неимѣніи достаточнаго числа войска, о чемъ я уже говорилъ подробно. Потомъ ихъ можно обвинить въ томъ, что они навлекли на себя ненависть народа, а тѣ изъ нихъ, къ ко-

торымъ подданные были привязаны, не съумѣли обезопасить себя отъ честолюбія своихъ вельможъ. Безъ такихъ ошибокъ, имѣя достаточное войско, весьма трудно потерять сколько нибудь значительное государство.

Филиппъ Македонскій, не отецъ Александра Великаго, а другой, тотъ, который былъ побѣжденъ Титомъ Квинціемъ, обладалъ весьма небольшимъ государствомъ, сравнительно съ громадностью Римской Республики и Греціи, которыя на него напали, и однакоже, будучи искуснымъ вождемъ и съумѣвъ привязать къ себѣ народъ и сдерживать честолюбіе знати, онъ нашелъ возможность выдержать съ ними войну нѣсколько лѣтъ сряду, и если подъ конецъ и потерялъ нѣсколько городовъ, то все таки сохранилъ за собой обладаніе страною.

Итакъ, пусть тѣ итальянскіе Государи, которые послѣ продолжительнаго владычества, потеряли свои государства, не обвиняютъ своей судьбы, а пеняютъ на свое собственное ничтожество. Подобно большинству людей, во время затишья они не думали о бурѣ, и въ спокойное время не предполагали, что обстоятельства могутъ перемѣниться. Застигнутые неблагопріятными обстоятельствами въ расплохъ, они и не подумали о томъ, что еще могутъ защищаться, а предпочли постыдное бѣгство, расчитывая, что ихъ подданные, утомленные гнетомъ побѣдителя, снова ихъ призовутъ. Рѣшиться на подобную мѣру благоразумно только тогда, когда не предстоитъ никакой другой, но вообще прибѣгать къ ней весьма постыдно; это все равно что нарочно падать, для того чтобы другой насъ поднялъ. Кромѣ того, нельзя разсчитывать навѣрное, что при подобныхъ обстоятельствахъ народъ снова призоветъ своихъ прежнихъ государей, а если даже и призоветъ, то, послѣ подобнаго возвращенія, власть Государя не можетъ быть прочною, такъ какъ подобный способъ охраненія правъ унижаетъ и опозориваетъ Государя, какъ независящій лично отъ него. Единственная же прочная и вѣрная защита для Государя та, которая зависитъ отъ него самого и проистекаетъ изъ его личной доблести.

ГЛАВА XXV.

На сколько въ человѣческихъ дѣлахъ играетъ роль судьба и какъ можно ей сопротивляться.

Мнѣ не безъизвѣстно, что множество людей думало встарь и думаетъ теперь, что Богъ и судьба такъ всевластно управляютъ дѣлами этого міра, что вся человѣческая мудрость безсильна остановить или направить ходъ событій,—изъ чего можно вывести заключеніе, что вовсе не слѣдуетъ трудиться надъ обдумываніемъ своихъ дѣйствій, а гораздо лучше подчиниться обстоятельствамъ и предаться волѣ судьбы. Подобное мнѣніе особенно сильно распространилось въ наше время, какъ результатъ того разнообразія великихъ событій, которыхъ мы были очевидными свидѣтелями и которыя наступаютъ и смѣняются, какъ бы наперекоръ всякимъ человѣческимъ соображеніямъ.

Я самъ, думая объ этомъ нѣсколько разъ, отчасти склонялся къ этому мнѣнію; но однако, не соглашаясь допустить чтобы свободная воля въ человѣкѣ ничего не значила, я полагаю, что весьма возможно, что судьба управляетъ половиною нашихъ дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что она оставляетъ по крайней мѣрѣ другую ихъ половину на нашъ произволъ. Я сравниваю судьбу съ бурной рѣкой, которая, выходя изъ береговъ, затопляетъ равнины, опрокидываетъ зданія и деревья, смываетъ землю въ однихъ мѣстахъ и наноситъ ее въ другія: все бѣжитъ отъ ея опустошеній, все уступаетъ ея грозному гнѣву. Но какъ бы ни была буря могущественна, когда она стихнетъ, люди не перестаютъ искать противъ нее предохранительныхъ средствъ, устроивая плотины, насыпи и другія сооруженія, чтобы предохранять себя отъ вреда, который она можетъ причинить имъ впослѣдствіи; такимъ образомъ, при слѣдующей бурѣ, вода проходитъ въ каналы и не можетъ уже стремиться съ прежнимъ напоромъ и производить слишкомъ опустошительныя разрушенія. Подобно этому и судьба выказываетъ свое грозное могущество

преимущественно тамъ, гдѣ не приготовлено противъ нее ни какого сопротивленія, и направляетъ свои главнѣйшіе удары въ ту сторону, гдѣ нѣтъ никакихъ препятствій, способныхъ ее остановить.

Италія, въ наше время, представляетъ собою огромную арену, на которой преимущественно совершались и совершаются на нашихъ глазахъ самые непредвидѣнныя событія, и она, въ этомъ отношеніи похожа на равнину, лишенную всякой искуственной защиты противъ разлива въ полноводіе. Если бы она, подобно Германіи, Испаніи или Франціи, представляла какое либо сопротивленіе бурному потоку, то ее не затопляло бы наводненіями или, по крайней мѣрѣ, она менѣе бы отъ нихъ страдала.

Ограничиваясь этими общими взглядами на сопротивленіе, которое можно противупоставить судьбѣ, и переходя къ болѣе частнымъ наблюденіямъ, замѣчу прежде всего, что Государь, благополучно существующій сегодня и гибнущій завтра, представляетъ собою самое обыкновенное явленіе, хотя ни личныя его качества, ни образъ дѣйствій не измѣняются. Это явленіе, какъ мнѣ кажется, происходитъ отъ того, что, какъ я уже подробно доказалъ, есть Государи, исключительно довѣряющіеся счастію, которые, какъ только оно начинаетъ имъ измѣнять, тотчасъ же погибаютъ. Мнѣ кажется еще, сверхъ того, что счастіе или несчастіе Государя находится также въ зависимости отъ степени согласія его поступковъ съ требованіями времени.

Всѣ люди стремятся къ одинаковой цѣли — къ славѣ и богатству, но не всѣ, для достиженія ихъ, дѣйствуютъ одинаково; одни поступаютъ при этомъ осмотрительно, другіе дѣйствуютъ смѣлостью; одни прибѣгаютъ къ насилію, другіе къ хитрости; одни терпѣливы, другіе рѣшительны, но, не смотря на противуположность образа дѣйствій и тѣхъ и другихъ, они одинаково могутъ имѣть успѣхъ; отъ чего же можетъ зависѣть подобное противорѣчіе, какъ не отъ того, что оба эти образа дѣйствій могутъ соотвѣтствовать или не соотвѣтствовать данной минутѣ? Отъ этого то различный образъ дѣйствій можетъ имѣть одинаковый результатъ, а одинаковый — различныя послѣдствія. Отъ этого то, что хорошо въ одно время, можетъ быть дурно въ

другое. Такъ напримѣръ, предположимъ что какой нибудь Государь управляетъ своимъ народомъ съ терпѣніемъ и осмотрительностью; если духъ и обстоятельства времени таковы, что соотвѣтствуютъ такому образу дѣйствій, онъ благоденствуетъ; но онъ тотчасъ же погибаетъ, какъ только духъ времени и обстоятельства измѣняются, а онъ не умѣетъ измѣнить своей системы, соотвѣтственно требованіямъ времени.

Измѣнять свои дѣйствія кстати, сообразно съ обстоятельствами,—вотъ чего не умѣютъ дѣлать самые мудрые люди, отчасти потому, что трудно дѣйствовать противъ своихъ наклонностей, отчасти и отъ того, что, преуспѣвая на извѣстномъ пути, бываетъ трудно убѣдиться въ томъ, что перейти на другой будетъ полезно. Такимъ образомъ человѣкъ осмотрительный, не умѣющій сдѣлаться отважнымъ, когда это необходимо, самъ становится причиною своей гибели. Если же мы съумѣемъ измѣнять нашъ образъ дѣйствій сообразно съ временемъ и обстоятельствами, то счастіе намъ не измѣнитъ.

Папа Юлій II бралъ отвагою во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и такъ какъ такой образъ дѣйствій вполнѣ соотвѣтствовалъ времени и обстоятельствамъ, то всѣ его попытки были успѣшны. Разсмотримъ хотя его первое предпріятіе: нападеніе на Болонью, при жизни мессера Джіованни Бентиволіо. Венеціянцы покушались овладѣть ею, а Франція и Испанія уже заранѣе спорили объ этой добычѣ; не смотря на это, Юлій II, съ врожденною ему смѣлостью и быстротою, прежде всѣхъ устремился на нее, лично предводительствуя экспедиціею. Такая отвага поразила Испанію и Венеціянцевъ до того, что никто изъ нихъ не сталъ ему препятствовать: Венеціянцы, изъ боязни его смѣлости, а Испанія, потому, что она хотѣла завладѣть цѣлымъ неаполитанскимъ королевствомъ; потомъ Юлій II привлекъ къ себѣ на помощь самого французскаго короля, такъ какъ этотъ Государь, видя, что Папа началъ уже дѣйствія и желая заслужить его дружбу, въ которой онъ нуждался для борьбы съ Венеціей, разсудилъ, что не можетъ отказать въ своемъ содѣйствіи, не нанеся этимъ ему явной обиды. Такимъ образомъ Юлій II, одною своею смѣлостью,

достигъ того, чего бы не достигъ никто другой, хотя бы обладалъ всею человѣческою мудростью; ибо если бы для того, чтобы выйдти изъ Рима, онъ сталъ, какъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ другой Папа, дожидаться, чтобы все было заранѣе обдумано, опредѣлено и подготовлено, то конечно не имѣлъ бы никакого успѣха. Французскій король успѣлъ бы найдти тысячу благовидныхъ предлоговъ, чтобы отказать ему въ своемъ содѣйствіи, а другіе Государи имѣли бы достаточно времени, чтобы еще до начала экспедиціи запугать его.

Я не стану говорить здѣсь о другихъ предпріятіяхъ Юлія II; скажу только, что онъ всѣ ихъ велъ точно также и имѣлъ такой же успѣхъ. Кромѣ того, недолговѣчность его была причиною, что онъ не испыталъ неудачъ, какія пришлось бы ему увидѣть, если бы онъ дожилъ до того времени, когда обстоятельства потребовали бы отъ него осмотрительнаго образа дѣйствій, такъ какъ, по своему темпераменту, онъ никогда не съумѣлъ бы измѣнить своей отважной системы.

Итакъ, я заключаю, что, при измѣнчивости судьбы и при постоянствѣ образа дѣйствій людей, они могутъ быть счастливы только до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣйствія соотвѣтствуютъ окружающимъ ихъ обстоятельствамъ; но едва это отношеніе нарушается, люди эти тотчасъ же дѣлаются несчастными.

Я думаю сверхъ того, что полезнѣе быть отважнымъ, нежели осмотрительнымъ, ибо счастіе — женщина; чтобы подчинить его себѣ, необходимо обращаться съ нимъ грубо; оно охотнѣе покоряется людямъ способнымъ на насиліе, нежели людямъ холоднаго расчета, поэтому-то оно предпочтительно осыпаетъ своими благами молодежь горячую, безразсудную, увлекающуюся и повелѣвающую съ большею отвагой, чѣмъ люди зрѣлаго возраста.

ГЛАВА XXVI.

Возваніе о необходимости освобожденія Италіи отъ Варваровъ.

Размышляя обо всемъ, что я уже изложилъ, и обдумывая, удобно ли настоящее время для того, чтобы въ Италіи могъ явиться

и прославиться новый Государь, и можетъ ли храбрый и мудрый Правитель найти способъ и средства для обновленія этой страны въ пользу личной своей славы и счастія всего ея народонаселенія, я нахожу, что въ настоящее время для этого сосредоточилось столько благопріятныхъ обстоятельствъ, что я во всемъ прошедшемъ Италіи не нахожу времени болѣе удобнаго для великаго преобразованія.

И если, какъ я уже говорилъ, для проявленія доблестей Моисея, необходимо было народу Израильскому томиться въ египетскомъ рабствѣ, если для проявленія величія души Кира было нужно, чтобы Персы были угнетены Мидянами; если, наконецъ, для блеска достоинствъ Тезея, нужны были междоусобія между Аѳинянами,—то точно также и въ наше время, для того, чтобы среди насъ появился мощный Освободитель, было необходимо, чтобы Италія дошла до такого жалкаго состоянія, въ которомъ мы ее теперь видимъ, чтобы она была болѣе угнетенною, чѣмъ народъ Еврейскій, болѣе порабощенною, чѣмъ Персы подъ игомъ Мидянъ, болѣе раздѣленною междоусобіями, чѣмъ земли Аѳинянъ,— безъ вождей, безъ всякихъ правъ, измученною, разрозненною, наводненною варварами и отягощенною всякаго рода бѣдствіями.

И до нашего времени для Италіи, порой, какъ бы мелькала зарница, при свѣтѣ которой, казалось, являлись люди, избранные Богомъ для ея освобожденія; но всѣ эти люди были какъ будто бы останавливаемы судьбой еще за долго до окончанія своего великаго подвига, и Италія, истомленная и полумертвая, все еще ждетъ того избранника, который уврачуетъ ея раны, остановитъ грабежи и насилія страждущей Ломбардіи, положитъ конецъ поборамъ и лихоимству, истощающимъ Тоскану и Неаполитанское королевство, и изцѣлитъ наконецъ застарѣлыя ея язвы, сдѣлавшіяся отъ времени фистулезными.

Безъ отдыха, безъ остановки, Италія молитъ небо, чтобы оно послало ей наконецъ этого Освободителя, который избавилъ бы ее отъ жестокостей и наглости варваровъ. Она готова встать и идти подъ всякое знамя, которое развернутъ во имя ея свободы. Но на кого можетъ она положиться, съ большею увѣренностью, какъ не на Вашъ знаменитый родъ, который по своимъ наслѣдствен-

нымъ добродѣтелямъ, по своему счастію, по благодати, полученной отъ Бога и Церкви, вполнѣ обладаетъ возможностью предпринять и достигнуть чуда ея освобожденія?

Подвигъ Вашъ не будетъ для Васъ труднымъ, если вы припомните жизнь и поступки тѣхъ героевъ, о которыхъ я упоминалъ въ своемъ разсужденіи. Правда, это были рѣдкіе и достойные удивленія люди, но все таки это были люди, а обстоятельства, которыми они умѣли пользоваться никогда не были для нихъ такъ благопріятны, какъ современныя обстоятельства для Васъ. Ни одинъ подвигъ не былъ законнѣе и справедливѣе того, который предстоитъ Вамъ, и никто изъ нихъ болѣе Васъ не пользовался Божьимъ покровительствомъ. Въ Вашемъ дѣлѣ—справедливость засіяла бы въ полномъ блескѣ, такъ какъ война всегда справедлива, когда она необходима, и оружіе—свято, если оно поднимается въ защиту угнетенныхъ. На это дѣло Васъ зоветъ голосъ цѣлаго народа, а при такомъ единодушіи—успѣхъ не заставитъ себя ждать; надобно только, чтобы Вы послѣдовали примѣру тѣхъ героевъ, которыхъ я изобразилъ Вамъ, какъ достойныхъ образцевъ для подражанія.

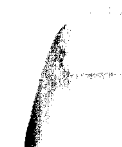
Скажу болѣе. Провидѣніе заявляетъ свою волю несомнѣнными признаками: море разступилось, свѣтлое облако указываетъ путь, скала источаетъ воду изъ нѣдръ своихъ, манна выпала въ пустынѣ. Все служитъ къ тому, чтобы Вы прославились. Пусть же остальное будетъ дѣломъ рукъ Вашихъ. Богъ не оканчиваетъ всего самъ, чтобы не лишать насъ заслугъ и той части славы, какою онъ позволяетъ намъ пользоваться.

Пусть до сихъ поръ ни одинъ изъ Итальянцевъ не съумѣлъ исполнить того, чего теперь Италія ждетъ отъ Васъ, какъ отъ представителя знаменитаго рода; пусть посреди столькихъ революцій, обуревавшихъ Италію, и столькихъ войнъ, театромъ которыхъ она была, могло показаться, что нынѣ въ ней угасла всякая доблесть. Во всѣхъ ея неудачахъ нѣтъ ничего удивительнаго, всѣ они происходили отъ того, что всѣ ея прежнія учрежденія устарѣли, сдѣлались негодными, и до сихъ поръ не нашлось человѣка, который съумѣлъ бы ихъ обновить. Возьмите это обновленіе на себя. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что въ такой степени способствуетъ проявленію величія человѣка, стремящагося къ славѣ, какъ умѣнье дать странѣ новые законы и новыя учрежденія, если эти законы и учрежденія лягутъ на прочномъ основаніи, если законодатель съумѣетъ придать имъ должное величіе. Имъ удивляются и ихъ превозносятъ всѣ люди.

Италія представляетъ собою страну, способную принять самыя широкія реформы. Пусть только Правитель ея проявитъ отвагу, и доблесть проснется въ каждомъ Итальянцѣ. Посмотрите какъ на дуэляхъ и при распряхъ небольшаго числа лицъ Итальянцы превосходятъ храбростью, ловкостью и соображеніемъ всякія другія національности. И если въ то время, когда они собираются большими арміями, всѣ ихъ достоинства какъ бы изчезаютъ безслѣдно, то виною этого не они, а слабость ихъ вождей. Обыкновенно каждый Итальянецъ, надѣющійся на себя, не умѣетъ повиноваться, а такъ какъ каждый изъ воиновъ увѣренъ въ себѣ, то въ войскахъ и нѣтъ повиновенія, между тѣмъ до сихъ поръ не являлось еще ни одного вождя, на столько доблестнаго, чтобы по личнымъ качествамъ или по удачамъ онъ сталъ настолько выше другихъ, что бы всѣ невольно были вынуждены признать надъ собою его превосходство. Такому вождю все войско стало бы охотно повиноваться. Отъ этого то и происходитъ, что уже около двадцати лѣтъ, всѣ арміи, состоявшія изъ однихъ Итальянцевъ, во всѣхъ войнахъ, происходившихъ за это время, испытывали однѣ только пораженія.

Это засвидѣтельствуютъ, какъ дѣло при Торо, такъ и позднѣйшія дѣла при Александріи, Капуѣ, Генуѣ, Вайлѣ, Болоньи и Местри.

Если Вы, какъ представитель знатнаго рода, захотите, подобно великимъ людямъ, въ разныя эпохи освобождавшимъ свое отечество, отважиться на подобный подвигъ, то прежде всего, и главнѣйшей славой своего предпріятія, Вы должны поставить организацію національнаго войска, такъ какъ національное войско представляетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ вѣрныхъ и самыхъ храбрыхъ солдатъ:

каждый изъ нихъ, будучи лично храбрымъ, станетъ еще лучше, если будетъ знать, что о немъ заботится, имъ повелѣваетъ и оцѣниваетъ его заслуги — его Государь. Съ такимъ оружіемъ — Италія въ состояніи будетъ прогнать иностранцевъ.

Швейцарская и Испанская пѣхоты считаются въ наше время самыми грозными войсками, но и въ той и въ другой есть недостатки, благодаря которымъ третья армія можетъ не только съ ними бороться, но даже и побѣдить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, испанская пѣхота не умѣетъ выдерживать кавалерійскихъ атакъ, а швейцарская должна опасаться всякаго войска, одинаково съ нею сильнаго, которое стало бы выдерживать битвы съ тѣмъ же упорствомъ, съ какимъ выдерживаетъ ихъ она. Мы уже видѣли и увидимъ еще неоднократно, какъ французская кавалерія будетъ первенствовать надъ испанской пѣхотой, а эта послѣдняя, въ свою очередь, надъ пѣхотой швейцарской. Образецъ подобнаго случая, если не полное его осуществленіе, происходилъ въ сраженіи при Равеннѣ, гдѣ испанская пѣхота боролась съ нѣмецкими батальонами, дѣйствующими совершенно подобно швейцарской пѣхотѣ. Мы уже видѣли какъ Испанцы, благодаря своей легкости и прикрытію небольшихъ своихъ щитовъ, проникали, посреди копій, въ ряды противниковъ и поражали ихъ безъ всякой для себя опасности, такъ какъ нѣмцы не могли имъ противустоять. Испанцы истребили бы всѣхъ ихъ до одного, еслибы въ свою очередь ихъ самихъ не разсѣяла натискомъ кавалерія.

Теперь, зная недостатки обѣихъ главнѣйшихъ европейскихъ пѣхотъ, не трудно по образцу ихъ образовать третью, но уже такую, которая умѣла бы выдерживать каваллерійскія атаки и небояться другой пѣхоты. Для этого нѣтъ никакой надобности создавать какой нибудь новый и особенный родъ войска; достаточно только придумать для пѣхоты новую организацію, новый способъ вести сраженія, а подобными нововведеніями Государи обыкновенно и пріобрѣтаютъ себѣ репутацію и славу.

Не станемъ же упускать представляющагося намъ въ настоящее время случая. Пусть Италія, послѣ столь продолжительнаго ожиданія, увидитъ наконецъ своего Освободителя! Нѣтъ силъ изо-

бразить—съ какою любовью, съ какою жаждой мщенія, съ какою несокрушимою вѣрностью, съ какимъ почетомъ и радостными слезами будетъ онъ принятъ каждою изъ провинцій, столько выстрадавшихъ отъ нашествія иноплеменныхъ. Чьи двери не отворятся передъ нимъ? Въ какой мѣстности населеніе откажется ему повиноваться? Чье честолюбіе станетъ противодѣйствовать его успѣхамъ? Какой Итальянецъ не окружитъ его всевозможнымъ почтеніемъ? Найдется ли хоть одинъ Итальянецъ, сердце котораго не трепетало бы при одной мысли о господствѣ варваровъ надъ Италіей?

Пусть же Вы, какъ представитель знаменитаго рода, примете на себя эту благородную ношу съ тою отвагою и увѣренностью въ успѣхѣ, какія поселяетъ въ людяхъ законное и справедливое предпріятіе. Пусть подъ знаменемъ вашего рода — общее наше отечество обрящетъ свое прежнее великолѣпіе, и при вашемъ посредствѣ осуществятся наконецъ эти стихи Петрарки:

Virtú contra furore
Prenderà l'arme; e fia'l combatter corto;
Chè l'antico valore
Nell'italici cor non è ancor morto [1])
Petrarca, Canz. XVI, V, 93—96.

[1]) Добродѣтель возстанетъ противъ злобы и быстро ее побѣдитъ, потому что древняя доблесть еще не умерла въ итальянскомъ сердцѣ.

Макіавелли.

РАЗСУЖДЕНІЯ

О ПЕРВОЙ ДЕКАДѢ

ТИТА ЛИВІЯ.

НИКОЛАЙ МАКІАВЕЛЛИ

ЗАНОБИ БУОНДЕЛЬМОНТИ

И

КОЗИМО РУЧЕЛАИ

ПРИВѢТЪ.

Посылаю вамъ даръ, не соотвѣтствующій конечно, всему, чѣмъ я вамъ обязанъ; но Николай Макіавелли, безъ сомнѣнія, не могъ принести вамъ въ даръ ничего болѣе для него цѣннаго. Въ немъ я высказалъ все, что знаю и чему научился долгой практикой и постояннымъ изученіемъ мірскихъ дѣлъ. Ни вы, ни другіе не можете желать отъ меня бóльшаго и не можете жаловаться, если я вамъ не даю больше. Конечно, если мои повѣствованія плохи, вы можете приписать это недостатку моего ума; и если въ разсужденіяхъ моихъ я большею частью заблуждаюсь, вы можете отнести это къ ошибочности моего сужденія; но и въ этомъ случаѣ, не знаю, кто изъ насъ можетъ болѣе упрекать другаго: я ли васъ, за то, что вы принудили меня писать о предметѣ, котораго я самъ никогда бы не избралъ, или вы меня, если сочиненіе мое не удовлетворитъ васъ. Примите же его, какъ принимаются между друзьями всякіе подарки, цѣня болѣе намѣреніе дарящаго, чѣмъ достоин-

ство приносимаго въ даръ предмета. И вѣрьте, что я съ удовольствіемъ думаю, что не ошибся, избравъ васъ для посвященія моихъ разсужденій, хотя мнѣ приходилось заблуждаться во многихъ случаяхъ; ибо, посвящая ихъ вамъ, я этимъ самымъ могу выразить вамъ благодарность за всѣ ваши благодѣянія. Притомъ я отступилъ отъ общаго обычая писателей, непремѣнно посвящающихъ свои труды какому-нибудь государю; ослѣпленные честолюбіемъ и корыстью, они восхваляютъ его, приписывая ему всевозможныя добродѣтели, тогда какъ должны бы были порицать его за гнусные пороки. Чтобы не впасть въ подобную ошибку я избралъ не государей, а людей, которые своими безчисленными достоинствами заслуживаютъ быть ими; не тѣхъ, которые могли бы осыпать меня должностями, почестями и богатствами, но тѣхъ, которые, не имѣя возможности сдѣлать это, желаютъ мнѣ всего этого. Желая судить правильно, люди непремѣнно должны дѣлать различіе между тѣми, которые щедры на самомъ дѣлѣ, и тѣми, которые только имѣютъ возможность быть щедрыми; между тѣми, кто умѣетъ управлять государствомъ, и тѣми кто управляетъ, не умѣя. Такъ писатели хвалятъ Гіерона сиракузскаго, когда онъ былъ частнымъ человѣкомъ, больше чѣмъ Персея Македонскаго, когда онъ былъ царемъ: ибо для того, чтобы быть государемъ Гіерону не доставало только государства; Персей же не имѣлъ въ себѣ ничего царственнаго, кромѣ обладанія царствомъ.

И такъ примите то, чего сами хотѣли, дурно оно или хорошо: и если вы будете настаивать на своемъ заблужденіи будто мысли мои занимательны, я прослѣжу и остальную исторію, какъ обѣщалъ вамъ въ началѣ. Valete.

РАЗСУЖДЕНІЯ
О
ПЕРВОЙ ДЕКАДѢ ТИТА ЛИВІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

По завистливости человѣческой природы открытіе новыхъ системъ и истинъ было всегда также опасно, какъ открытія новыхъ водъ и земель; потому что люди болѣе склонны порицать, чѣмъ хвалить чужіе поступки. Однако побуждаемый тѣмъ естественнымъ влеченіемъ, которое я всегда чувствовалъ, дѣлать все, что я считаю способствующимъ общему благу, не обращая вниманія ни на какія постороннія соображенія, я рѣшился пойти по пути, не посѣщавшемуся до меня никѣмъ. Какія бы препятствія и трудности не пришлось мнѣ здѣсь встрѣтить, для меня будетъ достаточною наградою, если кто-нибудь благосклонно посмотритъ на мой трудъ. Если скудность ума, недостатокъ опытности въ современныхъ дѣлахъ, слабыя познанія прошедшихъ, дѣлаютъ сочиненіе мое ошибочнымъ и мало полезнымъ, то по крайней мѣрѣ я прокладываю путь тому, кто съ бо́льшими достоинствами, бо́льшимъ краснорѣчіемъ и проницательностью съумѣетъ выполнить его удовлетворительнѣе: поэтому, если я не заслуживаю похвалы, то не долженъ быть подвергаемъ и порицанію. Я не могу удержаться отъ изумленія и грусти, когда подумаю, какъ высоко уважается древность и какъ дорого цѣнится —не говоря уже о мно-

гихъ другихъ примѣрахъ, — обломокъ древней статуи, покупаемый, чтобъ имѣть его подлѣ себя, чтобъ украсить имъ свой домъ, чтобы дать его въ образецъ мастерамъ, занимающимся этимъ искуствомъ; и какъ эти мастера со всѣмъ тщаніемъ усиливаются воспроизвести его во всѣхъ своихъ произведеніяхъ; тогда какъ, съ другой стороны, я вижу, что удивительные подвиги, совершенные въ древнихъ царствахъ и республикахъ царями, полководцами, гражданами, законодателями и другими, потрудившимися для своего отечества, — что всѣ эти подвиги, о которыхъ говоритъ намъ исторія, возбуждаютъ болѣе удивленія, чѣмъ подражанія; что, напротивъ того, каждый какъ будто избѣгаетъ слѣдовать имъ, такъ что отъ древней добродѣтели не осталось никакихъ слѣдовъ. Я тѣмъ болѣе удивляюсь и скорблю, когда вижу что въ гражданскихъ несогласіяхъ, возникающихъ между гражданами, и въ болѣзняхъ, постигающихъ людей, всегда прибѣгаютъ къ рѣшеніямъ и лекарствамъ, постановленнымъ или предписаннымъ древними. Ибо гражданскіе законы ничто иное, какъ рѣшенія древнихъ юрисконсультовъ, приведенныя въ порядокъ и служащія руководствомъ для рѣшеній нашимъ юрисконсультамъ; точно такъ и медицина есть то, чему опытъ научилъ древнихъ врачей на которыхъ основываются сужденія современныхъ медиковъ. Но какъ только дѣло коснется устройства республикъ, сохраненія государствъ, управленія царствами, учрежденія войскъ и веденія войны, правосудія къ подданнымъ, распространенія могущества, то не оказывается ни государей, ни республикъ, ни полководцевъ, ни гражданъ, которые обращались бы за примѣрами къ древнимъ. Я убѣжденъ, что это происходитъ не столько отъ безсилія, до котораго довело міръ современное воспитаніе; не столько отъ зла, которое надѣлало многимъ христіанскимъ провинціямъ и городамъ честолюбивое тунеядство; сколько отъ недостатка истиннаго познанія исторіи, что препятствуетъ намъ, читая ее, постигать истинный смыслъ ея и питать нашъ умъ ея содержимымъ. Вотъ почему мы читаемъ историческія сочиненія во множествѣ, находя удовольствіе выслушивать повѣствованія о различныхъ событіяхъ, но нимало не помышляя о томъ, чтобы слѣдовать ея примѣрамъ, считая подражаніе имъ

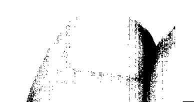
не только труднымъ, но и невозможнымъ: какъ будто небо, солнце, стихіи, люди, измѣнили движеніе, порядокъ и силы свои и стали иными, чѣмъ были въ древности. Желая исцѣлить людей отъ этого заблужденія, я счелъ необходимымъ написать по поводу всѣхъ книгъ Тита Ливія, избѣгнувшихъ разрушительнаго дѣйствія времени, все, что, сравнивая древность съ современностью, я нахожу нужнымъ для лучшаго пониманія ихъ, дабы читатели моихъ разсужденій могли видѣть, какой пользы должно искать въ познаніи исторіи. Попытка эта конечно трудна; но я надѣюсь, при помощи тѣхъ, которые укрѣпили мою рѣшимость взяться за это бремя—донести его до того, чтобы послѣ меня другому оставалось мало пути до предназначенной цѣли.

ГЛАВА I.

О возникновеніи большей части городовъ вообще и Рима въ особенности.

Читая, какъ возникъ городъ Римъ, какіе законодатели жили въ немъ и какой порядокъ водворили они въ немъ, мы перестаемъ удивляться, что въ немъ въ теченіи стольких вѣковъ сохранилось столько добродѣтелей и что изъ него разлилось то необыкновенное могущество, которымъ пользовалась республика.

Говоря о первомъ возникновеніи Рима, замѣтимъ, что всѣ города основаны или туземцами тѣхъ мѣстъ, гдѣ они строятся, или чужеземцами. Первое бываетъ, когда обитатели, разсѣянные на множество мелкихъ группъ, не могутъ жить въ безопасности, потому что каждая группа по условіямъ занимаемой ею мѣстности и по малочисленности своей, неспособна выдержать отдѣльно нападеніе враговъ; соединиться же при приближеніи непріятеля для общей защиты, имъ уже нѣкогда; при томъ, еслибы они и успѣли соединиться, то имъ пришлось бы покинуть бóльшую часть своихъ жилищъ и предоставить ихъ въ добычу врагу: чтобъ избѣжать этой опасности, они по собственному ли побужденію или по рѣшенію тѣхъ, кто пользуется между ними властью, рѣша-

ются жить соединившись въ какомъ-нибудь избранномъ мѣстѣ, гдѣ удобнѣе жить и которое легче защищать. Такимъ образомъ въ числѣ многихъ другихъ возникли Аѳины и Венеція. Первыя были основаны подъ властью Тезея, съ цѣлью собрать разсѣянныхъ жителей страны; во второй собрались различныя племена, загнанныя на маленькіе островки на оконечности Адріатическаго моря, войнами, возбуждаемыми въ Италіи нашествіемъ новыхъ варваровъ послѣ паденія Римской имперіи; здѣсь онѣ начали жить, постановивъ себѣ законы, которые считали наиболѣе удобными для сохраненія своей общины, не принимая своего гражданскаго устройства отъ власти какого-нибудь государя. Имъ посчастливилось испытать продолжительное спокойствіе, благодаря мѣстоположенію, такъ какъ они были окружены со всѣхъ сторонъ моремъ, а народы, опустошавшіе Италію, не имѣли судовъ и потому не могли напасть на нихъ; такимъ образомъ, начавъ свое существованіе такъ скромно, они могли достичь того величія, которымъ пользуются теперь.

Другой случай, когда городъ основывается чужеземцами; это могутъ быть или свободные люди, или зависимые, каковы колонисты, посланные республикою или государемъ, съ цѣлью освободить собственныя земли отъ излишка народонаселенія, или же съ цѣлью заселить вновь пріобрѣтенныя страны, дабы такимъ образомъ вѣрнѣе и дешевле удерживать ихъ въ своей власти. Римскій народъ основалъ множество подобныхъ городовъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ; иные же были основаны государями не для того, чтобы поселиться въ нихъ, а просто для своей славы, какъ напр. городъ Александрія Александромъ. Основанные насиліемъ, такіе города рѣдко дѣлали большіе успѣхи въ развитіи и достигали значенія столицъ. Подобнымъ образомъ возникла Флоренція, основанная подъ римскимъ владычествомъ (все-равно, считать ли ее основанною солдатами Суллы или жителями Фьезольскихъ горъ, которые, успокоенные продолжительнымъ миромъ, водворившимся повсюду при Октавіанѣ, рѣшились поселиться въ долинѣ Арно); такимъ образомъ вначалѣ она не могла сдѣлать никакихъ пріобрѣтеній, кромѣ тѣхъ, которыя получала отъ щедротъ государей. Когда народъ или самъ

собою, или руководимый своимъ государемъ, будучи вынужденъ моровой язвой, голодомъ или войною покинуть свое отечество, отправляется искать себѣ новаго мѣстожительства и основываетъ городъ, то такой городъ можно считать основаннымъ свободно. При этомъ переселяющійся народъ можетъ поселиться въ городахъ, найденныхъ въ завоеванной странѣ, какъ напримѣръ Евреи при Моисеѣ; или основать новые города, какъ троянцы при Энеѣ. Въ послѣднемъ случаѣ особенно проявляется мудрость основателя, выражающаяся въ судьбѣ самаго города, такъ какъ эта судьба становится впослѣдствіи тѣмъ болѣе удивительнѣе, чѣмъ мудрѣе былъ основатель новаго города. Мудрость же его обнаруживается въ двухъ главныхъ условіяхъ: въ выборѣ мѣстоположенія и въ установленіи законовъ.

Люди дѣйствуютъ или по необходимости, или по свободному выбору, и чѣмъ свободнѣе они въ своихъ поступкахъ, тѣмъ больше обнаруживается ихъ достоинство. При избраніи мѣста для основанія города должно разсмотрѣть, не предпочесть ли мѣстность безплодную, гдѣ люди, побуждаемые этимъ къ промышленности, менѣе предавались бы праздности, тѣснѣе бы сближались между собою и, по скудности своей страны, имѣли бы меньше поводовъ къ раздорамъ, какъ напримѣръ мы видимъ въ Рагузѣ и во многихъ другихъ городахъ, основанныхъ въ подобныхъ мѣстахъ. Такой выборъ былъ бы безъ сомнѣнія умнѣе и полезнѣе, если бы люди довольствовались каждый своимъ и не стремились бы повелѣвать другими. Но люди могутъ обезпечить себя отъ себѣ подобныхъ только могуществомъ; поэтому необходимо избѣгать мѣстностей безплодныхъ и селиться въ странахъ плодоносныхъ, гдѣ богатство почвы давало бы людямъ средства защищаться отъ нападеній и покорять всѣхъ, кто будетъ противиться ихъ величію. Что касается до изнѣженности отъ чрезвычайнаго изобилія страны, то дѣло законовъ обязать гражданъ къ труду, къ которому ихъ не принуждаетъ почва; должно подражать тѣмъ мудрецамъ, которые жили въ странахъ пріятныхъ и плодородныхъ, дѣлающихъ людей тунеядцами и не способными ни къ какому воинственному упражненію; но эти мужи, чтобы отклонить вредныя послѣдствія роскошной природы и избѣ-

жать праздности, предписали всѣмъ, кто долженъ былъ служить воиномъ, постоянно заниматься упражненіями; благодаря этому распоряженію, воины были тамъ лучше, чѣмъ въ странахъ отъ природы суровыхъ и безплодныхъ. Между прочимъ, такъ было въ Египтѣ, одной изъ самыхъ роскошныхъ странъ; тамъ вліяніе природы было до такой степени ослаблено закономъ, что въ немъ являлись самые замѣчательные люди; правда имена ихъ поглощены временемъ, но если бы подвиги ихъ сохранились въ исторіи, то заслужили бы больше хвалы, чѣмъ дѣянія Александра Великаго и многихъ другихъ, память о которыхъ еще свѣжа. Кто захотѣлъ бы обратить вниманіе на Египетъ, на учрежденіе мамелюковъ и на устройство ихъ войска до уничтоженія ихъ Великимъ Туркомъ Сали [1]), тотъ увидѣлъ бы, какъ строга была дисциплина этого войска и на дѣлѣ узналъ бы, какъ боялись они праздности, въ которую ихъ могла ввергнуть мягкость климата, если бы ихъ не поддерживали строгія предписанія. И такъ, благоразумнѣе избирать плодоносныя мѣстности, потому что неудобства ихъ могутъ быть предотвращены законами. Когда Александръ Великій хотѣлъ для славы своей основать городъ, къ нему пришелъ архитекторъ Динократъ и показалъ ему, что его можно выстроить на горѣ Атосѣ; онъ говорилъ, что мѣсто это само по себѣ очень крѣпкая позиція и что, кромѣ того, его можно окопать такъ, чтобы придать ему человѣческую форму, что будетъ дѣло чудное и рѣдкое и достойное его величія. Александръ спросилъ его, чѣмъ же будутъ существовать жители, и тотъ отвѣчалъ, что не подумалъ объ этомъ. На это Александръ засмѣялся и, оставивъ гору въ покоѣ, основалъ Александрію, гдѣ жители должны были охотно селиться, по тучности почвы и по удобству, доставляемому моремъ и Ниломъ.

Обращаясь къ основанію Рима, мы находимъ, что онъ былъ основанъ чужеземцами, если первымъ основателемъ его считать Энея; если же Ромула, то туземцами; но во всякомъ случаѣ онъ основался свободно и независимо. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, городъ былъ подчиненъ строгимъ узаконеніямъ, предписаннымъ Ромуломъ, Нумой и другими; вслѣдствіе этого, ни плодородіе почвы, ни удобства моря, ни частыя побѣды, ни величіе и могущество, не могли въ теченіи многихъ вѣковъ развратить его и поддерживали въ немъ проявленіе такихъ доблестей, какими не была украшена ни одна республика. Дѣянія, совершенныя Римомъ и прославленныя Титомъ Ливіемъ, вышли или изъ общественныхъ или изъ частныхъ совѣтовъ и совершались какъ въ самомъ городѣ, такъ и внѣ его. Я начну съ разсужденія о внутреннихъ событіяхъ, совершившихся вслѣдствіе общественной воли, останавливаясь на томъ, что найду достойнымъ особеннаго вниманія, и присовокупляя всѣ связанныя съ ними обстоятельства. Этимъ и кончится первая книга или, вѣрнѣе, первая часть моихъ Разсужденій.

[1]) Турецкій Султанъ Селимъ I.

ГЛАВА II.

Какія бываютъ республики и какого рода была республика римская.

Я не буду говорить о городахъ, основанныхъ иноземцами; я хочу разсмотрѣть только тѣ, которые основались внѣ всякой внѣшней зависимости и начали тотчасъ же управляться сами собою, какъ республика или какъ монархія, и, смотря по этому различію, получили различные учрежденія и законы. Одни получили свои учрежденія при самомъ основаніи или вскорѣ потомъ отъ одного законодателя сразу, какъ напр. Спартанцы отъ Ликурга; другіе получали ихъ при случаѣ, въ нѣсколько пріемовъ, смотря по требованію обстоятельствъ, какъ напр. Римъ. Можно назвать счастливою ту республику, гдѣ явится человѣкъ до того мудрый, чтобы законы, которые онъ ей дастъ, обезпечивали бы существованіе каждаго и чтобъ въ нихъ не нужно было ничего исправлять. Такъ мы видимъ, что Спарта болѣе 800 лѣтъ хранила законодательство Ликурга, не искажая его и не испытывая никакихъ гибельныхъ безпорядковъ. Напротивъ того, несчастливъ тотъ городъ, который не найдетъ мудраго законодателя и бу-

детъ принужденъ самъ распорядиться своими учрежденіями. Но изъ нихъ всѣхъ несчастнѣе тотъ, который болѣе всѣхъ чуждъ порядка; то-есть тотъ, чьи учрежденія болѣе всѣхъ удалены отъ прямаго пути, который могъ бы привести его къ совершенной и истинной цѣли; такому городу почти невозможно найти благопріятный случай, который помогъ бы ему возвратиться на истинный путь. Другіе же, учрежденія которыхъ хотя несовершенны, но которыя за то исходятъ изъ хорошаго начала и способны совершенствоваться, могутъ достичь лучшаго порядка при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ. Но замѣтимъ, что преобразованіе никогда не обходиться безъ опасности: потому что люди никогда не соглашаются на новый законъ, водворяющій въ городѣ новый порядокъ, если не будутъ вынуждены крайней необходимостью; но такая необходимость не можетъ возникнуть безъ опасности, и легко можетъ случиться, что республика погибнетъ, прежде чѣмъ достигнетъ лучшаго порядка. Въ этомъ совершенно удостовѣряетъ насъ примѣръ флорентійской республики, которая была преобразована во II *) послѣ событія въ Ареццо, а въ XII **) по взятіи Прато, снова ниспровергнута.

И такъ, желая разсмотрѣть, каковы были учрежденія города Рима и какія условія привели его къ совершенству, я замѣчу, какъ всѣ, писавшіе о республикахъ, что есть три рода правительствъ, а именно — монархія, аристократія и народное правленіе; изъ этихъ трехъ видовъ правленія должны какое нибудь выбрать тѣ, кому приходиться устроивать правленіе въ городѣ, давая предпочтеніе правленію, которое покажется для нихъ удобнѣе. Иные, и при томъ, по мнѣнію многихъ, болѣе мудрые, думаютъ, будто видовъ правленія шесть, изъ коихъ три дурны во всѣхъ отношеніяхъ, а три другіе сами по себѣ хороши, но такъ какъ ихъ трудно поддерживать то и они также становятся пагубны. Хороши три, уже названные нами; три другіе вытекаютъ ихъ нихъ и дурны; и каждый изъ нихъ такъ похожъ на соотвѣтствующій ему хорошій, что они легко переходятъ одинъ въ другой: монархія

*) 1502 г. **) 1512 г.

легко обращается въ тирранію; аристократія часто переходитъ въ правленіе небольшаго меньшенства (олигархія); народное правленіе безъ труда превращается въ совершенную распущенность. Такимъ образомъ законодатель, учреждающій въ городѣ одно изъ этихъ трехъ правленій, водворяетъ его не надолго; потому что у него нѣтъ средства предупредить переходъ изъ хорошаго въ дурное, такъ какъ здѣсь добро и зло слишкомъ близки другъ къ другу.

Эти разные виды правленія развились между людьми случайно; ибо въ началѣ міра, когда жители были малочисленны, они жили разсѣянно, подобно животнымъ; впослѣдствіи, когда поколѣніе ихъ размножилось, они соединились и, чтобы лучше защищаться избрали изъ своей среды самаго сильнаго и самаго храбраго, сдѣлали его своимъ начальникомъ и стали повиноваться ему. Отсюда возникло познаніе разницы между полезнымъ и добрымъ и вреднымъ и подлымъ: потому что въ людяхъ стало возбуждаться негодованіе и состраданіе при видѣ человѣка, наносящаго вредъ своему благодѣтелю; они стали порицать неблагодарныхъ и уважать чувствительныхъ къ благодѣянію, и, видя, что имъ самимъ можетъ быть нанесена подобная же обида, рѣшились, во избѣжаніе такого зла, установить законы, учредить наказанія для ихъ нарушителей: отсюда явилось понятіе справедливости и правосудія. Вслѣдствіе этого понятія, когда приходилось избирать начальника, люди стали отдавать предпочтеніе уже не самому храброму, а самому мудрому и справедливому. Но такъ какъ впослѣдствіи вожди сдѣлались наслѣдственными, а не избирательными, то тотчасъ же начали вырождаться; покинувъ добродѣтели своихъ предковъ, они стали думать, что дѣло государя только затмѣвать прочихъ пышностью, сладострастіемъ и другими подобными качествами. Такимъ образомъ, государи сдѣлались ненавистны и потому трусливы, а отъ страха перешли къ угнетенію,—и возникла тираннія. Отсюда явились: паденіе государей, замыслы и заговоры противъ нихъ, устроиваемые не трусами и малодушными, а тѣми, которые великодушіемъ, благородствомъ, богатствомъ и знатностью возвышались надъ прочими и не могли переносить преступнаго существованія этихъ государей. Руководимая ими толпа вооружалась противъ государя

и, убивъ его, подчинялась своимъ вождямъ, какъ избавителямъ. Послѣдніе, ненавидя имя монарха, учреждали изъ себя правительство и въ началѣ, помня примѣръ прошлой тиранніи, управляли сообразно постановленнымъ ими законамъ, подчиняя свои выгоды общей пользѣ и съ равнымъ стараніемъ занимаясь общественными и своими частными дѣлами. Но наконецъ правленіе переходило къ ихъ сыновьямъ, незнавшимъ превратностей судьбы, не испытавшимъ несчастій и не желавшимъ довольствоваться гражданскимъ равенствомъ; предавшись алчности, честолюбію, похищенію чужихъ женъ, они обращали аристократическое правленіе въ олигархію, попирая права гражданъ: такимъ образомъ, въ скоромъ времени ихъ постигала участь тирана; наскучивъ ихъ правленіемъ толпа обращалась въ орудіе всякаго, кто предлагалъ ей избавить ее отъ этихъ правителей; и вскорѣ являлся человѣкъ, который при помощи толпы низвергалъ ихъ. Но память государя и испытанныхъ отъ него обидъ была еще свѣжа; поэтому, разрушивъ владычество олигарховъ и не желая возстановлять монархію, люди вводили у себя народное правленіе, учредивъ у себя такой порядокъ, чтобы ни аристократы, ни монархъ не имѣли и въ немъ никакой власти. Такъ какъ всякій государственный порядокъ пользуется въ началѣ уваженіемъ, то и народное правленіе могло нѣкоторое время существовать, впрочемъ недолго, пока не угасло основавшее его поколѣніе; затѣмъ быстро водворялась полная распущенность, гдѣ ни частные, ни общественные люди не внушали ни кому никакого почтенія, такъ что всякій жилъ по своему, и всѣ наносили другъ другу тысячи обидъ. Тогда, побуждаемые необходимостью или совѣтомъ какого нибудь умнаго человѣка, люди, во избѣжанія такого безпорядка, опять обращались къ монархіи и отъ нее снова постепенно возвращались къ распущенности тѣмъ же путемъ и по тѣмъ же причинамъ. Таковъ кругъ, въ которомъ вращались и вращаются правленія всѣхъ республикъ; однако онѣ рѣдко возвращаются къ тому, изъ чего вышли; потому что въ нихъ рѣдко сохраняется столько жизненной силы, чтобы пройти, не погибнувъ, нѣсколько разъ этотъ кругъ. Обыкновенно бываетъ, что среди этихъ переворотовъ республика, лишенная силы и руководства, дѣлается добычей сосѣдняго государства, которое управляется лучше, чѣмъ она. Но предположивъ, что этого не случиться, — она должна будетъ вращаться въ этомъ кругѣ безконечное время.

И такъ я говорю, что всѣ эти виды правленія представляютъ неудобства—первые три, потому что не могутъ долго существовать, а три остальные, потому что сами по себѣ дурны. Мудрые законодатели, зная эти недостатки, избѣгали слѣдовать исключительно какому бы то нибыло изъ этихъ порядковъ, предпочитая смѣшанный, который казался имъ прочнѣе и крѣпче, потому что, существуя вмѣстѣ монархія, аристократія и демократія, могли бы удобнѣе наблюдать другъ за другомъ. Изъ законодателей Ликургъ больше всего прославился подобными учрежденіями; онъ учредилъ своими законами въ Спартѣ порядокъ, въ которомъ и царь и аристократы и народъ получили каждый свою часть, такъ что государство его просуществовало болѣе 800 лѣтъ, къ великой славѣ его, въ полномъ спокойствіи. Иное было съ Солономъ, который постановилъ законы для Аѳинъ; желая водворить исключительно господство народа, онъ учредилъ такой непрочный порядокъ, что еще при жизни его возникла тираннія Пизистрата. Хотя черезъ сорокъ лѣтъ наслѣдники тирана были изгнанны и Аѳины возвратили себѣ свободу, но такъ какъ исключительно народное правленіе, установленное Солономъ, было снова водворено, то по прошествіи не болѣе 100 лѣтъ оно опять пало, несмотря на множество узаконеній, придуманныхъ для его сохраненія, для обузданія высокомѣрія аристократовъ и своеволія народа — препятствій, упущенныхъ Солономъ изъ виду. Такимъ образомъ сравнительно со Спартой существованіе Аѳинъ было самое кратковременное, потому что въ нихъ не было ни власти государя, ни аристократіи.

Но возвратимся къ Риму. Хотя Римъ не имѣлъ своего Ликурга, который далъ бы ему при самомъ основаніи порядокъ, способный на долго упрочить его свободу, но чего не сдѣлалъ законодатель, то дѣлалось само собою, вслѣдствіи несогласій, происходившихъ въ городѣ между народомъ и сенатомъ. Риму не досталось счастья имѣть мудраго основателя, за то досталось другое

счастье; правда, первыя учрежденія его были плохи, но не на столько, чтобы отклонить его отъ прямаго пути, который могъ привести его къ совершенству. Ромулъ и всѣ другіе цари установили много прекрасныхъ законовъ, позволявшихъ жить свободно, но такъ какъ цѣлью ихъ было основать не республику, а царство, то когда городъ сдѣлался свободнымъ, въ немъ оказался недостатокъ во многихъ установленіяхъ, необходимыхъ для свободы и совершенно упущенныхъ изъ виду царями. Цари лишились власти вслѣдствіе причинъ, о которыхъ мы разсуждали выше; но изгнавшіе ихъ, немедленно установили на мѣсто царей двухъ консуловъ, такъ что въ Римѣ было уничтожено только имя царей, а не самая власть ихъ. И такъ, имѣя консуловъ и сенатъ, республика представляла смѣсь двухъ изъ трехъ вышесказанныхъ началъ, а именно монархію и аристократію. Оставалось только дать мѣсто народному правленію: римское дворянство, возгордившись по причинамъ, которыя мы укажемъ ниже, возбудило противъ себя народное возстаніе и, чтобы не лишиться всего, было принуждено уступить народу его часть. Но, съ другой стороны, сенатъ и консулы сохранили столько власти, что могли удерживать въ республикѣ свое положеніе. Такимъ образомъ возникло учрежденіе народныхъ трибуновъ; это учрежденіе придало республиканскому порядку больше прочности, потому что каждое изъ трехъ началъ получило свою долю въ управленіи. Судьба такъ благопріятствовала Риму, что, хотя онъ перешелъ отъ правленія царей и аристократіи къ народному господству черезъ тѣ же ступени и по тѣмъ же причинамъ, какія мы указали выше, однако царская власть не была совершенно уничтожена въ пользу власти аристократовъ, и власть аристократовъ не была вовсе отмѣнена въ пользу народной власти. Всѣ онѣ остались смѣшанными, что придало республикѣ совершенство. Но этого совершенства она достигла вслѣдствіе раздоровъ между народомъ и сенатомъ, какъ мы подробно увидимъ въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА III.

Вслѣдствіе чего были учреждены въ Римѣ народные трибуны, способствовавшіе усовершенствованію республики.

Какъ доказываютъ всѣ разсуждавшіе о гражданскомъ бытѣ, и какъ свидѣтельствуютъ примѣры всей исторіи, учредителю и законодателю республики необходимо предполагать всѣхъ людей злыми и всегда склонными обнаруживать свою испорченность, какъ скоро къ тому представится удобный случай. Если испорченность ихъ нѣкоторое время не обнаруживается, то это навѣрное происходитъ отъ какой нибудь скрытой причины, которая еще не дознана опытомъ, но которая непремѣнно обнаружится временемъ, называемымъ отцомъ всякой истины; такъ въ Римѣ по изгнаніи Тарквинія между народомъ и сенатомъ господствовало повидимому величайшее согласіе; дворянство, казалось, совершенно покинуло свою гордость, сдѣлалось искренно народнымъ и сноснымъ даже для самыхъ низшихъ классовъ. Это согласіе продолжалось, пока жили Тарквиніи, и причина его во все это время оставалась скрытою; дѣло въ томъ, что дворянство боялось Тарквиніевъ и опасалось, чтобы народъ, вслѣдствіе дурнаго съ нимъ обращенія, не соединился бы съ ними и не вошелъ съ ними въ соглашеніе. Но какъ только Тарквиніи умерли и страхъ дворянства прошелъ, оно начало извергать противъ народа ядъ, который доселѣ скрывало, и принялось оскорблять народъ всевозможными средствами. Это именно показываетъ справедливость сказаннаго выше, что люди поступаютъ хорошо только по необходимости; но какъ скоро имъ представляется выборъ и какъ скоро они могутъ дѣйствовать по произволу, немедленно возникаютъ всевозможные смуты и безпорядки. Вотъ почему и говорятъ, что голодъ и нужда дѣлаютъ людей искусными, а законы добрыми. Гдѣ дѣло хорошо само по себѣ, безъ всякаго закона, тамъ законъ не нуженъ; но какъ скоро нѣтъ добраго расположенія, необходимъ законъ. Поэтому, когда не стало Тарвиніевъ, боязнь которыхъ сдерживала дворянство, пришлось по-

думать о новомъ порядкѣ, который давалъ бы тотъ же результатъ, какъ при Тарквиніяхъ. Такимъ образомъ, послѣ многихъ смутъ, ропота и опасныхъ распрей, возникшихъ между народомъ и дворянствомъ, для безопасности народа были учреждены трибуны. Они получили такія права и преимущества, что могли всегда быть посредниками между народомъ и сенатомъ и обуздывать дерзость аристократіи.

ГЛАВА IV.

Раздоръ между народомъ и сенатомъ римскимъ послужилъ въ пользу свободы и могущества этой республики.

Я не хочу оставить безъ замѣчанія смутъ, происходившихъ въ Римѣ отъ смерти Тарквинія до учрежденія трибуновъ. Я намѣренъ возстать противъ мнѣнія многихъ, утверждающихъ, будто Римъ представлялъ собой государство, исполненное постоянныхъ смутъ и такихъ безпорядковъ, что только благодаря счастью и военной доблести своихъ гражданъ, онъ не былъ ниже всякой другой республики. Я не могу отрицать, что римское владычество водворилось, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ и силѣ оружія, но мнѣ кажется, что хорошая армія свидѣтельствуетъ о хорошемъ государственномъ порядкѣ, а счастье всегда на той сторонѣ, гдѣ лучшая армія.

Но обратимся къ другимъ особенностямъ этого города. Я нахожу, что бранить несогласія между аристократіей и народомъ, значитъ порицать первыя причины свободы Рима; это значитъ обращать больше вниманія на ропотъ и крики, возбуждаемые этими смутами, чѣмъ на полезныя ихъ послѣдствія. Разсуждающіе такимъ образомъ не видятъ, что въ каждой республикѣ всегда бываютъ два противоположныя направленія, одно къ пользѣ народа, другое къ выгодамъ высшихъ классовъ; изъ этого разногласія вытекаютъ всѣ законы, издаваемые въ интересѣ свободы, что легко можно видѣть по событіямъ въ Римѣ, гдѣ въ теченіе 300 лѣтъ, отъ Тарквинія до Гракховъ, смуты рѣдко доходили до изгнаній гражданъ, а еще рѣже до кровопролитій. Нельзя, слѣдовательно, считать эти смуты вредными и республику раздираемою междоусобіями, если въ такой долгій промежутокъ раздоры ея стоили ссылки всего 8 или 10 гражданамъ, нѣсколькимъ человѣкамъ пени и нѣсколькимъ—казни. Ни въ какомъ случаѣ нельзя основательно назвать государство неустроеннымъ, если мы видимъ въ немъ столько примѣровъ добродѣтели, ибо добрыя дѣянія происходятъ отъ добраго воспитанія, доброе воспитаніе отъ хорошихъ законовъ, а хорошіе законы отъ тѣхъ самыхъ смутъ, которыя многіе безразсудно осуждаютъ. Если хорошо вникнуть въ результатъ этихъ смутъ, то мы увидимъ, что онѣ никогда не вызывали насилій и изгнаній въ ущербъ общему благу, а всегда установляли законы и порядки для пользы общественной свободы. Быть можетъ, кто-нибудь скажетъ: не странно ли однако, не дико ли видѣть, какъ народъ всей толпой вопіетъ противъ сената, сенатъ противъ народа, какъ толпы шумно бѣгаютъ по улицамъ, запираютъ лавки, бѣгутъ изъ Рима—все это ужасаетъ даже въ чтеніи. На это я отвѣчу, что всякій городъ имѣетъ свои обычаи, при помощи которыхъ народъ можетъ удовлетворить своимъ требованіямъ, а тѣмъ болѣе такой городъ, гдѣ народъ участвуетъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ: таковъ былъ городъ Римъ, гдѣ былъ обычай, что народъ, желая получить какой-нибудь законъ, прибѣгалъ къ одной изъ подобныхъ крайностей, или отказывался идти на войну, такъ что для усмиренія его приходилось удовлетворить его желанію. Желанія же народовъ свободныхъ рѣдко вредятъ свободѣ, потому что возбуждаются или угнетеніемъ, или подозрѣніемъ, что ихъ желаютъ угнетать. Еслибы это подозрѣніе было ложно, противъ него у свободнаго народа всегда есть средство: для этого достаточно, чтобы вышелъ какой-нибудь честный человѣкъ и въ рѣчи доказалъ народу, что онъ ошибается. Правда, народы, какъ говоритъ Туллій (Цицеронъ), невѣжественны, но они всегда способны признать правду и легко уступаютъ, когда человѣкъ, достойный довѣрія, показываетъ имъ истину.

И такъ, мы должны воздержаться отъ порицаній римскаго правленія и имѣть въ виду, что все добро, произведенное респу-

бликой, необходимо должно было проистекать изъ хорошихъ источниковъ. Если смуты были причиной учрежденія трибуновъ, онѣ заслуживаютъ похвалу, потому что способствовали народу добиться участія въ управленіи, способствовали огражденію римской свободы, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

Кому надежнѣе поручить охраненіе свободы,—народу или аристократіи; и кто имѣетъ болѣе поводовъ возбуждать смуты, тѣ ли, кто желаетъ пріобрѣтать, или тѣ, кто желаетъ сохранять.

Мудрые учредители республикъ обращали прежде всего вниманіе на огражденіе свободы, и смотря по тому, насколько они достигали этого, государство дольше или меньше существовало свободнымъ. Въ каждой республикѣ есть знать и простонародіе, и многіе сомнѣвались, кто изъ нихъ съумѣетъ лучше охранить свободу. Въ древности лакедемоняне, а въ наше время венеціянцы вручили ее дворянству; но римляне ввѣрили ее простому народу. Необходимо теперь разсмотрѣть, которая изъ этихъ республикъ сдѣлала лучшій выборъ въ этомъ дѣлѣ. Если вникать въ причины того или другаго выбора, то можно многое сказать про обѣ стороны; если же разсуждать о послѣдствіяхъ, то надо отдать предпочтеніе дворянству, потому что въ Спартѣ и Венеціи свобода была долговѣчнѣе, чѣмъ въ Римѣ. Однако, обращаясь къ причинамъ, я замѣчу, останавливаясь сначала на Римѣ, что ввѣрять охраненіе свободы должно тѣмъ, кто менѣе алченъ и менѣе помышляетъ о ея захватѣ. Безъ сомнѣнія, разсматривая въ этомъ отношеніи дворянство и простонародіе, мы убѣждаемся, что первые одержимы желаніемъ господствовать, тогда какъ вторые хотятъ только не быть угнетенными; слѣдовательно они болѣе любятъ свободную жизнь и менѣе знатныхъ имѣютъ средствъ на похищеніе свободы въ свою пользу. Такимъ образомъ, поручая народу охранять свободу, можно надѣяться, что онъ будетъ больше объ ней заботиться и, не имѣя возможности самъ завладѣть ею,

не позволитъ захватить ее и другимъ. Съ другой стороны, защитники спартанскаго и венеціянскаго порядка говорятъ, что ввѣряя охраненіе свободы знатнымъ, мы достигаемъ двухъ хорошихъ результатовъ: вопервыхъ, удовлетворяемъ честолюбію тѣхъ, кто имѣетъ въ республикѣ больше значенія и кто, получивъ въ руки орудіе власти, будетъ имѣть больше причинъ довольствоваться своей долей; во вторыхъ, отнимая власть у безпокойнаго народа, препятствуемъ ему возбуждать въ республикѣ безконечные раздоры и смуты и доводить дворянство до какого-нибудь отчаяннаго поступка, который непремѣнно современемъ принесетъ вредныя послѣдствія. Они приводятъ въ примѣръ тотъ же Римъ, гдѣ народъ, получивъ трибуновъ, а съ ними и власть въ свои руки, не сталъ довольствоваться однимъ плебейскимъ консуломъ и захотѣлъ обоихъ. Далѣе плебеи потребовали себѣ цензуру, преторскую власть и всѣ прочіе чины республики. Не довольствуясь наконецъ и этимъ и увлекаемый той же яростью, народъ началъ современемъ боготворить людей, отъ которыхъ ожидалъ ниспроверженія дворянства; отсюда возникло могущество Марія и паденіе Рима.

Надо сознаться, что разбирая всѣ эти доводы, мы остаемся въ недоумѣніи, кому лучше ввѣрить охраненіе свободы, не зная, кто вреднѣе для республики, тѣ ли, кто желаетъ пріобрѣсти то, чего не имѣетъ, или тѣ, кто хочетъ удержать за собой уже пріобрѣтенныя преимущества. Изслѣдуя все это тщательно, можно придти къ слѣдующему заключенію: дѣло измѣняется, смотря потому, идетъ ли рѣчь о республикѣ, желающей достичь владычества, подобно Риму, или имѣющей въ виду только свое собственное сохраненіе. Въ первомъ случаѣ необходимо подражать во всемъ Риму; во второмъ—можно слѣдовать примѣру Венеціи и Спарты, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Но, возвращаясь къ вопросу о томъ, кто вреднѣе для республики, жаждущіе ли пріобрѣтенія, или опасающіеся утратить пріобрѣтенное, я замѣчу, что, когда—два плебея—Маркъ Меневій былъ сдѣланъ диктаторомъ, а Маркъ Фульвій начальникомъ конницы для изслѣдованія заговора, составленнаго въ Капуѣ противъ Рима, народъ далъ имъ также власть розыскать, кто въ Римѣ честолюбіемъ и вообще чрезвычай-

ными путями добивался овладѣть консульствомъ и другими почетными должностями города. Аристократія, полагая, что власть дана диктатору противъ нее, распространила въ Римѣ слухъ, что не она изъ честолюбія ищетъ почестей чрезвычайными путями, а плебеи, которые не довѣряя доблести знати и тому, что самое высокое ея происхожденіе обязываетъ ихъ къ ней, добиваются незаконными средствами почетнаго положенія; особенно обвиняла аристократія диктатора. Это обвиненіе было такъ сильно, что Мененій сложилъ съ себя диктаторство, произнеся рѣчь, полную жалобъ на клеветы аристократіи, и потребовалъ народнаго суда; дѣло его было изслѣдовано, и онъ былъ оправданъ; при этомъ много спорили о томъ, кто честолюбивѣе, желающіе ли сохранять или стремящіеся къ пріобрѣтенію, такъ какъ и то и другое желаніе легко можетъ сдѣлаться причиной великихъ смутъ. Очевидно однако, что они чаще возбуждаются людьми обладающими, потому что страхъ потери порождаетъ въ нихъ тѣ же страсти, которыми одержимы стремящіеся къ пріобрѣтенію; притомъ людямъ всегда кажется, что обладаніе ихъ недостаточно обезпечено, если они не дѣлаютъ новыхъ пріобрѣтеній. Кромѣ того надо замѣтить, что обладающіе многимъ имѣютъ больше средствъ и способовъ возбуждать раздоры. И еще замѣтимъ, что поступки и честолюбіе ихъ возбуждаютъ въ людяхъ, необладающихъ властью, желаніе овладѣть ею, чтобы отмстить имъ, ограбить ихъ или чтобы завладѣть богатствами и почестями, которыми они злоупотребляютъ.

ГЛАВА VI.

Можно ли было установить въ Римѣ порядокъ, который прекратилъ бы вражду между народомъ и сенатомъ.

Мы разсуждали о послѣдствіяхъ раздоровъ между народомъ и сенатомъ. Теперь, разсматривая смуты, происходившія до временъ Гракховъ, когда они сдѣлались наконецъ причиной паденія свободы, нельзя не прійти къ заключенію, что было бы лучше, еслибы Римъ совершилъ всѣ свои великія дѣянія помимо такихъ

бѣдственныхъ раздоровъ. Поэтому мнѣ кажется достойнымъ вниманія, изслѣдовать, возможно ли было установить въ Римѣ такой порядокъ, при которомъ всѣ распри были бы невозможны. Желая изслѣдовать это, необходимо обратиться къ другимъ республикамъ, которыя долго жили свободно, безъ такихъ распрей и смутъ; надо посмотрѣть, каковъ былъ ихъ порядокъ и убѣдиться, можно ли было водворить его въ Римѣ? Въ примѣръ можно привести изъ древнихъ Спарту, а изъ современныхъ Венецію, о которыхъ я уже говорилъ выше. Спарта имѣла царя и небольшой сенатъ, которые управляли ею. Въ Венеціи правительство не было раздѣлено подъ разными названіями; въ ней всѣ, имѣвшіе право на участіе въ правленіи, назывались общимъ именемъ дворянъ. Этотъ порядокъ установился не столько мудрымъ законодательствомъ, сколько случаемъ, ибо множество жителей окрестныхъ мѣстъ были принуждены, вышеупомянутыми причинами, поселиться въ непроходимыхъ мѣстахъ, гдѣ находится теперь этотъ городъ; число ихъ было такъ велико, что для совмѣстнаго существованія имъ необходимо было установить законы и учредить какой-нибудь правительственный порядокъ; часто собираясь на совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ, они убѣдились, что ихъ достаточно, чтобы вести политическую жизнь; поэтому они рѣшили отказывать всѣмъ новымъ пришельцамъ въ правѣ принимать участіе въ правленіи; современемъ къ нимъ набралось много новыхъ жителей, устраненныхъ отъ правленія, и чтобы отличить отъ нихъ правительственный классъ, его назвали дворянствомъ, а прочихъ простонародіемъ. Этотъ порядокъ могъ бы установиться и сохраняться безъ смутъ, потому что при учрежденіи его всѣ тогдашніе жители Венеціи получили участіе въ правленіи, такъ что не могли ни на что жаловаться; пришедшіе позднѣе нашли уже порядокъ упроченнымъ и законченнымъ, такъ что не имѣли ни повода, ни возможности производить смуты. Они не имѣли на то повода, потому что ихъ ничего не лишали; возможности они не имѣли, потому что правительственные классы сдерживали ихъ и не давали имъ ни въ чемъ ни малѣйшей власти. Съ другой стороны, позднѣйшихъ пришельцовъ никогда не было такъ много,

чтобы обнаружилась несоразмѣрность въ числѣ между управляющими и управляемыми: число дворянъ было всегда или равно, или больше числа простонародія. По всѣмъ этимъ причинамъ Венеція могла учредить у себя подобный порядокъ и поддерживать согласіе. Спарта, какъ я сказалъ, управлялась царемъ и сенатомъ, состоявшимъ изъ небольшаго числа лицъ, и могла существовать такъ долго потому, что малочисленность населенія ея, недопущеніе въ городъ постороннихъ пришельцовъ и уваженіе, питаемое къ законамъ Ликурга, которые всегда соблюдались, устраняли всѣ поводы къ смутамъ и давали спартанцамъ возможность жить очень долго въ согласіи. Дѣло въ томъ, что Ликургъ своими законами установилъ въ Спартѣ равенство средствъ и неравенство положеній, такъ что всѣ жили въ равной бѣдности, и народъ былъ тѣмъ менѣе честолюбивъ, что городскія должности давались только весьма немногимъ гражданамъ, и что аристократія своими поступками никогда не возбуждала въ немъ желанія лишить ее принадлежащаго ей положенія. Этому способствовали спартанскіе цари, которые, будучи привязаны къ власти и находясь среди аристократіи, могли удерживать твердо свое достоинство, только защищая народъ отъ всякой обиды; вслѣдствіе этого народъ не боялся и не желалъ власти; не обладая властью и не боясь ее, онъ не имѣлъ никакого повода къ столкновеніямъ съ аристократіей, никакой причины къ смутамъ; такимъ образомъ спартанцы могли долго жить въ согласіи. И такъ это согласіе обусловливалось двумя главными причинами: вопервыхъ, жителей въ Спартѣ было мало, такъ что ими могли управлять немногіе; вовторыхъ, спартанцы не впускали въ свою республику иностранцевъ и потому не имѣли случая развратиться или размножиться до того, чтобы почувствовать тягость правленія такого незначительнаго меньшинства.

Соображая все это, мы видимъ, что законодателямъ Рима было необходимо сдѣлать что-нибудь одно изъ двухъ, если они хотѣли утвердить въ Римѣ такое же спокойствіе, какимъ пользовались упомянутыя республики: они должны были или, подобно венеціянцамъ, не водить народъ на войну, или, подобно спартанцамъ, не пускать къ себѣ чужеземцевъ. Вмѣсто того, они дѣлали и то и другое, вслѣдствіе чего народъ усилился и размножился, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникло безконечное множество поводовъ къ смутамъ. Еслибы Римское государство хотѣло пріобрѣсти больше спокойствія, изъ этого вышло бы то неудобство, что оно было бы слабо и само себѣ пресѣкло бы путь къ величію, котораго достигло: такимъ образомъ, еслибы Римъ пожелалъ устранить причины смутъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ устранилъ бы и причины своего возвышенія. Если вглядѣться получше, то такъ бываетъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ: никогда нельзя устранить одно неудобство, чтобы изъ этого не возникло другое. Такъ, если хочешь сдѣлать народъ многочисленнымъ, сильнымъ и способнымъ достигнуть великой власти, то придется придать ему такія свойства, что потомъ нельзя будетъ управлять имъ по желанію. Съ другой стороны, если оставить его малочисленнымъ и безсильнымъ, чтобы имѣть возможность управлять имъ, то онъ никогда не сохранитъ пріобрѣтеннаго владычества и сдѣлается столь ничтожнымъ, что станетъ добычей перваго врага. Поэтому во всѣхъ нашихъ рѣшеніяхъ надо искать, на какой сторонѣ меньше неудобствъ, и выбирать ту, гдѣ ихъ меньше, потому что совершенно безупречной неподлежащей никакому сомнѣнію, не найдешь никогда.

И такъ, Римъ могъ, по примѣру Спарты, установить пожизненнаго монарха, малочисленный сенатъ; но, желая достигнуть большаго могущества, онъ не могъ, подобно ей, не умножать числа своихъ гражданъ. Вслѣдствіе этого пожизненный царь и малочисленный сенатъ не могли бы поддержать въ немъ согласія.

Слѣдовательно, еслибы кто-нибудь хотѣлъ учредить новую республику, ему пришлось бы рѣшить сначала, — хочетъ ли онъ, чтобы республика эта, подобно Риму, увеличивала свое могущество и владѣнія, или чтобы она оставалась въ ограниченныхъ предѣлахъ. Въ первомъ случаѣ необходимо было бы устроить ее, какъ Римъ, допуская въ ней самую широкую возможность возникновенія смутъ и раздоровъ, ибо, не обладая многочисленнымъ и хорошо вооруженнымъ народонаселеніемъ, республика не можетъ распространять свое владычество и удерживать за

собой свои пріобрѣтенія. Во второмъ случаѣ ее можно устроить по образцу Спарты или Венеціи. Но завоеванія—отрава для такихъ государствъ; поэтому законодатель долженъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы противодѣйствовать возможности проявленія въ ней завоевательныхъ стремленій, которыя для слабой республики всегда обращаются въ причину ея паденія. Такъ было со Спартой и Венеціей. Изъ нихъ первая подчинила себѣ всю Грецію, но при первой неудачѣ обнаружила всю слабость своего основанія: вслѣдъ за возстаніемъ Ѳивъ, возбужденнымъ Пелопидомъ, возмутились всѣ прочіе города и ниспровергли Спартанскую республику. Такъ и Венеція овладѣла бóльшей частью Италіи, не столько оружіемъ, сколько деньгами и хитростью; но когда ей пришлось испытать свои силы, она въ одинъ день потеряла все.

Я полагаю, что для основанія прочной республики, лучше всего дать ей внутреннее устройство по образцу Спарты или Венеціи, основать ее въ сильной позиціи и придать ей столько крѣпости, чтобы никто не могъ надѣяться сразу покорить ее; съ другой стороны, она не должна быть настолько сильна, чтобы представляться грозной сосѣдямъ. При этихъ условіяхъ она могла бы просуществовать долго, потому что всякая республика подвергается нападенію по двумъ причинамъ: или для покоренія ея, или изъ опасенія, чтобы она сама не покорила сосѣдей. Обѣ эти причины совершенно устраняются вышесказаннымъ образомъ, потому что, если, какъ я предполагаю, овладѣть ею будетъ трудно и она будетъ хорошо приготовлена къ защитѣ, то рѣдко или никогда не найдется никого, кто вознамѣрился бы покорить ее. Съ другой стороны, если она не будетъ выходить за предѣлы свои, если опытъ покажетъ, что она не увлекается честолюбіемъ, она никогда не подвергнется опасности, чтобы кто-нибудь началъ противъ нее войну изъ страха, особенно если самыя учрежденія и законы ея запрещаютъ ей завоеванія. Я не сомнѣваюсь, что еслибы можно было поддержать такимъ образомъ равновѣсіе, это была бы лучшая политическая жизнь и полнѣйшее гражданское спокойствіе. Но все человѣческое непрочно, и дѣла людей, будучи непостоянными, должны возвышаться или падать, и часто необходимость принуждаетъ насъ къ

тому самому, что воспрещаетъ намъ разсудокъ. Такъ, республика, учрежденная не для завоеваній, а для собственнаго сохраненія, будучи вынуждена необходимостью предпринять завоеванія, скоро сокрушилась бы на своихъ основахъ и неизбѣжно погибла бы. Но и съ другой стороны, еслибы небо было такъ благосклонно къ ней, что избавило бы ее отъ войнъ, то праздность непремѣнно породила бы въ ней изнѣженность и раздоры, и эти двѣ причины, соединившись вмѣстѣ или каждая сама по себѣ, привели бы ее къ паденію.

Итакъ, я убѣжденъ, что полное равновѣсіе здѣсь невозможно, что нельзя долго сохранить настоящую середину; вслѣдствіе этого, при учрежденіи республики должно выбирать то, что представляетъ всего больше выгодъ, и устроить ее такъ, чтобы въ случаѣ, если необходимость вынудитъ ее къ завоеванію, она могла бы удержать за собой свои пріобрѣтенія. Возвращаясь къ первому предмету моего разсужденія, я нахожу, что должно подражать римскому порядку и предпочесть его другимъ республикамъ, такъ какъ я не считаю возможнымъ найти средній порядокъ между тѣмъ и другимъ. Должно слѣдовательно терпѣть распри, возникающія между народомъ и сенатомъ, предпочитая, цѣной неизбѣжнаго неудобства, достигнуть римскаго величія. Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ, подтверждающихъ необходимость трибунской власти для охраненія свободы, легко видѣть, какую пользу принесло республикѣ право обвинять, составлявшее одно изъ преимуществъ трибуновъ. Мы разберемъ это въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VII.

Какъ необходимы были обвиненія для поддержанія свободы республики.

Самая полезная и необходимая власть, какую можно дать лицамъ, установленнымъ въ городѣ для охраненія свободы его, состоитъ въ правѣ обвинять,—передъ народомъ или судьей или какимъ-нибудь совѣтомъ,—гражданъ, совершившихъ какое-либо преступле-

ніе противъ общественной свободы. Учрежденіе это производитъ для республики два въ высшей степени полезныя слѣдствія. Во первыхъ, граждане, страшась подвергнуться обвиненію, не рѣшаются покушаться на свободу, а если и осмѣливаются, то немедленно укрощаются безъ милосердія. Во вторыхъ, это учрежденіе представляетъ хорошій исходъ для неудовольствій, которыя часто зарождаются въ городѣ противъ какого-нибудь гражданина и которыя, не найдя правильнаго исхода, проявляются чрезвычайными путями, приводящими къ гибели всю республику. Ни что не придаетъ республикѣ столько прочности и устойчивости, какъ такое учрежденіе, которое представляетъ законный исходъ несогласіямъ, волнующимъ ее вслѣдствіе подобныхъ неудовольствій. Это можно доказать многими примѣрами и лучше всего тѣмъ, что Титъ Ливій разсказываетъ о Коріоланѣ; онъ говоритъ, что римская аристократія было озлоблена противъ народа, который, по ея мнѣнію, пріобрѣлъ слишкомъ много власти, вслѣдствіе учрежденія защищавшихъ его трибуновъ. Римъ, какъ иногда случалось, терпѣлъ крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и сенатъ послалъ за хлѣбомъ въ Сицилію. Коріоланъ, врагъ народной партіи, далъ понять, что настало время, когда можно наказать народъ и отнять у него власть, пріобрѣтенную имъ въ ущербъ аристократіи; для этого онъ предлагалъ заставить его голодать, недавая ему пшеницы. Это намѣреніе дошло до слуха народа, который такъ вознегодовалъ противъ Коріолана, что убилъ бы его мятежнически при выходѣ изъ сената, еслибы трибуны не потребовали его въ судъ защищать свое дѣло. Этотъ случай доказываетъ сказанное нами выше о пользѣ и необходимости для республики имѣть законы, которые представляли бы исходъ негодованію народной массы противъ гражданина: ибо при отсутствіи законныхъ путей народъ можетъ обратиться къ незаконнымъ, а послѣдніе всегда приводятъ къ худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ первые. Очевидно, что если гражданинъ подвергнутъ наказанію законно, хотя бы и несправедливо, изъ этого не можетъ возникнуть въ республикѣ никакихъ безпорядковъ, по крайней мѣрѣ важныхъ; потому что дѣло это приводится въ исполненіе не частной или иноземной силой, которыя всегда губятъ свободу, а силой об-

щественной, имѣющей опредѣленные предѣлы и потому никогда не подвергающей республику гибели. Чтобы подкрѣпить это мнѣніе примѣрами, я опять сошлюсь изъ древнихъ на Коріолана. Пусть каждый подумаетъ, сколько зла принесло бы римской республикѣ, мятежническое убійство Коріолана. Это была бы частная обида, которая всегда возбуждаетъ въ обществѣ страхъ; страхъ заставляетъ думать о защитѣ; защита вызываетъ раздоры; раздоры въ свою очередь порождаютъ въ городѣ партіи, а партіи губятъ республику. Но, въ этомъ случаѣ, за дѣло взялись лица, облеченныя законной властью и предупредили всѣ бѣдствія которыя возникли бы, если бы дѣло рѣшилъ частный произволъ. Въ наше время мы видѣли, какія нововведенія были произведены во Флорентійской республикѣ отъ того, что масса не нашла законнаго исхода своему неудовольствію противъ одного изъ гражданъ. Это случилось по поводу Франческо Валори, имѣвшаго въ городѣ власть государя. Многіе считали его честолюбивымъ и приписывали ему намѣреніе самовольно и отважно ниспровергнуть гражданскій порядокъ. Но республика не имѣла иного средства противиться ему, какъ противопоставить враждебную партію. Тогда и онъ въ свою очередь, опасаясь незаконныхъ противъ себя дѣйствій, началъ окружать себя приверженцами, готовыми защищать его. Враги его, не имѣя законныхъ средствъ обуздать его, обратились къ незаконнымъ, такъ что дѣло дошло до схватки. Еслибы ему можно было противупоставить законный порядокъ, онъ одинъ поплатился бы своею властью; но такъ какъ пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, то съ нимъ погибло много благородныхъ гражданъ. Въ подкрѣпленіе всѣхъ этихъ заключеній приведемъ еще случай во Флоренціи съ Пьетро Содерини. Случай этотъ произошелъ только потому, что въ этой республикѣ не существовало никакихъ учрежденій, которыя имѣли бы право преслѣдовать честолюбіе могущественныхъ гражданъ: ибо для обвиненія сильнаго человѣка конечно недостаточно простаго суда изъ 8 судей; необходимо, чтобы судей этихъ было больше, потому что нѣсколько человѣкъ всегда готовы подчиниться небольшому числу другихъ частныхъ лицъ. Если бы государство было устроено какъ слѣдуетъ, то граждане,

найдя его (Содерини) виновнымъ, удовлетворили бы свое негодованіе противъ него, не призывая испанскихъ войскъ; если же напротивъ онъ оказался бы невиненъ, они не посмѣли бы поступить противъ него дурно, потому что побоялись бы сами подвергнуться обвиненію; и такимъ образомъ во всякомъ случаѣ народная вражда къ нему утихла бы, не произведя столькихъ безпорядковъ. Изъ всего этого можно заключить, что всякій разъ, когда мы видимъ, что часть гражданъ призываетъ постороннюю помощь, это доказываетъ дурное устройство республикъ, не имѣющихъ въ своихъ внутреннихъ учрежденіяхъ установленій, которыя давали бы законный исходъ враждѣ, возникающей между людьми. Всѣ эти безпокойства можно было бы предупредить, установивъ судилище, настолько многочисленное и сильное, чтобы имѣть возможность обвинять. Въ Римѣ все это было такъ хорошо устроено, что во всѣхъ раздорахъ между народомъ и сенатомъ, ни сенатъ, ни народъ, никто изъ честныхъ гражданъ никогда не помыслилъ обратиться къ чуждой помощи, потому что, имѣя средства дома, имъ не было надобности идти за ними къ чужимъ.

Хотя вышеприведенные примѣры совершенно достаточно доказываютъ все это, но я приведу еще одинъ, который разсказываетъ Титъ Ливій въ своей исторіи. Онъ говоритъ, что въ Клузіумѣ, въ то время одномъ изъ важнѣйшихъ городовъ Тосканы, нѣкто Лукумонъ изнасиловалъ сестру Аrунція, который, не имѣя возможности отмстить могущественному обидчику, отправился къ французамъ (галламъ), господствовавшимъ тогда въ странѣ, называемой нынѣ Ломбардіею, и пригласилъ ихъ придти съ оружіемъ въ рукахъ въ Клузіумъ, доказывая имъ, какъ выгодно имъ будетъ отмстить за его обиду. Ясно, что еслибы Арунцій видѣлъ возможность найти средство мести въ самомъ городѣ, то не пошелъ бы искать помощи у варваровъ.

На сколько полезны для республики обвиненія, на столько же безполезны и опасны клеветы, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VIII.

Сколько обвиненія полезны республикѣ, столько вредны клеветы.

Достоинство Фурія Камилла, освободившаго Римъ отъ ига французовъ (галловъ), были признаны всѣми римскими гражданами, которые уступали ему, ни мало не оскорбляясь превосходствомъ его положенія и извѣстности. Но Манлій Капитолійскій не могъ перенести, что ему воздается такой почетъ и слава; онъ полагалъ, что Римъ обязанъ своимъ спасеніемъ болѣе ему, чѣмъ Камиллу, такъ какъ онъ спасъ Капитолій; что касается другихъ военныхъ заслугъ, то онъ не считалъ себя ни въ чемъ ниже Камилла. Такимъ образомъ зависть мучила его и слава Камилла не давала ему покоя, такъ что, видя невозможность посѣять раздоръ между сенаторами, онъ обратился къ народу и началъ распространять въ немъ разные тревожные слухи. Между прочимъ онъ говорилъ, что сокровища, собранныя для уплаты дани французамъ и не отданныя имъ, были присвоены частными лицами; онъ говорилъ, что если бы возвратить ихъ, то можно было бы употребить ихъ съ пользой для общества, облегчивъ народъ отъ податей или уплативши какой-нибудь народный долгъ. Рѣчи эти такъ подѣйствовали на народъ, что онъ началъ собираться и производить безпорядки въ городѣ. Это не понравилось и показалось опаснымъ Сенату, который назначилъ диктатора для изслѣдованія этого происшествія и для обузданія ярости Манлія. Диктаторъ немедленно потребовалъ Манлія къ себѣ, и они встрѣтились другъ съ другомъ,—диктаторъ окруженный патриціями, а Манлій народомъ. Манлія просили, чтобы онъ сказалъ, у кого сокровища, о которыхъ онъ говоритъ, потому что Сенатъ столько же желаетъ знать это, какъ и народъ. Манлій, не давая прямаго отвѣта, возразилъ уклончиво, что ему нечего говорить имъ о томъ, что имъ самимъ хорошо извѣстно. Тогда диктаторъ велѣлъ посадить его въ тюрьму.

Это свидѣтельствуетъ, что клеветы ненавистны въ свободныхъ республикахъ и даже во всякихъ другихъ государствахъ, и

что для обузданія ихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду ничего, способствующаго этой цѣли. Самое лучшее средство пресѣчь путь клеветамъ состоитъ въ томъ, чтобы дать просторъ обвиненіямъ: ибо сколько обвиненія полезны для республики, столько вредны клеветы. Съ другой стороны, между обвиненіями и клеветами та разница, что клеветы не нуждаются ни въ свидѣтеляхъ, ни въ иныхъ доказательствахъ, такъ что каждый можетъ быть оклеветанъ всякимъ; не то—обвиненія, гдѣ необходимо доказать точно всѣ обстоятельства, подтверждающія справедливость обвиненій. Людей обвиняютъ въ судахъ, передъ народомъ, передъ совѣтомъ; клевещутъ же на нихъ на улицахъ и площадяхъ. Клеветы господствуютъ тамъ, гдѣ стѣснены обвиненія и гдѣ общественный порядокъ не допускаетъ ихъ. Слѣдовательно, основатель республики долженъ дать полную свободу обвиненіямъ противъ всякаго гражданина, такъ чтобы обвинитель не имѣлъ никакихъ опасеній и не подвергался никакому подозрѣнію; соблюдая это условіе, онъ долженъ строго наказывать клеветниковъ, которые не могутъ и жаловаться, если ихъ будутъ наказывать, потому что имѣли полную возможность гласно обвинить того, кого они предпочли оклеветать втихомолку. Тамъ же, гдѣ обвиненія стѣснены, всегда возникаютъ великіе безпорядки, потому что клевета только раздражаетъ, а не исправляетъ гражданъ; озлобившись, они продолжаютъ дѣйствовать по своему, такъ какъ взводимыя на нихъ клеветы возбуждаютъ въ нихъ только злобу, а не опасенія. Въ этомъ отношеніи римскія учрежденія были превосходны; у насъ же, во Флоренціи, это было всегда дурно устроено. И какъ порядокъ этотъ принесъ Риму большую пользу, такъ отсутствіе его нанесло Флоренціи много вреда. Кто читалъ исторію этого города, тотъ видѣлъ, какъ во всѣ времена клеветы преслѣдовали всѣхъ его гражданъ, занимавшихъ въ немъ какое бы то ни было видное положеніе. Одного обвиняли въ похищеніи денегъ у Коммунъ; о другомъ говорили, что онъ продался и потому не одержалъ побѣды; про иныхъ толковали, что честолюбіе ихъ нанесло такой-то и такой-то вредъ. Вслѣдствіе этого, со всѣхъ сторонъ возникла вражда, приводившая къ раздорамъ, раздоры къ мятежамъ, а мятежи къ погибели.

Если бы во Флоренціи можно было законно обвинять гражданъ и наказывать клеветниковъ, тамъ не было бы тѣхъ безчисленныхъ скандаловъ, которые безпрестанно случались; потому что граждане не могли повредить городу ни въ какомъ случаѣ, были ли бы они оправданы или осуждены; притомъ обвиненныхъ всегда было бы меньше, чѣмъ оклеветанныхъ, потому что, какъ я сказалъ уже, обвинять не такъ легко, какъ клеветать. Клеветы служатъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ для гражданъ, желающихъ возвыситься; посредствомъ ихъ они устраняютъ вліятельныхъ гражданъ, противящихся ихъ честолюбію; кромѣ того, они пріобрѣтаютъ расположеніе народа, принимая его сторону и подтверждая дурное мнѣніе, которое онъ составилъ себѣ о вліятельныхъ лицахъ. Въ подтвержденіе этого я могъ бы привести много примѣровъ, но удовольствуюсь однимъ.

Флорентійское войско осаждало Лукку, подъ начальствомъ мессера Джіованни Гвичіардини, коммиссара республики. Вслѣдствіе ли худыхъ распоряженій его или просто по несчастью, осада была безуспѣшна. Какъ бы то ни было, мессеръ Джіованни былъ обвиненъ въ томъ, что будто бы Лукканцы подкупили его; враги его поддерживали эту клевету, которая привела его въ крайнее отчаяніе. Напрасно, чтобы оправдаться, хотѣлъ онъ отдаться во власть капитана, но никакъ не могъ оправдать себя, потому что учрежденія республики не представляли никакого пути къ этому. Вслѣдствіе этого возникла вражда между друзьями мессера Джіованни,—большею частью аристократами,—и партіей, желавшей водворить во Флоренціи новые порядки. Всѣ эти причины и другія подобныя довели дѣло до того, что погубили республику.

Такъ и Манлій Капитолійскій былъ не обвинитель, а клеветникъ, и римляне показали на немъ, какъ слѣдуетъ наказывать клеветниковъ. Должно заставить клеветника сдѣлаться обвинителемъ, и если обвиненіе его окажется справедливымъ, то наградить или по крайней мѣрѣ не наказывать его; но если оно окажется ложнымъ,—наказать, какъ былъ наказанъ Манлій.

ГЛАВА IX.

О необходимости быть одному, если желаешь основать новую республику или преобразовать существующую, совершенно уклонившуюся отъ своего древняго строя.

Быть можетъ, покажется, что я зашелъ въ римской исторіи слишкомъ далеко, не сказавъ еще ничего объ основателяхъ этой республики и объ учрежденіяхъ ея въ отношеніи религіи и войскъ. Не желая долѣе держать въ нетерпѣніи умы читателей, любопытствующихъ услышать объ этомъ, я скажу: многіе считаютъ дурнымъ примѣромъ, что основатель гражданскаго общества, какимъ былъ Ромулъ, началъ съ убійства своего брата, а потомъ согласился на смерть Тита Тація Сабина, избраннаго ему въ соправители; полагаютъ, что слѣдуя примѣру, поданному государемъ, граждане могутъ изъ честолюбія и властолюбія губить всѣхъ, кто будетъ противиться ихъ власти. Мнѣніе это было бы справедливо, еслибы мы не видѣли цѣли, побудившей Ромула совершить это убійство. Надо принять за общее правило, что никогда или почти никогда ни одна республика и ни одно царство не было хорошо устроено или преобразовано вновь на прежнихъ своихъ основаніяхъ, отъ которыхъ отклонилось, если основателями его не было одно лицо; необходимо, чтобы воля одного давала государству его порядокъ и чтобы единичный умъ распорядился всѣми его учрежденіями. Вотъ почему мудрый учредитель республики, одушевленный однимъ желаніемъ служить не лично себѣ, а общественной пользѣ, заботящійся не о наслѣдникахъ своихъ, а объ общемъ отечествѣ, долженъ всѣми силами стараться достигнуть единовластія; ни одинъ умный человѣкъ не будетъ упрекать его, если при устроеніи государства или при учрежденіи республики онъ прибѣгнетъ къ какимъ-нибудь чрезвычайнымъ мѣрамъ. Пусть обвиняютъ его поступки, лишь бы оправдывали результаты ихъ, и онъ всегда будетъ оправданъ, если результаты окажутся хороши, какъ результаты поступковъ Ромула. Только тѣ насилія заслуживаютъ порицанія, цѣль которыхъ—не исправлять, а портить. Мудрость и добродѣтель человѣка, овладѣвшаго властью, проявляются въ томъ, что онъ, учредивъ государство, не передаетъ его наслѣдственно своему потомству: ибо люди болѣе склонны ко злу, чѣмъ къ добру, и наслѣдникъ его можетъ воспользоваться для своего личнаго честолюбія властью, которой самъ онъ пользовался добродѣтельно. Съ другой стороны, если одинъ человѣкъ можетъ устроить государство, оно будетъ не долговѣчно, если порядокъ, учрежденный въ немъ, таковъ, что всегда требуетъ одного правителя; государственный порядокъ хорошъ только тогда, когда предоставленъ попеченію большинства и когда охраненіе его ввѣрено большинству. Дѣло въ томъ, что масса не способна учредить порядка потому только, что, по различію мнѣній, никакъ не можетъ познать, что̀ всего лучше; но разъ познавъ это по опыту, толпа никогда не согласится покинуть хорошаго порядка.

Изъ этого слѣдуетъ, что Ромулъ заслуживаетъ извиненія въ убійствѣ брата и соправителя и что онъ поступилъ такимъ образомъ не изъ личнаго честолюбія, а для общаго блага; это подтверждается и тѣмъ, что онъ тотчасъ же учредилъ Сенатъ, съ которымъ совѣтовался и мнѣніямъ котораго слѣдовалъ. Разсматривая степень власти, удержанной Ромуломъ за собой, мы видимъ, что онъ предоставилъ себѣ только начальство надъ войскомъ въ случаѣ войны и право собирать сенатъ. Это обнаружилось впослѣдствіи, когда Римъ, по изгнаніи Тарквиніевъ, сдѣлался свободнымъ: при этомъ римлянамъ не пришлось ни въ чемъ измѣнять прежній порядокъ, кромѣ того, что пожизненный царь былъ замѣненъ двумя ежегодно избираемыми консулами. Это достаточно доказываетъ, что первоначальныя учрежденія города были болѣе приспособлены къ гражданскому и свободному быту, чѣмъ къ абсолютизму и тираніи.

Въ подтвержденіе всего этого можно привести множество другихъ примѣровъ какъ то: Моисея, Ликурга, Солона и другихъ основателей царствъ и республикъ, которые могли учредить законы, способствовавшіе общему благу, только потому, что присвоили себѣ единовластіе. Но я оставлю ихъ въ сторонѣ, какъ предметъ всѣмъ извѣстный. Я напомню только одинъ примѣръ, не

столь знаменитый, но весьма достойный вниманія всѣхъ, кто желаетъ сдѣлаться хорошимъ законодателемъ. Агисъ, царь спартанскій, хотѣлъ возвратить спартанцевъ въ состояніе, предписанное законами Ликурга, находя, что они далеко уклонились отъ него и что, вслѣдствіе этого, ихъ городъ лишился своихъ древнихъ доблестей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и могущества и власти. Но спартанскіе эфоры не замедлили убить его, подъ предлогомъ, что онъ стремится къ тираніи. Ему наслѣдовалъ Клеоменъ и возымѣлъ то же желаніе; но наученный примѣромъ, наставленіями и сочиненіями, завѣщанными ему Агисомъ, въ которыхъ послѣдній изложилъ свои мысли и намѣренія, Клеоменъ убѣдился, что не можетъ принести пользы своему отечеству, если не достигнетъ единовластія; онъ понималъ, что человѣческое себялюбіе не терпитъ такого общаго блага, которое нарушаетъ выгоды меньшинства, и потому, при первомъ удобномъ случаѣ, велѣлъ убить всѣхъ эфоровъ и другихъ, кто могъ ему противиться; затѣмъ возстановилъ законы Ликурга. Его рѣшимость могла бы воскресить Спарту и прославить его не меньше самого Ликурга, если бы этому не помѣшали могущество македонянъ и слабость прочихъ греческихъ республикъ, такъ какъ Клеоменъ, вскорѣ послѣ своихъ преобразованій, подвергся нападенію македонянъ, превосходившихъ его силами. Не имѣя никакихъ средствъ къ защитѣ, онъ былъ побѣжденъ, и предпріятіе его, вполнѣ справедливое и похвальное, осталось невыполненнымъ. И такъ, принявъ все это во вниманіе, я заключаю, что необходимо быть одному, чтобы учредить республику и что Ромулъ за убійство Рема и Тація заслуживаетъ извиненія, а не порицанія.

ГЛАВА X.

Сколько доблестны основатели республикъ или государствъ, столько же гнусны учредители тираніи.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ людей всего знаменитѣе основатели и установители религій. Затѣмъ всѣхъ славнѣе основатели рес-

публикъ или государствъ. Потомъ наибольшая слава принадлежитъ полководцамъ, расширившимъ предѣлы своего государства или отечества. Къ доблестнымъ людямъ принадлежатъ также ученые; и такъ какъ ихъ существуетъ нѣсколько родовъ, то каждому принадлежитъ своя доля славы. Изъ безчисленнаго множества остальныхъ людей всякому воздается похвала, сообразно степени его искусства и совершенства. Напротивъ того, позорны и гнусны люди, разрушающіе религію, губящіе государство и республику, враги добродѣтели, знанія и всякихъ другихъ качествъ, приносящихъ пользу и честь человѣческому роду; таковы нечестивцы, люди насилія, невѣжды, тунеядцы, подлецы и ничтожныя твари. Ни одинъ человѣкъ, ни глупый, ни умный, ни злой, ни добрый, не задумается, при выборѣ между двумя противоположными человѣческими качествами, воздать хвалу доблестному и отнестись съ порицаніемъ къ гнусному. Однако почти всякій человѣкъ, ослѣпленный мнимымъ добромъ или ложною славою, склоненъ, сознательно или безсознательно, обольщаться поверхностнымъ блескомъ людей, заслуживающихъ скорѣе порицаніе, чѣмъ похвалу. Нерѣдко имѣя возможность пріобрѣсти вѣчную славу основаніемъ государства или республики, люди вмѣсто того дѣлаются тиранами. Они не видятъ при этомъ, сколько славы, чести, безопасности, спокойствія, сколько внутренняго душевнаго удовлетворенія теряютъ они этимъ и какому позору, какимъ упрекамъ, порицаніямъ, опасностямъ и тревогамъ подвергаютъ себя. Если бы граждане республики,—какъ частные люди, такъ и тѣ, которыхъ счастье или добродѣтель ставятъ во главѣ правленія,—читали исторію и извлекали себѣ пользу изъ воспоминаній древности, то не могли бы не предпочесть, частныя лица—быть въ отечествѣ своемъ лучше Сципіонами, чѣмъ Цезарями, а государи — быть Агезилаями, Тимолеонами, Діонами, чѣмъ Набисами, Фаларисами и Діонисіями: ибо они увидѣли бы, что первыхъ всегда превозносятъ, а вторыхъ неизбѣжно презираютъ. Они увидѣли бы, что Тимолеонъ и ему подобные пользовались въ отечествѣ своемъ не меньшею властью, чѣмъ Діонисій и Фаларисъ, но за то наслаждались полнымъ и продолжительнымъ спокойствіемъ. Славой Цезаря не должно ослѣпляться-

какъ бы ни расхваливали его писатели; прославляющихъ его обольщаетъ его счастье или поражаетъ продолжительность власти, имъ основанной, поддерживаемой его именемъ и не дозволявшей писателямъ свободно судить о немъ. Но кто желаетъ знать, что́ сказали бы объ немъ писатели, еслибъ были свободны, пусть посмотритъ, что́ говорятъ они о Катилинѣ. А Цезарь еще гнуснѣе, потому что, конечно, хуже тотъ, кто сдѣлалъ зло, чѣмъ тотъ, кто только хотѣлъ сдѣлать. Посмотрите еще, какую великую славу заслужилъ Брутъ; когда могущество тирана не позволяло порицать его прямо, негодованіе противъ него выразилось въ прославленіи его враговъ. Пусть также тѣ, которые овладѣваютъ въ республикѣ верховной властью, посмотрятъ, какія похвалы воздавались въ Римѣ, когда онъ сталъ имперіей, императорамъ, управлявшимъ кротко и согласно законамъ, и пусть сравнятъ съ ними судьбу монарховъ, дѣйствовавшихъ въ противоположномъ направленіи: они увидятъ, что Титу, Нервѣ, Траяну, Адріану, Антонину и Марку (Аврелію) не нужна была защита преторіанскихъ солдатъ и множества легіоновъ, ибо ихъ защищали ихъ поведеніе, привязанность народа, любовь сената. Они увидятъ, что восточныя и западныя арміи не спасли Калигулу, Нерона, Вителія и столькихъ другихъ преступныхъ императоровъ отъ враговъ, возбужденныхъ противъ нихъ ихъ ненавистными нравами и свирѣпостью. Если бы тщательно разобрать ихъ исторію, она могла бы служить наставленіемъ для государей и указаніемъ выбора пути къ славѣ или къ безчестію, къ безопасности или къ вѣчной тревогѣ. Мы видимъ, что изъ двадцати шести императоровъ отъ Цезаря до Максимина шестнадцать погибли насильственной смертью и только десять умерли естественной; если въ числѣ убитыхъ было нѣсколько добрыхъ, какъ Гальба и Пертинаксъ, то причиной ихъ смерти была деморализація войска, развращеннаго ихъ предшественниками. Съ другой стороны, въ числѣ умершихъ естественной смертью мы видимъ злодѣя Севера; но этому способствовало его необычайное счастье и мужество, а соединеніе этихъ двухъ преимуществъ рѣдко выпадаетъ на долю людей.

Кто прочтетъ эту исторію, увидитъ, что̀ еще нужно для хорошаго правленія: онъ замѣтитъ, что всѣ императоры, достигшіе престола наслѣдственно, были негодны, исключая Тита; напротивъ, всѣ, воцарившіеся по избранію, оказались добрыми правителями, какъ напр. пятеро отъ Нервы до Марка; какъ только имперія сдѣлалась наслѣдственною, тотчасъ стала клониться къ погибели. И такъ, государь долженъ постоянно имѣть передъ собой примѣръ эпохи отъ Нервы до Марка и сравнивать ее съ предъидущею и послѣдующею; при этомъ пусть онъ самъ разсудитъ, въ какое время онъ предпочелъ бы родиться и царствовать.

Въ эпохи добрыхъ правителей онъ увидитъ государя, находящагося въ безопасности среди обезпеченныхъ гражданъ; міръ, наслаждающійся спокойствіемъ и управляемый правосудіемъ; сенатъ, пользующійся своею властію; судей—своими прерогативами; богатыхъ гражданъ—своими богатствами; увидитъ благородство и добродѣтель въ уваженіи, — всюду спокойствіе и счастье. Съ другой стороны онъ увидитъ обузданіе раздоровъ, безпорядковъ, пороковъ и честолюбія; увидитъ, словомъ, тотъ золотой вѣкъ, когда каждый можетъ свободно выражать и защищать какое угодно мнѣніе. Онъ увидитъ наконецъ миръ торжествующимъ, государя окруженнаго уваженіемъ, славою, и счастливый народъ, относящійся къ нему съ любовью.

Обращаясь далѣе ко временамъ другихъ императоровъ, онъ увидитъ жестокія войны, раздоры и мятежи, терзающіе имперію во время мира и войны; множество монарховъ, умирающихъ отъ меча, безчисленныя междоусобія, безпрестанныя внѣшнія войны; Италію страдающей отъ безпрерывныхъ новыхъ бѣдствій; города ея разрушенными и разграбленными. Онъ увидитъ Римъ объятый пламенемъ, Капитолій разрушенный собственными гражданами; оскверненіе древнихъ храмовъ, искаженіе религіозныхъ обрядовъ, города полные прелюбодѣянія; онъ увидитъ море покрытое ссыльными, утесы облитые кровью. Онъ увидитъ, что Римъ запуганъ безчисленными злодѣяніями; благородство происхожденія, богатство, честь, а главное—добродѣтель почитаются уголовными преступленіями. Онъ увидитъ шпіоновъ награжденныхъ, рабовъ подкупленныхъ противъ своихъ господъ, кліентовъ—противъ патроновъ; увидитъ человѣка, неимѣющаго ни одного врага и погибающаго отъ рукъ друзей;—тогда онъ узнаетъ, чѣмъ обязаны Цезарю Римъ, Италія и

весь міръ. И безъ сомнѣнія, если есть въ немъ что нибудь человѣческое, онъ откажется подражать примѣру временъ зла и возгорится сильнымъ желаніемъ подражать примѣрамъ доброй эпохи.

По истинѣ, Государь, желающій себѣ славы, долженъ желать господствовать въ государствѣ развращенномъ, но не для того, чтобы, подобно Цезарю, окончательно погубить его, а чтобы преобразовать его, подобно Ромулу. И по истинѣ, небеса не могутъ дать людямъ болѣе обширнаго поприща для славы, и люди не могутъ желать бо́льшаго. Конечно, можно до нѣкоторой степени извинить того, кому хорошее преобразованіе государства грозило бы лишеніемъ престола, еслибы онъ отказался отъ всякихъ реформъ, чтобы не потерять вѣнца; но ничѣмъ нельзя извинить того, кто могъ бы совершить преобразованіе не теряя власти. Вообще всѣ, кому небеса представляютъ такой случай, должны подумать, что имъ предстоитъ выборъ между двумя путями: одинъ даетъ имъ спокойное существованіе, а по смерти славу; другой подвергаетъ ихъ постоянному трепету въ жизни, а по смерти вѣчному поношенію.

ГЛАВА XI.

О религіи Римлянъ.

Хотя первымъ основателемъ Рима былъ Ромулъ, и Римъ, какъ сынъ отцу, былъ обязанъ ему рожденіемъ и воспитаніемъ, однако, находя учрежденія Ромула несоотвѣтствовавшими великому назначенію его города, небеса судили внушить сенату римскому избрать въ преемники ему Нуму Помпилія, дабы все не совершенное Ромуломъ было довершено Нумой. Нума, найдя народъ дикимъ и желая мирными средствами привести его къ гражданственности, обратился къ религіи, какъ средству прежде всего необходимому для насажденія гражданскаго быта; онъ основалъ религію такъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ нигдѣ не было такой богобоязненности, какъ въ этой республикѣ, — что́ облегчало всѣ предпріятія сената и великихъ римскихъ мужей. Видя безчисленные примѣры, представляемые и цѣлымъ народомъ римскимъ во всей его совокупности и многими отдѣльными гражданами, нельзя

не замѣтить, что нарушенія клятвъ они боялись еще больше, чѣмъ нарушенія законовъ; что могущество божіе они почитали выше могущества человѣческаго: очевидные примѣры этого представляютъ Сципіонъ и Манлій Торкватъ. Послѣ пораженія римлянъ Аннибаломъ при Каннахъ, многіе граждане, придя въ ужасъ и отчаяніе, собрались и рѣшились, покинувъ Италію, бѣжать въ Сицилію. Сципіонъ, узнавъ объ этомъ, отправился къ нимъ и съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ принудилъ ихъ дать клятву не оставлять отечества. Луцій Манлій, отецъ Тита Манлія, прозваннаго впослѣдствіи Торкватомъ, былъ обвиненъ народнымъ трибуномъ Маркомъ Помпоніемъ; но прежде чѣмъ насталъ день суда, Титъ пошелъ къ Марку и, угрожая убить его, если онъ не поклянется снять съ его отца обвиненіе, страхомъ принудилъ его дать клятву,—и Маркъ взялъ обвиненіе назадъ. Такимъ образомъ, мы видимъ съ одной стороны, что граждане, которыхъ не могли удержать въ Италіи ни любовь къ отечеству, ни законы, были удержаны насильно вынужденной клятвой; съ другой стороны мы видимъ трибуна, котораго ни ненависть къ отцу, ни обида нанесенная ему сыномъ, ни личная честь не заставили нарушить данную клятву. Все это имѣло своимъ источникомъ религію, основанную въ государствѣ Нумой.

Изучая римскую исторію, можно увидѣть, какую помощь оказывала религія для начальствованія войскомъ, для соглашенія народа, для поддержанія добрыхъ гражданъ и для посрамленія злыхъ. Вотъ почему, если бы зашелъ споръ о томъ, кому Римъ болѣе обязанъ, Ромулу или Нумѣ, я думаю, предпочтеніе было бы отдано Нумѣ: ибо гдѣ есть религія, тамъ легко водворить военную дисциплину; тамъ же, гдѣ есть только дисциплина, трудно водворить религію. Дѣйствительно, мы видимъ, что для учрежденія сената и другихъ военныхъ и гражданскихъ установленій Ромулу не нуженъ былъ авторитетъ боговъ; Нумѣ же онъ былъ необходимъ, и потому онъ притворялся, что имѣетъ совѣщаніе съ одной нимфой, которая будто бы внушаетъ ему то, что́ онъ потомъ совѣтуетъ народу; онъ дѣлалъ это потому, что ему приходилось водворять въ городѣ новые и небывалые порядки, и онъ сомнѣвался, чтобы для этого было достаточно одной его власти.

Въ самомъ дѣлѣ, не было ни одного законодателя и вообще основателя въ народѣ новыхъ установленій, который не ссылался бы на Бога, потому что иначе учрежденія его были бы отвергнуты, ибо только мудрый человѣкъ можетъ видѣть множество преимуществъ, неимѣющихъ въ себѣ достаточно очевидности, чтобы въ нихъ точно также убѣдились и другіе. Чтобы устранить это препятствіе, мудрые люди ссылаются на Бога. Такъ дѣлали Ликургъ, Солонъ и многіе другіе имѣвшіе подобную же цѣль. Римскій народъ, удивляясь добротѣ и мудрости Нумы, повиновался всѣмъ его распоряженіямъ. Правда, время это было очень религіозное, а люди, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, очень грубы, такъ что ему было весьма легко проводить свои намѣренія, имѣя возможность безъ труда давать обществу какую угодно новую форму. Такъ, безъ сомнѣнія, и въ наше время было бы легче устроить республику по своему плану среди горцевъ, совершенно чуждыхъ гражданственности, чѣмъ между горожанами, нравы которыхъ уже развращены: такъ и ваятелю легче сдѣлать прекрасную статую изъ грубаго куска мрамора, чѣмъ изъ неудачной работы другаго.

Соображая все сказанное, я заключаю, что религія, учрежденная Нумой, была первымъ основаніемъ благополучія Рима, потому что она установила въ немъ добрые порядки, добрые порядки дали ему счастье, а счастье доставило ему всѣ его успѣхи. Какъ соблюденіе богопочитанія дѣлается основаніемъ величія республикъ, такъ пренебреженіе имъ бываетъ причиной ихъ паденія, ибо гдѣ нѣтъ религіознаго страха, тамъ государство или распадается или должно сохраняться боязнью къ государю, который въ этомъ случаѣ замѣняетъ религію. Но жизнь государей коротка, и по смерти ихъ государство все-таки падаетъ, не имѣя болѣе опоры въ ихъ добродѣтеляхъ. Отсюда слѣдуетъ, что государство, зависящее только отъ добродѣтели одного человѣка, недолговѣчно, потому что со смертью его лишается всякой опоры, такъ какъ очень рѣдко случается, чтобы его добродѣтель возродилась въ его наслѣдникѣ, какъ мудро говоритъ объ этомъ Данте:

«Rade volte discende per li rami
«L'umama probitate; e questo vuole
«Quel che la dà, perchè da lui si chiami.» [1])

И такъ, для счастья республики или государства недостаточно имѣть государя, который управлялъ бы ими мудро въ теченіе своей жизни; имъ надобенъ такой, который устроилъ бы ихъ такъ, что и по смерти его они могли бы продолжать свое существованіе. Конечно, люди дикіе болѣе способны понять и воспринять новый порядокъ или новую мысль; однако и цивилизованнымъ людямъ, воображающимъ себя вышедшими изъ варварства, не совсѣмъ невозможно внушить ихъ. Такъ, флорентійскій народъ не считаетъ себя ни невѣжественнымъ, ни грубымъ: однако братъ Джироламо Саванарола убѣдилъ его въ своихъ сношеніяхъ съ Богомъ. Я не хочу разбирать, говорилъ ли онъ правду или нѣтъ, потому что о такомъ человѣкѣ должно говорить не иначе, какъ съ уваженіемъ; я говорю только, что этому повѣрили очень многіе, хотя не видѣли никакого чуда, которое могло бы внушить имъ эту вѣру; для внушенія вѣры имъ было достаточно его жизни, ученія и предмета его рѣчей. Впрочемъ, нечего было бы удивляться, если бы теперь кому-нибудь не удалось то, что прежде многимъ удавалось, хотя, какъ сказано въ нашемъ предисловіи, люди рождаются, живутъ и умираютъ всегда сообразно однимъ и тѣмъ же законамъ.

ГЛАВА XII.

Какъ необходимо сохранять значеніе религіи и какъ погубила себя Италія тѣмъ, что не соблюдала этого условія, благодаря римской церкви.

Государи и республики, желающіе сохранить государство отъ порчи, должны прежде всего соблюдать въ чистотѣ религіоз-

[1]) Человѣческая честность весьма рѣдко передается въ поколѣнія, поэтому-то она и должна украшать имя того, кто ее проявляетъ.

ные обряды и всегда поддерживать уваженіе къ нимъ; потому что самый сильный признакъ, указывающій на упадокъ страны, состоитъ въ отсутствіи почтенія къ богослуженію. Легко достигнуть этого, если знать, на чемъ основана религія родины; такъ какъ всякая религія имѣетъ основаніемъ своего существованія какое-нибудь изъ главныхъ учрежденій.

Существованіе языческой религіи было основано на отвѣтахъ оракуловъ и на приговорахъ авгуровъ и аруспицієвъ: отсюда проистекали всѣ прочіе обряды, церемоніи, жертвоприношенія язычниковъ; потому что, если вѣрить, что Богъ можетъ предсказать тебѣ будущее твое счастье и будущую невзгоду, то не трудно повѣрить, что онъ можетъ и дать тебѣ ихъ. Отсюда происхожденіе храмовъ, жертвоприношеній, молитвъ и всѣхъ прочихъ религіозныхъ обычаевъ; по той же причинѣ оракулъ Делоса, храмъ Юпитера Аммона и другіе знаменитые оракулы возбуждали удивленіе и благоговѣніе міра. Когда же они заговорили по прихоти сильныхъ и народъ увидѣлъ обманъ, люди сдѣлались невѣрующими и склонными нарушать всѣ добрые порядки.

И такъ вожди республики или государства должны заботиться о сохраненіи основаній своей національной религіи; при этомъ условіи имъ будетъ легко поддержать въ своемъ государствѣ религіозность и чрезъ это удержать въ немъ согласіе и добрый порядокъ. Они должны поощрять и поддерживать все, что благопріятствуетъ религіи, хотя бы даже считали все это обманомъ и ложью; и чѣмъ болѣе они мудры, чѣмъ болѣе свѣдущи въ познаніи природы, тѣмъ болѣе обязаны поступать такимъ образомъ. Отъ того, что мудрые люди соблюдали все это и дѣйствовали такимъ образомъ, явилась вѣра въ чудеса, которыя почитаются во всѣхъ религіяхъ, даже и въ ложныхъ: откуда бы ни возникла эта вѣра, мудрые всегда ее поддерживаютъ, и авторитетъ ихъ внушаетъ довѣріе остальнымъ. Въ Римѣ было довольно такихъ чудесъ; между прочимъ, когда римскіе солдаты грабили городъ Веіи, нѣкоторые изъ нихъ вошли въ храмъ Юноны и, обращаясь къ изображенію богини, спросили: vis venire Romam (хочешь въ Римъ)? то нѣкоторымъ показалось, что она утвердительно кивнула, а другимъ, что она сказала: да! Дѣло въ томъ, что люди эти были исполнены благоговѣнія (какъ и Титъ Ливій говоритъ, что они вошли въ храмъ безъ шума, набожно и почтительно), и имъ легко послышался тотъ отвѣтъ на вопросъ ихъ, котораго они вѣроятно желали: въ этомъ случаѣ Камиллъ и прочіе начальники города, всѣ поощряли и распространяли это легковѣріе.

Если бы въ христіанской республикѣ сохранилась религія, основанная учредителемъ христіанства, христіанскія государства были бы гораздо счастливѣе и болѣе согласны между собой, чѣмъ теперь. Но какъ глубоко упала она, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что народы наиболѣе близкіе къ римской церкви, главѣ нашей религіи, оказываются наименѣе религіозными. Если взглянуть на основныя начала христіанства и посмотрѣть потомъ, во что ихъ обратили теперь, то нельзя сомнѣваться, что мы близки или къ погибели или къ наказанію. Многіе думаютъ, что для Италіи очень хорошо зависѣть отъ римской церкви, но противъ этого я приведу нѣсколько доводовъ, которые мнѣ приходятъ на умъ, и въ томъ числѣ два главные и, по моему мнѣнію, неотразимые. Во первыхъ, дурные примѣры римскаго двора совершенно уничтожили всякую набожность и религіозность въ нашей странѣ: отсюда прямо происходитъ множество неудобствъ и безпорядковъ; потому что гдѣ существуетъ религія, тамъ вѣрятъ добру, гдѣ ея нѣтъ, тамъ вѣрятъ противному. И такъ мы, итальянцы, обязаны прежде всего нашей церкви и нашему духовенству тѣмъ, что потеряли религію и развратились; но мы обязаны имъ еще и худшимъ, — тѣмъ, что сдѣлалось причиной нашей погибели. Церковь держала и держитъ нашу страну въ несогласіи. Дѣйствительно, ни одна страна никогда не бывала согласна и благополучна, если не соединялась вся подъ властью одной республики или одной монархіи, какъ Франція и Испанія. Причиной же, почему Италія не достигла того же, не имѣетъ общей республиканской или монархической власти, должно считать только церковь. Церковь пріобрѣла и сохранила временную власть, но никогда не была на столько могущественна и достойна, чтобы занять всю Италію и сдѣлаться въ ней единодержавной; съ другой стороны, она была такъ слаба, что изъ страха лишиться временной власти постоянно призыва-

ла на помощь себѣ всѣхъ, кто могъ защитить ее противъ другой слишкомъ усиливающейся въ Италіи власти. Въ старину было много примѣровъ этого: такъ, съ помощью Карла Великаго, церковь изгнала ломбардцевъ, которые были уже властелинами почти всей Италіи. И въ наше время она съ помощью Франціи сокрушила могущество венеціянцевъ, а потомъ изгнала французовъ съ помощью швейцарцевъ. Такимъ образомъ церковь не имѣла силы овладѣть Италіей, и въ тоже время не позволяла этого другимъ—что и было причиной, почему Италія не могла соединиться подъ одной властью, а всегда раздѣлялась между множествомъ князей и владѣтелей, вслѣдствіе чего и подвергалась такимъ раздорамъ и была такъ обезсилена, что готова была сдѣлаться добычей нетолько могущественныхъ варваровъ, но перваго нападающаго. Всѣмъ этимъ мы, итальянцы, обязаны никому другому, какъ церкви. Опытъ быстро раскрылъ бы истину во всемъ свѣтѣ, если бы можно было послать римскій дворъ въ страну швейцарцевъ съ той же властью, какой онъ пользуется въ Италіи. Изъ всѣхъ современныхъ народовъ швейцарцы больше всѣхъ похожи на древнихъ, какъ въ религіозномъ, такъ и въ военномъ отношеніи; но и тамъ жалкіе нравы этого двора въ непродолжительномъ времени возбудили бы больше безпорядковъ, чѣмъ, въ какое угодно время, всякое другое несчастье.

ГЛАВА XIII.

Какъ римляне пользовались религіей для государственныхъ учрежденій, для своихъ предпріятій и для прекращенія смутъ.

Я считаю умѣстнымъ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ, какъ римляне пользовались религіей для преобразованій государства и для веденія своихъ предпріятій. Хотя Титъ Ливій представляетъ много такихъ примѣровъ, но я удовольствуюсь слѣдующими:

Когда на мѣсто консуловъ римскій народъ учредилъ военныхъ трибуновъ, случилось однажды, что въ трибуны были выбраны все

плебеи; въ тотъ же годъ ихъ постигли болѣзни и голодъ и явились разныя знаменія; тогда патриціи воспользовались этимъ случаемъ, чтобы переизбрать трибуновъ, говоря, что боги разгнѣвались на Римъ за оскорбленіе величія власти и что нѣтъ другаго средства умилостивить ихъ, кромѣ избранія трибуновъ по обычному порядку: народъ, уважая религію, избралъ въ трибуны однихъ патриціевъ. Во время осады Вейевъ начальники войска воспользовались религіей, чтобы расположить солдатъ въ пользу предпріятія: въ этотъ годъ Альбанское озеро необыкновенно разлилось, и римскіе солдаты, наскучивъ долгой осадой, хотѣли вернуться въ Римъ. Тогда римляне придумали, будто Аполлонъ и другіе оракулы предсказали, что Вейи будутъ завоеваны въ годъ разлитія Альбанскаго озера. Это побудило солдатъ переносить тягости осады въ надеждѣ вскорѣ овладѣть городомъ; они согласились продолжать военныя дѣйствія, такъ что Камиллъ, назначенный диктаторомъ, взялъ наконецъ Вейи послѣ десятилѣтней осады. Такимъ образомъ религія, ловко употребленная, помогла взять Вейи и возстановить избраніе трибуновъ изъ патриціевъ, тогда какъ безъ нее и то и другое было бы очень трудно.

Вотъ еще примѣръ въ подтвержденіе этого. Въ Римѣ возникли смуты, возбужденныя Терентилломъ, трибуномъ, хотѣвшимъ издать законъ, основаніе котораго мы изложимъ ниже; въ числѣ первыхъ средствъ, къ которымъ прибѣгли противъ него патриціи, главнымъ была религія; ею воспользовались двоякимъ образомъ. Во первыхъ обратились къ Книгамъ Сивиллы и вычитали въ нихъ отвѣтъ, что если не устранить гражданскихъ усобицъ, то годъ этотъ грозитъ городу опасностью потерять свободу: хотя трибуны и открыли обманъ, но онъ распространилъ такой страхъ въ народѣ, что рвеніе его послѣдовать за трибунами сразу остыло. Во вторыхъ, нѣкто Аппій Гердоній, собравъ толпу изгнанниковъ и рабовъ, числомъ до 4,000 т. человѣкъ, занялъ ночью Капитолій, и можно было опасаться, что Эквы и Вольски, вѣчные враги имени римскаго, нагрянувъ на Римъ, овладѣютъ имъ; однако трибуны продолжали упорно настаивать на необходимости утвердить законъ Терентилла, объ опасности же этой отзывались

съ пренебреженіемъ, какъ о выдумкѣ. Тогда изъ среды сената вышелъ Публій Рубецій, гражданинъ достойный и уважаемый; въ рѣчи, то ласкающей, то угрожающей, онъ показалъ народу опасное положеніе города и несвоевременность требованій трибуновъ; такимъ образомъ онъ убѣдилъ народъ дать клятву непреступать воли консуловъ, и народъ повиновался и отнялъ Капитолій силою. Но при этомъ консулъ Публій Валерій былъ убитъ, и на мѣсто его немедленно назначенъ Титъ Квинцій. Чтобы не дать народу отдыха, не дать ему времени одуматься и снова обратиться къ законамъ Терентилла, новый консулъ приказалъ ему выйти изъ Рима и идти противъ вольсковъ, говоря, что, давши клятву не покидать консула, народъ долженъ слѣдовать за нимъ. Трибуны противились, утверждая, что клятва дана была не ему, а покойному консулу. Тѣмъ не менѣе, какъ свидѣтельствуетъ Титъ Ливій, народъ изъ религіознаго страха предпочелъ лучше повиноваться консуламъ, чѣмъ повѣрить трибунамъ; историкъ замѣчаетъ при этомъ въ пользу древней религіи: Nondum haec; quae nunc tenet soeculum, negligentia Deûm venerat, nec interpretando sibi quisque jusjurandum et leges aptas faciebat. (Нынѣшнее поколѣніе нерадиво почитаетъ Бога, перетолковываетъ свои клятвы и придумываетъ удобные законы). Вслѣдствіе этого трибуны стали опасаться потерять все свое значеніе и согласились повиноваться консулу и въ теченіе года не вспоминать о законѣ Терентилла съ тѣмъ, чтобы и консулы въ этотъ годъ не водили народъ на войну. Такъ религія помогла сенату побѣдить затрудненіе, которое безъ нея никогда не было бы устранено.

ГЛАВА XIV.

Римляне толковали гаданія сообразно надобности и благоразумно соблюдали внѣшніе обряды религіи, когда принуждены были не соблюдать ее на самомъ дѣлѣ, наказывая тѣхъ, кто дерзко обнаруживалъ презрѣніе къ ней.

Авгуріи, какъ я сказалъ выше, не только составляли главное основаніе языческой религіи, но вообще одну изъ первыхъ причинъ благоденствія римской республики. Потому римляне заботились объ авгурахъ преимущественно предъ всѣми другими жрецами; безъ нихъ не обходились ни консульскія комиціи, ни начинанія предпріятій, ни выступленія войскъ, ни выходъ въ бой, и вообще ни одно важное дѣло, какъ гражданское, такъ и военное; римляне никогда не выступали въ походъ, не убѣдивъ солдатъ, что боги обѣщаютъ имъ побѣду. Въ числѣ гадателей былъ особый классъ аруспиціевъ, называвшихся Полляріями, хранителями цыплятъ, всегда состоявшій при войскѣ: когда войско готовилось вступить съ непріятелемъ въ сраженіе, эти цыплятники приступали къ своимъ гаданіямъ и если цыплята клевали, войско сражалось подъ хорошей примѣтой; если не клевали, сраженія избѣгали. Конечно, если благоразуміе требовало предпринять что либо, не смотря на неблагопріятныя предзнаменованіе, они предпринимали, но при этомъ старались всячески устроить дѣло такъ, чтобы оно не имѣло вида пренебреженія къ религіи. Такъ поступилъ консулъ Папирій въ очень важномъ сраженіи съ Самнитами, которое окончательно ослабило и поразило этотъ народъ. Папирій стоялъ лагеремъ противъ Самнитовъ и, считая побѣду несомнѣнною и желая вступить въ сраженіе, приказалъ цыплятникамъ совершить свои гаданія. Но цыплята не стали клевать, однако главный гадатель, видя желаніе войскъ сразиться и увѣренность главнокомандующаго и всѣхъ солдатъ въ побѣдѣ, чтобы не пропустить случая одержать успѣхъ,

донесъ консулу, что предсказаніе благопріятно. Папирій началъ строить ряды, но нѣкоторые изъ цыплятниковъ проболтались солдатамъ, что цыплята не клевали, а солдаты пересказали это племяннику консула Спурію Папирію. Консулъ, услышавъ это, тотчасъ отвѣчалъ племяннику, что ему слѣдуетъ только хорошо исполнять свой долгъ, а что касается до него и до его арміи, то для нихъ предсказанія хороши; если же главный гадатель обманулъ ихъ, то это падетъ только на его же голову. А чтобы исходъ соотвѣтствовалъ предсказанію, онъ приказалъ легатамъ поставить цыплятниковъ въ первый рядъ. Случилось, что при движеніи на непріятеля, одинъ римскій солдатъ метнулъ копье и нечаянно убилъ главнаго гадателя. Консулъ, услышавъ это, сказалъ, что все дѣлается къ лучшему и благосклонность боговъ очевидна, потому что смертью лжеца войско очистилось отъ вины и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ злыхъ предсказаній, которыя онъ противъ него дѣлалъ. Такимъ образомъ, умѣя ловко соглашать свои намѣренія съ предзнаменованіями, онъ вступилъ въ сраженіе, не давъ арміи никакого повода подумать, что онъ въ чемъ нибудь пренебрегъ предписаніями религіи.

Иначе поступилъ Аппій Пульхеръ въ Сициліи во время первой Пунической войны. Желая вступить въ бой съ Карѳагенскимъ войскомъ, онъ велѣлъ цыплятникамъ гадать. Когда они донесли ему, что цыплята не клюютъ, онъ сказалъ: посмотримъ, не захотятъ ли они пить,—и приказалъ бросить ихъ въ море. Потомъ, вступивъ въ бой, проигралъ сраженіе, и былъ въ Римѣ осужденъ, а Папирій почтенъ, не столько потому, что одинъ побѣдилъ, а другой былъ побѣжденъ, сколько за то, что одинъ поступилъ съ религіозными гаданіями осторожно, а другой дерзко. Весь этотъ обрядъ гаданія имѣлъ цѣлью только внушить солдатомъ въ сраженіи больше самоувѣренности, которая почти всегда ведетъ къ побѣдѣ. Къ этому прибѣгали не только римляне, но и другіе, примѣръ чего я думаю привести въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XV.

Какъ Самниты въ крайности угнетенія прибѣгли къ религіи, какъ къ послѣднему средству.

Самниты были нѣсколько разъ побѣждены римлянами и наконецъ потерпѣли рѣшительное пораженіе въ Тосканѣ, гдѣ погибли всѣ ихъ войска и начальники; союзники ихъ Тосканцы, Французы и Умбры, были также побѣждены. Nec suis, nec externis viribus jam stare poterant, tamen bello non abstinebant, adeo ne infeliciter quidem defensae libertatis taedebat, et vinci quam non tentare victoriam malebant (не могли уже держаться ни своими, ни посторонними силами: однако не перестали воевать, какъ ни несчастна была попытка ихъ защитить свободу и предпочитали лучше быть побѣжденными, чѣмъ не пытаться побѣдить). Они рѣшились на послѣднюю попытку. Но зная, что для побѣды необходимо внушить солдатамъ стойкость, а внушить ее всего вѣрнѣе посредствомъ религіи, они задумали повторить одно древнее жертвоприношеніе при содѣйствіи первосвященника своего Овія Пакція. Они устроили это такъ: совершили торжественное жертвоприношеніе и, поставивъ всѣхъ военачальниковъ между тѣлами жертвъ и алтарями, заставили ихъ присягать никогда не покидать сраженія; потомъ подзывали по одиночкѣ солдатъ и, ставя ихъ среди алтарей въ кругу сотниковъ съ обнаженными мечами, принуждали клясться, во первыхъ, что никому не скажутъ ничего, что здѣсь увидятъ и услышатъ; потомъ брали съ нихъ присягу съ страшными заклинаніями и въ ужасныхъ выраженіяхъ, что они обязуются передъ богами идти всюду, куда пошлютъ ихъ полководцы, никогда не бѣгать съ поля сраженія и убивать всякаго, кого увидятъ бѣгущимъ; если же не сдержатъ клятвы, то чтобы все семейство и все по-

томство ихъ постигла самая страшная месть. Кто, устрашась клятвы, не хотѣлъ клясться, того сотники немедленно убивали; такъ что слѣдующіе, испугавшись такого страшнаго зрѣлища, поклялись всѣ безропотно. Чтобы придать этому собранію болѣе торжественности, они нарядили половину людей, которыхъ всѣхъ было 40,000, въ бѣлыя одежды съ кистями и украсили ихъ шлемы перьями. Въ такомъ нарядѣ они расположились близь Аквилоніи. Противъ нихъ выступилъ Папирій и, чтобы ободрить своихъ солдатъ, онъ сказалъ: Non enim cristas vulnera facere et picto atque aurato scuta transire romanum pileum (не только эти гребни на шлемахъ не предохранятъ отъ ранъ, но и щиты расписанные и золоченные пробьетъ римское копье). Чтобы разсѣять высокое мнѣніе, которое римское войско имѣло о непріятелѣ вслѣдствіе его клятвы, онъ сказалъ, что эта клятва не усиливаетъ его, а еще хуже пугаетъ, потому что ему приходится бояться и гражданъ, и боговъ и враговъ. Въ сраженіи Самниты были разбиты, потому что храбрость римлянъ и страхъ прежнихъ пораженій были сильнѣе той стойкости, которую могла придать имъ сила религіи и присяги. Однако изъ этого видно, что кромѣ религіи они не имѣли другаго убѣжища, не видѣли другаго средства и другой надежды возстановить свое мужество. Такимъ образомъ это показываетъ, какое довѣріе можетъ внушить хорошее пользованіе религіей. Хотя это обстоятельство не относится прямо къ римской исторіи, но оно имѣетъ связь съ однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій римской республики и я привелъ его здѣсь, чтобы не возвращаться вторично къ тому же предмету.

ГЛАВА XVI.

Народъ, привыкшій жить подъ монархической властью и какимъ-нибудь случаемъ освободившійся, съ трудомъ удерживаетъ свободу.

Множество примѣровъ, представляемыхъ древними историками, доказываютъ, какъ трудно народу, привыкшему жить подъ монархической властью, сохранять потомъ свободу, если онъ даже и пріобрѣлъ ее по какому-нибудь случаю, какъ пріобрѣлъ ее Римъ, по изгнаніи Тарквиніевъ. Трудность эта понятна; ибо подобный народъ ничто иное, какъ грубое животное, которое, хотя свирѣпо и дико, но вскромлено въ тюрьмѣ и въ рабствѣ. Если его вдругъ выпускаютъ на свободу въ поле, то оно, не умѣя найти ни пастбища, ни пристанища, становится добычею перваго, кто вздумаетъ снова овладѣть имъ. Тоже случается и съ народомъ, который привыкъ жить подъ чуждымъ ему правительствомъ; онъ не умѣетъ судить ни о своей защитѣ, ни объ обидахъ, наносимыхъ обществу, не знаетъ своихъ государей и они не знаютъ его, и вскорѣ снова подпадаетъ игу, еще гораздо худшему, чѣмъ то, отъ котораго недавно освободился. Впрочемъ эти затрудненія встрѣчаются тому народу, который все-таки еще не вполнѣ развращенъ, потому что окончательно развращенный народъ не только не можетъ просуществовать сколько-нибудь времени свободно, но не можетъ даже и освободиться, какъ докажу ниже; вотъ почему я буду говорить здѣсь только о народахъ, которые еще не вполнѣ развращены и въ которыхъ больше добраго, чѣмъ злаго.

Кромѣ этаго затрудненія есть еще другое: оно состоитъ въ томъ, что враги освободившагося государства составляютъ партію, а друзья его партіи не составляютъ. Всѣ, кто извлекалъ выгоды изъ тиранническаго порядка, пользуясь богатствами государя, образуютъ враждебную свободѣ партію; потерявъ возможность на-

живаться, они не могутъ быть довольны и должны всѣ пытаться возстановить тиранію, чтобы возвратить себѣ свою власть. Ревностныхъ же партизановъ, друзей, освободившіяся государства, какъ я сказалъ, не пріобрѣтаютъ; потому что при свободномъ управленіи почести и награды даются каждому за опредѣленныя заслуги, безъ которыхъ никто не можетъ получить никакихъ преимуществъ; но при этомъ всякій, получившій награжденіе за свои подвиги, считаетъ себя обязаннымъ не государству, а только самому себѣ. При томъ, пока всѣ наслаждаются благами свободы, никто не сознаетъ, какъ они дороги: они состоятъ въ томъ, что каждый можетъ свободно и безбоязненно пользоваться своимъ имуществомъ, не страшиться за честь женъ и дочерей и не бояться за личную безопасность; но обладая всѣмъ этимъ, никто не чувствуетъ себя обязаннымъ только за то, что его не оскорбляютъ.

Итакъ, какъ я сказалъ, свободное правленіе, вновь учреждаемое, имѣетъ противъ себя враждебную партію, но не имѣетъ партіи друзей. Чтобы устранить эти затрудненія и всѣ безпорядки, возбуждаемые ими, нѣтъ средства болѣе сильнаго, болѣе дѣйствительнаго, болѣе здороваго, болѣе необходимаго—какъ убить сыновей Брута, которые, какъ показываетъ исторія, были увлечены, вмѣстѣ съ другими римскими юношами, въ заговоръ противъ отечества тѣмъ только, что не могли при консулахъ играть такой роли, какъ при царяхъ; такимъ образомъ народная свобода казалась имъ рабствомъ. Кто достигаетъ правительственной власти, какъ въ республикѣ, такъ и въ монархіи, долженъ обезопасить себя отъ всѣхъ враговъ учреждаемаго имъ новаго порядка; иначе этотъ порядокъ будетъ недолговѣченъ. Вотъ почему я считаю несчастными государей, которые для своего обезпеченія должны прибѣгать къ незаконнымъ средствамъ, имѣя противъ себя врагомъ весь народъ; у кого враговъ мало, тотъ можетъ безъ труда и безъ скандала отдѣлаться отъ нихъ; но противъ кого всѣ, тотъ никогда не обезопаситъ себя, и чемъ будетъ свирѣпѣе, тѣмъ слабѣе будетъ его власть. Въ такомъ положеніи самое лучшее средство стараться пріобрѣсти расположеніе народа. Впрочемъ все это,

я знаю, не соотвѣтствуетъ заглавію этой главы, потому что я разговорился о государѣ, тогда какъ мнѣ слѣдуетъ говорить о республикѣ; но чтобы не возвращаться болѣе къ этому предмету, я скажу о немъ еще нѣсколько словъ.

Итакъ, государь, желая расположить къ себѣ враждебный ему народъ—рѣчь идетъ, конечно, о государѣ, ставшемъ тираномъ своего отечества—долженъ прежде всего разсмотрѣть, чего желаетъ народъ. Окажется, что народъ желаетъ двухъ вещей: во первыхъ, отмстить тому, кто сталъ причиною его рабства; во вторыхъ, возстановить свою свободу. Государь можетъ удовлетворить первое желаніе вполнѣ, а второе—отчасти. Касательно перваго мы имѣемъ слѣдующій примѣръ. Клеархъ, тиранъ гераклійскій, былъ изгнанъ; вслѣдъ за тѣмъ въ Гераклеи возникли несогласія между народомъ и аристократіей; аристократія вознамѣрилась помочь Клеарху и, сговорившись съ нимъ, водворила его къ Гераклеи противъ воли народа, уничтоживъ народную свободу. Такимъ образомъ Клеархъ очутился между высокомѣріемъ аристократіи, которую не могъ ни чѣмъ ни удовлетворить, ни исправить, и ненавистью народа, который не могъ переносить потерю свободы. Онъ рѣшился однимъ ударомъ избавиться отъ притязаній аристократіи и расположить къ себѣ народъ. При первомъ удобномъ случаѣ онъ истребилъ всю аристократію, къ великому удовольствію народа. Этимъ путемъ онъ удовлетворилъ одному желанію народному—желанію мести. Что касается до другаго желанія народа—возстановить свою свободу, то государь не можетъ его удовлетворить и долженъ разсмотрѣть, какія причины побуждаютъ народъ желать свободы. Онъ найдетъ, что весьма немногіе желаютъ свободы изъ властолюбія; огромное большинство желаетъ свободы для безопасности. Во всякой республикѣ, какова бы она ни была, высшихъ должностей достигаетъ не болѣе 40 или 50 гражданъ, что, конечно, очень не много, и отъ нихъ легко обезпечить себя, лишивъ ихъ жизни, или давъ имъ столько почестей, чтобы они до нѣкоторой степени удовлетворились своимъ настоящимъ положеніемъ. Что касается большинства, желающаго только безопасности, его легко удовлетворить учрежденіями и законами, которые могли бы согласить власть го-

сударя съ общественнымъ спокойствіемъ. Если государь дѣлаетъ это и если народъ убѣдится, что онъ ни въ какомъ случаѣ не нарушаетъ этаго закона, то народъ въ скоромъ времени удовольствуется и успокоится. Примѣромъ этого служитъ королевство французское, которое наслаждается спокойствіемъ только потому, что короли его связаны множествомъ законовъ, имѣющихъ цѣлью оградить безопасность народа. Законодатели этого государства учредили, чтобы короли распоряжались по своему усмотрѣнію войскомъ и деньгами, но во всемъ прочемъ не могли бы поступать вопреки предписаніямъ закона.

Итакъ, государь или республика, неоградившіе себя въ самомъ началѣ, должны обезопасить себя при первомъ удобномъ случаѣ, какъ сдѣлали римляне. Кто пропуститъ этотъ случай, тому поздно уже будетъ каяться, что не сдѣлалъ необходимаго. Римскій народъ не былъ еще развращенъ, когда возстановилъ свою свободу; убивъ сыновей Брута и прогнавъ Тарквиніевъ, онъ могъ сохранить свободу всѣми средствами и учрежденіями, о которыхъ мы разсуждали. Но, будь этотъ народъ вполнѣ развращенъ, то ни въ Римѣ, ни въ другомъ мѣстѣ, не нашлось бы годныхъ средствъ для сохраненія свободы, какъ намъ покажетъ слѣдующая глава.

ГЛАВА XVII.

Развращенный народъ, достигнувъ свободы, съ величайшимъ трудомъ сохраняетъ ее.

Я полагаю, что Риму было необходимо или отдѣлаться отъ царей, или въ самомъ скоромъ времени впасть въ безсиліе и ничтожество. Можно судить до какого развращенія дошли бы эти цари чрезъ два, три поколѣнія; развратъ непремѣнно началъ бы переходить отъ главъ государства къ его членамъ и когда имъ заразились бы и члены, то не было бы средства исправить

зло. Но такъ какъ верхушку отрубили, когда остальное было еще неповреждено, то не трудно было возстановить свободный порядокъ. Нужно признать за несомнѣнную истину, что развращенное монархическое государство никогда не можетъ достичь свободы, хотя бы государь былъ уничтоженъ со всѣмъ своимъ родомъ: это ведетъ только къ смѣнѣ одного государя другимъ, и государство никогда не получитъ свободы, если ему не попадется какой нибудь добрый и честный правитель; но и тутъ свобода его продлится только на столько времени, на сколько продлится жизнь этого государя. Такъ было въ Сиракузахъ при Діонѣ и Тимолеонѣ, добродѣтели которыхъ въ разныя времена, когда они жили, давали этому городу свободу; но едва они умирали, какъ онъ тотчасъ подпадалъ прежней тираніи. Римъ представляетъ еще лучшій примѣръ: по изгнаніи Тарквиніевъ, онъ могъ тотчасъ возстановить свою свободу; но по умерщвленіи Цезаря, Калигулы, Нерона, по пресѣченіи всего цезарскаго племени, онъ не могъ не только сохранить свободы, но даже хотя бы на мигъ овладѣть ею. Такая разница въ событіяхъ одного и того же города, зависитъ отъ того, что во времена Тарквиніевъ римскій народъ не былъ еще развращенъ, а въ послѣднее время развратился окончательно. Тогда, чтобы удержать свободу и внушить ненависть къ царямъ, достаточно было взять съ народа клятву, что онъ не допуститъ, чтобы въ Римѣ кто нибудь царствовалъ; между тѣмъ какъ впослѣдствіи всей власти и всей строгости Брута, со всѣми легіонами войска, оказалось недостаточно, чтобы склонить народъ удержать свободу, которую онъ возвратилъ ему по примѣру перваго Брута. Это происходило отъ развращенія, внесеннаго въ народъ партіей Марія, глава которой—Цезарь до того ослѣпилъ массы, что онѣ не видѣли ига, которое сами возлагали себѣ на шею. Хотя этотъ примѣръ Рима убѣдительнѣе всякаго другаго, однако я приведу другой, заимствованный изъ исторіи современныхъ народовъ. Я утверждаю, что нѣтъ такого событія, какъ бы важно и насильственно оно ни было, которое могло бы дать свободу Милану или Неаполю, потому что они вполнѣ развращены. Это оказалось по смерти Филиппа Висконти, когда Миланъ хотѣлъ

возстановить свободу, но не могъ и не умѣлъ удержать ее. Слѣдовательно, для Рима было большимъ счастьемъ, что цари его скоро развратились и ихъ можно было выгнать, пока развратъ еще не проникъ въ нѣдра города. Вслѣдствіе неиспорченности Рима, всѣ безчисленныя возникавшія въ немъ смуты приносили республикѣ не вредъ, а пользу, потому что намѣренія гражданъ были честны.

Изъ всего этого можно сдѣлать тотъ выводъ, что для общества не развращеннаго не вредны никакіе смуты и безпорядки; но для общества развращеннаго безполезны самые лучшіе законы, если только ими не руководитъ рѣшительный человѣкъ, который проводитъ ихъ такъ энергично, что совершенно исправляетъ все общество. Впрочемъ я не знаю, случалось ли это когда нибудь и можетъ ли даже случиться. Во всякомъ случаѣ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что государство, пришедшее въ упадокъ по развращенности цѣлаго общества, если бы неожиданно и поднялось изъ своего упадка, то это могло бы произойти только по добродѣтелямъ одного человѣка, случившагося въ немъ, а не по достоинству всего общества, которое и не думало бы поддерживать добрыя учрежденія. Какъ скоро преобразователь умираетъ, общество возвращается къ своимъ прежнимъ нравамъ. Такъ было въ Ѳивахъ, гдѣ, при жизни Эпаминонда, его добродѣтели твердо поддерживали порядокъ въ республикѣ и ея могущество; но, по смерти его, она впала въ прежніе безпорядки. Дѣло въ томъ, что человѣкъ не можетъ прожить такъ долго, чтобы успѣть прочно утвердить добрый порядокъ въ городѣ, который долго велъ скверное существованіе. Поэтому, если преобразователь не проживетъ необыкновенно долго или не оставитъ достойнаго преемника; если, какъ я выше сказалъ, добродѣтельныхъ наслѣдниковъ ему не окажется,—государство быстро придетъ въ упадокъ, изъ котораго потомъ его можно вывести только страшными потрясеніями, и кровопролитіями. Это зависитъ отъ того, что развращеніе и неспособность къ свободной жизни происходятъ отъ гражданскаго неравенства, а для возстановленія равенства необходимы самыя крайнія мѣры; но весьма не многіе умѣютъ или желаютъ пользоваться этими мѣрами, какъ подробнѣе увидимъ въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА XVIII.

Какъ сохранить свободный порядокъ въ развращенномъ государствѣ, если онъ существуетъ, или какъ водворить, если его нѣтъ.

Я полагаю, что не будетъ противорѣчивымъ и неумѣстнымъ, послѣ изложеннаго въ предъидущей главѣ, разсмотрѣть здѣсь, можетъ ли развращенное государство сохранить свободный порядокъ, если обладаетъ имъ, или если не обладаетъ, то можетъ ли оно водворить его у себя. Относительно этого вопроса я утверждаю, что и то и другое очень трудно: никакихъ правилъ здѣсь нельзя дать, потому что въ каждомъ частномъ случаѣ приходится дѣйствовать иначе, смотря по степени развращенности; однако полезно разсмотрѣть все и потому я не оставлю безъ вниманія и этаго вопроса. Предположимъ самое развращеннѣйшее государство, чтобы такимъ образомъ обнять предметъ во всей его трудности; ибо гдѣ развратъ всеобщій, тамъ нельзя обуздать его никакими законами и учрежденіями. Очевидно, что какъ добрые обычаи нуждаются для своего поддержанія въ законахъ, такъ и законы для ихъ соблюденія нуждаются въ добрыхъ обычаяхъ. Учрежденія и законы, установленные въ республикѣ при ея возникновеніи, когда люди были еще честны, становятся потомъ, когда люди дѣлаются подлы, неумѣстными. Законы измѣняются, вслѣдствіе разныхъ происшествій въ государствѣ, но учрежденія не измѣняются никогда или, по крайней мѣрѣ, рѣдко; поэтому новые законы ни къ чему не служатъ, такъ какъ сохранившіяся прежнія учрежденія портятъ ихъ. Для лучшаго уразумѣнія этого я замѣчу, что въ Римѣ существовали учрежденія касательно правленія, или вѣрнѣе, — государства, и потомъ законы, которые черезъ должностныхъ лицъ обуздывали гражданъ. Государственныя учрежденія обусловливали власть народа, сената, трибуновъ, консуловъ, совѣщанія и вы-

боры должностныхъ лицъ и законодательство. Событія почти совершенно не измѣнили этихъ учрежденій. Измѣнились только законы, обуздывавшіе гражданъ, каковы законы о прелюбодѣяніи, о роскоши, о честолюбіи и многіе другіе, измѣнявшіеся постепенно, сообразно тому, какъ граждане все болѣе и болѣе развращались. Государственныя учрежденія сохранялись прочно, хотя среди развращенія стали непригодны, такъ что возобновляемые законы уже не могли удерживать людей на честномъ пути; чтобы новые законы достигали своей цѣли, было необходимо, чтобы по мѣрѣ нововведеній въ законодательствѣ преобразовывались бы и основныя учрежденія. Безполезность прежнихъ учрежденій, послѣ развращенія бщества, обнаруживается главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: въ дѣлѣ назначенія должностныхъ лицъ и въ законодательствѣ. Римскій народъ давалъ консульство и другія важнѣйшія государственныя должности только тѣмъ, кто просилъ ихъ. Вначалѣ этотъ обычай былъ очень хорошъ, потому что только тѣ и искали этихъ должностей, которые считали себя достойными занимать ихъ, такъ что отказъ считался позорнымъ, и всякій старался поступать хорошо, чтобы заслужить избраніе. Но когда общество развратилось, этотъ самый обычай сдѣлался въ высшей степени пагубнымъ, потому что должностей стали добиваться не тѣ, кто былъ достойнѣе, а тѣ, кто былъ сильнѣе. Люди же необладавшіе могуществомъ, какъ бы не были они добродѣтельны, изъ страха не рѣшались искать ихъ. Эта вредная перемѣна произошла конечно не вдругъ, а постепенно, какъ всякое другое зло. Когда римляне покорили Африку и Азію и подчинили себѣ всю Грецію, они сочли свободу свою обезпеченною и не видѣли болѣе вокругъ себя враговъ, которыхъ стоило бы опасаться. Эта безпечность и эта слабость непріятелей сдѣлали то, что римскій народъ при выборѣ консуловъ сталъ обращать вниманіе не на достоинства избираемаго, а на любезность его, выбирая того, кто болѣе умѣлъ понравиться согражданамъ, а не того, кто умѣлъ лучше побѣждать враговъ; потомъ любезнымъ людямъ стали предпочитать могущественныхъ, такъ что вслѣдствіе неудобствъ этого учрежденія, честные люди были совершенно устранены отъ должностей. Такъ

и въ законодательствѣ—трибунъ и всякій другой гражданинъ могъ предлагать народу законы; всѣ граждане могли говорить за или противъ этого закона, прежде нежели его пускали на голоса. Когда граждане были честны, это учрежденіе было полезно; потому что всегда полезно, чтобы всякій, имѣющій въ виду что нибудь полезное для общества могъ предложить его; хорошо также, чтобы всякій могъ высказать но это свое мнѣніе, дабы народъ, выслушавъ каждаго, могъ выбрать лучшее мнѣніе. Но когда граждане развратились, учрежденіе это сдѣлалось вредно; потому что одни сильные стали предлагать законы не въ видахъ общественной свободы, а въ видахъ собственной власти, и никто, изъ страха, не смѣлъ возражать имъ, такъ что народъ, обманомъ или насиліемъ, былъ вынужденъ рѣшать собственную свою погибель.

Слѣдовательно, чтобы и среди развращенія Римъ могъ удержаться свободнымъ, было необходимо измѣнять его учрежденія по мѣрѣ установленія новыхъ законовъ. Для злаго гражданина нужны иные учрежденія и порядки, чѣмъ для добраго; гдѣ такъ различно вещество, тамъ не можетъ быть одинакова и форма. Измѣнять эти учрежденія можно было бы или преобразовавъ ихъ всѣ разомъ, когда обнаружилось, что они стали негодны, или мало по малу, по мѣрѣ того, какъ познавалось ихъ неудобство:—но касательно того и другаго я скажу, что все это почти невозможно. Для постепенныхъ преобразованій необходимы мудрые люди, которые подмѣчали бы порчу учрежденій издалека и какъ только она возникаетъ. Но весьма можетъ быть, что такихъ людей въ государствѣ совсѣмъ не явится или, если бы и явились, то очень возможно, что они не могли бы убѣдить другихъ въ томъ, что имъ самимъ такъ очевидно; люди вообще, привыкнувъ къ какому-нибудь порядку, неохотно мѣняютъ его, а тѣмъ болѣе, если зло несовершенно явно и если приходится доказывать его разными доводами. Что касается до внезапнаго, полнаго преобразованія учрежденій, когда негодность ихъ извѣстна уже всякому, я полагаю и это очень труднымъ, потому что, хотя бы зло было совершенно очевидно, но поправить его все таки не легко. Дѣло въ томъ, что для этого недостаточно обыкновенныхъ средствъ, особенно когда

эти средства сдѣлались негодны; здѣсь необходимо прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, напр. къ насилію и къ оружію; необходимо прежде всего сдѣлаться господиномъ въ государствѣ и пріобрѣсти возможность распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію. Но такая цѣль, какъ преобразованіе государства для возстановленія въ немъ гражданскаго порядка, предполагаетъ человѣка добродѣтельнаго; между тѣмъ сдѣлаться по средствомъ насилія властелиномъ республики предполагаетъ злодѣя; стало быть, очень рѣдко найдется честный человѣкъ, который захотѣлъ бы овладѣть властью безчестными средствами, хотя бы и съ благою цѣлью; еще рѣже, чтобы негодяй, достигнувъ верховной власти, захотѣлъ поступать хорошо и чтобы ему вздумалось добродѣтельно употреблять власть, гнусно пріобрѣтенную.

Изъ всего этого слѣдуетъ, какъ трудно или невозможно сохранить или учредить республику въ государствѣ развращенномъ. Поэтому во всякомъ случаѣ лучше установить въ такомъ государствѣ порядокъ монархическій, чѣмъ народный, чтобы людей, дерзость которыхъ не могутъ исправить законы, обуздывала по крайней мѣрѣ власть монарховъ. Больше съ ними нечего дѣлать; все прочее было бы жестокой и безполезной попыткой, какъ я замѣтилъ по поводу Клеомена. Клеоменъ, чтобы ему не мѣшали, убилъ эфоровъ, и Ромулъ, по той же причинѣ, убилъ брата и Тита Тація Сабина, и оба потомъ воспользовались своею властью хорошо, но надо обратить вниманіе на то, что оба они имѣли дѣло съ подданными, не постигнутыми еще такимъ развращеніемъ, о которомъ мы говоримъ въ этой главѣ, поэтому они могли выполнить свои намѣренія и придать этому выполненію благовидный характеръ.

ГЛАВА XIX.

Государь слабый можетъ удержаться, если наслѣдуетъ хорошему правителю; но государство не можетъ удержаться при двухъ слабыхъ правленіяхъ, если одно изъ нихъ тотчасъ же слѣдуетъ за другимъ.

Разсматривая достоинство и образъ дѣйствій трехъ первыхъ римскихъ царей, Ромула, Нумы и Туллія, мы видимъ, что Римъ былъ необыкновенно счастливъ, имѣя первымъ своимъ царемъ человѣка свирѣпаго и воинственнаго, вторымъ—мирнаго и религіознаго, а третьимъ—подобнаго Ромулу жестокостью и предпочитавшаго войну миру. Риму было необходимо, чтобы въ числѣ первыхъ государей его нашелся мирный законодатель гражданскаго быта; но также необходимо было, чтобы слѣдующіе цари опять обладали тѣми же качествами какъ и Ромулъ; иначе городъ впалъ бы въ изнѣженность и сталъ бы добычей своихъ сосѣдей. Вообще замѣтимъ, что наслѣдникъ хорошаго правителя можетъ сохранить государство благодаря достоинствамъ своего предшественника, если самъ даже и не обладаетъ такими добрыми качествами; онъ можетъ удержаться и воспользоваться плодами предъидущаго правленія. Но если бы ему случилось прожить слишкомъ долго или если послѣ него правленіе перейдетъ къ государю, также необладающему достоинствами перваго, то государство неизбѣжно придетъ въ упадокъ. Точно также и наоборотъ, если другъ за другомъ слѣдуютъ два превосходные правителя, то они совершаютъ великіе подвиги, и слава ихъ возносится до небесъ. Извѣстно напримѣръ, что Давидъ былъ отличный полководецъ, правитель честный и мудрый; мужество его было таково, что онъ побѣдилъ и ниспровергнулъ всѣхъ своихъ сосѣдей, и оставилъ своему сыну Соломону царство совершенно спокойное; Соломонъ могъ, благодаря ему, управлять имъ мирными средства-

ми, а не оружіемъ и благополучно пользоваться плодами доблестей своего отца. Но онъ уже не могъ завѣщать сыну своему Ровоаму того же, что получилъ отъ своего отца; Ровоамъ, не имѣя ни достоинствъ дѣда, ни счастья отца, съ трудомъ сохранилъ шестую часть государства.—Баязетъ, султанъ турецкій, будучи болѣе склоненъ къ миру, чѣмъ къ войнѣ, могъ пожинать плоды трудовъ отца своего Магомета, который, подобно Давиду, побѣдилъ всѣхъ сосѣдей и оставилъ сыну сильное государство, гдѣ легко было сохранять спокойствіе и мирными средствами. Но если бы сынъ его, нынѣшній повелитель—Салиманъ, былъ болѣе подобенъ отцу, чѣмъ дѣду, государство пало бы; однако, повидимому, онъ намѣренъ даже превзойти дѣда своею славою.

Всѣ эти примѣры доказываютъ то, что я сказалъ,—что послѣ хорошаго правителя можетъ удержаться и слабый, но что два непосредственно слѣдующихъ слабыхъ правителя не могутъ сохранить государства, кромѣ развѣ такого, какъ Франція, которая держится своими древними учрежденіями. Слабыми правителями считаются тѣ, которые не отличаются воинственностью.

Итакъ, мы видимъ, что доблесть Ромула дала Нумѣ Помпилію возможность управлять Римомъ въ теченіи многихъ лѣтъ мирно. Нумѣ наслѣдовалъ Туллій, который своимъ свирѣпымъ мужествомъ напоминалъ Ромула. Послѣ него царствовалъ Анкъ, одаренный отъ природы такъ, что могъ и править въ мирѣ и вести войну. Съ начала онъ желалъ идти мирнымъ путемъ, но вскорѣ увидѣлъ, что сосѣди, считая его изнѣженнымъ, презираютъ его; тогда онъ пришелъ къ убѣжденію, что для сохраненія Рима должно воевать и подражать не Нумѣ, а Ромулу. Этотъ примѣръ долженъ служить урокомъ всѣмъ правителямъ. Если они будутъ подражать Нумѣ, то сохранятъ государство, а можетъ быть и погубятъ, смотря по обстоятельствамъ и по расположенію судьбы; если же будутъ подражать Ромулу, который всегда былъ вооруженъ осторожностью и воинственностью, то навѣрно сохранятъ, если только противъ нихъ не подымется какая нибудь особенная непобѣдимая сила. Можно считать несомнѣннымъ, что если бы третьимъ царемъ римскимъ былъ человѣкъ неспособный возстановить оружіемъ воинскую славу своего

народа, послѣднему было бы невозможно или по крайней мѣрѣ очень трудно стать въ странѣ твердою ногою и совершить всѣ подвиги, которые онъ совершилъ. Такимъ образомъ, пока Римомъ правили цари, ему постоянно грозила опасность упадка при правителѣ слабомъ и порочномъ.

ГЛАВА XX.

Два доблестные правителя, царствующіе преемственно, совершаютъ великія дѣла; и какъ хорошо учрежденная республика всегда имѣетъ хорошихъ правителей, то успѣхи и пріобрѣтенія ея должны быть обширны.

Изгнавъ царей, Римъ избавился отъ опасности, которая, какъ я сказалъ, грозила ему отъ нихъ, въ случаѣ если бы въ немъ воцарился правитель слабый или порочный. Верховная власть перешла къ консуламъ, которые получали ее не наслѣдственно, не интригами и не честолюбивымъ насиліемъ, а по свободному выбору, и потому были всегда люди самые лучшіе. Римъ пользовался ихъ добродѣтелями, а по временамъ и ихъ удачей, и такимъ образомъ достигъ высшаго величія, во столько же лѣтъ, сколько прожилъ при царяхъ. Мы видимъ, что двухъ преемственныхъ правленій великихъ правителей бываетъ иногда достаточно для покоренія міра, примѣръ чего представляютъ послѣдовательныя правленія Филиппа Македонскаго и Александра Великаго. Чего же должна достигнуть республика, имѣющая возможность обладать не только двумя хорошими правителями, но длиннымъ рядомъ самыхъ превосходныхъ вождей, преемственно слѣдующихъ другъ за другомъ? А такое преимущество возможности имѣть хорошихъ правителей бываетъ въ каждой хорошо устроенной республикѣ.

ГЛАВА XXI.

Какъ достойны порицанія государи и республики, не имѣющіе собственной арміи.

Современные государи и республики, не имѣющіе, для защиты и нападенія, собственныхъ войскъ, должны стыдиться и видѣть изъ примѣра представленнаго Тулліемъ, что этотъ недостатокъ ихъ зависитъ не отъ отсутствія людей способныхъ къ военной службѣ, а отъ ихъ собственной вины и неумѣнья составить войско. Туллій, воцарившійся въ Римѣ послѣ сорокалѣтняго мира, нашелъ народъ совершенно непривыкшимъ къ войнѣ; тѣмъ не менѣе, вознамѣрившись начать войну, онъ не подумалъ обращаться къ Самнитамъ, Тосканцамъ или другимъ народамъ, привыкшимъ воевать; какъ человѣкъ очень умный, онъ рѣшился устроить собственное войско. Онъ дѣйствовалъ такъ умно, что въ скоромъ времени образовалъ превосходнѣйшихъ солдатъ. Ничего не можетъ быть очевиднѣе, что гдѣ есть люди, а нѣтъ солдатъ, то виновато въ этомъ не положеніе страны и не природа, а нерадѣніе государя. Недавно еще мы видѣли доказательство этого. Всякій знаетъ, что недавно король англійскій напалъ на королевство французское съ войскомъ, набраннымъ въ средѣ собственнаго народа. Государство его 30 лѣтъ находилось въ мирѣ и не имѣло ни солдатъ, ни начальниковъ служившихъ на войнѣ; тѣмъ не менѣе онъ не усомнился напасть съ ними на государство, обладающее множествомъ хорошихъ начальниковъ и войскъ, которые не переставали воевать въ Италіи. Дѣло въ томъ, что король этотъ очень мудрый человѣкъ *), и государство его такъ хорошо устроено, что въ немъ и въ мирное время не забываютъ военнаго искусства. Пелопидъ и Эпаминондъ ѳиванскіе, освободивъ Ѳивы и свергнувъ спартанское

*) Генрихъ VIII.

иго, нашли этотъ городъ привыкшимъ къ рабству и народъ совершенно изнѣженный. Но такова была ихъ доблесть, что они не усомнились въ возможности вооружить этотъ народъ, вывести его въ поле противъ спартанскихъ войскъ и побѣдить ихъ; всѣ писатели говорятъ о томъ, какъ эти два вождя доказали, что не въ одномъ Лакедемонѣ рождаются воины, но всюду, гдѣ рождаются люди, лишь бы нашелся человѣкъ, способный пріучить ихъ къ военной службѣ, подобно тому, какъ Туллій умѣлъ пріучить римлянъ. Виргилій прекрасно выразилъ эту мысль, показавъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ ее, словами:

«..... Desidesque movebit
«Tullus in arma viros» *).

ГЛАВА XXII.

На что слѣдуетъ обратить вниманіе въ поединкѣ трехъ римскихъ Горацієвъ съ тремя албанскими Куріаціями.

Туллій, царь римскій, и Меццій, царь албанскій, условились, что тотъ народъ будетъ господствовать надъ другимъ, трое воиновъ котораго побѣдятъ въ поединкѣ трехъ воиновъ другаго. Албанскіе Куріаціи были убиты, а изъ римскихъ Горацієвъ остался въ живыхъ одинъ и, такимъ образомъ, Меццій, царь албанскій, со своимъ народомъ подчинился римлянамъ. Горацій, возвращаясь въ Римъ побѣдителемъ, встрѣтилъ свою сестру, которая была замужемъ за однимъ изъ убитыхъ Куріацієвъ и оплакивала смерть своего мужа; за это братъ убилъ ее. Онъ былъ преданъ за убійство суду и хотя послѣ долгихъ преній освобожденъ, но не столько

*) Туллій обратилъ лѣнтяевъ въ людей оружія.

за заслуги свои, сколько по просьбамъ отца. По поводу этого происшествія замѣтимъ три обстоятельства: во первыхъ, никогда не слѣдуетъ подвергать риску всю свою судьбу, пуская въ дѣло лишь часть своихъ силъ; во вторыхъ, въ благоустроенномъ государствѣ проступки никогда не должны извиняться прежними заслугами; въ третьихъ, неблагоразумно полагаться на соглашенія, выполненіе которыхъ должно или можетъ подлежать сомнѣнію. Всякому обществу такъ тяжело подчиняться рабству, что нелѣпо было думать, чтобы кто нибудь изъ этихъ царей и народовъ согласился подчиниться участи, которой, по предварительному соглашенію, подвергала ихъ случайность исхода дѣйствій трехъ гражданъ. Меццій не замедлилъ доказать это: хотя послѣ побѣды римлянъ онъ призналъ себя побѣжденнымъ и обѣщалъ повиноваться Туллію, но въ первомъ же походѣ, который онъ сообща съ нимъ предпринялъ противъ Вейевъ, вмѣстѣ съ своимъ народомъ, сталъ искать средствъ измѣнить ему, потому что хотя поздно, но убѣдился наконецъ въ безразсудствѣ условія своего подчиненія. Касательно этого третьяго замѣчанія, я сказалъ уже все, что слѣдовало, а о двухъ первыхъ мы поговоримъ отдѣльно въ двухъ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА XXIII.

Не слѣдуетъ подвергать опасности всю свою судьбу, не отдавая дѣлу въ тоже время всѣхъ своихъ силъ; поэтому часто опасно охранять тѣснины.

Всегда считалось безразсудствомъ подвергать опасности всю свою судьбу, не дѣйствуя въ тоже время всѣми своими силами. Безразсудство это совершается различно. Такъ напримѣръ поступили Туллій и Меццій, когда поставили въ зависимость благоденствіе всего своего отечества и мужество такого множества людей, которые составляли ихъ войско, отъ счастья и мужества всего навсе трехъ гражданъ, составлявшихъ самую ничтожную часть ихъ военныхъ силъ. Они забыли, что этимъ поступкомъ они обращаютъ въ ничто всѣ труды своихъ предшественниковъ по устройству государства, для доставленія ему долговременнаго свободнаго существованія и образованія изъ его гражданъ защитниковъ своей свободы; все это оказывалось безполезнымъ, если судьба государства полагалась въ зависимость отъ такого ничтожнаго поединка. Цари эти, конечно, не могли придумать ничего болѣе безразсуднаго.

Такой же невыгодѣ подвергаютъ себя всѣ, кто, при приближеніи непріятеля, рѣшается защищать сильныя позиціи и охранять тѣснины. Рѣшеніе это почти неизбѣжно сдѣлается пагубнымъ, если въ избранной сильной позиціи нельзя съ удобствомъ сосредоточить всѣхъ своихъ силъ. Если послѣднее возможно, то мѣра эта разумна; но она будетъ пагубна, если избранная мѣстность такъ тѣсна, что на ней нельзя собрать всѣхъ силъ. Меня убѣдилъ въ этомъ примѣръ всѣхъ, кто, живя въ странѣ гористой, изрѣзанной оврагами, при нападеніи непріятеля, вмѣсто того, чтобы сражаться съ нимъ въ своихъ тѣснинахъ и горахъ, выходилъ изъ нихъ навстрѣчу ему или, если не желалъ выходить изъ своихъ предѣловъ, ожидалъ его дома, но позади горъ и тѣснинъ, въ мѣстахъ открытыхъ и ровныхъ. Причину я уже объяснилъ. Очевидно, мѣстности гористыя нельзя защищать многочисленнымъ войскомъ, потому что онѣ не представляютъ средствъ для его продолжительнаго продовольствія и притомъ по тѣснотѣ и недоступности мѣста не даютъ ему возможности расположиться; такимъ образомъ въ нихъ нельзя противиться многочисленному нападающему непріятелю. Непріятель можетъ придти въ большомъ числѣ, потому что намѣреніе его только пройти такую мѣстность, а не останавливаться въ ней; между тѣмъ защитники не могутъ быть многочисленны, такъ какъ имъ приходится долго оставаться на мѣстѣ въ ожиданіи непріятеля, въ мѣстности непроходимой и безплодной, не зная, когда непріятель вздумаетъ начать свой переходъ. Когда проходъ, который ты надѣялся защитить и на который твой народъ и войско возложили все свое упованіе, перей-

детъ въ руки непріятеля, войскомъ и народомъ твоимъ овладѣетъ такой ужасъ, что они сочтутъ себя погибшими, еще не испытавъ своихъ силъ, и такимъ образомъ ты лишишься всего, вслѣдствіе пораженія одной только части твоихъ силъ. Всякій знаетъ, съ какимъ трудомъ перешелъ Аннибалъ Альпы, отдѣляющія Ломбардію отъ Франціи и горы, раздѣляющія Ломбардію отъ Тосканы. При этомъ римляне ожидали его сперва на Течино, а потомъ въ равнинѣ Ареццо, предпочитая, чтобы непріятель лучше истребилъ ихъ войско въ мѣстности, гдѣ они могли и сами одержать побѣду, нежели имъ пришлось бы погибнуть въ горахъ отъ неудобства мѣстности. Кто читаетъ исторію со смысломъ, видитъ, какъ рѣдко хорошіе полководцы пытались защищать подобныя тѣснины, какъ по вышесказаннымъ причинамъ, такъ и потому, что ихъ нельзя защитить всѣхъ разомъ. Горы, какъ и равнины, покрыты не только обычно посѣщаемыми дорогами, но и многими другими, правда, неизвѣстными иноземцамъ, но знакомыми мѣстнымъ жителямъ, которые всегда проведутъ непріятеля куда угодно, какія бы ты мѣры не принималъ, чтобы воспрепятствовать имъ. Еще недавно, въ 1515 году, мы видѣли подобный примѣръ. Когда Францискъ, король французскій, вознамѣрился вторгнуться въ Италію, чтобы снова завоевать Ломбардію, враги его, противившіеся этому непріятелю, возлагали главнымъ образомъ упованіе на защиту швейцарцами своихъ горныхъ проходовъ. Но опытъ показалъ, что надежда ихъ была тщетна. Король, оставивъ въ сторонѣ двѣ или три защищенныя ими позиціи, прошелъ неизвѣстнымъ путемъ и очутился въ Италіи передъ непріятелемъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Тогда на нихъ напалъ такой страхъ, что они отступили въ Миланъ и вся Ломбардія покорилась французамъ, увидя какъ напрасна была надежда удержать ихъ въ горахъ.

ГЛАВА XXIV.

Благоустроенныя республики, награждая и наказывая своихъ гражданъ, никогда не считаютъ при этомъ заслуги искупающими проступки, и наоборотъ.

Горацій, побѣдившій своимъ мужествомъ Куріацієвъ, необыкновенно отличился и оказалъ республикѣ чрезвычайно важную заслугу. Но убивъ свою сестру онъ совершилъ жестокое преступленіе. Это смертоубійство такъ возмутило римлянъ, что они предали его уголовному суду, не смотря на то, что заслуги его были такъ велики и такъ недавни. Смотря поверхностно, можно назвать этотъ случай образцомъ народной неблагодарности. Но, вникая въ дѣло лучше и болѣе внимательно изслѣдовавъ порядокъ, долженствующій быть въ республикѣ, можно порицать народъ скорѣе за оправданіе Горація, чѣмъ за намѣреніе осудить его. Дѣло въ томъ, что благоустроенная республика никогда не смѣшиваетъ проступковъ своихъ согражданъ съ ихъ заслугами; она установляетъ награды за добрыя дѣла и наказанія за злыя, и если тотъ, кто получилъ награду за хорошій поступокъ, совершитъ потомъ дурной, то оно наказуетъ его, безъ вниманія къ какимъ бы то ни было его добрымъ поступкамъ. Если порядокъ этотъ соблюдается точно, государство можетъ долго жить свободно; иначе не замедлитъ погибнуть. Дѣйствительно, если гражданинъ, совершившій для отечества какой нибудь блистательный подвигъ, кромѣ славы, которую доставилъ ему этотъ подвигъ, получитъ еще смѣлость и самоувѣренность, вслѣдствіе возможности дѣлать зло, не боясь наказанія, то въ скоромъ времени смѣлость его дойдетъ до того, что онъ будетъ пренебрегать всѣми гражданскими постановленіями. Но, чтобы поддержать страхъ наказаній за дурные поступки, необхо-

димо награждать за хорошіе, какъ было въ Римѣ. Если республика бѣдна и не можетъ дать много, то это еще не измѣняетъ дѣла, потому что какъ бы даръ самъ по себѣ ни былъ ничтоженъ, если только онъ назначается въ награду за какой нибудь подвигъ, то будетъ оцѣненъ и принятъ съ радостью и уваженіемъ. Извѣстны исторіи Горація Коклеса и Муція Сцеволы, изъ коихъ одинъ задержалъ непріятеля у моста, пока мостъ не разрушили, а другой сжегъ себѣ руку за то, что ошибся въ покушеніи убить тосканскаго царя Порсенну. За такіе великіе подвиги государство вознаградило каждаго изъ нихъ двумя десятинами земли. Извѣстна также исторія Манлія Капитолійскаго. Ему, за спасеніе Капитолія отъ осаждавшихъ городъ Галловъ, сограждане его, осажденные вмѣстѣ съ нимъ, дали въ награду небольшую мѣрку муки. При тогдашнемъ положеніи Рима это была значительная награда и при томъ она казалась Манлію столь почетною, что изъ зависти ли, или по преступной злобѣ своей онъ рѣшился произвести въ Римѣ возмущеніе и хотѣлъ расположить къ себѣ народъ, но, не взирая на заслуги свои, былъ низвергнутъ за это съ высоты того самаго Капитолія, который онъ такъ славно спасъ.

ГЛАВА XXV.

Желая сдѣлать свободнымъ древнее государство, лучше всего сохранить тѣнь прежнихъ учрежденій.

Кто намѣренъ или желаетъ преобразовать государство съ тѣмъ, чтобы преобразованія его были приняты съ удовольствіемъ всѣми, необходимо долженъ сохранить по крайней мѣрѣ тѣнь древнихъ учрежденій такъ, чтобы народъ и не подозрѣвалъ о перемѣнѣ порядка, хотя бы въ дѣйствительности новыя учрежденія не имѣли ничего общаго съ прежними; надо замѣтить, что большинство людей гораздо болѣе боится внѣшности, чѣмъ сущности, и

очень нерѣдко мнимое производитъ на нихъ гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ дѣйствительное. По этой причинѣ римляне, познавъ это въ самомъ началѣ своего свободнаго существованія, замѣнили царя двумя консулами, но не дали имъ болѣе двѣнадцати ликторовъ, не желая, чтобы при нихъ было больше стражи, чѣмъ сколько служило при царѣ. Кромѣ того въ Римѣ ежегодно совершалась одна религіозная церемонія, при которой полагалось необходимымъ присутствіе царя; когда царей не стало, римляне озаботились, чтобы народъ не пожалѣлъ изъ–за этого какого нибудь изъ древнихъ обычаевъ; съ этою цѣлью они учредили предсѣдателя этой церемоніи, наименовавъ его царемъ жертвоприношенія и подчинивъ его верховному первосвященнику: такимъ образомъ народъ могъ продолжать пользоваться удовольствіями этой церемоніи и не имѣлъ повода желать, по случаю ея уничтоженія, возвращенія царей. Такъ должны дѣйствовать всѣ, желающіе отмѣнить существующій порядокъ государства и замѣнить его новыми свободными учрежденіями. Хотя новыя учрежденія измѣняютъ образъ мыслей людей, однако тѣмъ не менѣе при всѣхъ перемѣнахъ слѣдуетъ какъ можно дольше сохранять подобіе старины, такъ что если общественныя должности подверглись совершенному измѣненію относительно числа, предѣловъ власти и срока, то все-таки слѣдуетъ сохранить по крайней мѣрѣ ихъ названія. Такъ, какъ я сказалъ, долженъ поступать всякій, кто желаетъ учредить прочный республиканскій или монархическій порядокъ; но кто желаетъ установить то абсолютное господство, которое писатели называютъ тираніей, долженъ совершенно передѣлать все, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XXVI.

Новый государь въ завоеванномъ имъ городѣ или провинціи долженъ передѣлать все на новый ладъ.

Кто овладѣлъ властью въ городѣ или государствѣ, особенно если основаніе его власти не прочно и если онъ не хочетъ терпѣть ни монархическаго, ни республиканскаго гражданскаго порядка, то ему лучшее средство удержать свое господство — передѣлать все въ государствѣ на новый ладъ, какъ только получитъ власть. Такъ напримѣръ, ему слѣдуетъ учредить въ городѣ новое правленіе подъ новыми названіями, съ новыми правами, изъ новыхъ людей; сдѣлать бѣдныхъ богатыми, какъ поступилъ Давидъ, сдѣлавшись царемъ: qui esurientes implevit bonis, et divites dimisit inanes; *) воздвигнуть новые города, разрушить прежніе, переводить жителей съ мѣста на мѣсто, словомъ, не оставить во всей странѣ ничего на прежнемъ мѣстѣ, такъ чтобы не было ни званія, ни учрежденія, ни должности, ни богатства, которыя не считали бы себя обязанными новому правителю. Онъ долженъ взять за образецъ Филиппа Македонскаго, отца Александра, который этими средствами изъ ничтожнаго властелина сдѣлался владыкою Греціи. Писатели Говорятъ о немъ, что онъ переводилъ людей изъ провинціи въ провинцію, какъ пастухи гоняютъ свои стада. Конечно, поступать такимъ образомъ жестоко и враждебно всякой гражданственности не только христіанской, но и вообще человѣческой; конечно, всякій долженъ избѣгать этого и предпочитать самую скромную частную долю—существованію царей, основанному на гибели такого множества людей. Но кто не хочетъ идти путемъ чести и добра, который мы указали выше, долженъ, если хочетъ удержаться, вступить на эту роковую дорогу. Люди же, однако, обыкновенно предпочитаютъ средній путь, который и есть самый пагубный, ибо они не умѣютъ быть ни вполнѣ честными, ни вполнѣ гнусными. Мы увидимъ это въ слѣдующей главѣ на примѣрѣ.

*) Который нуждавшихся осыпалъ благами, а богатыхъ пустилъ нищими.

ГЛАВА XXVI.

Люди рѣдко умѣютъ быть или вполнѣ гнусными или вполнѣ честными.

Въ 1505 году, папа Юлій II пошелъ на Болонью, чтобы изгнать оттуда домъ Бентивольи, владычествовавшій тамъ около ста лѣтъ. При этомъ онъ хотѣлъ также изгнать изъ Перуджіи тирана Джіовампаголо Бальони, какъ будто бы намѣреваясь уничтожить всѣхъ тирановъ, занимавшихъ церковныя владѣнія. Подступивъ къ Перуджіи, папа съ той смѣлостью и умомъ, которые такъ отличали его, не сталъ ждать своихъ войскъ, чтобы вступить въ городъ; онъ вошелъ въ городъ безъ свиты и оружія, хотя Джіовампаголо былъ окруженъ многочисленнымъ отрядомъ, собраннымъ для его защиты. Увлекаемый тѣмъ пыломъ, который сопровождалъ всѣ его поступки, папа предался съ своими нѣсколькими спутниками въ руки своего врага котораго потомъ онъ увелъ съ собой и назначилъ въ городъ своего правителя, покоривъ такимъ образомъ Перуджію церкви. Благоразумные люди, сопровождавшіе папу, замѣтили его смѣлость и трусость Джіовампаголо; они не могли понять, какимъ образомъ Бальони не уничтожилъ своего врага однимъ ударомъ, который навѣкъ прославилъ бы его, и не соблазнился добычей, которую представляли кардиналы, сопровождавшіе папу со всей своей роскошью. Нельзя было предположить, чтобы его удержали добродушіе и совѣстливость; потому что въ сердцѣ человѣка, до того безсовѣстнаго, что онъ рѣшился изнасиловать сестру, убить, чтобы царствовать, всѣхъ своихъ племянниковъ и двоюродныхъ братьевъ, не могло существовать ни малѣйшаго религіознаго страха. Изъ этого можно заключить, что люди не умѣютъ быть ни вполнѣ гнусны, ни совершенно честны; такъ что, когда подлость требуетъ своего рода величія души, они не рѣшаются

предаться ему. Такъ и Джіовампаголо, не останавливавшійся ни предъ какимъ насиліемъ, ни предъ какимъ явнымъ убійствомъ, не умѣлъ, или вѣрнѣе — не посмѣлъ, дѣйствовать когда представился случай сдѣлать попытку, которая заставила бы всѣхъ удивляться величію его духа и доставила бы ему вѣчную славу; онъ первый показалъ бы духовенству, какъ мало стоитъ обращать вниманіе на тѣхъ, кто живетъ и господствуетъ подобно имъ; онъ совершилъ бы поступокъ, который въ случаѣ успѣха совершенно загладилъ бы весь позоръ и всѣ опасности, которымъ онъ ради его долженъ былъ подвергнуться.

ГЛАВА XXVIII.

Отчего римляне были менѣе неблагодарны къ своимъ гражданамъ, чѣмъ аѳиняне.

Читая исторію республикъ, мы видимъ всюду примѣры ихъ неблагодарности къ своимъ гражданамъ; но въ Римѣ этихъ примѣровъ меньше, чѣмъ въ Аѳинахъ и во всѣхъ прочихъ республикахъ. Изслѣдуя причины этого и сравнивая Римъ съ Аѳинами, мы можемъ приписать это тому, что у римлянъ было меньше поводовъ подозрѣвать своихъ гражданъ, чѣмъ у аѳинянъ. Въ Римѣ, во все время отъ изгнанія царей до Суллы и Марія, ни одинъ гражданинъ никогда не похищалъ общественной свободы; поэтому тамъ не имѣли основанія подозрѣвать гражданъ, а слѣдовательно и наносить имъ, неосмотрительно, оскорбленій. Въ Аѳинахъ было не то: тамъ, въ самую цвѣтущую эпоху республики, Пизистратъ похитилъ свободу подъ личиной добродушія; когда впослѣдствіи страна возвратила себѣ свободу, то, помня прежнюю обиду и прошлое рабство, сдѣлалась неумолимо мстительной нетолько къ проступкамъ, но даже къ тѣни проступковъ своихъ гражданъ. Это повлекло за собой изгнаніе и смерть многихъ превосходныхъ людей, учрежденіе остракизма и многія другія насилія, которыя это государство совершало въ разныя времена противъ самыхъ именитыхъ людей. Справедливо говорятъ поэтому политическіе писатели, что народы поступаютъ гораздо строже послѣ того, какъ возвращаютъ свою свободу, чѣмъ пока сохраняютъ ее. Принимая все это въ соображеніе, намъ не приходится ни порицать Аѳины, ни хвалить Римъ; остается только обвинять судьбу за различіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ исторію этихъ государствъ. При внимательномъ разборѣ дѣла, мы видимъ, что и Римъ былъ бы также строгъ къ своимъ гражданамъ, если бы, подобно Аѳинамъ, испыталъ похищеніе своей свободы. Мы можемъ навѣрное предположить, это обративъ вниманіе на то, что случилось по изгнаніи царей съ Коллатиномъ и съ Публіемъ Валеріемъ: первый, хотя участвовалъ въ освобожденіи Рима, подвергся изгнанію только за то, что назывался Тарквиніемъ; второй возбудилъ противъ себя подозрѣніе потому, что построилъ себѣ домъ на горѣ Ценіи и едва избѣжалъ той же участи. Видя подозрительность и строгость римлянъ относительно этихъ двухъ гражданъ, мы можемъ заключить, что они были бы также неблагодарны какъ и аѳиняне, если бы потерпѣли подобныя же оскорбленія при самомъ началѣ своего политическаго существованія. Чтобы покончить съ вопросомъ о неблагодарности, я поговорю о ней еще въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XXIX.

Кто неблагодарнѣе, народъ или государь.

Рѣчь о неблагодарности приводитъ меня къ вопросу о томъ, кто неблагодарнѣе: народъ или государь? Чтобы лучше разобрать его, я сперва замѣчу, что порокъ неблагодарности происходитъ или отъ скупости, или отъ подозрительности. Когда народъ или государь посылаетъ полководца въ важный, отдаленный походъ, гдѣ онъ побѣждаетъ и пріобрѣтаетъ великую славу, то они должны наградить его; если, напротивъ того, его обезчестятъ или обидятъ изъ скупости, если изъ алчности не захотятъ удовлетво-

рить его, то сдѣлаютъ непростительную ошибку и навлекутъ на себя вѣчный позоръ. Между тѣмъ, такъ поступаютъ многіе государи. Корнелій Тацитъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ причину такого образа дѣйствій. Proclivius est injuriae, quàm beneficio vicem exsolvere, quia gratia oneri, ultio in quaestu habetur *). Но когда полководца не награждаютъ, т. е. значитъ, оскорбляютъ не изъ жадности, а по подозрѣнію, тогда народъ или государь заслуживаютъ извиненія. Примѣровъ подобной неблагодарности очень много, потому что полководецъ, доставившій своими подвигами новыя владѣнія своему повелителю, побѣдившій враговъ, покрывшій себя славой и обогатившій своихъ солдатъ, необходимо пріобрѣтаетъ въ глазахъ войска, враговъ и подданныхъ своего государя такую знаменитость, что побѣда его не можетъ быть пріятна пославшему его государю. Такимъ образомъ побѣда полководца возбуждаетъ въ государѣ подозрѣніе, которое не замедлитъ усилиться вслѣдствіе какой-нибудь дерзкой выходки побѣдителя, на какую побѣдитель способенъ, потому что люди вообще по природѣ честолюбивы и подозрительны и никогда не довольствуются своей долей. Государь оказывается въ необходимости оградить себя отъ своего полководца; съ этой цѣлью онъ замышляетъ убить его или лишить его славы, пріобрѣтенной въ глазахъ народа и войска; для этого онъ старается доказать, что побѣда принадлежитъ не достоинствамъ полководца, а случаю, трусости непріятеля или благоразумію другихъ начальниковъ, участвовавшихъ въ сраженіи.

Веспасіанъ, находясь въ Іудеи, былъ провозглашенъ арміей императоромъ. Тогда Антоній Примъ, командовавшій другимъ войскомъ въ Иллиріи, принялъ его сторону, пошелъ въ Италію противъ Вителлія, который царствовалъ въ Римѣ, храбро разбилъ двѣ его арміи и занялъ Римъ; такъ что Муціанъ, посланный Веспасіаномъ, нашелъ, что храбрый Антоній покорилъ все и уничтожилъ всѣ препятствія. Въ награду за это, Муціанъ немедленно лишилъ его командованія войскомъ и мало-по-малу всей власти, ко-

*) Удобнѣе простить избытокъ неблагодарности, чѣмъ избытокъ награжденія, такъ какъ послѣднее приводитъ къ мести.

торую онъ пріобрѣлъ въ Римѣ. Тогда Антоній отправился къ Веспасіану, который былъ еще въ Азіи, но встрѣтилъ такой пріемъ, что въ скоромъ времени умеръ съ отчаянія, будучи лишенъ всѣхъ почестей и сана. Исторія наполнена подобными примѣрами. Такъ въ наше время всѣ знаютъ, съ какимъ умомъ и мужествомъ Гонзальво Кордуанскій завоевалъ королевство неаполитанское въ войнѣ Фердинанда, короля Арагонскаго, противъ французовъ; въ награду за это Фердинандъ, пріѣхавъ изъ Арагоніи въ Неаполь, тотчасъ лишилъ его начальства надъ войскомъ, отнялъ у него всѣ крѣпости и увезъ съ собой въ Испанію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ въ немилости.

Подозрительность такъ свойственна государямъ, что они не могутъ отъ нея отдѣлаться, имъ невозможно быть благодарными людямъ, которые своими побѣдами подъ ихъ знаменами доставили имъ обширныя завоеванія. Если государь не можетъ отдѣлаться отъ подозрительности, то не удивительно и не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, если и народъ не чуждъ ее. Свободное государство имѣетъ двѣ цѣли—дѣлать завоеванія и сохранять свою свободу; но ему не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться крайнимъ пристрастіемъ къ тому или другому. Я скажу въ своемъ мѣстѣ о заблужденіяхъ, проистекающихъ отъ жажды завоеваній. Желаніе же сохранять свободу ведетъ, въ числѣ прочихъ ошибокъ, къ оскорбленію гражданъ, заслуживающихъ награды, къ заподозрѣнію достойныхъ довѣрія. Въ развращенной республикѣ это ведетъ къ большой бѣдѣ и нерѣдко доводитъ ее до тиранніи, какъ было въ Римѣ при Цезарѣ, взявшемъ силою то, въ чемъ ему отказывали по неблагодарности. Но въ республикѣ благоустроенной это служитъ источникомъ благосостоянія и сохраненія свободы, потому что страхъ наказаній дѣлаетъ людей лучшими и обуздываетъ ихъ честолюбіе. Правда, изъ всѣхъ народовъ, достигшихъ владычества, Римъ былъ менѣе всѣхъ неблагодаренъ по причинамъ, которыя мы указали выше,—мы знаемъ только одинъ примѣръ явной неблагодарности съ его стороны,—именно въ отношеніи къ Сципіону. Что же касается Коріолана и Камилла, то они были изгнаны за оскорбленіе народа. Притомъ если постоянная не-

метъ своими войсками крѣпости, подкупитъ начальниковъ своей арміи и отдѣлается отъ тѣхъ, кого не можетъ подкупить; пусть такимъ образомъ онъ накажетъ своего государя за неблагодарность, которую тотъ оказалъ бы ему. Иного пути ему нѣтъ: но, какъ я сказалъ выше, люди не умѣютъ быть ни вполнѣ гнусными, ни вполнѣ честными; поэтому всегда бываетъ, что побѣдившій полководецъ оставить арміи не хочетъ, вести себя скромно не можетъ, поступить рѣшительно и пріобрѣсти себѣ славу такимъ поступкомъ не умѣетъ; онъ всегда колеблется и отстраняется отъ рѣшительнаго шага; а эта то нерѣшительность и губитъ его.

Средство избѣжать порока неблагодарности, которое я предлагаю государю, не относится къ республикѣ; республикѣ нельзя посовѣтывать принять самой начальство надъ арміей, потому что она поставлена въ необходимость ввѣрить войско кому-нибудь изъ гражданъ. Я посовѣтую ей поэтому придерживаться образа дѣйствій римской республики и быть меньше другихъ неблагодарной, что́ зависитъ отъ способовъ управленія. Римляне употребляли на войну всѣхъ гражданъ безъ различія, какъ аристократовъ такъ и плебеевъ; поэтому въ Римѣ всегда было столько доблестныхъ мужей, прославленныхъ многими побѣдами, что народу не было повода опасаться честолюбія одного изъ нихъ, а слѣдовательно и оскорблять его. Они взаимно охраняли народъ другъ отъ друга и до того заботились о сохраненіи своей благонамѣренности и о томъ, чтобы не дать повода заподозрить себя въ честолюбіи, что, достигая диктатуры, полагали свою высшую славу въ скорѣйшемъ сложеніи этого сана. Такой образъ дѣйствій, не возбуждая подозрѣній, не вызывалъ и неблагодарности. Слѣдовательно, республика, не желающая имѣть поводовъ къ неблагодарности, должна подражать Риму, и гражданинъ, желающій избѣжать ударовъ неблагодарности, долженъ слѣдовать примѣру гражданъ римскихъ.

ГЛАВА XXXI.

Римскіе полководцы никогда не подвергались за свои ошибки излишнимъ наказаніямъ; если не способность ихъ или неблагоразуміе навлекали на республику вредъ, то тѣмъ не менѣе они оставались безнаказанны.

Римляне не только, какъ мы сказали выше, были менѣе другихъ республикъ неблагодарны, но и отличались отъ всѣхъ другихъ большимъ снисхожденіемъ и умѣренностью въ наказаніи своихъ полководцевъ. Когда военачальникъ дѣлалъ ошибку изъ злаго умысла, они наказывали его, но человѣчно; если—по незнанію, то нетолько не наказывали, но награждали и почитали. Они считали такой образъ дѣйствій самымъ лучшимъ, потому что полагали, что военачальникамъ ихъ очень важно чувствовать себя совершенно свободными, и не испытывать никакого тревожнаго состоянія, чтобы имѣть возможность въ рѣшеніяхъ своихъ ни передъ чѣмъ не останавливаться; поэтому они не хотѣли увеличивать затрудненій и опасности военачальнической должности и безъ того трудной и опасной; они были убѣждены, что страхъ наказаній можетъ только помѣшать дѣйствовать энергически. Такъ, когда они посылали войско въ Грецію противъ Филиппа Македонскаго, или въ Италію противъ Аннибала, или противъ какого-нибудь народа, уже однажды побѣжденнаго ими, то во всѣхъ этихъ случаяхъ полководцевъ тревожили опасенія и заботы, вслѣдствіе чрезвычайно важныхъ мѣръ, которыхъ требовали обстоятельства. Еслибы, вдобавокъ къ этимъ тревогамъ, римскимъ полководцамъ приходилось безпокоиться мыслью о распятіи или другой подобной казни, въ случаѣ потери сраженія, то они конечно, среди такихъ тревогъ, не могли бы разсуждать и дѣйствовать твердо и спокойно. Вотъ почему римляне не хотѣли подвергать ихъ наказанію, находя, что самый позоръ пораженія

составляетъ уже достаточное наказаніе. Вотъ напримѣръ случай, когда ошибка зависѣла совершенно не отъ незнанія. Сергій и Виргиній стояли передъ Вейями, каждый съ своимъ отрядомъ; Сергій былъ расположенъ съ той стороны, откуда могли придти тосканцы, а Виргиній съ противоположной. Фалиски и другіе народы аттаковали Сергія, который предпочелъ быть разбитымъ и обращеннымъ въ бѣгство, чѣмъ просить помощи у Виргинія. Въ тоже время и Виргиній ждалъ, чтобы Сергій унизился передъ нимъ и предпочелъ скорѣе видѣть безчестье отечества и пораженіе войска, чѣмъ помочь ему. Случай по истинѣ примѣрный и печальный, и римская республика была бы достойна полнаго порицанія, еслибы онъ прошелъ безнаказанно. Но между тѣмъ, какъ всякая другая республика подвергла бы ихъ уголовному наказанію, римляне удовольствовались денежной пеней. Оба вождя конечно заслуживали болѣе строгаго наказанія, но дѣло въ томъ, что римляне, по вышеизложеннымъ причинамъ, и въ этомъ случаѣ не хотѣли отступить отъ своего древняго порядка. Что касается ошибокъ по невѣжеству, то лучше всего примѣръ Варрона: по его безразсудству римляне были разбиты при Каннахъ Аннибаломъ, и самой независимости ихъ грозила крайняя опасность, но такъ какъ вина его состояла не въ зломъ умыслѣ, а въ неспособности, его нетолько не наказали, но почтили и весь сенатъ вышелъ ему на встрѣчу, когда онъ возвращался въ Римъ; за побѣду его нельзя было благодарить, поэтому его благодарили за возвращеніе въ Римъ, и за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи республики. Когда Папирій Курсоръ хотѣлъ казнить Фабія за то, что онъ противъ его приказанія вступилъ въ бой съ Самнитами, отецъ Фабія, въ числѣ другихъ доводовъ противъ намѣренія диктатора, приводилъ то, что римскій народъ ни за одно пораженіе не наказывалъ своихъ полководцевъ такъ, какъ Папирій хочетъ наказать за побѣду.

ГЛАВА XXXII.

Республика или государь не должны медлить пособіемъ народу въ его нуждахъ.

Однажды римляне имѣли случай удачно оказать щедрость народу; это было въ минуту опасности, когда Порсенна подступилъ къ Риму, чтобы возстановить Тарквинія; тогда сенатъ, опасаясь, чтобы народъ не предпочелъ лучше принять царя, чѣмъ выдерживать войну, освободилъ его отъ налога на соль и многихъ другихъ тягостей, сказавъ, что бѣдные окажутъ достаточную пользу отечеству, если прокормятъ самихъ себя и своихъ дѣтей; вслѣдствіе этой щедрости народъ рѣшился терпѣть осаду, голодъ и войну. Но примѣръ этотъ не долженъ никого соблазнять: не должно ждать такой критической минуты, чтобы пріобрѣсти расположеніе народа, потому что едва ли другимъ удастся то, что удалось въ этомъ случаѣ римлянамъ. Если ты будешь ждать нашествія врага, чтобъ оказать народу щедрость, то народъ и сочтетъ себя обязаннымъ не тебѣ, а твоему врагу; онъ будетъ бояться, что по прошествіи опасности ты отнимешь у него вынужденныя необходимостью щедроты, и не будетъ чувствовать къ тебѣ никакой благодарности. Римлянамъ это удалось потому, что государство ихъ было еще новое и не вполнѣ упроченное. При томъ народъ и прежде видѣлъ, что въ пользу его издаются нѣкоторые законы, какъ напримѣръ законъ объ аппеляціяхъ плебея; такимъ образомъ онъ могъ увѣриться, что оказанное ему добро зависѣло не отъ нашествія непріятеля, а отъ искренняго расположенія сената. Наконецъ и память царей была еще слишкомъ свѣжа; еще памятны были ихъ обиды и угнетенія. Но такъ какъ подобныя стеченія обстоятельствъ весьма рѣдки, то и подобная мѣра рѣдко можетъ принести успѣхъ,

Поэтому и республика и государь, должны прежде хорошенько изслѣдовать, когда можетъ съ ними случиться бѣда и кто имъ тогда понадобиться, и выбравъ этихъ людей, надо съ самаго начала поступать съ ними такъ, какъ поступали бы въ минуту крайности. Но въ томъ-то и дѣло, что республики, а особенно государи дѣйствуютъ обыкновенно иначе; но кто разсчитываетъ привязать къ себѣ людей съ наступленіемъ опасности, тотъ ошибается, ибо подобная мѣра не только не обезпечитъ его, но ускоритъ его погибель.

ГЛАВА XXXIII.

Когда внѣ или внутри государства противъ него возстаетъ какая нибудь опасность, полезнѣе избѣгать ее, чѣмъ идти прямо на нее.

По мѣрѣ того, какъ возрастали слава, могущество и власть римской республики, сосѣди ея, не помышлявшіе прежде объ опасности, которою можетъ грозить имъ это новое государство, сознали, но уже поздно, свою ошибку; чтобы пособить бѣдѣ, которую не предотвратили вначалѣ, сорокъ народовъ сговорились противъ Рима. Тогда римляне въ числѣ другихъ мѣръ, которыя они принимали въ минуты опасности, рѣшились назначить диктатора, т. е., дать одному изъ гражданъ такую власть, чтобы онъ могъ принимать рѣшенія, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, и приводить ихъ въ исполненіе безаппеляціонно. Это средство было тогда полезно и дало возможность побѣдить страшную опасность; оно оставалось полезнымъ всегда, во всѣхъ случаяхъ, которые въ разныя времена при возрастаніи республики грозили ей опасностью. Это обстоятельство даетъ, во первыхъ, поводъ сказать, что когда внѣ или внутри республики, по внѣшнимъ или внутреннимъ причинамъ, противъ нее возстаетъ опасность, столь сильная, что внушаетъ страхъ каждому члену общества, гораздо вѣрнѣе избѣгать ее, чѣмъ

пробовать разомъ одолѣть ее. Почти всегда бываетъ, что всѣ попытки уничтожить ее только усиливаютъ ее и ускоряютъ то зло, которымъ оно грозитъ. Подобныя опасности чаще грозятъ республикѣ отъ внутреннихъ, чѣмъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ: онѣ чаще всего зависятъ или оттого, что одного изъ гражданъ допускаютъ овладѣть излишнимъ могуществомъ, или оттого, что начинаетъ приходить въ упадокъ какой-нибудь законъ, составляющій нервъ и жизнь свободнаго гражданскаго быта; злу позволяютъ распространиться до того, что потомъ уже гораздо опаснѣе пытаться помочь ему, чѣмъ вовсе до него не касаться. Подобныя неудобства, тѣмъ труднѣе распознавать съ самаго начала, что людямъ вообще свойственъ благопріятный взглядъ на всякую новизну. Такой взглядъ особенно относится къ поступкамъ, обнаруживающимъ доблесть и совершаемымъ молодыми людьми. Когда въ республикѣ является благородный юноша, обладающій необыкновенными достоинствами, взоры всѣхъ гражданъ обращаются къ нему; его начинаютъ неосторожно превозносить, и если только въ немъ есть честолюбіе, то при помощи своихъ природныхъ качествъ и расположенія согражданъ, онъ занимаетъ такое положеніе, что граждане, очнувшись и увидя свое заблужденіе, не имѣютъ уже возможности обуздать его; все что дѣлается противъ него, только сокращаетъ ему путь къ власти. Можно было бы привести множество примѣровъ этого, но я представлю только одинъ изъ исторіи нашего города. Козимо Медичи, положившій основаніе величію у насъ дома Медичи, достигъ такого значенія,—благодаря расположенію, которое внушали согражданамъ его умъ и собственное ихъ заблужденіе,— что возбудилъ опасеніе во всемъ государствѣ, такъ что прочіе граждане нашли, что если опасно оскорблять его, то еще опаснѣе не воспротивиться ему. Въ это время жилъ Никколо да Уццано, почитаемый человѣкомъ чрезвычайно опытнымъ въ политикѣ; онъ не хотѣлъ допустить, пока живъ, чтобы послѣ первой ошибки, которую сдѣлали, не понявъ опасности, грозящей отъ возвеличенія Козимо, сдѣлали бы и другую—попыткой ниспровергнуть его; онъ былъ убѣжденъ, что такая попытка повлечетъ за собою гибель республики. По смерти его такъ и случилось: граждане забыли его

совѣтъ, возстали всѣми силами противъ Козимо и выгнали его изъ Флоренціи. Но партія его, оскорбленная этой обидой, не замедлила призвать его обратно и сдѣлать главою государство, тогда какъ безъ такого открытаго сопротивленія, онъ никогда не могъ бы занять такого положенія. Тоже было въ Римѣ съ Цезаремъ. Сначала Помпей и другіе прославляли его достоинство, но вскорѣ это расположеніе обратилось въ страхъ: Цицеронъ свидѣтельствуетъ объ этомъ, говоря, что Помпей слишкомъ поздно сталъ бояться Цезаря. Изъ страха они стали помышлять о средствахъ противъ него, а средства эти ускорили паденіе республики. И такъ я говорю, что если въ началѣ трудно разобрать возникающее зло, то это зависитъ отъ пристрастія людей къ новизнѣ; и далѣе, что когда зло обнаружилось, лучше обходить его, чѣмъ идти прямо на встрѣчу ему. Если будемъ избѣгать его, оно или само-собою уничтожится, или, по крайней мѣрѣ, будетъ отсрочено. И такъ, вожди государства должны постоянно не спускать глазъ съ опасностей, которыя хотятъ устранить, ослабить или смягчить; они должны думать, какъ бы не усилить опасность, вмѣсто того, чтобы ослабить ее, какъ бы не навлечь на себя бѣду, стараясь оттолкнуть ее, и поливая растеніе, для его заглушенія, какъ бы этой поливкой не способствовать его росту. Должно тщательно изслѣдовать силу раны: если окажется, что вылечить ее можно—лечи, ни передъ чѣмъ не останавливаясь; иначе оставь и не пытайся. Въ противномъ случаѣ произойдетъ подобное тому, что я разсказалъ, и что постигло сосѣдей Рима. Когда Римъ достигъ такого могущества, сосѣдямъ его было бы гораздо полезнѣе стараться удержать и укротить его мирными способами, чѣмъ войной принуждать къ новымъ оборонительнымъ и наступательнымъ мѣрамъ. Заговоръ ихъ побудилъ римлянъ соединиться тѣснѣе, дѣйствовать смѣлѣе, придумывать новыя средства, которыми въ скоромъ времени они окончательно распространили свою власть. Въ числѣ этихъ средствъ было назначеніе диктатора, что не только устранило сильную опасность для Рима, но и помогло ему уничтожить множество неудобствъ, которыя иначе постоянно вредили бы республикѣ.

ГЛАВА XXXIV.

Диктаторская власть была всегда полезна римской республикѣ и никогда не причиняла ни малѣйшаго вреда: свободѣ бываетъ пагубна только власть, самовольно присвоенная гражданами, а не та, которою они облечены народною волею.

Нѣкоторые писатели порицаютъ римлянъ за учрежденіе диктатуры, которая, по ихъ мнѣнію, сдѣлалась впослѣдствіи причиною тираніи; въ подтвержденіе этого они указываютъ, что первый тиранъ Рима властвовалъ надъ ними съ титуломъ диктатора; они утверждаютъ, что безъ этого учрежденія Цезарь не могъ бы прикрыть свою тиранію именемъ законной общественной власти. Такое разсужденіе ошибочно и происходитъ отъ невнимательнаго разбора фактовъ. Римъ былъ порабощенъ не титуломъ и саномъ диктатора, а тою властью, которую похитили граждане его, чтобы продлить свое владычество; эти похитители придумали бы себѣ другой титулъ, если бы не существовало званія диктатора; при власти легко получить титулъ, но титулъ не даетъ власти. И точно, мы видимъ, что пока званіе диктатора давалось законно, а не присвоивалось произвольно, до тѣхъ поръ это учрежденіе было благомъ для государства. Республикамъ пагубны только должности и власти, установляемыя незаконными путями или средствами; законныя же не могутъ быть пагубны: въ теченіе долгаго времени, римскіе диктаторы приносили только пользу республикѣ. Оно и понятно. Во первыхъ для того, чтобы гражданинъ могъ оскорбить общественную свободу и захватить чрезвычайную власть, необходимо множество условій, которыя невозможны въ республикѣ не развращенной: ему необходимо быть необыкновенно богатымъ и имѣть много приверженцевъ и послѣдователей, что невозможно тамъ, гдѣ

соблюдаются законы; предположивъ даже, что нашелся бы человѣкъ, обладающій всѣми этими условіями, онъ показался бы такъ опасенъ, что общій голосъ былъ бы противъ него. Во вторыхъ, диктаторъ назначался на срокъ, а не пожизненно, и только на то время, пока продолжались обстоятельства, вызвавшія его назначеніе; власть его состояла въ правѣ самому придумывать мѣры для устраненія настоящей опасности, распоряжаться всѣмъ, не спрашиваясь совѣта, и наказывать безаппеляціонно: но онъ не могъ ничего дѣлать противъ установленныхъ государственныхъ порядковъ; онъ не могъ напримѣръ ограничить власть сената или народа, отмѣнить существующіе законы и издать новые. Такимъ образомъ, въ свое кратковременное владычество, онъ не могъ выдти за предѣлы своей власти и повредить республикѣ, будучи ограниченъ чертою закона, нарушить который ему не позволяло гражданское мужество римскаго народа: и дѣйствительно, какъ показалъ опытъ, диктатура была всегда полезна. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ древнихъ римскихъ учрежденій, диктатура — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и наиболѣе способствовавшихъ величію и могуществу Рима; безъ нее государство это едва ли вышло бы благополучно изъ разныхъ опасностей. Въ республикѣ правительственный порядокъ отличается медленностью, потому что ни одинъ совѣтъ и ни одно должностное лицо не можетъ дѣйствовать самостоятельно, будучи принуждены безпрестанно обращаться другъ къ другу; время проходитъ въ этихъ совѣщаніяхъ и соглашеніяхъ, что становится весьма опасно, когда приходится дѣйствовать въ обстоятельствахъ, не терпящихъ отлагательства. Поэтому, подобное учрежденіе въ республикахъ необходимо, и венеціанская республика, лучшая изъ новѣйшихъ, ввѣрила власть небольшому числу гражданъ, которые, въ случаѣ настоятельной надобности, могутъ дѣйствовать, не спрашиваясь чужихъ совѣтовъ. При отсутствіи подобнаго учрежденія, республикѣ неизбѣжно предстоитъ или погибнуть, соблюдая свои установленія, или нарушить ихъ, чтобы не погибнуть. Но вообще республика должна избѣгать такихъ обстоятельствъ, противъ которыхъ нужно дѣйствовать чрезвычайными мѣрами. Ибо хотя бы чрезвычайныя мѣры и помогли въ этихъ случаяхъ, однако при-

мѣръ ихъ всегда дѣйствуетъ вредно; когда позволяетъ себѣ нарушить законы въ видахъ пользы, то потомъ не мудрено уже, что найдутся и такіе, которые нарушатъ ихъ съ злымъ умысломъ. Такимъ образомъ, республика не будетъ совершенна, если въ законахъ ея не предвидѣно всего и не опредѣлены заранѣе средства на всякія обстоятельства, которыя могутъ представиться. Заключимъ, слѣдовательно, что республики, которыя въ минуту опасности не имѣютъ прибѣжища въ диктатурѣ или въ другой подобной власти, должны погибнуть, какъ скоро имъ представится важное затрудненіе.

Замѣчателенъ еще въ этомъ учрежденіи мудрый порядокъ избранія, установленный римлянами. Избраніе диктатора всегда было оскорбительно консуламъ, которые изъ вождей государства внезапно переходили въ такое же подчиненное положеніе, какъ и всѣ прочіе граждане. Предполагая, что это можетъ возбудить раздоры между гражданами, римляне рѣшились ввѣрить выборъ диктатора консуламъ; они полагали, что если Риму встрѣтится надобность въ этой верховной власти, то консулы охотнѣе подчинятся этой необходимости, если она будетъ смягчена для нихъ подобнымъ преимуществомъ. И въ самомъ дѣлѣ, рана и всякій другой ущербъ, который человѣкъ наноситъ самъ себѣ произвольно и обдуманно, гораздо менѣе чувствительны ему, чѣмъ то же зло отъ чужой руки. Въ послѣднее время римляне даже вмѣсто того, чтобы выбирать диктатора, вручали диктатуру консулу формулою: Videat Consul ne Respublica quid detrimenti capiat (консулъ позаботится, да не потерпитъ республика какого-нибудь ущерба).

Возвращаясь къ нашему предмету, скажемъ въ заключеніе, что сосѣди Рима, стараясь подавить его, вызвали въ немъ учрежденія, которыя дали ему возможность не только отстоять себя, но еще съ бо́льшими силами, энергіей и благоразуміемъ дѣйствовать противъ нихъ, съ цѣлью подчинить ихъ себѣ.

ГЛАВА XXXV.

Почему учрежденіе децемвирата въ Римѣ было вредно свободѣ республики, хотя онъ былъ установленъ свободнымъ общественнымъ рѣшеніемъ.

Мы сказали выше, что республикамъ вредна власть насильно присвоенная, а не законно дарованная. Этому повидимому противорѣчитъ избраніе десяти гражданъ, назначенныхъ римскимъ народомъ для составленія законовъ: они сдѣлались тиранами и безсовѣстно похитили общественную свободу. Но здѣсь необходимо обратить вниманіе на способъ и на время дарованія власти. Когда полная власть дается на долго, какъ напримѣръ на годъ и больше, она всегда опасна, и принесетъ хорошія или дурныя послѣдствія, смотря потому, добродѣтельны или нѣтъ люди, которымъ она ввѣрена. Сравнивая власть децемвировъ съ диктаторскою, мы убѣждаемся, что первая была гораздо обширнѣе. Когда назначался диктаторъ, трибуны, консулы и сенатъ сохраняли все свое значеніе, котораго диктаторъ не могъ лишить ихъ; правда, онъ могъ смѣнить консула, исключить изъ собранія сенатора, но не могъ отмѣнить весь сенатъ и установить новые законы. Такимъ образомъ сенатъ, консулы и трибуны, сохраняя свою власть, составляли надзоръ надъ диктаторомъ и могли не допустить его свернуть съ прямаго пути. При назначеніи же децемвировъ дѣло происходило совершенно иначе: консуловъ и трибуновъ отмѣнили, децемвирамъ дали власть издавать законы и вообще поступать самодержавно, со всѣмъ полновластіемъ, принадлежащимъ всему народу. Не имѣя надъ собой ни консуловъ, ни трибуновъ, ни аппеляціи къ народу, не имѣя словомъ надъ собой никакого контроля, они могли на второй годъ сдѣлаться дерзки подъ вліяніемъ честолюбія Аппія. Итакъ необходимо обратить вниманіе, что, утверждая для республики безопасность власти, дарованной народною волею, предполагается, что народъ даетъ ее не иначе, какъ подъ необходимыми условіями и на благоразумный срокъ. Иначе, если по заблужденію или по какой-либо другой причинѣ, побуждающей его, онъ рѣшится дать ее безразсуднымъ образомъ, какъ римскій народъ децемвирамъ, дѣло, конечно, всегда кончится также печально. Это легко доказать разсмотрѣніемъ причинъ, которыя дѣлали диктаторовъ полезными, а децемвировъ сдѣлали вредными; надо обратить еще вниманіе на образъ дѣйствія благоустроенныхъ республикъ, когда имъ случалось ввѣрять власть на долгій срокъ, какъ напримѣръ въ Спартѣ—царямъ, или въ Венеціи—дожамъ; и тамъ и здѣсь мы видимъ, что надъ этими правителями былъ учреждаемъ надзоръ, который не позволялъ царямъ и дожамъ злоупотреблять своею властью. Въ этомъ случаѣ ничего не значитъ, если общество и не развращено, потому что абсолютная власть чрезвычайно быстро развращаетъ общество и пріобрѣтаетъ друзей и приверженцевъ. Человѣку же, облеченному такой властью, нисколько не мѣшаетъ, что онъ бѣденъ и безроденъ, потому что къ нему быстро стекуться богатства и всѣ другія преимущества. Мы увидимъ это подробнѣе, когда будемъ говорить о назначеніи децемвировъ.

ГЛАВА XXXVI.

Граждане, получавшіе высшія должности не должны пренебрегать и низшими.

При консульствѣ Марка Фабія и Кнея Манлія, римляне одержали славную побѣду надъ Вейентами и Этрусками, при чемъ палъ Квинтъ Фабій, братъ консула, въ предшествовавшемъ году самъ

бывшей консуломъ. Примѣръ этотъ даетъ поводъ замѣтить, до какой степени всѣ учрежденія и обычаи Рима служили къ его возвеличенію, и до чего ошибаются всѣ прочіе республики, уклоняющіяся отъ подражанія ему. Не смотря на любовь свою къ славѣ, римскіе граждане никогда не считали для себя унизительнымъ повиноваться ныньче тому, надъ кѣмъ вчера повелѣвали и служить простыми воинами въ войскѣ, надъ которымъ недавно начальствовали. Этотъ обычай совершенно противорѣчитъ взглядамъ, обычаямъ и понятіямъ современныхъ гражданъ. Въ Венеціи напримѣръ существуетъ предразсудокъ, что гражданинъ обезчеститъ себя, если занимая прежде высшую должность, приметъ послѣ того низшую, и правительство позволяетъ гражданамъ на этомъ основаніи уклоняться отъ общественныхъ должностей. Если бы даже это было почетно для частныхъ людей, то для государства это положительно вредно. Республика можетъ гораздо больше надѣяться на человѣка, который съ высшей должности перешелъ на низшую, чѣмъ на того, который возвысился. Послѣднему республика можетъ разумно довѣрять, только въ томъ случаѣ, если его окружаютъ люди, достоинства которыхъ успокоиваютъ недовѣріе, возбуждаемое его неопытностью. Если бы въ Римѣ существовали тѣ же порядки какъ и въ Венеціи и въ другихъ современныхъ республикахъ, если бы напримѣръ, побывавъ консуломъ, гражданинъ не соглашался бы вступить въ войско, иначе какъ снова консуломъ, то гражданскій порядокъ потерпѣлъ бы множество неудобствъ. Новые люди надѣлали бы ошибокъ, и притомъ честолюбіе ихъ разгулялось бы сильнѣе, если бы около нихъ не было людей, внушающихъ имъ опасеніе своимъ опытнымъ взоромъ; такимъ образомъ они стали бы смѣлѣе и менѣе обращали бы вниманія на законы, что конечно принесло бы республикѣ важные ущербы.

ГЛАВА XXXVII.

О смутахъ, возбужденныхъ въ Римѣ аграрнымъ закономъ и о томъ, какъ опасно издавать въ республикѣ законы, имѣющіе обратное дѣйствіе и нарушающіе древнія учрежденія государства.

Древніе писатели замѣчаютъ, что люди жалуются въ несчастіи и быстро пресыщаются въ счастіи; обѣ эти наклонности порождаютъ одинакія слѣдствія. Когда у людей нѣтъ повода враждовать по необходимости, они враждуютъ изъ честолюбія: страсть эта такъ сильна въ душѣ человѣческой, что не покидаетъ людей ни на какой ступени ихъ возвышенія. Это зависитъ отъ того, что природа создала людей со способностью желать всего, но не дала имъ возможности всего достигать; такимъ образомъ желаніе пріобрѣтать всегда превышаетъ силы, которыми можетъ располагать человѣкъ для его удовлетворенія, и отсюда проистекаетъ недовольство своей участью и своимъ положеніемъ, каково бы оно ни было. Это производитъ всѣ перевороты въ судьбѣ людей: желая получить больше, а съ другой стороны опасаясь лишиться того, что имѣютъ, люди доходятъ до вражды и войны; это ведетъ къ упадку однихъ государствъ и къ возвышенію другихъ.

Я говорю все это по поводу поступковъ народа римскаго, который неудовольствовался огражденіемъ себя отъ притязаній аристократіи учрежденіемъ трибуновъ, къ чему его побудила необходимость; едва удовлетворивъ этой настоятельной потребности, онъ сталъ простирать свои виды дальше уже не по необходимости, а по честолюбію, желая раздѣлить съ аристократіей обладаніе почестями и богатствами—двумя преимуществами наиболѣе цѣнимыми людьми. Отсюда возникли смуты, которыя со времени аграрнаго закона заразили, подобно чумѣ, все государство и привели нако-

нецъ къ паденію римской республики. Въ благоустроенномъ государствѣ общество должно быть богато, но отдѣльные граждане бѣдны; въ Римѣ же законъ этотъ не былъ соблюденъ: его не соблюли при самомъ учрежденіи республики, такъ что впослѣдствіи безпрестанно приходилось возвращаться къ устраненію неудобствъ, вызванныхъ этимъ несоблюденіемъ; не будучи установленъ въ самомъ началѣ, законъ этотъ не могъ быть утвержденъ и впослѣдствіи, потому что позднѣе онъ могъ оказаться слишкомъ опаснымъ своимъ обратнымъ дѣйствіемъ; впрочемъ, быть можетъ также, онъ и былъ соблюденъ въ началѣ, но впослѣдствіи искаженъ: какъ бы то ни было, но въ Римѣ о немъ никогда не было слышно до тѣхъ поръ, пока онъ не поколебалъ всего государства.

Аграрный законъ имѣлъ два главныя основанія. Однимъ изъ нихъ было узаконеніе, по которому ни одинъ гражданинъ не могъ имѣть болѣе опредѣленнаго числа югеровъ земли въ своемъ владѣніи; другимъ—служило постановленіе дѣлить между всѣми римскими гражданами земли, завоеванныя у непріятеля.

Эти учрежденія были вдвойнѣ невыгодны для аристократіи: во первыхъ, всѣ имѣвшіе больше состоянія, чѣмъ сколько позволялъ законъ, должны были лишиться излишка, а сюда принадлежало большинство аристократіи; во вторыхъ, аристократамъ пресѣкалась возможность разбогатѣть въ будущемъ, такъ какъ всѣ будущія завоеванія должны были распредѣляться между всѣми гражданами. Поэтому эти узаконенія, направленныя противъ господствующаго класса, который, сопротивляясь имъ, думалъ, что отстаиваетъ общество, возбуждали сильнѣйшія потрясенія всякій разъ, какъ къ нимъ возвращались. Аристократія терпѣніемъ и хитростью старалась предотвратить ихъ и отсрочить, и съ этою цѣлью то начинала войну, то противупоставляла трибуну, предлагавшему подобный законъ, другаго трибуна, то дѣлала мелочныя уступки, то наконецъ, посылала колонію въ область, которую предлагали дѣлить. Такъ напримѣръ, когда возникли пренія о законѣ этомъ по поводу завоеванія Анціума, туда послали римскую колонію, предоставивъ ей владѣніе этой страной. Титъ Ливій, говоря, что въ Римѣ съ трудомъ нашлись люди, согласившіеся отправиться въ

эту колонію, выражается замѣчательнымъ образомъ: онъ говоритъ, что народъ предпочиталъ желать въ Римѣ, чѣмъ обладать въ Анціумѣ. Смуты, возбужденныя этимъ закономъ, волновали Римъ до того времени, пока римское оружіе не проникло до крайнихъ предѣловъ Италіи и за нихъ; послѣ того они, казалось, затихли. Это зависѣло отъ того, что послѣднія завоеванія Рима были далеки и находились въ странахъ, воздѣлывать которыя римскому народу было трудно, вслѣдствіе чего онъ и не такъ желалъ обладать ими. При томъ римляне желали наказывать своихъ враговъ тѣмъ, что, отбирая у нихъ земли, раздавали ихъ колоніямъ. По всѣмъ этимъ причинамъ законъ этотъ находился въ забвеніи до временъ Гракховъ; они, пробудивъ воспоминанія о немъ, погубили этимъ свободу Рима, потому что въ это время враги этого закона успѣли удвоить свое могущество, и онъ воспламенилъ такую ненависть между народомъ и сенатомъ, что дѣло дошло до открытой борьбы и кровопролитія, ниспровергнувшаго весь гражданскій порядокъ. Общественныя власти не могли возстановить спокойствія, и ни одна партія не возлагала на нихъ никакихъ надеждъ; поэтому пришлось прибѣгать къ незаконнымъ средствамъ и обѣ стороны стали помышлять объ избраніи предводителей, которые бы могли защищать ихъ. Среди этихъ смутъ и безпорядковъ слава Марія увлекла народъ, который четыре раза далъ ему консульство, такъ быстро одно за другимъ, что онъ имѣлъ возможность еще три раза самъ овладѣть консульскою властью. Аристократія, угнетаемая имъ, для своего спасенія стала покровительствовать Силлѣ. Онъ сдѣлался главою аристократической партіи, и междоусобіе началось; послѣ страшнаго кровопролитія и многихъ перемѣнъ счастья, аристократія одержала побѣду. Но вскорѣ, при Цезарѣ и Помпеѣ, борьба возобновилась: Цезарь сталъ во главѣ партіи Марія, а Помпей—Силлы, и въ новой борьбѣ Цезарь побѣдилъ. Онъ сдѣлался первымъ тираномъ Рима, который съ тѣхъ поръ никогда уже не видалъ свободы.

Таковы были начало и конецъ аграрнаго закона. Выше мы сказали, что вражда, существовавшая между сенатомъ и народомъ, поддерживала свободу Рима, вызывая законы, благопріятные свободѣ. Этому, повидимому, противорѣчатъ указанныя нами по-

слѣдствія аграрнаго закона. Но противорѣчіе это мнимое. Дѣло въ томъ, что высшіе классы такъ честолюбивы, что неизбѣжно приводятъ государство къ погибели, если не будутъ приняты всѣ мѣры для ихъ униженія. Поэтому, если аграрный законъ и довелъ, въ триста лѣтъ, Римъ до рабства, то съ другой стороны римское общество было бы порабощено гораздо раньше, если бы этимъ закономъ и другими притязаніями народъ не сдерживалъ честолюбія аристократіи. Примѣръ этотъ доказываетъ кромѣ того, что люди больше дорожатъ богатствомъ, чѣмъ почетомъ. Римская аристократія всегда безъ особеннаго сопротивленія уступала народу почести; но когда дѣло коснулось имуществъ, она стала защищать ихъ такъ упорно, что народу для удовлетворенія своего желанія пришлось прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Гракхи были зачинщиками этихъ безпорядковъ. Намѣренія ихъ были прекрасны и достойны похвалы, но дѣйствовали они неблагоразумно. Не благоразумно пытаться отмѣнить неудобство, которое укоренилось въ государствѣ съ самаго его начала, и съ этою цѣлью учреждать законъ, имѣющій такое широкое обратное дѣйствіе, какъ сказано выше; подобныя попытки только ускоряютъ вредъ приносимый этимъ зломъ. Другое дѣло, дѣйствовать осторожно и постепенно: тогда зло или отсрочится, или само собою уничтожится прежде, чѣмъ дойдетъ до крайности.

ГЛАВА XXXVIII.

Слабыя государства дѣйствуютъ нерѣшительно и не умѣютъ избирать опредѣленнаго пути; рѣшаясь на какой нибудь поступокъ, они скорѣе подчиняются необходимости, чѣмъ слѣдуютъ произвольному выбору.

Страшная моровая язва опустошала Римъ. Видя это, Вольски и Эквы сочли, что настало благопріятное время покорить Римъ. Собравъ многочисленное войско, эти народы напали сперва на Латиновъ и Герниковъ. Послѣдніе, видя опустошеніе своей страны,

были принуждены искать помощи Рима. Римляне, удрученные чумою, отвѣчали имъ, чтобы они защищались сами собственными силами, потому что Римъ не можетъ оказать имъ содѣйствія. Здѣсь вполнѣ проявляется великодушіе и благоразуміе сената, который во всѣхъ обстоятельствахъ хотѣлъ сохранить за собою первенство во всѣхъ рѣшеніяхъ подчиненныхъ ему народовъ. При этомъ онъ не боялся принимать рѣшенія, совершенно противоположныя его обычному образу дѣйствій и прежнимъ его поступкамъ, если того требовала необходимость. Дѣло въ томъ, что прежде онъ запретилъ этимъ народамъ вооружаться и самимъ защищать себя. Поэтому другое правительство, не столь мудрое, сочло бы для себя унизительнымъ взять назадъ это запрещеніе. Но римскій сенатъ всегда отличался вѣрнымъ взглядомъ на вещи, всегда предпочиталъ наименѣе опасный путь. Такъ и здѣсь: онъ видѣлъ, какъ вредитъ ему невозможность защитить подданныхъ; онъ видѣлъ, какъ вредно по разнымъ причинамъ, частью указаннымъ, частью понятнымъ сами собою, позволить подданнымъ самимъ взяться за оружіе безъ участія римлянъ; но онъ понималъ, что непріятельское угнетеніе, во всякомъ случаѣ, по необходимости принудитъ ихъ вооружиться и потому, выбирая изъ всѣхъ золъ меньшее, хотѣлъ, чтобы возстаніе ихъ, вызванное нуждою, казалось произведеннымъ по его приказанію. При этомъ онъ имѣлъ также въ виду, что если подданные его будутъ поставлены въ необходимость нарушить его запрещеніе, то впослѣдствіи имъ можетъ вздуматься выйти изъ повиновенія уже не по необходимости, а по своей охотѣ. Повидимому, такъ должны бы дѣйствовать всѣ государства; но слабыя и дурно управляемыя государства не умѣютъ поступать рѣшительно и особенно выходить съ честью изъ крайности. По взятіи Фаэнцы, герцогъ Валентино *) принудилъ Болонью вступить съ нимъ въ соглашеніе. Затѣмъ онъ хотѣлъ вернуться въ Римъ черезъ тосканскую область и послалъ во Флоренцію довѣренное лицо просить прохода для себя и для своихъ

---

*) Цезарь Борджіа.

войскъ. Во Флоренціи происходили совѣщанія о томъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ, и никто не подалъ голоса въ пользу уступки требованіямъ герцога. Такимъ образомъ флорентинцы поступили совершенно не по римски. Войскъ у нихъ не было, и они никакъ не могли воспрепятствовать проходу многочисленной арміи герцога чрезъ ихъ владѣнія. Поэтому имъ было бы гораздо выгоднѣе, если бы онъ прошелъ повидимому съ ихъ разрѣшенія, чѣмъ явно силою. Они были посрамлены, тогда какъ, дѣйствуя иначе, могли бы соблюсти свое достоинство. Но особенно пагубна для слабыхъ государствъ нерѣшительность. Она доводитъ ихъ до того, что все, предпринимаемое ими, вызывается у нихъ силою необходимости, такъ что даже пользу, которую они получаютъ, они пріобрѣтаютъ не мудрыми дѣйствіями своими, а по силѣ вещей. Я могу указать въ этомъ отношеніи на два примѣра, случившіеся въ нашей республикѣ въ 1500 году.

Овладѣвъ Миланомъ, король французскій Людовикъ XII вознамѣрился доставить Пизу флорентинцамъ, чтобы получить съ нихъ 50,000 дукатовъ, обѣщанныхъ ими за возвращеніе этого города. Онъ послалъ противъ Пизы войско, подъ начальствомъ де Бомона, который, хотя и французъ родомъ, пользовался довѣріемъ флорентинцевъ. Этотъ военачальникъ расположилъ свое войско между Касциной и Пизой съ намѣреніемъ осадить послѣднюю. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи его, когда онъ готовился начать осаду, къ нему пришли пизанскіе депутаты и предложили сдать городъ французскому войску съ тѣмъ, чтобы король обѣщалъ не передавать его флорентинцамъ раньше четырехъ мѣсяцевъ. Флорентинцы отвергли это предложеніе, такъ что началась борьба, окончившаяся для нихъ позоромъ. Они отвергли предложеніе пизанцевъ только изъ недовѣрія къ королю, на котораго были принуждены полагаться по своему безсилію. При этомъ они не разсудили, что для нихъ гораздо лучше, чтобы король, овладѣвъ Пизой, могъ уступить ее имъ, или даже, чтобы онъ не отдалъ ее имъ и этимъ обнаружилъ свое вѣроломство; между тѣмъ, не владѣя Пизой, онъ не могъ ничего давать имъ, кромѣ обѣщаній, которыя имъ приходилось покупать цѣною услугъ. Поэтому гораздо полезнѣе было бы

согласиться на сдачу Пизы Бомону, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Опытъ подтвердилъ это въ 1502 году, когда возмутился городъ Ареццо. Король французскій послалъ на помощь флорентинцамъ войско подъ начальствомъ Энбо. Подступивъ къ Ареццо, Энбо вскорѣ началъ съ жителями переговоры, и аретинцы предлагали сдаться на условіяхъ почти одинаковыхъ съ пизанскими. Флорентинцы опять отвергли это предложеніе; но Энбо, видя, что они ничего не понимаютъ, повелъ переговоры помимо ихъ коммисаровъ и, окончивъ ихъ по своему желанію и вступивъ въ Ареццо съ войскомъ, показалъ флорентинцамъ, какъ они безразсудны и какъ мало смыслятъ въ житейскихъ дѣлахъ: онъ показалъ имъ, что для овладѣнія Ареццо, имъ всего удобнѣе было обратится за этимъ къ королю, которому было гораздо легче отдать имъ городъ, когда его заняли уже его войска, чѣмъ когда онъ находился внѣ его власти. Не смотря на это, во Флоренціи бранили и порицали Энбо, и нескоро убѣдились, что если бы Бомонъ дѣйствовалъ подобно ему, то они овладѣли бы и Пизой, какъ Ареццо. Итакъ повторимъ, что нерѣшительныя государства достигаютъ и выгодъ только по силѣ необходимости, потому что безсиліе ихъ не позволяетъ имъ принимать твердыхъ рѣшеній во всѣхъ, сколько нибудь сомнительныхъ обстоятельствахъ, такъ что, не будь необходимости, увлекающей ихъ насильно, они оставались бы въ вѣчной нерѣшимости.

ГЛАВА XXXIX.

Часто одинакія явленія замѣчаются у различныхъ народовъ.

Изучая событія настоящаго и прошедшихъ временъ, мы находимъ, что во всѣхъ государствахъ и у всѣхъ народовъ существовали и существуютъ однѣ и тѣже стремленія и страсти. Не трудно поэтому выводить изъ внимательнаго изслѣдованія прошедшихъ событій заключеніе о томъ, что предстоитъ въ будущемъ

или прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, которыя употреблялись древними. Въ случаѣ, если въ прошломъ не находится примѣровъ нужныхъ средствъ, можно изобрѣтать новыя, руководствуясь сходствомъ обстоятельствъ. Однако во всѣ времена повторяются одни и тѣже бѣдствія и смуты, потому что историческими соображеніями пренебрегаютъ; читающіе исторію не умѣютъ дѣлать изъ нее выводовъ или выводы эти остаются неизвѣстны правителямъ.

Съ 1494 года республика флорентинская лишилась части своихъ владѣній, потеряла между прочимъ Пизу и была поставлена въ необходимость начать войну съ государствами, овладѣвшими ими. Но эти непріятели были могущественны, и потому война не принесла флорентинцамъ ничего, кромѣ огромныхъ издержекъ, которыя послужили поводомъ къ крайнему обремененію народа; это обремененіе возбудило сильныя смуты. Такъ какъ военными дѣйствіями завѣдывали десять гражданъ, называвшіеся Десятью Военными, то противъ нихъ возникло подозрѣніе; народъ счелъ ихъ единственными виновниками войны и сопряженныхъ съ ней расходовъ; народъ думалъ, что, отмѣнивъ учрежденіе этихъ Десяти, онъ уничтожитъ причину войны; вслѣдствіе этого, когда наступилъ срокъ выборовъ въ эти должности, Десяти Военныхъ не избрали и предоставили отнятую отъ нихъ власть Сеньоріи. Мѣра эта оказалась очень вредной; вмѣсто того, чтобы прекратить войну, какъ всѣ надѣялись, она только устранила отъ дѣлъ опытныхъ людей, благоразумно управлявшихъ военными дѣйствіями; по удаленіи ихъ произошли такіе безпорядки, что республика, кромѣ Пизы, лишилась Ареццо и другихъ городовъ. Тогда народъ увидѣлъ свою ошибку и, понявъ, что причина зла не врачъ, а болѣзнь, возстановилъ правленіе Десяти.

Такое же неудовольствіе возникло однажды въ Римѣ противъ консульскаго достоинства. Народъ былъ недоволенъ безпрестанными войнами, недававшими ему отдыха; онъ думалъ, что онѣ возбуждаются честолюбіемъ аристократіи, которая, не имѣя будто бы возможности угнетать плебеевъ въ Римѣ, гдѣ ихъ защищаетъ трибунатъ, нарочно уводитъ ихъ подъ предводительствомъ консуловъ за границу, гдѣ у нихъ нѣтъ защитниковъ и гдѣ поэтому ихъ легче угнетать. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, войны возбуждались

завоевательными стремленіями сосѣдей Рима, желавшихъ покорить его. Но народъ думалъ, что для прекращенія войнъ необходимо отмѣнить консульскую власть или по крайней мѣрѣ, такъ ограничить ее, чтобы она не имѣла никакого вліянія на народъ, ни въ городѣ, ни внѣ его. Трибунъ Терентилъ, первый предложилъ подобный законъ; онъ предложилъ учредить пять должностныхъ лицъ для разсмотрѣнія и ограниченія консульской власти. Это крайне возмутило аристократію, которая сочла униженіемъ государственнаго достоинства попытку лишить ее высшей власти въ республикѣ. Однако трибуны настояли, чтобы консульское достоинство было отмѣнено; послѣ разныхъ неудавшихся мѣръ, рѣшили установить, вмѣсто консуловъ, трибуновъ съ консульской властью, потому что негодованіе народа было обращено не на сущность этой власти, а только на титулъ. Это новое учрежденіе просуществовало довольно долго; но наконецъ римляне поняли свою ошибку и возстановили консуловъ, какъ флорентинцы правленіе Десяти.

ГЛАВА XL.

Объ учрежденіи въ Римѣ дицимвиревъ, о томъ, что было въ этомъ учрежденіи замѣчательнаго: между прочимъ о томъ, что одно и тоже обстоятельство можетъ иногда спасти, а иногда погубить государство.

Намѣреваясь поговорить подробнѣе о событіяхъ, вызванныхъ въ Римѣ учрежденіемъ децемвирата, я считаю нужнымъ разсказать сначала ходъ событій, а потомъ отмѣтить, что въ нихъ особенно заслуживаетъ вниманія. Замѣчательнаго въ событіяхъ этихъ очень много, и особеннаго вниманія заслуживаютъ они со стороны тѣхъ, кто желаетъ спасти свободу республики, и тѣхъ, кто хочетъ поработить ее. Мы увидимъ въ этомъ случаѣ множество ошибокъ, надѣланныхъ сенатомъ и народомъ въ ущебъ сво-

бодѣ и Аппіемъ, главой децемвировъ, въ ущербъ тираніи, которую онъ намѣревался водворить въ Римѣ.

Послѣ продолжительныхъ споровъ и несогласій между народомъ и аристократіей по поводу учрежденія въ Римѣ законовъ, ограждающихъ общественную свободу, было рѣшено послать Спурія Постумія, съ двумя другими гражданами, въ Аѳины для изученія законодательства Солона, которое было предположено принять въ основаніе римскаго законодательства. Посланные отправились въ Аѳины; по возвращеніи ихъ приступили къ избранію гражданъ, которымъ намѣревались поручить разсмотрѣніе и изданіе законовъ: избраны были десять гражданъ на годъ, въ томъ числѣ Аппій Клавдій, человѣкъ умный и безпокойный. Чтобы дать имъ возможность дѣйствовать независимѣе при установленіи законовъ, римляне отмѣнили на время ихъ дѣятельности всѣ прочія общественныя должности, въ томъ числѣ трибуновъ и консуловъ, и запретили аппеляцію къ народному собранію; такимъ образомъ децемвиры сдѣлались вполнѣ владыками Рима.

Аппій присвоилъ себѣ всю власть своихъ сотоварищей, при помощи расположенія, которымъ пользовался въ народѣ: онъ пріобрѣлъ своими заявленіями необыкновенную популярность, хотя всѣ удивлялись такому быстрому и полному перерожденію его и такой рѣзкой перемѣнѣ образа мыслей, такъ какъ прежде онъ всегда считался самымъ заклятымъ врагомъ плебеевъ. Децемвиры правили сначала очень умѣренно и не держали болѣе двѣнадцати ликторовъ, которые обыкновенно ходили впереди ихъ выборнаго предсѣдателя. Хотя они и обладали безусловной властью, но когда имъ случалось судить римскаго гражданина за смертоубійство, они обращались къ народному собранію, и не рѣшались осуждать такихъ преступниковъ собственной властью. Они написали свои законы на десяти таблицахъ и, прежде чѣмъ утвердить ихъ, выставили ихъ на показъ, чтобы всякій могъ прочесть ихъ и подать о нихъ свое мнѣніе; такимъ образомъ, еслибы въ нихъ были открыты какіе-нибудь недостатки, ихъ можно было исправить до окончательнаго утвержденія. Тогда Аппій внушилъ народу убѣжденіе, что для усовершенствованія этого законодательства необходимо дополнить эти десять

таблицъ еще двумя; вслѣдствіе этого народъ продолжилъ власть децемвировъ еще на годъ, народъ сдѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что надѣялся на окончательное уничтоженіе съ этого времени консульской власти, на возможность обходиться въ будущемъ безъ трибуновъ и сдѣлаться самому рѣшителемъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ.

Итакъ, когда было рѣшено вторично избрать децемвировъ, вся аристократія стала добиваться этихъ должностей, особенно Аппій. Онъ такъ усердно заискивалъ расположенія народа, что возбудилъ подозрѣніе своихъ сотоварищей: credebant enim haud gratuitam in tanta superbia comitatem fore [1]). Не надѣясь побѣдить его открыто, они рѣшились прибѣгнуть къ хитрости, и хотя онъ былъ самый младшій изъ нихъ, уполномочили его предложить народу кандидатовъ въ децемвиры; они разсчитывали, что онъ не рѣшится предложить самаго себя, потому что такой поступокъ былъ не слыханъ въ Римѣ и считался въ высшей степени позорнымъ. Ille vero impedimentum pro occasione arripuit [2]). Къ изумленію и негодованію аристократіи, онъ предложилъ себя первымъ, а остальными назначилъ, кого хотѣлъ. Возстановленіе децемвировъ на другой годъ вскорѣ показало народу и сенату ихъ ошибку. Аппій finem fecit ferendae alienae personae [3]), сталъ обнаруживать непомѣрную гордость и вскорѣ увлекъ въ свои виды и товарищей своихъ. Чтобы запугать народъ и сенатъ, они взяли вмѣсто 12 ликторовъ—120. Въ теченіе нѣсколькихъ дней весь городъ былъ въ страхѣ. Децемвиры начали угрожать сенату и угнетать народъ. Если оскорбленный гражданинъ осмѣливался обращаться съ аппеляціей къ народу, они усиливали строгость наказанія. Наконецъ народъ, увидавъ свою ошибку, въ отчаяніи обратилъ свои взоры на аристократію et inde libertatis captare auram, unde servitutem timendo, in eum statum rempublicam adduxerant [4]). Аристократія обрадовалась

---

[1]) Такъ какъ при его тщеславіи, онъ не казался безкорыстнымъ сообщникомъ.

[2]) Онъ же воспользовался препятствіемъ, какъ удобствомъ.

[3]) Сбросилъ съ себя маску лицемѣрія.

[4]) Что и привело республику въ состояніе рабства, такъ какъ народъ туда обратился за свободой, откуда могъ получить только угнетеніе

народному горю, ut ipsi taedio praesentium, consules desiderarent [1]).

Въ это время кончился второй годъ; двѣ дополнительныя таблицы были окончены, но еще не обнародованы. Децемвиры воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы продолжить свою власть, они силой удержали за собой правленіе, расположивъ къ себѣ аристократическую молодежь, которой раздавали конфискованныя имущества казнимыхъ. Quibus donis juventus corrumpebatur, et malebat licentiam suam, quam omnium libertatem [2]). Въ это время сабиняне и вольски объявили войну римлянамъ: страхъ, распространенный этимъ, показалъ децемвирамъ непрочность ихъ власти; безъ сената они не могли вести войны, а созвать сенатъ они считали пагубнымъ для своего господства. Однако необходимость заставила ихъ рѣшиться на это. Когда сенатъ собрался, многіе сенаторы возстали противъ своеволія децемвировъ, особенно Валерій и Горацій. Власть децемвировъ пала бы немедленно, еслибы сенатъ захотѣлъ воспользоваться всѣмъ своимъ значеніемъ. Но изъ зависти къ народу онъ не сдѣлалъ этого, разсчитывая, что децемвиры добровольно откажутся отъ власти и что тогда можно будетъ не возстановлять трибуната. Поэтому было рѣшено начать войну: двѣ арміи выступили въ походъ подъ начальствомъ нѣсколькихъ децемвировъ; Аппій остался управлять въ городѣ. Въ это время онъ возъимѣлъ страсть къ Виргиніи и рѣшился похитить ее; но старикъ Виргиній убилъ дочь, чтобы отнять ее у тирана. Вслѣдствіе этого произошли смуты въ Римѣ и въ войскахъ; народъ и войска соединились и удалились на Священную Гору, гдѣ простояли, пока не отрѣшили отъ должности децемвировъ, не возстановили трибуновъ и консуловъ и не возвратили Риму его древнихъ свободныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, мы видимъ, что зло тираніи произошло въ Римѣ по тѣмъ же причинамъ, которыя возбуждаютъ его всегда во всѣхъ государствахъ,—а именно, отъ излишняго желанія народа быть свободнымъ и отъ излишняго желанія аристократіи властвовать. Когда народная и аристократическая партіи не соглашаются между собой въ пользу изданія закона, ограждающаго свободу, и вмѣсто того начинаютъ, каждая съ своей стороны, выдвигать какую-нибудь новую честолюбивую личность, тогда тотчасъ возникаетъ тиранія. Такъ было и здѣсь: народъ и сенатъ римскіе согласились установить децемвировъ и оба старались дать имъ какъ можно больше власти, съ намѣреніемъ—одинъ—уничтожить этимъ путемъ консуловъ, а другой—трибуновъ. По учрежденіи децемвировъ, народъ, считая Аппія своимъ защитникомъ и врагомъ патриціевъ, началъ возвышать его. Какъ бываетъ всегда, когда народъ впадаетъ въ ошибку, начиная возвышать человѣка, котораго считаетъ способнымъ сломить враговъ его, человѣкъ этотъ, если не глупъ, неизбѣжно дѣлается тираномъ общества. Пользуясь расположеніемъ народа, онъ уничтожитъ знать; сокрушивъ знать, онъ постарается подчинить себѣ народъ, который очутится такимъ образомъ въ рабствѣ и не будетъ имѣть никого, къ кому могъ бы обратиться за помощью. Такъ поступали всѣ, воздвигавшіе тиранію въ республикахъ: еслибы Аппій слѣдовалъ тому же пути, тиранія его болѣе упрочилась бы и не пала бы такъ быстро. Но онъ дѣйствовалъ совершенно противоположнымъ образомъ и въ высшей степени безразсудно: для удержанія за собой тиранической власти, онъ сдѣлался врагомъ тѣхъ, кто доставилъ ему эту власть и кто могъ сохранить ему ее; и наоборотъ, онъ заключилъ дружбу съ тѣми, кто ни мало не способствовалъ дарованію ему этой власти и не имѣлъ никакой возможности помочь ему удержать ее. Такимъ образомъ онъ потерялъ расположеніе истинныхъ друзей своихъ и безразсудно искалъ дружбы тѣхъ, кто никогда не могъ быть его другомъ. Онъ забылъ, что хотя аристократы любятъ властвовать, но тѣ изъ нихъ, которые сами не участвуютъ въ тираніи, всегда враги тирановъ, и тиранъ никогда вполнѣ не расположитъ ихъ къ себѣ, потому что честолюбіе и алчность ихъ безграничны: какими бы богатствами, почестями не располагалъ тиранъ, онъ никогда не удовлетворитъ ихъ всѣхъ. Поэтому Аппій сдѣлалъ очевидную ошибку, покинувъ народную партію и сблизившись съ аристократіей:

[1]) Такъ какъ сами, тяготясь существовавшимъ положеніемъ дѣлъ, желали назначенія консуловъ.

[2]) Юношество развращалось отъ такихъ даровъ, и дорожило своимъ произволомъ гораздо болѣе, чѣмъ всякой свободой.

кромѣ всего сказаннаго, онъ упустилъ изъ виду даже то, что кто желаетъ угнетать, долженъ сперва сдѣлаться сильнѣе тѣхъ, кого намѣренъ подчинить себѣ. Тираны, имѣющіе за себя большинство, противъ себя только аристократію, гораздо обезпеченнѣе; насиліе ихъ поддерживается большинствомъ, между тѣмъ какъ тираны, имѣющіе противъ себя народъ, а за себя знать, слабѣе своихъ противниковъ. Когда большинство расположено къ тиранамъ, они могутъ удерживаться даже противъ внѣшнихъ враговъ, какъ напримѣръ Набисъ, тиранъ спартанскій, когда противъ него поднялись вся Греція и Римъ: обезпечивъ себя со стороны небольшаго числа аристократовъ и увѣренный въ расположеніи народа, онъ не побоялся защищаться, тогда какъ, будь противъ него большинство, онъ не могъ бы рѣшиться на это такъ смѣло.

Когда въ своемъ государствѣ тиранъ имѣетъ мало приверженцевъ, ему надо искать внѣшнихъ друзей. Внѣшняя помощь можетъ быть трехъ родовъ: во-первыхъ, иностранные наемники, охраняющіе особу тирана; во-вторыхъ, вооруженные поселяне, исполняющіе тоже, что должны бы были дѣлать граждане; въ-третьихъ, союзныя сосѣднія государства. Кто можетъ располагать этими вспомогательными средствами, можетъ избѣжать паденія даже при враждѣ къ нему всего народа. Аппій же не могъ расположить къ себѣ поселянъ, которые были за одно съ гражданами Рима; иного, что могъ бы сдѣлать, — не съумѣлъ, такъ что палъ при самомъ началѣ.

При учрежденіи децемвировъ, сенатъ и народъ совершили величайшія ошибки. Хотя, говоря о власти диктатора, я сказалъ, что свободѣ могутъ вредить только тѣ должностныя лица, которыя сами овладѣваютъ властью, а не тѣ, которыхъ назначаетъ народъ; однако, установляя ихъ, народъ долженъ принять мѣры, чтобы они не могли безбоязненно измѣнять ему. Децемвировъ слѣдовало подчинить строжайшему надзору для удержанія ихъ въ предѣлахъ долга; римляне не соблюли этого. Напротивъ того, децемвиры сдѣлались единственнымъ правительственнымъ учрежденіемъ въ Римѣ, такъ какъ всѣ прочія были отмѣнены, потому что, какъ сказано выше, сенатъ ослѣпляло желаніе уничтожить

трибуновъ, а народъ—консуловъ; такимъ образомъ, увлекаясь своими расчетами, какъ сенатъ, такъ и народъ одинаково способствовали возбужденію безпорядковъ. Люди, какъ говорилъ король Фердинандъ, похожи на мелкихъ хищныхъ птицъ, которыя такъ увлекаются преслѣдованіемъ добычи, что не замѣчаютъ, какъ на нихъ готовится кинуться и убить ихъ другая, болѣе сильная птица. Итакъ, мы видѣли ошибки римскаго народа, хотѣвшаго спасти свободу, и Аппія, желавшаго овладѣть тираніей.

ГЛАВА XLI.

Безразсудно и безполезно рѣзко переходить отъ уничиженія къ высокомѣрію и отъ кротости къ жестокости.

Въ числѣ многихъ другихъ ошибокъ, надѣланныхъ Аппіемъ при стараніи его удержать за собой тиранію, надо замѣтить и слишкомъ крутой поворотъ въ его образѣ дѣйствій. Онъ дѣйствовалъ благоразумно, когда хитро старался пріобрѣсти расположеніе народа, прикидываясь его доброжелателемъ; умно также поступилъ онъ при возобновленіи децемвировъ, когда, вопреки убѣжденію аристократіи, смѣло предложилъ самъ себя; также благоразумно было и то, что онъ назначилъ остальными децемвирами своихъ сторонниковъ; но безразсудно было послѣ перваго успѣха такъ рѣзко измѣнять свой образъ дѣйствій и изъ дружескихъ отношеній къ народу перейти во враждебныя; изъ добродушнаго—обратиться въ гордеца, изъ сговорчиваго—въ упрямца; и притомъ такъ быстро впасть въ пороки, противоположные качествамъ, которыя самъ обнаруживалъ въ началѣ, что коварство его сдѣлалось очевидно каждому. Кто прикидывался нѣкоторое время добродѣтельнымъ и потомъ захочетъ для своихъ цѣлей явиться гнуснымъ, тотъ долженъ соблюдать при этомъ постепенность; надо умѣть пользоваться случаями такъ, чтобы, когда перемѣна въ образѣ дѣйствій лишитъ человѣка прежнихъ его связей, онъ могъ бы уже опереться на новыя, чтобы

власть его не понесла ущерба; иначе, онъ останется одинъ, безъ друзей и погибнетъ.

ГЛАВА XLII.

Какъ легко люди развращаются.

Говоря о децемвиратѣ, замѣтимъ еще, какъ легко люди развращаются и измѣняются, хотя бы по природѣ и по воспитанію были склонны къ добру. Молодежь, которою окружилъ себя Аппій, предалась тираніи за ничтожныя выгоды, доставленныя ей тираномъ. Точно такъ Квинтъ Фабій, членъ втораго децемвирата, человѣкъ вполнѣ превосходный, но ослѣпленный честолюбіемъ и увлеченный коварствомъ Аппія, совершенно развратился и сдѣлался достойнымъ сподвижникомъ этого злодѣя. Подобные факты, если на нихъ обратить вниманіе, должны побудить законодателей республикъ или государствъ обуздывать человѣческія страсти, лишая ихъ надежды вредить безнаказанно.

ГЛАВА XLIII.

Кто сражается для собственной славы, тотъ бываетъ воиномъ храбрымъ и вѣрнымъ.

Исторія децемвирата показываетъ намъ еще разницу между арміей, довольной и сражающейся для собственной славы и войскомъ, недовольнымъ и воюющимъ для чужихъ, честолюбивыхъ цѣлей. Мы видимъ, что римскія войска, всегда побѣдоносныя при консулахъ, при диктаторахъ постоянно терпѣли пораженія. Примѣръ этотъ отчасти доказываетъ безполезность наемныхъ войскъ,

которыя не имѣютъ инаго побужденія служить вѣрно, кромѣ получаемой ими небольшой платы. Очевидно, что плата эта не можетъ настолько привязать ихъ къ нанимателю, чтобы они готовы были умереть за него. Между тѣмъ, если въ войскѣ каждый не преданъ своему начальнику до готовности умереть за него, то такое войско не устоитъ передъ сколько-нибудь мужественнымъ врагомъ. Но такая преданность и такое усердіе могутъ существовать только въ гражданахъ; поэтому республика или государство должны вооружать собственныхъ подданныхъ, какъ было у всѣхъ народовъ, совершавшихъ великія завоеванія. При децемвирахъ римскіе воины были храбры не меньше обыкновеннаго; но они не могли совершать своихъ обычныхъ подвиговъ, потому что въ нихъ не было прежняго духа. За то, едва децемвиры были низвергнуты и воины снова сдѣлались свободными гражданами, въ нихъ возродился прежній духъ, и усилія ихъ стали по прежнему увѣнчиваться успѣхомъ.

ГЛАВА XLIV.

Толпа безъ вождя не можетъ ничего сдѣлать; не должно сперва грозить, а потомъ искать власти.

Римскій народъ, возмущенный происшествіемъ съ Виргиніей, вооружился и собрался на Священной Горѣ. Сенатъ послалъ къ нему депутатовъ спросить, по какому праву онъ покинулъ своихъ вождей и удалился на Гору. Власть сената была въ такомъ уваженіи, что въ народѣ не нашлось никого, кто взялъ бы на себя смѣлость отвѣчать ему. Титъ Ливій замѣчаетъ, что дѣло было не въ томъ, что народу нечего было отвѣтить, а въ томъ, что некому было отвѣчать. Это доказываетъ, какъ безсильна была толпа безъ вождя. Виргиній сообразилъ это, и по совѣту его было назначено двадцать военныхъ трибуновъ для перегово-

ровъ съ сенатомъ. Народъ просилъ, чтобы сенатъ прислалъ къ нему Валерія и Горація, которымъ онъ хотѣлъ сообщить свою волю; но эти два сенатора не пошли, пока не принудили децемвировъ сложить власть; прійдя потомъ на Гору, гдѣ былъ народъ, они спросили его, чего онъ желаетъ. Тогда народъ потребовалъ назначенія народныхъ трибуновъ, установленія апелляціи къ народу противъ всѣхъ должностныхъ лицъ и выдачи ему децемвировъ, которыхъ онъ хотѣлъ сжечь живьемъ. Валерій и Горацій одобрили первыя требованія, но послѣднее назвали гнуснымъ, сказавъ: Crudelitatem damnatis, in crudelitatem ruitis (за жестокость осуждаете а сами жестокость хотите совершить). Они посовѣтовали народу не говорить болѣе о децемвирахъ, а постараться лучше возвратить себѣ захваченную ими власть, что дастъ вѣрное средство утолить месть.

Это доказываетъ, какъ глупо и безразсудно говорить, прося чего-нибудь: я намѣренъ употребить это вамъ во вредъ. Никогда не слѣдуетъ обнаруживать такимъ образомъ своихъ намѣреній, а должно всячески стараться получить желаемое. Напримѣръ, прося у кого-нибудь оружія, не слѣдуетъ говорить: я хочу тебя убить имъ; а когда получишь оружіе въ руки, тогда можешь исполнить свое желаніе.

ГЛАВА XLV.

Кто несоблюдаетъ законъ, особенно имъ самимъ изданный, подаетъ этимъ дурной примѣръ; правителю чрезвычайно опасно часто оскорблять граждан.

Когда согласіе возстановилось, и Римъ возвратился къ прежнему своему порядку, Виргиній потребовалъ Аппія къ народному суду. Аппій пришелъ въ сопровожденіи множества патриціевъ. Виргиній приказалъ посадить его въ тюрьму. Аппій началъ кричать и обращаться къ народу. Виргиній сказалъ на это, что онъ не

имѣетъ права апелляціи, потому что самъ отмѣнилъ его и не можетъ разсчитывать на народную защиту, потому что слишкомъ оскорбилъ народъ. Аппій возразилъ, что нельзя нарушать права апелляціи, которое такъ сильно желали возстановить. Несмотря на это, его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ убилъ себя до суда. Хотя преступленія Аппія заслуживали всякой казни, тѣмъ не менѣе въ отношеніи его поступили дурно, нарушивъ законъ только что изданный. И вообще чрезвычайно дурно, когда въ республикѣ установляется законъ и не соблюдается, а тѣмъ болѣе когда его нарушаетъ тотъ, кто установилъ. Во Флоренціи послѣ 1494 г. государственное устройство было преобразовано подъ вліяніемъ брата Джироламо Савонаролы, сочиненія котораго доказываютъ его ученость, умъ и добродѣтель. Въ числѣ постановленій, ограждавшихъ гражданскую свободу, былъ установленъ законъ, дозволявшій апеллировать къ народу на приговоры, произнесенные совѣтомъ Восьми и Сеньоріи за государственныя преступленія. Законъ этотъ прошелъ съ большими затрудненіями и послѣ долгой борьбы. Но едва онъ былъ утвержденъ, какъ Сеньорія приговорила къ смерти пятерыхъ гражданъ за государственныя преступленія, и когда они хотѣли апеллировать, имъ не позволили этого, нарушивъ такимъ образомъ законъ. Это обстоятельство больше всего повредило значенію брата Джироламо: потому что, если право апелляціи было полезно, его слѣдовало уважать; если же оно было безполезно, то его не стоило такъ упорно отстаивать. Кромѣ того замѣтили, что во всѣхъ послѣдующихъ проповѣдяхъ своихъ онъ никогда не обвинялъ и не оправдывалъ нарушителей этого закона,—не желая осуждать ихъ поступокъ, потому что онъ былъ ему выгоденъ, и не имѣя возможности оправдать его. Это обнаружило все его честолюбіе и пристрастіе, повредило его репутаціи и подвергло порицанію.

Чрезвычайно вредно также для государства, если въ гражданахъ безпрестанно возбуждается неудовольствіе преслѣдованіями, направленными противъ большаго числа лицъ. Такъ было въ Римѣ послѣ паденія децемвировъ. Всѣ децемвиры и многіе другіе граждане подверглись въ разное время обвиненію и осужденію, такъ

что вся аристократія пришла въ смятеніе, не видя конца этимъ осужденіямъ и ожидая, что преслѣдованія кончатся только съ истребленіемъ всѣхъ патриціевъ. Такое положеніе дѣлъ непремѣнно произвело бы въ городѣ величайшіе безпорядки, если бы ихъ не предупредилъ трибунъ Маркъ Дуэллій изданіемъ эдикта, которымъ воспрещалось въ теченіе года обвинять кого бы то ни было изъ римскихъ гражданъ. Это успокоило аристократію. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ гибельно для республики или для государя держать подданныхъ въ постоянномъ страхѣ, грозою казней и оскорбленія. Болѣе опаснаго положенія дѣлъ нельзя, конечно, и придумать: люди, которымъ приходится постоянно трепетать за себя, рѣшаются наконецъ на все, чтобы оградить себя отъ опасности; смѣлость ихъ увеличивается, и они не задумываются ни передъ какими покушеніями. И такъ, слѣдуетъ или вовсе не обижать никого, или удовлетворить своей злобѣ и ненависти однимъ ударомъ, а потомъ успокоить людей и возвратить имъ увѣренность въ безопасности.

ГЛАВА XLVI.

Люди перескакиваютъ отъ одного честолюбиваго замысла къ другому; сперва желаютъ только оградить себя отъ обидъ, а потомъ хотятъ сами сдѣлаться угнетателями.

Итакъ римскій народъ возвратилъ себѣ свободу и прежній порядокъ. Онъ пріобрѣлъ даже новыя права и многіе законы, которыми власть его упрочилась; можно было основательно ожидать, что теперь Римъ успокоится. Но опытъ доказалъ противное; вскорѣ возникли новые смуты и раздоры. Титъ Ливій чрезвычайно умно разбираетъ причину этихъ безпорядковъ, такъ что я приведу подлинныя слова его: народъ и аристократія,—говоритъ онъ,—становились тѣмъ высокомѣрнѣе, чѣмъ меньше встрѣчали другъ у друга притязаній; если народъ велъ себя скромно и спокойно оставался въ предѣлахъ своихъ правъ, знатная молодежъ начинала оскорблять его, и трибуны не только не могли воспрепятствовать этому, но и сами терпѣли оскорбленія. Съ другой стороны, патриціи хотя находили поведеніе своей молодежи слишкомъ заносчивымъ, но не препятствовали ей, находя, что если переступать законные предѣлы, то пусть лучше переступаютъ люди ихъ партіи, чѣмъ народъ. Такимъ образомъ, желáніе обѣихъ партій защитить свою свободу приводило къ тому, что каждая изъ нихъ то угнетала, то терпѣла иго. Это вполнѣ въ порядкѣ вещей, потому что люди, стараясь отстранить отъ себя грозящую опасность, всегда начинаютъ сами грозить; обиду, отъ которой они хотятъ избавиться, стараются нанести своему противнику, какъ будто нѣтъ инаго выбора, какъ терпѣть угнетеніе или угнетать. Это служитъ, между прочимъ, одной изъ причинъ разрушенія республикъ и показываетъ, что люди отступаютъ отъ одного честолюбиваго замысла только для того, чтобы преслѣдовать другой; это доказываетъ также справедливость изрѣченія, приписываемаго Салюстіемъ Цезарю: Quod omnia mala exempla bonis initiis orta sunt (всякое зло имѣетъ началомъ добро).

Какъ сказано выше, граждане, замышляющіе въ республикѣ честолюбивые планы, стараются прежде всего обезпечить себя отъ обидъ не только со стороны частныхъ лицъ, но и должностныхъ; съ этой цѣлью они стараются пріобрѣсти приверженцевъ путемъ, по видимому, честнымъ, оказывая напримѣръ денежную помощь или покровительство противъ сильныхъ; такой образъ дѣйствій кажется всѣмъ весьма достойнымъ, располагаетъ къ нимъ каждаго, такъ что никто не думаетъ принять заблаговременно мѣры противъ зла. Честолюбцы безпрепятственно достигаютъ значенія, такъ что частные люди начинаютъ бояться ихъ, а власти—уважать. Достигнувъ такого положенія и не встрѣтивъ съ самаго начала препятствія своему возвышенію, они пріобрѣтаютъ такое могущество, что становится въ высшей степени опаснымъ пытаться низвергнуть ихъ. Выше я уже указывалъ на эту опасность, говоря о невозможности уничтожить зло, крѣпко укоренившееся въ государствѣ. Такимъ образомъ дѣла приходятъ въ такое

положеніе, что приходится искоренять зло уже съ опасностью общей, внезапной гибели; или терпѣть его, подчиниться общему рабству и ожидать освобожденія только отъ смерти или другаго подобнаго случая. Когда дѣло дошло до того, что граждане и даже власти боятся обидить честолюбца и его приверженцевъ, то не мудрено, что вскорѣ они начнутъ подчиняться его прихоти даже въ судебныхъ рѣшеніяхъ и приговорахъ. Вотъ почему въ числѣ учрежденій республики необходимъ надзоръ за тѣмъ, чтобы подъ видомъ добра, граждане не могли дѣлать зло, и чтобы они не могли пріобрѣтать значеніе въ ущербъ свободѣ. Впрочемъ мы еще поговоримъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА XLVII.

Хотя люди часто ошибаются въ общихъ вопросахъ, но въ частныхъ, ошибаются рѣдко.

Какъ мы сказали, римскому народу опротивѣло имя консуловъ; онъ хотѣлъ, чтобы власть ихъ была ограничена и чтобы въ эту должность выбирались плебеи. Патриціи не желая безчестить консульскій санъ ни тою, ни другою изъ этихъ мѣръ, придумали средній путь и согласились учредить четырехъ трибуновъ съ консульскою властью съ тѣмъ чтобы этими трибунами могли быть и плебеи и патриціи. Народъ былъ чрезвычайно доволенъ, думая, что уничтожилъ консульство и пріобрѣлъ право достигать высшихъ почестей. Но тутъ произошло замѣчательное обстоятельство: когда приступили къ выбору трибуновъ, народъ римскій выбралъ все патриціевъ, хотя могъ бы выбрать однихъ плебеевъ. Титъ Ливій говоритъ по этому поводу: Quorum comitiorum eventus docuit, alios animos in contentione libertatis et honoris, alios secundum deposita certamina in incorrupto judicio esse (событіе этихъ выборовъ показало, что иное дѣло судить объ условіяхъ свободы и чести, иное

разсуждать о насущныхъ предметахъ, гдѣ сужденіе всегда безошибочно). Дѣйствительно, разсматривая это обстоятельство, мы находимъ, что оно зависитъ отъ того, что люди гораздо рѣже ошибаются во взглядѣ на частный случай, чѣмъ въ сужденіяхъ объ общихъ вопросахъ. Такъ народу римскому казалось, что онъ вполнѣ заслуживаетъ консульства, потому что онъ составляетъ большинство въ городѣ, больше подвергается опасности на войнѣ, потому что своими руками сохранилъ свободу Рима и сдѣлалъ его могущественнымъ. Считая поэтому притязанія свои весьма основательными, онъ всячески добивался этой власти. Но когда ему пришлось въ частности судить о людяхъ, онъ увидѣлъ, что въ его средѣ нѣтъ никого достойнаго той почести, которой въ общей массѣ онъ казался вполнѣ заслуживающимъ. Въ частности онъ позналъ неспособность всѣхъ людей его партіи и, стыдясь себя, обратился къ людямъ, истинно заслуживающимъ выбора. Справедливо восхищенный такимъ поступкомъ, Титъ Ливій восклицаетъ: Hanc modestiam, aequitatemque et altitudinem animi, ubi nunc in uno inveneris, quae tunc populi universi fuit (не заслужилъ ли этотъ народъ подобною скромностью, правосудіемъ и возвышенностью души, быть властелиномъ міра)? Въ подтвержденіе этого я приведу другой замѣчательный примѣръ, а именно событія въ Капуѣ послѣ пораженія римлянъ Аннибаломъ при Каннахъ. Это пораженіе подняло всю Италію; сама Капуя готова была возстать; такъ сильна была ненависть народа къ сенату. Въ это время главнымъ правительственнымъ лицомъ въ Капуѣ былъ Пакувій Каланъ: понявъ какой опасностью грозятъ городскія смуты, онъ постарался примирить народъ съ патриціями. Съ этою цѣлью онъ созвалъ сенатъ, представилъ ему, какъ ненавидитъ его народъ и можно опасаться, чтобы плебеи не умертвили сенаторовъ и не предали, вслѣдствіе пораженія римлянъ, городъ Аннибалу. Онъ прибавилъ, что если сенатъ предоставитъ ему распорядиться по своему, онъ примиритъ его съ народомъ; но предупредилъ сенаторовъ, что для этого ему надо запереть ихъ во дворецъ, потому что спасти ихъ можно только увѣривъ народъ, что они будутъ наказаны. Сенаторы согласились послѣдовать его совѣту; тогда Пакувій созвалъ

народъ, заперевъ сенаторовъ во дворцѣ. Онъ сказалъ народу, что настало время обуздать высокомѣріе патриціевъ и отмстить имъ за всѣ понесенныя отъ нихъ обиды; что съ этою цѣлью онъ приказалъ взять весь сенатъ подъ стражу; но такъ какъ онъ не полагаетъ, чтобы народъ хотѣлъ остаться вовсе безъ правительства, то считаетъ нужнымъ приступить къ избранію новыхъ сенаторовъ, если прежнихъ положено казнить. Потомъ онъ представилъ народу мѣшокъ съ именами всѣхъ сенаторовъ, объяснивъ, что будетъ вынимать при всѣхъ одно имя за другимъ, и каждый сенаторъ, чье имя вынется, будетъ тотчасъ предаваться смерти, какъ только ему изберутъ преемника. За тѣмъ онъ вынулъ и прочелъ имя одного сенатора; тотчасъ поднялся громкій ропотъ; народъ кричалъ, называя этого сенатора человѣкомъ надменнымъ, жестокимъ и дерзкимъ. Пакувій спросилъ, кого же народъ назначаетъ на его мѣсто; въ толпѣ водворилось молчаніе; черезъ нѣсколько минутъ кто-то предложилъ въ кандидаты одного плебея; имя это возбудило смѣхъ, свистки, разныя злословія и дурные толки на счетъ названнаго; точно также были встрѣчены имена всѣхъ другихъ кандидатовъ: ни одинъ изъ нихъ не былъ признанъ достойнымъ сенаторскаго сана. Воспользовавшись этимъ, Пакувій сказалъ: и такъ, вы находите, что городъ не можетъ оставаться безъ сената, но не можете придумать кого выбрать на мѣсто прежнихъ сенаторовъ; поэтому совѣтую вамъ помириться съ ними; они теперь такъ запуганы, и страхъ такъ укротилъ ихъ спѣсь, что вы найдете въ нихъ людей на столько сговорчивыхъ, на сколько желаете. Народъ послѣдовалъ этому совѣту, согласье было возстановлено, и такимъ образомъ, при частномъ разборѣ лицъ, толпа сама увидѣла ошибку, которую хотѣла сдѣлать, какъ общую мѣру. Вообще народы заблуждаются, судя о предметахъ и событіяхъ съ общей точки зрѣнія и замѣчаютъ свою ошибку только при разборѣ ихъ въ частностяхъ.

Въ 1494 году во Флоренціи произошло изгнаніе важнѣйшихъ гражданъ; послѣ того правильнаго правительства не существовало; дѣла находились въ анархическомъ состояніи и были предоставлены на произволъ перваго честолюбца. Положеніе государства

съ каждымъ днемъ становилось все хуже; народъ видѣлъ приближеніе паденія государства, но приписывалъ его, не понимая другихъ причинъ, честолюбивымъ замысламъ какого-нибудь сильнаго лица, которое будто бы поддерживаетъ безпорядки, чтобы воспользоваться ими для подавленія свободы и установленія тираніи. Недовольные устраивали собранія тайныя и на площадяхъ, бранили многихъ гражданъ и грозили обнаружить ихъ козни и подвергнуть ихъ наказанію, если попадутъ въ члены правительства. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно достигали высшей правительственной власти; но занявъ высокое положеніе, откуда можно было разсмотрѣть вещи ближе, они узнавали причину безпорядковъ, видѣли опасности, грозившія отъ нихъ, и трудность пособить дѣлу. Они убѣждались, что причина смутъ кроется не въ людяхъ, а въ обстоятельствахъ, и вслѣдствіе этого совершенно перемѣняли свой образъ дѣйствій и заговаривали въ иномъ духѣ: такимъ образомъ, узнавая дѣло въ частностяхъ, они освобождались отъ того ошибочнаго взгляда, который имѣли, когда судили вообще; за то общество, слышавшее ихъ рѣчи, когда они были частными людьми, и видя, что, сдѣлавшись правителями, они ничего не дѣлаютъ,—приписывало это не болѣе близкому и вѣрному ихъ знакомству съ дѣлами, а интригамъ и подкупу. Это случалось такъ часто, имѣло столько примѣровъ, что явилась наконецъ поговорка: у этихъ людей двѣ головы—одна для площади, другая для дворца. Соображая все сказанное, мы видимъ, что легко открыть глаза народу, когда онъ судитъ ошибочно: для этого стоитъ только найти средство показать ему вопросъ въ частностяхъ, какъ сдѣлалъ Пакувій въ Капуѣ и сенатъ въ Римѣ. Замѣчу еще, что умному человѣку нѣтъ причины избѣгать народнаго сужденія въ частныхъ вопросахъ, какъ наприм. въ дарованіи ему какого-нибудь званія или должности, потому что въ этихъ вещахъ народъ не ошибается, а если и ошибается, то очень рѣдко, по крайней мѣрѣ гораздо рѣже всякаго малочисленнаго собранія, которому была бы поручена раздача должностей и званій. Не лишнее будетъ разсмотрѣть въ слѣдующей главѣ, какимъ образомъ сенатъ руководилъ народомъ при выборахъ.

ГЛАВА XLVIII.

Чтобы не допустить къ какой нибудь должности человѣка презрѣннаго или неспособнаго, надо выставить въ соперники ему лицо еще болѣе жалкое и неспособное, или же, напротивъ того, самаго благороднаго и надежнаго человѣка.

Когда римскій сенатъ опасался, чтобы въ консульскіе трибуны не попалъ кто нибудь изъ плебеевъ, онъ прибѣгалъ къ одной изъ двухъ слѣдующихъ мѣръ: или выставлялъ въ кандидаты самыхъ знаменитыхъ гражданъ Рима; или подкупалъ какого-нибудь безчестнаго и опозореннаго плебея, поручая ему втереться въ число плебейскихъ кандидатовъ и просить у народа трибунской власти за одно съ этими уважаемыми людьми. Мѣры эти всегда увѣнчивались успѣхомъ: въ первомъ случаѣ народъ совѣстился отказать, а во второмъ стыдился признать своихъ кандидатовъ. Это также подтверждаетъ вышесказанное, что если народъ ошибается въ общихъ вопросахъ, то не ошибается въ частныхъ.

ГЛАВА XLIX.

Если государство, свободное съ самаго своего основанія подобно Риму, съ трудомъ установляетъ законы, охраняющіе его свободу, то для государствъ, порабощенныхъ съ самаго начала, свобода почти невозможна.

Судьбы римской республики доказываютъ, какъ трудно устроить свободное государство, гдѣ всѣ законы клонились бы къ охраненію свободы. Римъ имѣлъ много законовъ: начиная съ Ромула, —Нума, Туллъ Гостилій, Сервій и наконецъ 10 гражданъ, избранныхъ для этой цѣли, постоянно занимались его законодательствомъ, и тѣмъ не менѣе безпрестанно обнаруживались пробѣлы; возникали потребности, вызывавшія установленіе новыхъ законовъ. Такъ напримѣръ возникло учрежденіе цензоровъ—этотъ могущественнѣйшій оплотъ римской свободы во все время свободнаго существованія Рима. Цензора, сдѣлавшись верховными блюстителями общественной и частной нравственности, были одной изъ главныхъ причинъ, такъ долго отстранявшихъ развращеніе римскаго общества. Впрочемъ при установленіи цензоровъ была сдѣлана ошибка въ томъ, что избирать ихъ было положено на пять лѣтъ; однако вскорѣ умный диктаторъ Мамеркъ поправилъ эту ошибку, ограничивъ срокъ цензорской власти 18 мѣсяцами. Тогдашніе цензора такъ разсердились на это, что исключили Мамерка изъ сената; но поступокъ этотъ возмутилъ и народъ, и патриціевъ. Историкъ не говоритъ однако, чтобы Мамеркъ былъ избавленъ отъ этого оскорбленія: поэтому должно думать, что или исторія его не вполнѣ обстоятельна, или римскія учрежденія были въ этомъ отношеніи несовершенны: ибо нельзя назвать совершенными учрежденія республики, гдѣ гражданинъ не можетъ избѣжать оскорбленія за установленіе закона, полезнаго общественной свободѣ.

Возвращаясь къ предмету этой главы, скажемъ, что даже свободныя съ самаго начала государства, всегда пользовавшіяся самоуправленіемъ, какъ Римъ, и тѣ не безъ труда находили учрежденія благопріятныя свободѣ; мы видимъ, что и цензорская власть въ Римѣ возникла не прямо въ полномъ совершенствѣ. Удивительно ли послѣ этого, что государства, основанныя въ условіяхъ рабства, встрѣчаютъ, не скажу затрудненія, а совершенную невозможность, когда бы то ни было учредить у себя свободный и спокойный гражданскій бытъ. Примѣръ этотъ мы видимъ на Флоренціи. Она возникла подъ римскимъ владычествомъ и потомъ всегда находилась подъ чужимъ господствомъ. Никогда не помышляя объ освобожденіи, когда наконецъ ей представился случай вздохнуть свободно, она принялась устроивать свои учрежденія; но эти новыя учрежденія не могли быть хороши, потому что къ нимъ примѣшивалось много остатковъ дурныхъ, старыхъ. Та-

кимъ образомъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ своего историческаго существованія, она прозябала кое какъ, никогда не имѣвъ правительства, которое оправдывало бы въ ней названіе республики. Но препятствія къ возвышенію, которыя она встрѣтила въ своихъ прежнихъ учрежденіяхъ, предстоятъ всякой республикѣ, имѣвшей подобное начало. Народъ неоднократно, общимъ свободнымъ рѣшеніемъ, ввѣрялъ гражданамъ власть произвести реформу правительства; но реформы эти никогда не приносили пользы обществу, а развѣ партіямъ, что̀ не только не водворяло порядка, но усиливало безпорядки. Такъ напр. законодатель республики долженъ между прочимъ обращать вниманіе на то, кому онъ ввѣряетъ уголовную власть надъ согражданами. Въ Римѣ это было устроено правильно, потому что обыкновенно можно было апеллировать къ народу; въ важныхъ же случаяхъ, гдѣ было бы опасно откладывать дѣло и замѣдлять рѣшеніе апелляціей, прибѣгали къ диктатору, который произносилъ приговоръ безотлагательно; впрочемъ, къ этой мѣрѣ обращались только въ крайней необходимости. Но во Флоренціи и въ другихъ государствахъ, основанныхъ, подобно ей, въ рабствѣ и привыкшихъ къ нему, власть эта была ввѣрена иностранцу, назначенному правительствомъ эту должность. Эти государства и по освобожденіи своемъ оставили на это въ томъ же порядкѣ и по прежнему назначили на эту должность иностранца, который носилъ титулъ Капитана; это было въ высшей степени вредно, потому что этотъ чиновникъ легко могъ быть подкупленъ вліятельными гражданами. Впослѣдствіи перевороты, которымъ подвергалось государство, уничтожили эту должность, и на мѣсто Капитана было учреждено особое правленіе изъ восьми членовъ. Такимъ образомъ порядокъ, какъ ни былъ дуренъ, сталъ еще хуже, потому что, какъ мы сказали выше, малочисленное правленіе всегда бываетъ орудіемъ вліятельнаго меньшинства. Венеція съумѣла оградить себя отъ этого зла: ея Совѣтъ Десяти можетъ безапелляціонно наказывать всѣхъ гражданъ. Чтобы помочь ему наказывать могущественныхъ гражданъ, которые могли бы избѣгнуть его законной власти, при Совѣтѣ Десяти учредили правленіе Сорока; нако-

нецъ, право наказывать виновныхъ предоставили кромѣ того совѣту Именитыхъ, который есть ничто иное какъ сенатъ. Такимъ образомъ обвинителей достаточно, и правосудіе имѣетъ всѣ средства держать въ своихъ рукахъ и самыхъ могущественнымъ людей. Римъ былъ обязанъ своимъ прекраснымъ порядкомъ самому себѣ и множеству мудрыхъ людей; но и въ немъ мы видимъ, что разныя причины безпрестанно вызывали новыя учрежденія въ пользу свободы; удивительно-ли, что въ другихъ государствахъ, не столь благоустроенныхъ съ самаго начала, свободный порядокъ встрѣчалъ столько препятствій, что никогда не могъ утверждаться.

ГЛАВА L.

Правительственные совѣты и учрежденія не должны мѣшать государственнымъ мѣрамъ.

Въ Консульство Тита Квинція Цинцинната и Кнея Юлія Мента несогласія ихъ возбудили въ Римѣ замѣшательство и остановили всѣ государственныя дѣла. Видя это, сенатъ побуждалъ ихъ назначить диктатора, для выполненія того, что раздоры ихъ мѣшали привести въ дѣйствіе. Однако консулы, несогласные между собою во всемъ, выказали полное единодушіе въ рѣшительномъ нежеланіи назначать диктатора. Тогда сенатъ, не находя другаго средства, обратился къ трибунамъ, которые, опираясь на сенатъ, принудили консуловъ повиноваться. Здѣсь прежде всего надо замѣтить, какъ полезенъ былъ трибунатъ; онъ не только удерживалъ честолюбіе знати противъ народа, но и прекращалъ раздоры, возникавшіе въ средѣ самой аристократіи. Второе замѣчаніе, которое можно сдѣлать, состоитъ въ томъ, что въ государствѣ не должно допускать меньшинство препятствовать необходимымъ для общаго блага мѣрамъ. Напротивъ, давъ какому нибудь совѣту право раздавать почести и милости или ввѣривъ какому нибудь

должностному лицу извѣстныя дѣла, необходимо поставить имъ въ обязанность неуклонно исполнять свое назначеніе или отказаться отъ него и предоставить его другому; иначе учрежденіе это будетъ неудовлетворительно и опасно, какъ было бы въ Римѣ консульство, если бы трибуны не побѣдили упрямство консуловъ. Въ Венеціанской республикѣ почести и милости раздавалъ Большой Совѣтъ. Иногда случалось, что по злобѣ или по ложному внушенію, Совѣтъ единодушно рѣшался не замѣщать вакантныхъ должностей, какъ въ городѣ, такъ и внѣ его. Это порождало величайшее замѣшательство, потому что и самый городъ, и пригороды внезапно оставались безъ законныхъ властей; прекратить это неудобство можно было, только задобривъ и обманувъ большинство Совѣта. Такимъ образомъ, учрежденіе это погубило бы государство, если бы благоразумные граждане не приняли нужныхъ мѣръ. Воспользовавшись однимъ благопріятнымъ случаемъ, они постановили закономъ, что всѣ должностныя лица въ городѣ и внѣ его считаются уволенными только по назначеніи имъ преемниковъ. Этой мѣрой Совѣтъ былъ лишенъ возможности подвергать республику опасности, останавливая государственныя дѣла.

ГЛАВА LI.

Республики должны показывать видъ, что поступаютъ по добровольному великодушному побужденію въ случаѣ, когда имъ приходится дѣйствовать въ силу необходимости.

Умные люди умѣютъ придавать цѣну всякому своему поступку, даже вынужденному необходимостью. Римскій сенатъ выказалъ такого рода умъ, когда постановилъ содержать на общественный счетъ воиновъ, которые прежде содержались на свой собственный счетъ. Сенатъ убѣдился, что такимъ образомъ нельзя вести войны, потому что это не позволяетъ ни осаждать городовъ, ни предпринимать отдаленныхъ походовъ; находя мѣстѣ съ тѣмъ обширныя военныя предпріятія необходимыми для государства, онъ рѣшился положить войскамъ жалованье. Но при этомъ онъ распорядился такъ, что вмѣнилъ себѣ въ заслугу рѣшеніе, вынужденное необходимостью. Народъ былъ такъ обрадованъ этою милостью, что во всемъ Римѣ происходило ликованіе по случаю великаго благодѣянія, полученнаго совершенно неожиданно и котораго самъ народъ никогда не рѣшился бы просить. Хотя трибуны старались унизить заслугу сената, доказывая, что милость его не только не даетъ народу облегченій, но ведетъ къ бо́льшему обремененію его, потому что для уплаты жалованья придется прибѣгнуть къ новымъ налогамъ, однако народъ продолжалъ искренно благодарить сенатъ. Сенатъ съумѣлъ еще болѣе возвысить свое благодѣяніе благоразумнымъ распредѣленіемъ новыхъ налоговъ: самыя бо́льшія и тяжкія подати были наложены на патриціевъ и взысканы первыми.

ГЛАВА LII.

Вѣрнѣйшее и безопаснѣйшее средство сдержать смѣлость человѣка, достигшаго въ республикѣ излишней власти, состоитъ въ томъ, чтобъ предупредить его на томъ самомъ пути, которымъ онъ достигъ могущества.

Мы видѣли, какое значеніе пріобрѣла аристократія въ народѣ оказавъ ему мнимое благодѣяніе назначеніемъ жалованья и благоразумно распредѣливъ налоги. Если бы она дѣйствовала всегда такимъ образомъ, въ городѣ не было бы смутъ и трибуны лишились бы своего значенія въ народѣ, а слѣдовательно и власти. Дѣйствительно, въ республикѣ, особенно потрясенной, нѣтъ лучшаго средства, болѣе легкаго и менѣе опаснаго противиться замысламъ честолюбцевъ, какъ предупредить ихъ на всѣхъ путяхъ, по которымъ они идутъ къ своей цѣли. Еслибы дѣйство-

вали этимъ средствомъ противъ Козимо Медичи, противники его имѣли бы больше успѣха, чѣмъ изгоняя его изъ Флоренціи; если бы враждовавшіе съ нимъ граждане начали бы, подобно ему, покровительствовать народу, то этимъ самымъ безъ всякихъ смутъ и потрясеній, вырвали бы у него изъ рукъ главное орудіе его честолюбивыхъ замысловъ. Пьеро Содерини пріобрѣлъ во Флоренціи популярность, какъ благопріятель народа, считавшаго его преданнѣйшимъ приверженцемъ свободы. Граждане, оскорбленные его возвышеніемъ поступили бы гораздо честнѣе и благоразумнѣе, съ меньшимъ вредомъ и съ меньшей опасностью для государства, если бы постарались предупредить его на пути къ возвышенію, вмѣсто того, чтобы, дѣйствуя открытымъ насиліемъ, увлекать за одно съ нимъ въ пропасть всю республику. Еслибы они отняли у него изъ рукъ единственное орудіе, дѣлавшее его опаснымъ (а это было имъ очень легко), они могли бы противиться ему во всѣхъ совѣтахъ, во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, не возбуждая противъ себя никакого подозрѣнія и не навлекая ненависть. Быть можетъ замѣтятъ, что если граждане ненавидѣвшіе Пьеро, сдѣлали ошибку, не предупредивъ его въ средствахъ, которыми онъ пріобрѣталъ популярность, то и самъ Пьеро сдѣлалъ ошибку, не предупредивъ своихъ противниковъ и не обративъ противъ нихъ того оружія, которымъ они ему грозили. Но ошибка Пьеро извинительна, потому что средство, которое ему предстояло, было затруднительно и безчестно; извѣстно, что это средство, которымъ его низвергали, которымъ боролись противъ него и наконецъ погубили, состояло въ поддержаніи семейства Медичи. Очевидно, стало быть, что Пьеро не могъ прибѣгнуть къ этому средству потому что могъ ли онъ, но губя своей популярности, способствовать угнетенію свободы, ввѣренной его бдительности? Ему пришлось бы дѣлать это тайно и совершить внезапнымъ рѣшительнымъ ударомъ; но кромѣ позора, это представляло ему большую опасность, потому что при малѣйшемъ подозрѣніи въ сообщничествѣ съ Медичи, народъ возненавидѣлъ бы его, и тогда врагамъ его ничего нестоило бы погубить его. Должно всегда разсмотрѣть всякое средство со всѣхъ сторонъ, взвѣсить всѣ его невыгоды и

опасности и отказаться отъ него если окажется, что оно представляетъ больше опасности, чѣмъ пользы, хотя бы имѣлись всѣ средства привести его въ исполненіе. Иначе будетъ то, что случилось съ Тулліемъ (Цицерономъ), который, желая уничтожить вліяніе Марка Антонія, только усилилъ его. Маркъ Антоній, признанный врагомъ сената, собралъ сильную армію, большею частью изъ солдатъ, служившихъ прежде Цезарю. Чтобы отвлечь отъ него этихъ солдатъ, Туллій уговорилъ сенатъ возвысить Октавіана и послать его съ войскомъ и консулами противъ Марка Антонія; онъ утверждалъ, что солдаты Марка Антонія, услышавъ имя Октавіана, племянника Цезаря, и называвшаго себя также Цезаремъ, незамедлятъ покинуть своего предводителя и перейдутъ на сторону сенатской арміи; что такимъ образомъ Маркъ Антоній останется одинъ и будетъ безъ труда низвергнутъ. Но вышло совершенно противное: Маркъ Антоній привлекъ Октавіана на свою сторону; Октавіанъ перешелъ къ нему, покинувъ Туллія и сенатъ, и это на вѣки погубило партію оптиматовъ. Все это легко было предвидѣть: вмѣсто того, чтобъ слушаться Туллія, слѣдовало остерегаться имени Цезаря, который съ такою славою разсѣялъ всѣхъ своихъ враговъ и достигъ въ Римѣ монархической власти; нелѣпо было ожидать чего нибудь благопріятнаго свободѣ отъ его наслѣдниковъ и сообщниковъ.

ГЛАВА LIII.

Обманутый ложными признаками выгоды, народъ нерѣдко самъ стремится къ своей гибели, и его чрезвычайно легко увлечь обширными надеждами и блистательными ожиданіями.

По взятіи Вейевъ, въ римскомъ народѣ распространилось мнѣніе, будто для Рима было бы полезно, чтобы половина римлянъ переселилась въ Вейи. Говорили. что городъ этотъ лежитъ въ богатой

мѣстности, прекрасно выстроенъ, близокъ къ Риму, и что потому переселеніе обогатитъ половину римскихъ гражданъ, ни сколько не нарушивъ теченіе общественныхъ дѣлъ, такъ какъ оба города находятся въ очень близкомъ сосѣдствѣ. Но сенатъ и всѣ благоразумные люди сочли это безполезнымъ и опаснымъ, и говорили во всеуслышаніе, что предпочитаютъ лучше умереть, чѣмъ согласиться на подобную мѣру. Когда объ этомъ начались пренія, народъ такъ вознегодовалъ на сенатъ, что дѣло дошло бы до оружія и до кровопролитія, если бы нѣкоторые престарѣлые и почтенные граждане не вышли на защиту сената, и только уважая ихъ, народъ не рѣшился зайти слишкомъ далеко въ своемъ негодованіи. Здѣсь замѣчательны два обстоятельства. Во первыхъ, народъ, увлеченный мнимыми признаками выгоды нерѣдко самъ стремится къ гибели, и если не найдется никого, кто, имѣя на него вліяніе, указалъ бы ему ожидающія его бѣдствія, то республика подвергнется крайней опасности. Если случится, что вслѣдствіе частыхъ обмановъ со стороны людей или обстоятельствъ, народъ потерялъ довѣріе и неслушается никого, то гибель государства неизбѣжна. Вотъ почему въ сочиненіи своемъ De Monarchia Данте говоритъ, что народъ часто кричитъ: да здраствуетъ моя смерть! да погибнетъ моя жизнь! Отсутствіе довѣрія производитъ то, что иногда республика не можетъ принять полезную мѣру, какъ мы уже видѣли, говоря о венеціанцахъ, которые, подвергшись нападенію множества враговъ, не могли рѣшиться задобрить нѣкоторыхъ изъ нихъ уступкой владѣній, отнятыхъ у другихъ; между тѣмъ эти то завоеванія и были поводомъ къ войнѣ и къ союзу противъ республики нѣскольких государей. Впрочемъ, разсматривая къ чему легко и къ чему трудно подговорить народъ, надо дѣлать различіе: во всякомъ предлагаемомъ ему дѣлѣ, народъ видитъ на первомъ планѣ выигрышъ или проигрышъ, честь или позоръ. Если въ предлагаемомъ дѣлѣ онъ видитъ выигрышъ, онъ обратится къ нему, хотя бы впослѣдствіи изъ этого вышла его гибель; если видитъ—честь, послѣдуетъ внушенію, хотя бы предложеніе обольстительное по внѣшности скрывало величайшую опасность для республики. Съ другой стороны предложеніе, представляющееся на первый взглядъ убыточнымъ или безчестнымъ, очень трудно провести въ народѣ, хотя бы оно заключало въ себѣ его спасеніе и выгоду. Все сказанное подтверждается множествомъ примѣровъ древней и современной, римской и иностранной исторіи. Такъ напримѣръ, этимъ объясняется негодованіе, возбужденное въ Римѣ противъ Фабія Максима, который не могъ убѣдить римскій народъ, что республикѣ полезно вести войну медленно и уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія съ Аннибаломъ; народъ находилъ этотъ образъ дѣйствія безславнымъ, не видѣлъ въ немъ пользы, а Фабій не могъ представить ему достаточно убѣдительныхъ доводовъ. До чего народы склонны увлекаться блескомъ храбрости, видно уже изъ той важной ошибки, которую сдѣлали римляне, давъ начальнику кавалеріи Фабія дозволеніе сражаться безъ разрѣшенія консула; это распоряженіе погубило бы римскую армію, если бы Фабій не спасъ ее своимъ благоразуміемъ; однако народъ не удовольствовался этимъ опытомъ и чрезъ нѣсколько времени сдѣлалъ консуломъ Варрона не за какія нибудь заслуги, а за то только, что онъ кричалъ на всѣхъ площадяхъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ Рима, что разобьетъ Аннибала, если ему дадутъ начальство. Тогда воспослѣдовало сраженіе и пораженіе при Каннахъ, едва не погубившее Римъ. Я могу привести еще примѣръ изъ исторіи Рима. Аннибалъ стоялъ въ Италіи лѣтъ 8 или 10 и наполнилъ всю страну трупами римлянъ, когда явился въ сенатъ Маркъ Центеній Пенула, человѣкъ подлѣйшій, хотя занимавшій прежде нѣкоторую военную должность; онъ предложилъ въ короткое время овладѣть Аннибаломъ живымъ или мертвымъ, если ему позволятъ набрать войско изъ охотниковъ во всѣхъ мѣстностяхъ Италіи. Просьба эта показалась сенату безразсудной; однако онъ сообразилъ, что если отвергнетъ предложеніе и народъ узнаетъ потомъ объ этомъ, то могутъ возникнуть смуты и его будутъ обвинять; поэтому онъ согласился, предпочитая лучше подвергнуть гибели людей, которые послѣдуетъ за Пенулой, чѣмъ вызвать новые безпорядки въ народѣ; сенатъ зналъ, какъ понравится народу подобное предложеніе и какъ трудно отговорить его отъ него. Такимъ образомъ этотъ сумасбродъ отправился противъ Аннибала съ сво-

ей нестройной и безпорядочной шайкой, но при первой же встрѣчѣ былъ разбитъ и убитъ со всѣмъ своимъ сбродомъ.

Въ Греціи, въ городѣ Аѳинахъ, Никій, человѣкъ предъусмотрительный и умный никакъ не могъ уговорить народъ, что не хорошо затѣвать походъ въ Сицилію; предпріятіе это, приведенное въ исполненіе противъ воли всѣхъ умныхъ людей, повело за собое совершенное паденіе Аѳинъ.

Сципіонъ, сдѣлавшись консуломъ, желалъ получить провинцію Африку и обѣщалъ уничтожить Карѳагенъ; когда сенатъ, руководимый Фабіемъ Максимомъ, отказалъ ему въ просьбѣ, онъ сталъ грозить, что обратится къ народу, очень хорошо зная, какъ нравятся народу подобныя предложенія.

Наконецъ можно привести примѣры и изъ нашей собственной исторіи. Главнокомандующій флорентійскихъ войскъ, мессиръ Эрколе Бентиволья, разбивъ Бартоломео д'Альвіано при Санъ-Винченти, пошелъ съ Антоніо Джіакомини осаждать Пизу. Предпріятіе это было произведено по волѣ народа, увлеченнаго смѣлыми обѣщаніями мессира Эрколе, хотя многіе граждане порицали его; но они не могли остановить предпріятіе, будучи подавлены большинствомъ, которое вѣрило блестящимъ планамъ главнокомандующаго.

Итакъ, говорю я, нѣтъ болѣе легкаго средства погубить республику, гдѣ народъ имѣетъ власть, какъ увлечь его въ смѣлыя предпріятія; народъ всегда приметъ ихъ, если только можетъ, и всякое противорѣчіе будетъ безполезно. Но, если подобныя предпріятія губятъ государства, то еще скорѣе губятъ своихъ зачинщиковъ: народъ, встрѣчая, вмѣсто ожидаемаго торжества, неудачу, обвиняетъ въ ней не слабость или несчастіе человѣка, руководившаго предпріятіямъ, а его измѣну или глупость, и убиваетъ, ссылаетъ или сажаетъ его въ тюрьму; эта участь постигла многихъ аѳинскихъ и карѳагенскихъ полководцевъ. Какія бы побѣды ни одерживали они въ прошломъ, первая неудача уничтожала всѣ ихъ заслуги. Такъ было бы и у насъ съ Антоніо Джіакомини, когда онъ не выполнилъ ожиданіи народа и своего обѣщенія взять Пизу; народъ такъ вознегодовалъ на него, что, несмотря на свои многочисленные прежніе подвиги, онъ былъ обязанъ спасеніемъ жизни только человѣколюбію властей, которыя защитили его отъ народа.

ГЛАВА LIIII.

Какую власть имѣетъ великій человѣкъ для удержанія возставшаго народа.

Въ предъидущей главѣ мы коснулись другого важнаго вопроса, именно, что человѣку, извѣстному народу своимъ умомъ и добродѣтелью, очень легко, выйдя къ возмутившейся толпѣ, укротить ее. Виргилій говоритъ справедливо:

> Tum pietate gravem ac meritis si forte virum quem
> Conspexere, silent, arrectisque auribus adstant *).

Поэтому начальникъ взбунтовавшейся арміи или правитель взволнованнаго города долженъ немедленно явиться на мѣсто бунта, воспользоваться своимъ вліяніемъ и значеніемъ, какъ можно болѣе ловко, и обставить себя всѣми знаками своего достоинства, чтобы внушить къ себѣ болѣе почтенія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во Флоренціи враждовали двѣ партія, прозванныя яростными (arrabbiate) и монашескими (fratesche). Дѣло дошло до оружія, и фратески, были побѣждены. Однимъ изъ членовъ этой партіи былъ Пагольантоніо Содерини, гражданинъ весьма уважаемый; вооруженный народъ устремился къ его дому съ намѣреніемъ раззорить его; въ это время у него въ домѣ находился братъ его, мессиръ Франческо, бывшій тогда епископомъ вольтеррскимъ, а нынѣ кардиналъ; услыхавъ шумъ и увидѣвъ смятеніе, онъ надѣлъ лучшія облаченія, сверху епископскую эпитрахиль и вышелъ навстрѣчу бунтующимъ; его слова и весь его

---

*) Тогда, видя мужа важнаго благочестіемъ и сильнаго достоинствами стоятъ молча, напрягая слухъ.

видъ укротили ихъ, и нѣсколько дней въ городѣ только и было разговору, что объ его поступкѣ, который всѣ восхваляли. Итакъ, нѣтъ болѣе вѣрнаго и сильнаго средства укротить взволнованную массу, какъ присутствіе человѣка, мнимо или дѣйствительно достойнаго уваженія. Такъ, возвращаясь къ нашему предмету, мы видимъ, что настойчивое желаніе римскаго народа переселиться въ Вейи зависѣло отъ того, что онъ считалъ эту мѣру полезной, и не замѣчалъ, как она вредна: происшедшія по этому поводу смуты, могли бы кончиться пагубно, если бы сенатъ съ людьми достойными и уважаемыми не прекратилъ безпорядковъ.

ГЛАВА LV.

Какъ легко вести дѣла въ республикахъ, гдѣ масса не развращена: гдѣ господствуетъ равенство, тамъ не можетъ возникнуть монархія; гдѣ его нѣтъ, тамъ не можетъ быть республики.

Хотя я уже говорилъ, чего можно опасаться или ожидать отъ развращеннаго общества, но полагаю еще не лишнимъ разсмотрѣть сенатскія пренія касательно обѣта, даннаго Камилломъ, принести въ даръ Аполлону десятую часть добычи изъ Вейевъ. Добыча эта находилась въ рукахъ римскаго народа, такъ что было невозможно опредѣлить ея количество; поэтому сенатъ издалъ повелѣніе, чтобы каждый внесъ въ общественную казну десятую часть доставшагося ему добра. Хотя граждане не повиновались этому распоряженію и сенату пришлось придумать другое средство удовлетворить Аполлона, не обижая народъ, но повелѣніе его доказываетъ, какъ онъ вѣрилъ честности народа, считая его неспособнымъ не представить въ точности всего, что требовалось сенатскимъ повелѣніемъ. Съ другой стороны, народъ не думалъ обманывать правительство, давая меньше, чѣмъ приходилось. Онъ просто не послушался его, громко выразивъ неудовольствіе на его постановленіе. Этотъ примѣръ и многіе другіе доказываютъ честность и благочестіе этого народа и то, какъ много можно было ожидать отъ него. Безъ подобной честности не можетъ быть ничего путнаго; такъ въ наше время нельзя разсчитывать, чтобы могло быть что нибудь доброе въ такой развращенной странѣ, какъ Италія. Хотя и другія страны, какъ Франція и Испанія, также порядочно развращены, однако ни въ одной изъ нихъ не бываетъ такихъ безпорядковъ, какіе въ Италіи случаются ежедневно. Впрочемъ это зависитъ не отъ народныхъ доблестей, весьма слабыхъ, но отъ того, что въ другихъ странахъ порядокъ сохраняется королями, и не только достоинствами ихъ, но вообще монархическимъ строемъ, который еще не успѣлъ испортиться. Зато въ Германіи честность и благочестіе еще велики въ народѣ, вслѣдствіе чего тамъ могутъ существовать совмѣстно много свободныхъ государствъ, слѣдуя своимъ законамъ и не боясь ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ враговъ. Чтобы доказать, что тамъ еще сильна эта древняя честность, я разскажу примѣръ, подобный вышеприведенному случаю съ римскимъ сенатомъ и народомъ. Когда германскимъ республикамъ встрѣчается надобность получить на общественные расходы какую-нибудь сумму денегъ, совѣты и власти, завѣдывающіе правленіемъ, налагаютъ на всѣхъ жителей налогъ въ 1 или 2% со всего ихъ имущества. Когда издается подобное постановленіе, облеченное во всѣ законныя формы, каждый является къ сборщику податей; давъ клятву, что платитъ столько, сколько ему слѣдуетъ заплатить, онъ кладетъ въ особый ящикъ такую сумму, какую по совѣсти считаетъ себя обязаннымъ внести; при этомъ, кромѣ самого плательщика никто даже и не знаетъ, сколько онъ внесъ. Изъ этого можно заключить, какъ велики честность и благочестіе въ людяхъ этой націи. Должно полагать, что каждый вноситъ сполна, сколько ему слѣдуетъ; иначе не вышло бы полной суммы, которую предполагалось собрать въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ предъидущимъ сборамъ; такимъ образомъ обманъ открылся бы, и, разумѣется, давно придумали бы другой способъ сбора налоговъ. Подобная честность тѣмъ удивительнѣе въ наше время, что встрѣчается чрезвычайно рѣдко и, можно сказать, только въ этой странѣ. Она зависит

отъ двухъ причинъ: во первыхъ, эта нація имѣетъ мало сношеній съ сосѣдями; иностранцы мало посѣщаютъ эту страну, а жители ея не ходятъ по чужимъ краямъ, довольствуясь своимъ добромъ, питаясь и одѣваясь произведеніями собственной почвы; поэтому имъ нѣтъ надобности заводить чужеземныя сношенія, которыя служатъ источникомъ развращенія; они не могли усвоить себѣ обычаевъ французовъ, испанцевъ и итальянцевъ — націй, которыя можно считать развратителями всего свѣта. Вторая причина почему эти республики сохранили чистоту общественнаго быта, состоитъ въ томъ, что онѣ не допускаютъ своихъ гражданъ принимать дворянскія затѣи и обычаи; онѣ соблюдаютъ у себя полнѣйшее равенство и ненавидятъ всѣхъ владѣтелей и дворянъ, существующихъ въ ихъ странѣ; если случайно кто нибудь изъ знати попадется имъ въ руки, они убиваютъ его, какъ начало развращенія и поводъ къ смутамъ.

Чтобы объяснить, кого я разумѣю подъ именемъ дворянъ, замѣчу, что дворянами называются люди, праздно живущіе обильными доходами съ своихъ владѣній, не имѣя нужды заниматься земледѣліемъ или вообще трудиться, чтобы жить. Люди эти вредны во всякой республикѣ и во всякой странѣ; изъ нихъ особенно вредны тѣ, которые имѣютъ сверхъ того замки и покорныхъ подданныхъ. Королевство неаполитанское, Римская область, Романья и Ломбардія полны подобными людьми. Поэтому въ этихъ странахъ не можетъ быть ни республики, ни вообще политическаго порядка, потому что это отродье — заклятой врагъ всякой гражданственности. Въ такой странѣ невозможно учредить республику; если хотѣть ввести въ ней какой-нибудь порядокъ, то остается только установить монархію. Это потому, что развращенное общество нельзя удержать въ порядкѣ одними законами; для этого нужна болѣе дѣйствительная сила; мы находимъ ее только въ монархіи, которая своимъ безусловнымъ и чрезвычайнымъ могуществомъ можетъ обуздать непомѣрное честолюбіе и развратъ дворянства. Это подтверждается примѣромъ Тосканы, гдѣ на небольшомъ пространствѣ могли такъ долго существовать три республики: Флоренція, Сіена и Лукка; кромѣ того и другіе города этой

области, хотя и подчиненные, не были однако до того порабощены, чтобы не сохранить нѣкоторую независимость или по крайней мѣрѣ стремленіе къ ней, что выражается въ ихъ мужественномъ духѣ и во многихъ учрежденіяхъ. Причина этого та, что въ Тосканѣ нѣтъ владѣльцевъ замковъ и вообще очень мало дворянъ; тамъ господствуетъ такое равенство, что умному человѣку, знакомому съ древними свободными учрежденія, легко водворить гражданскій порядокъ. Но судьба этой страны такъ несчастна, что до сихъ поръ въ ней не явилось человѣка, который могъ бы или съумѣлъ это сдѣлать.

Изъ всего этого можно сдѣлать слѣдующій выводъ: что для основанія республики въ странѣ, гдѣ дворянство многочисленно, необходимо совершенно истребить его; съ другой стороны, для основанія монархіи въ странѣ равенства,—надо нарушить его, возвысивъ значительное число людей честолюбивыхъ и безпокойныхъ, сдѣлавъ ихъ дворянами и притомъ не номинально, а дѣйствительно, давъ имъ замки и владѣнія, привиллегіи, богатство и подданныхъ, такъ чтобы, стоя посреди ихъ, государь могъ опирать на нихъ свое могущество, какъ они, окружая его, опираютъ на немъ свое честолюбіе; тогда всѣ прочіе были бы принуждены переносить иго, которое ничто, кромѣ насилія, не въ состояніи заставить переносить. Это же средство установляетъ извѣстную пропорціональность между угнетающимъ и угнетаемыми, на столько прочную, что каждый остается на своемъ мѣстѣ. Но, для основанія республики въ странѣ, приноровленной къ монархическому порядку, и—монархіи, въ странѣ, которой свойственъ порядокъ республиканскій,—нуженъ человѣкъ, обладающій рѣдкимъ умомъ или могуществомъ; поэтому многіе пытались сдѣлать это, но не многимъ попытка удалась. Громадность подобной задачи устрашаетъ людей или поставляетъ имъ столько препятствій, что они терпятъ неудачу съ самаго начала.

Быть можетъ, въ опроверженіе моего мнѣнія о несовмѣстности республики съ дворянствомъ, мнѣ укажутъ на республику венеціанскую, гдѣ только дворянинъ можетъ достигнуть государственной должности. Я отвѣчу на это, что примѣръ этотъ не состав-

ляетъ опроверженія, потому что въ этой республикѣ дворянство совершенно номинально; тамъ знать не имѣетъ владѣній; богатство ея состоитъ въ товарахъ и другой движимости; она не владѣетъ замками и подданными; званіе дворянина тамъ просто титулъ, обозначающій извѣстное достоинство и положеніе въ обществѣ, совершенно чуждое тѣхъ условій, на которыхъ основано дворянство въ другихъ государствахъ. Въ каждой республикѣ есть сословное различіе, обозначаемое разными именами; такъ и венеціанцы раздѣляются на дворянъ и мѣщанъ, и первые владѣютъ исключительно почестями и должностями, а вторые устранены отъ нихъ. При такомъ порядкѣ, какъ мы уже объясняли, государство не подвергается смутамъ. Итакъ, пусть основываютъ республику, гдѣ господствуетъ равенство, а гдѣ неравенство — тамъ монархію, иначе государство будетъ лишено внутренней гармоніи и окажется недолговѣчно.

ГЛАВА LVI.

Великіе перевороты въ городахъ и провинціяхъ всегда предшествуются предзнаменованіями или предсказывающими ихъ людьми.

Не знаю почему, но древніе и новые примѣры показываютъ, что не было ни одного важнаго событія въ городѣ или въ провинціи, которое не было бы предсказано пророками, откровеніями, чудесами или другими небесными признаками. Не ходя далеко за примѣромъ, всякій знаетъ, что нашествіе короля Карла VIII французскаго на Италію было предсказано братомъ Джираламо Савонаролой; равнымъ образомъ во всей Тосканѣ въ воздухѣ надъ Ареццо были слышны и видны двѣ сражающіяся арміи. Точно также всякій знаетъ, что передъ смертію Лоренцо Медичи Старшаго ударъ грома разразился надъ вершиной собора и значительно повредилъ все зданіе. Извѣстно также, что громъ

ударилъ во дворецъ Пьеро Содерини, пожизненнаго гонфалоньера Флоренціи, незадолго до того, какъ его изгнали и лишили должности. Я могъ бы привести много другихъ примѣровъ, если бы не боялся наскучить читателю. Напомню только случай, разсказываемый Титомъ Ливіемъ, передъ нашествіемъ французовъ (галловъ) въ Римъ: нѣкто Маркъ Седицій, плебей, пришелъ въ сенатъ и разсказалъ, что, проходя въ полночь по Новой улицѣ, слышалъ какой-то нечеловѣческій голосъ, повелѣвавшій ему донести правительству, что французы идутъ на Римъ. Для объясненія подобныхъ явленій нуженъ, полагаю, человѣкъ, обладающій такими познаніями въ естественныхъ и сверхъестественныхъ предметахъ, какими мы не обладаемъ. Конечно, возможно, что воздухъ, какъ думаютъ нѣкоторые философы, наполненъ разумными существами, которыя, предвидя будущее по своей естественной способности и сострадая къ людямъ, предупреждаютъ ихъ подобными знаками, дабы они могли приготовиться къ защитѣ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно однако, что подобныя предзнаменованія всегда предшествуютъ чрезвычайнымъ и необыкновеннымъ событіямъ.

ГЛАВА LVII.

Народъ въ совокупности силенъ, а въ отдѣльности слабъ.

Когда французы нашествіемъ своимъ разрушили Римъ, многіе римляне переселились въ Веіи, вопреки постановленіямъ и приказаніямъ сената. Чтобы прекратить этотъ безпорядокъ, сенатъ обнародовалъ приказъ возвратиться всѣмъ въ Римъ въ теченіи опредѣленнаго срока, подъ страхомъ извѣстнаго наказанія. Люди, противъ которыхъ былъ направленъ этотъ приказъ, сначала смѣялись надъ нимъ; но когда настал срокъ повиноваться ему, всѣ повиновались. Титъ Ливій говоритъ по этому поводу: Ex ferocibus universis, singuli, metu suo, obedientes fuere (изъ непокорной массы

каждый въ частности оказался послушнымъ). Дѣйствительно, въ этомъ примѣрѣ какъ нельзя лучше выразились всѣ свойства массъ. Онѣ всегда смѣло говорятъ противъ своихъ правительствъ, но, увидѣвъ угрозу ,немедленно повинуются, потому что люди, составляющіе народную массу, лишены увѣренности въ содѣйствіи другъ друга. Поэтому не стоитъ придавать особенную важность тому, что говоритъ народъ о своихъ добрыхъ или дурныхъ намѣреніяхъ; если расположеніе его хорошо, то, конечно, слѣдуетъ поддерживать его въ немъ; а если злостно, то препятствовать ему нанести вредъ. Злымъ расположеніемъ народа можно назвать то, которое вытекаетъ изъ инаго источника, чѣмъ потеря его свободы или любимаго государя, еще находящагося въ живыхъ; злое расположеніе, проистекающее изъ этихъ причинъ, конечно, страшнѣе всего и требуетъ больше всего силы для его подавленія, тогда какъ всякія другія неудовольствія легко укращаются при отсутствіи возбуждающаго ихъ вождя. Правда, нѣтъ ничего страшнѣе взволнованой массы безъ вождя; но нѣтъ также ничего слабѣе ея; хотя бы она была вооружена, ее легко укротить, лишь бы избѣгнуть перваго порыва ея; потому что когда умы поохладятся, и каждый увидитъ, что надо идти домой, всѣ усумнятся въ самихъ себѣ, начнутъ помышлять о собственномъ спасеніи и разбѣгутся или вступятъ въ переговоры. Итакъ, во избѣжаніе этого, взволнованная масса должна немедленно избрать себѣ вождя, который поддерживалъ бы въ ней единство, руководилъ ею и заботился бы о ея безопасности; такъ поступилъ народъ римскій, когда по смерти Виргиніи удалился изъ Рима и для спасенія своего избралъ себѣ двадцать трибуновъ; безъ этой мѣры его постигло бы то, о чемъ говоритъ Титъ Ливій—что вмѣстѣ онъ былъ бы храбръ, а когда каждый гражданинъ сталъ бы думать объ опасности, грозящей лично ему, то и вся масса сдѣлалась бы труслива и безсильна.

ГЛАВА LVIII.

Толпа умнѣе и постояннѣе государя.

Нѣтъ ничего суетнѣе и непостояннѣе толпы, говоритъ намъ Титъ Ливій и всѣ прочіе историки. Въ разсказахъ ихъ о поступкахъ людей мы постоянно встрѣчаемъ, что толпа осудивъ человѣка на смерть, начинаетъ вскорѣ оплакивать его и молиться о его воскресеніи, какъ Римскій народъ, приговоривъ къ казни Манлія Капитолійскаго, сталъ желать его воскресенія. Историкъ выражается объ этомъ такъ: populum brevi, posteaquam ab eo periculum nullum erat, desiderium ejus tenuit. Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая о событіяхъ въ Сиракузахъ по смерти Гіеронима, внука Гіерона, онъ говоритъ: Haec natura multitudinis est, aut humiliter servit, aut superbe dominatur (Избѣжавъ опасности, народъ началъ призывать его своими мольбами.—Таковъ характеръ толпы — или рабски служить, или гордо властвовать). Быть можетъ, я предпринимаю трудную и даже невозможную задачу, пытаясь опровергать общее мнѣніе всѣхъ историковъ; быть можетъ, мнѣ придется постыдно отказаться отъ нея или пасть подъ бременемъ затрудненій, которыя мнѣ встрѣтятся. Но, какъ бы то ни было, я не считаю и никогда не буду считать преступленіемъ отстаивать какое угодно мнѣніе, лишь бы отстаивать его разсудкомъ, а не властью и силой. Итакъ я скажу, что недостатки, приписываемые писателями толпѣ, свойственны людямъ вообще и особенно государямъ; всякій, неподчиняющійся законамъ, сдѣлалъ бы тѣже проступки, въ которые впала распущенная толпа. Доказать это не трудно, потому что, какъ ни много было государей, но добрыхъ и умныхъ было между ними мало. Я говорю о государяхъ, которые имѣли возможность разорвать направлявшія ихъ узы;

поэтому я не беру въ разсчетъ древнихъ царей египетскихъ, управлявшихъ этой страной по законамъ; спартанскихъ или современныхъ французскихъ королей, власть которыхъ болѣе ограничена законами, чѣмъ какихъ бы то нибыло государей нашего времени. Короли, состоящіе подъ ограниченіемъ конституцій, потому не могутъ приниматься въ разсчетъ, что надо разсматривать всякаго человѣка самимъ по себѣ и судить подобенъ ли онъ всей массѣ, взявъ его независимо отъ условій, ограничивающихъ и измѣняющихъ его сущность. Эти короли имѣютъ и дѣло съ толпой, также ограниченной законами, какъ и они, которая также честна, какъ и они, и неспособна ни гордо владычествовать, ни рабски служить. Таковъ былъ народъ римскій, который, пока республика не пришла въ упадокъ, никогда не былъ ни покорнымъ рабомъ, ни гордымъ властителемъ. Въ отношеніи своихъ учрежденій и властей, онъ всегда умѣлъ съ достоинствомъ соблюдать свое положеніе въ государствѣ. Если было необходимо возстать противъ могущественнаго лица, онъ возставалъ, какъ напримѣръ противъ Манлія, децемвировъ и другихъ, желавшихъ его угнетать; если же для общественнаго блага было нужно повиноваться диктаторамъ или консуламъ, онъ повиновался. Что касается до того, что римскій народъ сожалѣлъ о казненномъ Манліѣ Капитолійскомъ, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ сожалѣлъ о его достоинствахъ, которыя были такъ велики, что воспоминаніе о нихъ возбуждало во всѣхъ сожалѣніе; тоже самое сдѣлалъ бы и государь, потому что всѣ писатели говорятъ о томъ, какъ похвально воздавать дань удивленія и хвалы даже врагамъ своимъ. Однако, если бы среди всѣхъ этихъ сожалѣній, Манлій воскресъ, римскій народъ снова осудилъ бы его по прежнему; онъ вытащилъ бы его изъ тюрьмы и опять предалъ бы казни; между тѣмъ государи, даже почитаемые мудрыми, не разъ предавали людей смерти, а потомъ жалѣли о своемъ поступкѣ: такъ Александръ убилъ Клита и другихъ друзей своихъ, а Иродъ Маріамну. Впрочемъ, нашъ историкъ говоритъ не о тѣхъ народахъ, которые, подобно римскому, управляются законами, а о тѣхъ, которые, какъ сиракузяне, совершенно необузданны; послѣдніе дѣйствительно впадаютъ въ проступки, свойственные бѣшенымъ самодурамъ въ родѣ Александра Великаго или Ирода. Слѣдовательно, нельзя особенно осуждать ни народы, ни государей: и тѣ, и другіе равно впадаютъ въ заблужденіе, когда не встрѣчаютъ препятствій своимъ порывамъ. На это кромѣ приведенныхъ примѣровъ можно привести много другихъ изъ исторіи римскихъ императоровъ и другихъ тирановъ и государей; въ нихъ мы видимъ такое непостоянство и легкомысліе, какого не находимъ ни въ одномъ народѣ. Итакъ, вопреки общепринятому мнѣнію, будто народъ, властвуя, бываетъ непостояненъ, измѣнчивъ, неблагодаренъ, я утверждаю, что эти недостатки свойственны ему въ той же мѣрѣ, какъ и государямъ. Справедливо обвинять въ этихъ недостаткахъ и народы и государей; но ошибочно считать послѣднихъ составляющими исключеніе. Народъ, владычествующій и благоустроенный будетъ также постояненъ, благоразуменъ и признателенъ, какъ и государь, и даже больше, чѣмъ самый мудрый государь; съ другой стороны и государь, освобожденный отъ узъ законовъ, будетъ неблагодарнѣе. перемѣнчивѣе и безразсуднѣе всякаго народа. Разница въ ихъ поступкахъ зависитъ не отъ различія свойствъ, потому что по природѣ всѣ люди одинаковы, и народъ даже пожалуй лучше; все дѣло въ томъ, на сколько уважаются законы, которые управляютъ дѣйствіями народовъ и государей. Разсматривая поведеніе римскаго народа, мы видимъ, что онъ въ теченіи 400 лѣтъ былъ врагомъ монархіи, былъ преданъ общему благу отечества и привязанъ къ славѣ его; все это онъ доказалъ множествомъ примѣровъ. Если въ опроверженіе мнѣ укажутъ на неблагодарный поступокъ его съ Сципіономъ, мнѣ придется только повторить сказанное мною объ этомъ въ одной изъ предъидущихъ главъ, гдѣ я подробно доказалъ, что народы признательнѣе государей. Что касается благоразумія и постоянства, то народъ всегда умнѣе, постояннѣе и разсудительнѣе государя. Не безъ причины называютъ голосъ народа—голосомъ божіимъ: въ самомъ дѣлѣ, предсказанія общественаго мнѣнія часто такъ удивительны, что какъ будто бы оно свыше получаетъ даръ предвидѣнія добраго и худаго; въ сужденіи о дѣлахъ народъ рѣдко ошибается въ выборѣ между двумя противуположными мнѣ-

ніями, защищаемыми равносильными ораторами; этимъ онъ доказываетъ, что вполнѣ способенъ различить истину. Правда, какъ мы выше сказали, онъ часто увлекается въ заблужденія смѣлыми или мнимополезными проэктами; но государь еще гораздо чаще вводится въ заблужденіе своими личными страстями, которыя у него гораздо многочисленнѣе, чѣмъ у народа. Также при выборѣ чиновниковъ онъ дѣйствуетъ гораздо удачнѣе государя; его никогда не убѣдишь, что полезно возвести въ должность какого-нибудь подлеца или развратника, тогда какъ есть тысяча легкихъ средствъ убѣдить въ этомъ государя. Когда народъ возненавидитъ какое-нибудь учрежденіе, онъ цѣлые вѣка пребываетъ въ своемъ убѣжденіи; иное дѣло государи. Все это подтверждается исторіей римскаго народа. Въ теченіе столькихъ столѣтій, при столькихъ выборахъ въ консулы и трибуны, онъ сдѣлалъ едва четыре избранія, въ которыхъ ему пришлось раскаяться. Равнымъ образомъ, какъ я говорилъ, онъ такъ возненавидѣлъ монархію, что постановилъ казнить смертію одного изъ величайшихъ своихъ гражданъ за попытку сдѣлаться царемъ.

Притомъ государства, гдѣ господствуетъ народъ, дѣлаютъ гораздо болѣе быстрыя и обширныя завоеванія, чѣмъ государства, управляемыя монархомъ: напримѣръ Римъ по изгнаніи царей и Аѳины по низверженіи Пизистрата. Это очевидно зависитъ отъ того, что народное правленіе лучше монархическаго.

Вышеприведенныя слова нашего историка не могутъ идти въ опроверженіе моего мнѣнія, и вообще безполезно ссылаться противъ меня на авторитетъ какихъ бы то ни было писателей; лучше сравнить преступленія, совершенныя народами съ преступленіями царей, подвиги народовъ съ подвигами государей, и тогда ясно скажется, на сколько достоинство и дѣянія народовъ выше. Правда, государи могутъ лучше народа быть законодателями, устроителями новыхъ порядковъ и установленій; но за то народъ лучше сохраняетъ существующія учрежденія, такъ что сами законодатели отчасти обязаны постоянству народа славою прочности своихъ учрежденій.

Въ заключеніе всего этого разсужденія скажемъ, что если были долговѣчныя монархіи, то были и долговѣчныя республики; но что и тѣ, и другія нуждаются въ управленіи законами, ибо государь, имѣющій возможность дѣлать все, что ему вздумается, превращается въ бѣшенаго самодура, и народъ, преданный самовластью, поступаетъ неблагоразумно. Но сравнивъ государя, подчиненнаго законамъ, съ народомъ, также сдерживаемымъ ими, мы видимъ, что народъ выше; точно такъ и при самовластіи народъ рѣже впадаетъ въ ошибки, чѣмъ государь, и притомъ ошибки его меньше и правильнѣе. Это потому, что распущенный и бунтующій народъ легко уговорить и возвратить его на добрый путь, тогда какъ злого государя не уговоришь, и противъ него, кромѣ меча, нѣтъ никакого средства. Поэтому можно судить, чьи недостатки вреднѣе: народъ можно исправить словами, а противъ государя нужно прибѣгать къ мечу, стало быть, всякій можетъ судить, что то зло сильнѣе, которое требуетъ болѣе сильнаго средства. Когда народъ предается своеволію, то страшатся не тѣхъ безумствъ, которыя онъ можетъ надѣлать въ настоящую минуту, а того зла, которое можетъ возникнуть впослѣдствіи, если смуты повлекутъ за собой возвышеніе тирана. Иное дѣло поступки дурного правителя; тутъ все зло въ настоящемъ и вся надежда на будущее: люди надѣются, что злодѣянія его приведутъ наконецъ къ возстановленію свободы. Слѣдовательно, разница между своеволіемъ народа и государя состоитъ въ томъ, что одно подаетъ поводъ къ опасеніямъ, а другое возбуждаетъ надежды.

Народъ преслѣдуетъ своей жестокостью людей, которыхъ подозрѣваетъ въ намѣреніи овладѣть общимъ достояніемъ, а государь тѣхъ, кого считаетъ опасными своимъ личнымъ выгодамъ.

Если общее мнѣніе неблагопріятно народу, то это потому, что о немъ каждый можетъ злословить безпрепятственно и безъ опасенія, даже когда онъ владычествуетъ; о государяхъ же приходится говорить со множествомъ ограниченій и недомолвокъ, внушаемыхъ страхомъ. Въ слѣдующей главѣ я разсмотрю еще, какой союзъ болѣе заслуживаетъ довѣрія, съ республикой или государемъ.

ГЛАВА LIX.

Какой союзъ можетъ больше внушать къ себѣ довѣрія — съ республикой или съ государемъ.

Ежедневно заключаются союзы между государями и республиками, а также связи и договоры у республикъ съ государями, поэтому не лишнее будетъ разсмотрѣть, кто вѣрнѣе соблюдаетъ свои обязательства и больше заслуживаетъ довѣрія, республики или государи. Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, я пришелъ къ убѣжденію, что они во многомъ похожи, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнятся. Прежде всего, надобно сказать, что ни республики, ни государи не станутъ соблюдать договоровъ, вынужденныхъ силой; я убѣжденъ, что для спасенія государства ни республика, ни государь не поколеблются выказать вѣроломство и неблагодарность. Дмитрій, прозванный Завоевателемъ Городовъ, оказалъ безчисленныя благодѣянія аѳинянамъ; впослѣдствіи разбитый своими непріятелями, онъ искалъ убѣжища въ Аѳинахъ, какъ въ городѣ преданномъ и обязанномъ ему; но аѳиняне не пустили его къ себѣ, и отказъ этотъ огорчилъ его сильнѣе потери царства и арміи. Помпей, пораженный Цезаремъ въ Ѳессаліи, бѣжалъ въ Египетъ къ Птоломею, котораго онъ недавно возстановилъ на престолѣ; но царь приказалъ убить его. Такимъ образомъ и республика, и царь поступили одинаково, по одинаковымъ причинамъ, хотя первая оказалась менѣе жестокою и неблагодарною, чѣмъ второй. Вообще, отъ страха нечего ожидать вѣрности. Если бы даже мы видѣли республику и государя, предпочитающихъ погибель нарушенію вѣрности, то и это зависитъ бо̀льшею частью отъ разсчета. Такъ, напримѣръ, станетъ дѣйствовать государь, состоящій въ союзѣ съ другимъ могущественнымъ владѣтелемъ; хотя бы послѣдній и не

могъ защитить его въ данную минуту, остается ему вѣрнымъ, разсчитывая, что впослѣдствіи могущественный союзникъ возстановитъ и вознаградитъ его; такъ въ другомъ случаѣ союзникъ побѣжденнаго государя не нарушаетъ своей вѣрности, если видитъ, что врагъ не дастъ ему ни мира, ни пощады. Такова была причина преданности королей неаполитанскихъ французамъ. Изъ республикъ, такъ поступили Сагунтъ въ Испаніи, потерпѣвшій гибель за преданность Риму, и Флоренція въ 1512 году, пострадавшая за приверженность къ Франціи.

Разобравъ дѣло со всѣхъ сторонъ, я все таки думаю, что и при крайней опасности республика скорѣе государя сохранитъ вѣрность. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ, она думаетъ и желаетъ также, какъ и государь; но по самому устройству ея, она всегда дѣйствуетъ медленнѣе, и потому ей труднѣе нарушить свои обязательства. Союзы разрушаетъ интересъ. И въ этомъ отношеніи республики гораздо вѣрнѣе соблюдаютъ договоры, чѣмъ государи. Можно привести много примѣровъ, гдѣ ничтожная выгода побуждала государей нарушать договоры и другой стороны, такіе случаи, когда величайшая польза не служила для республикъ предлогомъ къ нарушенію вѣрности. Такъ напримѣръ Ѳемистоклъ совѣтовалъ аѳинянамъ принять его предложеніе, говоря, что оно чрезвычайно полезно для отечества, но что онъ не можетъ публично объяснять, въ чемъ дѣло, такъ какъ это лишитъ его возможности привести предпріятіе въ исполненіе. Аѳиняне поручили ему разсказать проэктъ Аристиду, съ тѣмъ, чтобы потомъ поступить такъ, какъ Аристидъ разсудитъ. Ѳемистоклъ сказалъ Аристиду, что флотъ всей Греціи, ввѣренный аѳинянамъ, находится въ ихъ власти, такъ что его легко отнять или истребить и такимъ образомъ поставить всѣ греческія государства въ зависимость отъ Аѳинъ. Тогда Аристидъ сообщилъ народу, что проэктъ Ѳемистокла очень выгоденъ, но чрезвычайно безчестенъ, и на этомъ основаніи народъ отвергнулъ его. Иначе поступили бы Филиппъ Македонскій и другіе государи, которые больше всего искали выгоды и считали нарушеніе обязательствъ лучшимъ средствомъ пріобрѣтать ее. Я не говорю о тѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ, когда трактаты нарушают-

ся по невозможности ихъ соблюдать, я говорю только объ особенныхъ причинахъ ихъ нарушенія, и въ этомъ случаѣ я полагаю, что народъ рѣже впадаетъ въ это преступленіе, чѣмъ государь, и больше заслуживаетъ довѣрія.

ГЛАВА LX.

Консульство и всѣ прочія общественныя должности давались въ Римѣ безъ обращенія вниманія на возрастъ.

Исторія показываетъ, что по допущеніи плебеевъ къ консульской должности римская республика давала этотъ высшій санъ всѣмъ гражданамъ безъ исключенія, не принимая въ разсчетъ ни возраста, ни происхожденія; на возрастъ въ Римѣ вообще не обращали вниманія и пользовались безразлично достоинствами стариковъ и молодыхъ людей. Такъ напримѣръ Валерій Корвинъ сдѣлался консуломъ 23 лѣтъ и при этомъ сказалъ своимъ войскамъ, что консульство — награда достоинства, а не происхожденія: Erat praemium virtutis, non sanguinis. Можно впрочемъ много спорить о преимуществахъ и невыгодахъ такого невниманія къ возрасту и роду, хотя въ Римѣ невниманіе къ происхожденію было вызвано необходимостью, которое будетъ имѣть мѣсто во всякой республикѣ, желающей достигнуть того же, чего достигъ Римъ; потому что, какъ мы выше сказали, невозможно ожидать чего-нибудь отъ людей, не обнадеживъ ихъ полученіемъ награды, и крайне опасно лишать ихъ этой надежды. Въ Римѣ было необходимо подать плебеямъ надежду на достиженіе консульства. Нѣкоторое время они питались одной этой надеждой, но впослѣдствіи ея оказалось недостаточно, и пришлось осуществить ее. Республика, не дающая народу славнаго дѣла, можетъ, какъ мы видѣли, дѣлать съ нимъ что угодно; но, имѣя въ виду такія великія задачи, какія имѣлъ Римъ, нельзя установлять различій между гражданами. Если такимъ образомъ рѣшается вопросъ о происхожденіи, то о возрастѣ нечего и толковать; второе необходимо вытекаетъ изъ перваго: если молодой человѣкъ возвышается въ должность, которая требуетъ опытности старца, то очевидно, что эту должность онъ заслужилъ какимъ-нибудь блистательнымъ подвигомъ; иначе его не избрали бы. Но если молодой человѣкъ обладаетъ такими достоинствами, что умѣлъ такъ высоко отличиться и прославиться, то для государства было бы въ высшей степени вредно, не имѣть возможности воспользоваться его дарованіями и ждать, пока лѣта ослабятъ въ немъ ту силу души, ту энергію и пылкость, которыя могли бы теперь принести такую пользу отечеству, какую принесли Риму Валерій Корвинъ, Сципіонъ, Помпей и многіе другіе, восторжествовавшіе въ ранней молодости.

РАЗСУЖДЕНІЯ

О

ПЕРВОЙ ДЕКАДѢ ТИТА ЛИВІЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Люди постоянно хвалятъ, но не всегда основательно, старое время и порицаютъ настоящее; они дотого пристрастны къ прошлому, что восхваляютъ не только давно прошедшія времена, извѣстныя имъ по воспоминаніямъ, оставленнымъ историками, но и то время, которое видѣли въ молодости и о которомъ вспоминаютъ уже въ старости. Они, разумѣется, ошибаются и я разсмотрѣлъ, что именно вводитъ ихъ въ заблужденіе. Я полагаю во первыхъ, что о событіяхъ въ древности господствуютъ превратныя понятія; очень часто скрываются обстоятельства, наносящія имъ безчестіе, а съ другой стороны чрезмѣрно преувеличивается все, что можетъ прославить или возвеличить ихъ. Быть можетъ также, многіе писатели слишкомъ увлекаются счастіемъ побѣдителей, слишкомъ прославляютъ ихъ побѣды и преувеличиваютъ не только ихъ подвиги, но и достоинство ихъ враговъ; вслѣдствіе этого, потомки націй, и побѣдившихъ и побѣжденныхъ, восхищаются своими предками, чрезмѣрно восхваляютъ ихъ и любятъ. Во вторыхъ, люди ненавидятъ другъ друга изъ страха или зависти; но эти двѣ причины, столь могущественныя для возбужденія ненависти въ настоящемъ, не относятся къ прошлому, потому что въ прошломъ нельзя ни завидовать, ни ненави-

дѣть. Иное дѣло событія, въ которыхъ мы сами дѣйствуемъ или которыя совершаются у насъ на глазахъ; мы знаемъ ихъ такъ подробно, что видимъ всѣ побудительныя ихъ причины; тогда вамъ обнаруживается, какъ мало въ нихъ добраго, даже въ томъ, что вамъ нравится, и вы смотрите на нихъ менѣе благопріятно, чѣмъ на прошедшія, хотя, по правдѣ, они часто болѣе заслуживаютъ похвалъ и удивленія. Я говорю не о вѣчныхъ созданіяхъ искуства, которыя сами говорятъ за себя, такъ что время не можетъ ни увеличить, ни уменьшить ихъ достоинства. Я говорю о постоянныхъ качествахъ общественнаго быта и обычаяхъ людей, которые не оставляютъ столь ясныхъ свидѣтельствъ.

Итакъ, повторяю, существуетъ привычка хвалить прошлое и бранить современное; однако нельзя не сознаться, что она не всегда ошибочна. Иногда мы по необходимости судимъ вѣрно; такъ какъ нерѣдко бываетъ, что историческія событія идутъ вспять, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, потому что историческій ходъ не можетъ останавливаться, и если не можетъ подвигаться, то непремѣнно идетъ назадъ. Напримѣръ, городъ или область получаетъ гражданскій бытъ отъ какого-нибудь мудраго законодателя и вслѣдствіе его превосходныхъ постановленій съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе совершенствуется. Тогдашніе современники, конечно, ошибаются, восхваляя старое время на счетъ своего; ошибка эта зависитъ отъ указанныхъ нами причинъ. Но позднѣйшие граждане этого города или области, живущіе уже во времена упадка, не ошибаются, хваля прежніе порядки.

Размышляя объ историческомъ ходѣ событій, я прихожу къ убѣжденію, что свѣтъ всегда одинаковъ и что въ немъ всегда одинаково много зла и добра; но это зло и добро переходятъ изъ страны въ страну, какъ мы видимъ въ исторіи древнихъ государствъ, которыя измѣнялись вслѣдствіе перемѣны нравовъ, но міръ самъ по себѣ оставался одинъ и тотъ же. Вся разница была въ томъ, что сумма добра, принадлежавшая прежде Ассиріи, перешла въ Мидію, потомъ въ Персію, наконецъ въ Италію и въ Римъ; послѣ паденія римской имперіи не возникло, правда, государства, которое было бы такъ долговѣчно и совмѣщало бы, подобно Риму, всю сумму добра; но это количество оставалось тѣмъ же, только распредѣлялось между различными націями, которыя блистательно выказали его; таковы королевство французское, царство турокъ и Египетъ, народы Германіи и тѣ славные Сарацины, которые совершили столько великихъ подвиговъ и сдѣлали столько завоеваній по разрушеніи Восточной римской имперіи. Въ этихъ государствахъ, возникнувшихъ на развалинахъ римскаго владычества, и во всѣхъ этихъ разностяхъ еще существуютъ добродѣтели и достоинства, о которыхъ сожалѣютъ и которыя постоянно хвалятъ. Кто родился въ нихъ и восхваляетъ прошлое въ ущербъ настоящему, можетъ весьма заблуждаться; но уроженецъ Италіи или Греціи, притомъ не сдѣлавшійся въ Италіи ультрамонтаномъ, а въ Греціи туркомъ, конечно, имѣетъ причину порицать настоящее и жалѣть о прошломъ. Въ древности, тамъ все было полно чудесъ, а теперь ничто не выкупаетъ чрезвычайныхъ бѣдствій, позора и безчестія, въ которые они ввергнуты; теперь въ нихъ не уважаются ни религія, ни законы, ни порядокъ, и на всемъ лежитъ клеймо порчи. Эти пороки тѣмъ гнуснѣе, что имъ подвержены даже судьи и правители, имѣющіе притязаніе на общее обожаніе.

Но возвратимся къ нашему предмету. Казалось бы, что если люди могутъ заблуждаться, отдавая предпочтеніе древности передъ современностью, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о древнихъ событіяхъ, то съ другой стороны, какъ объяснить ошибку старыхъ людей въ сужденіи о событіяхъ ихъ молодости и нынѣшнихъ, такъ какъ и тѣ и другія совершались у нихъ на глазахъ? Но дѣло въ томъ, что съ лѣтами страсти, мнѣнія и взгляды людей измѣняются; хотя бы обстоятельства не измѣнились, но люди не могутъ судить о нихъ одинаково въ старости и въ молодости, когда перемѣнились ихъ страсти, наклонности, взгляды. Старѣясь, люди обогащаются умомъ и опытностью, зато слабѣютъ силами; вслѣдствіе этого, то, что въ молодости казалось имъ сноснымъ и даже хорошимъ, въ старости кажется нестерпимымъ и гнуснымъ, и вмѣсто того, чтобы обвинять перемѣну своихъ взглядовъ, они обвиняютъ измѣнившіяся будто бы обстоятельства. Кромѣ того, желанія людей вообще ненасытны, потому что человѣкъ отъ природы

можетъ желать всего; но судьба позволяетъ ему достигать немногаго. Отсюда проистекаетъ постоянное недовольство въ умѣ человѣка и пресыщеніе тѣмъ, что онъ имѣетъ; поэтому является наклонность порицать настоящее, хвалить прошлое и желать будущаго, хотя бы даже безъ всякаго разумнаго основанія

Быть можетъ, и я заслуживаю, чтобы меня причислили къ числу заблуждающихся, такъ какъ въ этихъ разсужденіяхъ я слишкомъ восхваляю времена древнихъ римлянъ и порицаю современныя. Дѣствительно, не будь тогдашнія достоинства и нынѣшніе пороки яснѣе солнца, я говорилъ бы болѣе сдержанно, изъ опасенія впасть въ ту же ошибку, за которую обвиняю другихъ. Но дѣло слишкомъ очевидно для каждаго, и я могу прямо высказать все, что думаю о прошлыхъ и настоящихъ временахъ; я дѣлаю это съ той цѣлью, чтобы молодые люди, которые будутъ читать это сочиненіе, могли во всѣхъ случаяхъ избѣгать примѣровъ нашего времени и слѣдовать примѣрамъ древности. Всякій честный человѣкъ обязанъ научать по крайней мѣрѣ другихъ, тому добру, которое по превратностямъ времени и судьбы не могъ сдѣлать самъ; тогда изъ всѣхъ, кто окажется способенъ понять его, быть можетъ, найдется хотя одинъ, который, по милости небесъ, найдетъ возможность и привести слышанное въ исполненіе.

Въ предыдущей книгѣ я говорилъ о мѣрахъ, принятыхъ римлянами для внутренняго управленія республики; здѣсь мы поговоримъ о томъ, какъ римскій народъ распространялъ свое владычество.

ГЛАВА I.

Что болѣе способствовало распространенію владычества римлянъ—достоинства ихъ или счастіе.

Многіе писатели, въ томъ числѣ Плутархъ, историкъ, имѣющій очень важное значеніе, полагаютъ, что распространенію римскаго могущества болѣе способствовало счастіе, чѣмъ достоинства римской націи. Плутархъ доказываетъ это, между прочимъ, собственнымъ сознаніемъ этого народа, который приписывалъ всѣ свои побѣды счастью и больше всего воздвигъ храмовъ Фортунѣ. Титъ Ливій, повидимому, раздѣляетъ это мнѣніе; потому что, разсказывая о блестящихъ подвигахъ римлянъ, обыкновенно приписываетъ эти подвиги отчасти счастью. Я рѣшительно не раздѣляю этого мнѣнія и нахожу, что его невозможно защищать. Если римская республика пріобрѣла такіе безпримѣрные успѣхи, то это зависѣло отъ ея учрежденій, которыя были какъ нельзя лучше приспособлены для завоеваній. Конечно, завоеваніями она была обязана храбрости своихъ войскъ; но сохраненіемъ этихъ завоеваній она обязана своей собственной политикѣ и учрежденіямъ, дарованнымъ ей первымъ ея законодателемъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже подробно.

Напримѣръ, онъ говоритъ, что если римскому народу никогда не приходилось вести разомъ двѣ большія войны, то этимъ онъ обязанъ не благоразумію своему, а счастью. Такимъ образомъ война съ латинянами началась уже послѣ того, какъ латиняне до того разбили самнитовъ, что римлянамъ пришлось начать войну для защиты послѣднихъ. Война съ тосканцами началась послѣ покоренія латинянъ и по усмиреніи самнитовъ нѣсколькими пораженіями. Между тѣмъ, если бы народы эти соединились противъ римлянъ, пока еще были въ силѣ, легко можетъ быть, что римская республика пала бы. Какъ бы то ни было, римлянамъ никогда не приходилось вести одновременно двухъ большихъ войнъ: всегда бывало, что при началѣ одной другая прекращалась и по прекращеніи одной начиналась другая. Это явствуетъ изъ перечня веденныхъ ими войнъ. Мы не будемъ говорить о войнахъ, предшествовавшихъ взятію Рима французами (галлами). Послѣ того началась война съ эквами и вольсками, народами въ то время могущественными, и пока они не были ослаблены, противъ Рима другихъ враговъ не являлось. По покореніи ихъ возникла война съ самнитами; едва эта война кончилась, противъ римлянъ взбунтовались латинскіе народы, и впродолженіе бунта самниты не только не возобновляли военныхъ дѣйствій, но даже помогали римлянамъ

усмирять латинянъ. Когда возстаніе было усмирено, возобновилась война въ Самніумѣ. Самниты были нѣсколько разъ разбиты и обезсилены, и тогда возгорѣлась война съ тосканцами, которая только что успѣла кончиться, какъ снова поднялись самниты, и въ Италію явился Пирръ. Послѣ того, какъ Пирръ былъ побѣжденъ и принужденъ возвратиться въ Грецію, Римъ началъ первую войну съ карѳагенянами; вслѣдъ за ея окончаніемъ противъ Рима соединились всѣ французы по ту и по сю сторону Альпъ, но были истреблены въ страшной рѣзнѣ между Популоніей и Пизой, гдѣ нынѣ башня Санъ-Винченти. Послѣ этой войны, въ теченіе двадцати лѣтъ не было важныхъ войнъ, и римляне имѣли дѣло только съ лигурами и остатками французовъ въ Ломбардіи. Такъ продолжалось до второй пунической войны, которая 16 лѣтъ опустошала Италію. Окончивъ ее съ великой славой, римляне начали македонскую войну, а потомъ войну съ Антіохомъ въ Азіи. Когда римляне и здѣсь одержали побѣду, то во всемъ мірѣ не оставалось ни государя, ни республики, которые отдѣльно или даже всѣ въ союзѣ могли бы противиться римскому владычеству.

Разсматривая ходъ этихъ войнъ и способъ веденія ихъ до самой послѣдней побѣды, мы видимъ въ нихъ удивительное сочетаніе счастія, мужества и ума. Изслѣдуя далѣе причину такого счастія, мы легко находимъ ее: несомнѣнно, что когда народъ или государь такъ прославится, что всѣ сосѣдніе народы и государи боятся и не дерзаютъ нападать на него, то каждый изъ нихъ можетъ начать войну лишь по необходимости. Такимъ образомъ всегда будетъ зависѣть отъ воли могущественной державы начать войну съ кѣмъ ей угодно изъ сосѣдей, а прочихъ удерживать искусной политикой. Устрашаемые ея могуществомъ и обманутые мѣрами, которые она приняла для усыпленія ихъ, они не нарушаютъ мира; что касается до другихъ державъ, которыя находятся вдалекѣ отъ завоевателя и не имѣютъ съ нимъ близкихъ сношеній, то опасность кажется имъ слишкомъ отдаленною, чтобы страшиться ея. Ослѣпленіе ихъ продолжается до тѣхъ поръ, пока пламя не охватываетъ и ихъ, а тогда тушить его имъ приходится собственными силами, которыхъ оказывается недостаточно противъ врага, достигшаго высшаго могущества.

Я не стану говорить о томъ, какъ безучастно смотрѣли самниты на покореніе римлянами вольсковъ и эквовъ; чтобы не распространяться слишкомъ, я перейду къ карѳагенянамъ. Въ то время, когда римляне воевали еще съ самнитами и съ тосканцами, карѳагеняне были уже могущественны и знамениты, владѣли всею Африкою, Сардиніею и Сициліею и покорили часть Испаніи. При такомъ могуществѣ и будучи притомъ вдалекѣ отъ римскихъ предѣловъ, они и не помышляли о нападеніи на Римъ и о поданіи помощи самнитамъ и тосканцамъ. напротивъ того, они поступали въ отношеніи римлянъ, какъ вообще поступаютъ въ отношеніи всѣхъ возвышающихся, т. е. заискивая ихъ расположенія и союза. Они увидѣли свою ошибку только тогда, когда Римъ, покоривъ всѣ народы, обитавшіе между его владѣніями и карѳагенскими, началъ оспаривать у нихъ владычество въ Сициліи и въ Испаніи. Ту же ошибку раздѣляли французы, Филиппъ царь македонскій и Антіохъ; каждый изъ нихъ думалъ, пока римляне воевали съ прочими, что, быть можетъ, или они будутъ побѣждены, или удастся спастись отъ нихъ миромъ или войной. Я полагаю поэтому, что всякое государство, которое поступало бы въ этомъ отношеніи какъ римляне и обладало бы такими же достоинствами, имѣло бы подобный же успѣхъ. Здѣсь слѣдовало-бы показать, какъ поступалъ римскій народъ въ своихъ завоеваніяхъ; но мы говорили объ этомъ уже подробно въ нашемъ трактатѣ о «Государѣ». Здѣсь остается только сказать вкратцѣ, что въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ они всегда находили какого-нибудь союзника, который служилъ имъ ступенью или дверью, чтобы войти въ страну и утвердиться въ ней: такъ чрезъ капуанцевъ они проникали въ Самніумъ, чрезъ камертинцевъ въ Тоскану, чрезъ мамертинцевъ въ Сицилію, чрезъ сагунтинцевъ въ Испанію, черезъ Масениссу въ Африку, черезъ этолійцевъ въ Грецію, черезъ Эвмена и другихъ царей въ Азію, черезъ массилійцевъ и эдуевъ во Францію. Такимъ образомъ, у нихъ всегда были помощники, облегчавшіе имъ завоеванія, способствовавшіе пріобрѣтать и удерживать области. И всякій народъ, который будетъ поступать такимъ образомъ, будетъ имѣть меньше

нужды въ благосклонности судьбы, чѣмъ тѣ, которые поступаютъ не такъ. Чтобы убѣдиться, что достоинства гораздо больше счастія помогли римлянамъ достигнуть владычества, мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ, какими качествами отличались народы, съ которыми имъ приходилось вести войны, и какъ упорно они отстаивали свою свободу.

ГЛАВА II.

Съ какими народами приходилось римлянамъ вести войны и какъ упорно они отстаивали свою свободу.

Ничто такъ не затрудняло римлянамъ покоренія сосѣднихъ народовъ и нѣкоторыхъ отдаленныхъ странъ, какъ любовь этихъ народовъ къ свободѣ. Они защищали ее такъ упорно, что не могли бы быть покорены, если бы римляне не обладали столь необыкновеннымъ мужествомъ. Многіе примѣры показываютъ, съ какими опасностями они защищали и возвращали себѣ свободу и какъ мстили похитителямъ ея. Исторія учитъ, какимъ бѣдствіямъ рабство подвергаетъ народы и государства. Въ наше время есть только одна страна, гдѣ существуетъ нѣсколько свободныхъ городовъ; но въ древности всѣ страны были бо́льшею частію населены народами свободными. Такъ въ Италіи во времена, о которыхъ мы теперь говоримъ, начиная отъ горъ, отдѣляющихъ Тоскану отъ Ломбардіи, до крайней оконечности полуострова, жило множество независимыхъ народовъ, какъ-то тосканцы, римляне, самниты и многіе другіе, обитавшіе въ другихъ частяхъ Италіи. Въ Италіи, по свидѣтельству исторіи, не было другихъ царей, кромѣ римскихъ и Порсенны, царя тосканскаго, о которомъ даже неизвѣстно, какъ угасло его потомство. Во всякомъ случаѣ, въ то время, когда римляне отправились осаждать Вейи, Тоскана была уже свободна; она такъ дорожила своей свободой и до того ненавидѣла самое имя монархіи, что когда жители Вейевъ для защиты своей установили царя и просили у тосканцев помощи противъ римлянъ, тосканцы, послѣ долгихъ совѣщаній, положили не давать Вейямъ помощи пока у нихъ будетъ царь; они нашли, что не слѣдуетъ защищать людей, которые добровольно подчинили себя игу. Не трудно понять, откуда происходитъ такая любовь народовъ къ свободѣ, потому что опытъ показываетъ, что государства пріобрѣтаютъ могущество и богатства только въ свободномъ состояніи. Дѣйствительно, нельзя не удивляться, какого величія достигли Аѳины въ теченіе ста лѣтъ по освобожденіи отъ тираніи Пизистрата. Но еще удивительнѣе величіе Рима по освобожденіи отъ власти царей. Причина понятна, потому что величіе государствъ основывается не на частной выгодѣ, а на общемъ благосостояніи. Между тѣмъ общая польза безъ сомнѣнія соблюдается только въ республикахъ; въ нихъ выполняется безпрепятственно все, имѣющее въ виду благо всѣхъ; хотя бы какая-нибудь мѣра наносила ущербъ нѣкоторымъ частнымъ интересамъ, но если она выгодна большинству, то конечно и пройдетъ, не смотря на сопротивленіе обиженныхъ ею. Иное дѣло монархія, гдѣ обыкновенно все, что государь дѣлаетъ въ свою пользу, оскорбляетъ интересы общества, а что дѣлаетъ для общества, то невыгодно ему лично. Такимъ образомъ, когда вмѣсто свободы водворяется тираннія, самое малое зло, которое государство терпитъ отъ этого, состоитъ въ томъ, что оно не можетъ больше идти впередъ, усиливаться и обогащаться. Бо́льшею частію или вѣрнѣе, всегда, оно не только не идетъ впередъ, но даже падаетъ. Если бы даже явился тиранъ добродѣтельный, который своимъ умомъ и энергіей распространилъ бы предѣлы своего государства, то для страны и это было бы безполезно; вся выгода была бы только для самого тирана; ему и нельзя возвышать честныхъ гражданъ, страдающихъ подъ его тиранніей, потому что они немедленно возстанутъ противъ него. Притомъ ему не для кого подчинять или дѣлать данниками завоеванныя имъ государства тому городу, гдѣ онъ царствуетъ, потому что ему невыгодно дѣлать его слишкомъ могущественнымъ; дѣло тирана—сѣять раздоры и стараться, чтобы всѣ завоеванныя имъ страны и области подчинялись только ему, а не его государству. Вслѣдствіе этого онъ

одинъ пользуется своими завоеваніями, и для отечества его они ни къ чему не служатъ. Кто желаетъ вполнѣ убѣдиться въ этомъ новыми доводами, пусть прочтетъ трактатъ Ксенофонта: «о Тираніи». Не удивительно поэтому, что древнія націи такъ ненавидѣли и преслѣдовали тирановъ, такъ любили свободу и такъ благоговѣли передъ самымъ именемъ ея. Когда въ Сиракузахъ умеръ Гіеронимъ, племянникъ Гіерона Сиракузскаго, армія его, стоявшая неподалеку отъ Сиракузъ, при извѣстіи о смерти его взбунтовалась и возстала противъ его убійцъ; но, услышавъ въ Сиракузахъ ликованіе по случаю возстановленія свободы, она была такъ поражена этимъ, что успокоилась, отложила гнѣвъ свой противъ тираноубійцъ и помогла учредить въ городѣ свободное правленіе. Не удивительно также, что народы предаются неумѣренному мщенію противъ похитителей свободы. Изъ многихъ примѣровъ подобнаго мщенія мы приведемъ только случай, бывшій въ греческомъ городѣ Корцирѣ во времена пелопонезской войны. Въ то время Греція раздѣлялась на двѣ враждебныя партіи: аѳинскую и спартанскую, и эта вражда партій проникала даже во внутренность многихъ греческихъ государствъ, граждане которыхъ раздѣлились, и одни стояли за Аѳины, а другіе за Спарту. При этихъ распряхъ въ Корцирѣ аристократы одержали верхъ и лишили народъ свободы, но народъ съ помощію аѳинянъ собрался съ силами, овладѣлъ всѣми аристократами и заперъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ обширную тюрьму; оттуда ихъ выводили по восьми и по десяти человѣкъ, подъ предлогомъ отправленія въ ссылку въ разныя мѣста, но на самомъ дѣлѣ, чтобы предавать смерти мучительнѣйшею казнью. Остальные, увидѣвъ, что́ ихъ ожидаетъ, рѣшились по возможности избѣжать такой позорной смерти; вооружившись, чѣмъ могли, они начали кидаться на входившихъ въ тюрьму и не пускали никого. На шумъ сбѣжался весь народъ, разрушилъ верхъ зданія и раздавилъ заключенныхъ подъ его развалинами. Въ Греціи было много подобныхъ случаевъ, столь же ужасныхъ и замѣчательныхъ; они доказываютъ, что месть за похищеніе свободы бываетъ строже, чѣмъ за намѣреніе похитить ее.

Размышляя о томъ, почему древніе народы были больше нашего преданы свободѣ, я прихожу къ убѣжденію, что это зависитъ отъ той же причины, по которой нынѣшніе люди менѣе сильны: это зависитъ отъ разницы воспитанія, которая въ свою очередь проистекаетъ отъ различія религіи, древней и нашей.

Наша религія показываетъ намъ истину и участь справедливой жизни, чѣмъ заставляетъ меньше цѣнить свѣтскія выгоды, которыя для язычниковъ были выше всего, въ которыхъ они полагали свое высшее благо, и потому въ поступкахъ своихъ они были жесточе насъ. Это видно во всѣхъ обычаяхъ ихъ, начиная отъ ихъ великолѣпныхъ жертвоприношеній, между тѣмъ, какъ у насъ жертвоприношенія такъ скромны, что отличаются болѣе чувствомъ, чѣмъ великолѣпіемъ, и не имѣютъ въ себѣ ничего жестокаго и возбуждающаго храбрость. Обряды ихъ были пышны и торжественны, но сопровождались кровопролитіемъ и жестокостями; они убивали множество животныхъ, и эта ужасная бойня возбуждала кровожадность людей. При томъ древняя религія боготворила только людей, покрывшихся свѣтской славой, какъ напримѣръ полководцевъ и правителей. Наша же религія признаетъ святыми бо́льшею частью людей смиренныхъ, болѣе созерцательныхъ, чѣмъ дѣятельныхъ. Наша религія полагаетъ высшее благо въ смиреніи, въ презрѣніи къ мірскому, въ отреченіи отъ жизни, тогда какъ языческая религія полагала его въ величіи души, въ силѣ тѣла и во всемъ, что дѣлаетъ человѣка могущественнымъ. Наша религія, если и желаетъ намъ силы, то не на подвиги, а на терпѣніе. Это новое ученіе, какъ кажется, обезсилило міръ и предало его въ жертву мерзавцамъ. Когда люди ради рая, предпочитаютъ переносить всякія обиды, чѣмъ мстить, мерзавцамъ открывается обширное и безопасное поприще. Но если свѣтъ изнѣжился, если небесныя надежды обезсилили людей, то это, безъ сомнѣнія, вина самихъ людей, которые истолковываютъ нашу религію въ интересахъ лѣности, а не добродѣтели. Еслибъ они видѣли, что она допускаетъ стремленіе къ возвышенію и огражденію отечества, то убѣдились бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что она позволяетъ любить и почитать отечество и готовить себя служить ему защитникомъ. Это ложное истолкованіе извращаетъ такимъ образомъ воспитаніе и

служитъ причиною того, что въ наше время число республикъ такъ уменьшилось въ сравненіи съ древностью и что, слѣдовательно, народы теперь меньше любятъ свободу, чѣмъ прежде. Но и римская имперія была, по моему мнѣнію, важной причиной этого; оружіемъ и могуществомъ своимъ она ниспровергла всѣ республики и уничтожила свободныя учрежденія. Хотя имперія эта рушилась, но покоренныя ею государства до сихъ поръ, за немногими исключеніями, не могутъ прійти въ порядокъ и возстановить у себя свободныя учрежденія.

Какъ бы то ни было, республики всего свѣта единодушно ненавидѣли римлянъ и упорно отстаивали свою свободу. Это доказываетъ, что римскому народу было необходимо рѣдкое и удивительное мужество, чтобы восторжествовать надъ ними. Въ примѣръ достаточно привести Самнитовъ. Этотъ примѣръ особенно замѣчателенъ. По словамъ Тита Ливія, народъ этотъ былъ такъ могуществень и храбръ, что могъ противиться римлянамъ до временъ консула Папирія Курсора, сына перваго Папирія (т. е. въ теченіе 46 лѣтъ), не смотря на неоднократныя пораженія, разореніе страны и различныя бѣдствія, постигавшія ихъ; въ настоящее время эта страна, нѣкогда столь населенная и цвѣтущая, почти совершенно обезлюдѣла, тогда какъ прежде она была такъ благоустроена и могущественна, что была бы непобѣдима, если бы на нее не обратились силы такого доблестнаго народа, какъ римляне. Причины прежняго порядка и нынѣшняго безпорядка весьма легко объяснить; все дѣло въ томъ, что прежде была свобода, а теперь рабство. Ибо всѣ страны и области, пользующіяся свободой, оказываютъ во всемъ чрезвычайные успѣхи. Народонаселеніе тамъ многочисленнѣе, потому что браки свободнѣе и всѣ ихъ желаютъ. Каждый гражданинъ радуется рожденію дѣтей, которыхъ можетъ прокормить; онъ увѣренъ, что никто не лишитъ ихъ наслѣдства, знаетъ, что даетъ жизнь не рабамъ, а людямъ свободнымъ, которые, смотря по своимъ достоинствамъ, могутъ достигнуть высшаго значенія въ странѣ. Богатства, создаваемыя земледѣліемъ и промышленностью, возрастаютъ въ изобиліи. Каждый охотно старается пріобрѣсти и пріумножить достояніе, которымъ надѣется спокойно пользоваться.

Такимъ образомъ люди равно заботятся и о частныхъ, и объ общественныхъ выгодахъ, и вслѣдствіе этого удивительно преуспѣваютъ и тѣ, и другія. Иное видимъ мы въ странахъ порабощенныхъ, гдѣ тѣмъ больше недостатковъ, чѣмъ дольше продолжается рабство. Самое худшее рабство налагается гнетомъ государства: во первыхъ оно всего прочнѣе и всего меньше допускаетъ надежды на избавленіе; во вторыхъ, государство всегда старается обезсилить и подорвать всякую дѣятельность общества, чтобы самому возвыситься. Иго личности не можетъ быть такъ тяжко, кромѣ развѣ ига такихъ варварскихъ опустошителей странъ, истребителей всякой человѣческой гражданственности, каковы восточные владыки. Если государь хоть сколько-нибудь доступенъ человѣколюбію, если онъ сколько-нибудь честенъ, онъ будетъ одинаково любить всѣ подвластные ему города, оставитъ имъ свободу ихъ промышленности и бóльшую часть ихъ древнихъ учрежденій. Не имѣя возможности развиваться свободно, они по крайней мѣрѣ не погибнутъ въ рабствѣ; я говорю здѣсь, конечно, о городахъ, покоренныхъ иностранными владѣтелями; что касается до мѣстныхъ тирановъ, то о нихъ уже говорено выше.

Итакъ, соображая все сказанное, мы не будемъ удивляться силѣ Самнитовъ, когда они были свободны, и безсилію ихъ послѣ порабощенія. Титъ Ливій свидѣтельствуетъ объ этомъ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ говоря о войнѣ съ Аннибаломъ, причемъ расказываетъ, что Самниты были угнетены легіономъ арміи, стоявшимъ въ Нолѣ, и послали просить помощи у Аннибала. Послы ихъ сказали въ своей рѣчи, что народъ ихъ цѣлое столѣтіе воевалъ съ римлянами собственными войсками и военачальниками, неоднократно выдерживалъ разомъ по двѣ консульскія арміи и по два консула, но теперь палъ такъ низко, что не можетъ справиться съ однимъ ничтожнымъ легіономъ, стоящимъ въ Нолѣ.

ГЛАВА III.

Римъ дѣлается могущественнымъ городомъ, разрушая сосѣднія государства и давая иностранцамъ легкій доступъ къ почестямъ.

Crescit interea Roma Albae ruinis. Между тѣмъ Римъ росъ разрушеніемъ Альбы. Желая доставить городу большое могущество, надо особенно стараться всѣми мѣрами сдѣлать его многолюднымъ; не будучи многолюднымъ, онъ никогда не сдѣлается могущественнымъ. Населить его можно двумя путями: охотой и силой. Чтобы населить охотой, надо открывать вѣрный и легкій доступъ иностранцамъ, желающимъ поселиться въ немъ, дабы каждый охотно приходилъ жить въ него; чтобы населить силой, надо разрушить сосѣдніе города и переселить оттуда жителей въ собственный городъ. Римъ такъ и дѣлалъ, вслѣдствіе чего уже при шестомъ царѣ имѣлъ восемьдесятъ тысячъ жителей, способныхъ носить оружіе. Римляне поступали въ этомъ случаѣ, какъ опытный садовникъ, который, чтобы лучше возрастить растеніе и вызвать на немъ спѣлые плоды, обрѣзываетъ первые ростки, дабы всѣ соки собрались въ корни и дали бы впослѣдствіи растенію больше зелени и плодовъ. Примѣръ Спарты и Аѳинъ доказываетъ, какъ необходимъ и полезенъ этотъ способъ основывать и увеличивать могущества государствъ. Эти республики, хотя грозныя военной силой и управляемыя превосходными законами, никогда не достигли величія, подобнаго римскому; а между тѣмъ Римъ казался менѣе благоустроенъ и болѣе смутенъ, чѣмъ онѣ. Я не могу приписать это иной причинѣ, кромѣ вышесказанной; Римъ, увеличивъ этими двумя способами свое народонаселеніе, могъ наконецъ выставить 280,000 войска, а Спарта и Аѳины никогда не могли собрать болѣе 20,000 каждая. — Это зависѣло не отъ

лучшаго мѣстоположенія Рима, а отъ благоразумныхъ государственныхъ мѣръ. Основатель республики спартанской, Ликургъ, полагалъ, что прибытіе новыхъ гражданъ больше всего можетъ способствовать распаденію его учрежденій и принялъ всѣ мѣры, чтобы возбранить иностранцамъ доступъ въ государство; онъ запретилъ имъ заключать браки съ гражданами, не позволялъ принимать ихъ въ Спартѣ на правахъ гражданъ и вообще всѣ средства сближенія между людьми; кромѣ того онъ постановилъ, чтобы въ республикѣ его ходила только мѣдная монета, дабы отнять у всѣхъ охоту привозить туда товары. Такимъ образомъ этотъ городъ никогда не могъ умножить своего населенія. Но всѣ наши дѣйствія подлежатъ тѣмъ же законамъ, какъ и явленія природы, и потому невозможно и неестественно, чтобы слабый стволъ могъ поддерживать огромную вѣтвь. Маленькая республика не можетъ завоевать города и государства, которые обширнѣе или сильнѣе ея; а если даже ей это и удастся, то на ея же погибель: такъ дерево, обремененное вѣтвями, которыя толще самаго ствола, едва выдерживаетъ ихъ бремя и падаетъ при первомъ порывѣ вѣтра. Такъ было и со Спартой, которая овладѣла всѣми греческими городами; но едва возстали противъ нея Ѳивы, какъ примѣру ихъ послѣдовали всѣ прочіе города, и стволъ остался обнаженъ, безъ вѣтвей. Этого не могло случиться съ Римомъ, потому что стволъ былъ достаточно крѣпокъ для какихъ угодно вѣтвей. Итакъ, кромѣ другихъ, нижесказанныхъ средствъ, въ этомъ состоялъ одинъ изъ путей Рима къ величію и могуществу. Титъ Ливій выражаетъ это двумя словами, говоря: Crescit interea Roma Albae ruinis.

ГЛАВА IV.

Республики шли тремя путями къ распространенію.

Изучая древнюю исторію, мы находимъ, что республики шли тремя путями къ распространенію. Одинъ изъ нихъ былъ

избранъ древними тосканцами: онъ состоялъ въ томъ, чтобы соединять нѣсколько республикъ союзомъ, не давая ни одной преимущества и перевѣса надъ прочими; для распространенія слѣдовало только продолжать принимать въ союзъ другія республики. Такъ поступаютъ въ наше время швейцарцы, а въ древности въ Греціи—ахейцы и этолійцы. Римляне долго воевали съ тосканцами; поэтому, чтобы лучше выяснить сущность этого перваго способа, я скажу объ этомъ народѣ подробнѣе.

До распространенія римскаго владычества, тосканцы были могущественны въ Италіи на морѣ и на сушѣ. Хотя частной исторіи ихъ мы не имѣемъ, но остались память и слѣды ихъ величія; такъ напр. они послали колонію на верхнее море, и колонія эта, названная Адріей, такъ прославилась, что сами латины назвали по ней это море Адріатическимъ. Мы знаемъ также, что войскамъ ихъ повиновалась вся страна отъ Тибра до подножья Альпъ, опоясывающихъ тѣло Италіи: тосканцы лишились владычества въ этой странѣ за двѣсти лѣтъ до возвышенія Рима; тогда эта область, называемая нынѣ Ломбардіей, была завоевана французами, которые пришли въ Италію подъ предводительствомъ Беловеза, побужденные нуждой или заманенные сладостью плодовъ и особенно вина; они разбили и изгнали туземцевъ, утвердились въ странѣ, построили въ ней много городовъ и назвали ее Галліей по своему тогдашнему имени; они господствовали здѣсь до покоренія ихъ римлянами.

Итакъ, тосканцы жили въ совершенномъ равенствѣ и распространяли свое государство первымъ изъ указанныхъ нами способовъ: у нихъ было двѣнадцать городовъ, въ томъ числѣ Клузіумъ, Вейи, Фіезоле, Ареццо, Вольтерра. Они управлялись между собою на основаніи союзнаго договора, и потому образуемое ими федеративное государство не могло распространиться за предѣлы Италіи, и даже бо́льшая часть Италіи осталась внѣ союза ихъ, по причинамъ, которыя мы объяснимъ ниже.

Другой способъ распространенія состоитъ въ пріобрѣтеніи союзниковъ, но съ предоставленіемъ себѣ въ союзѣ главенства, верховной власти и права начинанія общихъ предпріятій. Такъ поступали римляне.

Третій заключается въ пріобрѣтеніи не союзниковъ, а подданныхъ, какъ поступали спартанцы и аѳиняне.

Изъ этихъ трехъ способовъ послѣдній самый безполезный, какъ доказалъ примѣръ этихъ двухъ республикъ, павшихъ именно потому, что онѣ пріобрѣли владѣнія не по силамъ. Трудно и опасно насиліемъ управлять городомъ, который привыкъ къ независимости. Чтобы держать его въ покорности, надо быть постоянно вооруженнымъ и располагать большими силами; иначе не удержишь власти. Но, чтобы обладать у себя большими силами, надо имѣть союзниковъ, которые помогали бы умножать населеніе господствующаго города. Аѳины и Спарта упустили это изъ вида, и потому дѣятельность ихъ была безполезна. Римъ же, дѣйствовавшій вторымъ способомъ, принялъ всѣ нужныя мѣры и потому достигъ такого необыкновеннаго могущества. Этому способствовало еще то, что такимъ образомъ дѣйствовалъ онъ одинъ; благодаря этому онъ пріобрѣлъ множество союзниковъ во всей Италіи, и его союзники пользовались во многихъ отношеніяхъ равными съ нимъ правами. Но онъ всегда сохранялъ за собою верховную власть и руководительство, такъ что союзники его, сами того не замѣчая, проливали кровь свою и потъ на собственное порабощеніе. Дѣйствительно, вскорѣ римляне стали посылать свои войска за предѣлы Италіи, начали обращать царства въ провинціи и покорять народы, привыкшіе повиноваться царямъ и потому легко переносившіе это новое порабощеніе; но, получая правителей изъ Рима и будучи покорены войсками, называвшимися римскими, эти народы признавали своимъ владыкой и побѣдителемъ только Римъ. Такимъ образомъ итальянскіе союзники Рима внезапно очутились окруженными римскими подданными и были подавлены его могуществомъ. Когда наконецъ они поняли свою ошибку, было уже поздно поправлять ее, потому что Римъ сталъ силенъ и внѣшними завоеваніями, и внутренней силой, имѣя многочисленное и воинственное населеніе. Мстя за свое заблужденіе, союзники возставали противъ него, но были побѣждаемы, и положеніе ихъ становилось еще хуже: изъ союзниковъ они обращались въ подданныхъ. Какъ мы уже сказали, такимъ образомъ дѣйствовали только римляне; но такъ должна

поступать всякая республика, желающая усилиться, потому что, какъ показываетъ опытъ, это вѣрнѣйшій способъ пріобрѣсти могущество.

Способъ распространенія государства посредствомъ союзовъ, которому слѣдовали тосканцы, ахейцы и этолійцы, а теперь швейцарцы, самый лучшій послѣ римскаго. Правда онъ не допускаетъ слишкомъ большаго распространенія; но это имѣетъ двѣ выгоды: во первыхъ, рѣже вовлекаетъ въ войны; во вторыхъ даетъ возможность прочнѣе сохранять пріобрѣтенное. Препятствіемъ къ обширному распространенію федеративнаго государства служатъ разнохарактерность республикъ, слишкомъ удаленныхъ другъ отъ друга, и самая отдаленность ихъ, которая мѣшаетъ имъ совѣщаться объ общихъ мѣрахъ. Притомъ федеративныя государства вообще менѣе завоевательны: потому что всякое завоеваніе приходится дѣлить между всѣми участниками союза, а потому каждый меньше желаетъ завоеваній, чѣмъ единая республика, которая можетъ нераздѣльно пользоваться всѣмъ, что пріобрѣтаетъ. Далѣе, будучи управляемо совѣщательнымъ собраніемъ, федеративное государство естественно не можетъ дѣйствовать такъ быстро, какъ народъ, живущій весь вмѣстѣ въ одномъ городѣ. Наконецъ, опытъ показываетъ, что федерація имѣетъ извѣстные предѣлы распространенія по самой природѣ своей, и не было примѣра, чтобы она переступила ихъ; въ ней не можетъ участвовать болѣе двѣнадцати или четырнадцати государствъ. Дальше этого она не идетъ, потому что, усилившись настолько, чтобы обезпечить свою безопасность, она не ищетъ дальнѣйшихъ завоеваній, не чувствуя ни надобности, ни желанія бо́льшаго усиленія. Мы уже объяснили причины этого. Федераціи для распространенія своихъ предѣловъ слѣдовало бы или увеличить число своихъ членовъ, что произвело бы замѣшательство, или пріобрѣтать новыхъ подданныхъ, что для нея трудно и почти безполезно. Вотъ почему усилившись настолько, чтобы жить безопасно, федераціи стараются во первыхъ брать подъ свое покровительство слабыя государства, чтобы получать отъ нихъ деньги, которыя легко дѣлить; во вторыхъ, онѣ охотно воюютъ за жалованье въ пользу

другихъ государей и республикъ, которые нанимаютъ ихъ; такъ поступаютъ въ наше время швейцарцы, и федераціи всегда дѣлали то же самое. Объ этомъ говоритъ и Титъ Ливій. Онъ разсказываетъ о свиданіи Филиппа, царя македонскаго, съ Титомъ Квинціемъ Фламиніемъ въ присутствіи одного этолійскаго претора. При этомъ Филиппъ побранился съ преторомъ и упрекалъ этолійцевъ въ алчности и вѣроломствѣ, говоря, что они не стыдятся воевать на обѣихъ сторонахъ, такъ что не рѣдко въ обѣихъ непріятельскихъ арміяхъ оказываются этолійскія знамена. Такимъ образомъ федераціи поступали всегда одинаково и всегда приходили къ одинаковымъ результатамъ. Что касается до завоевательнаго способа дѣйствій, мы видѣли, какъ онъ всегда безуспѣшенъ и даже гибеленъ, если переходитъ за должную мѣру. Будучи безполезенъ для республикъ воинственныхъ, онъ тѣмъ болѣе безполезенъ для государствъ, не имѣющихъ войскъ, каковы современныя итальянскія республики. Стало быть, самый лучшій — путь, который былъ избранъ римлянами; онъ тѣмъ удивительнѣе, что ни до, ни послѣ Рима никто не могъ подражать ему. Что же касается федерацій, то въ наше время ихъ представляютъ только Швейцарія и Швабскій Союзъ.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ мудрыхъ учрежденій Рима въ его внѣшней и внутренней политикѣ ни одно не только не нашло въ наше время подражанія, но даже не заслужило ни малѣйшаго вниманія, и всѣ считаются какъ будто вымышленными, невозможными, неудобными и безполезными. Такимъ образомъ, коснѣя въ своемъ невѣжествѣ, мы всегда жертва всякаго, кому вздумается вторгнуться въ нашу страну. Положимъ, что подражать Риму слишкомъ трудно; но почему же не взять бы въ примѣръ хоть древнихъ тосканцевъ, особенно нынѣшнимъ тосканцамъ? Конечно, они не могли пріобрѣсти такого могущества, какъ Римъ, однако достигли въ Италіи извѣстной силы, на сколько позволяла имъ ихъ система. Они долго пользовались безопасностью, славой, добрыми нравами и хорошей религіей. Могущество и слава ихъ были подорваны французами и потомъ уничтожены римлянами до такой степени, что теперь, послѣ двухъ тысячъ лѣтъ, о нихъ не ос-

талось почти и воспоминанія. Любопытно вникнуть въ причины такого полнаго забвенія, и мы разсмотримъ ихъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА V.

Перемѣна религіи и языка, а также наводненія и моровыя повѣтрія уничтожаютъ историческія воспоминанія.

Философамъ, полагающимъ, что міръ вѣченъ, возражали, кажется, что если бы это была правда, то мы имѣли бы воспоминанія о событіяхъ древнѣе пяти тысячъ лѣтъ. Но разныя причины уничтожаютъ память историческихъ событій; причины эти зависятъ частью отъ людей, частью отъ самаго неба. Отъ людей зависитъ перемѣна религіи и языка. Первымъ стараніемъ новой возникшей секты или новой религіи бываетъ искорененіе прежней для собственнаго возвышенія; уничтожить старую религію особенно легко, если основатели новой говорятъ другимъ языкомъ. Эти замѣчанія вполнѣ подтверждаются разборомъ борьбы христіанской религіи противъ язычества; христіанство ниспровергло всѣ учрежденія, всѣ обряды язычества и совершенно уничтожило воспоминаніе о древней теологіи. Однако оно не успѣло изгладить памяти о подвигахъ великихъ людей языческаго міра, и это зависитъ отъ того, что христіанство по необходимости сохранило латинскій языкъ, имѣя въ немъ надобность для написанія своихъ законовъ. Если бы христіане могли писать на новомъ языкѣ, у насъ навѣрно не сохранились бы воспоминанія о древности, что легко доказать всѣми преслѣдованіями, къ какимъ прибѣгало христіанство противъ язычества. Читая о дѣйствіяхъ св. Григорія и другихъ главъ христіанской религіи, мы поражены ожесточеніемъ, съ которымъ они преслѣдовали всѣ воспоминанія древности, сочиненія поэтовъ и историковъ, разрушая статуи и уничтожая все, что носило на себѣ память древности. Если бы при такомъ преслѣдованіи они еще говорили новымъ языкомъ, то въ скоромъ времени все

прежнее было бы позабыто. Должно полагать, что какъ христіанство дѣйствовало противъ язычества, такъ точно и язычество противъ религіи, которая предшествовала ему. Въ теченіе пяти и шести тысячъ лѣтъ религіи непремѣнно мѣняются раза два или три, и такимъ образомъ теряется воспоминаніе о томъ, что было раньше. Если и остаются какіе-нибудь слѣды, ихъ считаютъ баснями и не вѣрятъ, какъ не вѣрятъ напримѣръ исторіи Діодора Сицилійскаго, который разсказываетъ о событіяхъ за сорокъ или пятьдесятъ тысячъ лѣтъ назадъ, но не пользуется никакимъ довѣріемъ, и я самъ считаю ее неправдоподобною.

Отъ небесъ зависятъ причины забвенія, губящія человѣческій родъ и уменьшающія число обитателей земнаго шара. Таковы моровая язва, голодъ и потопъ; особенно послѣднее, какъ болѣе общее и притомъ дающее возможность спастись только грубымъ горцамъ, которые, не имѣя свѣденій о древности, не могутъ и передать ихъ своимъ потомкамъ. Если бы даже въ числѣ спасшихся былъ человѣкъ со свѣденіями, то для пріобрѣтенія славы и значенія онъ скрылъ бы ихъ или извратилъ бы на свой ладъ; потомству осталось бы только то, что онъ написалъ бы, и ничего болѣе. Я полагаю, что случаи потоповъ, моровыхъ повѣтрій и голода не подлежатъ сомнѣнію; о нихъ разсказываютъ всѣ историки, и они весьма естественны: природа человѣчества подобна естественнымъ организмамъ, которые сами собою приходятъ въ учащенное движеніе, когда въ нихъ накопляется излишекъ матеріи, и спасаютъ себя изверженіемъ; тоже бываетъ и съ сложнымъ организмомъ человѣческаго рода: когда всѣ страны до того переполнятся населеніемъ, что людямъ нечѣмъ жить и некуда идти, потому что всѣ мѣста заняты и когда человѣческая подлость и злоба дойдутъ до послѣднихъ предѣловъ, міру предстоитъ необходимость очиститься однимъ изъ этихъ трехъ средствъ; послѣ того уменьшенные въ числѣ и пораженные бѣдствіемъ люди живутъ удобнѣе и становятся честнѣе и добрѣе.

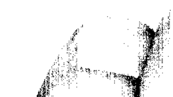
Итакъ Тоскана была могущественна, отличалась добрыми нравами и возвышенной религіей, имѣла національные обычаи и національный языкъ, и все это погибло подъ ударами Рима, такъ

что, какъ я сказалъ, въ воспоминаніи осталось только имя этого народа.

ГЛАВА VI.

Какъ римляне вели войну.

Мы уже говорили, какъ римляне распространили свои владѣнія; скажемъ теперь, какъ они вели войну; мы увидимъ во всѣхъ поступкахъ ихъ въ противуположность другимъ государствамъ необыкновенное умѣнье пролагать себѣ путь къ величайшему могуществу. Кто начинаетъ войну по доброй волѣ или изъ честолюбія, имѣетъ въ виду сдѣлать или сохранить пріобрѣтеніе; онъ желаетъ дѣйствовать такъ, чтобы обогатиться, не раззоривъ ни свою страну, ни завоеванную. Стало быть, завоевывая и сохраняя завоеванія, надо не тратить средствъ, а дѣйствовать всегда въ видахъ пользы общества. Желающіе поступать такимъ образомъ должны подражать римлянамъ. Первымъ правиломъ римлянъ было, чтобы войны были грозны, но кратковременны; они всегда высылали большія арміи и кончали въ самый непродолжительный срокъ всѣ свои войны съ латинянами, самнитами и тосканцами. Отъ самаго основанія Рима до осады Вейевъ, всѣ войны ихъ кончались въ шесть, десять, двадцать дней. Это зависѣло отъ ихъ системы вести войну. Объявивъ войну, они немедленно выступали противъ непріятеля со всѣми своими силами и спѣшили дать сраженіе. Разбитый непріятель, чтобъ спасти отъ раззоренія свою область, предлагалъ миръ; римляне требовали отъ него уступки части владѣній, которую раздавали въ частную собственность или предоставляли колоніямъ; эти колоніи, располагаемыя на непріятельскихъ рубежахъ, охраняли римскіе предѣлы. принося пользу и поселеннымъ въ нихъ колонистамъ, и самому государству, которое онѣ стерегли даромъ. Это было самое вѣрное, дѣйствительное и полезное средство, потому что такой охраны было совершенно достаточно, пока непріятель не выходилъ въ походъ; въ случаѣ, если онъ высылалъ противъ колоніи большую армію, римляне выставляли съ своей стороны противъ нея значительныя силы и вступали въ битву; одержавъ побѣду и принудивъ непріятеля принять еще худшія условія, они возвращались домой. Такимъ путемъ они постепенно увеличивали свои силы и вліяніе надъ непріятелями. Такъ поступали они до осады Вейевъ, когда измѣнили свою военную систему. Тогда, чтобы имѣть возможность дольше вести войну, они положили солдатамъ жалованье, котораго прежде не платили, такъ какъ кратковременность войнъ не вызывала надобности въ подобной платѣ. Однако, назначивъ войскамъ жалованье и получивъ черезъ это возможность вести войны дольше, имѣя болѣе надобности держать войска дольше въ походѣ по отдаленности экспедицій, они тѣмъ не менѣе сохранили прежнее правило, какъ можно скорѣе кончать войны и основывать колоніи. Но, кромѣ того, что быстрое окончаніе войны требовалось ихъ военной системой, этому много содѣйствовало также честолюбіе консуловъ; они желали окончить войну и заслужить тріумфъ какъ можно скорѣе, потому что срокъ ихъ власти былъ всего годъ, да и то половину его они должны были проводить въ городѣ. Посылать колоніи ихъ побуждали польза и удобство этой мѣры. Насчетъ раздѣла добычи они сдѣлали нѣкоторыя измѣненія и перестали такъ щедро раздавать ее; они нашли нужнымъ умѣрить щедрость въ этомъ отношеніи, такъ какъ солдаты уже получали жалованье; притомъ добыча ихъ стала гораздо богаче, и они откладывали ее въ государственную казну, чтобы производить общественныя предпріятія, не налагая на гражданъ лишнихъ податей. Вслѣдствіе этой мѣры общественная казна вскорѣ чрезвычайно обогатилась. Такимъ образомъ эти двѣ мѣры — употребленіе добычи и выселеніе колоній—обратили для римлянъ войну въ источникъ обогащенія, тогда какъ для другихъ государей и республикъ она только—раззореніе. Это было соблюдаемо ими до того, что консулъ не могъ получить тріумфа, если въ тріумфѣ своемъ не могъ поднести государственной казнѣ несмѣтной добычи, золота, серебра и проч. Этими мѣрами, быстрымъ окончаніемъ войнъ, частымъ воз-

обновленіемъ ихъ, изнуряя непріятеля, нанося ему пораженія, опустошая его области, вынуждая у него выгодныя условія, римляне постоянно увеличивали свое богатство и могущество.

ГЛАВА VII.

Сколько земли римляне давали каждому колонисту.

Трудно опредѣлить съ достовѣрностью, сколько земли римляне давали каждому колонисту. Я полагаю, что это было различно, смотря потому, гдѣ они поселялись. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я думаю, что во всякомъ случаѣ земли давалось очень мало: во первыхъ, чтобы имѣть возможность послать побольше людей, чтобы вѣрнѣе охранять завоеванную страну; во вторыхъ, потому что переселенцы жили дома въ бѣдности, и было бы безразсудно доставлять имъ лишній достатокъ на новомъ мѣстѣ. Титъ Ливій говоритъ, что колонистамъ, посланнымъ въ Вейи по взятіи этого города было дано по три югера и семи унцій земли на каждаго, что по нашей мѣрѣ составляетъ.... *) Притомъ кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, римляне находили, что дѣло не въ количествѣ земли, а въ качествѣ ея обработки. Колонія должна имѣть сверхъ того общинныя пастбища, куда всякій могъ бы выгонять свой скотъ, и общія рощи, гдѣ всякій могъ бы получать топливо; безъ этихъ двухъ условій колонія не можетъ устроиться.

---

*) Здѣсь пропускъ въ оригиналѣ.

ГЛАВА VIII.

О причинахъ переселенія народовъ изъ отечества и нашествія ихъ въ чужія страны.

Выше я говорилъ о способѣ веденія войны римлянъ и о нападеніи французовъ на тосканцевъ; поэтому я, не уклонясь отъ моего предмета, могу замѣтить, что есть два рода войнъ. Однѣ войны возбуждаются честолюбіемъ государей и республикъ, стремящихся распространить свое владычество; таковы были войны Александра Великаго, римлянъ и вообще войны между державами. Войны эти губительны, но не доходятъ до совершеннаго изгнанія всѣхъ жителей изъ края; побѣдителю довольно бываетъ обезпечить себѣ повиновеніе народа, и онъ нерѣдко оставляетъ ему его законы и никогда не касается его жилища и имущества. Другой родъ войны представляетъ переселеніе цѣлаго народа со всѣми семьями изъ страны, откуда его гонятъ голодъ или война; тогда онъ отправляется искать новаго жилища въ чужой странѣ; цѣль его—не покорить эту страну, подобно завоевателямъ, но совершенно овладѣть ею, изгнавъ или истребивъ прежнихъ жителей. Эта война самая ужасная и жестокая. Салюстій упоминаетъ о ней въ концѣ своей исторіи югуртинской войны, когда говоритъ, что послѣ побѣды надъ Югуртой распространился слухъ о нашествіи въ Италію французовъ: онъ замѣчаетъ, что со всѣми прочими народами римляне воевали только за господство, съ французами за существованіе. Когда на страну нападаетъ государь или республика, имъ достаточно низвергнуть правительство этой страны; но массамъ, совершающимъ нашествіе, необходимо истребить все народонаселеніе, потому что они хотятъ воспользоваться всѣми средствами его существованія. Римляне выдержали три такія войны. Въ первой Римъ былъ взятъ тѣми самыми французами, ко-

торые, какъ мы сказали, отняли Ломбардію у тосканцевъ и поселились въ ней. Титъ Ливій указываетъ двѣ причины этой войны: во первыхъ, какъ мы сказали, французовъ привлекла въ Италію сладость тамошнихъ плодовъ и винъ, чего у нихъ во Франціи не было; во вторыхъ, народонаселеніе французской страны до того размножилось, что не могло прокормиться, и народные начальники нашли необходимымъ выслать часть народа на поиски новыхъ странъ; принявъ это намѣреніе, они назначили вождями переселенцевъ двухъ французскихъ правителей, Беловеза и Сиговеза: изъ нихъ Беловезъ отправился въ Италію, а Сиговезъ въ Испанію. Вторгнувшись въ Италію, Беловезъ занялъ Ломбардію, и вторженіе его произвело первую войну французовъ съ Римомъ. Вторую войну римляне вели съ французами послѣ первой карѳагенской войны, причемъ истребили болѣе двухъ сотъ тысячъ французовъ между Піомбино и Пизой. Третья происходила при нашествіи въ Италію нѣмцевъ (тевтоновъ и кимвровъ), которые нѣсколько разъ побѣждали римскія войска, но были побѣждены Маріемъ. Такимъ образомъ римляне вышли побѣдителями изъ всѣхъ этихъ опасныхъ войнъ. Чтобы побѣдить въ нихъ, имъ нужна была вся ихъ доблесть; мы видимъ, что впослѣдствіи, когда мужество римлянъ ослабло и войска ихъ утратили прежнюю свою храбрость, государство ихъ было разрушено нашествіемъ подобныхъ народовъ, каковы были готы, вандалы и другія племена, занявшія всю западную имперію.

Всѣ эти народы были, какъ мы сказали, изгнаны изъ своихъ странъ нуждою, какъ-то: голодомъ, войною или угнетеніемъ, которое терпѣли дома и которое вынудило ихъ искать себѣ новое отечество. Будучи многочисленны, они насильственно вторгаются въ чужія области, истребляютъ жителей, овладѣваютъ ихъ имуществомъ, основываютъ новое государство и даже даютъ новое имя странѣ. Такъ поступили напримѣръ Моисей и народы, завоевавшіе римскую имперію. Всѣ новыя названія, которыя мы встрѣчаемъ въ Италіи и другихъ странахъ, произошли отъ народовъ, занявшихъ эти страны. Такъ напримѣръ Ломбардія называлась Галлія Цизальпинская; Франція—Галлія Транзальпинская, а нынѣшнее имя получила отъ франковъ, какъ назывался завоевавшій ее народъ; Склавонія называлась Иллиріей, Венгрія—Паннопіей, Англія—Британіей; подобнымъ образомъ перемѣнили имена многія другія страны, которыя было бы скучно перечислять. Такъ и Моисей назвалъ Іудеей завоеванную имъ часть Сиріи. Выше я сказалъ, что иногда народы побуждаются къ переселенію войною, которая изгоняетъ изъ отечества: въ примѣръ этого я приведу Маврузовъ, которые въ древности обитали въ Сиріи; узнавъ о нашествіи евреевъ и чувствуя себя не въ силахъ сопротивляться имъ, они предпочли спасать свою жизнь, покинувъ страну, чѣмъ, пытаясь спасти страну, погубить самихъ себя; собравъ свои семьи они удалились въ Африку, гдѣ и поселились, изгнавъ прежнихъ жителей. Такимъ образомъ, не успѣвъ защитить собственную страну, они овладѣли чужой. Прокопій, описавшій войну Велисарія съ вандалами, жившими въ Африкѣ, увѣряетъ, что читалъ на колоннахъ, воздвигнутыхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ жили мавразы, такую надпись: Nos Maurusii, qui fugimus a facie Iesu latronis filii Navae. Эта надпись объясняетъ причину исхода, ихъ изъ Сиріи. Народы, изгоняемые нуждою изъ своей страны, представляютъ грозныхъ непріятелей, и, чтобы удержать ихъ, нужно превосходное войско. Но если переселенцы, вынужденные покинуть свое отечество, немногочисленны, они не такъ страшны, потому что не могутъ дѣйствовать силой и принуждены прибѣгать къ хитрости, чтобы овладѣть какой-нибудь мѣстностью, а, овладѣвъ ею, должны держаться помощью союзниковъ и друзей, какъ напр. Эней, Дидона, массилійцы и вообще всѣ, которые удерживались въ занятомъ краѣ лишь съ согласія сосѣдей.

Великія переселенія народовъ исходили изъ страны Скиѳской, страны холодной и бѣдной, гдѣ, размножившись, не имѣли возможности прокормиться и должны были удалиться, имѣя множество причинъ, чтобы уйдти и ни одной, чтобы остаться. Въ послѣднія пять столѣтій не случалось, чтобы народы эти попрежнему наводняли наши страны. Это зависитъ отъ разныхъ причинъ. Во первыхъ, страны этихъ народовъ опустѣли послѣ великихъ нашествій ихъ во время паденія имперіи, когда оттуда вышло

болѣе тридцати народовъ; вовторыхъ, Германія и Венгрія, откуда они прежде также выходили, теперь настолько улучшились относительно условій страны, что жители ихъ могутъ жить безъ нужды и не имѣютъ надобности переселяться. Съ другой стороны, это народъ очень воинственный и составляетъ надежный оплотъ противъ сосѣднихъ съ ними скиѳовъ, которые не могутъ побѣдить его владѣнія. До сихъ поръ въ Скиѳіи происходятъ великія движенія татаръ, но ихъ отражаютъ венгры и поляки, которые справедливо хвалятся, что безъ нихъ Италія и Церковь испытали бы тяжесть татарскихъ ордъ. Полагаю, что сказаннаго объ этомъ достаточно.

ГЛАВА IX.

О причинахъ, обыкновенно возбуждающихъ войны между державами.

Римляне были долго въ союзѣ съ самнитами и наконецъ начали войну по причинѣ, которая обыкновенно возбуждаетъ войны между державами. Причина эта—или случай, или желаніе одного государства начать войну. Случай произвелъ войну между римлянами и самнитами: потому что, начиная войну съ сидицинами, а потомъ съ кампанцами, самниты не имѣли намѣренія воевать съ римлянами. Но кампанцы, тѣснимые ими, противъ ожиданія и ихъ, и римлянъ, обратились къ послѣднимъ за помощью; это принудило римлянъ вступиться за нихъ, какъ за самихъ себя, и начать войну, которой нельзя было избѣжать безъ позора. Конечно римлянамъ было бы безразсудно вступаться за союзниковъ своихъ кампанцевъ противъ самнитовъ, которые также состояли съ ними въ союзѣ; но они не могли защищать ихъ какъ подданныхъ или подчиненныхъ; при такихъ условіяхъ, отказать имъ въ помощи, значило бы отнять охоту въ будущемъ у всѣхъ обращаться къ покровительству Рима. Но Римъ стремился не къ спокойствію, а

къ славѣ и могуществу, и потому не могъ отказаться отъ этого предпріятія. Та же причина возбудила первую войну съ карѳагенянами, когда римляне вступились за мессинцевъ въ Сициліи: такимъ образомъ и здѣсь поводомъ былъ случай. Но вторую войну произвелъ уже не случай; въ то время полководецъ карѳагенскій, Аннибалъ, нашелъ на союзниковъ Рима, сагунтинцевъ въ Испаніи, не для того, чтобы полонить только ихъ, а для того, чтобы вызвать римлянъ на войну, имѣть случай сразиться съ ними и вторгнуться въ Италію. Такъ всегда поступали правители, желавшіе начать войну, но въ тоже время сохранить договоры и честь. Дѣйствительно, желая начать войну съ государемъ, съ которымъ существуютъ договоры, долго соблюдавшіеся взаимно, всего лучше и благовиднѣе напасть на кого-нибудь изъ его союзниковъ; въ такомъ случаѣ, вызвавъ его на войну, мы достигаемъ нашей цѣли — воевать съ нимъ; если же онъ не рѣшится на войну съ нами, то обнаружитъ этимъ свою слабость или вѣроломство къ союзнику, которому не поможетъ. И то, и другое навлечетъ на него безславіе, что будетъ очень выгодно для нашихъ цѣлей. Отдача себя кампанцевъ подъ покровительство Рима, чтобы возбудить ихъ къ войнѣ за себя, представляетъ замѣчательный фактъ; мы видимъ, какое средство остается для города, который самъ не можетъ защищаться, но во что бы то ни стало желаетъ отстоять себя отъ аттаковавшаго его непріятеля: — тогда ему остается предаться добровольно тому, который имъ выбранъ себѣ въ защитники. Такъ поступили кампанцы относительно римлянъ и флорентинцы относительно короля Роберта неаполитанскаго, который не хотѣлъ защищать ихъ, какъ союзниковъ, но какъ подданныхъ защитилъ противъ всѣхъ силъ угнетавшаго ихъ Каструччіо Луккскаго.

---

*

ГЛАВА X.

Деньги, вопреки общему мнѣнію, далеко не нервъ войны.

Войну можно начать когда угодно, но нельзя когда вздумается кончить ее; поэтому прежде, чѣмъ браться за предпріятіе, государь долженъ взвѣсить свои силы и соображаться съ ними. Онъ долженъ быть благоразуменъ и не ошибиться въ своихъ средствахъ; ошибка будетъ неизбѣжна, если онъ возложитъ упованіе на деньги, на положеніе страны, на любовь народа, и не запасется хорошимъ войскомъ. Все это конечно увеличиваетъ средства государя, но само по себѣ не составляетъ силы; само по себѣ все это ничтожно, и безъ вѣрнаго войска ничто не поможетъ. Безъ него безполезны деньги и неприступность страны; безъ него не прочна вѣрность и преданность народа, потому что народъ не можетъ остаться вѣренъ государю, который не могъ защитить его. Безъ защитниковъ всѣ горы, озера и крутизны обращаются въ равнины. Однѣ деньги также не защитятъ, а только скорѣе погубятъ. Чрезвычайно ошибочно полагаютъ, будто деньги главный нервъ войны. Первый сказалъ это Квинтъ Курцій въ исторіи войны между Антипатромъ Македонскимъ и царемъ спартанскимъ; онъ говоритъ, что безденежье принудило царя спартанскаго вступить въ сраженіе, въ которомъ онъ былъ разбитъ, тогда какъ, если бы онъ могъ на нѣсколько дней отложить битву, въ Грецію успѣла бы прійти вѣсть о смерти Александра, и онъ остался бы побѣдителемъ безъ боя. Но, не имѣя денегъ и опасаясь, что за это войска покинутъ его, онъ рѣшился испытать счастія въ сраженіи. Вотъ почему, Квинтъ Курцій утверждаетъ, что деньги главный нервъ войны. Изрѣченіе это повторяется безпрестанно, и неблагоразумные государи слѣпо держатся этого правила. Основываясь

на немъ, они полагаютъ, что богатая казна вполнѣ защититъ ихъ, забывая, что если бы она давала побѣду, то Дарій побѣдилъ бы Александра, греки побѣдили бы римлянъ, въ наше время герцогъ Карлъ побѣдилъ бы швейцарцевъ и еще недавно въ урбинской войнѣ папа и флорентинцы безъ труда восторжествовали бы надъ Франческо Маріей, племянникомъ папы Юлія II. Но всѣ они были побѣждены людьми, не имѣвшими денегъ и считавшими, что въ войнѣ главное—армія. Крезъ, царь Лидійскій, показалъ Солону въ числѣ разныхъ диковинъ, несмѣтныя богатства и спросилъ, что́ онъ думаетъ объ его могуществѣ; Солонъ отвѣчалъ, что богатства эти не придаютъ ему могущества, ибо война ведется не золотомъ, а желѣзомъ, и можетъ найтись кто нибудь, у кого желѣза больше, и отнять у него эти сокровища. Другой примѣръ: по смерти Александра Великаго огромная орда французовъ вторглась въ Грецію, а оттуда въ Азію и послала пословъ къ царю Македонскому заключить съ нимъ договоръ; что бы устрашить ихъ видомъ своего могущества, царь показалъ имъ множество золота и серебра; тогда французы пожелали овладѣть этими богатствами и разорвали уже заключенный миръ, и царь погубилъ себя именно тѣмъ, что почиталъ своимъ надежнѣйшимъ оплотомъ. Еще недавно венеціанцы, имѣя полную казну денегъ, лишились всѣхъ своихъ владѣній, и богатство не защитило ихъ. Итакъ, въ войнѣ главное не золото, какъ думаютъ, а хорошія войска, потому что золото не даетъ хорошихъ войскъ, а хорошія войска доставляютъ золото. Если бы римляне вздумали вести войну деньгами, а не оружіемъ, то по величію ихъ предпріятій и по трудности выдержанной ими борьбы, имъ не хватило бы золота со всего свѣта. Но они воевали оружіемъ и потому никогда не нуждались въ деньгахъ; другіе народы, боясь ихъ, приносили имъ золото въ лагери.

Если недостатокъ денегъ принудилъ царя спартанскаго къ сраженію, то это зависѣло отъ денегъ лишь настолько, насколько могло зависить отъ множества другихъ причинъ; напримѣръ, если войско терпитъ такой недостатокъ въ продовольствіи, что ему остается выбирать между голодной смертью и сраженіемъ, оно обыкновенно предпочитаетъ сразиться, потому что въ сраженіи

найдетъ болѣе славную смерть и даже, быть можетъ, спасеніе и побѣду. Бываетъ также, что полководецъ узнаетъ о приближеніи къ непріятелю подкрѣпленій; это вынуждаетъ его или поскорѣе аттаковать его, чтобы испытать счастье въ бою, или дождаться, когда онъ усилится, чтобы потомъ все-таки сразиться съ нимъ, но уже въ худшихъ условіяхъ. Равнымъ образомъ когда полководецъ (какъ напр. Газдрубалъ, когда Клавдій Неронъ аттаковалъ его съ другими консулами при Маркѣ *) принужденъ или бѣжать или сразиться, онъ всегда предпочитаетъ послѣднее, потому что какъ это ни рискованно, но допускаетъ возможность успѣха, тогда какъ бѣгство представляетъ вѣрную гибель. Итакъ есть много разныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ принудить полководца дать сраженіе противъ воли; въ числѣ этихъ причинъ можетъ быть и безденежье; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что деньги имѣютъ въ войнѣ больше значенія, чѣмъ всѣ другія причины, которыя ставятъ людей въ такую необходимость.

Повторяю, не золото, а армія составляетъ истинный нервъ войны. Деньги конечно необходимы, но это вещь второстепенная, и хорошія войска всегда сами справятся съ этой необходимостью; такъ какъ хорошимъ войскамъ столько же невозможно недостать себѣ денегъ, какъ невозможно, чтобы одни деньги создавали хорошія войска. Исторія множествомъ примѣровъ подтверждаетъ сказанное. Такъ Периклъ совѣтовалъ аѳинянамъ начать войну со всѣмъ Пелопонезомъ, доказывая, что промышленность и богатство ихъ непремѣнно доставятъ имъ побѣду. Аѳиняне дѣйствительно оказали въ этой войнѣ нѣкоторые успѣхи, но въ концѣ концовъ погибли; мудрость и хорошая армія Спарты восторжествовали надъ промышленностью и богатствомъ Аѳинъ. Справедливо смотритъ на это дѣло Титъ Ливій: разсуждая, побѣдилъ ли бы Александръ Великій римлянъ, если бы пришелъ въ Италію, онъ доказываетъ, что для успѣха войны нужны три вещи: многочисленная и хорошая армія, умные полководцы и счастіе; онъ разсматриваетъ, у кого этого было больше, у римлянъ или у Александра, и выводитъ заключеніе, вовсе не упоминая о деньгахъ. Когда сидицинцы просили кампанцевъ защитить ихъ противъ самнитовъ, кампанцы, вмѣшавшись въ войну, вѣроятно, больше разсчитывали на деньги, чѣмъ на войска, ибо, взявшись помогать сидицинцамъ, были принуждены послѣ двухъ пораженій сдѣлаться, для собственнаго спасенія, данниками Рима.

*) Метаврѣ.

ГЛАВА XI.

Неблагоразумно вступать въ союзъ съ государемъ, который имѣетъ болѣе славы, чѣмъ дѣйствительной силы.

Желая показать ошибку сидицинцевъ, которые положились на помощь кампанцевъ, и ошибку кампанцевъ, которые понадѣялись защитить ихъ, Титъ Ливій говоритъ прекрасно: Campani magis nomen in auxilium Sidicinorum, quam vires ad præsidium attulerunt (кампанцы принесли въ помощь сидицинцамъ нестолько силу, сколько—имя). Это доказываетъ, что союзы съ государями, которые по отдаленности своей страны или по внутреннимъ смутамъ своего государства или по другой причинѣ не могутъ оказать помощи, доставляютъ больше блеска, чѣмъ пользы. Такъ, когда въ 1497 г. папа и король неаполитанскій напали на насъ, флорентинцевъ, мы извлекли изъ союза нашего съ королемъ французскимъ magis nomen, quam præsidium; тоже постигло бы всякаго государя, который рѣшился бы на какое-нибудь предпріятіе, положившись на императора Максимиліана: союзъ съ нимъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые доставляютъ magis nomen, quam præsidium, какъ говоритъ Титъ Ливій о союзѣ сидицинцевъ съ кампанцами. Ошибка кампанцевъ состояла въ томъ, что они вообразили себя сильнѣе, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Такъ заблуждаются люди нерѣдко и берутся защищать другихъ, когда не могутъ защитить самихъ себя. Ту же ошибку сдѣлали и тарентинцы

когда во время войны римлянъ съ самнитами послали къ римскому консулу пословъ сказать ему, что они желаютъ примиренія воюющихъ и объявятъ войну тому, кто будетъ противиться миру. Консулъ, выслушавъ это, засмѣялся и при послахъ велѣлъ начинать битву, отвѣтивъ такимъ образомъ тарентинцамъ не словами, а дѣломъ, чего они вполнѣ заслуживали.

Въ этой главѣ я говорилъ о томъ, какъ иногда государи защищаютъ другихъ; въ слѣдующей я поговорю о томъ, какъ они защищаютъ самихъ себя.

ГЛАВА XII.

Что лучше, въ боязни нападенія, самому напасть на противника или ждать его нападенія.

Я былъ свидѣтелемъ споровъ между людьми свѣдущими въ военномъ дѣлѣ о положеніи государя въ виду другаго, почти равнаго ему могуществомъ и грозящаго ему войною; спорили о томъ, что выгоднѣе ему, ждать ли непріятеля дома или предупредить его, напавъ на него въ его владѣніяхъ. Обѣ стороны приводили дѣльные доводы. Доказывавшіе необходимость самому начинать нападеніе приводили совѣтъ, данный Крезомъ Киру, когда послѣдній прибылъ на предѣлы Массагетовъ съ намѣреніемъ покорить ихъ и получилъ отъ царицы ихъ, Тамиры, предложеніе выбрать одно изъ двухъ: или вторгнуться въ ея царство, гдѣ она будетъ ждать его, или дождаться ея нападенія. Когда объ этомъ предложеніи стали разсуждать, Крезъ, вопреки общему мнѣнію, совѣтовалъ идти на непріятеля, приводилъ въ доказательство, что, побѣдивъ ее внѣ ея царства, царь не лишитъ ее владѣній, потому что она успѣетъ оправиться; побѣдивъ же ее въ собственныхъ предѣлахъ ея, онъ можетъ преслѣдовать ее, не дать ей времени опомниться и завоевать ея государство. Приводили также совѣтъ, данный Аннибаломъ Антіоху, когда царь намѣревался объявить римлянамъ

войну; онъ доказывалъ, что римлянъ можно побѣдить только въ Италіи, потому что только тамъ можно противодѣйствовать ихъ силамъ, богатству ихъ страны и помощи союзниковъ ихъ; если же царь будетъ воевать съ ними внѣ Италіи и оставитъ имъ Италію свободною, то у нихъ останется источникъ, откуда они будутъ получать неисчерпаемыя силы и средства; Аннибалъ былъ убѣжденъ, что у римлянъ прежде слѣдуетъ отнять Римъ, а потомъ уже все государство; прежде Италію, а потомъ и другія страны. Еще приводили въ примѣръ Агаѳокла, который дома не могъ выдерживать войну, а аттаковавъ карѳагенянъ въ ихъ отечествѣ, принудилъ ихъ просить мира. Ссылались и на Сципіона, который для освобожденія Италіи напалъ на Африку.

Другіе утверждали, что для погубленія непріятеля слѣдуетъ отвлечь его отъ его владѣній. Они указывали на аѳинянъ, которые торжествовали, пока вели войну у себя, и пали, какъ скоро перенесли ее въ Сицилію. Приводили также поэтическое сказаніе объ Антеѣ, царѣ Ливійскомъ, котораго Геркулесъ Египетскій не могъ одолѣть, пока онъ оставался въ предѣлахъ своего царства; но хитростью Геркулеса выманенный оттуда, лишился владѣній и жизни. Это дало поводъ къ баснѣ объ Антеѣ, который былъ сынъ Земли и почерпалъ новыя силы всегда, когда ея касался. Геркулесъ, замѣтивъ это, поднялъ его на высоту и задушилъ. Приводимъ и новѣйшія мнѣнія. Извѣстно, что Фердинандъ, король неаполитанскій, считался однимъ изъ мудрѣйшихъ государей своего времени; за два года до его смерти распространился слухъ, что противъ него идетъ Карлъ VIII, король французскій; онъ началъ дѣятельно готовиться къ оборонѣ, но захворалъ и, умирая, завѣщалъ между прочимъ сыну своему, Альфонсу, ждать непріятеля въ своей странѣ; Альфонсъ не послушался этого совѣта и, пославъ армію въ Романью, лишился безъ боя и войска и государства.

Кромѣ того, обѣ стороны приводятъ разные другіе доводы: говорятъ, что нападающій можетъ дѣйствовать смѣлѣе обороняющагося, и это внушаетъ войскамъ больше самоувѣренности; что нападающій можетъ лишить противника средствъ, потому что государь, владѣнія котораго частью уже заняты непріятелемъ, не

можетъ пользоваться своими подданными въ занятыхъ мѣстахъ; притомъ и съ остальныхъ онъ не можетъ слишкомъ строго требовать денегъ и помощи; такимъ образомъ, по выраженію Аннибала, у него изсякаетъ источникъ, откуда онъ черпаетъ свои силы. Наконецъ, войска, вступивъ въ непріятельскую страну, поставлены въ болѣе рѣшительную необходимость сражаться; а мы уже замѣтили, что необходимость рождаетъ мужество. Съ другой стороны говорятъ, что выгодно ожидать непріятеля у себя, потому что здѣсь легко поставить его въ крайнее затрудненіе относительно продовольствія и другихъ потребностей арміи, такъ какъ намѣреніямъ его легче противиться, имѣя надъ нимъ преимущество въ знакомствѣ съ мѣстностью; потому что противъ него можно выставить большія силы, которыя легко собрать и не приходится посылать далеко; потому что въ случаѣ пораженія легче оправиться и войско меньше пострадаетъ, такъ какъ для бѣгства имъ открыты всѣ пути и вездѣ представляются убѣжища; потому что подкрѣпленія могутъ прибывать быстрѣе; потому что вообще приходится рисковать всѣми силами, но не всей участью. Бывало даже, что, для ослабленія непріятеля, его пускали на нѣсколько переходовъ въ страну и позволяли ему дѣлать завоеванія; ему приходилось оставлять въ завоеванныхъ городахъ гарнизоны, вслѣдствіе чего армія его ослабѣвала, и тогда съ нимъ легче было справиться.

Чтобы выяснить свой собственный взглядъ, я скажу, что здѣсь необходимо установить различіе: страна или государство бываетъ или вооружена, какъ напр. было римское государство или какъ страна швейцарцевъ, или обезоружена, какъ государство карѳагенянъ, королевство французское или Италія. Въ послѣднемъ случаѣ надо отстранять непріятеля, держать его вдали отъ страны, потому что, если сила государства не въ арміи, а въ деньгахъ, оно погибаетъ, какъ скоро у него отнятъ источникъ его богатства; между тѣмъ война въ предѣлахъ страны неизбѣжно уничтожаетъ этотъ источникъ. Примѣръ — карѳагеняне; пока страна ихъ была свободна отъ непріятеля, они могли противиться римлянамъ; но когда владѣнія ихъ были заняты войной, они не устояли и противъ Агаѳокла: Флорентинцы не имѣли возможности противиться Каструччіо, владѣтелю Лукки, потому что онъ велъ противъ нихъ войну въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ; они были принуждены даже для спасенія обратиться подъ покровительство короля Роберта неаполитанскаго. Но по смерти Каструччіо тѣ же флорентинцы рѣшились напасть на владѣнія герцога Миланскаго и попытаться завоевать ихъ; такимъ образомъ они были храбры въ отдаленныхъ войнахъ, но въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ оказывались трусами. Но вооруженныя націи, какъ римляне и швейцарцы, труднѣе побѣдить, подойдя къ нимъ близко, потому что они могутъ собрать больше силъ для отраженія нападенія, чѣмъ для аттаки на другихъ. Авторитетъ Аннибала въ этомъ случаѣ не заслуживаетъ довѣрія, потому что въ совѣтѣ его Антіоху имъ руководили страсть и личная выгода. Если бы римляне потерпѣли три такія пораженія, какія онъ нанесъ имъ въ Италіи, въ теченіе того же времени въ Галліи, погибель ихъ была бы неизбѣжна; они не могли бы собрать остатки своихъ армій, какъ сдѣлали въ Италіи, не могли бы такъ быстро оправиться, не могли бы противиться непріятелю съ такою энергіей. Мы видимъ, что въ своихъ завоевательныхъ походахъ они никогда не имѣли армій свыше 50,000 человѣкъ; для защиты же отечества отъ французовъ, послѣ первой пунической войны, они собрали 1,800,000 человѣкъ. Но въ Ломбардіи они не могли бы побѣдить ихъ, какъ побѣдили въ Тосканѣ, потому что не имѣли бы возможности вывести противъ этого многочисленнаго непріятеля такія силы за предѣлы своей страны и не могли бы дѣйствовать въ такихъ выгодныхъ условіяхъ. Когда кимвры разбили римскую армію въ Германіи, римляне не могли поправить этого бѣдствія. Но когда они вторгались въ Италію и римляне могли собрать противъ нихъ всѣ свои силы, этотъ непріятель былъ уничтоженъ. Швейцарцевъ легко побѣдить за границей ихъ владѣній, куда они не могутъ выслать болѣе 30 или 40,000 чел., но чрезвычайно трудно побѣдить ихъ дома, гдѣ они могутъ собрать до 100 т. ч. Итакъ, я заключаю, что государь націи, вооруженной и всегда готовой къ войнѣ, долженъ ждать грознаго и опаснаго непріятеля дома, не выходя ему на встрѣчу; но государь націи, обезоруженной и не воинственной, долженъ по возможности стараться

удалить непріятеля отъ своихъ предѣловъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, каждый поступитъ какъ ему слѣдуетъ.

ГЛАВА XIII.

Величіе достигается больше хитростью, чѣмъ силою.

По моему, несомнѣнно, что безъ силы и хитрости невозможно или почти невозможно возвыситься изъ низкаго состоянія до высокаго положенія; иначе достигнуть его можно только рожденіемъ или по наслѣдству. Не думаю, чтобы для этого когда либо оказалось достаточно одной силы; но хитрости одной достаточно. Въ этомъ можно убѣдиться, прочитавъ исторію Филиппа Македонскаго, Агафокла Сицилійскаго и многихъ другихъ, которые изъ мрака и ничтожества достигли великаго могущества и величія. Ксенофонтъ въ исторіи Кира доказываетъ необходимость хитрить; онъ разсказываетъ о первомъ походѣ Кира противъ армянскаго царя, гдѣ Киръ дѣйствовалъ такъ коварно и завоевалъ это царство не силой, а хитростью; онъ выводитъ отсюда, что государь, желающій совершить великія дѣянія, долженъ научиться хитрить. Равнымъ образомъ Киръ неоднократно обманывалъ мидійскаго царя Ціаксара, дядю своего по матери, и историкъ замѣчаетъ, что безъ этихъ хитростей онъ никогда не достигъ бы такого величія. Не думаю, чтобы кто либо, рожденный въ низкомъ состояніи, могъ достигнуть величія одной открытой и прямой силой; но одною хитростью его достигали многіе, какъ напримѣръ Джіовани Галеаццо, лишившій владѣній и власти въ Ломбардіи своего дядю, мессира Бернабо.

Все, что должны дѣлать для осуществленія и распространенія своего могущества государи, должны дѣлать и республики, пока не сдѣлаются вполнѣ могущественны, такъ, чтобы достаточно было одной силы. Римъ, случайно или разумно, соблюдая всѣ правила, ведущія къ величію, не упускалъ изъ виду и этого. Вначалѣ онъ успѣшно

обманывалъ своихъ сосѣдей вышеупомянутымъ способомъ, предлагая имъ сдѣлаться его союзниками и подъ этимъ предлогомъ обращая ихъ въ подданныхъ: такъ поступилъ онъ съ латинянами и другими сосѣдними народами. Сначала онъ воспользовался ихъ оружіемъ, чтобы покорить другія окрестныя племена и распространить свою славу; покоривъ ихъ, онъ такъ усилился, что могъ уже уничтожить всякаго, кто вздумалъ бы противиться ему. Латиняне убѣдились въ своемъ совершенномъ порабощеніи только тогда, когда самниты, послѣ двухъ пораженій, принуждены были заключить договоръ. Эта побѣда далеко распространила славу римлянъ, даже до тѣхъ владѣтелей, которые еще не испытали на себѣ силу ихъ, а только слышали громъ ихъ имени; съ другой стороны, она пробудила зависть и недовѣріе въ тѣхъ, которые видѣли и чувствовали военную силу Рима, между прочимъ и въ латинянахъ. Ненависть и опасенія ихъ дошли до того, что не только латиняне, но даже и колоніи ихъ въ Лаціумѣ соединились съ кампанцами, бывшія еще недавно подъ римскимъ покровительствомъ и возстали на погибель Рима. Въ этомъ случаѣ латиняне поступили такъ, какъ, мы видѣли, поступаютъ большею частью въ войнахъ: они не напали прямо на римлянъ, а стали помогать сидицинцамъ противъ самнитовъ, воевавшихъ съ ними съ разрѣшенія римлянъ. При этомъ латинянъ возбудило къ войнѣ именно убѣжденіе, что они обмануты римлянами; это доказываетъ рѣчь, приписываемая Титомъ Ливіемъ латинскому претору Аннію Сетину, который сказалъ въ совѣтѣ: Nam si etiam nunc sub umbra foederis aequi servitutem pati possumus и т. д. (Если подъ тѣнью союза мы попали въ рабство). Итакъ, и римляне вначалѣ прибѣгали къ хитрости, которая необходима желающимъ подняться изъ ничтожества къ величію. Въ такихъ случаяхъ чѣмъ скрытнѣе обманъ, тѣмъ больше заслуживаетъ онъ похвалы; таковъ былъ обманъ Рима.

ГЛАВА XIV.

Люди заблуждаются, думая укротить чужую гордость своимъ смиреніемъ.

История убѣждаетъ насъ, что смиреніе никогда не ведетъ къ добру и, напротивъ, всегда вредитъ, особенно въ отношеніи людей высокомѣрныхъ, которые изъ зависти или по другимъ причинамъ питаютъ къ тебѣ ненависть. Нашъ историкъ говоритъ объ этомъ по поводу войны между римлянами и латинянами. Самниты пожаловались римлянамъ на нападеніе латинянъ; но римляне не желали раздражать латинянъ и потому не хотѣли запрещать имъ воевать; однако это не только не укротило латинянъ, а, наоборотъ, еще болѣе раздражило ихъ и побудило скорѣе начать враждебныя дѣйствія. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ слова претора Аннія въ томъ же совѣтѣ: Tentastis patientiam negando militem: quis dubitat exarcisse eos? Pertulerunt tamen hunc dolorem. Exercitus nos parare adversus Samnites, foederatos suos, audierunt, nec moverunt se ab urbe. Unde haec illis tanta modestia, nisi a conscientia virium, et nostrarum, et suarum? (Они стараются терпѣніемъ избѣжать войны; вы хотите вывести ихъ изъ терпѣнія? Но они сносятъ обиду. Они слышали, что вы послали войско противъ союзниковъ ихъ, самнитовъ, но не тронулись изъ города. Откуда же такая скромность, какъ не изъ сознанія нашихъ силъ и своихъ?) Такимъ образомъ мы видимъ, какъ терпѣніе римлянъ увеличило гордость латинянъ. Поэтому Государь никогда не долженъ терять своего достоинства и уступать по договору то, что можетъ еще надѣяться удержать. Если уже необходимо сдѣлать уступки, то гораздо уже лучше допустить, чтобы ихъ вынудили силою, чѣмъ угрозою. Уступая угрозамъ въ надеждѣ избѣжанія войны, мы не достигнемъ цѣли, потому что тотъ, передъ которымъ мы такъ явно сробѣли, не удовольствуется первой уступкой, потребуетъ другихъ и будетъ тѣмъ притязательнѣе, чѣмъ больше будетъ встрѣчать уступчивости; съ другой стороны за труса или безсильнаго никто не захочетъ вступиться. Но если, проникнувъ намѣренія противника, мы соберемъ свои силы, хотя бы онѣ были слабѣе его, онъ начнетъ уважать насъ, равно какъ и другіе сосѣдніе государи; видя нашу готовность къ борьбѣ, иной изъ нихъ предложитъ намъ помощь, между тѣмъ какъ, еслибы мы оказались малодушны, онъ и не подумалъ бы помогать намъ. Такъ надо поступать, когда имѣешь дѣло съ однимъ непріятелемъ: но если ихъ нѣсколько, то гораздо благоразумнѣе уступить одному изъ нихъ часть владѣній, хотя бы война уже началась, и этой уступкой отвлечь его отъ союза съ остальными.

ГЛАВА XV.

Слабыя государства всегда дѣйствуютъ нерѣшительно, а нерѣшительность всегда вредна.

По поводу этого предмета и начала войны между латинянами и римлянами надо замѣтить, что слѣдуетъ всегда ставить вопросъ прямо и не вдаваться въ побочныя и неясныя разсужденія. Это доказываетъ рѣшеніе, принятое латинянами, когда они рѣшились на разрывъ съ Римомъ. Римляне предвидѣли эти враждебныя намѣренія латинскаго народа и, чтобы удостовѣриться и посмотрѣть, нельзя ли укротить его не обнажая меча, просили его прислать въ Римъ восемь гражданъ для совѣщанія съ ними. Получивъ эту просьбу и сознавая, что они во многомъ поступили противъ воли римлянъ, латиняне созвали совѣтъ, чтобы рѣшить, кого послать въ Римъ, и чтобы составить для посланниковъ инструкціи. Преторъ Анній, присутствовавшій въ этомъ совѣтѣ, сказалъ слѣдующее: Ad summam rerum nostrarum pertinere arbitror, ut cogitetis magis, quid agendum nobis, quam quid loquendum sit. Facile erit, explicatis consiliis, accommodare rebus verba. (Прежде всего надо

помнить, что важно то, что мы будемъ дѣлать, а не то, что мы будемъ говорить. Слова нетрудно растолковать такъ, чтобы они были согласны съ поступками). Это совершенная правда, и всякій государь, всякая республика должны помнить этотъ совѣтъ: дѣйствительно, когда не знаешь, что дѣлать, то ничего нельзя и сказать, но когда принято твердое рѣшеніе и поступки совершенно опредѣлены, не трудно найти слова. Я тѣмъ охотнѣе дѣлаю это замѣчаніе, что слишкомъ часто видѣлъ, какъ нерѣшительность вредитъ государственнымъ мѣрамъ и какой вредъ и позоръ нанесла она и нашей республикѣ. Когда малодушнымъ предлагаютъ на обсужденіе сомнительную мѣру, требующую рѣшительности, у нихъ всегда является это колебаніе, эта нерѣшительность.

Медленность въ рѣшеніяхъ также вредна какъ и колебаніе, особенно когда рѣчь идетъ объ оказаніи помощи союзнику: медлительностью никому не поможешь, а себѣ повредишь. Она зависитъ или отъ малодушія и безсилія, или отъ коварства лицъ, которымъ предоставлено принимать рѣшеніе; побуждаемые личной выгодой желать гибели государства для достиженія своихъ частныхъ цѣлей, они мѣшаютъ совѣщаніямъ, замедляютъ рѣшеніе и препятствуютъ ему Хорошіе граждане, даже видя, что народъ въ своемъ пылу стремится къ вреднымъ предпріятіямъ, не будутъ мѣшать совѣщаніямъ, особенно когда нужно торопиться рѣшеніемъ.

По смерти Гіерона, тирана сиракузскаго, началась большая война между карѳагенянами и римлянами; сиракузяне стали спорить между собою о томъ, чью сторону взять, римлянъ или карѳагенянъ. Споръ былъ такъ горячъ, что дѣло осталось нерѣшеннымъ, и они ничего не предприняли; наконецъ одинъ изъ первыхъ гражданъ сиракузскихъ, Аполлонидъ, въ умной рѣчи сказалъ, что онъ не порицаетъ ни тѣхъ, кто хочетъ союза съ римлянами, ни тѣхъ, кто склоняется на сторону карѳагенянъ, но питаетъ отвращеніе къ нерѣшительности и медленности ихъ, которыя непремѣнно погубятъ республику; между тѣмъ на что бы ни рѣшились, всякое рѣшеніе представляетъ по крайней мѣрѣ хоть какую-нибудь надежду. Въ этомъ разсказѣ Титъ Ливій даетъ намъ разительный примѣръ того, какъ вредно и опасно медлить. Другое доказательство представляютъ у него латиняне: когда они просили у другаго народа помощи противъ римлянъ, этотъ народъ такъ медлилъ въ своемъ рѣшеніи, что едва войска его вышли наконецъ за городскія ворота на помощь латинянамъ, какъ пришло извѣстіе о пораженіи послѣднихъ. Тогда преторъ ихъ, Мелоній, сказалъ, что имъ придется дорого поплатиться римлянамъ за эти нѣсколько шаговъ пути. Дѣйствительно, если бы они тотчасъ рѣшили, помогать или не помогать латинянамъ, и постановили не помогать, то не раздражили бы римлянъ; если бы рѣшились помочь и помогли во время, то могли бы доставить латинянамъ побѣду увеличивъ ихъ силы, колебаніемъ же во всякомъ случаѣ могли только потерять, какъ и случилось. Если бы флорентинцы помнили этотъ примѣръ, то при походѣ короля французскаго Людовика XII въ Италію противъ Людовика герцога Миланскаго не понесли бы отъ французовъ столько ущерба и непріятностей. Король, готовясь къ походу, искалъ союза съ флорентинцами, посланники ихъ, состоявшіе при королѣ, заключили съ ними условіе оставаться нейтральными, а король обѣщалъ имъ, прійдя въ Италію, взять ихъ подъ свое покровительство и сохранить имъ всѣ владѣнія ихъ; городу данъ былъ мѣсяцъ срока, чтобы утвердить этотъ договоръ. Но безразсудные люди, преданные Людовику (Миланскому), замедлили утвержденіе договора; когда наконецъ король одержалъ побѣду, флорентинцы согласились утвердить соглашеніе, но король отвергнулъ его, видя, что они принимаютъ его дружбу не по доброй волѣ, а по необходимости. Это стоило городу Флоренціи много денегъ, и республика едва не лишилась всѣхъ владѣній, какъ лишилась впослѣдствіи по той же причинѣ. Притомъ поведеніе флорентинцевъ было тѣмъ непростительнѣе, что не принесло герцогу Людовику никакой пользы, такъ, что если бы побѣда осталась на его сторонѣ, онъ поступилъ бы съ ними еще хуже короля. Я говорилъ уже выше въ цѣлой особой главѣ о вредѣ для республикъ слабаго образа дѣйствій; но я охотно развилъ это здѣсь еще больше по поводу дальнѣйшихъ событій въ исторіи Рима, потому что считаю предметъ этотъ самымъ важнымъ для республиканскихъ правительствъ, подобныхъ нашему.

ГЛАВА XVI.

Какъ въ наше время войска удалились отъ древняго строя.

Сраженіе съ латинянами въ консульство Торквата и Деція было важнѣйшимъ изъ всѣхъ, какія римлянамъ приходилось имѣть въ своихъ войнахъ. Отъ него зависѣло все: какъ латиняне, проигравъ его, обратились въ рабовъ, такъ и римляне лишились бы своей независимости, если бы не выиграли его. Таково мнѣніе Тита Ливія; онъ говоритъ, что обѣ арміи были совершенно равны по порядку, мужеству, стойкости и численности; вся разница была въ томъ, что римскіе полководцы были храбрѣе латинскихъ. Въ этомъ сраженіи мы видимъ притомъ два случая, не виданные прежде и не повторявшіеся впослѣдствіи: чтобы воодушевить войска, внушить имъ повиновеніе и готовность къ бою, одинъ консулъ убилъ самъ себя, а другой своего сына. Совершенное равенство, которое, по словамъ Тита Ливія, существовало между этими двумя арміями, зависѣло отъ того, что войска римлянъ и латинянъ долго сражались вмѣстѣ, говорили однимъ языкомъ, имѣли одинаковое устройство и вооруженіе, въ бою одинаково располагались; отряды и начальники ихъ были совершенно одинаковы и одинаково назывались. При такомъ равенствѣ силъ и мужества было необходимо для того, чтобы одна сторона восторжествовала,— возбудить и утвердить храбрость войскъ чѣмъ-нибудь невиданнымъ и неслыханнымъ; побѣда, какъ я сказалъ, дается увлеченіемъ; пока воины одушевлены имъ, они не помышляютъ о бѣгствѣ. Чтобы поддержать это увлеченіе въ римскихъ войскахъ дольше, чѣмъ въ латинскихъ, судьбѣ и героизму консуловъ нужно было — Торквату—пожертвовать сыномъ, а Децію—самимъ собою.

Доказывая равенство силъ ихъ армій, Титъ Ливій разсказываетъ намъ устройство римскихъ войскъ и расположеніе ихъ въ бою. Онъ говоритъ объ этомъ подробно; но я не стану входить во всѣ подробности; скажу только о томъ, что́, на мой взглядъ, заслуживаетъ вниманія и что упускается изъ виду современными полководцами, отчего у насъ въ войскахъ и въ сраженіяхъ происходятъ такіе безпорядки. По разсказу Тита Ливія, римская армія раздѣлялась на три главные отряда, которые по-тоскански можно назвать тремя schiere — корпусами. Первый назывался astati— копейщики; второй — principi—главные; третій — triarii; при каждомъ были лошади. Въ сраженіи впереди ставили копейщиковъ; за ними въ той же линіи сначала главный корпусъ, а потомъ тріаріевъ. Конница всѣхъ трехъ корпусовъ располагалась на ихъ флангахъ, справа и слѣва; эти эскадроны по формѣ и мѣсту назывались alae, крыльями, потому что представляли какъ бы два крыла тѣла. Копейщики, составлявшіе фронтъ арміи, располагались сжатыми рядами, чтобы выдерживать и отражать натискъ непріятеля. Вторая линія, главный корпусъ, не должна была вступать въ бой съ самаго начала; назначеніе ея было поддерживать и помогать первой линіи, когда ее собьютъ и опрокинутъ; поэтому она строилась не сплошными рядами, а съ промежутками, чтобы первая линія могла укрываться въ нихъ, если будетъ опрокинута и приведена въ замѣшательство. Третья линія, тріаріевъ, имѣла въ рядахъ своихъ еще бо́льшіе интервалы, чтобы въ случаѣ надобности пропускать войска и перваго, и втораго отряда. Расположивъ войска такимъ образомъ, начинали битву; копейщики, будучи побѣждены или опрокинуты, отступали въ интервалы средней линіи и, соединившись съ ней, составляли изъ двухъ корпусовъ одинъ, который возобновлялъ бой; если непріятель разстроивалъ и сбивалъ его съ позиціи, онъ удалялся въ интервалы корпуса тріаріевъ; и всѣ три корпуса, составивъ одинъ, снова вступали въ сраженіе; если непріятель одолѣвалъ ихъ, они бы и разбиты, потому что имъ уже негдѣ было оправиться. Понятно слѣдовательно, что армія находилась уже въ крайней опасности, когда приходилось вводить въ дѣло тріаріевъ; отсюда произошла

поговорка: Res reducta est ad triaries*), что по-тоскански значитъ: Noi abbiamo messo l'ultima posta—дѣло приходитъ круто.

Покинувъ всѣ обычаи древнихъ и не соблюдая древней дисциплины, современные полководцы пренебрегаютъ и этой системой расположенія войскъ; а между тѣмъ она имѣетъ не маловажное значеніе. Имѣя возможность во время боя три раза перестроить и оправить свои войска, надо имѣть противъ себя втрое больше несчастья или втрое храбрѣйшаго непріятеля, чтобы проиграть сраженіе; тогда какъ, завися совершенно отъ перваго столкновенія, какъ всѣ нынѣшнія христіанскія войска, гораздо легче потерпѣть пораженіе. Здѣсь участь боя можетъ зависѣть отъ самаго пустаго случая, отъ малѣйшаго безпорядка, отъ простой частной храбрости. Наши войска потому не могутъ перестраиваться по три раза, что имъ нельзя спасать однимъ корпусомъ другой. Вслѣдствіе этого въ нынѣшнихъ сраженіяхъ необходимо возникаетъ одно изъ двухъ неудобствъ: полководецъ или располагаетъ свои батальоны рядомъ, одинъ возлѣ другаго, такъ что боевая линія дѣлается чрезвычайно длинной и тонкой, а потому слабой и неспособной выдержать натискъ; или, чтобы укрѣпить фронтъ, ставятъ войска, по примѣру римлянъ, одни за другими; но такъ какъ первая линія, будучи опрокинута, не можетъ укрыться въ рядахъ второй, то войска только сами себя приводятъ въ замѣшательство и обращаютъ въ безпорядокъ; передовыя войска, сбитыя съ позиціи, обращаются на слѣдующія; вторая линія хочетъ идти впередъ, но ей мѣшаетъ бѣгущая первая; такимъ образомъ первая сбиваетъ вторую, вторая третью, и происходитъ такое смятеніе, что малѣйшій случай можетъ повести къ полному пораженію арміи. По одной изъ этихъ двухъ системъ были расположены французская и испанская арміи въ сраженіи при Равеннѣ, гдѣ палъ монсиньоръ де Фуа**), главнокомандующій французскихъ войскъ (сраженіе это для нашего времени было еще довольно правильно); обѣ

*) Дѣло дошло до тріаріевъ.

**) Гастонъ Фёбюсъ де Фуа герцогъ де Немуръ племянникъ Людовика XII.

арміи расположили всѣ свои войска по одной линіи, такъ что обѣ представляли только фронты и имѣли гораздо больше протяженія въ длину, чѣмъ въ глубину. Такъ располагаются наши арміи всегда въ такихъ обширныхъ равнинахъ, какъ равеннская. Онѣ знаютъ, какой безпорядокъ можетъ возникнуть при отступленіи, если расположиться рядами, и потому всячески избѣгаютъ этого расположенія, растягиваясь, какъ я сказалъ, по фронту; но если мѣстность не позволяетъ этого, они располагаются въ этомъ безпорядкѣ, не помышляя, какъ бы избѣжать его. Въ такомъ же безпорядочномъ строѣ дѣйствуетъ и кавалерія ихъ въ движеніяхъ въ странѣ, когда отправляется въ набѣгъ или на какой-нибудь маневръ. Въ войнѣ между флорентинцами и пизанцами, возставшими при походѣ въ Италію короля Карла французскаго, флорентинцы потеряли сраженіе при Санто Реголо и другія по ошибкѣ союзной кавалеріи; она стояла впереди и, будучи опрокинута непріятелемъ, бросилась въ безпорядкѣ на флорентинскую пѣхоту, сбила ее и принудила всю армію обратиться въ бѣгство; мессиръ Чиріако даль Борго*), тогдашній начальникъ флорентинской пѣхоты, неоднократно увѣрялъ при мнѣ, что потерпѣлъ пораженіе не отъ непріятеля, а отъ союзной кавалеріи. Швейцарцы, лучшіе воины нынѣшняго времени, сражаясь заодно съ французами, всегда стараются расположиться на флангахъ, чтобы не подвергнуться опасности отъ союзной кавалеріи, если она будетъ обращена въ бѣгство. Хотя все это какъ нельзя болѣе понятно и исполнимо, но до сихъ поръ между современными полководцами не нашлось ни одного, который усвоилъ бы намъ военный строй древнихъ и исправилъ бы нынѣшній боевой порядокъ. Правда, они дѣлятъ армію на три части и называютъ первую авангардомъ, вторую — центромъ, третью — аррьергардомъ; но это раздѣленіе имѣетъ у нихъ значеніе только для расквартированія войскъ; въ военныхъ же дѣйствіяхъ эти части употребляются вмѣстѣ, безразлично. Но въ оправданіе своего невѣжества многіе говорятъ, что сила артиллеріи не позволяетъ въ наше время соблюдать военныя прави-

*) Во многихъ итальянскихъ изданіяхъ Макіавелли это имя пишется Criaco.

ла древнихъ; поэтому въ слѣдующей главѣ я разсмотрю, мѣшаетъ ли намъ артиллерія обладать мужествомъ и военнымъ искусствомъ древнихъ.

ГЛАВА XVII.

Насколько значенія можно приписывать артиллеріи въ современныхъ арміяхъ и справедливо ли общепринятое мнѣніе на этотъ счетъ.

Нынче господствуетъ мнѣніе, что римляне не могли бы такъ быстро и легко дѣлать завоеванія, покорять народы, овладѣвать странами, если бы въ то время существовала артиллерія. Говорятъ, что огнестрѣльное оружіе не позволяетъ теперь людямъ по прежнему выказывать свою храбрость и пользоваться ею. Наконецъ утверждаютъ еще, что теперь сраженія труднѣе, чѣмъ были тогда и нельзя слѣдовать военнымъ правиламъ древнихъ, а современемъ даже участь боя будетъ рѣшаться исключительно артиллеріей. Я считаю нужнымъ разсмотрѣть, справедливы ли эти мнѣнія, насколько артиллерія увеличила или уменьшила силу армій и мѣшаетъ ли она или помогаетъ хорошимъ полководцамъ дѣйствовать искусно. Начнемъ съ перваго мнѣнія, будто войска древнихъ римлянъ не могли бы сдѣлать такихъ завоеваній при существованіи артиллеріи. На это я замѣчу, что на войнѣ всегда приходится или наступать, или защищаться: разсмотримъ же сперва, чему больше помогаетъ или вредитъ артиллерія — аттакѣ или оборонѣ.

Хотя въ обоихъ случаяхъ могутъ быть разныя условія, но, говоря вообще, я полагаю, что артиллерія гораздо больше вредитъ обороняющемуся, чѣмъ наступающему. Обороняющійся всегда находится или въ крѣпости, или въ укрѣпленномъ лагерѣ. Крѣпости обыкновенно бываютъ не велики; въ такомъ случаѣ защитники ихъ должны неизбѣжно пасть, потому что передъ силой артиллеріи не устоитъ никакая стѣна, и самая толстая можетъ быть разрушена въ нѣсколько дней; защитники крѣпости, находясь въ тѣсномъ пространствѣ и не имѣя мѣста, гдѣ можно было бы вырыть новые рвы и воздвигнуть новыя укрѣпленія, необходимо должны погибнуть; они не могутъ удержать напоръ непріятеля, входящаго въ брешь, и даже артиллерія ихъ не принесетъ имъ большой пользы, ибо дознано, что артиллеріей нельзя удержать быструю и сильную аттаку массой. Вотъ почему наши крѣпости не выдерживаютъ бурныхъ приступовъ ультрамонтанцевъ, а выдерживаютъ нападенія итальянцевъ, которые идутъ въ аттаку не массой, а въ-разсыпную и потому справедливо называютъ свои сраженія scaramucce—стычками. Люди, идущіе въ аттаку на брешь противъ артиллеріи въ такомъ безпорядкѣ и такъ холодно, идутъ, конечно, на вѣрную смерть, и противъ нихъ артиллерія имѣетъ страшную силу; но войска, идущія на брешь плотной массой, гдѣ одинъ увлекаетъ другаго, ворвутся всюду, если ихъ не удержатъ рвы и окопы, и артиллерія ихъ не остановитъ; разумѣется они понесутъ уронъ, но не такой, чтобы онъ помѣшалъ имъ побѣдить. Эту истину подтверждаютъ многочисленные примѣры взятія итальянскихъ городовъ ультрамонтанцами, особенно штурмъ Брешіи: когда этотъ городъ возсталъ противъ французовъ, такъ что во власти короля французскаго осталась только цитадель, венеціанцы, чтобы удержать аттаку изъ цитадели на городъ, разставили пушки по всей улицѣ, ведущей изъ крѣпости въ городъ; они поставили ихъ по фронту и по бокамъ, и всюду, гдѣ только можно было. Но монсиньоръ де Фуа не посмотрѣлъ на это; стѣснивъ свой отрядъ, онъ прошелъ среди артиллеріи и занялъ городъ, не понеся особенно значительнаго урона. Такимъ образомъ защитники небольшой крѣпости неизбѣжно погибнутъ, какъ скоро стѣны будутъ разрушены и когда, по недостатку мѣста для возведенія новыхъ укрѣпленій и рвовъ, имъ останется только положиться на свою артиллерію.

Защитникамъ большихъ городовъ, имѣющимъ возможность отступать, артиллерія все-таки менѣе выгодна, чѣмъ ихъ непріятелю. Во первыхъ, чтобы вредить артиллеріей осаждающимъ, надо

поднять ее на извѣстную высоту; потому что, если оставить ее внизу, то непріятель легко укроется отъ нея самымъ ничтожнымъ заваломъ или окопомъ, и ему нельзя будетъ нанести вреда. Но поднявшись и расположившись на платформѣ стѣны или на другомъ какомъ возвышеніи, мы навлечемъ на себя два неудобства: во первыхъ, намъ нельзя поднять на высоту орудій большого калибра, тогда какъ осаждающіе имѣютъ въ этомъ отношеніи гораздо больше удобства, потому что дѣйствуютъ на просторѣ, между тѣмъ какъ осажденные—въ тѣснотѣ; во вторыхъ, если бы и можно было поднять большія орудія, то нельзя достаточно прикрыть ихъ; осаждающіе и въ этомъ отношеніи находятся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, располагая мѣстностью и дѣйствуя на болѣе обширномъ пространствѣ; такимъ образомъ, защитникамъ города не возможно удержать свою артиллерію на высотѣ, если артиллерія осаждающихъ сильна и многочисленна; если же ее оставить внизу, то она, какъ я сказалъ, будетъ безполезна.

Такимъ образомъ защита крѣпостей ограничивается или артиллеріей малаго калибра, или руками, какъ въ древности; но слабая артиллерія по крайней мѣрѣ столь же вредна для обороны города, какъ и полезна; ея польза уничтожается тѣмъ важнымъ неудобствомъ, что для нея приходится понижать крѣпостныя стѣны и почти зарывать ихъ во рвахъ; вслѣдствіе этого, когда стѣна разрушена или ровъ сравненъ, когда, стало быть, дѣло доходитъ до рукопашной, защитники крѣпости находятся въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ прежде. И такъ артиллерійскія орудія гораздо полезнѣе осаждающимъ, чѣмъ осажденнымъ.

Обратимся теперь къ третьему случаю, когда войска находятся въ укрѣпленномъ лагерѣ, гдѣ имѣютъ возможность избѣгать боя, пока онъ имъ не выгоденъ.

Я утверждаю, что въ этомъ случаѣ артиллерія нисколько не способствуетъ этой цѣли, не ставитъ нынѣшнія войска въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ были древнія, и даже нерѣдко приноситъ неудобство. Если непріятель застигнетъ войско въ укрѣпленномъ лагерѣ врасплохъ, если, что легко можетъ статься, на его сторонѣ будетъ преимущество въ позиціи, напримѣръ, если

онъ займетъ болѣе возвышенную мѣстность и если къ прибытію его укрѣпленія лагеря будутъ еще не готовы, — ему легко будетъ вытѣснить войска изъ-за окоповъ и принудить ихъ къ бою. Такъ было съ испанцами подъ Равенной, они хотѣли укрѣпиться между рѣкою Ронко и дорогой, но не успѣли кончить своихъ работъ, когда прибыли французы и, покровительствуемые мѣстностью, принудили ихъ своей артиллеріей выйдти изъ-за укрѣпленій и принять бой. Если же, какъ чаще бываетъ, мѣстность, гдѣ расположенъ лагерь, выше окружающей и укрѣпленія крѣпки и хороши, такъ что, въ виду этихъ укрѣпленій и позиціи, непріятель не рѣшится аттаковать лагерь, то онъ прибѣгнетъ къ тѣмъ же средствамъ, къ какимъ прибѣгали и въ древности, когда войска стояли въ неприступной позиціи; онъ начнетъ опустошать страну, брать и грабить союзные города, прекратитъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, чѣмъ поставитъ противника въ необходимость покинуть свою позицію и вступить въ сраженіе, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже, артиллерія также не принесетъ большой пользы.

Изслѣдуя, какого рода войны вели римляне, мы видимъ, что почти всѣ онѣ были наступательныя, а не оборонительныя; стало быть, если все, что мы говорили, справедливо, то существованіе во время римлянъ артиллеріи принесло бы имъ только пользу и съ нею успѣхи ихъ были бы еще быстрѣе.

Далѣе утверждаютъ, что благодаря артиллеріи люди не могутъ теперь оказывать такого мужества, какъ прежде; дѣйствительно, когда войскамъ приходится брать городъ, штурмовать укрѣпленія и т. п., они подвергаются теперь большей опасности, чѣмъ прежде, если не могутъ идти сплошными рядами, а принуждены вести аттаку въ-разсыпную. Правда также, что полководцы и главнокомандующіе войскъ больше подвергаются теперь опасности, потому что артиллерія можетъ настигнуть ихъ всюду, и имъ безполезно укрываться въ заднихъ рядахъ или окружать себя отборной гвардіей. Однако эти двѣ невыгоды рѣдко оказываютъ важныя послѣдствія. Никто не станетъ штурмовать сильно укрѣпленнаго города и не пошлетъ на приступъ слабые отряды; желая овладѣть крѣпостью, всякій сначала приготовитъ ее къ приступу осадой,

какъ дѣлалось и прежде. Благоразумно веденный приступъ и теперь представляетъ не больше опасности, чѣмъ въ древности: и тогда защитники крѣпостей имѣли разныя метательныя машины, которыя, хотя были можетъ быть не такъ грозны, но тоже исправно убивали. Опасность смерти для полководцевъ и кондотьери также не велика, если судить по 24-хъ лѣтнему опыту современныхъ итальянскихъ войнъ, гдѣ подобныхъ примѣровъ меньше, чѣмъ у древнихъ въ десять лѣтъ. Кромѣ графа Лодовико делла Мирандола, убитаго въ Феррарѣ при недавнемъ нападеніи на этотъ городъ венеціанцевъ, и герцога де Немура, павшаго при Чириньолѣ, ни одинъ полководецъ не погибъ отъ огнестрѣльнаго оружія, ибо и монсиньоръ де Фуа погибъ при Равеннѣ отъ меча.

И такъ, если люди оказываютъ теперь меньше мужества, то виною этого не артиллерія, а дурная военная система и дурное качество войскъ, которыя, оказываясь слабыми въ массѣ, не могутъ обнаружить мужества въ частности.

Наконецъ въ третьихъ, полагаютъ, что теперь войска не могутъ вступать въ рукопашный бой и что современемъ сраженія будутъ только перестрѣлками. Я нахожу это мнѣніе совершенно ошибочнымъ и надѣюсь, что со мною согласятся всѣ желающіе возрожденія въ нашихъ войскахъ древняго мужества. Кто хочетъ сформировать хорошія войска, долженъ упражнять солдатъ на маневрахъ или пріучать въ настоящихъ сраженіяхъ приближаться къ непріятелю, схватываться съ нимъ на шпагахъ, бороться лицемъ къ лицу; притомъ, какъ увидимъ ниже, слѣдуетъ больше разсчитывать на пѣхоту, чѣмъ на кавалерію. При хорошей пѣхотѣ, пріученной дѣйствовать, какъ мы сказали, артиллерія совершенно безполезна, потому что пѣхотѣ, аттаковавшей непріятеля, легче теперь избѣгнуть дѣйствія артиллеріи, чѣмъ прежде нападенія слоновъ и военныхъ колесницъ, которые встрѣчались римской пѣхотѣ, но не могли побѣдить ее; она тѣмъ легче устояла бы противъ нашей артиллеріи; что послѣдняя не можетъ дѣйствовать такъ долго, какъ слоны и колесницы. Она наноситъ вредъ только въ началѣ боя, тогда какъ слоны и колесницы разстраивали непріятеля въ самомъ пылу сраженія; притомъ пѣхотѣ легко укрыться отъ выстрѣловъ, бросившись впередъ подъ прикрытіемъ мѣстности или припадая къ землѣ. Опытъ показалъ даже, что послѣднее даже ненужно, особенно противъ пушекъ большаго калибра, которыя очень трудно наводить, такъ что снаряды ихъ летятъ или слишкомъ высоко и пролетаютъ мимо, или слишкомъ низко и не долетаютъ. Когда же дѣло дошло до рукопашнаго боя, то яснѣе дня, что ни большія, ни малыя орудія не могутъ наносить вреда: если они стоятъ впереди непріятельской арміи, то будутъ взяты, если позади, то имъ придется стрѣлять въ своихъ; если наконецъ на флангахъ, то не могутъ остановить аттаку и окажутся безполезны. Это неоспоримо. Мы видѣли, какъ швейцарцы въ 1513 г. подъ Новарой безъ пушекъ и кавалеріи аттаковали французскую армію, стоявшую подъ защитой пушекъ и укрѣпленій, и съ незначительнымъ урономъ разбили ее. Кромѣ всего этого, чтобы дѣйствовать артиллеріи, ее необходимо прикрыть стѣной, рвомъ или валомъ; безъ этого она или будетъ взята, или окажется безполезной; войска, которыя всегда прикрываютъ ее въ полевыхъ сраженіяхъ, не могутъ защитить её. Находясь на флангахъ, она можетъ дѣйствовать только наподобіе древнихъ метательныхъ машинъ, которыя ставились внѣ рядовъ войска; зато когда кавалерія или другія войска нападали на нихъ, ихъ приходилось укрывать среди легіоновъ. Кто захочетъ дѣйствовать артиллеріей иначе, ошибется въ разсчетѣ и легко можетъ обмануться въ своихъ ожиданіяхъ. Правда, при помощи артиллеріи, Турокъ побѣдилъ софи (персидскаго шаха) и судана (египетскаго султана); но это слѣдуетъ приписать не достоинству артиллеріи, а ужасу, который необыкновенный громъ ея навелъ на непріятельскую кавалерію.

Заключая это разсужденіе, я вывожу изъ всего сказаннаго, что артиллерія полезна арміи, которая обладаетъ древнимъ мужествомъ, но безъ него противъ храбраго непріятеля совершенно безполезна.

ГЛАВА XVIII.

О томъ, что авторитетъ римлянъ и примѣръ древнихъ войскъ заставляютъ отдать пѣхотѣ преимущество передъ конницею.

Можно доказать несомнѣнно множествомъ доводовъ и примѣровъ, что во всѣхъ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ римляне отдавали пѣшимъ войскамъ предпочтеніе передъ конницею и на нихъ главнымъ образомъ основывали свою силу. Изъ многихъ примѣровъ, которые могутъ служить подтвержденіемъ сказаннаго, мы укажемъ на дѣйствія ихъ въ сраженіи съ латинянами на регильскомъ озерѣ; войска римлянъ уже поколебались; чтобы возстановить сраженіе, они спѣшили свою конницу и, возобновивъ ею битву, одержали побѣду. Это ясно показываетъ, что они больше полагались на пѣшія, чѣмъ на конныя войска. Такъ же поступали они и во многихъ другихъ сраженіяхъ и всегда находили въ этомъ спасеніе отъ пораженія. Было бы неосновательно ссылаться противъ этого на слова Аннибала, который въ сраженіи при Каннахъ, видя, что консулы спѣшиваютъ свою кавалерію, воскликнулъ: Quam mallem vinctos mihi traderint equites, т. е. «ужъ пусть бы лучше они привели мнѣ ихъ связанными!» Какъ ни великъ авторитетъ человѣка, сказавшаго это, но мы предпочитаемъ повѣрить всей римской республикѣ и столькимъ великимъ полководцамъ ея, чѣмъ одному Аннибалу. Притомъ насъ удостовѣряетъ въ этомъ не только чужой авторитетъ, а и собственный здравый смыслъ. Очевидно, что пѣшій воинъ можетъ проникать всюду, куда всаднику нѣтъ доступа; далѣе, людей можно научить сохранять порядокъ въ рядахъ и возстановлять его, когда онъ нарушенъ; но лошадей порядку научить трудно, и конницу невозможно возстановить, будь она разъ опрокинута. Наконецъ,

и лошади, какъ и люди, бываютъ храбры и робки; часто случается, что на храброй лошади сидитъ трусъ, и наоборотъ, храбрецу попадется робкая лошадь; тогда и храбрость можетъ оказаться безполезной, и вообще это можетъ произвести большой безпорядокъ. Хорошей пѣхотѣ легко побѣдить конницу, а конницѣ, напротивъ, трудно ее побѣдить.

Кромѣ множества примѣровъ древней и новой исторіи, это подтверждается даже изученіемъ правилъ общественнаго быта: извѣстно, что вначалѣ война велась только конницей, потому что употребленіе пѣхоты было еще неизвѣстно; но едва она устроилась, какъ тотчасъ оказалась полезнѣе конницы. Конечно, кавалерія необходима при арміи для разъѣздовъ, для набѣговъ и сбора добычи въ странѣ, для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля, наконецъ для сопротивленія непріятельской конницѣ; но основаніе и главная сила арміи заключаются въ пѣхотѣ, которая имѣетъ больше значенія. Въ числѣ ошибокъ итальянскихъ государей, ошибокъ, предавшихъ Италію въ жертву чужеземцамъ, не малую роль играло и то, что они пренебрегали пѣхотой и посвящали все свое вниманіе конницѣ. Это зависѣло отъ недобросовѣстности полководцевъ и невѣжества правителей. Лѣтъ 25 тому назадъ итальянскія войска состояли изъ бездомныхъ шаекъ подъ предводительствомъ искателей приключеній, которымъ надо было поддерживать свое значеніе, находясь постоянно подъ ружьемъ, а государей оставляя безоружными. Имъ невозможно было содержать многочисленную пѣхоту, потому что ей нечѣмъ было платить и ее неоткуда было взять; немногочисленная же пѣхота не могла придать имъ значенія; поэтому они содержали кавалерію, и 200 или 300 всадниковъ, содержимыхъ кондотьеромъ, придавали ему вѣсъ, а между тѣмъ обходились уже не такъ дорого, чтобы правители не могли нанимать ихъ. Такимъ образомъ кавалерія была кондотьерамъ выгоднѣе и удобнѣе, вслѣдствіе чего они старались придать ей особенное значеніе въ ущербъ пѣхотѣ: неустройство это дошло наконецъ до того, что даже въ самыхъ большихъ арміяхъ пѣхоты бывало по немногу. Это и другія вредныя обстоятельства сдѣлали

итальянскія войска до такой степени слабыми, что всѣ ультрамонтанцы безъ труда покоряли Италію.

Римская исторія представляетъ намъ еще нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, какъ ошибочно предпочитаютъ у насъ конницу пѣхотѣ. При осадѣ римлянами Соры осажденные выслали противъ римскаго лагеря отрядъ кавалеріи; римскій магистръ конницы выступилъ ему на встрѣчу и аттаковалъ; но, по волѣ случая, оба военачальника, римскій и непріятельскій, пали при первой схваткѣ; войска остались безъ предводителей, однако продолжали бой; чтобы легче одолѣть непріятеля, римляне спѣшились, такъ что и непріятельскіе всадники, желавшіе обороняться, были принуждены сойти съ лошадей; тогда побѣда осталась на сторонѣ римлянъ. Этотъ примѣръ особенно разительно доказываетъ перевѣсъ пѣхоты надъ конницею; въ другихъ случаяхъ консулы спѣшивали римскую кавалерію, чтобы поддержать поколебленную пѣхоту, требовавшую подкрѣпленія; но здѣсь она была спѣшена не на помощь пѣхотѣ и не противъ пѣшихъ непріятельскихъ войскъ, а противъ кавалеріи же; стало быть, послѣ упорнаго боя на коняхъ противъ коннаго непріятеля, римляне убѣдились, что имъ легче будетъ побѣдить его, сойдя съ коней. И такъ, я заключаю, что хорошую пѣхоту можетъ побѣдить только пѣхота же.

Крассъ и Маркъ-Антоній проникли на нѣсколько дней пути въ глубину парѳянскаго царства съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи и сильной пѣхотой и были окружены безчисленной конницей парѳянъ. Крассъ погибъ съ частью арміи. Искусство и мужество Марка-Антонія спасли его. Но и среди этого пораженія высказалось преимущество пѣхоты надъ конницей. Въ странѣ открытой, ровной, безводной, вдали отъ моря, лишенный всѣхъ средствъ, Маркъ-Антоній, по свидѣтельству самихъ парѳянъ, спасъ себя своимъ мужествомъ, и парѳянская кавалерія не осмѣлилась аттаковать его стройныя войска. Внимательный читатель легко убѣдится, что причиною гибели Красса былъ обманъ, а не пораженіе; дѣйствительно, не смотря на отчаянность его положенія, парѳяне не рѣшились аттаковать его; они погубили его тѣмъ, что безпрестанно тревожили его, лишали его продовольствія, обманывали его лживыми обѣщаніями.

Быть можетъ, не смотря на эти примѣры древности, мнѣ было бы трудно доказать превосходство пѣхоты передъ конницей, еслибы современные примѣры не подтверждали фактъ этотъ еще болѣе. Мы уже упоминали о томъ, какъ подъ Новарой 9 т. швейцарцевъ смѣло аттаковали 10 т. кавалеріи и столько же пѣхоты и разбили; потому что кавалерія не могла устоять противъ нихъ, а пѣхота, бо́льшею частью изъ гасконцевъ, была въ пренебреженіи и потому очень плоха. Потомъ 26 т. швейцарцевъ вышли за Миланомъ *) противъ короля Франциска французскаго, имѣвшаго 20 т. кавалеріи, 40 т. пѣхоты и 100 пушекъ; правда, они не одержали побѣды, какъ подъ Новарой, но мужественно сражались два дня сряду, и хотя были побѣждены, но спасли больше половины войска. Такъ и въ древности Маркъ Аттилій Регулъ повелъ свою пѣхоту не только противъ конницы, но даже противъ слоновъ, и если былъ побѣжденъ, то не отъ недостатка мужества своихъ войскъ, которыя могли одолѣть всѣ препятствія. И такъ, повторяю, что для побѣды надъ хорошей пѣхотой необходима еще лучшая пѣхота, иначе ждетъ неизбѣжное пораженіе.

При Филиппѣ Висконти, герцогѣ миланскомъ въ Италію вторглось около 16 т. швейцарцевъ; въ то время полководцемъ герцога былъ Карманьола. Онъ былъ посланъ противъ непріятеля съ тысячею всадниковъ и небольшимъ отрядомъ пѣхоты. Не зная, какъ слѣдуетъ сражаться съ ними, онъ надѣялся безъ труда опрокинуть ихъ своей кавалеріей. Но они стояли непоколебимо и отразили его съ большой потерей. Однако Карманьола былъ великій полководецъ и умѣлъ найтись въ обстоятельствахъ; собравъ новыя силы, онъ опять выступилъ противъ швейцарцевъ и, встрѣтясь съ непріятелемъ, спѣшилъ своихъ жандармовъ и поставилъ ихъ впереди своей арміи. Такъ двинулся онъ на швейцарцевъ, которые не могли устоять противъ этой аттаки: покрытые латами

*) При Мариньянѣ.

жандармы Карманьолы безъ труда прорвали ряды швейцарцевъ и произвели въ нихъ страшное опустошеніе, такъ что изъ всей ихъ арміи уцѣлѣла только та небольшая часть, которую пощадило человѣколюбіе Карманьолы.

Я убѣжденъ, что многимъ извѣстна эта разница между конницей и пѣхотой. Но таково наше несчастіе, что ни древніе, ни новые примѣры, ни сознаніе нашихъ ошибокъ не въ состояніи открыть глаза нашимъ правителямъ и вразумить ихъ, что для возстановленія славы нашего оружія, для ихъ собственной славы, для безопасности страны и государствъ необходимо возстановить древній воинскій порядокъ, развить его, дать ему новую жизнь. Но они постоянно отступаютъ отъ этого порядка, какъ и вообще отъ всѣхъ учрежденій древности; вслѣдствіе чего, какъ увидимъ ниже, всѣ завоеванія ихъ служатъ имъ не на величіе, а на погибель.

ГЛАВА XIX.

О томъ, что завоеванія неблагоустроенныхъ республикъ, не подражающихъ доблестному примѣру римлянъ, ведутъ ихъ не къ величію, а къ погибели.

Превратныя понятія, основанныя на ложныхъ примѣрахъ, представляемыхъ развращеніемъ нашего вѣка, ведутъ къ тому, что люди и не думаютъ отставать отъ своихъ вредныхъ обычаевъ. Какой итальянецъ 30 лѣтъ тому назадъ повѣрилъ бы, что 10 т. пѣхоты могутъ аттаковать на равнинѣ и разбить 10 т. конницы и столько же пѣхоты, какъ было при Новарѣ? Хотя исторія представляетъ множество подобныхъ примѣровъ, *tamen* *) словамъ мо-

*) Однако—латинское въ оригиналѣ.

имъ не повѣрили бы; а еслибы и повѣрили, то возразили бы, что теперь войска лучше вооружены, чѣмъ въ древности, что теперь эскадронъ жандармовъ можетъ опрокинуть скалу, а не только отрядъ пѣхотинцевъ; такими-то софизмами извращаютъ свой умъ. Хоть бы подумали, что съ небольшимъ отрядомъ пѣхоты Лукуллъ разбилъ 150 т. кавалеріи Тиграна, въ числѣ которой былъ корпусъ совершенно подобный нынѣшнимъ жандармамъ *). Наше заблужденіе пришлось разсѣять ультрамонтанскимъ арміямъ.

Я доказалъ примѣрами, что все сказанное мною о пѣхотѣ вполнѣ согласно съ истиной, засвидѣтельствованной исторіею; равнымъ образомъ слѣдуетъ полагать, что справедливо и все остальное, сказанное о древнихъ учрежденіяхъ. Республикамъ и государямъ не мѣшало бы повѣрить этому; они стали бы тогда сильнѣе, съ бо́льшимъ успѣхомъ могли бы противиться нападеніямъ; не считали бы поспѣшное бѣгство единственной надеждой своей; вожди политическихъ обществъ съумѣли бы лучше направить ихъ, были бы способнѣе распространить и сохранить государство; они убѣдились бы, что самое дѣйствительное средство возвеличить республику и основать могущественную державу состоитъ въ томъ, чтобы увеличивать народонаселеніе своего города, пріобрѣтать союзниковъ, а не подданныхъ, посылать колоніи на стражу завоеванныхъ земель, обогащаться добычей, смирять враговъ нашествіями и сраженіями, а не осадами, пріумножать государственную казну, не допускать частныхъ лицъ до сильныхъ обогащеній **) и особенно тщательно заботиться объ арміи. Кому эти средства возвеличенія не нравятся, тотъ пусть подумаетъ, что всѣ другія ведутъ только къ гибели республики или препятствуютъ увеличенію ихъ могущества. Покинувъ означенныя нами средства, остается только хорошо устроить внутренніе законы и правленіе республики,

*) Извѣстно, что въ XVI—XVIII вв. жандармы составляли особенный родъ войска, какъ теперь драгуны, кирасиры и проч. и только въ XVIII в. получили нынѣшнее свое, далеко не воинственное назначеніе. Вотъ почему я употребляю этотъ терминъ для перевода итальянскаго genti или uomini d'arme (gens d'armes). *Прим. Пер.*

**) Tenere povero il privato. *Макіавелли.*

отложивъ всякую мысль о завоеваніяхъ и думая только о защитѣ; такъ жили и живутъ доселѣ германскія республики.

Но, какъ я уже замѣтилъ, говоря о различіи между учрежденіями, приспособленными къ завоеваніямъ, и тѣми, которыя имѣютъ лишь охранительную цѣль, слабой республикѣ нельзя долго сохранить свое спокойствіе и независимость; если она не будетъ тревожить другихъ, то другіе потревожатъ ее, и тогда у нея явятся и желаніе, и необходимость дѣйствовать наступательно; еслибы даже у нея не нашлось внѣшнихъ враговъ, то найдутся внутренніе, чего не можетъ избѣжать ни одно небольшое государство.*) Правда, германскія республики могли долго просуществовать подобнымъ образомъ и существуютъ донынѣ; но это зависитъ отъ исключительныхъ условій, въ которыхъ находится эта страна и безъ которыхъ существованіе этихъ республикъ было бы немыслимо. Эта часть Германіи, подобно Франціи и Италіи, была подчинена римской имперіи; когда имперія склонилась къ упадку и титулъ ея перешелъ къ этой странѣ, нѣкоторые наиболѣе могущественные германскіе города, пользуясь слабостью или крайностью императоровъ, начали откупать себѣ свободу и сдѣлались независимыми отъ имперіи съ уплатою ей извѣстной небольшой ежегодной подати; мало по малу всѣ города, зависѣвшіе непосредственно отъ императора и неподчиненные другому государю, выкупились такимъ образомъ на волю. Въ то самое время, какъ города эти покупали себѣ независимость, случилось, что нѣкоторыя общины, подвластныя герцогу австрійскому, возстали противъ него; то были фрейбургцы, швейцарцы и другіе. Счастіе благопріятствовало имъ съ самаго начала; мало по малу они достигли такого значенія, что не только не возвратились подъ иго Австріи, но сдѣлались ужасомъ всѣхъ сосѣдей. Теперь всѣхъ ихъ называютъ безразлично швейцарцами. И такъ, Германія состоитъ изъ области швейцарцевъ, изъ республикъ (называемыхъ вольными городами), изъ княжествъ и изъ имперскихъ земель. Если, не смотря на такое разнообразіе политиче-

*) Въ подлинникѣ le grandi cittadi, но разумѣются небольшія государства.

скаго устройства, войны тамъ рѣдки и непродолжительны, то это слѣдуетъ приписать авторитету императорскаго имени; какъ ни слаба власть императора, но она такъ уважается, что императоръ является посредникомъ во всѣхъ несогласіяхъ и своимъ вмѣшательствомъ прекращаетъ всѣ раздоры. Самыя продолжительныя и большія войны, возникавшія въ Германіи, происходили между швейцарцами и герцогомъ австрійскимъ: хотя герцогъ съ давнихъ уже поръ есть въ тоже время и императоръ, но ему не удалось силой смирить гордость швейцарцевъ и онъ былъ принужденъ заключать съ ними договоры. Остальная Германія не оказывала императору содѣйствія въ этой борьбѣ; вольные города не хотѣли дѣйствовать противъ общинъ, желавшихъ, подобно имъ, жить независимо; князья же, иные по недостатку средствъ не могли помочь императору, а другіе не хотѣли, завидуя его могуществу. Вольные города Германіи могутъ жить, довольствуясь небольшой областью: благодаря императорскому авторитету, имъ нѣтъ необходимости стараться расширить ее: близость непріятелей, ожидающихъ только случая овладѣть ими при первомъ междоусобномъ несогласіи, побуждаетъ ихъ сохранять порядокъ въ своихъ стѣнахъ. При другихъ условіяхъ страны имъ пришлось бы искать распространенія своихъ предѣловъ и, стало быть, нарушить свое спокойствіе. Но подобныхъ условій въ другихъ странахъ не существуетъ; поэтому тамъ и нельзя жить такъ, какъ живутъ германскія республики; тамъ поневолѣ приходится заботиться о своемъ усиленіи посредствомъ союзовъ съ сосѣдями или посредствомъ оружія, какъ римляне. Кто дѣйствуетъ иначе, готовитъ себѣ не жизнь, а смерть и гибель. Завоеванія пагубны для него по многимъ причинамъ. Пріобрѣтать господство полезно тому, кто вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣтаетъ силу; безъ силы же господство служитъ лишь на пагубу. Кого война разоряетъ, тотъ не пріобрѣтетъ въ ней силы, хотя бы былъ побѣдителемъ; безполезны и даже пагубны побѣды, если стоятъ дороже того, что доставляютъ. Такъ венеціанцы и флорентинцы сдѣлались гораздо слабѣе съ тѣхъ поръ, какъ одни завоевали Ломбардію, а другіе—Тоскану; они были могущественнѣе, довольствуясь одни—моремъ, а дру-

*

гіе—шестимильною областью. Но они пожелали завоеваній, а дѣйствовать умно не умѣли, и это тѣмъ непростительнѣе, тѣмъ болѣе заслуживаетъ порицанія, что они имѣли передъ собой примѣръ римлянъ и могли ему слѣдовать, тогда какъ римляне съумѣли дѣйствовать, какъ слѣдуетъ, не имѣя передъ собой никакого образца и руководствуясь только своей мудростью. Притомъ завоеванія нерѣдко очень вредятъ даже благоустроенной республикѣ, если напримѣръ она овладѣетъ городомъ и провинціей, преданными разврату, такъ что завоеватели, вступивъ въ непосредственныя сношенія съ жителями ихъ, могутъ заразиться отъ нихъ развращеніемъ; такая участь постигла сперва Римъ, а потомъ Аннибала при завоеваніи Капуи. Если бы Капуа находилась дальше отъ Рима, такъ что нельзя было бы быстро принять мѣры противъ развращенія войскъ, или если бы при этомъ завоеваніи въ Римѣ уже существовали зародыши порчи, это пріобрѣтеніе непремѣнно погубило бы римскую республику. Титъ Ливій свидѣтельствуетъ объ этомъ, говоря: Jam tunc minime salubris militari disciplinae Capua, instrumentum omnium voluptatum, delinitos militum animos avertit a memoria patriae *). Дѣйствительно, подобные города и провинціи мстятъ своимъ побѣдителямъ безъ боя и кровопролитія, но, заражая ихъ своимъ развратомъ, предаютъ ихъ въ жертву первому врагу, который нападетъ на нихъ. Ювеналъ въ своихъ сатирахъ хорошо указалъ на это, сказавъ, что завоеваніе столькихъ отдаленныхъ странъ поселило въ Римѣ чужеземные нравы, погасивъ въ римлянахъ духъ бережливости и другія древнія добродѣтели,—gula et luxuria incubuit, victumque ulciscitur orbem **). Но если завоеванія оказались пагубны даже римлянамъ въ то время, когда они дѣйствовали во всемъ такъ умно и мужественно, что же принесутъ они тѣмъ, кто не слѣдуетъ ихъ мудрымъ правиламъ? Что доставятъ они тѣмъ, кто при всѣхъ другихъ ошибкахъ пользуется еще вдобавокъ наемными войсками? Въ слѣдующей

*) Ибо въ то время Капуа благодаря своей слабой военной дисциплинѣ, располагавшей римлянъ ко всякимъ излишествамъ, заставила ихъ, ослабивъ ихъ духъ, забыть о своемъ отечествѣ.

**) Породивъ обжорство и роскошь, изъязвивъ образъ жизни людей.

главѣ мы увидимъ, что ожидаетъ поступающихъ подобнымъ образомъ.

ГЛАВА XX.

Какой опасности подвергаются государи и республики, прибѣгающіе къ наемнымъ и вспомогательнымъ войскамъ.

Въ другомъ сочиненіи *) я уже подробно говорилъ о безполезности наемныхъ и вспомогательныхъ войскъ и о пользѣ собственныхъ; вотъ почему въ этой главѣ я буду кратокъ. Я даже совсѣмъ не говорилъ бы объ этомъ, если бы не встрѣтилъ у Тита Ливія такого разительнаго примѣра относительно вспомогательныхъ войскъ, что не могу пройти его молчаніемъ. Вспомогательными войсками называются тѣ, которыя посылаются на помощь государству какою-нибудь республикою или государемъ, оставаясь на службѣ и жалованьи своего правительства. О нихъ-то и разсказываетъ Титъ Ливій слѣдующее: Римляне послали войска на помощь капуанцамъ противъ самнитовъ, въ двухъ сраженіяхъ разбили самнитскія арміи и такимъ образомъ избавили капуанцевъ отъ войны съ самнитами; послѣ побѣды они возвратились въ Римъ; но, чтобы капуанцы, оставшись безъ помощи, не сдѣлались снова добычею самнитовъ, римляне оставили въ капуанской области два легіона охранять ее. Эти легіоны, живя въ праздности, предались нѣгѣ и, забывъ уваженіе къ отечеству и сенату, задумали возстать и овладѣть ввѣренной ихъ стражѣ страной, подъ предлогомъ, что жители ея, неспособные отстаивать свое достояніе, недостойны и владѣть имъ. Замыселъ этотъ выдался, былъ подавленъ и наказанъ, какъ увидимъ ниже, когда будетъ рѣчь о заговорахъ.

*) Il Principe.

И такъ, повторяю, изъ всѣхъ родовъ войскъ вспомогательныя войска самыя худшія и опасныя. Во первыхъ, государь или республика, принявшіе ихъ на помощь, не имѣютъ надъ ними никакой власти, и они повинуются только тому, кто послалъ ихъ; какъ я сказалъ, ихъ посылаетъ чужое государство подъ начальствомъ своего полководца, подъ своими знаменами и на своемъ жалованьи; таково было войско, посланное римлянами въ Капуу. Во вторыхъ, эти войска, одержавъ побѣду, грабятъ и того, на помощь кому они посланы, и того, противъ кого посланы; при этомъ они или служатъ коварству своего правительства, или собственной алчности. Такъ Римъ не имѣлъ намѣренія нарушать договоръ и союзъ съ капуанцами; но войскамъ его казалось такъ легко подчинить ихъ, что они не могли устоять противъ искушенія завладѣть Капуей и ея областью. Можно было бы привести еще много примѣровъ; но, кромѣ указаннаго, достаточно еще сослаться на регійцевъ, которые лишились жизни и свободы отъ охранявшаго ихъ римскаго легіона. И такъ, государь или республика должны предпочесть всякое средство необходимости приглашать на защиту свою чужія вспомогательныя войска и полагаться на ихъ помощь. Всякое условіе, всякій договоръ съ непріятелемъ, какъ бы ни были тяжки, все-таки лучше подобной мѣры. Изучая событія древности и наблюдая современныя, мы убѣждаемся, что едва ли найдется хотя одинъ примѣръ, гдѣ вспомогательныя войска оказались бы полезны; за то примѣровъ вреда ихъ чрезвычайно много.

Для честолюбиваго государя или республики не можетъ быть лучшаго случая овладѣть городомъ или страной, какъ посылка войскъ на защиту ихъ. Такимъ образомъ, кто изъ честолюбія и жажды завоеваній приглашаетъ на помощь вспомогательныя войска не для защиты своей, а для покоренія другихъ, тотъ поступаетъ въ высшей степени безразсудно. Онъ никогда не удержитъ своихъ завоеваній, и тотъ, кто помогъ ему сдѣлать ихъ, безъ труда отниметъ ихъ у него. Такъ велико человѣческое честолюбіе, что ради минутнаго выигрыша люди готовы забыть, какія несчастія проистекутъ изъ этого въ самомъ непродолжительномъ времени; они забываютъ примѣры исторіи, которые я напомнилъ въ этой и другихъ главахъ. Если бы они помнили ихъ, они убѣдились бы, что чѣмъ больше оказывать сосѣдямъ великодушія, чѣмъ больше чуждаться всякихъ завоевательныхъ стремленій, тѣмъ скорѣе можно склонить ихъ довѣриться и предаться такому миролюбивому государству. Мы сейчасъ увидимъ это въ примѣрѣ капуанцевъ.

ГЛАВА XXI.

Римляне установили своего претора внѣ Рима въ первый разъ въ Капуѣ черезъ четыреста лѣтъ послѣ начала своихъ войнъ.

Мы уже много говорили о томъ, что римляне въ своихъ завоеваніяхъ дѣйствовали совершенно иначе, чѣмъ нынѣшнія государства, желающія распространить свое господство. Покоренные города, которыхъ они не разрушали, получали позволеніе жить по своимъ законамъ, и не только союзники Рима, но даже подданные его были освобождены отъ всякихъ внѣшнихъ знаковъ зависимости; они только были обязаны выполнять извѣстныя условія, сохраняя свою независимость и достоинство. Такъ поступали римляне до того времени, когда распространили завоеванія свои за предѣлы Италіи; послѣ того они начали уже обращать покоренныя царства и государства въ римскія провинціи. Извѣстно, что изъ Рима былъ посланъ первый преторъ въ другой городъ—въ Капуу, и то не для удовлетворенія своему честолюбію, а по просьбѣ самихъ капуанцевъ, которые, находясь между собой въ раздорахъ, нашли нужнымъ пригласить римскаго гражданина для возстановленія въ городѣ порядка и спокойствія. Анціаты, увлеченные этимъ примѣромъ и побуждаемые такою же необходимостью, также просили римлянъ прислать имъ префекта, и Титъ Ливій говоритъ по поводу такого необычайнаго способа распространять господство, quod jam non solum arma, sed jura romana

pollebant *). Можно судить, какъ такой образъ дѣйствія долженъ былъ способствовать распространенію римскаго владычества. Города, привыкшіе жить независимо и управляться туземными гражданами, спокойнѣе переносятъ власть правительства отдаленнаго, хотя бы стѣсняющаго ихъ, чѣмъ непосредственное господство, которое ежедневно бросается въ глаза и безпрестанно напоминаетъ имъ ихъ зависимое положеніе. Кромѣ того, это представляетъ правительству еще ту выгоду, что въ этомъ случаѣ его министры не имѣютъ судебной власти, и судьи, рѣшающіе въ городѣ гражданскія и уголовныя тяжбы, не зависятъ отъ него; поэтому и рѣшенія ихъ не могутъ навлечь на него стыда или ненависти, вслѣдствіе чего уничтожается много поводовъ къ клеветѣ и злобѣ противъ него. Въ подтвержденіе этого я могъ бы привести много примѣровъ, но удовольствуюсь однимъ, недавно случившимся въ Италіи. Извѣстно, что прежде король французскій, всякій разъ какъ занималъ Генуу, посылалъ туда французскаго губернатора управлять городомъ отъ королевскаго имени. Только послѣдній разъ онъ предоставилъ городу управляться самому собой, генуэзскимъ правительствомъ. Онъ поступилъ такимъ образомъ не по собственному разсчету, а поневолѣ, но оказалось, что именно эта мѣра гораздо больше упрочиваетъ его господство въ городѣ и удовлетворяетъ гражданъ. Вообще, люди гораздо охотнѣе предаются тому, кто кажется чуждымъ завоевательныхъ замысловъ, и несравненно меньше опасаются за свою свободу отъ того, кто оказываетъ имъ великодушіе и расположеніе. Великодушіе и умѣренность римлянъ побудили капуанцевъ просить у нихъ присылки претора; если бы римляне оказали малѣйшее желаніе сами навязать имъ своего чиновника, они непремѣнно встревожились бы и уклонились отъ этого намѣренія. Но зачѣмъ искать примѣровъ въ Римѣ и Капуѣ, когда мы имѣемъ передъ глазами примѣръ Флоренціи и Тосканы? Всѣмъ извѣстно, что городъ Пистойя добровольно отдался подъ власть флорентинцевъ. Съ другой стороны,

*) Что римляне были могущественны не только оружіемъ, но и своимъ законодательствомъ.

всѣмъ извѣстно, что пизанцы, луккцы и сіенцы ненавидятъ флорентинцевъ; эта разница зависитъ не отъ того, чтобы пистойцы меньше другихъ цѣнили свободу и считали себя ниже другихъ; но отъ того, что съ ними флорентинцы всегда поступали побратски, а съ другими—по вражески. Вотъ почему пистойцы добровольно отдались подъ ихъ власть, а другіе всегда старались всѣми средствами уничтожить ихъ господство. Если бы флорентинцы старались привязать къ себѣ своихъ сосѣдей союзами или покровительствомъ, вмѣсто того чтобы пугать ихъ, они навѣрно были бы уже властелинами всей Тосканы. Я не хочу утверждать, что никогда не слѣдуетъ прибѣгать къ оружію и къ силѣ; но я утверждаю, что къ нимъ слѣдуетъ обращаться только въ крайности, когда всѣ прочія средства окажутся недѣйствительными.

ГЛАВА XXII.

Какъ часто люди ошибаются въ сужденіяхъ о великихъ событіяхъ.

Кто бывалъ свидѣтелемъ людскихъ разсужденій, знаетъ, какъ часто люди заблуждаются: обыкновенно бываетъ, что разсуждающіе—люди далеко невысокаго ума, и въ этихъ случаяхъ людскія мнѣнія всегда прямо противоположны истинѣ. Но въ развращенныхъ государствахъ, особенно въ спокойное время, людей возвышенныхъ ненавидятъ и преслѣдуютъ изъ зависти или оскорбленнаго самолюбія; тогда обращаются къ тому, въ чемъ общее заблужденіе усматриваетъ благо и что внушается людьми, которые ищутъ не общей пользы, а расположенія народа. Вскорѣ бѣдствія заставляютъ открыть глаза, и тогда поневолѣ приходится обратиться къ тому, что было отвергнуто въ мирное время. Объ этомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ въ этой книгѣ ниже.

Бываютъ событія, легко вводящія въ заблужденіе людей, не имѣющихъ большой опытности въ дѣлахъ: это тѣ событія, которыя по внѣшнимъ признакамъ заставляютъ предполагать послѣдствія, совершенно противныя дѣйствительности. Меня навели на эту мысль внушенія претора Нумиція латинянамъ послѣ пораженія ихъ римлянами, а также мнѣніе, господствовавшее недавно у насъ, когда Францискъ I, король французскій пришелъ на завоеваніе Милана, защищаемаго швейцарцами.

Дѣло это было такъ: по смерти Людовика XII на французскій престолъ вступилъ Францискъ д'Ангулемъ. Желая возвратить своему государству герцогство миланское, недавно завоеванное швейцарцами съ помощью папы Юлія II, новый король искалъ въ Италіи союзниковъ, которые помогли бы ему въ этомъ предпріятіи. Еще король Людовикъ возобновилъ союзъ съ венеціанцами; кромѣ нихъ, Францискъ хотѣлъ привлечь къ себѣ флорентинцевъ и папу Льва X; онъ считалъ необходимымъ для успѣха своего предпріятія возобновить союзы съ этими владѣтелями потому, что войска короля испанскаго стояли въ Ломбардіи, а императорскія силы занимали Верону. Но папа Левъ не согласился на желаніе короля: говорятъ, что совѣтники его убѣдили его сохранить нейтралитетъ, доказавъ, что это дастъ ему вѣрную побѣду. Дѣйствительно, церкви было равно невыгодно, будутъ ли господствовать въ Италіи швейцарцы, или король французскій; чтобы возвратить ей прежнюю независимость, надо было избавить ее и отъ тѣхъ, и отъ другаго. Но папа не могъ побѣдить ихъ, ни обоихъ вмѣстѣ, ни каждаго отдѣльно: поэтому ему нужно было, чтобы они взаимно истребили другъ друга; когда одинъ изъ нихъ побѣдилъ бы другаго, Церковь съ своими союзниками могла бы напасть на побѣдителя и одолѣть его. Тогдашнее положеніе дѣлъ представляло самый удобный случай привести этотъ планъ въ исполненіе: оба непріятеля были уже въ походѣ, а у папы войска были подъ рукой, такъ что онъ могъ быстро перевести ихъ на границы Ломбардіи, расположить близъ воюющихъ армій и ждать, чтобы они сразились, подъ предлогомъ, что ему нужно охранять собственныя владѣнія; обѣ враждебныя арміи были храбры, такъ что слѣдовало

ожидать между ними самаго кровопролитнаго сраженія; оно такъ ослабило бы даже побѣдителя, что папскимъ войскамъ было бы легко аттаковать и разбить его, и такимъ образомъ папа остался бы со славой властелиномъ Ломбардіи и рѣшителемъ судьбы Италіи. Но событія не замедлили доказать несбыточность этихъ мечтаній. Когда, послѣ упорнаго боя, швейцарцы были разбиты, войска папы и Испаніи не только не посмѣли аттаковать побѣдителя, но приготовились-было бѣжать; однако имъ не удалось бы и бѣгство, если бы не великодушіе или, быть можетъ, равнодушіе короля, который не захотѣлъ второй побѣды и согласился заключить съ Церковью миръ.

Если мы разберемъ мнѣніе папскихъ совѣтниковъ, то увидимъ, что, не смотря на кажущуюся основательность, оно было совершенно нелѣпо. Побѣдителю рѣдко случается понести большой уронъ: много людей погибаетъ не въ самомъ сраженіи, а въ бѣгствѣ; въ пылу же боя, когда воины дерутся лицемъ къ лицу, ихъ погибаетъ мало уже потому, что обыкновенно такой бой непродолжителенъ. Но если бъ онъ былъ и продолжителенъ и если бы побѣдитель понесъ большія потери, то слава побѣды имѣетъ такое значеніе и наводитъ такой страхъ, что эти выгоды гораздо важнѣе потери въ сраженіи. Армія, которая аттаковала бы побѣдителя въ надеждѣ, что онъ ослабленъ побѣдой, жестоко ошиблась бы въ разсчетѣ и подверглась бы неминуемой гибели, если только сила ея не была достаточна, чтобы состязаться съ этимъ непріятелемъ и до побѣды его, и послѣ нея. Если сила ея достаточна, то она могла бы побѣдить или потерпѣть пораженіе, смотря по обстоятельствамъ и ея мужеству; но во всякомъ случаѣ противникъ ея имѣлъ бы надъ ней именно то преимущество, что уже сражался и одержалъ побѣду.

Латиняне убѣдились въ этомъ горькимъ опытомъ, когда увлеклись ложными разсужденіями претора Нумиція, склонившаго ихъ на пагубное предпріятіе. Когда латиняне были разбиты римлянами, этотъ преторъ кричалъ на весь Лаціумъ, что теперь настало самое удобное время аттаковать римлянъ, ослабленныхъ предъидущимъ сраженіемъ; что побѣда доставила римлянамъ только пустую

славу, но ослабила ихъ точно также, какъ ослабило бы и пораженіе; что теперь съ небольшимъ усиліемъ легко ихъ уничтожить. Повѣривъ этому, латиняне собрали новую армію, но были тотчасъ разбиты и подверглись всѣмъ бѣдствіямъ, которыя постигаютъ народы, увлекающіеся столь нелѣпыми планами.

ГЛАВА XXIII.

Поставленный чѣмъ-нибудь въ необходимость рѣшить участь своихъ подданныхъ, Римъ особенно избѣгалъ средняго пути.

Jam Latio is status erat rerum, ut neque pacem neque bellum pati possent (Уже положеніе дѣлъ въ Лаціумѣ было таково, что нельзя было рѣшиться ни на миръ, ни на войну). Изъ всѣхъ бѣдственныхъ положеній, въ какихъ могутъ находиться государи и республики, самое бѣдственное то, когда они не могутъ ни принять мира, ни продолжать войну: таково положеніе тѣхъ, которымъ съ одной стороны миръ представляетъ слишкомъ тяжкія условія, а съ другой стороны война даетъ только на выборъ предаться въ жертву союзникамъ или сдѣлаться добычею непріятеля. Какъ я уже сказалъ, въ такую крайность приводитъ увлеченіе безразсудными совѣтами и нелѣпыми планами, когда пускаются въ предпріятія, не соразмѣривъ своихъ силъ. Вполнѣ взвѣсивъ свои средства, республика или государь не могутъ дойти до такой крайности, въ какую впали латиняне, которые уступали римлянамъ, когда не слѣдовало уступать, и начинали войну, когда ее нельзя было начинать; это довело ихъ до того, что и вражда и дружба Рима сдѣлались имъ одинаково пагубны. Сперва Манлій Торкватъ, потомъ Камиллъ побѣдили и совершенно разбили латинянъ; Камиллъ занялъ своими войсками весь Лаціумъ,

принудилъ латинянъ выдать заложниковъ и вообще безусловно предаться на произволъ римлянъ. Возвратившись въ Римъ, онъ объявилъ, что весь Лаціумъ — въ рукахъ народа римскаго. Я приведу слова, которыя Ливій приписываетъ по этому поводу Камиллу; въ нихъ заключается замѣчательная мысль, которой должно слѣдовать во всѣхъ подобныхъ случаяхъ; кромѣ того слова эти объясняютъ политику римлянъ при распространеніи своего владычества и показываютъ, что они всегда избѣгали среднихъ путей, дѣйствуя постоянно крайностями. Дѣйствительно, правительство есть совокупность средствъ для удержанія подданныхъ въ страхѣ и повиновеніи. Стало быть оно должно или совершенно подавить подданныхъ, чтобы лишить ихъ возможности вредить ему, или такъ облагодѣтельствовать ихъ, чтобы они не имѣли никакого разумнаго повода желать перемѣны. Чтобы пояснить мою мысль, я приведу рѣчь Камилла и рѣшеніе, постановленное по этому вопросу сенатомъ. Вотъ эта рѣчь:

Dii immortales ita vos potentes hujus consilii fecerunt, ut, sit Latium deinde, an non sit, in vestra manu posuerint. Itaque pacem vobis, quod ad Latinos adtinet, parare in perpetuum, vel saeviendo, vel ignoscendo, potestis. Vultis crudeliter consulere in deditos victosque? licet delere omne Latium. Vultis exemplo majorum augere rem romanam, victos in civitatem accipiendo? materia crescendi per summam gloriam suppeditat. Certe id firmissimum imperium est, quo obedientes gaudent. Illorum igitur animos, dum expectatione stupent, seu paena, seu beneficio, praeoccupari opportet *).

---

*) Безсмертные боги на этомъ совѣтѣ сдѣлали васъ настолько могущественными, что предоставили вамъ рѣшить: быть или не быть Лаціуму. Такимъ образомъ вы можете способствовать прочному миру съ этой страной или жестокостью, или великодушіемъ. Если вы захотите прибѣгнуть къ жестокости, слѣдуетъ истребить весь городъ побѣжденныхъ и отдавшихся вамъ. Захотите ли примѣромъ великодушія возвеличить римское имя, вы можете побѣжденныхъ признать согражданами. Послѣднее значительно увеличитъ славу Рима. Безспорно ту власть можно считать самою прочною, которую благословляютъ подчиняющіеся ей. Вамъ слѣдуетъ такимъ образомъ рѣшить, истребить ли или облагодѣтельствовать находите вы удобнѣе тѣхъ людей, которые томятся неизвѣстностью своей участи.

Сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Согласно предложенію консула, онъ приказалъ отыскать во всѣхъ городахъ Лаціума людей, пользовавшихся значеніемъ; изъ нихъ одни были осыпаны милостями, а другіе казнены; однимъ дали должности, разныя преимущества, право гражданства и приняли всѣ мѣры для ихъ безопасности; у другихъ, напротивъ того, раззорили имѣнія, отдали земли колонистамъ, а самихъ перевели въ Римъ и разослали въ разныя мѣста, такъ что они не могли вредить ни совѣтами, ни силой. Такимъ образомъ, какъ я сказалъ, въ этомъ случаѣ и во всѣхъ другихъ римляне не любили полумѣръ и среднихъ путей.

Всѣ правительства должны бы были подражать этому примѣру. Такъ, когда въ 1502 Ареццо и вся Валь-ди-Кіана взбунтовались противъ Флоренціи, флорентинцы утвердили бы свое господство, возвеличили бы свою республику и доставили бы ей эту необходимую для нея область, если бы послѣдовали примѣру римлянъ. Вмѣсто того они прибѣгли къ полумѣрамъ, которыя особенно вредны, когда надо наказывать. Аретинцы были частью сосланы, частью казнены, и всѣ лишились почестей и должностей, которыми пользовались въ своемъ городѣ, но самый городъ былъ пощаженъ. Во время преній объ этомъ нѣкоторые граждане совѣтовали разрушить Ареццо; но другіе, считавшіе себя умнѣе, возражали, что это будетъ недостойно республики и покажетъ, какъ будто Флоренція не въ силахъ удержать Ареццо въ повиновеніи. Это одинъ изъ тѣхъ доводовъ, которые кажутся справедливыми, но въ сущности ложны; послѣ этого по той же причинѣ можно сказать, что не слѣдуетъ казнить ни одного отцеубійцу, ни одного злодѣя и бунтовщика, потому что правительству стыдно показать, что оно не въ силахъ сдержать въ повиновеніи одного человѣка. Но люди, разсуждающіе подобнымъ образомъ, не видятъ, что и частный человѣкъ, и цѣлый городъ можетъ такъ провиниться противъ государства, что для примѣра другимъ и для собственной безопасности правительству ничего другаго не остается, какъ истребить ихъ. Честь состоитъ въ умѣніи и возможности наказывать, а не въ томъ, чтобы щадить, подвергаясь черезъ

это безчисленнымъ опасностямъ: правительство, которое не лишаетъ преступниковъ возможности совершать дальнѣйшія преступленія, считается глупымъ или робкимъ.

Рѣшеніе римлянъ было необходимо, что подтверждается еще постановленіемъ ихъ о привернатахъ. Въ разсказѣ объ этомъ Ливія замѣчательны два обстоятельства: во первыхъ, то, что, какъ мы сказали, подданныхъ слѣдуетъ или благодѣтельствовать, или карать; во вторыхъ, то, что великодушіе бываетъ чрезвычайно полезно, когда обнаруживается передъ мудрыми людьми. Сенатъ собрался судить привернатовъ, которые взбунтовались и были силою приведены въ покорность. Народъ привернійскій послалъ многочисленную депутацію умолять сенатъ о прощеніи. Когда депутаты пришли въ засѣданіе, одинъ сенаторъ спросилъ ихъ: Quam poenam meritos Privernates censoret? *) На это привернатъ отвѣчалъ: Eam, quam merentur qui se libertate dignos censent.**) Тогда консулъ возразилъ: Quid si poenam remittimus vobis, qualem nos pacem vobiscum habituros speremus?***) Депутатъ отвѣчалъ: Si bonam dederitis, et fidelem et perpetuam; si malam, haud diuturnam.****) Выслушавъ это, нѣкоторые сенаторы разсердились; но мудрѣйшіе воскликнули: Se audivisse vocem et liberi et viri; nec credi posse illum populum, aut hominem, denique in ea conditione cujus eum poeniteat, diutius quam necesse sit, mansurum. Ibi pacem esse fidam, ubi voluntarii pacati sunt, neque eo loco ubi servitutem esse velint, fidem sperandam esse.*****) Послѣ этихъ словъ было постановлено даровать привер-

*) Какъ онъ думаетъ, какое наказаніе заслужили привернаты.

**) Такое, какое заслуживали бы, еслибы сенатъ нашелъ ихъ достойными свободы.

***) Но если мы освободимъ васъ отъ наказанія, то что можетъ гарантировать намъ въ будущемъ миръ съ вами?

****) Условія, на которыхъ вы насъ освободите. Если эти условія будутъ мудры, мы вамъ будемъ вѣчно вѣрны; въ противномъ случаѣ—миръ конечно будетъ не проченъ.

*****) Мы слышали рѣчь разумную. Ни отдѣльный человѣкъ, ни народъ не можетъ выносить долго ненужныхъ тягостей. Только такой договоръ проченъ, гдѣ уговаривающіяся стороны дѣйствуютъ добровольно. Но притомъ же мира съ людьми, заявляющими рабскія мысли, надѣяться трудно.

натамъ римское гражданство со всѣми правами его, причемъ сенатъ сказалъ: eos demum qui nihil praeterquam de libertate cogitant, dignos esse, qui Romani fiant. *) До такой степени великодушные отвѣты ихъ понравились великодушному собранію. И въ ихъ положеніи всякій другой отвѣтъ былъ бы ложью и подлостью. Кто думаетъ иначе о людяхъ, особенно о свободныхъ людяхъ или, по крайней мѣрѣ, о считающихъ себя свободными, тотъ очень ошибается; это заблужденіе заставляетъ его принимать мѣры, которыя не приносятъ пользы ему самому и не удовлетворяютъ этихъ людей. Отъ подобныхъ мѣръ происходятъ возмущенія и падаютъ правительства.

Но, возвращаясь къ нашему предмету, я повторяю, что постановленіе римлянъ относительно латинянъ доказываетъ необходимость дѣйствовать въ отношеніи могущественныхъ и привыкшихъ къ свободѣ городовъ или вполнѣ милосердно, или съ неумолимой строгостью; всѣ полумѣры напрасны и вредны. Особенно надобно избѣгать среднихъ мѣръ, всегда гибельныхъ. Такъ, когда самниты окружили римлянъ въ кавдинскихъ тѣснинахъ, одинъ старецъ совѣтовалъ имъ или выпустить непріятеля съ почетомъ, или истребить безъ пощады до послѣдняго человѣка; они не послушались и предпочли середку на половинѣ: обезоруживъ римскія войска и прогнавъ ихъ подъ иго, они отпустили ихъ съ позоромъ и срамомъ домой. Но вскорѣ имъ пришлось убѣдиться, какъ полезенъ былъ совѣтъ старца и какъ вредно ихъ рѣшеніе: мы разскажемъ объ этомъ подробно ниже.

*) За то только, что по взглядамъ своимъ на свободу они заслуживаютъ чести быть согражданами римлянъ.

ГЛАВА XXIV.

Крѣпости вообще скорѣе вредны, чѣмъ полезны.

Современные умники пожалуй упрекнутъ римлянъ въ неосторожности за то, что, желая держать въ повиновеніи народы Лаціума и Приверны, они не подумали построить въ этой странѣ крѣпости для поддержанія своего владычества; такъ у насъ во Флоренціи наши умники постоянно утверждаютъ, что намъ необходимы крѣпости для удержанія въ повиновеніи Пизы и другихъ городовъ. Конечно, еслибы римляне имѣли что-нибудь общее съ нынѣшними мудрецами, они не замедлили бы настроить крѣпостей; но то были люди совершенно иныхъ качествъ, иначе разсуждавшіе и иначе дѣйствовавшіе; поэтому крѣпостей они не строили. Пока Римъ былъ свободенъ, пока онъ держался своихъ древнихъ правилъ и своихъ превосходныхъ учрежденій, граждане его никогда не строили крѣпостей для удержанія въ своей власти городовъ или областей; они даже не сохраняли всѣхъ крѣпостей, которыя существовали въ покоренныхъ ими областяхъ до нихъ. Видя такую разницу въ этомъ отношеніи въ образѣ дѣйствій римлянъ и нынѣшнихъ государей, я считаю нужнымъ изслѣдовать, хорошо ли строить крѣпости, полезны ли онѣ или вредны тому, кто ихъ строитъ.

Прежде всего надо знать, противъ кого строится крѣпость — противъ непріятеля или противъ подданныхъ. Въ первомъ случаѣ она необходима, во второмъ—вредна. Теперь я докажу, почему вредно строить крѣпости для защиты противъ подданныхъ. Государь или республика, которые боятся возмущенія подданныхъ, страхомъ своимъ доказываютъ, что ненавистны своимъ подданнымъ; ненависть эта возбуждена, разумѣется, неистовствами правительства. Правительство неистовствуетъ или отъ увѣренности въ своей силѣ, или по безразсудству; увѣренность въ силѣ значительно зависитъ отъ

обладанія крѣпостями. Такимъ образомъ жестокости правительства, возбуждающія противъ него ненависть, въ значительной степени зависятъ отъ того, что государь или республика обладаютъ крѣпостями, и вотъ почему крѣпости скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Вопервыхъ, какъ я сказалъ, онѣ внушаютъ правительству больше самонадѣянности и подстрекаютъ къ насилію противъ подданныхъ; вовторыхъ, онѣ вовсе не доставляютъ правительству такого обезпеченія, какого оно отъ нихъ ждетъ. У правительства противъ народа только два вѣрныхъ средства — имѣть всегда наготовѣ хорошую армію, какая была у римлянъ; или поселить въ народѣ такое разстройство, такіе раздоры, такое несогласіе, такой безпорядокъ, чтобы онъ никакъ не могъ соединиться и возстать противъ правительства. Всѣ другія насильственныя мѣры для удержанія народа въ повиновеніи совершенно безполезны. Напримѣръ, если народъ ограбить, то и нищіе найдутъ оружіе, spoliatis arma supersunt; если обезоружить его, то негодованіе доставитъ ему оружіе, furor arma ministrat; если убить главъ его, а народъ продолжать угнетать, то у него явятся новые главы, какъ у гидры. Въ мирное время крѣпости больше приносятъ вреда, чѣмъ пользы, потому что подстрекаютъ правительство къ злодѣйствамъ; въ военное же время онѣ безполезны, потому что когда ихъ сразу атакуютъ и внѣшніе враги, и подданные, онѣ конечно не выдержатъ такой совокупной атаки. Крѣпости всегда были безполезны, а тѣмъ болѣе теперь, при дѣйствіи артиллеріи, противъ которой, какъ мы говорили, нельзя отстаивать небольшихъ крѣпостей, гдѣ отступленіе за новыя укрѣпленія невозможно. Объ этомъ я поговорю подробнѣе.

И такъ, о государь, ты, который думаешь крѣпостью сдержать въ повиновеніи народъ твоей столицы; ты государь, или ты, республика, которые хотите укрѣпленіемъ смирить завоеванный городъ, обращаюсь къ вамъ съ такою рѣчью: Вы видѣли, какъ безполезны крѣпости для удержанія народа подъ вашей властью; вы видѣли, что ваши укрѣпленія только подстрекаютъ васъ къ тираніи, которая готовитъ вамъ гибель и ускоряетъ ее, между тѣмъ какъ ваши твердыни, вызывающія возстаніе, безсильны противъ

него. Правительства мудрыя и честныя никогда не будутъ возводить крѣпостей, если желаютъ, чтобы дѣти ихъ не возненавидѣли ихъ, не возгорѣлись противъ нихъ негодованіемъ; они будутъ основывать власть свою не на укрѣпленіяхъ, а на преданности подданныхъ.

Графъ Франческо Сфорца считался очень умнымъ человѣкомъ. Однако, сдѣлавшись герцогомъ миланскимъ, онъ тотчасъ выстроилъ въ Миланѣ крѣпость; по моему, въ этомъ случаѣ онъ поступилъ не умно, и послѣдствія показали, что преемникамъ его эта крѣпость принесла больше вреда, чѣмъ пользы. Надѣясь, что она даетъ имъ безопасность и возможность безнаказанно угнетать гражданъ и подданныхъ своихъ, они перестали стѣсняться и совершали всевозможныя насилія, сдѣлались черезъ это ненавистны и при первомъ непріятельскомъ нападеніи лишились государства; при этомъ крѣпость, вредившая имъ въ мирѣ, не защитила ихъ въ войнѣ и не принесла имъ никакой пользы. Она даже и тутъ повредила имъ, потому что, не имѣй подобной опоры, они раньше замѣтили бы опасность своего положенія, еслибы по неосторожности оскорбили гражданъ, и поспѣшили бы загладить свою вину; точно также имъ легче было бы устоять и противъ нападенія французовъ, еслибы они вмѣсто крѣпости имѣли за себя своихъ подданныхъ, чѣмъ имѣя за себя крѣпость, а противъ себя и непріятеля и подданныхъ; крѣпость же совершенно безполезна и должна неизбѣжно пасть, отъ измѣны ли коменданта, или отъ атаки непріятеля, или отъ голода.

Чтобы крѣпость могла содѣйствовать въ возвращеніи отнятой области, гдѣ въ рукахъ прежняго владѣльца осталось только укрѣпленіе, надо имѣть кромѣ крѣпости армію, съ которой можно было бы напасть на завоевателя. Но дѣло въ томъ, что съ хорошей арміей нетрудно возвратить утраченную область и не имѣя въ ней крѣпости; это даже легче, потому что въ такомъ случаѣ на сторонѣ прежняго владѣльца будетъ народонаселеніе области, которое онъ не удручалъ, потому что не имѣлъ противъ него оплота. И точно, опытъ доказалъ, что миланская цитадель не принесла пользы ни Сфорцамъ, ни французамъ, когда имъ пришлось

плохо, напротивъ того, она причинила имъ вредъ и погубила ихъ, потому что, обладая ею, они не помышляли управлять умѣренно и кротко.

Гвидо Убальдо, герцогъ урбинскій, сынъ Федериго, который въ свое время считался хорошимъ полководцемъ, былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній Чезаре Борджіей, сыномъ папы Александра VI. Получивъ впослѣдствіи возможность возвратиться, онъ приказалъ срыть всѣ крѣпости въ своей странѣ, найдя ихъ вредными. Онъ не хотѣлъ держать ихъ, чтобы не оскорблять этимъ своихъ подданныхъ, очень любившихъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, что онѣ не могутъ защитить его противъ непріятеля, потому что для этого нужна армія; вслѣдствіе этихъ соображеній онъ рѣшился разрушить ихъ.

Папа Юлій, изгнавъ изъ Болоньи Бентоволіо, построилъ въ этомъ городѣ цитадель и началъ черезъ губернатора своего рѣзать народъ; народъ взбунтовался и внезапнымъ нападеніемъ взялъ цитадель, которая не принесла папѣ ни малѣйшей пользы, тогда какъ при другомъ образѣ дѣйствій могла бы оказаться полезною.

Отецъ Вителли, Никколо да Костели, по возвращеніи въ отечество изъ изгнанія тотчасъ приказалъ срыть два укрѣпленія, построенныя папой Сикстомъ IV, полагая, что власть его можетъ поддержать не крѣпость, а любовь народа.

Но самый свѣжій и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный примѣръ безполезности строить крѣпости и пользы разрушать ихъ представила намъ недавно Генуя. Всѣмъ извѣстно, что въ 1507 Генуя возстала противъ Людовика XII, короля французскаго, который подступилъ къ ней лично со всѣми своими силами, чтобы снова подчинить себѣ. Взявъ городъ, онъ построилъ въ немъ крѣпость, самую сильную изъ всѣхъ, какія до сихъ поръ извѣстны; природа и искусство дѣлали ее неприступною; она была выстроена на оконечности холма, выдававшагося въ море и называемаго генуэзцами Кодефой; оттуда она обстрѣливала всю гавань и большую часть города. Однако, когда въ 1512 французы были изгнаны изъ Италіи, и Генуя возмутилась противъ нихъ, не взирая на крѣпость, Оттавіано Фрегозо, стоявшій во главѣ правительства, окружилъ французовъ въ этой крѣпости и послѣ шестнадцатимѣсячной осады принудилъ голодомъ къ сдачѣ. Многіе совѣтовали ему сохранить ее для убѣжища на случай бѣды, и всѣ думали, что онъ послѣдуетъ этому совѣту; но этотъ умнѣйшій человѣкъ, понимая, что правительство существуетъ не силою крѣпостей, а расположеніемъ подданныхъ, разрушилъ цитадель. Основавъ такимъ образомъ свою власть не на крѣпостяхъ, а на своихъ добродѣтеляхъ и мудрости, онъ сохранилъ ее и до сихъ поръ пользуется ею. До него тысячный отрядъ войска могъ ниспровергнуть генуэзское правительство; но на него нападали и десятитысячныя арміи, а онъ устоялъ. И такъ мы видимъ, что постройка крѣпости повредила королю французскому, а разрушеніе ея не повредило Оттавіано. Прійдя въ Италію съ арміей, король овладѣлъ Генуей и безъ крѣпости; но, потерявъ армію, онъ и съ крѣпостью не могъ удержать города. Постройка крѣпости принесла королю только напрасный расходъ, а потеря ея—позоръ; между тѣмъ для Оттавіано взятіе ея было славно, а разрушеніе — полезно.

Но обратимся къ республикамъ, которыя строятъ крѣпости не въ отечествѣ, а въ завоеванныхъ странахъ. Если для доказательства безразсудства ихъ мало примѣра Генуи и короля французскаго, то я укажу на примѣръ Флоренціи и Пизы. Чтобы держать этотъ городъ въ повиновеніи, флорентинцы настроили въ его области крѣпостей, не понявъ, что Пиза, заклятый врагъ Флоренціи, привыкшая къ независимости и не имѣя иного средства избавленія, кромѣ бунта, необходимо должна возмутиться, если противъ нея не принять одно изъ средствъ римлянъ, т. е. или сдѣлать ее своей союзницей, или разрушить до основанія. Что касается до крѣпостей, то при появленіи короля Карла тотчасъ обнаружилось, чего онѣ стоятъ: всѣ онѣ посдавались, однѣ вслѣдствіе измѣны комендантовъ, а другія — изъ опасенія худшей участи; еслибы ихъ вовсе не было, флорентинцы не возлагали бы на нихъ единственную надежду удерживать свою власть надъ Пизой и король не могъ бы воспользоваться ими, чтобы отнять у Флоренціи этотъ городъ; быть можетъ, безъ этого обсто-

ятельства средства, которыми до сихъ поръ флорентинцы держались въ Пизѣ, оказались бы достаточны и на дальнѣйшее время; но во всякомъ случаѣ хуже того, какъ настроить крѣпостей, нельзя было ничего придумать.

И такъ, для удержанія власти въ отечествѣ крѣпости вредны; для удержанія завоеваній онѣ безполезны: на этотъ счетъ для меня довольно примѣра римлянъ, которые обезоруживали, а не укрѣпляли города, насильственно удерживаемые въ ихъ власти. Мнѣ возразятъ, быть можетъ, примѣромъ Тарента въ древности и Брешіи въ новѣйшее время, гдѣ, благодаря цитаделямъ, удалось подавить возстанія. Но Тарентъ былъ усмиренъ только черезъ годъ Фабіемъ Максимомъ съ цѣлой арміей, а Фабій взялъ бы его и безъ крѣпости, еслибы ея не было; онъ воспользовался ею, такъ какъ она случилась, но навѣрно и безъ нея нашелъ бы неменѣе дѣйствительное средство. Да и можно ли приводить въ примѣръ пользы крѣпостей этотъ случай, гдѣ для завоеванія возставшаго города пришлось, не смотря на цитадель, высылать противъ мятежниковъ цѣлую консульскую армію съ такимъ полководцемъ, какъ Фабій Максимъ. А что римляне во всякомъ случаѣ взяли бы Тарентъ, это доказываетъ примѣръ Капуи, гдѣ у нихъ цитадели не было, что однако не помѣшало ихъ храбрымъ войскамъ овладѣть ею. Теперь Брешія. Этотъ случай представляетъ очень рѣдкое стеченіе обстоятельствъ: вопервыхъ, несмотря на общее возстаніе жителей, цитадель осталась въ рукахъ гарнизона, вовторыхъ, у французовъ была подъ рукой сильная армія: королевскій главнокомандующій, монсиньоръ де Фуа, находился съ арміей въ Болоньи, когда пришло извѣстіе о потерѣ Брешіи; онъ немедленно выступилъ въ походъ, въ три дня пришелъ подъ Брешію и при помощи цитадели овладѣлъ городомъ. Стало быть и здѣсь, чтобы крѣпость принесла пользу, нужна была цѣлая армія съ такимъ полководцемъ, какъ монсиньоръ де Фуа. Слѣдовательно, примѣры эти не опровергаютъ нашего мнѣнія, тѣмъ болѣе, что его подтверждаетъ множество фактовъ; въ современныхъ войнахъ въ Ломбардіи, въ Романьи, въ королевствѣ неаполитанскомъ и вообще всюду въ Италіи было очень много крѣпостей; но ихъ такъ

же легко завоевывали, какъ и открытыя мѣстности. Что касается до крѣпостей, построенныхъ для защиты отъ внутреннихъ враговъ, я повторяю, что онѣ безполезны народамъ и правительствамъ, имѣющимъ хорошія войска, но еще болѣе безполезны тѣмъ, у кого нѣтъ хорошихъ войскъ: хорошія войска защитятъ правительство и безъ крѣпостей, а крѣпости безъ хорошихъ войскъ не защитятъ. Это подтверждается самыми высокими авторитетами въ наукѣ правленія и во всемъ другомъ—а именно, римлянами и спартанцами; римляне не строили крѣпостей, а спартанцы нетолько не строили, но даже не позволяли укрѣплять свой городъ, желая имѣть оплотомъ лишь мужество гражданъ. На вопросъ одного афинянина, какъ онъ находитъ стѣны Афинъ, спартанецъ отвѣчалъ: онѣ были бы хороши, еслибы въ городѣ жили только женщины.

И такъ, государь, имѣющій хорошія войска, можетъ не безъ пользы содержать на границахъ своихъ владѣній нѣсколько крѣпостей, чтобы удерживать непріятеля, пока не приготовится встрѣтить его, хотя и это не составляетъ крайней необходимости. Но государю, не имѣющему хорошихъ войскъ, крѣпости внутреннія и пограничныя равно безполезны и опасны. Опасны — потому что ихъ легко потерять и, потерявъ, дать въ нихъ поддержку своему непріятелю; безполезны — потому что если ихъ нельзя взять, то непріятелю легко обойти ихъ, и тогда онѣ уже ни къ чему не служатъ. Непріятель, не встрѣчая рѣшительнаго сопротивленія, обыкновенно проникаетъ въ страну, не обращая вниманія на крѣпости и цитадели, которыя оставляетъ за собой; подобные примѣры бывали и въ древней исторіи, и еще недавно Франческо Марія, напавъ на Урбино, оставилъ въ тылу у себя десять непріятельскихъ крѣпостей. Слѣдовательно, государь, имѣющій хорошія войска, можетъ строить крѣпости; а кто ихъ не имѣетъ — не долженъ. Пусть онъ укрѣпитъ свою столицу, снабдитъ ее всѣмъ необходимымъ и приготовитъ ея гражданъ выдерживать непріятельское нападеніе до заключенія договора или до полученія посторонней помощи. Всѣ прочія мѣры подобнаго рода убыточны въ мирное время и безполезны въ военное. Сообразивъ все ска-

занное, мы видимъ, что римляне, мудрые во всемъ, поступали мудро въ отношеніи латинянъ и привернатовъ; не помышляя о сооруженіи крѣпостей, они обезпечили свою власть надъ ними болѣе благоразумными и достойными средствами.

ГЛАВА XXV.

Часто бываетъ вредно пользоваться междоусобіемъ въ городѣ для его покоренія.

Междоусобія между народомъ и аристократіей дошли въ римской республикѣ до дого, что вейенты и этруски возъимѣли надежду уничтожить Римъ. Они собрали армію и начали опустошать окрестности Рима. Сенатъ послалъ противъ нихъ Кн. Манлія и М. Фабія. Когда римская армія приблизилась къ непріятельской, вейенты начали дразнить римлянъ безпрестанными нападеніями и бранными словами. Эта наглость и дерзость дотого рассердили римлянъ, что они исполнились единодушія, кинулись на непріятеля и разбили его. Мы уже видѣли отчасти, до чего люди могутъ заблуждаться и какъ часто ихъ губитъ то, въ чемъ они думали найти выгоду. Такъ и вейенты воображали, что побѣдятъ римлянъ, воспользовавшись ихъ междоусобіемъ; но вмѣсто того ихъ нападеніе привело римлянъ къ единодушію, а вейентовъ погубило. Дѣло въ томъ, что причиною смутъ въ республикахъ часто бываютъ миръ и праздность; опасность и война вызываютъ единодушіе. Еслибы вейенты были разсудительны, они тѣмъ болѣе воздерживались бы отъ войны, чѣмъ больше видѣли бы въ Римѣ раздоровъ, и, пользуясь этими раздорами старались бы подчинить себѣ римлянъ хитростью, не нарушая мира. Для этого надо войти въ дружбу съ государствомъ, раздираемымъ междоусобіемъ, сдѣлаться посредникомъ между партіями и довести ихъ

до того, чтобы онѣ подрались между собою. Когда у нихъ дѣло дойдетъ до драки, надо слегка поддерживать слабѣйшую сторону, такъ чтобы она могла продолжать борьбу, истощая и себя, и противника. Но не слѣдуетъ оказывать ей сильной помощи, потому что это можетъ встревожить ее и возбудить въ ней подозрѣніе, что покровитель хочетъ покорить ее и подчинить своей власти. Дѣйствуя искусно въ этомъ смыслѣ, мы навѣрно достигнемъ цѣли.

Подобнымъ образомъ былъ подчиненъ флорентинской республикѣ городъ Пистойя. Когда въ немъ господствовали смуты, флорентинцы поддерживали то одну, то другую партію, не давая ни той, ни другой полной побѣды, и такимъ образомъ довели городъ до того, что, утомленный постоянными раздорами, онъ добровольно предался во власть Флоренціи.

Въ городѣ Сіенѣ раздоры усиливались, какъ скоро прекращалось вмѣшательство флорентинцевъ, и затихали, когда оно становилось дѣятельно. Тогда въ городѣ водворялось единодушіе, и всѣ партіи соединялись на защиту правительства.

Наконецъ третій примѣръ: Филиппъ Висконти герцогъ миланскій неоднократно начиналъ войну съ Флоренціей, надѣясь на тамошнія смуты и всякій разъ терпѣлъ неудачу, такъ что наконецъ жаловался, что флорентинскія глупости обошлись ему въ два милліона червонцевъ.

И такъ вейенты и тосканцы увлеклись ложнымъ разсчетомъ, и одно сраженіе покорило ихъ римлянамъ. Такая же участь предстоитъ всякому, кто возмечтаетъ покорить народъ подобными средствами и при подобныхъ обстоятельствахъ.

ГЛАВА XXVI.

Презрѣніе и оскорбленіе только возбуждаютъ ненависть, не принося никакой пользы.

Я нахожу, что одно изъ лучшихъ доказательствъ благоразумія состоитъ въ воздержаніи отъ угрозъ и оскорбленій кого бы то ни было словами; они нетолько не ослабляютъ непріятеля, но, напротивъ того, возбуждаютъ въ немъ больше осторожности и ярости и заставляютъ больше думать объ отмщеніи. Это доказываетъ и вышеприведенный примѣръ вейентовъ, которые, не удовольствовавшись объявленіемъ войны римлянамъ, оскорбляли ихъ еще словами. Благоразумный полководецъ долженъ запретить солдатамъ оскорблять непріятеля бранью, которая только воспламеняетъ его и побуждаетъ къ мести, ни мало не вредя ему, а, напротивъ, придавая ему еще больше силы. Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи былъ въ Азіи. Персидскій полководецъ Габасъ долго осаждалъ Амиду и наконецъ утомленный продолжительной осадой рѣшился удалиться; онъ уже снималъ свой лагерь, когда осажденные, возгордясь побѣдой, собрались на стѣнахъ и начали всячески бранить персовъ, ругая, понося и обвиняя ихъ въ трусости и подлости. Взбѣшенный этимъ Габасъ перемѣнилъ намѣреніе и снова принялся за осаду; обида возбудила въ немъ такое негодованіе и придала ему столько силы, что онъ въ нѣсколько дней взялъ и разграбилъ городъ. Тоже было и съ вейентами: не довольствуясь, какъ я сказалъ, объявленіемъ римлянамъ войны, они еще поносили ихъ ругательствами; они подходили къ самому лагерю римлянъ, чтобы говорить имъ разныя оскорбленія; такимъ образомъ они гораздо больше раздражили римлянъ словами, чѣмъ оружіемъ, и римскіе солдаты, которые прежде не хотѣли сражаться, сами принудили потомъ консуловъ начать сраженіе, и вейентамъ, подобно амидцамъ, пришлось поплатиться за свои дерзости.

Хорошіе полководцы и правители должны принимать всѣ мѣры, чтобы не допускать солдатъ и гражданъ оскорблять другъ друга или непріятеля. Мы уже видѣли, какъ вредно наносить оскорбленія непріятелю; но еще вреднѣе, если граждане будутъ оскорблять другъ друга и если не будетъ принято немедленно всѣхъ мѣръ для ихъ примиренія; поэтому всѣ умные люди всегда старались улаживать такія ссоры. Когда, какъ мы разскажемъ ниже, римскіе легіоны, оставленные въ Капуѣ, составили замыселъ противъ капуанцевъ и произвели бунтъ, усмотренный Валеріемъ Корвиномъ, то въ договорѣ ихъ съ правительствомъ были опредѣлены строгія наказанія тѣмъ, кто будетъ упрекать этихъ воиновъ за ихъ возмущеніе. Тиберій Гракхъ, назначенный въ войну съ Анниваломъ начальникомъ отряда рабовъ, которыхъ римляне были принуждены вооружить по недостатку въ людяхъ, велѣлъ прежде всего строжайше наказывать всякаго, кто попрекнетъ его воина рабствомъ. Изъ этого видно, какъ опаснымъ считали римляне оскорблять людей презрѣніемъ и срамить ихъ; потому что ничто такъ не раздражаетъ людей и не возбуждаетъ въ нихъ такого негодованія, какъ упреки серьезные или шуточные: Nam facetiae asperae, quando nimium ex vero traxere, acrem sui memoriam relinquunt. *)

ГЛАВА XXVII.

Благоразумные государи и республики довольствуются побѣдой; кто ищетъ большаго, часто находитъ лишь собственную гибель.

Презрительное обращеніе съ непріятелемъ происходитъ часто отъ самонадѣянности, возбуждаемой побѣдой или обманчивой надеждой на побѣду; эта обманчивая надежда заставляетъ людей

*) Такъ какъ жестокія насмѣшки, когда все преувеличенное въ нихъ отбросится ходомъ дѣла, оставляютъ по себѣ память своей жесткости.

ошибаться нетолько въ словахъ, но и въ поступкахъ. Забравшись въ сердце человѣка, она увлекаетъ ихъ за предѣлы благоразумія и часто заставляетъ ихъ терять случаи пріобрѣсти вѣрную выгоду, погнавшись за невѣрной. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія, потому что люди очень часто подвергаются этому заблужденію и этимъ вредятъ цѣлому государству. Примѣрами древней и современной исторіи можно доказать это гораздо яснѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ сухими доводами.

Поразивъ римлянъ при Каннахъ, Аннибалъ послалъ въ Карѳагенъ гонцовъ, извѣщая о побѣдѣ и прося помощи. Карѳагенскій сенатъ собрался для совѣщанія по этому поводу. Ганнонъ, старый и мудрый гражданинъ карѳагенскій, совѣтовалъ благоразумно воспользоваться побѣдой для заключенія съ римлянами мира, который вслѣдствіе побѣды можно было получить на весьма выгодныхъ условіяхъ. Онъ представлялъ, что не должно ждать пораженія для заключенія мира, потому что карѳагеняне имѣли цѣлью только доказать римлянамъ, что могутъ тягаться съ ними; стало быть, одержавъ побѣду, безразсудно подвергать себя дальнѣйшимъ опасностямъ ради бóльшихъ выгодъ, которыя еще очень сомнительны. Совѣтъ этотъ былъ отвергнутъ; впослѣдствіи карѳагенскій сенатъ убѣдился въ его благоразуміи; но было уже поздно.

Когда Александръ Великій уже покорилъ весь востокъ, республика тирская, знаменитая въ свое время и могущественная, потому что Тиръ, подобно Венеціи, стоялъ среди моря, видя величіе Александра, отправила къ нему пословъ сказать, что готова служить и повиноваться ему, какъ онъ требуетъ, но не желаетъ впускать въ свой городъ ни его, ни его войскъ. Александръ, негодуя, что одинъ городъ закрываетъ свои ворота тому, передъ кѣмъ разверзлись ворота всѣхъ городовъ всего міра, прогналъ пословъ, отвергнувъ ихъ условія, и осадилъ Тиръ. Но городъ былъ окруженъ водою и въ изобиліи снабженъ продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ для защиты, такъ что послѣ четырехмѣсячной осады Александръ убѣдился, что городъ этотъ отнимаетъ у его славы больше времени, чѣмъ всѣ прочія завоеванія его.

Тогда онъ рѣшился вступить съ жителями въ переговоры и согласился на условія, которыхъ они сами требовали. Но тирійцы, возгордившись, нетолько не приняли его предложеній, а даже убили пословъ царя. Возмущенный этимъ, Александръ принялся за осаду такъ дѣятельно, что взялъ и разрушилъ городъ, а жителей истребилъ или обратилъ въ рабство.

Въ 1512 г. испанская армія вступила во флорентинскую область для возстановленія Медичи во Флоренціи и для взысканія съ этого города контрибуціи. Ее привлекли сами флорентинцы, увѣривъ испанцевъ, что помогутъ имъ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ только вступятъ въ область республики. Испанцы вступили въ равнину, но, видя, что никто къ нимъ не пристаетъ, и терпя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, предложили миръ. Но флорентинцы, возгордившись, отвергли его; вслѣдствіе этого республика потеряла Прато и пала.

И такъ, правительства, аттакованныя несравненно сильнѣйшимъ непріятелемъ, дѣлаютъ величайшую ошибку, отвергая предлагаемое примиреніе. Какъ бы ни были тяжки условія его, но въ нихъ непремѣнно будетъ что-нибудь выгодное, почетное и составляющее пріобрѣтеніе побѣды. Такъ Александръ соглашался даровать тирійцамъ тѣ самыя условія, которыя они прежде предлагали ему, а онъ отвергалъ; и имъ слѣдовало вполнѣ удовольствоваться этимъ, потому что для нихъ и безъ того было довольно славы оружіемъ принудить такого героя принять ихъ условія. Точно такъ и для флорентинцевъ было совершенно достаточно торжества принудить испанскія войска уступить хоть нѣкоторымъ ихъ желаніямъ и отказаться хоть отъ одной изъ трехъ предположенныхъ цѣлей: цѣлью испанцевъ было вопервыхъ, измѣнить во Флоренціи образъ правленія, вовторыхъ, устранить республику изъ-подъ вліянія Франціи; втретьихъ, получить съ нея денегъ. Флорентинцамъ было бы совершенно достаточно и для чести, и для выгоды, еслибы изъ этихъ трехъ цѣлей непріятель достигъ только двухъ послѣднихъ, а отъ первой, важнѣйшей, потому что она касалась самого существованія республики, отказался. Имъ не слѣдовало гнаться за второстепенными преимуществами: лишь

бы уцѣлѣла республика, а остальное было не такъ важно; притомъ еслибы и была надежда одержать болѣе блистательное торжество, то все-таки не слѣдовало въ этомъ случаѣ рисковать, потому что рискъ былъ слишкомъ великъ и на карту ставилось самое существованіе республики; на такой рискъ благоразумный человѣкъ никогда не рѣшится, кромѣ самой крайней неизбѣжности.

Шестнадцать лѣтъ пробылъ Аннибалъ со славой въ Италіи, и когда наконецъ карѳагеняне вызвали его спасать отечество, онъ нашелъ, что Асдрубалъ и Сифаксъ разбиты, все нумидійское царство потеряно, Карѳагенъ стѣсненъ въ стѣнахъ своихъ и государство лишено всѣхъ средствъ защиты, кромѣ него и его арміи. Видя, что его армія составляетъ послѣдній оплотъ отечества, онъ не хотѣлъ рисковать ею, не испробовавъ предварительно всѣхъ другихъ мѣръ; такимъ образомъ онъ не счелъ недостойнымъ себя просить мира, будучи убѣжденъ, что только миръ, а не война представляетъ его отечеству надежду на спасеніе. Когда мирныя предложенія его были отвергнуты, онъ рѣшился сражаться, разсчитывая, что въ сраженіи ему представляется еще надежда на побѣду или, по крайней мѣрѣ, на славную гибель. Если, стало быть, такой великій человѣкъ, какъ Аннибалъ, имѣя цѣлую армію, избѣгалъ сраженія и искалъ мира, понимая, что пораженіе будетъ роковымъ для независимости его отечества, то какъ же долженъ поступать тотъ, кто не обладаетъ такимъ геніемъ и такою опытностью? Но въ томъ-то люди и заблуждаются, что не умѣютъ полагать предѣловъ своимъ надеждамъ; не сообразивъ своихъ средствъ, они увлекаются несбыточными надеждами въ гибель.

ГЛАВА XXVIII.

Какъ опасно для государя или республики оставлять безъ отмщенія обиды, нанесенныя правительству или частнымъ лицамъ.

Римская исторія показываетъ намъ, какія послѣдствія имѣетъ негодованіе за нанесенную обиду. Мы видимъ примѣръ этого въ событіяхъ, вызванныхъ посольствомъ трехъ Фабіевъ къ французамъ, когда послѣдніе напали на Тоскану и особенно на Клузіумъ. Жители этого города послали просить помощи римлянъ, и римляне отправили пословъ къ французамъ объявить имъ именемъ народа римскаго, чтобы они прекратили войну въ Тосканѣ. Послы ихъ, люди больше дѣла, чѣмъ слова, прибывъ въ Клузіумъ, вступили въ ряды тосканцевъ и приняли участіе въ битвѣ ихъ съ французами. Послѣдніе, узнавъ объ этомъ, обратили на римлянъ все негодованіе, которое питали прежде къ тосканцамъ. Послы ихъ жаловались римскому сенату на нанесенное имъ оскорбленіе и требовали въ удовлетвореніе выдачи трехъ Фабіевъ. Но сенатъ отвергъ ихъ требованіе и не согласился даже самъ наказать своихъ пословъ; мало того, на слѣдующихъ же коллизіяхъ Фабіи были избраны въ консульскіе трибуны. Это еще болѣе увеличило негодованіе французовъ, и они приняли за выраженіе презрѣнія къ нимъ и за намѣреніе оскорбить ихъ эти почести, оказываемыя людямъ, заслужившимъ наказаніе поступками въ отношеніи ихъ. Воспылавъ гнѣвомъ и местью, они напали на Римъ и взяли городъ, кромѣ Капитолія. Такимъ образомъ это бѣдствіе постигло римлянъ за нарушеніе справедливости: посланники ихъ нарушили jus gentium и заслуживали наказанія, а вмѣсто того были награждены.

Стало быть, всякая республика и всякій государь должны остерегаться наносить подобныя обиды нетолько цѣлому народу, но и частнымъ лицамъ. Человѣкъ, глубоко оскорбленный обществомъ

или частнымъ лицомъ и не получившій удовлетворенія, какого желаетъ, будетъ стараться отмстить: если онъ живетъ въ республикѣ, онъ въ возмездіе станетъ стараться погубить ее; если живетъ подъ властью государя и хоть сколько-нибудь уважаетъ себя, то не успокоится, пока не отмститъ какъ-нибудь государю, хотя бы ясно видѣлъ, что месть эта сопряжена для него съ опасностью и даже гибелью. Въ доказательство мы можемъ представить прекрасный и вполнѣ истинный примѣръ Филиппа Македонскаго, отца Александра. При дворѣ его былъ одинъ прекрасный и знатный юноша, Павзаній, въ котораго былъ влюбленъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ Филиппа, Атталъ. Онъ нѣсколько разъ приставалъ къ нему съ просьбами, но, видя его отвращеніе отъ подобнаго дѣла, рѣшился хитростью или силою добиться того, чего не могъ достичь другими средствами. Онъ устроилъ великолѣпный пиръ, на который пригласилъ Павзанія и много другихъ знатныхъ бароновъ; когда гости наѣлись и напились, онъ велѣлъ взять Павзанія и отвести въ уединенный покой, гдѣ нетолько насильственно удовлетворилъ свою страсть, но въ довершеніе оскорбленія предалъ его на растлѣніе многихъ другихъ гостей. Павзаній нѣсколько разъ жаловался на эту обиду Филиппу. Царь нѣкоторое время подавалъ ему надежду на отмщеніе; но потомъ нетолько не удовлетворилъ его, а еще назначилъ Аттала правителемъ одной греческой области. Увидя, что врагъ его вмѣсто наказанія получилъ награду, Павзаній обратилъ свое негодованіе съ того, кто нанесъ ему такое оскорбленіе, на Филиппа, который не далъ ему возмездія. И вотъ однажды, когда Филиппъ праздновалъ свадьбу дочери съ Александромъ Эпирскимъ и торжественно шелъ въ храмъ на церемонію среди двухъ Александровъ, сына и зятя, Павзаній закололъ его. Примѣръ этотъ имѣетъ много общаго съ примѣромъ римлянъ и долженъ служить правителямъ доказательствомъ, что не слѣдуетъ дотого презирать людей, чтобы предполагать, что ихъ безнаказанно можно осыпать оскорбленіями; они должны помнить, что оскорбленный готовъ рѣшиться на месть, не взирая ни на какія опасности, хотя бы въ мести его ожидала вѣрная смерть

ГЛАВА XXIX.

Судьба ослѣпляетъ людей, когда они начинаютъ препятствовать ея планамъ.

Внимательно изслѣдуя событія исторіи, мы видимъ, что происходитъ много такихъ, гдѣ небо, повидимому, не желало допустить вмѣшательства человѣческаго разума и предусмотрительности. Римъ отличался мужествомъ, религіозностью и порядкомъ; однако и тамъ бывали подобныя событія. Удивительно ли послѣ того, что они такъ часто случаются въ городахъ и странахъ, лишенныхъ всѣхъ этихъ качествъ? Одинъ подобный случай, постигшій римлянъ, разительно доказываетъ могущество небесъ и вліяніе ихъ на человѣческія дѣла; поэтому Титъ Ливій подробно и краснорѣчиво говоритъ о немъ, разсуждая такъ:

Желая показать римлянамъ свое могущество, небо ввело сперва въ заблужденіе Фабіевъ, отправленныхъ послами къ французамъ, и черезъ нихъ побудило послѣднихъ начать съ Римомъ войну; потомъ оно распорядилось, чтобы въ Римѣ не было принято для этой войны никакихъ мѣръ, достойныхъ римскаго народа; по его волѣ былъ сосланъ въ Ардею въ изгнаніе Камиллъ, единственный человѣкъ, способный противостать такой опасности; притомъ римляне, неоднократно назначавшіе диктаторовъ для отраженія нападеній вольсковъ и другихъ враждебныхъ сосѣднихъ племенъ, при приближеніи французовъ къ Риму не приняли этой мѣры. Далѣе, они такъ вяло собирали войска и вообще дѣйствовали такъ медленно, несмотря на важность обстоятельствъ, требовавшихъ чрезвычайной дѣятельности, что встрѣтили непріятеля уже на рѣкѣ Алліи, всего въ десяти миляхъ отъ Рима. Наконецъ трибуны, располагаясь лагеремъ, не приняли никакихъ обычныхъ мѣръ предусмотрительности: не изслѣдовали мѣстности, не окружили себя ни рвами, ни валами, словомъ, не сдѣлали ничего, что пред-

писывало божеское и человѣческое благоразуміе; выстраивая войска къ сраженію, они расположили ихъ слабыми и рѣдкими рядами, такъ что солдаты и полководцы оказались недостойными римскаго военнаго порядка. Поэтому едва непріятель аттаковалъ ихъ, они бѣжали, не проливъ ни одной капли крови; часть ихъ ушла въ Вейи, а другая отступила въ Римъ и, не заходя домой, удалилась въ Капитолій, такъ что сенатъ, не помышляя о защитѣ города, не велѣлъ даже запереть воротъ; иные сенаторы бѣжали изъ Рима, а другіе послѣдовали за войсками въ Капитолій. Однако для защиты Капитолія были приняты благоразумныя мѣры; безполезныхъ людей туда не пускали, и въ крѣпость свезли весь хлѣбъ, какой могли, чтобы имѣть возможность выдержать осаду; безпомощная толпа стариковъ, женщинъ и дѣтей большею частью удалилась въ окрестности, а остальные остались въ городѣ въ жертву французамъ. Но, тѣмъ не менѣе, читая о подвигахъ, совершенныхъ этимъ народомъ столько лѣтъ тому назадъ, и потомъ о дѣйствіяхъ его во время французскаго нашествія, трудно повѣрить, что рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же народѣ. Описавъ всѣ эти безпорядки, Титъ Ливій заключаетъ словами: Adeo obcæcat animos fortuna, cum vim suam ingruentem refringi non vult. *) Это заключеніе въ высшей степени справедливо, и вотъ почему люди вообще не заслуживаютъ ни похвалъ, ни порицаній за свое счастіе или несчастіе. Ибо въ большинствѣ случаевъ мы находимъ, что къ величію или паденію ихъ привели обстоятельства, зависящія отъ воли небесъ и которыя дали имъ случай дѣйствовать искусно или лишили ихъ его. Имѣя въ виду какую-нибудь великую цѣль, судьба избираетъ человѣка такого ума и такихъ способностей, чтобы сразу видѣть всѣ случаи, которые она ему представитъ. Точно также, желая показать примѣръ великаго паденія, судьба избираетъ людей, увлекающихъ государства въ гибель. Если при этомъ встрѣтится человѣкъ, способный воспрепятствовать ея цѣли, она губитъ его или лишаетъ возможности дѣйствовать и приносить пользу. Приведенный примѣръ доказываетъ, что судьба, желая упрочить величіе Рима и возвести его на ту степень могущества, которой онъ впослѣдствіи достигъ, сочла нужнымъ предварительно подвергнуть римлянъ бѣдствію (какъ мы подробнѣе увидимъ въ началѣ слѣдующей книги), но не хотѣла погубить ихъ окончательно. Съ этой цѣлью она побудила ихъ изгнать Камилла, но не допустила умертвить его; дозволила взятіе Рима, но охранила Капитолій; по ея волѣ римляне ничего не сдѣлали для защиты города, но приняли всѣ мѣры для охраненія Капитолія. Далѣе, судьбѣ было угодно, чтобы бо́льшая часть войскъ, разбитыхъ на Алліи, отступила въ Вейи. Такимъ образомъ, всѣ мѣры, принимаемыя для охраненія Рима, были ниспровергнуты судьбой. Но въ то же время она приготовила все, чтобы вырвать его изъ рукъ непріятеля: она привела римскую армію въ Вейи, а Камилла въ Ардею, такъ что войска могли оправиться подъ предводительствомъ этого полководца, на которомъ не было пятна пораженія, и избавить отечество отъ непріятельскаго нашествія. Въ подтвержденіе моей мысли можно было бы привести еще нѣсколько современныхъ фактовъ; но я считаю ее и безъ того уже достаточно доказанною и потому опускаю ихъ. Повторю только, какъ несомнѣнную истину, доказываемую всею исторіею, что люди могутъ способствовать предначертаніямъ судьбы, но не могутъ мѣшать имъ, могутъ замышлять противъ нея ковы, но не въ силахъ побѣдить ее. Поэтому, никогда не слѣдуетъ отчаяваться: цѣли судьбы неисповѣдимы, ибо она стремится къ нимъ путями извилистыми и потаенными; слѣдовательно, надо всегда надѣяться и, надѣясь, не унывать, какъ бы ни были тяжки обстоятельства.

*) Счастіе до того ослѣпило ихъ, что они не хотѣли воздержать своихъ наступательныхъ силъ.

ГЛАВА XXX.

Дѣйствительно-могущественные государи и республики пріобрѣтаютъ союзниковъ не деньгами, а мужествомъ и славою.

Во время осады Капитолія, хотя римляне ожидали помощи отъ Вейевъ и отъ Камилла, но, побуждаемые голодомъ, рѣшились вступить въ соглашеніе съ французами и удовлетворить ихъ извѣстнымъ количествомъ золота. Условія были уже заключены и золото вѣшалось, какъ вдругъ прибылъ Камиллъ съ своей арміей. По словамъ историка, въ этомъ участвовала воля судьбы, которая не хотѣла, ut Romani auro redempti non viverent—чтобы римляне были обязаны своимъ существованіемъ золоту. Обстоятельство это замѣчательно нетолько само по себѣ, но еще потому, что республика приняла его за руководство въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ; съ тѣхъ поръ она никогда не пріобрѣтала владѣній за деньги, никогда за золото не заключала мира, а всегда достигала своихъ цѣлей силою оружія. Я полагаю, что въ этомъ отношеніи Римъ составляетъ единственный примѣръ между республиками.

Отношенія государства къ сосѣдямъ составляютъ главное мѣрило его могущества. Если оно находится въ такомъ положеніи, что для пріобрѣтенія его дружбы сосѣди платятъ ему дань, это доказываетъ, что оно дѣйствительно могущественно; но если сосѣди, хотя бы и слабѣйшіе, получаютъ съ него же деньги, — это несомнѣнный признакъ его безсилія. Читая римскую исторію, мы видимъ, что массилійцы, эдуи, родосцы, Гіеронъ Сиракузскій, цари Эвменъ и Массинисса — словомъ, всѣ державы, сопредѣльныя римскому государству, наперерывъ платили ему дань и давали деньги на всѣ его надобности, лишь бы имѣть его своимъ союзникомъ, и не ища взамѣнъ денегъ ничего, кромѣ его покровительства. Иное представляютъ намъ слабыя государства, начиная съ нашей Флоренціи, которая съ самаго начала своего существованія и даже во время величайшаго процвѣтанія своего платила рѣшительно всѣмъ, такъ что во всей Романьи не было ни одного самаго мелкаго владѣтеля, который не получалъ бы отъ нея платы; она платила перуджійцамъ и кастельцамъ и вообще всѣмъ сосѣдямъ. Будь этотъ городъ силенъ духомъ и оружіемъ, отношенія эти были бы совершенно иныя, и всѣ платили бы ему, лишь бы пріобрѣсти его покровительство, вмѣсто того, чтобы продавать ему свою дружбу. Впрочемъ, не одни флорентинцы поступали такъ малодушно; такими же трусами оказывались и венеціанцы, и даже король французскій, который, имѣя такое государство, живетъ данникомъ швейцарцевъ и короля англійскаго. Все это происходитъ оттого, что они обезоружили своихъ подданныхъ, предпочитая имѣть возможность грабить ихъ и избѣгать мнимыхъ опасностей, чѣмъ оградить себя отъ дѣйствительной, обезпечить свое государство и доставить ему прочное благоденствіе. Правда, этотъ безпорядокъ даетъ временное мнимое спокойствіе; но зато въ смутныя времена причиняетъ бѣдствія и неизбѣжную гибель. Было бы слишкомъ долго разсказывать, сколько разъ флорентинцы, венеціанцы и французы откупались деньгами отъ войны, подвергая себя позору, который римляне допустили только однажды. Точно также утомительно было бы перечислять всѣ города, купленные флорентинцами и венеціанцами; это было въ высшей степени безразсудно, потому что, пріобрѣтая золотомъ, они не умѣли сохранить пріобрѣтенное желѣзомъ.

Римляне дѣйствовали такъ мужественно и благоразумно все время, пока были свободны; но, попавъ подъ иго императоровъ, особенно когда императоры развратились и стали предпочитать мракъ свѣту, государство начало откупаться то отъ парфянъ, то отъ германцевъ, то отъ другихъ сопредѣльныхъ народовъ; это привело наконецъ имперію къ паденію. Это искаженіе прежняго образа дѣйствій зависѣло отъ обезоруженія подданныхъ и влекло за собой другое, худшее зло, а именно, что чѣмъ ближе приближается непріятель, тѣмъ государство оказывается слабѣе. Дѣло въ томъ, что подобная внѣшняя политика заставляетъ правитель-

ство угнетать собственныхъ подданныхъ, чтобы имѣть средства устранять непріятеля отъ своихъ предѣловъ. Для отраженія непріятеля отъ своихъ границъ правительство нанимаетъ сосѣднихъ владѣтелей и племена. Вслѣдствіе этого непріятель на границѣ встрѣчаетъ нѣкоторое сопротивленіе, но, перейдя ее, идетъ уже безпрепятственно къ сердцу страны, и правительство не имѣетъ никакихъ средствъ остановить его. Ясно, до чего такой образъ дѣйствій нелѣпъ и безразсуденъ. Главное дѣло въ томъ, чтобы защитить сердце страны, а не оконечности; государство можетъ существовать, лишившись оконечностей, но, будучи поражено въ сердце, гибнетъ: между тѣмъ правительства, поступающія подобно флорентинскому, защищаютъ оконечности, а сердце государства оставляютъ неприкрытымъ. Немудрено, что всѣхъ ихъ постигаетъ такая же участь, т. е. что едва непріятель перейдетъ границу и вступитъ во внутренность страны, какъ имъ уже не остается никакихъ средствъ къ спасенію. Недавно это случилось съ венеціанцами, которые погибли бы совершенно, еслибы городъ ихъ не былъ окруженъ моремъ. Франція рѣже доходила до такой крайности, потому что такъ обширна, что имѣетъ очень мало непріятелей, которые были бы сильнѣе ея. Однако въ 1513 г., когда въ нее вторглись англичане, въ ней распространилось общее смятеніе, потому что и самъ король, и всѣ подданные убѣждены, что одно пораженіе можетъ предать все государство во власть непріятеля.

У римлянъ было не такъ: чѣмъ больше приближался непріятель къ Риму, тѣмъ болѣе средствъ имѣло государство противиться ему. Такъ во время похода Аннибала въ Италію римляне послѣ троекратнаго пораженія и послѣ потери множества полководцевъ и воиновъ могли нетолько остановить непріятеля, но даже кончить войну побѣдоносно. Это зависѣло оттого, что они твердо оградили сердце государства, а объ оконечностяхъ заботились меньше. Основаніемъ ихъ государства былъ римскій народъ, латинское племя, земля Италіи и колоніи; оттуда они почерпали столько войскъ, что могли сражаться со всѣми и покорить весь міръ. Истину этого доказываетъ вопросъ, заданный карѳагеняниномъ Ганнономъ

посламъ Аннибала послѣ пораженія при Каннахъ. На хвалебный разсказъ ихъ о подвигахъ Аннибала, Ганнонъ спросилъ ихъ: присылалъ ли римскій народъ просить мира и возсталъ ли какой-нибудь латинскій городъ или какая-нибудь колонія противъ римлянъ? Когда они отвѣчали отрицательно, Ганнонъ сказалъ: Стало быть, еще ничего не сдѣлано. Эти слова и вышеприведенные примѣры доказываютъ, что древнія республики поступали совершенно не такъ, какъ нынѣшнія. Вотъ отчего теперь такъ часто совершаются такія изумительныя паденія и возвышенія. Ибо, когда въ людяхъ нѣтъ мужества, судьба любитъ показывать имъ свою власть; по ея прихоти республики и государства безпрестанно падаютъ и возвышаются, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не найдется человѣкъ, который почиталъ бы древнія учрежденія, чтобы возстановить ихъ и такимъ образомъ лишить судьбу возможности обнаруживать свой произволъ чуть не съ каждымъ восходомъ солнца.

ГЛАВА XXXI.

Какъ опасно ввѣряться изгнанникамъ.

Правителямъ безпрестанно приходится имѣть дѣло съ изгнанниками другихъ государствъ. Поэтому я считаю нужнымъ коснуться въ числѣ этихъ разсужденій и вопроса объ опасностяхъ, какія представляетъ довѣріе, оказываемое этимъ людямъ. Въ этомъ отношеніи мы находимъ замѣчательный примѣръ у Тита Ливія, хотя самъ по себѣ этотъ фактъ не относится къ его исторіи. Когда Александръ Великій отправился съ своей арміей въ Азію, дядя и шуринъ его, Александръ Эпирскій, повелъ войско въ Италію, куда его призывали луканскіе изгнанники, обнадеживая его. что съ ихъ помощью онъ можетъ овладѣть всей страной. Увлеченный этой надеждой и обѣщаніемъ, онъ прибылъ въ Италію,

но былъ убитъ этими изгнанниками, которымъ сограждане обѣщали разрѣшить возвращеніе въ отечество, если они умертвятъ царя. Ясно, стало быть, какъ мало заслуживаютъ довѣрія обѣщанія людей, изгнанныхъ изъ отечества. Вопервыхъ, надо имѣть въ виду, что какъ только имъ представится возможность возвратиться на родину помимо внѣшней помощи, они не задумаются покинуть своего союзника, не взирая ни на какія обѣщанія. Вовторыхъ, желаніе ихъ возвратиться на родину такъ сильно, что они естественно и сами увлекаются обманчивыми надеждами и кромѣ того еще склонны придумывать разныя предположенія, которымъ и сами не вѣрятъ. Такимъ образомъ среди ихъ увлеченій и вымысловъ нельзя добраться до истины; увлеченіе надеждами, которыя они подаютъ, приводитъ только къ безполезнымъ расходамъ, а иногда и къ погибели. Для доказательства довольно примѣра Александра Эпирскаго; но вотъ еще примѣръ; возмутившись противъ своего отечества, Ѳемистоклъ бѣжалъ въ Азію къ Дарію и наобѣщалъ ему такихъ выгодъ, если онъ нападетъ на Грецію, что царь рѣшился предпринять походъ. Но, не имѣя возможности выполнить свои обѣщанія, Ѳемистоклъ со стыда или со страху казни отравился. Стало быть, если такой великій человѣкъ могъ впасть въ такую ошибку, то еще болѣе ошибокъ надѣлаютъ тѣ, кто, не обладая такимъ умомъ и мужествомъ, будутъ больше увлекаться своими страстями и желаніями. И такъ, государю не слѣдуетъ пускаться въ предпріятія на основаніи свѣденій, сообщаемыхъ изгнанниками, потому что въ большинствѣ случаевъ эти предпріятія оканчиваются позоромъ и гибелью. Надо еще замѣтить, что хитростью и измѣнническими сношеніями рѣдко удается овладѣть городомъ. Я поговорю объ этомъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ, гдѣ буду говорить о способахъ, при помощи которыхъ римляне брали непріятельскіе города.

ГЛАВА XXXII.

О способахъ римлянъ брать города.

Всѣ учрежденія римлянъ были приспособлены къ войнѣ; поэтому они воевали всегда успѣшно, и война была имъ выгодна, какъ относительно расходовъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Они избѣгали брать города осадой, находя этотъ способъ дотого дорогимъ и неудобнымъ, что не стоитъ тѣхъ выгодъ, какія доставляетъ взятіе городовъ. Такимъ образомъ они предпочитали осадѣ всякій другой способъ покоренія, и во всей ихъ исторіи въ столько вѣковъ и въ столькихъ войнахъ мы встрѣчаемъ очень мало примѣровъ осады. Они брали города приступомъ или по договору. Приступы производились или открытой силой, явнымъ, прямымъ нападеніемъ, или военной хитростью. Въ первомъ случаѣ они брали городъ съ боя, аттакой, не разрушая стѣнъ (это называлось aggredi urbem corona, потому что войска окружали городъ и нападали разомъ со всѣхъ сторонъ; имъ удавалось нерѣдко съ одного приступа брать даже такіе большіе города, какъ Новый Карѳагенъ въ Испаніи, взятый такимъ образомъ Сципіономъ). Если приступъ былъ неудаченъ, они начинали бить стѣны таранами и другими военными машинами, или дѣлали подкопъ, которымъ проникали въ городъ (такъ овладѣли они Веями); или, чтобы подняться на одинъ уровень съ осажденными, строили деревянныя башни или наваливали землю къ наружной сторонѣ стѣнъ и по этой насыпи поднимались на стѣны. Изъ всѣхъ этихъ способовъ атаки для осаждаемыхъ было всего опаснѣе общее нападеніе со всѣхъ сторонъ; защитникамъ приходилось отстаивать разомъ всѣ пункты укрѣпленія. Для этого было необходимо вопервыхъ имѣть многочисленный гарнизонъ, чтобы отражать въ одно время столько аттакъ и помогать другъ другу; вовторыхъ, нужно было, чтобы всѣ воины были равно мужественны и стойки, по-

тому что если непріятель преодолѣвалъ оборону хоть на одномъ пунктѣ, то не было уже никакого спасенія. Такимъ образомъ этотъ способъ нападенія часто удавался. Но если онъ не удавался съ перваго раза, его уже не возобновляли, потому что онъ подвергалъ войска слишкомъ тяжкимъ потерямъ: будучи растянута на большое пространство вокругъ всего города, армія не могла противиться сильной вылазкѣ осаждающихъ въ какомъ нибудь одномъ пунктѣ; притомъ онъ разстроивалъ и утомлялъ войска, поэтому его употребляли только разъ и когда можно было застать непріятеля врасплохъ. Когда разрушали стѣны, осажденные, какъ и теперь, возводили за разрушенными новыя укрѣпленія. Противъ минъ вели контръ-мины и отражали въ нихъ непріятеля оружіемъ и разными измышленіями, какъ напр. наполняли бочку перьями и зажигали, и когда она разгоралась, бросали ее въ мину, такъ что вонь и дымъ изгоняли непріятеля оттуда. Противъ башенъ осаждающихъ дѣйствовали, стараясь разрушить и сжечь ихъ. Когда осаждающіе дѣлали насыпи, осажденные подкапывали внизу стѣну, засыпанную насыпью, и черезъ этотъ подкопъ таскали насыпанную землю внутрь укрѣпленій; такимъ образомъ насыпь никогда не могла достигнуть вышины крѣпостныхъ укрѣпленій.

Всѣ эти способы нападенія годны лишь на короткое время; если они долго остаются безуспѣшны, то приходится снять осаду и искать другихъ средствъ одержать побѣду. Такъ Сципіонъ, вступивъ въ Африку, осадилъ Утику, но, не имѣя возможности взять ее, снялъ осаду и выступилъ противъ карѳагенской арміи, чтобы нанести ей пораженіе. Можно также предпринять правильную осаду, какъ поступили римляне подъ Вейями, Капуей, Карѳагеномъ, Іерусалимомъ и другими городами, которые не удалось взять съ перваго нападенія.

Хотя бывали примѣры взятія городовъ хитростью, какъ напр. Палеополисъ, взятый римлянами по соглашенію съ нѣкоторыми жителями, но вообще такія предпріятія рѣдко удаются, несмотря на то, что къ нимъ часто прибѣгаютъ. Неудобство ихъ состоитъ въ томъ, что для разстройства ихъ достаточно самой ничтожной помѣхи, а между тѣмъ препятствія и замѣшательства здѣсь встрѣ-

чаются гораздо легче, чѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ. Дѣйствительно, вопервыхъ замыселъ легко можетъ открыться до приведенія его въ исполненіе; открыть его очень нетрудно, потому что интрига всегда очень сложна и затруднительна, и притомъ почти всегда находятся предатели; сверхъ того, приходится вступать въ сношенія съ врагами и придумывать для этихъ сношеній разные предлоги, разоблачить которые нетрудно. Вовторыхъ, если заговоръ и не былъ открытъ заблаговременно, во время исполненія замысла возникаетъ множество затрудненій: дѣло потеряно, если прійти слишкомъ рано и точно также если опоздать; если произойдетъ хотя малѣйшій шумъ, какъ крикъ гусей въ Капитоліи, если возникнетъ какое-нибудь замѣшательство или будетъ сдѣлана хотя бы самая ничтожная ошибка; словомъ, самый пустой случай можетъ погубить при подобныхъ обстоятельствахъ все дѣло. Притомъ мракъ ночи вселяетъ робость въ предпринимающихъ такое рискованное дѣло. Большинство людей, которыхъ ведутъ на такое предпріятіе, не знакомо съ окружающею мѣстностью; уже одно это смущаетъ, пугаетъ ихъ и располагаетъ бѣжать при малѣйшемъ, хотя бы самомъ вздорномъ, поводѣ. Воображеніе родитъ и преувеличиваетъ опасности и наводитъ ужасъ. Аратъ сикіонскій былъ особенно счастливъ въ этихъ тайныхъ ночныхъ нападеніяхъ. Но, смѣлый въ этихъ предпріятіяхъ, онъ былъ робокъ, когда приходилось сражаться открыто при дневномъ свѣтѣ; такъ что это зависѣло скорѣе отъ какой-то особенной способности его, чѣмъ отъ легкости подобныхъ предпріятій. Исторія показываетъ, что изъ множества затѣваемыхъ такихъ покушеній въ исполненіе приводится очень не много, а удается еще меньше. По договору города сдаются или добровольно, или вынужденные силой. Добровольно они сдаются, когда какая-нибудь посторонняя необходимость заставляетъ ихъ предаваться на волю другаго государства, какъ напр. Капуя предалась римлянамъ; иногда же они отдаются добровольно желая раздѣлить съ другимъ государствомъ выгоды его прекрасныхъ правительственныхъ учрежденій и увлекаясь примѣромъ другихъ, которые предались ему съ пользою для себя; по этой причинѣ отдались народу римскому родосцы, массилійцы и

другіе. Договоры, вынужденные силою, заключаются или вслѣдствіе продолжительной осады, или вслѣдствіе постоянныхъ притѣсненій, набѣговъ, грабежей и другихъ бѣдствій, во избѣжаніе которыхъ городъ отдается непріятелю. Изъ всѣхъ этихъ способовъ завоеванія римляне чаще всего употребляли послѣдній; какъ мы уже видѣли, они болѣе четырехъ съ половиной столѣтій притѣсняли своихъ сосѣдей, ослабляя ихъ пораженіями и грабежами и пріобрѣтая на ихъ счетъ славу, пока наконецъ не вынудили у нихъ договоровъ. Они испытали всѣ способы, но кромѣ этого всѣ оказывались опасными или безполезными. Въ самомъ дѣлѣ осада утомительна и убыточна; приступъ сомнителенъ и опасенъ; на заговоры нельзя положиться, и вообще взятіе города, который рѣшился упорно защищаться, требуетъ иногда многихъ лѣтъ осады, между тѣмъ какъ пораженіемъ непріятеля въ открытомъ полѣ римлянамъ случалось въ одинъ день пріобрѣтать цѣлое царство.

ГЛАВА XXXIII.

Римляне предоставляли своимъ полководцамъ совершенную свободу дѣйствій.

Кто желаетъ извлечь пользу изъ чтенія исторіи Ливія, долженъ, по моему мнѣнію, замѣчать всѣ поступки народа и сената римскихъ. Въ числѣ другихъ обстоятельствъ, достойныхъ вниманія, замѣчательна власть, которую римляне давали консуламъ, диктаторамъ и другимъ военачальникамъ, посылая ихъ заграницу. Имъ ввѣрялось самое обширное полномочіе, такъ что сенатъ оставлялъ за собою только право начать новую войну и заключить миръ, а все остальное предоставлялось на волю и власть консула. Когда народъ и сенатъ рѣшали начать войну, напр. противъ латинцевъ,

все веденіе этой войны поручалось на усмотрѣніе консула. Отъ него зависѣло дать сраженіе или уклониться отъ боя, напасть на тотъ или другой городъ. Это подтверждается многими примѣрами, особенно однимъ случаемъ въ тосканскихъ войнахъ. Разбивъ непріятеля близъ Сутріума, консулъ Фабій вознамѣрился перейти съ арміей циминскій лѣсъ и вторгнуться въ Тоскану; при этомъ онъ нетолько не посовѣтовался съ сенатомъ, но даже не увѣдомилъ его о своемъ походѣ, хотя рѣшился перенести войну въ страну незнакомую, новую и опасную. Но тутъ замѣчательна еще мѣра, принятая сенатомъ: узнавъ о побѣдѣ Фабія, сенатъ возъимѣлъ опасеніе, чтобы консулъ не перешелъ черезъ циминскій лѣсъ въ Тоскану; находя неблагоразумнымъ начинать новую войну и подвергаться дальнѣйшимъ опасностямъ, сенатъ послалъ консулу двухъ легатовъ съ запрещеніемъ вступать въ Тоскану. Но когда они прибыли къ арміи, консулъ уже успѣлъ вторгнуться въ Тоскану и разбить непріятеля; такимъ образомъ посланные остановить войну легаты вернулись вѣстниками побѣды и славы. Разсматривая этотъ образъ дѣйствій, мы видимъ, что онъ былъ основанъ на глубоко умномъ соображеніи. Если бы сенатъ требовалъ отъ консула, чтобы онъ слѣдовалъ его приказаніямъ, то полководецъ не могъ бы дѣйствовать такъ быстро и такъ старательно, уже потому, что въ случаѣ успѣха честь принадлежала бы не ему одному, а большею частью сенату, по плану котораго онъ дѣйствовалъ. Съ другой стороны, сенату пришлось бы распоряжаться дѣлами, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія; потому что, хотя большинство членовъ его обладало большой военной опытностью, но, находясь въ удаленіи отъ мѣста военныхъ дѣйствій и не зная множества подробностей, знаніе которыхъ необходимо для разумныхъ распоряженій, они неизбѣжно надѣлали бы ошибокъ, если бы вздумали распоряжаться. Поэтому они предоставляли консуламъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и безраздѣльно пользоваться славой, полагая, что желаніе пріобрѣсти ее будетъ служить достаточнымъ побужденіемъ дѣйствовать честно и благоразумно. Я потому такъ распространился объ этомъ, что нынѣшнія республики, какъ Венеція и Флоренція, поступаютъ иначе. Не говоря уже о другомъ, ихъ

военачальники, проведиторы и коммиссары, не смѣютъ поставить баттареи безъ совѣта и разрѣшенія правительства. Нечего сказать, похвальный образъ дѣйствій! Зато онъ со всѣми прочими принадлежностями ихъ и довелъ ихъ до такого положенія, въ какомъ онѣ находятся теперь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Чтобы какая нибудь религія или республика долго просуществовала, надо чаще возвращать ее къ ея началу.

Несомнѣнно, что все на свѣтѣ имѣетъ свой предѣлъ. Но даже и для свершенія поприща, предопредѣленнаго небомъ, всякой вещи необходимо удерживать свой однажды установленный порядокъ или, если измѣнять его, то не во вредъ, а въ пользу. Относительно столь сложныхъ вещей, какъ государства и республики, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, я замѣчу, что къ пользѣ ихъ служатъ только измѣненія, возвращающія ихъ къ коренному началу. Стало быть, самыми благоустроенными и долговѣчными должны почитаться тѣ учрежденія, которыя больше всего допускаютъ обновленій или которыя получаютъ возможность обновиться вслѣдствіе какого нибудь счастливаго случая, не зависящаго отъ ихъ учрежденій. Съ другой стороны, яснѣе бѣлаго дня, что безъ возможности обновленія учрежденія не имѣютъ и прочности.

Обновленіе состоитъ, какъ я сказалъ, въ возвращеніи къ основному началу. Всякая религія, всякая республика и государство имѣютъ въ основаніи своемъ что нибудь хорошее, потому что иначе не могли бы подняться и утвердиться. Съ теченіемъ времени эти добрыя начала извращаются, и если не произойдетъ какого

нибудь счастливаго случая, который возстановилъ бы ихъ, то наконецъ все учрежденіе падаетъ. Ученые врачи говорятъ о человѣческомъ организмѣ, Quod quotidie aggregatur aliquid, quod quandoque indiget curatione. *) Что касается до республики, то возвратить ее къ началу можетъ или внѣшній случай или внутреннее сходство ея. Такъ напр. для возрожденія Рима было необходимо, чтобы французы взяли его; возродившись, онъ началъ жить какъ бы новой жизнью и снова вдохнулъ въ себя мужество, началъ снова уважать религію и правосудіе, которыя до этого событія уже стали погасать въ государствѣ. Ливій въ своей исторіи прекрасно показываетъ это, говоря, что, посылая противъ французовъ войска и избирая консульскихъ трибуновъ, римляне не соблюли ни одного обычнаго религіознаго обряда. Такъ они не только не наказали трехъ Фабіевъ, которые сражались съ французами contra jus gentium, но даже сдѣлали ихъ трибунами. На основаніи этого факта можно думать, что они стали пренебрегать и другими превосходными установленіями Ромула и прочихъ мудрыхъ правителей, такъ что свобода уже не могла удержаться. Тогда надъ государствомъ разразилось это внѣшнее бѣдствіе, и оно-то возродило всѣ древнія учрежденія его, показавъ народу, что необходимо уважать религію и правосудіе, дорожить добрыми гражданами и цѣнить достоинство ихъ выше обманчивыхъ выгодъ. Такъ и случилось; едва Римъ былъ освобожденъ, какъ всѣ древнія учрежденія были немедленно возстановлены; Фабіи, поступившіе contra jus gentium, были наказаны, а что касается Камилла, то сенатъ и народъ изъ признательности къ его мужеству и добродѣтели не только забыли прежнюю вражду къ нему, но ввѣрили ему всю участь государства. Стало быть, внѣшнія и внутреннія невзгоды полезны и даже необходимы, чтобы люди, управляемые какимъ бы то ни было правительствомъ, могли по-временамъ одумываться и оглядываться.

Что касается до внутреннихъ условій обновленія, они могутъ зависѣть или отъ законовъ, заставляющихъ правительственныя

*) Что онъ ежедневно что-либо усвояетъ, такъ что самое пищевареніе цѣлебно.

лица давать часто отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ, или отъ какого нибудь великаго человѣка, который, явясь между гражданами, своимъ примѣромъ и своими подвигами сдѣлалъ бы для нихъ тоже, что въ другихъ случаяхъ дѣлаютъ мудрые законы. Слѣдовательно, благоденствіе республики зависитъ или отъ достоинства одного человѣка, или отъ вліянія хорошихъ законовъ. Такъ римская республика была возвращена къ своимъ началамъ учрежденіемъ народныхъ трибуновъ, цензоровъ и другими, которыя служили для обузданія властолюбія и высокомѣрія людей. Но такія преобразованія не могутъ обойтись безъ помощи какого-нибудь добродѣтельнаго гражданина, который великодушно провелъ бы ихъ, несмотря на сопротивленіе приверженцевъ существующихъ злоупотребленій. До взятія Рима французами ему нужны были казни сыновей Брута, децемвировъ и Мелія Фрументарія; такъ и для того, чтобы возродиться по взятіи французами, ему необходимы были смерть Манлія Капитолійскаго и сына Манлія, Торквато, осужденіе начальника конницы, Фабія, наказаннаго Папиріемъ Курсоромъ, и обвиненіе Сципіоновъ. Наказанія эти, замѣчательныя строгостью и важностью лицъ, которыхъ они постигли, каждый разъ напоминали гражданамъ первоначальныя учрежденія во всей ихъ чистотѣ. Когда они стали рѣже, развращеніе начало быстро распространяться, и наказывать могущественныхъ преступниковъ сдѣлалось затруднительно и опасно. Поэтому необходимо каждыя десять лѣтъ показывать примѣръ такой строгости; иначе люди забудутъ ихъ и снова привыкнутъ безнаказанно нарушать законы. Если примѣры строгости не будутъ внушать страхъ передъ закономъ, число нарушителей его доходитъ до того, что дѣлается опаснымъ преслѣдовать ихъ. Люди, стоявшіе во главѣ флорентинскаго правительства съ 1434 по 1494, говорили, что необходимо черезъ каждыя пять лѣтъ *вновь установлять правительство,* потому что иначе власти не удержишь; подъ этимъ выраженіемъ они подразумѣвали, что надо однажды въ пять лѣтъ наводить ужасъ и трепетъ на гражданъ, истребляя всѣхъ, кто кажется правительству подозрительнымъ и вреднымъ; достигнувъ власти путемъ ужаса, правительство должно тѣмъ же средствомъ обновлять и поддерживать свою

власть; какъ скоро изгладится воспоминаніе о строгостяхъ его, люди начнутъ рѣшаться на смѣлыя нововведенія и осмѣлятся громко роптать. Необходимо предупредить это возвращеніемъ государства къ его началу.

Возрожденіе республики можетъ быть еще дѣломъ одного добродѣтельнаго человѣка, независимо отъ принудительныхъ законовъ и казни. Примѣръ добродѣтелей такого человѣка имѣетъ столь сильное вліяніе, что хорошіе люди хотятъ подражать имъ, а злые стыдятся поступать противоположно. Въ Римѣ добрые примѣры были преподаны преимущественно Гораціемъ Коклесомъ, Сцеволой, Фабриціемъ, Деціями, Регуломъ, Аттиліемъ и многими другими, удивительные подвиги которыхъ имѣли на Римъ не меньше вліянія, чѣмъ законы и учрежденія его. Еслибы при такихъ славныхъ примѣрахъ въ Римѣ повторялись еще каждыя десять лѣтъ казни, подобныя вышеописаннымъ, республика никогда не дошла бы до развращенія. Но, по мѣрѣ того, какъ стали рѣже примѣры строгости, сдѣлались рѣдки и примѣры доблести, потому что въ государствѣ распространилось развращеніе, и послѣ Марка Регула примѣровъ такой высокой добродѣтели уже не являлось. Правда въ Римѣ явилось еще двое Катоновъ; но отъ Регула до нихъ и между ними прошло столько времени, что они явились личностями совершенно уединенными среди общаго разврата, и потому примѣръ ихъ не могъ оказать вліянія на согражданъ. Такою одинокою личностью представился особенно второй Катонъ, во время котораго погибала отъ развращенія вся республика, такъ что ему не было никакой возможности исправить людей.

Мы говорили о республикахъ. Но тоже должно сказать и о религіяхъ, которымъ преобразованія также необходимы, какъ доказываетъ примѣръ нашей религіи. Она погибла бы, если бы св. Францискъ и св. Доминикъ не возвратили ее къ ея началу. Но они примѣромъ нищеты и подражаніемъ Христу возстановили ее въ сердцѣ людей, гдѣ она уже почти совершенно угасла. Преобразованія ихъ оказали такое сильное вліяніе, что религія наша существуетъ до сихъ поръ, не смотря на порочность духовенства и главъ ея. Живя въ бѣдности, вліяя на народъ исповѣдями и

проповѣдями, они внушили ему, что грѣшно говорить дурно даже о злѣ, что повиновеніе составляетъ заслугу и что если духовенство грѣшитъ, то его накажетъ самъ Богъ, люди же не имѣютъ на это права. Оттого духовенство безчинствуетъ, какъ только можетъ, не боясь наказанія, котораго не видитъ надъ собой и которому не вѣритъ. Такимъ образомъ это возрожденіе религіи спасло ее и поддерживаетъ до сихъ поръ.

Монархіи также должны преобразовывать и возвращать свои учрежденія къ ихъ началамъ. Французское королевство доказываетъ, какъ это полезно; правительство Франціи больше всѣхъ подчинено законамъ и порядку. Парламенты, особенно парижскій, служатъ хранителями этихъ законовъ порядка, и онъ обновляетъ ихъ всякій разъ, какъ постановляетъ приговоръ противъ какого нибудь принца или даже самого короля. Парламенты удержались до сихъ поръ, потому что постоянно рѣшительно противились этимъ лицамъ; но если они пропустятъ безнаказаннымъ хотя одно притязаніе или захватъ ихъ, то зло быстро разовьется и порядка нельзя будетъ возстановить безъ большихъ потрясеній, которыя, быть можетъ, приведутъ государство къ гибели.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что для всякаго общественнаго установленія, какъ-то религіи, республики, монархіи, необходимо возвращеніе къ первоначальному порядку и что для этого нужны или хорошіе законы, или доблестные граждане, а не внѣшняя сила. Правда, примѣръ Рима доказываетъ, что и это средство иногда отлично помогаетъ; но оно такъ опасно, что нельзя желать его. Чтобы показать, какъ возвеличили Римъ подвиги его частныхъ гражданъ, какое полезное вліяніе оказали они на республику, я поговорю о нихъ поподробнѣе, и они составятъ предметъ третьей и послѣдней книги моихъ разсужденій о первой декадѣ римской исторіи. Хотя и цари Рима совершали великія и славныя дѣянія, но о нихъ уже довольно говорено историками, такъ что я умолчу о нихъ, исключая нѣсколькихъ поступковъ, содѣянныхъ ими для своей личной выгоды. Начнемъ съ отца римской свободы—Брута.

ГЛАВА II.

Какъ умно иногда притвориться дуракомъ.

Юній Брутъ, притворившись дуракомъ, пріобрѣлъ этимъ поступкомъ больше славы и похвалъ, чѣмъ всѣ самые мудрѣйшіе люди самыми умными дѣйствіями своими. Титъ Ливій говоритъ, что его побудило къ этому притворству только желаніе обезпечить себѣ покой и сохранить состояніе. Но, разсматривая всю его дѣятельность, я прихожу къ заключенію, что онъ притворялся для избѣжанія надзора, чтобы, какъ скоро представится случай, легче свергнуть царя и освободить отечество. Мы убѣждаемся, что такова была его мысль, видя вопервыхъ, какъ онъ допрашивалъ оракула Аполлона и притворно упалъ на землю, чтобы расположить въ свою пользу боговъ; какъ потомъ, когда погибла Лукреція, онъ явился у тѣла ея съ отцемъ, мужемъ и другими родственниками ея, первый вынулъ ножъ изъ ея раны и взялъ клятву со всѣхъ присутствующихъ отнынѣ никогда не терпѣть въ Римѣ царей.

Примѣръ Брута долженъ научить всѣхъ недовольныхъ государемъ взвѣсить и сообразить свои силы прежде, чѣмъ начинать дѣйствовать. Если они такъ могущественны, что могутъ открыто объявить ему вражду и дѣйствовать прямо, то это, конечно, самое лучшее, безопасное и честное. Но если на открытую борьбу силъ не хватаетъ, надо всячески стараться войти къ государю въ милость; надо не пропускать ни одного случая, удобнаго для этой цѣли; надо дѣлить съ нимъ всѣ его удовольствія и, если онъ развратничаетъ, служить ему товарищемъ по разврату. Такая короткость съ нимъ во первыхъ предохранитъ жизнь, а во вторыхъ дастъ возможность, безопасно насладившись счастіемъ государя, достигнуть своей цѣли, низвергнувъ его при удобномъ случаѣ. Правда, иные говорятъ, что не надо ни настолько сближаться съ государями, чтобы подвергнуться вмѣстѣ съ ними гибели, ни настолько удаляться отъ нихъ, чтобы не имѣть возможности послѣ паденія ихъ возвыситься на обломкахъ ихъ власти. Несомнѣнно, что самое лучшее было бы придумать среднее положеніе. Но я считаю это невозможнымъ и потому думаю, что слѣдуетъ строго держаться одной изъ этихъ двухъ крайностей, то есть или сблизиться съ государемъ, или устраниться отъ него. Кто поступаетъ иначе, тотъ долженъ жить постоянно въ страхѣ, хотя бы отличался великими качествами. Если я скажу, что не хочу ничего знать, ни о чемъ не забочусь, не ищу ни почестей, ни выгодъ, желаю только жить спокойно, то всѣ эти отговорки ни къ чему не послужатъ: люди вполнѣ зависятъ отъ своего положенія; въ этомъ отношеніи имъ нѣтъ выбора; притомъ, еслибы они могли выбирать себѣ любое положеніе, то имъ все-таки не повѣрили бы, что они чужды честолюбія. Вотъ почему ихъ не оставятъ въ покоѣ, какъ бы они его ни желали.

Стало быть, надо притвориться дуракомъ, подобно Бруту. Притворство это именно въ томъ и состоитъ, чтобы хвалить, утверждать, разсуждать, какъ разъ навыворотъ того, что думаешь, съ цѣлью подольститься къ государю. Такъ мудро поступалъ этотъ великій человѣкъ, чтобы возвратить Риму свободу. Теперь поговоримъ о томъ, какъ строго дѣйствовалъ онъ, чтобы сохранить ее.

ГЛАВА III.

Чтобы сохранить возстановленную свободу, необходимо убивать сыновей Брута.

Строгость, съ которою Брутъ упрочивалъ въ Римѣ возстановленную имъ свободу, была не только полезна, но совершенно необходима. Мы видимъ въ этомъ случаѣ самый рѣдкій примѣръ, записанный въ лѣтописяхъ исторіи—отца, который судитъ и при-

говариваетъ къ смерти своихъ сыновей и въ довершеніе самъ присутствуетъ при ихъ казни. Но, читая о событіяхъ древности, мы убѣждаемся, какъ необходимы такіе разительные примѣры строгости противъ враговъ учрежденнаго порядка въ тѣ мгновенія государственной жизни, когда республика обращается въ тиранію или на мѣсто тираніи утверждается республика. Кто заводитъ тиранію и не убиваетъ Брута, кто учреждаетъ республику и не истребляетъ сыновей Брута, тотъ не долго продержится. Мы уже говорили объ этомъ выше довольно подробно; поэтому я только напомню одинъ недавній замѣчательный случай въ нашей собственной исторіи. Я говорю о Пьетро Содерини, который вообразилъ, что терпѣніемъ и кротостью преодолѣетъ желаніе сыновей Брута возстановить прежнее правительство, но жестоко ошибся. Умомъ онъ постигалъ необходимость крайнихъ мѣръ, а судьба и честолюбіе этихъ людей безпрестанно давали ему случаи избавиться отъ нихъ; но у него не хватало духа. Во первыхъ, онъ былъ убѣжденъ, что терпѣніемъ и ласкою прекратитъ неудовольствіе и расположитъ къ себѣ враговъ благодѣяніями; во вторыхъ, какъ онъ самъ не разъ говорилъ своимъ друзьямъ, для упроченія своихъ учрежденій и для уничтоженія своихъ враговъ ему было необходимо овладѣть чрезвычайной властью, которая нарушила бы гражданское равенство; онъ полагалъ, что хотя бы самъ онъ не злоупотреблялъ этой властью, но она такъ напугала бы все общество, что по смерти его уничтожили бы званіе пожизненнаго гонфалоньера, которое онъ считалъ необходимымъ. Конечно, онъ разсуждалъ умно и честно. Однако безразсудно терпѣть зло ради выгоды, которую это же самое зло легко можетъ уничтожить. Содерини слѣдовало подумать, что о дѣлахъ и намѣреніяхъ его будутъ судить по успѣху, такъ что, если бы онъ прожилъ счастливо, всякій повѣрилъ бы, что все сдѣланное имъ клонилось къ общей пользѣ, а не къ личной его выгодѣ; притомъ онъ могъ распорядиться такъ, чтобы преемникъ его не могъ воспользоваться съ дурною цѣлью властью, которою онъ овладѣлъ съ хорошей. Такимъ образомъ онъ впалъ въ заблужденіе по незнанію той истины, что человѣческую злобу не укрощаютъ ни время, ни благодѣянія. Вотъ почему онъ не могъ

послѣдовать примѣру Брута, чѣмъ погубилъ и отечество, и власть свою, и репутацію.

Какъ трудно спасти республику, такъ же трудно сохранить монархическую власть, что мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Государь не можетъ считать себя безопаснымъ, пока живы тѣ, которыхъ онъ лишилъ престола.

Убійства Тарквинія старшаго сыновьями Анка—и Сервія Тулія Тарквиніемъ Гордымъ доказываютъ, какъ гибельно и опасно оставить въ живыхъ государя, лишеннаго престола. Его нельзя расположить къ себѣ никакими благодѣяніями. Тарквиній Старшій разсчитывалъ спокойно обладать престоломъ, на который былъ возведенъ волею народа и утвержденъ сенатомъ. Но онъ обманулся, потому что не предполагалъ въ сыновьяхъ Анка столько злобы противъ себя, чтобы они не могли удовольствоваться тѣмъ, чѣмъ былъ доволенъ весь Римъ. Равнымъ образомъ обманулся Сервій Тулій, вообразивъ, что милостями расположитъ къ себѣ сыновей Тарквинія. Первый примѣръ доказываетъ, что государь не можетъ считать себя въ безопасности пока живы лица, лишенныя имъ престола. Второй примѣръ долженъ напоминать, что милости никогда не заглаживаютъ оскорбленій, хотя бы давнишнихъ; особенно если милость меньше оскорбленія. Очевидно, что Сервій Тулій былъ безразсуденъ, полагая, что сыновья Тарквинія удовольствуются положеніемъ царскихъ зятьевъ, когда, по ихъ мнѣнію имъ слѣдовало самимъ царствовать. Желаніе царствовать такъ сильно, что увлекаетъ не только тѣхъ, которые имѣютъ право на престолъ, но и людей совершенно чуждыхъ ему. Такъ даже дочь Сервія, жена Тарквинія Младшаго, увлеченная этимъ желаніемъ, совершенно забыла чувство дочери и подстрекнула мужа лишить отца ея жиз-

ни и вѣнца: такъ сильно было въ ней желаніе сдѣлаться царицей, хотя она была уже дочерью царя. Если такимъ образомъ Тарквиній Старшій и Сервій Тулій лишились престола оттого, что не приняли мѣръ противъ людей, у которыхъ они его отняли, то Тарквиній Гордый потерялъ власть оттого, что не соблюдалъ учрежденій своихъ предшественниковъ. Это покажетъ намъ слѣдующая глава.

ГЛАВА V.

Отчего теряютъ власть наслѣдственные цари.

Когда Сервій Тулій погибъ, не оставивъ наслѣдниковъ, Тарквиній Гордый безпрепятственно овладѣлъ престоломъ и царствовалъ, не страшась такихъ обстоятельствъ, какія погубили его предшественниковъ. Хотя онъ овладѣлъ царствомъ посредствомъ гнуснаго насилія, однако удержался бы на престолѣ, еслибы соблюдалъ старинныя учрежденія другихъ царей. Тогда сенатъ и народъ не возстали бы противъ него и не лишили бы его вѣнца. И такъ, онъ былъ изгнанъ не потому, что сынъ его Секстъ изнасиловалъ Лукрецію, но за то, что нарушилъ законы государства и правилъ тиранически; лишилъ сенатъ власти и присвоилъ себѣ полный произволъ. Всѣ дѣла, которыя сенатъ рѣшалъ публично къ общему удовольствію, царь подчинилъ себѣ, рѣшалъ въ своемъ дворцѣ, чѣмъ возбуждалъ противъ себя общее негодованіе. Въ короткое время онъ лишилъ Римъ всѣхъ вольностей, которыми граждане пользовались при прежнихъ царяхъ. Возбудивъ противъ себя ненависть отцовъ, онъ не умѣлъ расположить къ себѣ и народа. Онъ утомлялъ его разными работами, которыя не имѣли ничего общаго съ предпріятіями его предшественниковъ. Такимъ образомъ его жестокость и гордость уже давно подготовили въ Римѣ возстаніе, ожидавшее только предлога, чтобы вспыхнуть.

Не случись происшествія съ Лукреціей, произошло бы какое-нибудь другое и имѣло бы тѣ же послѣдствія. Если бы Тарквиній шелъ по стопамъ своихъ предшественниковъ и если бы тогда Секстъ совершилъ свое преступленіе, Брутъ и Коллатинъ обратились бы съ просьбою о мести не къ народу, а къ самому царю.

И такъ, пусть знаютъ государи, что власть ихъ начинаетъ утрачиваться, какъ только они нарушатъ законы и древнія учрежденія, къ которымъ подданные ихъ издавна привыкли. Если бы, потерявъ власть, они могли увидѣть, какъ легко управлять государствомъ, придерживаясь указаній разсудка, сожалѣніе ихъ о потерѣ было бы гораздо сильнѣе и они сами осудили бы себя гораздо строже, чѣмъ ихъ судятъ посторонніе. Гораздо легче пріобрѣсти любовь честныхъ людей, чѣмъ мерзавцевъ, легче повиноваться законамъ, чѣмъ повелѣвать ими. Чтобы узнать, какъ дѣйствовать для достиженія этой цѣли, стоитъ только потрудиться взять себѣ въ образецъ дѣятельность честныхъ государей, каковы Тимолеонъ Коринѳскій, Аратъ Сикіонскій и другіе. Исторія ихъ поучаетъ, что владычествовать можно также безопасно и благополучно, какъ и повиноваться. Эти примѣры должны возбуждать подражаніе, тѣмъ болѣе, что оно очень легко. При хорошемъ правительствѣ люди не ищутъ и не желаютъ новыхъ льготъ, чему примѣръ представляютъ подданные Тимолеона и Арата. Эти правители неоднократно хотѣли отказаться отъ власти и возвратиться къ частной жизни; но подданные заставляли ихъ сохранять правленіе.

Въ послѣднихъ трехъ главахъ мы много говорили о возстаніяхъ, возбуждаемыхъ противъ государей, и о заговорахъ сыновей Брута противъ отечества; наконецъ, объ убійствахъ Тарквинія Старшаго и Сервія Тулія. Въ слѣдующей главѣ мы будемъ подробно говорить объ этомъ предметѣ, который заслуживаетъ глубочайшаго вниманія государей и гражданъ.

ГЛАВА VI.

О заговорахъ.

Я нахожу необходимымъ поговорить побольше о заговорахъ, потому что они такъ опасны для государей и для частныхъ лицъ. Гораздо больше государей лишились престола и жизни вслѣдствіе заговоровъ, чѣмъ въ открытой войнѣ, потому что мало кто можетъ прямо возстать противъ государя, а составить противъ него заговоръ можетъ всякій. Но съ другой стороны и для гражданъ заговоръ представляетъ самое опасное и рискованное предпріятіе, гдѣ затрудненія и опасности встрѣчаются на каждомъ шагу, такъ что изъ множества затѣваемыхъ заговоровъ удается очень мало. Чтобы внушить государямъ остерегаться этой опасности, а гражданъ предостеречь отъ слишкомъ рискованныхъ предпріятій и убѣдить ихъ терпѣливѣе переносить власть, которой подчинила ихъ судьба, я разсмотрю этотъ вопросъ какъ можно обстоятельнѣе и постараюсь не пропустить ни одного факта, могущаго послужить примѣромъ для обѣихъ сторонъ.

Истинно золотыя слова сказалъ Корнелій Тацитъ: „люди, говоритъ онъ, должны уважать прошедшее, покоряться настоящему, должны желать себѣ хорошаго правительства, но сносить всякое, какое бы оно ни было. Кто поступаетъ иначе, нерѣдко губитъ и себя и отечество.

Прежде всего представляется вопросъ, противъ кого составляются заговоры? Они бываютъ направлены или противъ отечества, или противъ государя. Объ этихъ двухъ родахъ заговора мы и будемъ здѣсь говорить, потому что выше уже довольно говорили о заговорахъ, затѣваемыхъ для сдачи непріятелю города и съ другими подобными цѣлями. Начнемъ съ заговоровъ противъ государей и прежде всего разберемъ причины ихъ.

Эти причины многочисленны, но есть одна главная—именно, общая ненависть. Когда государь возбудитъ противъ себя общую ненависть, весьма понятно, что нѣкоторые граждане, болѣе другихъ оскорбленные имъ, задумаютъ отмстить ему, и этотъ замыселъ будетъ ежедневно укрѣпляться, поощряемый ходомъ общаго негодованія противъ государя. Стало быть, государю слѣдуетъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы не навлекать на себя ненависть. Мы уже говорили, какъ онъ долженъ дѣйствовать, и потому не будемъ больше распространяться объ этомъ. Если государь съумѣетъ предохранить себя отъ общей народной ненависти, злоба частнаго лица уже не будетъ ему такъ опасна. Во первыхъ, мало людей, которые чувствовали бы обиду такъ глубоко, чтобы пойти на вѣрную гибель единственно для удовлетворенія своей мести; во вторыхъ, еслибы также у человѣка хватило духа и силы отмстить за себя, его остановило бы общее расположеніе къ государю. Оскорбленія могутъ быть нанесены человѣку или въ его имуществѣ, или въ жизни, или въ чести. Что касается до поступковъ, которые касаются прямо самой жизни человѣка, то они гораздо опаснѣе, когда ими только угрожаютъ, чѣмъ когда ихъ совершаютъ: послѣднее не представляетъ никакой опасности, потому что мертвый не можетъ мстить, а оставшіеся въ живыхъ обыкновенно не имѣютъ причинъ сильно желать мести. Напротивъ того, человѣкъ, которому только грозятъ, поставленъ въ необходимость или дѣйствовать, или ждать гибели, такъ что ему не остается выбора, и онъ становится чрезвычайно опасенъ для государя; ниже мы поясним это примѣрами. Послѣ этой необходимости людей всего сильнѣе возбуждаютъ къ мести оскорбленія, наносимыя имъ въ ихъ чести и имуществѣ, и государямъ больше всего слѣдуетъ заботиться воздерживаться отъ такихъ оскорбленій. Государь не можетъ дотого ограбить человѣка, чтобы у него не осталось даже ножа для мести; онъ не можетъ такъ обезчестить гражданина, чтобы тотъ не нашелъ въ своей душѣ силы на месть. Людей сильнѣе всего оскорбляетъ обида, нанесенная женѣ, а потомъ пренебреженіе, оказанное самому человѣку. За личную обиду Павзаній убилъ Филиппа Македонскаго; изъ-за нея погибло много другихъ государей; не такъ давно Джуліо Беланти покусился на жизнь Пандольфо тирана сіэнскаго, за то только, что, выдавъ за него

дочь, Пандольфо отнялъ ее у него; объ этомъ мы скажемъ ниже. Главной причиной заговора Пацци противъ Медичи было наслѣдство Джованни Бонромеи, которое было отнято у нихъ по приказанію Медичи.

Но есть другая, болѣе высокая и великая причина заговоровъ гражданъ противъ государя: это—желаніе освободить отечество отъ ига деспотизма. Эта причина вооружила Брута и Кассія противъ Цезаря; она возбуждала многихъ другихъ противъ Фаларидовъ, Діонисіевъ и другихъ похитителей свободы отечества. Противъ нея у тирана только одно средство — отказаться отъ власти. Но какъ никто изъ нихъ не рѣшится на это средство, то большинство ихъ имѣетъ печальный конецъ, и вотъ почему Ювеналъ говоритъ:

Ad generum Cereris sine caede et vulnere pauci
Discendunt reges, et Sicca morte tiranni. *)

Опасности, окружающія участниковъ заговора, тѣмъ страшнѣе, что грозятъ имъ постоянно: здѣсь все опасно — и вести дѣло, и исполнять его, и даже по исполненіи. Заговоръ можетъ быть задуманъ или однимъ лицомъ, или нѣсколькими. Въ первомъ случаѣ это въ сущности не заговоръ, а просто твердое намѣреніе, принятое человѣкомъ, убить государя. Здѣсь не представляется одной изъ трехъ опасностей, которымъ подвержены заговоры многихъ лицъ: именно одинъ заговорщикъ безопасенъ передъ совершеніемъ своего замысла, потому что тайна его никому неизвѣстна и слѣдовательно не предстоитъ опасности, чтобы она была выдана государю. Такой замыселъ можетъ запасть въ душу каждаго, кто бы онъ ни былъ, знатнаго или ничтожнаго, сильнаго или слабаго, приближеннаго къ государю и совершенно посторонняго, потому что всякій человѣкъ можетъ найти случай приблизиться къ государю, а достаточно одного такого случая, чтобы привести намѣреніе въ исполненіе. Такъ Павзаній, о которомъ я уже упоминалъ, убилъ Филиппа Македонскаго, когда этотъ шелъ въ храмъ, сопровождаемый сыномъ и зятемъ и окруженный многочисленной стра-

*) Не многіе тираны умираютъ своею смертью и безъ ранъ и убійствъ.

жей; но Павзаній былъ человѣкъ знатный, царскій приближенный. За то одинъ бѣдный испанскій простолюдинъ поразилъ ножемъ въ шею короля Фердинанда Испанскаго; рана была не смертельна, но все-таки это доказываетъ, что заговорщикъ имѣлъ мужество и возможность выполнить свое намѣреніе. Одинъ дервишъ, турецкій священникъ, хотѣлъ заколоть кинжаломъ Баязета, отца нынѣшняго Султана; онъ промахнулся, но стало быть могъ и рѣшился убить. Я полагаю, что очень многіе питаютъ въ душѣ такое намѣреніе, потому что замышлять подобные заговоры очень легко и совершенно безопасно; но приводящихъ ихъ въ исполненіе мало. Изъ числа приводящихъ ихъ въ исполненіе большинство или даже почти всѣ погибаютъ на мѣстѣ исполненія, такъ что рѣдко находится человѣкъ готовый идти на вѣрную смерть.

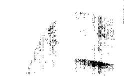
Но оставимъ замыслы отдѣльныхъ лицъ и обратимся къ заговорамъ, которые составляются нѣсколькими. Исторія показываетъ, что всѣ такіе заговоры составляются знатными людьми, приближенными къ государю; другіе не могутъ составлять такихъ заговоровъ; это было бы безразсудно, потому что люди, не приближенные къ царю и занимающіе въ обществѣ скромное положеніе, не имѣютъ ни надежды, ни возможности осуществить такой замыселъ. Во первыхъ, люди, не имѣющіе власти, не могутъ найти вѣрныхъ соучастниковъ; они не могутъ представить лицамъ, которыхъ увлекаютъ въ свой замыселъ, никакихъ надеждъ, ради которыхъ тѣ согласились бы подвергаться такому риску; такимъ образомъ, едва они довѣрятся двумъ или тремъ лицамъ, какъ въ числѣ послѣднихъ окажется предатель, который погубитъ ихъ. Впрочемъ, еслибы даже на ихъ счастіе предателя не нашлось, то все-таки предпріятіе представляетъ для нихъ непреодолимыя затрудненія, потому что они не имѣютъ къ государю доступа; при такихъ условіяхъ оно всегда кончается гибелью заговорщиковъ. Даже знатныя и могущественныя лица, имѣющія свободный доступъ къ государю, часто гибнутъ среди множества встрѣчаемыхъ затрудненій. Каково же должно быть затрудненіе для людей, лишенныхъ этихъ преимуществъ. Поэтому люди, которые, когда дѣло идетъ объ имуществѣ или жизни ихъ, оказываются не вполнѣ

безсмысленными, не рѣшаются на такія предпріятія, сознавая недостатокъ своихъ средствъ. Ненавидя государя, они только проклинаютъ его, ожидая, чтобы за нихъ отмстили люди, имѣющіе больше средствъ. И такъ, еслибы нашелся человѣкъ, покусившійся на такое предпріятіе, онъ заслуживалъ бы похвалы за благонамѣренность, но далеко не за благоразуміе.

Мы сказали, что заговоры составляются обыкновенно высоко поставленными лицами, приближенными къ государю; изъ нихъ одни замышляютъ заговоры вслѣдствіе нанесенныхъ имъ оскорбленій, а другіе злоумышляютъ оттого, что ихъ слишкомъ облагодѣтельствовали, какъ напримѣръ Переннiй противъ Коммода, Плавтіонъ противъ Севера, Сеянъ противъ Тиберія. Всѣ они были осыпаны этими императорами богатствомъ, почестями и должностями, такъ что имъ ничего не оставалось желать, кромѣ имперіи; чтобы пріобрѣсти и ее, они составляли заговоры противъ государей и въ этихъ заговорахъ нашли себѣ конецъ, достойный ихъ неблагодарности. За то въ наше время одно подобное предпріятіе имѣло полный успѣхъ: я говорю о заговорѣ Джакопо д'Аппіано противъ мессира Пьеро Гамбакорти, князя пизанскаго, который, воспитавъ, вскормивъ и возвеличивъ Джакопо, былъ лишенъ имъ власти. Къ этому же роду заговоровъ относится покушеніе Коппола противъ короля Фердинанда Арагонскаго. Этотъ Коппола такъ возвысился, что задумалъ овладѣть престоломъ, но вмѣсто того лишился жизни. А между тѣмъ рѣдкій заговоръ вельможъ противъ государя имѣлъ столько шансовъ на успѣхъ, какъ этотъ. Онъ былъ предпринятъ человѣкомъ, который былъ, такъ сказать, вторымъ королемъ и имѣлъ полную возможность выполнить свое намѣреніе. Но властолюбіе и жажда престола до того ослѣпляютъ людей, что и онъ самъ испортилъ себѣ свое дѣло, тогда какъ сдѣлай онъ эту подлость осторожно, онъ навѣрно успѣлъ бы. Слѣдовательно, государь, чтобы обезпечить себя отъ заговоровъ, долженъ больше остерегаться слишкомъ облагодѣтельствованныхъ имъ людей, чѣмъ оскорбленныхъ. Люди, возвышенные государемъ, имѣютъ всѣ удобства для выполненія своихъ замысловъ, тогда какъ униженные имъ не имѣютъ такой легкой возможности; а охота къ

заговорамъ у нихъ одинаковая, потому что одни также сильно или даже еще сильнѣе желаютъ власти, какъ другіе — мести. Поэтому государю не слѣдуетъ такъ приближать своихъ друзей къ престолу, чтобы кромѣ него имъ нечего было желать; иначе удивительно будетъ, если съ нимъ не случится тогоже, что и съ упомянутыми государями.

Но возвратимся къ нашему предмету. Мы видѣли, что заговорщиками бываютъ вельможи, приближенные къ государю. Теперь посмотримъ, какія условія даютъ заговорамъ успѣхъ и отчего зависитъ ихъ удача или неудача. Какъ я уже сказалъ, въ заговорѣ три опасныхъ момента: до выполненія, во время и послѣ него. Оттого они такъ рѣдко и удаются, что очень трудно благополучно пройти черезъ эту тройную опасность. Начнемъ съ опасностей, встрѣчаемыхъ до выполненія, которыя всего важнѣе. Необходимо чрезвычайное благоразуміе, необыкновенная осторожность и рѣдкое счастіе, чтобы заговоръ не выдался. Онъ можетъ открыться по предательству или по догадкѣ. Заговоръ открывается, когда люди, посвященные въ него, вѣроломны или безразсудны. Измѣна здѣсь весьма возможна, потому что въ заговоръ посвящаются или друзья, готовые изъ дружбы рисковать головой, или недовольные правительствомъ. Такихъ вѣрныхъ друзей больше двухъ, трехъ человѣкъ не бываетъ, такъ что если нужно имѣть больше сообщниковъ, то приходится довѣряться уже далеко не друзьямъ. Притомъ рѣдкая дружба устоитъ противъ страха наказанія и гибели, такъ что безразсудно и ожидать отъ друзей подобной преданности. Наконецъ люди часто ошибаются въ своихъ друзьяхъ, и чтобы имѣть право положительно разсчитывать на друга, надо, чтобы онъ доказалъ свою дружбу на опытѣ. Но производить подобный опытъ на такомъ дѣлѣ, которое въ случаѣ неудачи опыта грозитъ величайшей опасностью, очень рискованно. Еслибы даже дружба была доказана на опытѣ въ какомъ-нибудь другомъ опасномъ предпріятіи, то по этому еще нельзя судить, какъ поступитъ другъ въ этомъ дѣлѣ, потому что оно далеко превосходитъ опасностями всякія другія предпріятія. Разсчитывая на вѣрность сообщника на основаніи его вражды къ государю, можно

горько ошибиться, ибо, открывъ такому недовольному лицу нашъ замыселъ, мы этимъ самымъ даемъ ему возможность достигнуть желаемаго. Ненависть его къ государю или власть надъ нимъ его сообщниковъ должны быть слишкомъ сильны, чтобы онъ не измѣнилъ заговору. По этимъ причинамъ заговоры обыкновенно открываются и подавляются въ самомъ зародышѣ. Заговоръ, гдѣ участвуетъ много лицъ и который, несмотря на это, долго остается тайной, считается чуть не чудомъ: таковы были заговоры Пизона противъ Нерона, а въ наше время Пацци противъ Лоренцо и Джуліано Медичи, гдѣ участвовало болѣе 50 человѣкъ, открытыхъ только розыскомъ.

Заговоръ выдается еще по неосторожности, когда кто-нибудь изъ участниковъ говоритъ объ этой тайнѣ такъ неосторожно, что его подслушаетъ слуга или вообще какой-нибудь посторонній. Такъ одинъ рабъ услышалъ разговоръ сыновей Брута съ посланными отъ Тарквинія и донесъ на нихъ. Иногда заговоръ открывается оттого, что заговорщикъ разскажетъ тайну любимой женщинѣ, ребенку или вообще подобной легкомысленной особѣ. Такъ, напримѣръ, Диннъ, сообщникъ Филотаса, въ заговорѣ противъ Александра Великаго, сообщилъ свою тайну Никомаху, юношѣ, котораго онъ любилъ; Никомахъ тотчасъ разболталъ ее своему брату Цибаллину, а тотъ передалъ царю.

Заговоръ Пизона противъ Нерона представляетъ замѣчательный примѣръ открытія этихъ тайнъ по догадкѣ. Одинъ изъ заговорщиковъ, Сцевинъ, наканунѣ дня, назначеннаго для убійства Нерона, написалъ завѣщаніе, приказалъ отпущеннику своему, Мелихію, наточить старый заржавленный кинжалъ, отпустилъ на волю всѣхъ своихъ рабовъ, далъ имъ денегъ и велѣлъ приготовить перевязки для ранъ. По этимъ распоряженіямъ Мелихій догадался объ умыслѣ и донесъ Нерону. Тогда были арестованы самъ Сцевинъ и другой заговорщикъ Наталъ, котораго наканунѣ видѣли долго разговаривающимъ тайно со Сцевиномъ. Не успѣвъ договориться, что отвѣчать на распросы о предметѣ ихъ вчерашняго разговора, они спутались и были принуждены сознаться, и такимъ образомъ весь заговоръ былъ раскрытъ, и всѣ заговорщики погибли.

По этимъ причинамъ, когда въ заговорѣ участвуетъ больше 3, 4 человѣкъ, онъ почти неизбѣжно открывается измѣной, неосторожностью или легкомысліемъ. А едва успѣютъ арестовать хотя бы двоихъ, тотчасъ же обнаруживается все, потому что арестованные не имѣютъ возможности согласиться въ отвѣтахъ. Если арестованъ только одинъ человѣкъ и притомъ столь твердый и мужественный, что не выдастъ заговора, то надо еще, чтобы и остальные заговорщики были такъ же тверды и не выдали себя смущеніемъ и бѣгствомъ. Стоитъ только, чтобы у одного не хватило духа, и тогда все откроется. Вотъ почему заговоръ противъ Гіеронима, царя сиракузскаго, о которомъ разсказываетъ Титъ Ливій, составляетъ такое рѣдкое явленіе. Одинъ изъ заговорщиковъ, Теодоръ, былъ арестованъ, но мужественно скрылъ всѣхъ своихъ сообщниковъ и вмѣсто нихъ обвинилъ приверженцевъ царя; съ другой стороны и прочіе заговорщики были такъ увѣрены въ твердости Теодора, что никто изъ нихъ не покусился бѣжать изъ Сиракузъ и не показалъ ни малѣйшаго признака страха.

Вотъ какія опасности предстоятъ заговору еще до приведенія его въ исполненіе. Есть нѣсколько средствъ избѣжать ихъ. Самое первое и дѣйствительное или, вѣрнѣе, единственное состоитъ въ томъ, чтобы не давать заговорщикамъ времени выдать заговоръ; съ этою цѣлью имъ слѣдуетъ повѣрять тайну только передъ самымъ исполненіемъ, никакъ не раньше. Всѣ поступавшіе такимъ образомъ избѣжали первыхъ опасностей, представляемыхъ заговоромъ, а нерѣдко и послѣдующихъ и благополучно выполняли свое намѣреніе. Такой образъ дѣйствій доступенъ всякому благоразумному человѣку. Я приведу только два примѣра. Нелематъ, возмущенный тираніей Аристотима, тирана эпирскаго, созвалъ къ себѣ въ домъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ и друзей и уговаривалъ ихъ освободить отечество. Они сказали, что имъ надо время подумать и приготовиться. Тогда Нелематъ приказалъ слугамъ запереть двери и объявилъ присутствующимъ: или клянитесь тотчасъ идти со мной на дѣло, или я всѣхъ васъ выдамъ Аристотиму. Подъ вліяніемъ этихъ словъ они дали клятву, безотлагательно вышли и счастливо выполнили распоряженіе Нелемата.

Одинъ магъ хитростью овладѣлъ персидскимъ престоломъ. Персидскій вельможа Ортанъ открылъ обманъ и, сообщивъ свое открытіе шести другимъ сановникамъ, предложилъ имъ отмстить магу за тиранію и обманъ. Когда нѣкоторые заговорили объ отсрочкѣ, всталъ Дарій, одинъ изъ шести сановниковъ, созванныхъ Ортаномъ, и воскликнулъ: или сейчасъ пойдем-те убивать мага, или я васъ выдамъ. Всѣ поднялись и, не давъ другъ другу времени одуматься, безъ труда сдѣлали свое дѣло. Подобнымъ же образомъ поступили этоляне, задумавъ убить тирана спартанскаго Набиса. Они послали Набису, будто-бы на помощь, 30 всадниковъ и 200 пѣшихъ воиновъ подъ начальствомъ гражданина Алексамена, которому тайно поручили убить Набиса, а подчиненнымъ его приказали только слушаться его во всемъ, подъ страхомъ изгнанія за ослушаніе. Алексаменъ отправился въ Спарту и хранилъ свое порученіе въ тайнѣ, пока не пріискалъ удобнаго случая, и такимъ образомъ, ему удалось погубить тирана.

Вотъ какъ, стало быть, слѣдуетъ поступать, чтобы избѣжать опасностей, угрожающихъ заговору, и дѣйствуя такимъ образомъ заговорщики непремѣнно избѣгнутъ этихъ опасностей. Вышеприведенный примѣръ Пизона доказываетъ, что всякій можетъ поступать такимъ образомъ. Пизонъ былъ человѣкъ знатный, сановный, приближенный къ Нерону, который вполнѣ довѣрялъ ему Неронъ часто пріѣзжалъ въ его сады обѣдать съ нимъ. Слѣдовательно, Пизонъ могъ подобрать храбрыхъ и мужественныхъ людей, способныхъ на такое предпріятіе; найти такихъ людей Пизону въ его положеніи было не трудно; когда Неронъ пріѣхалъ бы въ его сады, онъ могъ бы сообщить друзьямъ свое намѣреніе и возбудить ихъ словами къ дѣйствію, не допуская раздумывать и колебаться. При такихъ условіяхъ успѣхъ заговора былъ бы несомнѣненъ. Разсматривая всѣ другіе заговоры, мы находимъ, что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ такой образъ дѣйствія былъ невозможенъ. Но люди вообще мало смыслятъ въ дѣлахъ и потому дѣлаютъ величайшія ошибки на каждомъ шагу, а тѣмъ болѣе въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ заговоръ. Безъ крайней необходимости не слѣдуетъ никому повѣрять своихъ замысловъ, пока не наступитъ пора дѣйствовать; если же необходимо сообщить ихъ, то не должно довѣряться болѣе, чѣмъ одному лицу, и то такому, которое уже доказало, что заслуживаетъ довѣріе и сверхъ того имѣетъ причины согласиться принять участіе въ предпріятіи. Найти одно такое лицо гораздо легче, чѣмъ найти нѣсколькихъ, и притомъ не такъ опасно, потому что, еслибы даже мы ошиблись въ немъ, у насъ остается больше средствъ къ защитѣ, чѣмъ при многихъ соучастникахъ. Я слышалъ отъ очень умныхъ людей, что вдвоемъ можно говорить что угодно, лишь бы только не давать противъ себя письменной улики; если собесѣдникъ измѣнитъ и донесетъ, стоитъ только отпереться: онъ будетъ говорить — да, а ты — нѣтъ. Но главное надо остерегаться письменныхъ уликъ, противъ которыхъ не существуетъ никакихъ отговорокъ. Плавтіанъ задумалъ убить императора Севера и его сына Антонина, и поручилъ это дѣло трибуну Сатурнину. Сатурнинъ хотѣлъ донести на него, вмѣсто того, чтобы послушать его приказанія, но боялся, что ему не повѣрятъ; поэтому онъ выпросилъ у Плавтіана письменное приказаніе, и Плавтіанъ, ослѣпленный честолюбіемъ, далъ противъ себя эту улику, которая погубила его; между тѣмъ, безъ нея и другихъ письменныхъ доказательствъ онъ непремѣнно оправдался бы, потому что запирался очень смѣло и находчиво. Итакъ, доносъ одного человѣка имѣетъ мало значенія, если не подтверждается письменной уликой; слѣдовательно, должно какъ можно тщательнѣе избѣгать опасной переписки. Въ заговорѣ Пизона участвовала одна женщина, по имени Эпихарида, бывшая любовница Нерона. Она нашла полезнымъ вовлечь въ заговоръ начальника нѣсколькихъ триремъ, которыя Неронъ держалъ для своей охраны; она сообщила этому человѣку тайну заговора, но не сказала именъ заговорщиковъ. Онъ измѣнилъ ей и донесъ на нее Нерону; но Эпихарида заперлась такъ смѣло, что Неронъ, смущенный, не рѣшился осудить ее.

Ввѣряя тайну заговора одному лицу, мы подвергаемъ себя двоякой опасности: вопервыхъ, человѣкъ, которому мы довѣрились, можетъ добровольно сдѣлать доносъ, или, вовторыхъ, онъ будетъ по какому-нибудь подозрѣнію или намеку арестованъ, подвергнутъ

пыткѣ или уличенъ и по необходимости обвинитъ насъ. Но здѣсь намъ еще остается средство выпутаться изъ бѣды; мы можемъ отрицать обвиненіе въ первомъ случаѣ, придумавъ вражду, будтобы существовавшую между нами и обвинителемъ, во второмъ, ссылаясь на то, что мученія вынудили у него несправедливое показаніе. Но все-таки лучше всего не довѣряться никому, а поступать вышесказаннымъ образомъ; если же довѣряться, то только одному лицу, что гораздо безопаснѣе, чѣмъ цѣлому обществу.

Заговоры еще часто удаются, когда необходимость заставляетъ человѣка принять противъ государя мѣры, какія онъ самъ собирается принять противъ этого лица, особенно, когда опасность уже такъ велика и близка, что некогда думать объ осторожности. Такая крайность почти всегда даетъ успѣхъ, какъ напр. въ двухъ слѣдующихъ примѣрахъ. Преторіанскіе префекты, Летъ и Электъ, были лучшими друзьями и самыми короткими приближенными императора Коммода, а Марція была его любимой наложницей. Они иногда упрекали его за его поведеніе, которымъ онъ позорилъ свою особу и всю имперію. За это онъ рѣшился казнить ихъ и составилъ списокъ, гдѣ были помѣщены имена Марціи, Лета и Электа и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ онъ хотѣлъ умертвить на слѣдующую ночь; онъ спряталъ этотъ списокъ подъ подушку и пошелъ купаться. Въ это время одинъ ребенокъ, котораго онъ очень любилъ, играя въ комнатѣ и на кровати, нашелъ списокъ и вышелъ, держа его въ рукахъ; Марція встрѣтила его, взяла у него бумагу, прочитала и, узнавъ содержаніе, поскорѣе послала за Летомъ и Электомъ. Собравшись, они рѣшились предупредить грозящую имъ опасность и, не теряя времени, въ ту же ночь убили Коммода. Императоръ Антонинъ Каракалла былъ съ арміей въ Месопотаміи; префектомъ у него былъ Макринъ, человѣкъ болѣе способный къ гражданской дѣятельности, чѣмъ къ военной. Тираны всегда боятся, что противъ нихъ что-нибудь замышляется, чего они вполнѣ заслуживаютъ своими поступками; поэтому и Антонинъ написалъ въ Римъ другу своему, Матерніану, спросить астрологовъ, не замышляетъ ли кто овладѣть престоломъ, и сообщить ему ихъ отвѣтъ. Матерніанъ отвѣчалъ, что замышляетъ Макринъ. Но

письмо это прежде, чѣмъ дойти до императора, попало въ руки самого Макрина, который увидѣлъ необходимость или убить Каракаллу, пока онъ не получилъ втораго письма изъ Рима, или погибнуть самому. Тогда онъ поручилъ убить императора своему довѣренному центуріону Марціалу, у котораго Антонинъ нѣсколько дней тому назадъ казнилъ брата. Марціалъ успѣшно выполнилъ это порученіе. Итакъ, мы видимъ, что такая настойчивая необходимость, не допускающая никакой отсрочки, приводитъ къ такимъ же удачнымъ результатамъ, какъ и образъ дѣйствія Нелемата эпирскаго. Кромѣ того эти примѣры подтверждаютъ сказанное нами въ началѣ этой главы, что угрозы очень вредятъ государямъ и возбуждаютъ болѣе опасные заговоры, чѣмъ дѣйствительныя оскорбленія. Государь не долженъ грозить окружающимъ; ему слѣдуетъ или ласкать ихъ, или разомъ отдѣлываться отъ нихъ и никогда не ставить ихъ въ необходимость убить его, чтобы не погибнуть самимъ.

Обратимся теперь къ опасностямъ, представляемымъ самымъ выполненіемъ замысла. Причиною ихъ бываетъ нарушеніе заранѣе составленнаго плана, малодушіе заговорщиковъ, ошибка, сдѣланная по неосторожности, или наконецъ слабость исполнителей, когда они не доканчиваютъ дѣла, оставляя въ живыхъ нѣкоторыхъ изъ обреченныхъ на смерть.

Внезапная перемѣна заранѣе составленнаго плана или совершенное отступленіе отъ него больше всего производятъ замѣшательства въ исполненіи заговора. Такая перемѣна вредитъ всякому дѣлу, а тѣмъ болѣе военнымъ предпріятіямъ и тѣмъ, о которыхъ мы говоримъ. Здѣсь все зависитъ отъ того, чтобы люди твердо преслѣдовали свою цѣль и неуклонно выполняли возложенное на нихъ порученіе. Положимъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней мысли всѣхъ участниковъ были обращены на извѣстный планъ, и вдругъ онъ совершенно перемѣняется; понятно, что это производитъ общее замѣшательство и недоумѣніе, такъ что все предпріятіе рушится. Поэтому лучше дѣйствовать по прежнему плану, хотя бы въ немъ оказались какія-нибудь неудобства, чѣмъ, мѣняя его, создавать себѣ гораздо сильнѣйшія затрудненія. Разумѣется, это

относится только къ тѣмъ случаямъ, когда уже некогда составить новаго плана дѣйствій; но если время еще не ушло, можно конечно избрать тотъ планъ, который оказался лучшимъ. Извѣстенъ заговоръ Пацци противъ Лоренцо и Джуліано Медичи. Было предположено убить Медичи на обѣдѣ, который они хотѣли дать кардиналу ди Санъ-Джорджо. Всѣ роли были уже розданы: было назначено, кому убивать, кому овладѣть дворцомъ, кому объѣзжать городъ и призывать народъ къ свободѣ. Но въ тотъ же день на торжественной службѣ въ каѳедральномъ флорентинскомъ соборѣ, гдѣ присутствовали Пацци, Медичи и кардиналъ, заговорщики узнали, что Джуліано не будетъ на обѣдѣ. Тогда они тотчасъ рѣшились выполнить свое намѣреніе тутъ же въ церкви. Эта перемѣна разрушила весь планъ. Джованбатиста де Монтесекко отказался совершить убійство въ церкви. Пришлось искать новыхъ исполнителей, которые, не привыкнувъ къ мысли о предстоящемъ имъ дѣлѣ, не успѣли окрѣпнуть духомъ и сдѣлали свое дѣло такъ дурно, что предпріятіе кончилось гибелью заговорщиковъ.

Недостатокъ рѣшимости въ исполнителяхъ зависитъ или отъ чувства невольнаго уваженія, или просто отъ трусости. Присутствіе государя внушаетъ такой страхъ и такое почтеніе, что исполнитель невольно робѣетъ и смущается. Минтурнинцы захватили Марія, и рабъ былъ посланъ къ нему убить его. Но величіе героя и слава имени его такъ поразили убійцу, что онъ потерялся и не имѣлъ духу совершить убійство. Стало быть, если человѣкъ въ несчастіи, въ цѣпяхъ и въ тюрьмѣ можетъ имѣть такое могущественное вліяніе, то каково же должно быть впечатлѣніе властелина во всемъ величіи его власти, его регалій, блеска и роскоши? Это величіе можетъ смутить исполнителя, а привѣтливый пріемъ—обезоружить его. Нѣсколько человѣкъ составили заговоръ противъ царя фракійскаго Сильтака и назначили день убійства; они собрались въ назначенное мѣсто, гдѣ находился государь, но никто изъ нихъ не рѣшился поднять на него руку, и они удалились, ничего не сдѣлавъ и сами не зная, что́ имъ помѣшало, такъ что упрекали другъ друга въ трусости. Они нѣсколько разъ возобновляли покушеніе также неудачно и наконецъ, когда заговоръ открылся, были наказаны за то, что́ могли, но не хотѣли сдѣлать. Два брата герцога Феррарскаго, Альфонса, составили противъ него заговоръ, въ которомъ участвовалъ еще пѣвчій герцога, священникъ Дженнесъ. По просьбѣ братьевъ Альфонса, онъ нѣсколько разъ приводилъ къ нимъ герцога, такъ что имъ легко было убить его. Однако они не рѣшились, и когда заговоръ открылся, понесли заслуженное наказаніе за свой злой умыселъ и за свою трусость. Ихъ очевидно или смущало присутствіе Альфонса, или смягчала его ласка.

Исполненію заговоровъ часто мѣшаютъ неосторожныя выходки и малодушіе. Заговоръ и особенно рѣшительная минута въ высшей степени смущаютъ и волнуютъ исполнителей, и въ этой тревогѣ, среди такого потрясенія, они дѣлаютъ и говорятъ не то, что слѣдовало бы. Какое смятеніе и безпокойство овладѣваютъ людьми въ этихъ обстоятельствахъ, видно изъ словъ Тита Ливія объ Алексаменѣ этолійскомъ, когда онъ хотѣлъ убить Набиса спартанскаго, о чемъ мы говорили выше. Когда пришла пора дѣйствовать, онъ сообщилъ своимъ подчиненнымъ возложенное на нихъ порученіе, причемъ Титъ Ливій замѣчаетъ: Collegit et ipse animum, confusum tantae cogitatione rei. *) И дѣйствительно, даже мужественный человѣкъ, привыкшій къ насилію, привыкшій видѣть и наносить смерть, не можетъ не смутиться въ такую минуту. Вотъ почему надо такъ тщательно выбирать исполнителей въ этихъ предпріятіяхъ и не полагаться слишкомъ ни на кого, какъ бы ни была извѣстна храбрость этого человѣка. Самый знаменитый храбрецъ можетъ въ этомъ случаѣ сробѣть, и этого всегда слѣдуетъ ожидать, если только опытъ не показалъ, что и это дѣло по силамъ человѣку. Всегда можно предполагать, что смущеніе или совершенно обезсилитъ исполнителя, или побудитъ его на какую-нибудь безразсудную выходку, которая испортитъ все дѣло. Сестра Коммода, Луцилла, поручила Квинтіану убить императора. Онъ поджидалъ Коммода при входѣ въ циркъ и, увидя императора, обнажилъ кинжалъ и кинулся на него съ восклицаніемъ: вотъ что

*) И самъ собралъ силы, смущенныя при созерцаніи правителя.

посылаетъ тебѣ сенатъ! Но по этимъ словамъ былъ тотчасъ арестованъ, прежде чѣмъ успѣлъ нанести ударъ. Мессиръ Антоніо да Вольтера, назначенный убить Лоренцо Медичи, бросаясь на него, воскликнулъ: А, измѣнникъ! — и это восклицаніе спасло Лоренцо, погубивъ заговорщиковъ.

Всѣ указанныя нами причины легко могутъ погубить заговоръ, направленный противъ одного лица. Естественно, что удача еще труднѣе, если онъ направленъ противъ двухъ человѣкъ, тогда успѣхъ нетолько труденъ, но почти невозможенъ; выполнить одновременно и съ одинаковымъ упѣхомъ два такія предпріятія въ разныхъ мѣстахъ—почти немыслимо; дѣлать же ихъ по очереди, одно за другимъ, нельзя, потому что первое покушеніе лишаетъ заговорщиковъ возможности произвести второе. Стало быть, если опасно, неосторожно и бо́льшею частью тщетно составлять замыселъ на жизнь одного государя, то покушаться на двухъ безполезно и безумно. Еслибы не высокій авторитетъ историка, я не повѣрилъ бы разсказу Геродіана, будто Плавтіанъ поручилъ центуріону Сатурнину убить Севера и Антонина, жившихъ въ двухъ разныхъ дворцахъ. Это до такой степени нелѣпо, что безъ такого уважаемаго авторитета я не повѣрилъ бы такому безразсудству. Нѣсколько аѳинскихъ юношей составили заговоръ противъ тирановъ аѳинскихъ Діокла и Гиппія. Діоклъ былъ убитъ, но Гиппій уцѣлѣлъ и отмстилъ за брата. Хіонъ и Леонидъ изъ Гераклеи, ученики Платона, приняли намѣреніе убить тирановъ Клеарка и Сатира. Клеаркъ палъ, а Сатиръ остался живъ и отмстилъ заговорщикамъ. Такъ и Пацци удалось убить одного Джуліано. Слѣдовательно, никогда не слѣдуетъ покушаться на жизнь нѣсколькихъ человѣкъ, потому что это не приноситъ пользы ни заговорщикамъ, ни отечеству, ни гражданамъ; напротивъ того, какъ показываетъ исторія Флоренціи, Аѳинъ и Гераклеи, послѣ этихъ покушеній уцѣлѣвшій тиранъ становится еще свирѣпѣе и нестерпимѣе. Правда, заговоръ Пелопида для освобожденія его отечества, Ѳивъ, представлялъ всѣ эти затрудненія, однако кончился успѣшно. Пелопидъ составилъ заговоръ не противъ двухъ только тирановъ, но противъ цѣлыхъ десяти; притомъ онъ не былъ ихъ

приближеннымъ и даже не имѣлъ доступа къ нимъ, будучи изгнанникомъ; тѣмъ не менѣе ему удалось прійти въ Ѳивы, убить тирановъ и освободить отечество. Ему конечно много помогъ совѣтникъ тирановъ Каріонъ, который доставилъ ему доступъ къ нимъ и такимъ образомъ далъ возможность выполнить дѣло. Однако этимъ примѣромъ не слѣдуетъ увлекаться. Это было невозможное предпріятіе, и если удалось, то только чудомъ. Всѣ писатели, говорящіе о немъ, называютъ его чудеснымъ и совершенно безпримѣрнымъ.

Выполненію заговора можетъ помѣшать въ рѣшительную минуту какая-нибудь ошибка, ложный слухъ или неожиданное событіе. Такъ утромъ того дня, когда Брутъ и другіе заговорщики хотѣли убить Цезаря, послѣдній случайно заговорился съ однимъ изъ нихъ, Кнеемъ Попиліемъ Леной; прочіе, видя этотъ продолжительный разговоръ, подумали, что Попилій выдаетъ ихъ Цезарю и хотѣли убить диктатора, не дожидаясь, пока онъ придетъ въ сенатъ. Они и убили бы его, но ихъ успокоило, что въ Цезарѣ послѣ разговора съ Попиліемъ не было замѣтно никакого безпокойства. Подобная тревога случается часто и не мѣшаетъ предвидѣть такую случайность и заблаговременно принять противъ нея мѣры. Надо имѣть притомъ въ виду, что, зная за собой злоумышленіе, человѣкъ склоненъ тревожиться и предполагать во всемъ, что слышитъ, что рѣчь идетъ о немъ; поймавъ налету какое-нибудь слово, сказанное въ совершенно постороннемъ смыслѣ, онъ можетъ встревожиться имъ, вообразить, что все открыто, и самъ выдать себя бѣгствомъ или испортить дѣло, преждевременно начавъ его. Эти случайности тѣмъ возможнѣе, чѣмъ больше заговорщиковъ.

Что касается до совершенно случайныхъ и непредвидѣнныхъ помѣхъ, то только примѣры могутъ дать о нихъ понятіе и научить избѣгать ихъ. Мы уже говорили, что Джуліо Беланти Сіенскій, оскорбленный Пандольфо, который отнялъ у него свою дочь, бывшую за нимъ замужемъ, рѣшился убить его. Зная, что Пандольфо почти ежедневно ѣздитъ мимо его дома къ одному больному родственнику, онъ собралъ у себя въ домѣ заговорщиковъ, чтобы на пути убить Пандольфо. Онъ вооружилъ ихъ и поставилъ

за дверью, а одного у окна, чтобы дать знакъ, когда Пандольфо будетъ проходить мимо двери. Когда Пандольфо подошелъ, стоявшій у окна подалъ знакъ. Но въ эту минуту Пандольфо встрѣтилъ случайно одного пріятеля и остановился говорить съ нимъ. Свита его продолжала свой путь и, услышавъ за дверью бряцаніе оружія, вошла въ домъ и открыла засаду. Такимъ образомъ Пандольфо спасся, а Джуліо съ товарищами были принуждены бѣжать изъ Сіены. Стало быть, случайная встрѣча разрушила заговоръ и была причиной неудачи Джуліо. Противъ такихъ случайностей, совершенно исключительныхъ, нельзя заранѣе принять никакихъ мѣръ; надо только стараться предусмотрѣть возможныя и оградить себя отъ нихъ, насколько позволяютъ обстоятельства.

Теперь намъ осталось сказать еще объ опасностяхъ, грозящихъ заговорщикамъ по выполненіи своего дѣла. Здѣсь въ сущности только одна опасность, а именно, что послѣ убитаго государя останется мститель. Послѣ него могутъ остаться братья, сыновья и другіе родственники, имѣющіе притязаніе наслѣдовать ему. Они могутъ остаться въ живыхъ или по безпечности заговорщиковъ, или по другимъ причинамъ, о которыхъ было говорено выше, и разумѣется, впослѣдствіи отмстятъ заговорщикамъ. Такъ, когда Джованнандреа да Лампоньяно съ своими сообщниками убилъ герцога Миланскаго, у государя этого остались сынъ и двое братьевъ, которые отмстили за него. Въ этомъ случаѣ заговорщиковъ можно извинить, потому что они не имѣли возможности поступить иначе. Но если у убитаго остаются въ живыхъ родственники по безразсудству или по безпечности заговорщиковъ, то это уже не извинительно. Въ Форли заговорщики убили своего князя, графа Джироламо и овладѣли его женой и малолѣтними дѣтьми; для своего обезпеченія имъ казалось необходимымъ овладѣть цитаделью, но комендантъ не соглашался сдать ее. Тогда мадонна Катерина (такъ звали графиню) обѣщала заговорщикамъ приказать коменданту сдаться, если они отпустятъ ее къ нему въ цитадель, въ залогъ же она оставляла имъ дѣтей. Положившись на это, они отпустили ее; но едва она вошла въ крѣпость, какъ, войдя на стѣну, обратилась оттуда къ нимъ съ упреками и угрозами за убійство мужа; чтобы они не разсчитывали на дѣтей ея, которые остались у нихъ заложниками, она показала имъ свои дѣтородные органы, сказавъ, что о дѣтяхъ не заботится, потому что можетъ надѣлать новыхъ. Заговорщики, не зная, что дѣлать, и поздно увидавъ свою ошибку, искупили ее вѣчнымъ изгнаніемъ.

Но самая главная опасность грозитъ заговорщикамъ по выполненіи замысла въ томъ случаѣ, если убитый ими государь любимъ народомъ. Тутъ имъ уже не остается ничего, кромѣ гибели, потому что съ цѣлымъ народомъ имъ не справиться. Такъ напр. римскій народъ любилъ Цезаря и отмстилъ за него, изгнавъ заговорщиковъ изъ Рима и доведя ихъ дотого, что всѣ они въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ погибли.

Заговоры противъ отечества далеко не такъ опасны, какъ противъ государя: составлять ихъ гораздо безопаснѣе; приводить въ исполненіе одинаково опасно; зато по выполненіи уже не предстоитъ никакой опасности. Въ составленіи такихъ заговоровъ представляется мало опаснаго. Гражданинъ можетъ стремиться къ власти не обнаруживая своего намѣренія и не повѣряя его никому; такимъ образомъ онъ можетъ, если не встрѣтитъ препятствій, незамѣтно достигнуть цѣли, въ случаѣ же непредвидѣнныхъ препятствій можетъ выждать время или попытаться достигнуть цѣли другимъ путемъ. Конечно, все это возможно только въ республикѣ, уже преданной порчѣ нравовъ; среди нравственнаго, неиспорченнаго общества, гдѣ не существуетъ началъ развращенія, такія мысли не могутъ даже прійти въ голову гражданину.

Итакъ, гражданинъ имѣетъ множество способовъ и средствъ достигнуть верховной власти, не подвергаясь приэтомъ большой опасности. Это зависитъ отъ того, что республики дѣйствуютъ медленнѣе государей, менѣе подозрительны, не столько заботятся о мѣрахъ предосторожности и болѣе уважаютъ знаменитыхъ гражданъ, такъ что послѣдніе могутъ смѣлѣе покушаться на предпріятія противъ правительства. Всякій читалъ заговоръ Катилины, описанный Саллюстіемъ, и знаетъ, что, несмотря на открытіе заговора, Катилина смѣло остался въ Римѣ, отправился въ сенатъ и наговорилъ дерзостей сенату и консулу; это доказываетъ, какъ

уважало это государство даже виновныхъ гражданъ своихъ. Далѣе, когда онъ уже уѣхалъ изъ Рима къ своей арміи, правительство не арестовало бы ни Лентула, ни другихъ сообщниковъ его, еслибы не были перехвачены ихъ письма, ясно обвинявшія ихъ. Ганнонъ, знаменитѣйшій карѳагенскій гражданинъ, стремился къ тираніи и замыслилъ отравить весь сенатъ на свадьбѣ дочери своей, чтобы потомъ провозгласить себя царемъ. Сенатъ, узнавъ объ этомъ заговорѣ, оказалъ такое уваженіе къ сану гражданина, что не принялъ противъ него никакихъ мѣръ и только издалъ законъ, ограничивавшій расходы пировъ и свадебъ.

При выполненіи заговора противъ отечества опасностей и затрудненій больше, чѣмъ въ заговорахъ противъ государей, потому что силы заговорщиковъ рѣдко такъ велики, чтобы справиться съ цѣлымъ государствомъ. Не у всякаго заговорщика цѣлая армія въ распоряженіи, какъ у Цезаря, Агаѳокла или Клеомена, которые однимъ ударомъ силою овладѣвали отечествомъ. При такой силѣ выполненіе, конечно, легко; но у кого ея нѣтъ, тому приходится хитрить или обращаться за чужой помощью. Что касается хитростей, то напр. въ Аѳинахъ гражданинъ Пизистратъ, пріобрѣвъ расположеніе народа побѣдой надъ мегарянами, вышелъ однажды утромъ изъ дома покрытый ранами, крича, что аристократія изъ зависти хотѣла убить его, и прося позволенія держать для охраны вооруженную стражу. Это позволеніе было даровано ему и послужило ему первымъ шагомъ къ овладѣнію тираніей въ Аѳинахъ. Когда Пандольфо Петруччи вернулся въ Сіену въ числѣ другихъ изгнанниковъ, его назначили начальникомъ стражи на городской площади, это была самая пустая должность, отъ которой всѣ отказывались. Но онъ, будучи постоянно окруженъ вооруженными людьми, пріобрѣлъ черезъ это такое значеніе, что овладѣлъ въ городѣ полновластіемъ. Многіе другіе прибѣгали къ разнымъ хитростямъ и козням и съ помощью времени достигали своей цѣли. Другіе замышляли поработить отечество опираясь на собственную силу или на чужую помощь и, смотря по счастью, имѣли успѣхъ или неудачу. Катилина погибъ въ своемъ предпріятіи. Ганнонъ, не успѣвъ достигнуть цѣли посредствомъ яда, собралъ нѣсколько тысячъ вооруженныхъ приверженцевъ, но они были перебиты и самъ онъ убитъ. Нѣсколько знатнѣйшихъ ѳивскихъ гражданъ, желая овладѣть тираніей, призвали на помощь спартанскія войска и сдѣлались тиранами отечества. Такимъ образомъ, разсматривая всѣ заговоры противъ отечества, мы находимъ, что они очень рѣдко открываются до выполненія, и если удавались или подавлялись, то большею частью уже въ самомъ дѣйствіи.

По выполненіи этихъ замысловъ заговорщику грозятъ только тѣ опасности, которыя неразлучно сопряжены съ обладаніемъ верховною властью. Сдѣлавшись тираномъ, гражданинъ подверженъ всѣмъ бѣдствіямъ, составляющимъ естественный результатъ тираніи, и противъ этихъ опасностей у него нѣтъ иныхъ средствъ, кромѣ указанныхъ нами выше.

Вотъ все, что я нашелъ сказать о заговорахъ. Я говорилъ только о заговорахъ, приводимыхъ въ исполненіе оружіемъ; въ другихъ прибѣгаютъ къ яду; но въ сущности это одно и тоже. Впрочемъ дѣйствовать отравою опаснѣе, потому что не такъ вѣрно. Вопервыхъ, не всякій можетъ самъ дать ядъ, приходится поручить это другому лицу, а довѣренность эта часто пагубна. Вовторыхъ, по многимъ причинамъ отрава можетъ не подѣйствовать. Такъ, когда Коммоду дали ядъ, съ нимъ сдѣлалась рвота и заговорщики были принуждены удавить его.

Заговоры — самые страшные враги государей, потому что если даже не лишаютъ ихъ жизни, то во всякомъ случаѣ покрываютъ позоромъ. Если заговоръ удается, государь погибаетъ; если онъ открывается и заговорщики подвергаются казни, всѣ остаются въ убѣжденіи, что это была выдумка правительства, имѣвшая цѣлью удовлетворить свою алчность и жестокость имуществомъ и кровью казненныхъ.

Я считаю теперь нужнымъ дать совѣтъ государямъ и республикамъ, чтобы, узнавъ о существованіи противъ нихъ заговора, они тщательно измѣрили и взвѣсили силы свои и заговорщиковъ, прежде чѣмъ предпринимать мщеніе. Если средства и силы заговорщиковъ окажутся обширны и могущественны, то правитель-

ству не слѣдуетъ показывать видъ, что оно открыло заговоръ, пока не приготовится подавить его безопасно для себя. Дѣйствуя иначе, оно можетъ подвергнуть себя большой опасности. Ему необходимо таить свои свѣдѣнія о намѣреніи, потому что если заговорщики увидятъ, что заговоръ открытъ, они по необходимости рѣшатся на отчаянныя мѣры и усилія. Такъ напр. когда римляне оставили два легіона войскъ въ Капуѣ защищать ее отъ самнитовъ, начальники этихъ легіоновъ сговорились поработить капуанцевъ. Когда въ Римѣ узнали объ этомъ, новый консулъ Рутилій былъ посланъ прекратить этотъ безпорядокъ. Чтобы не возбуждать въ заговорщикахъ подозрѣнія, консулъ объявилъ, что сенатъ оставляетъ легіоны въ Капуѣ. Войска повѣрили этому и, надѣясь успѣть выполнить свое намѣреніе, не видѣли надобности торопиться: они вели себя смирно, пока не замѣтили, что консулъ старается раздѣлить ихъ другъ отъ друга; это возбудило въ нихъ подозрѣніе; они рѣшились обнаружить свои намѣренія и привести ихъ въ дѣйствіе. Это происшествіе представляетъ поучительный примѣръ для обѣихъ сторонъ. Онъ показываетъ, какъ любятъ люди медлить, пока думаютъ, что можно не спѣшить, и какъ торопятся они, когда ихъ побуждаетъ необходимость. Когда государю или республикѣ почему-нибудь выгодно отсрочить открытіе заговора, самымъ лучшимъ средствомъ для этого будетъ, если оно искусно покажетъ заговорщикамъ въ ближайшемъ будущемъ какой-нибудь удобный случай къ дѣйствію; они непремѣнно станутъ дожидаться этого случая, въ увѣренности, что время терпитъ, и правительство можетъ воспользоваться ихъ промедленіемъ, чтобы наказать ихъ. Поступая иначе, правительство само помогаетъ своему паденію, какъ доказываютъ примѣры герцога Аѳинскаго*) и Гильельмо де Пацци. Герцогъ сдѣлался тираномъ во Флоренціи и, услышавъ, что противъ него существуетъ заговоръ, онъ, не разобравъ дѣла, приказалъ схватить одного заговорщика. Это заставило остальныхъ

*) Изъ флорентинской фамиліи Аккаюоли, владѣвшей Аѳинами и почти всею Греціею въ лицѣ Райнера, герцога Аѳинскаго (1364) до завоеванія турками.

немедленно взяться за оружіе, и герцогъ былъ низвергнутъ. Гильельмо былъ въ 1501 коммиссаромъ въ Валь ди Кіанѣ и узналъ, что въ Ареццо составился заговоръ въ пользу Вителли съ цѣлью низвергнуть флорентинское владычество въ этой области. Онъ тотчасъ отправился въ городъ и по совѣту своего сына, епископа, приказалъ арестовать одного заговорщика, не взвѣсивъ своихъ силъ и силъ заговора и ничего не приготовивъ для поддержанія своихъ распоряженій. Прочіе, возбужденные этимъ, поспѣшно возстали и отняли свою область у флорентинцевъ, а Гильельмо вмѣсто коммиссара самъ очутился арестантомъ. Но если заговоръ слабъ, надо немедленно задавить его. Но никогда не слѣдуетъ прибѣгать къ такимъ нелѣпымъ мѣрамъ, какъ напр. слѣдующія: Герцогъ Аѳинскій, чтобы показать, какъ онъ увѣренъ въ расположеніи къ нему флорентинскихъ гражданъ, приказалъ казнить одного человѣка, донесшаго ему о заговорѣ. Діонъ Сиракузскій, желая испытать одно подозрительное лицо, согласился, чтобы одинъ изъ его приближенныхъ, Калиппъ, притворно затѣялъ противъ него заговоръ. Обоимъ пришлось дорого поплатиться за эти неосторожныя выходки. Герцогъ Аѳинскій своимъ поступкомъ устрашилъ всѣхъ доносчиковъ и ободрилъ заговорщиковъ; Діонъ самъ способствовалъ своей гибели и былъ главою заговора противъ самого себя; подъ его покровительствомъ Калиппу ничего не стоило провести свои намѣренія и лишить его власти и жизни.

ГЛАВА VII.

Отчего переходъ отъ свободы къ рабству и отъ рабства къ свободѣ иногда сопровождается кровопролитіемъ, а иногда нѣтъ.

Быть можетъ, кто-нибудь желаетъ знать, почему переходъ отъ свободной жизни къ тираніи и наоборотъ иногда сопровождается кровопролитіемъ, а иногда нѣтъ. Дѣйствительно, исто-

рія показываетъ, что иногда въ этихъ переворотахъ погибаетъ множество народа, тогда какъ въ другихъ случаяхъ они происходятъ совершенно мирно. Такъ напр. при переворотѣ, установившемъ въ Римѣ консуловъ вмѣсто царей, не пострадалъ никто, кромѣ Тарквиніевъ, которые были изгнаны.

Дѣло вотъ въ чемъ: все зависитъ оттого, основано ли преобразуемое государство на насиліи или нѣтъ. Если оно основано и держится силою, существованіе его нарушаетъ интересы большинства, и когда оно сокрушается, весьма естественно, что оскорбленные имъ жаждутъ мести; отсюда происходитъ кровопролитіе, и много людей погибаетъ. Но когда государство основано и держится общимъ согласіемъ и волею большинства, которое само возвеличило его, народъ не имѣетъ причины при низверженіи правительства карать кого-либо, кромѣ главы его. Такъ было въ Римѣ при изгнаніи Тарквиніевъ и во Флоренціи при ниспроверженіи Медичи въ 1494 г., отчего и потерпѣли одни правители. Такіе перевороты не страшны; но страшны тѣ, которые дѣлаются людьми, жаждущими мести; они всегда сопровождаются кровопролитіемъ, и, читая исторію ихъ, невольно ужасаешься. Впрочемъ я не буду распространяться о нихъ, потому что стоитъ только развернуть исторію, чтобы найти примѣры ихъ во множествѣ.

ГЛАВА VIII.

Желая преобразовать республику, надо внимательно разсмотрѣть ея положеніе.

Мы сказали выше, что злоумышленникъ не можетъ достигнуть своей цѣли въ республикѣ, не страдающей развращеніемъ нравовъ. Кромѣ вышеприведенныхъ доводовъ мысль эту подтверждаютъ примѣры Спурія Кассія и Манлія Капитолійскаго. Спурій былъ честолюбецъ, стремившійся къ верховной власти въ Римѣ. Онъ

старался расположить къ себѣ народъ благодѣяніями и съ этою цѣлью предложилъ между прочимъ продать ему земли, завоеванныя у Герниковъ. Отцы проникли его честолюбивые замыслы и возбудили противъ нихъ подозрѣніе, такъ что когда онъ обратился къ народу, предлагая раздать ему деньги, вырученныя изъ продажи хлѣба, привезеннаго на казенный счетъ изъ Сициліи, народъ отказался, предполагая, что Спурій хочетъ купить у него этимъ его свободу. Конечно, будь римскій народъ испорченъ, онъ не отказался бы отъ такого предложенія и открылъ бы тираніи путь, который въ этомъ случаѣ преградилъ. Но еще поразительнѣе примѣръ Манлія Капитолійскаго, показывающій, что всѣ достоинства ума и сердца, всѣ подвиги, совершенные для блага отечества, не могутъ оградить человѣка отъ страстнаго желанія власти. Извѣстно, что Манлій сталъ стремиться къ престолу изъ зависти, которую возбудили въ немъ почести, оказанныя Камиллу. Властолюбіе такъ ослѣпило его, что онъ не подумалъ о положеніи государства, не далъ себѣ отчета, гдѣ онъ затѣваетъ такое дѣло, не понялъ, что общество еще далеко отъ такой подлой государственной формы. Не принявъ ничего этого въ разсчетъ, онъ принялся возбуждать смуты противъ сената и противъ всѣхъ отечественныхъ учрежденій. Тогда-то обнаружилось, какъ совершенны законы Рима и какъ доблестно его общество. Хотя аристократія вообще ревностно защищала и поддерживала своихъ членовъ, но за Манлія не заступился никто, и даже родственники не пытались отстаивать его и вообще не сдѣлали для него ни шагу. По обычаю родственники осужденнаго сопровождаютъ его обыкновенно въ траурѣ, въ слезахъ, покрытые пепломъ, чтобы тронуть народъ; при Манліѣ же не было никого. Трибуны, всегда готовые поддерживать все, направленное къ пользѣ народа, особенно то, что вмѣстѣ съ тѣмъ наносило ущербъ аристократіи, на этотъ разъ соединились съ ней, чтобы общими силами задавить зло. И самый народъ римскій, горячо преслѣдовавшій свои выгоды, пристрастный ко всему невыгодному для аристократіи, нѣкогда превозносившій Манлія, изъ покровителя обратился въ судью, едва трибуны призвали Манлія къ народному суду, и безъ вниманія къ его прежнимъ заслугамъ

осудилъ его на казнь. Я полагаю, что во всей исторіи Рима нельзя найти лучшаго доказательства превосходства всѣхъ учрежденій этой республики, какъ судьба Манлія. Здѣсь мы видимъ, что гражданинъ, отличенный самыми блистательными достоинствами, прославленный въ частной и въ общественной жизни множествомъ знаменитыхъ подвиговъ, не находитъ слова въ защиту свою, потому что патріотизмъ заглушаетъ всѣ постороннія соображенія. Всѣ болѣе думаютъ объ опасностяхъ, которыми онъ грозитъ будущему, чѣмъ о заслугахъ его для прошлаго, и ставятъ смерть его непремѣннымъ условіемъ своей свободы. Hunc exitum habuit vir, nisi in libera civitate natus esset, memorabilis (Таковъ былъ конецъ мужа, который былъ бы славенъ, еслибы родился не въ свободной странѣ), заключаетъ Титъ Ливій.

Этотъ примѣръ вызываетъ два важныя замѣчанія: Вопервыхъ, въ развращенномъ обществѣ славы слѣдуетъ искать иначе, чѣмъ въ томъ, гдѣ гражданскія учрежденія еще сильны. Вовторыхъ, что всегда надо соображаться, особенно въ важныхъ поступкахъ, съ условіями времени; впрочемъ эти два замѣчанія въ сущности тожественны. Они выражаютъ ту мысль, что люди, отстающіе отъ времени по глупости или по врожденной склонности, обыкновенно бываютъ несчастны и терпятъ неудачи во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Наоборотъ бываетъ съ тѣми, которые умѣютъ согласоваться съ современными требованіями. Вышеприведенныя слова историка доказываютъ, что еслибы Манлій родился во времена Марія и Суллы, въ эпоху общественнаго развращенія, ему удалось бы учредить монархію, и онъ имѣлъ бы такой же успѣхъ, какъ Марій, Сулла и многіе другіе, которые владычествовали послѣ нихъ. И наоборотъ, еслибы Марій и Сулла жили во времена Манлія, ихъ съ перваго шага постигла бы неудача. Своими поступками и примѣромъ человѣкъ можетъ поселить въ обществѣ зародышъ порчи; но жизни человѣческой недостаточно, чтобы развратить цѣлый народъ и самому пожать плоды этого развращенія. Наконецъ, еслибы даже время позволило, то человѣку не позволитъ этого собственное нетерпѣніе его, потому что люди вообще не могутъ надолго откладывать удовлетвореніе своей страсти. Они вообще склонны ошибаться въ томъ, что касается ихъ выгодъ, и особенно въ томъ, чего они исключительно желаютъ. Вслѣдствіе этого, нетерпѣніе или заблужденіе всегда увлечетъ ихъ преждевременно, и дѣло кончится дурно.

Слѣдовательно, чтобы овладѣть въ республикѣ верховной властью и ввести въ ней подлыя учрежденія, необходимо найти общество уже развращеннымъ и доведеннымъ до гнуснаго безпорядка исподволь въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Такова въ концѣ концовъ неизбѣжная участь всякаго общества, если только, какъ мы сказали, его не будутъ возрождать доблестные примѣры и преобразованія въ его учрежденіяхъ, возвращающія ихъ къ основному началу. Такъ и Манлій былъ бы великимъ, славнымъ человѣкомъ, родись онъ въ развращенномъ обществѣ. Вотъ почему граждане, затѣвающіе въ государствѣ предпріятіе въ пользу свободы или въ пользу тираніи, должны прежде узнать и обдумать условія своего отечества и на основаніи этой оцѣнки судить о трудности и возможности своего предпріятія. Трудно и опасно предпринимать освобожденіе народа, желающаго быть рабомъ; и также опасно и трудно порабощать народъ, который хочетъ жить свободнымъ. Въ слѣдующей главѣ мы поговоримъ подробнѣе о необходимости соображаться въ дѣйствіяхъ съ условіями времени.

ГЛАВА IX.

Должно измѣняться съ временемъ, если хотятъ всегда пользоваться счастіемъ.

Я нѣсколько разъ замѣчалъ, что причина счастія или несчастія людей состоитъ въ томъ, соотвѣтствуетъ ли ихъ поведеніе времени или нѣтъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что бо́льшая часть людей дѣйствуетъ или съ слишкомъ большой поспѣшностью, или слишкомъ медленно и осторожно. И въ томъ, и въ другомъ слу-

чаѣ, не держась должнаго пути, они переходятъ границы и одинаково ошибаются. Но тотъ, кто умѣетъ согласовать свои дѣйствія съ временемъ и дѣйствуетъ только такъ, какъ того требуютъ обстоятельства, менѣе ошибается, какъ я уже говорилъ, и бываетъ счастливѣе въ своихъ начинаніяхъ.

Каждый знаетъ, съ какой осторожностью и обдуманностью велъ Фабій Максимъ свою армію, составляя такимъ образомъ рѣзкую противоположность съ обыкновенною смѣлостью и быстротою дѣйствія римлянъ; по счастію для него этого рода дѣйствіе оказалось соотвѣтствующимъ времени. Аннибалъ былъ молодъ, когда онъ вошелъ въ Италію; его вело счастье, не утомленное еще успѣхами, а римскій народъ два раза уже потерпѣлъ пораженія. Республика, лишенная почти совершенно лучшихъ своихъ воиновъ и какъ бы удивленная своими несчастіями, не могла имѣть большаго счастья, какъ найти полководца, медленность и осторожность котораго удержали бы непріятеля. Съ другой стороны и Фабій не могъ имѣть обстоятельствъ, болѣе благопріятныхъ его образу дѣйствій; это и было источникомъ его славы. Впрочемъ Фабій дѣйствовалъ такимъ образомъ скорѣе по характеру своего ума, чѣмъ по обдуманному плану. Это видно по тому обстоятельству, что когда Сципіонъ рѣшился перевезти свое войско въ Африку, чтобы тамъ кончить войну, Фабій былъ однимъ изъ самыхъ жаркихъ противниковъ этого намѣренія, какъ человѣкъ, не могущій отказаться отъ своего образа дѣйствія и привычекъ, такъ что еслибы это зависѣло отъ него, Аннибалъ остался бы въ Италіи. Онъ не замѣчалъ, что обстоятельства измѣнились и что точно также слѣдовало измѣнить и систему веденія войны.

Еслибы Фабій былъ царемъ римскимъ, онъ, можетъ быть, былъ бы побѣжденъ въ этой войнѣ, потому что онъ не умѣлъ бы мѣнять свой образъ дѣйствія, сообразуясь съ различными обстоятельствами. Но онъ родился въ республикѣ, въ которой были различные граждане и очень разнообразные характеры; такимъ образомъ, какъ Римъ имѣлъ Фабія, человѣка самаго полезнаго въ то время, когда нужно было только поддерживать войну, такъ онъ имѣлъ впослѣдствіи Сципіона для того времени, когда надо было окончательно восторжествовать.

Изъ этого слѣдуетъ, что республика имѣетъ больше жизненныхъ элементовъ и пользуется дольшимъ счастіемъ нежели монархія, такъ какъ она, имѣя гражданъ различнаго характера, можетъ лучше соображаться съ обстоятельствами, нежели монархія. Человѣкъ, привыкшій дѣйствовать только извѣстнымъ образомъ, никогда не мѣняется, какъ я уже говорилъ: если обстоятельства дѣлаются противоположными его привычкамъ, онъ необходимо потерпитъ неудачу.

Петръ Содерини, о которомъ я уже говорилъ, дѣйствовалъ во всемъ кротко и милосердно. Пока обстоятельства позволяли ему дѣйствовать согласно своему характеру, его отечество процвѣтало. Но когда настало время, гдѣ не должно было болѣе повиноваться чувствамъ кротости и человѣколюбія, онъ не могъ рѣшиться измѣнить образъ дѣйствія, и погубилъ себя и республику.

Папа Юлій II дѣйствовалъ все время, пока онъ былъ на папскомъ престолѣ, рѣшительно и поспѣшно; такъ какъ характеръ его соотвѣтствовалъ времени, то всѣ его начинанія удавались. Но еслибы настало другое время, которое потребовало бы обратнаго рода дѣйствія, онъ навѣрно погибъ бы, потому что не съумѣлъ бы измѣнить своего образа дѣйствія и своихъ пріемовъ.

Двѣ причины мѣшаютъ намъ измѣняться такимъ образомъ: вопервыхъ мы не можемъ преодолѣть наклонностей нашего характера, а вовторыхъ невозможно убѣдить человѣка, которому одинъ образъ дѣйствія часто удавался, что онъ будетъ точно также счастливъ держась обратнаго рода дѣйствія. Отсюда и происходитъ, что человѣкъ, переходитъ отъ счастія къ несчастію, такъ какъ обстоятельства мѣняются, а онъ не мѣняетъ своего образа дѣйствія.

Государства точно также гибнутъ, если ихъ учрежденія не мѣняются съ обстоятельствами, какъ я въ подробности объяснилъ выше. Но они гибнутъ медленнѣе, потому что для нихъ обстоятельства мѣняются труднѣе, и такъ какъ, чтобы ихъ низвергнуть, нужно, чтобы все государство было потрясено, а одинъ человѣкъ

не можетъ перемѣною своего поведенія произвести такихъ большихъ результатовъ.

Такъ какъ мы привели примѣръ Фабія Максима, съумѣвшаго остановить Аннибала, то я разсмотрю въ слѣдующей главѣ, можетъ ли полководецъ избѣжать битвы, если непріятель во что бы то ни стало хочетъ вступить въ битву съ нимъ.

ГЛАВА X.

Полководецъ не можетъ избѣжать битвы, если противникъ во что бы то ни стало хочетъ принудить его къ сраженію.

Cneius Sulpitius, dictator, adversus Gallos bellum trahebat, nolens se fortunae committere adversus hostem quem tempus deteriorem in dies et locus alienus facerent)*. Если существуетъ какое-нибудь заблужденіе, въ которое впадаютъ всѣ, или по крайней мѣрѣ бóльшая часть людей, то я не думаю, чтобы было дурно часто объяснять имъ это. Поэтому хотя я уже нѣсколько разъ замѣчалъ, какъ рѣзко дѣйствія людей въ настоящее время въ важныхъ обстоятельствахъ отличаются отъ того, что дѣлали древніе, но тѣмъ неменѣе я считаю небезполезнымъ еще разъ обратиться къ этому предмету. Если теперь отклоняются отъ правилъ, принятыхъ въ древности, то это въ особенности въ военномъ искусствѣ, въ которомъ въ настоящее время не держатся ни одного изъ положеній, считавшихся у древнихъ наиболѣе важными.

Это произошло отъ того, что республиканцы и монархъ отдали въ постороннія руки свои войска, чтобы легче избѣгать опасности войны: если теперь иногда какой-нибудь монархъ и беретъ начальство надъ войскомъ, то не должно думать, чтобы это приносило ему болѣе славные результаты: такое рѣшеніе, если только онъ его исполняетъ, есть скорѣе слѣдствіе пустой торжественности, нежели истинной любви къ славѣ. Но эти монархи тѣмъ неменѣе впадаютъ въ меньшія ошибки, видя иногда близко свои войска и удерживая въ своихъ рукахъ всю власть, нежели большая часть республикъ, въ особенности итальянскія, которыя, полагаясь совершенно на чужеземцевъ, не имѣютъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ, и съ другой стороны, желая показать свою власть, хотятъ управлять военными дѣйствіями, и такимъ образомъ дѣлаютъ тысячи ошибокъ. Хотя я уже въ другомъ мѣстѣ указалъ нѣкоторыя изъ нихъ, но здѣсь я еще укажу важнѣйшія.

*) Кней Сульпицій, диктаторъ, когда велъ войну съ Галлами, не желалъ рисковать (сраженіемъ) противъ непріятеля, который въ другомъ мѣстѣ и въ другое время могъ быть гораздо слабѣе.

Когда подобные лѣнивые монархи или изнѣженные республиканцы посылаютъ въ походъ полководца, они считаютъ обыкновенно самымъ разумнымъ запретить ему, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, давать битву, и приказываютъ даже избѣгать всякой самой незначительной ошибки. Они думаютъ этимъ подражать осторожности Фабія Максима, спасшаго Римъ промедленіемъ, не понимая, что бóльшею частью приказаніе это безполезно, если только не опасно, потому что очевидно, что полководецъ, желающій вести войну, не можетъ избѣжать битвы, если непріятель рѣшился принудить его къ сраженію во что бы то ни стало. Дать ему подобное приказаніе, это сказать ему: дай битву не такъ, какъ тебѣ удобнѣе, а какъ удобнѣе непріятелю. Дѣйствительно, если кто хочетъ вести войну и избѣгать битвы, то лучшее средство для этого оставаться отъ непріятеля по крайней мѣрѣ въ разстояніи пятидесяти миль, и сверхъ того имѣть вѣрныхъ шпіоновъ, которые, тщательно извѣщая васъ о приближеніи врага, давали бы вамъ время удалиться. Есть еще другое средство, именно запереться въ городѣ. И то, и другое представляетъ большія опасности: въ первомъ случаѣ вся страна отдается во власть непріятеля, и мужественный монархъ скорѣе согласится рискнуть случайностью битвы, чѣмъ продолжать войну, разоряя своихъ подданныхъ. Во второмъ случаѣ гибель неизбѣжна; если вы заперлись въ городѣ, то непріятель непремѣнно осадитъ васъ, и вскорѣ голодъ прину-

дитъ васъ сдаться. Какъ тотъ, такъ и другой способъ избѣгать битвы представляютъ чрезвычайно большія опасности.

Система, принятая Фабіемъ Максимомъ, держаться на возвышенностяхъ хороша, если армія такъ храбра, что непріятель не рѣшится аттаковать ее въ этой выгодной позиціи. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы Фабій избѣгалъ битвы; онъ хотѣлъ только дать ее при выгодныхъ для него условіяхъ. Еслибъ Аннибалъ аттаковалъ, Фабій не отступилъ бы и принялъ бы битву, но Аннибалъ никогда не рѣшался дать сраженія при условіяхъ, въ которыя ставилъ его противникъ, такъ что Аннибалъ не меньше Фабія избѣгалъ битвы. Но еслибы одинъ изъ нихъ рѣшился во что бы то ни стало дать сраженіе, другому оставалось бы или прибѣгнуть къ одному изъ двухъ средствъ, приведенныхъ выше, или обратиться въ бѣгство.

Справедливость этого мнѣнія доказывается самымъ несомнѣннымъ образомъ множествомъ примѣровъ, и въ особенности войнами римлянъ противъ Филиппа Македонскаго, отца царя Персея. Когда римляне напали на Филиппа, онъ рѣшился избѣгать битвы, и чтобы достигнуть этого, онъ хотѣлъ подражать Фабію; такимъ образомъ онъ расположился со всѣмъ своимъ войскомъ на вершинѣ горы и сильно укрѣпилъ свой лагерь, думая, что римляне никогда не рѣшатся аттаковать его здѣсь. Но они напали на него, и выгнали его изъ этой позиціи. Филиппъ, не имѣя возможности сопротивляться, принужденъ былъ обратиться въ бѣгство съ частью своего войска; его спасло отъ окончательнаго пораженія только то, что свойства страны не позволили римлянамъ преслѣдовать его.

Итакъ Филиппъ не хотѣлъ сражаться, но, расположившись лагеремъ близко отъ римлянъ, онъ принужденъ былъ обратиться въ бѣгство, и это показало ему, что недостаточно держаться на вершинѣ горы, чтобы избѣжать битвы. Съ другой стороны не желая запереться въ стѣнахъ города, онъ рѣшился на послѣдній способъ, именно держаться очень вдалекѣ отъ римлянъ, такъ что какъ только римляне входили въ область, онъ уходилъ въ другую и неожиданно появлялся въ области, только-что оставленной

непріятелемъ. Видя наконецъ, что тянуть такимъ образомъ войну значитъ только ухудшать свое положеніе и что подданные его одинаково страдали и отъ него, и отъ непріятеля, онъ рѣшился на битву, и вступилъ съ римлянами въ открытое сраженіе.

Итакъ мы видимъ, что выгодно не вступать въ битву, когда войска представляютъ такія выгодныя условія, какъ у Фабія и у Кнея Сульпиція, т. е. когда ваше войско мужественно и дисциплинировано, и непріятель не рѣшится аттаковать васъ въ сильныхъ позиціяхъ, которыя вы занимаете, или когда вашъ противникъ, едва вступивъ въ вашу страну, тотчасъ же терпитъ недостатокъ припасовъ. Въ этомъ случаѣ только подобная система можетъ быть полезна, какъ это доказываетъ Титъ Ливій: *Nolens se fortunae committere adversus hostem quem tempus deteriorem in dies et locus alienus facerent*. Но во всякомъ другомъ положеніи избѣгать битвы такъ же гибельно, какъ и постыдно. И дѣйствительно, бѣжать какъ Филиппъ значитъ признавать себя побѣжденнымъ, и это тѣмъ позорнѣе, чѣмъ меньше полководецъ далъ доказательствъ своего мужества. Если Филиппу и удалось спастись, то другой, которому страна не представила бы такихъ выгодъ, не былъ бы такъ счастливъ.

Никто не станетъ отрицать, что Аннибалъ былъ великій полководецъ, и когда онъ пошелъ въ Африку навстрѣчу Сципіону, чтобы остановить того, еслибы онъ находилъ сколько-нибудь выгоднымъ продолжать войну, безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы это, и, можетъ быть, будучи такимъ искуснымъ полководцемъ, онъ точно также успѣлъ бы, какъ и Фабій въ Италіи, и если онъ не принялъ этой системы, то надо думать, что онъ имѣлъ на это какую-нибудь важную причину. Дѣйствительно, если полководецъ собралъ войско, но, по недостатку денегъ или союзниковъ, видитъ, что не можетъ еще долго удерживать ее, то съ его стороны было бы безумнымъ не испытать счастья прежде чѣмъ армія его не разсѣется, потому что, промедляя, онъ подвергается важной опасности потерять то, что побѣда могла бы ему доставить. Сверхъ того здѣсь столь же важно еще то обстоятельство, что полководецъ, рискуя даже погибнуть, долженъ стараться пріобрѣсти славу;

но славнѣе уступить силѣ, чѣмъ погибнуть отъ чего-нибудь другаго. Рѣшеніе Аннибала было принято именно вслѣдствіе этого важнаго соображенія.

Съ другой стороны еслибы Аннибалъ избѣгалъ битвы и Сципіонъ не осмѣлился бы аттаковать его въ укрѣпленномъ лагерѣ, послѣднему нечего было бояться недостатка припасовъ. Онъ уже побѣдилъ Сифакса, и завоеванія его въ Африкѣ были уже такъ обширны, что онъ могъ оставаться здѣсь въ такой же безопасности и съ такими же средствами, какъ и въ самой Италіи. Положеніе Аннибала относительно Фабія и — Галловъ относительно Сульпиція были совершенно другія.

Полководецъ, вступающій въ непріятельскую землю, еще менѣе можетъ избѣжать битвы. Если онъ хочетъ проникнуть въ область, то, въ случаѣ, если непріятель пойдетъ къ нему навстрѣчу, ему неизбѣжно должно будетъ вступить въ бой, а если онъ станетъ осаждать какой-нибудь городъ, то тѣмъ болѣе подвергается необходимости вступить въ сраженіе. Такъ случилось въ послѣднее время съ Карломъ, герцогомъ бургундскимъ: онъ осадилъ швейцарскій городъ Муртенъ; швейцарцы аттаковали и разбили его; подобное же несчастіе случилось и съ французской арміей во время осады Навары, когда она точно также была разбита швейцарцами.

ГЛАВА XI.

Полководецъ, принужденный бороться съ нѣсколькими противниками, побѣждаетъ, несмотря на свою слабость, если только онъ можетъ выдержать первый напоръ.

Власть народныхъ трибуновъ въ Римѣ была очень велика, но это было необходимо, какъ мы уже нѣсколько разъ говорили. Какъ же можно было бы безъ нея обуздать честолюбіе патриціевъ, которое развратило бы республику гораздо раньше того

времени, когда она стала дѣйствительно клониться къ упадку? Но такъ какъ каждое учрежденіе, какъ я уже говорилъ, заключаетъ въ себѣ какое-нибудь свойственное ему зло, порождающее новыя случайности, то необходимо прибѣгать къ новымъ мѣрамъ. Трибуны, возгордившись своей властью, сдѣлались опасными для патриціевъ и для всѣхъ гражданъ Рима, и это могло бы повести къ чему-нибудь гибельному для свободы, еслибы Аппій Клавдій не показалъ, какимъ средствомъ можно защищаться отъ честолюбія трибуновъ. Такъ какъ между ними всегда находился какой-нибудь слабый и подкупный человѣкъ, или, напротивъ, преданный общественному благу, то ему внушали мысль противиться волѣ остальныхъ трибуновъ каждый разъ, когда тѣ хотѣли вести какое-нибудь предложеніе, несогласное съ желаніемъ сената. Это средство чрезвычайно ограничивало власть трибуновъ и долгое время было очень полезно республикѣ. Это привело меня къ мысли, что всякій разъ, когда нѣсколько сильныхъ людей соединяются противъ одного тоже сильнаго, то, хотя соединенныя силы ихъ больше силъ ихъ противника, должно однако больше надѣяться на послѣдняго, хотя и менѣе сильнаго, нежели на остальныхъ, хотя и чрезвычайно сильныхъ. Не говоря уже о безконечномъ множествѣ средствъ, которыми можетъ пользоваться только одиночный человѣкъ, всегда случается, что ему будетъ легко при нѣкоторой ловкости посѣять несогласіе между своими противниками и ослабить ихъ столь сильную, повидимому, партію. Я не приведу примѣровъ этого изъ древности, хотя въ нихъ не было бы недостатка, а ограничусь только нѣсколькими примѣрами, взятыми изъ настоящаго времени.

Въ 1484 году вся Италія соединилась противъ Венеціи, Венеціанцы уже были близки къ гибели, и войско ихъ не могло продолжать войны, когда они подкупили синьора Людовика, управлявшаго Миланомъ, и по трактату, заключенному вслѣдствіе этого подкупа, нетолько получили обратно всѣ потерянные ими города, но могли еще захватить часть Ферарскаго герцогства: такимъ образомъ разорившись отъ войны, они увеличили свои владѣнія вслѣдствіе мира.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вся Европа соединилась противъ Франціи; тѣмъ неменѣе еще до окончанія войны Испанія оставила своихъ союзниковъ и заключила съ Франціею трактатъ, такъ что вскорѣ и остальные союзники въ свою очередь были принуждены заключить миръ.

Такимъ образомъ всякій разъ, когда нѣсколько враговъ соединятся противъ одного, вы можете несомнѣнно думать, что побѣдитъ послѣдній, лишь бы только онъ былъ достаточно силенъ, чтобы выдержать первое нападеніе, и имѣлъ возможность выждать наиболѣе удобнаго для себя времени, потому что въ противномъ случаѣ онъ подвергается большой опасности, какъ это случилось съ Венеціанцами въ 1508 году. Еслибы они могли медлить съ французской арміей и имѣть время склонить на свою сторону кого-нибудь вступившихъ въ союзъ противъ нихъ, то избѣгли бы постигшихъ ихъ несчастій. Но войско ихъ было слишкомъ слабо, чтобы остановить враговъ, и поэтому, не успѣвъ поселить несогласіе между соперниками, они потерпѣли пораженіе. Дѣйствительно, папа, получивъ обратно принадлежащее ему, тотчасъ же заключилъ съ ними миръ; точно такъ же поступилъ и Испанскій король: они даже охотно сохранили бы, еслибы могли, Венеціи Ломбардію, и не дали бы Франціи овладѣть ею, чтобы не дать этому государству усилить свою власть въ Италіи. Венеціанцы могли такимъ образомъ уступить часть своихъ владѣній, чтобы сохранить остальныя, и это былъ бы очень благоразумный поступокъ, еслибы они сдѣлали его вовремя, какъ бы не вынужденные необходимостью, и даже раньше начала военныхъ дѣйствій; но когда война уже открылась, этотъ образъ дѣйствія былъ постыденъ и не принесъ имъ даже никакой выгоды. Но до начала войны очень немногіе въ Венеціи предвидѣли опасность, грозившую республикѣ; слишкомъ немногіе видѣли средства отвратить ее, и никто не былъ способенъ посовѣтовать прибѣгнуть къ этому средству.

Возвращаясь къ моему предмету, я кончу замѣчаніемъ, что какъ римскій сенатъ нашелъ въ большомъ числѣ трибуновъ средство противъ ихъ честолюбія, точно такъ же каждое правительство, противъ котораго соединятся нѣсколько враговъ, восторжествуетъ

надъ ними, если оно съумѣетъ искусно поселить между ними несогласіе.

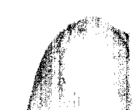
ГЛАВА XII.

Умный полководецъ долженъ ставить своихъ солдатъ въ необходимость сражаться и доставлять своимъ противникамъ возможность избѣгать сраженій.

Я говорилъ уже нѣсколько разъ о полезномъ вліяніи необходимости на поступки людей, и о томъ, какъ часто необходимость поднимала ихъ на вершину славы; я сказалъ, что философы-моралисты писали, что рука и языкъ человѣка, эти два благороднѣйшія орудія его славы, которыя подняли памятники человѣческой мудрости до степени величія и совершенства, гдѣ мы видимъ ихъ теперь, получили бы самые несовершенные результаты, еслибы не были побуждаемы необходимостью.

Древніе полководцы, убѣжденные въ силѣ необходимости и въ томъ, до какой степени увеличиваетъ она въ сраженіяхъ храбрость войска, употребляли всѣ силы своего ума, чтобы заставить воиновъ повиноваться ей. Но съ другой стороны они также тщательно старались избавить отъ нея своихъ противниковъ. Поэтому имъ случалось открывать врагу дороги, которыя они могли закрыть ему, и закрывать своимъ воинамъ пути, которые были открыты имъ. Такимъ образомъ тотъ, кто желаетъ заставить городъ защищаться съ упорствомъ или армію сражаться со всею храбростью въ открытомъ полѣ, долженъ главнымъ образомъ употреблять всѣ усилія, чтобы сердца воиновъ, готовящихся къ бою, прониклись этой необходимостью.

Слѣдовательно искусный полководецъ, которому было бы поручено завладѣть городомъ, долженъ измѣрять, насколько легко или

трудно одержать верхъ, бóльшею или меньшею необходимостью противниковъ защищаться. Если онъ знаетъ, что городъ имѣетъ важныя причины отстаивать себя, онъ долженъ ожидать, что встрѣтитъ въ своей аттакѣ большія препятствія; въ противномъ случаѣ онъ не можетъ встрѣтить жаркаго сопротивленія. Поэтому извѣстно, что возмутившіеся города сдаются труднѣе, чѣмъ тѣ, которые осаждаются первый разъ; потому что не опасаясь вначалѣ наказанія, они подчиняются легко, но когда они возмутились имъ кажется, что они виновны и слѣдовательно будутъ наказаны, и покорить ихъ тогда бываетъ гораздо труднѣе.

Подобное упорство можетъ проистекать еще отъ естественной ненависти, которую чувствуютъ другъ къ другу сосѣднія монархіи и республики и которая происходитъ изъ желанія первенствовать или изъ зависти, возбуждаемой другъ другомъ; что бываетъ особенно между республиками и примѣромъ чему служитъ Тоскана. Эти царствующія между республиками зависть и ненависть будутъ всегда служить препятствіемъ къ подчиненію ихъ другъ другомъ. Однако если взглянуть внимательно, каковы сосѣди Флоренціи и каковы Венеціи, то нечему удивляться, какъ это дѣлаютъ многіе, что Флоренція выиграла менѣе Венеціи, несмотря на бóльшія военныя издержки; это произошло оттого, что города, окружающіе Венецію, защищались съ мéньшимъ упорствомъ, чѣмъ города, завоеванные Флоренціей. Сосѣдніе города Венеціи, привыкшіе къ правленію монарха, не знали свободы, а народамъ, привыкшимъ къ покорству, не трудно мѣнять государей; часто они даже желаютъ этого. Такимъ образомъ Венеція, несмотря на то, что сосѣди ея были гораздо могущественнѣе сосѣдей Флоренціи, могла покорить ихъ гораздо легче, чѣмъ эта послѣдняя, окруженная со всѣхъ сторонъ независимыми городами.

Я возвращаюсь къ моей первой мысли. Такимъ образомъ полководецъ, который осаждаетъ крѣпость, долженъ употребить всѣ усилія, чтобы избавить осажденныхъ отъ необходимости защищаться и, такимъ образомъ, убить въ нихъ желаніе упорнаго сопротивленія, или обѣщая имъ помилованіе, если они боятся кары, или, если они опасаются за свою свободу, увѣряя ихъ, что

онъ сражается не противъ общественнаго спокойствія, но лишь противъ небольшаго числа честолюбцевъ, которые желаютъ подчинить ихъ себѣ. Вотъ что такъ часто облегчало взятіе города. Хотя обманчивость этихъ обѣщаній очевидна для всѣхъ, въ особенности же для людей благоразумныхъ, но тѣмъ неменѣе народъ легко поддается на нихъ, и, желая скорѣйшаго спокойствія, закрываетъ глаза на обманъ, который кроется подъ этими щедрыми обѣщаніями. Подобнымъ образомъ попали подъ иго множество городовъ: такова была въ наше время судьба Флоренціи; такова же была судьба Красса и его арміи: хотя онъ и былъ убѣжденъ въ вѣроломствѣ Пароянъ, которые дѣлали его солдатамъ обѣщанія только съ цѣлью лишить ихъ необходимости защищаться, но ему никакъ не удавалось заставить ихъ пожелать сраженія, до такой степени были они ослѣплены предложеніями мира, которыя дѣлалъ имъ непріятель, какъ это видно изъ чтенія жизнеописанія Красса.

Самниты, подстрекаемые честолюбіемъ небольшаго числа своихъ согражданъ, нарушили только-что заключенный ими договоръ и, разсыпавшись по союзнымъ съ Римлянами землямъ, предали ихъ грабежу; однако вскорѣ они послали въ Римъ пословъ, прося мира и предлагая возвратить все разграбленное и выдать зачинщиковъ мятежа и грабежа: предложенія ихъ были отвергнуты и они возвратились въ Самніумъ безъ надежды на примиреніе. Клавдій Понтій, который командовалъ тогда арміей Самнитовъ, объяснилъ имъ въ замѣчательной рѣчи, что Римляне хотятъ войны во что бы то ни стало, и поэтому какъ бы они, Самниты, ни желали мира, имъ надо покориться необходимости, которая заставляетъ ихъ сражаться. Вотъ его слова: *Justum est bellum, quibus est necessarium; et pia arma, quibus nisi in armis spes est* *). На этой-то неизбѣжности основывали онъ и армія его надежду на побѣду.

Но, чтобы не возвращаться болѣе къ этому предмету, я долженъ привести нѣсколько примѣровъ, которые показались мнѣ наиболѣе замѣчательны въ римской исторіи.

---

*) Война справедлива для тѣхъ, для кого она необходима, и оружіе почтенно, когда нѣтъ надежды на спасеніе безъ его помощи.

Кай Манилій отправился со своей арміей навстрѣчу жителямъ города Вейй; часть непріятельской арміи проникла въ его укрѣпленія и Манилій поспѣшилъ прійти съ отборнымъ отрядомъ, а чтобъ лишить жителей ихъ всякой надежды на спасеніе, онъ закрылъ имъ всѣ выходы изъ лагеря. Непріятель, увидя себя такимъ образомъ запертымъ, дрался съ храбростью отчаянія, убилъ самого Манилія и совершенно уничтожилъ бы остатокъ римской арміи, еслибъ одинъ догадливый трибунъ не открылъ прохода. Примѣръ этотъ доказываетъ, что до тѣхъ поръ пока необходимость заставляла драться жителей города Вейй, они сражались съ ожесточеніемъ; но какъ скоро они увидѣли свободный проходъ, они заботились гораздо болѣе о бѣгствѣ, чѣмъ о сраженіи.

Вольски и Эквы отправили свои арміи на римскія земли. Римляне послали консуловъ, чтобъ противиться ихъ вторженію. Во время сраженія армія Вольсковъ, бывшая подъ предводительствомъ Ветія Мессія, была неожиданно заперта въ своихъ укрѣпленіяхъ, уже занятыхъ римлянами и второй консульской арміей. Видя, что ему остается или умереть или проложить себѣ дорогу желѣзомъ, Ветій обратился къ своимъ воинамъ съ слѣдующей рѣчью: *Ite mecum; non murus, nec vallum, sed armati armatis obstant: virtute pares, necessitate, quae ultimum ac maximum telum est, superiores estis* *).

Такимъ образомъ самъ Титъ Ливій называетъ эту необходимость: *ultimum ac maximum telum*.

Камиллъ, самый опытный полководецъ, какого когда-либо имѣлъ Римъ, проникъ со своей арміею въ городъ Вейи; чтобъ облегчить его взятіе и лишить непріятеля всякой необходимости продолжать защищаться, онъ приказалъ объявить, такъ чтобъ всѣ слышали это, что запрещаетъ дѣлать малѣйшее зло всѣмъ безоружнымъ; послѣ чего жители поспѣшили побросать свои вооруженія, и городъ былъ взятъ можно сказать безъ пролитія крови. Впослѣдствіи многіе полководцы брали себѣ за образецъ этотъ поступокъ.

*) Идите со мной. Вооруженнымъ силамъ должны противодѣйствовать не стѣны и насыпи, но вооруженныя же силы. Необходимость, равняющаяся доблести, даетъ вамъ перевѣсъ; необходимость—это ваше послѣднее и величайшее оружіе.

ГЛАВА XIII.

Что должно внушать бо́льшую безопасность, — хорошій ли полководецъ, который предводительствуетъ не довольно храброй арміей, или мужественная армія, командуемая слабымъ полководцемъ.

Коріоланъ, изгнанный отъ Рима, нашелъ себѣ убѣжище у Вольсковъ: составивъ себѣ изъ нихъ армію, чтобъ отомстить своимъ согражданамъ, онъ явился осаждать Римъ, откуда его удалило скорѣе уваженіе къ матери, чѣмъ силы римлянъ.

Титъ Ливій приводитъ этотъ примѣръ какъ доказательство, что Римская республика обязана своимъ величіемъ несравненно болѣе искусству полководцевъ, чѣмъ храбрости воиновъ; притомъ онъ замѣчаетъ, что Вольски, бывшіе до тѣхъ поръ побѣждаемы, становятся побѣдителями, какъ только получили въ предводители Коріолана.

Хотя Титъ Ливій высказываетъ это мнѣніе, но изъ его исторіи видно, что римскія арміи, лишенныя предводителя, неоднократно давали блистательныя доказательства своего мужества, и что онѣ обнаруживали болѣе дисциплины и храбрости послѣ смерти консуловъ, чѣмъ при ихъ жизни, какъ это видно изъ поведенія римской арміи въ Испаніи подъ предводительствомъ Сципіоновъ. Когда эти два полководца были убиты, армія, благодаря единственно своему мужеству, съумѣла нетолько отступить, но разбить непріятеля и удержать за республикой эту важную провинцію.

Если прослѣдить внимательно рядъ этихъ фактовъ, то можно найти множество примѣровъ, когда побѣда одерживалась только благодаря храбрости воиновъ, точно также какъ во множествѣ другихъ случаевъ она бывала слѣдствіемъ искусства полководца;

такимъ образомъ очевидно, что армія и предводитель ея взаимно нуждаются другъ въ другѣ.

Прежде всего надо разобрать, чего слѣдуетъ болѣе опасаться,— хорошей ли арміи, дурно руководимой, или дурной арміи съ хорошимъ полководцемъ. Еслибъ придерживаться на этотъ счетъ мнѣнія Цезаря, то нельзя отдать преимущества ни тому ни другому, потому что когда онъ отправился въ Испанію сражаться съ Афраніемъ и Петреемъ, которые предводительствовали арміей, полной мужества, то онъ говоритъ, что не придавалъ этому никакого значенія: *Quia ibat ad exercitum sine duce**), желая показать этими словами неспособность полководцевъ. Когда же, напротивъ, онъ отправился въ Ѳессалію, для сопротивленія Помпею, онъ говоритъ: *Vado ad ducem sine exercitu* **).

Можно разобрать еще одинъ вопросъ. Легче ли хорошему полководцу создать хорошую армію, чѣмъ хорошей арміи создать хорошаго полководца? На это я отвѣчу, что вопросъ этотъ можетъ, кажется, считаться рѣшеннымъ; потому что вѣроятно, что цѣлому отряду храбрецовъ легче найти средство сдѣлать искуснымъ одного человѣка, или внушить ему мужество, чѣмъ одному человѣку передѣлать толпу.

Лукуллъ былъ совершенно неопытенъ въ военномъ дѣлѣ, когда его послали противъ Митридата; но несмотря на это храбрая армія, которая была ему поручена и имѣла у себя столько закаленныхъ въ бою начальниковъ, скоро сдѣлала изъ него славнаго полководца.

Съ другой стороны, Римляне, за неимѣніемъ свободныхъ людей, были принуждены вооружить значительное число рабовъ, обученіе которыхъ они поручили Симпронію Гракху, который въ непродолжительное время сдѣлалъ изъ нихъ превосходную армію. Эпаминондъ и Пелопидъ, освободивъ свое отечество Ѳивы отъ ига Лакедемонцевъ, сдѣлали скоро изъ Ѳивскихъ крестьянъ—воиновъ, полныхъ мужества и способныхъ сопротивляться спартанскимъ войскамъ и даже одерживать надъ ними побѣды.

*) Такъ какъ шелъ противъ арміи безъ вождя.
**) Иду противъ вождя безъ войска.

Казалось бы въ обоихъ случаяхъ долженъ быть равный успѣхъ, такъ какъ хорошее должно найти хорошее. Однако славная армія безъ хорошаго начальника становится опасною и своевольною, какъ это случилось съ арміею Македонянъ послѣ смерти Александра и каковыми дѣлались ветераны въ междоусобныхъ войнахъ.

Такимъ образомъ я убѣжденъ, что можно надѣяться несравненно болѣе на полководца, который имѣлъ бы время обучить своихъ солдатъ и возможность вооружить ихъ, чѣмъ на недисциплинированную армію, которая выбрала бы себѣ предводителя посредствомъ мятежа. Поэтому полководцы, которые побѣждали непріятеля и были еще принуждены формировать для этого армію и подчинять ее дисциплинѣ, заслуживаютъ двойную славу и похвалу. Этимъ они показали двойной талантъ. Примѣры этому тѣмъ болѣе рѣдки и затруднительны, что еслибъ такая задача представилась многимъ знаменитымъ полководцамъ, то лишь немногіе изъ нихъ были бы достойны своей репутаціи.

ГЛАВА XIV.

Дѣйствія, которыя производятъ новыя изобрѣтенія, являющіяся среди битвы, и слова, произносимыя во время сраженія.

Тысячи примѣровъ показываютъ, какое значеніе можетъ имѣть во время мятежа или сраженія новый случай, происходящій вслѣдствіе неожиданнаго слова или происшествія. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представляетъ случай во время сраженія, даннаго Римлянами Вольскамъ, когда консулъ Квинтій, замѣтивъ, что одно крыло его арміи слабѣетъ, началъ кричать, чтобъ оно держалось, потому что другое крыло побѣждало. Слова эти придали его войску мужество, напугали непріятеля и обезпечили побѣду.

Если подобныя слова имѣютъ такое вліяніе на хорошо дисциплинированную армію, то они тѣмъ болѣе могущественны относительно войска безъ порядка и дисциплины, которое всегда легко увлекается подобнымъ вихремъ! Я привожу здѣсь замѣчательный примѣръ изъ нашего времени.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ городъ Перузія раздѣлялся на партію Одди и партію Баліони; послѣдніе торжествовали, первые были въ изгнаніи. Одди, собравъ армію на помощь своимъ друзьямъ, собрались близъ Перузіи въ принадлежавшемъ имъ мѣстечкѣ; благодаря нѣкоторымъ отношеніямъ, которыя они сохранили въ городѣ, имъ удалось проникнуть туда ночью и они были уже на пути овладѣть городскою площадью не будучи замѣченными. Такъ какъ входы во всѣ улицы завѣшены желѣзными цѣпями, загораживающими ихъ, то во главѣ войска Одди шелъ человѣкъ, разбивавшій желѣзною булавою замки этихъ цѣпей, чтобы открыть входъ кавалеріи; оставался только замокъ цѣпи, загораживавшей входъ на площадь, и народъ уже былъ призванъ къ оружію; но человѣкъ, разбивавшій цѣпи, стѣсненный бросившеюся за нимъ толпою, и не имѣя возможности размахнуться свободно, крикнулъ, чтобъ имѣть больше мѣста: «*отодвиньтесь же назадъ!*» Одно это слово *назадъ*, переходя изъ ряда въ рядъ, обратило въ бѣгство стоявшихъ позади, и понемногу всѣмъ войскомъ овладѣлъ такой паническій страхъ, что оно разсѣялось само собою въ величайшемъ безпорядкѣ. Это ничтожное обстоятельство уничтожило весь планъ Одди.

Отсюда видно, что въ арміи необходимъ порядокъ нетолько чтобъ сражаться безъ замѣшательства, но также чтобъ малѣйшая случайность не разстраивала ее. По этой только причинѣ народныя толпы совершенно безполезны въ войскѣ, гдѣ достаточно малѣйшаго безпорядка, одного слова, легкаго шума, чтобы испугать ихъ и обратить въ бѣгство. Поэтому искусный полководецъ въ числѣ прочихъ принимаемыхъ имъ мѣръ, долженъ опредѣлить, кто будетъ разносить его приказанія другимъ частямъ арміи; онъ долженъ пріучить свои войска вѣрить только тому, что имъ говорятъ начальники, пріученные въ свою очередь только повторять

данныя имъ приказанія. Если это не исполнено въ точности, то въ войскѣ могутъ произойти самые гибельные безпорядки.

Что же касается появленія странныхъ предметовъ, то искусный полководецъ долженъ стараться всѣми силами произвести подобное появленіе во время битвы, чтобы внушить мужество своимъ войскамъ и уничтожить его въ сердцѣ непріятелей; изъ всѣхъ способовъ одерживать побѣду это одинъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ. По этому поводу можно привести примѣръ диктатора Кая Сульпиція. Въ минуту начала битвы съ Галлами онъ велѣлъ вооружить всѣхъ слугъ и ненужныхъ людей арміи, посадить ихъ на муловъ и другихъ вьючныхъ животныхъ, и далъ имъ оружіе и знамена, такъ, чтобъ ихъ можно было принять за регулярную кавалерію. Онъ помѣстилъ ихъ за холмомъ, приказавъ имъ въ самомъ разгарѣ битвы по данному имъ знаку показаться непріятелю: эта хитрость, исполненная успѣшно, навела на Галловъ такой ужасъ, что они проиграли битву.

Итакъ искусный полководецъ долженъ обратить вниманіе на два обстоятельства: вопервыхъ внушить какимъ-нибудь новымъ изобрѣтеніемъ ужасъ непріятелю, а вовторыхъ быть на-сторожѣ противъ всякихъ хитростей, которыя непріятель можетъ употребить противъ него, и сдѣлать ихъ безполезными. Такъ поступилъ индійскій царь противъ Семирамиды. Эта царица, видя, что непріятель имѣетъ множество слоновъ, чтобы испугать его и показать ему, что и у нея ихъ не меньше, велѣла сдѣлать нѣсколько чучелъ изъ коровьихъ и буйловыхъ шкуръ, надѣла ихъ на верблюдовъ и повела ихъ впередъ; но царь открылъ эту хитрость, которая, оказавшись такимъ образомъ безполезною для Семирамиды, обратилась даже противъ нея.

Мамеркъ былъ назначенъ диктаторомъ противъ Фиденатовъ. Этотъ народъ, чтобы поселить ужасъ въ римскомъ войскѣ, распорядился, чтобъ въ разгарѣ битвы изъ Фидеи вышелъ отрядъ воиновъ съ горящими головнями на концахъ копій, въ надеждѣ, что Римляне, удивленные этимъ, придутъ въ безпорядокъ и обратятся въ бѣгство.

Здѣсь надо еще замѣтить, что чѣмъ болѣе эти хитрости по-

хожи на дѣйствительность, тѣмъ съ большею увѣренностью можно употреблять ихъ. Такъ какъ у нихъ есть, такъ сказать, прочное основаніе, то съ перваго взгляда нельзя замѣтить ихъ слабости; но если онѣ больше кажущіяся, нежели дѣйствительныя, то лучше или совсѣмъ не употреблять ихъ, или по крайней мѣрѣ держать ихъ настолько вдалекѣ, чтобы непріятель не могъ замѣтить обмана, какъ это сдѣлалъ Кай Сульпицій, вооружая слугъ. Дѣйствительно, если эти хитрости заключаютъ только пустой призракъ, то онъ вскорѣ бросится всѣмъ въ глаза, какъ это доказываетъ случай Семирамиды съ ея слонами и Фиденатовъ съ ихъ огнями. Римляне, дѣйствительно, вначалѣ нѣсколько смѣшались, но диктаторъ поспѣшилъ къ нимъ и сказалъ, что не стыдно ли имъ, какъ пчеламъ, бѣжать отъ дыма, и заставилъ ихъ идти противъ непріятеля, воскликнувъ: *Suis flammis delete Fidenas, quas vestris beneficiis placare non potuistis* *). Итакъ эта придуманная Фиденатами хитрость ни къ чему не послужила имъ, и они въ этой битвѣ потерпѣли пораженіе.

ГЛАВА XV.

Войско должно повиноваться только одному полководцу, а не нѣсколькимъ, и многочисленность начальниковъ опасна.

Фиденаты возмутились и перерѣзали колонистовъ, посланныхъ Римлянами въ Фидены. Римляне для отмщенія за это назначили четырехъ трибуновъ съ консульскою властью; одинъ изъ нихъ былъ оставленъ въ городѣ для его защиты, а трое остальныхъ были посланы противъ Фиденатовъ и Вейянъ. Но такъ какъ между этими трибунами были постоянные раздоры, то эта экспедиція кончилась безславно, и только мужество войска спасло ихъ отъ несчастія.

*) Истребите Фиденатовъ ихъ же огнемъ, такъ какъ вы не могли ихъ укротить своими благодѣяніями.

Римляне, понявъ свою ошибку, выбрали диктатора, чтобы присутствіе одного начальника возстановило порядокъ, разстроенный тремя трибунами. Этотъ примѣръ показываетъ безполезность нѣсколькихъ начальниковъ въ арміи или въ городѣ, принужденныхъ защищаться, а Титъ Ливій ясно высказываетъ свое мнѣніе по этому предмету, говоря: *Tres tribuni potestate consulari documento fuere quam plurium imperium bello inutile esset; tendendo ad sua quisque consilia, cum alii aliud videretur, aperuerunt ad occasionem locum hosti* *).

Хотя этотъ фактъ ясно показываетъ неудобство, происходящее отъ многочисленности начальниковъ, но я приведу здѣсь еще нѣсколько примѣровъ, взятыхъ какъ изъ древности, такъ и изъ новѣйшихъ временъ, чтобы еще яснѣе доказать это.

Въ 1500 году французскій король, Людовикъ XII, снова завоевавъ Миланъ, послалъ часть своего войска въ Пизу возвратить этотъ городъ Флорентинцамъ, которые съ своей стороны назначили коммиссарами Джіованбатиста Ридольфи и Люка дельи Альбицци, сына Антоніо. Джіованбатистъ пользовался большой извѣстностью и имѣлъ большую опытность въ дѣлахъ, и потому Люка предоставилъ ему все управленіе. Не выказывая открыто своего честолюбія сопротивленіемъ своему товарищу, онъ выражалъ его молчаніемъ и безпечностью и отвращеніемъ отъ занятія дѣлами, такъ что онъ нетолько не управлялъ военными дѣйствіями, ни совѣтами, ни дѣлами, но казался даже человѣкомъ совершенно неспособнымъ. Но вскорѣ онъ доказалъ противное; Джіованбатистъ принужденъ былъ по одному случаю возвратиться во Флоренцію, и Люка, оставшись одинъ управлять дѣлами, своимъ мужествомъ, искусствомъ и совѣтами выказалъ себя человѣкомъ

*) Консульская власть трехъ трибуновъ служитъ доказательствомъ, какъ для войны безполезна власть многихъ. Когда каждый старался доставить преосходство своему мнѣнію, когда другому казалось справедливымъ иное, то этимъ они только доставляли возможность счастливыхъ случайностей для непріятеля.

чрезвычайно способнымъ; между тѣмъ всѣ его достоинства оставались совершенно безполезными республикѣ, пока онъ не одинъ управлялъ дѣлами.

Я снова приведу еще слова Тита Ливія. Онъ говоритъ, что когда Римляне послали противъ Экововъ Квинція и Агриппу, послѣдній потребовалъ, чтобы все веденіе войны было поручено Квинцію,—и прибавляетъ: *Saluberrimum in administratione magnarum rerum est summam imperii apud unum esse* *).

Наша республика и монархи поступаютъ обратно: они обыкновенно посылаютъ для управленія дѣлами нѣсколькихъ коммиссаровъ или нѣсколькихъ генераловъ, не понимая, какіе важные безпорядки происходятъ отъ этого. Еслибы кто хотѣлъ изслѣдовать причины гибели столькихъ итальянскихъ и французскихъ армій въ послѣднее время, то онъ навѣрно убѣдился бы, что это обыкновеніе было важнѣйшее.

Скажемъ въ-заключеніе, что менѣе опасно поручать важную экспедицію одному человѣку, хотя и не особенно способному, нежели двоимъ, хотя бы и очень способнымъ, но имѣющимъ одинаковую власть.

ГЛАВА XVI.

Въ трудныя времена прибѣгаютъ къ истинному достоинству; когда же все спокойно, то обыкновенно предпочитаютъ не доблестныхъ людей, а отличающихся богатствомъ или связями.

Всегда было и будетъ, что люди, замѣчательные своими доблестями и блистающіе въ республикѣ, забываются въ спокойное время; зависть, сопровождающая извѣстность, заслуженную

*) Въ важныхъ предпріятіяхъ спасительнѣйшимъ средствомъ служитъ, если все количество власти сосредоточивается въ рукахъ одного человѣка.

ими ихъ высокими достоинствами, возбуждаетъ противъ нихъ множество гражданъ, считающихъ себя нетолько равными имъ, но даже выше ихъ. Греческій историкъ Ѳукидидъ разсказываетъ объ этомъ предметѣ замѣчательный случай. Аѳинская республика, послѣ окончанія въ ея пользу Пелопонезской войны, унизивъ гордость Спарты и подчинивъ себѣ почти всю Грецію, сдѣлалась столь могущественною, что вознамѣрилась овладѣть Сициліей. Это предпріятіе было обсуждаемо въ народномъ собраніи: Алкивіадъ и нѣкоторые другіе граждане хотѣли, чтобъ оно состоялось; но ими руководило не желаніе общественнаго блага, а личное честолюбіе, такъ какъ они надѣялись получить начальство. Никій, самый знаменитый аѳинскій гражданинъ этого времени, желая отвратить народъ отъ этого плана, въ своей рѣчи привелъ, какъ самое убѣдительное доказательство, то, что даваемый имъ совѣтъ не начинать этой войны противорѣчитъ его собственной, Никія, выгодѣ, потому что въ мирное время въ Аѳинахъ множество гражданъ считали себя выше его, но онъ былъ убѣжденъ, что если война начнется, то никто не станетъ нетолько выше его, но даже и наравнѣ съ нимъ.

Отсюда видно, что одинъ изъ недостатковъ народнаго правительства состоитъ въ томъ, что оно пренебрегаетъ въ мирное время достойными людьми. Это пренебреженіе вдвойнѣ оскорбляетъ ихъ: вопервыхъ потому, что они лишаются заслуженнаго мѣста, а вовторыхъ потому, что людей презрѣнныхъ или менѣе способныхъ ставитъ равными имъ и даже выше ихъ. Это злоупотребленіе было для республики постоянно источникомъ безпорядковъ, потому что граждане, думающіе, что республика несправедлива къ нимъ, и очень хорошо зная, что это пренебреженіе происходитъ только отъ мира и спокойствія, стараются произвести безпорядки и новыя войны, несогласныя съ интересами республики.

Есть два средства предупредить это обстоятельство: или удерживать всѣхъ гражданъ въ бѣдности, чтобы богатство безъ доблестей не могло никого прельстить; или направлять всѣ учрежденія къ войнѣ, чтобы быть всегда готовымъ къ ней, и постоянно чувствовать потребность въ полезныхъ людяхъ, какъ это дѣлалъ

Римъ въ первое время своего существованія. Обычай имѣть всегда армію въ дѣлѣ постоянно открываетъ поле дѣйствія мужеству гражданъ; приэтомъ никогда нельзя отнять отъ одного заслуженнаго имъ мѣста, чтобы дать его другому, недостойному; еслибы это и было сдѣлано, по ошибкѣ ли, или чтобы сдѣлать опытъ, то республика впала бы скоро въ такіе безпорядки и опасности, что тотчасъ же поспѣшила бы возвратиться на истинный путь.

Но республики, имѣющія другой духъ и ведущія войну только тогда, когда принуждены къ этому, не могутъ избѣжать этого неудобства; онѣ, напротивъ того, стремятся къ нему, и если достойный гражданинъ, къ которому государство несправедливо, мстителенъ или имѣетъ большія связи и вліяніе, то въ республикѣ будутъ постоянно происходить смуты. Римъ долго не впадалъ въ эту ошибку, но, побѣдивъ Кароагенъ и Антіоха и не видя болѣе никакой опасности въ войнѣ, онъ тоже счелъ возможнымъ поручать начальство надъ войскомъ каждому, кто его добивался, руководствуясь приэтомъ не столько мужествомъ его, сколько другими качествами, которыми онъ могъ снискать народную любовь. Павелъ Эмилій нѣсколько разъ искалъ консульства, и ему всегда отказывали; но только-что началась македонская война, онъ былъ выбранъ единогласно и начальство надъ войскомъ было поручено ему съ общаго согласія, потому что война эта казалась очень опасною.

Съ 1494 года Флоренціи пришлось вести много войнъ; всѣ, кому было поручено начальство надъ войскомъ, потерпѣли неудачи, и наконецъ случай указалъ на Антоніо Джіакомини, который показалъ, какъ должно командовать арміею. Пока приходилось вести опасныя войны, честолюбіе другихъ молчало, и онъ никогда не встрѣчалъ соперника, когда нужно было выбрать военнаго начальника или коммиссара для войска. Но когда войны перестали быть опасными и представляли военачальнику только почести и высокое положеніе, онъ встрѣтилъ столько соперниковъ, что при выборѣ трехъ коммиссаровъ для веденія осады города Пизы онъ былъ забытъ. Хотя и нельзя доказать несомнѣнно, что государство проиграло, не возложивъ этого порученія на Антоніо, это очень

вѣроятно; такъ какъ Пизанцы не имѣли ни припасовъ, ни средствъ къ защитѣ, то Антоніо такъ энергически повелъ бы осаду, что заставилъ бы ихъ сдаться Флорентинцамъ безъ условій. Но такъ какъ осаду вели люди, не умѣвшіе ни хорошенько блокировать города, ни захватить его силой, то Пизанцы такъ долго тянули осаду, что принудили Флорентинцевъ купить то, что они могли бы получить силою оружія. Такое пренебреженіе могло бы по справедливости раздражить Антоніо, и нужно было имѣть его терпѣніе и добродѣтель, чтобы не желать отмстить, погубивъ или свое отечество, еслибы онъ былъ въ состояніи сдѣлать это, или когонибудь изъ его соперниковъ, — опасности, которыхъ въ особенности должна избѣгать республика, какъ мы покажемъ это въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XVII.

Не должно оскорблять гражданина, а потомъ поручать ему важное мѣсто или управленіе.

Правительство должно стараться никогда не поручать важнаго управленія человѣку, получившему отъ него кровавое оскорбленіе. Клавдій Неронъ, знаменитый консулъ, оставившій свое войско, съ которымъ онъ останавливалъ успѣхи Аннибала, и присоединившійся съ частью своей арміи къ другому консулу, въ Анконской Мархіи, чтобы вступить въ битву съ Асдрубаломъ, прежде чѣмъ тотъ успѣетъ соединиться съ братомъ своимъ Аннибаломъ, былъ передъ этимъ въ Испаніи, гдѣ онъ велъ войну противъ Асдрубала же, и загналъ его въ такую невыгодную позицію, что тому оставалось или дать битву, или умереть отъ недостатка припасовъ. Но Асдрубалъ съумѣлъ такъ занять его ложными предложеніями мира, что ему удалось ускользнуть, отнявъ у того такимъ образомъ случай къ побѣдѣ. Это происшествіе,

едва сдѣлавшись извѣстнымъ въ Римѣ, возбудило противъ Нерона неудовольствіе Сената и народа; весь городъ осыпалъ его оскорбленіями, и Неронъ не могъ безъ негодованія видѣть своего позора. Но, будучи снова выбранъ консуломъ и отправленъ противъ Аннибала, онъ рѣшился на поступокъ, о которомъ мы говорили. Римъ, подвергнутый такимъ образомъ величайшей опасности, былъ приведенъ въ смущеніе и ужасъ, пока наконецъ не получилось извѣстіе о пораженіи Асдрубала. Когда впослѣдствіи спрашивали Нерона, что побудило его рѣшиться на столь опасный поступокъ, рискнуть такимъ образомъ свободой Рима, не будучи къ этому вынужденъ крайней необходимостью, онъ отвѣчалъ, что не былъ увѣренъ въ случаѣ успѣха снова возстановить потерянную имъ въ Испаніи славу; если же ему не посчастливилось бы и этотъ поступокъ имѣлъ не тѣ слѣдствія, на которыя онъ надѣялся, то онъ показалъ бы по крайней мѣрѣ, какъ онъ могъ отмстить городу и гражданамъ, съ такою неблагодарностью оскорбившимъ его.

Если желаніе отмстить за оскорбленіе было такъ сильно въ римскомъ гражданинѣ, въ то время, когда Римъ не былъ еще испорченъ, то какъ же сильно должно оно быть въ гражданинѣ города, находящагося въ совершенно другомъ положеніи, нежели Римъ въ тогдашнее время! Такъ какъ невозможно указать вѣрнаго средства противъ этихъ ошибокъ, свойственныхъ республиканскому правленію, то отсюда очевидно, что вѣчная республика невозможна, потому что множество различныхъ обстоятельствъ влекутъ ее въ гибель.

ГЛАВА XVIII.

Не можетъ быть ничего достойнѣе искуснаго полководца, какъ предугадывать планы непріятеля.

Ѳивянинъ Эпаминондъ говорилъ, что не можетъ быть ничего необходимѣе и полезнѣе для полководца, какъ знать планы и намѣренія непріятеля. Такъ какъ знать ихъ очень трудно, то тотъ, кто лучше умѣетъ предугадать ихъ, наиболѣе достоинъ похвалы. Иногда даже легче предугадать намѣреніе непріятеля, чѣмъ знать, чтó онъ дѣлаетъ, и точно также легче иногда угадать движенія, производимыя имъ вдали, чѣмъ тѣ, которыя онъ дѣлаетъ неожиданно около. Сколько разъ случалось, что послѣ битвы, прекратившейся только вслѣдствіе наступленія ночи, побѣдитель считалъ себя побѣжденнымъ, а побѣжденный побѣдителемъ! Эти ошибки часто внушали гибельные поступки, какъ это доказываетъ примѣръ Брута и Кассія, у которыхъ подобныя ошибки отняли всѣ плоды войны. Крыло, бывшее подъ начальствомъ Брута, разбило непріятеля; но Кассій, будучи разбитъ, подумалъ, что все войско потерпѣло пораженіе; отчаяваясь въ спасеніи отечества, онъ поразилъ себя кинжаломъ.

Въ наше время, въ битвѣ Франциска I, короля французскаго, съ швейцарцами около Санта-Цециліи, въ Ломбардіи, когда наступила ночь, одинъ швейцарскій отрядъ, мало потерпѣвшій въ сраженіи и не имѣя никакихъ извѣстій о другихъ отрядахъ, разбитыхъ или истребленныхъ, подумалъ, что побѣда осталась за Швейцарцами; эта ошибка была причиною его гибели, потому что онъ сталъ ожидать дня, чтобы, снова начать битву при столь невыгодныхъ условіяхъ. Эти заблужденія раздѣляли папская и испанская армія, тоже едва не погибшія; получивъ ложное извѣстіе о побѣдѣ, онѣ перешли По, и еслибы пошли далѣе, то отдались бы въ руки побѣдителя. Въ подобную же ошибку впали Римляне

и Эквы. Консулъ Семпроній пошелъ съ арміею навстрѣчу непріятелю и вступилъ съ нимъ въ битву, которая продолжалась до ночи съ перемѣннымъ счастіемъ для обѣихъ сторонъ, такъ что оба войска, наполовину побѣжденныя, не хотѣли возвратиться въ свои лагери, но заняли сосѣдніе холмы, гдѣ считали себя болѣе въ безопасности. Римская армія раздѣлилась на два отряда, изъ которыхъ одинъ послѣдовалъ за консуломъ, а другой остался съ центуріономъ Темпаніемъ, мужество котораго одно только спасло Римлянъ въ эту битву отъ совершеннаго пораженія. Когда наступилъ день, консулъ, не освѣдомляясь болѣе о непріятелѣ, отступилъ къ Риму. Войско Эквовъ тоже отступило, такъ какъ обѣ стороны, думая, что побѣда осталась на сторонѣ непріятеля, спѣшили отступить, оставляя свой лагерь во власти противника. Темпаній, оставшійся съ другой частью римскаго войска и тоже уже отступившій, случайно узналъ отъ раненыхъ непріятельскихъ солдатъ, что ихъ военачальникъ бѣжалъ, бросивъ свои укрѣпленія. При этомъ извѣстіи Темпаній снова занялъ римскій лагерь и, спасши такимъ образомъ его, разграбилъ и разрушилъ лагерь Эквовъ и возвратился въ Римъ побѣдителемъ.

Подобная побѣда очевидно произошла только отъ того, что побѣдитель первый узналъ о безпорядкѣ въ войскѣ противника. Отсюда можно заключить, что обѣ воюющія арміи могутъ часто впасть въ одинаковые безпорядки, потерпѣть одинаковыя неудачи, и что побѣда остается тогда за тѣмъ, кто первый узнаетъ о несчастномъ положеніи непріятеля.

Я приведу еще одинъ примѣръ, домашній и случившійся недавно. Въ 1498 году Флорентинцы собрали противъ Пизы многочисленную армію и энергически вели осаду этого города, взятаго Венеціанцами подъ свое покровительство. Послѣдніе, не видя никакой возможности спасти Пизу, рѣшились перемѣнить театръ войны, напавъ на другую часть флорентинскихъ владѣній; они собрали сильное войско, прошли черезъ Ламонскую долину, овладѣли мѣстечкомъ Марради и осадили замокъ Кастильоне, находящійся на горѣ около этого мѣстечка. Получивъ это извѣстіе, Флорентинцы рѣшились помочь Марради, не уменьшая войска, осаждавшаго Пизу: они собрали другой отрядъ пѣхоты и кавалеріи и послали его противъ Венеціанцевъ, поручивъ команду Жакопо IV Аппіано, владѣтелю Піомбино, и графу Ринуччіо да Марчіано. Когда это войско поднялось на холмъ около Марради, непріятель неожиданно оставилъ осаду Кастильоне и отступилъ въ это мѣстечко. Обѣ арміи, простоявъ нѣсколько дней одна передъ другою, стали нуждаться въ жизненныхъ припасахъ и другихъ предметахъ первой необходимости; но, не рѣшаясь аттаковать непріятеля и не зная дурнаго его положенія, онѣ въ одну и ту же ночь рѣшились отступить на разсвѣтѣ, Венеціанцы къ Берзигьеллѣ и Фаэнцѣ, Флорентинцы къ Казальѣ и Муджелло. При наступленіи дня оба лагеря начали уже отправлять свои багажи, когда одна женщина, вышедшая случайно изъ мѣстечка Марради и пропущенная благодаря ея старости и бѣдности, пошла во флорентинскій лагерь, чтобы видѣться съ находившимися тамъ своими родственниками. Флорентинскіе генералы, узнавъ отъ нея, что Венеціанцы снимали лагерь, ободрились, тотчасъ же перемѣнили намѣреніе, пошли противъ непріятеля, какъ будто это они принудили его оставить лагерь, и написали во Флоренцію, что они отбили непріятеля и одержали побѣду. Вся же причина этой побѣды состояла единственно въ томъ, что они первые узнали объ удаленіи непріятельскаго войска, и еслибы это извѣстіе было принесено сначала въ венеціанскій лагерь, то оно имѣло бы для насъ совершенно противоположные результаты.

ГЛАВА XIX.

Для управленія народомъ лучше ли быть строгимъ, или милосердымъ.

Римская республика страдала отъ распрей патриціевъ и плебеевъ, но тѣмъ неменѣе, когда открылась война, войска были высланы подъ начальствомъ Квинція и Аппія Клавдія. Приказанія Аппія Клавдія, человѣка суроваго и грубаго, исполнялись дурно, такъ что, почти разбитый, онъ принужденъ былъ оставить провинцію, въ которой онъ былъ начальникомъ. У Квинція напротивъ, отличавшагося добротой и человѣколюбіемъ, войско было чрезвычайно послушно, и побѣда увѣнчала его начинанія.

Итакъ повидимому для управленія людьми лучше быть человѣколюбивымъ чѣмъ гордымъ, милосердымъ чѣмъ жестокимъ. Но Тацитъ говоритъ обратное; въ чемъ съ нимъ соглашаются большинство историковъ: *In multitudine regenda plus poena quam obsequium valet* *).

Чтобы согласовать эти два противоположныя мнѣнія, можно сказать: вамъ приходится управлять людьми, которые въ обыкновенное время или равны вамъ, или тоже подчинены какъ подданные. Относительно равныхъ нельзя держаться той строгости и тѣхъ наказаній, о которыхъ говоритъ Тацитъ; а такъ какъ въ Римѣ народъ раздѣлялъ власть съ патриціями, то дѣлавшійся на нѣкоторое время его начальникомъ не могъ управлять имъ строго и грубо. Потому часто случалось, что римскіе военачальники, умѣвшіе пріобрѣсти любовь войска и обращавшіеся съ нимъ всегда милостиво и снисходительно, были счастливѣе тѣхъ, которыхъ боялись вслѣдствіе своей строгости, если только ихъ не поддерживала еще необычайная добродѣтель, какъ напр. Манлія Торквата.

*) Въ большинствѣ случаевъ властвованія, наказанія имѣютъ больше значенія, нежели милость.

Человѣкъ, управляющій подданными,—а объ этихъ только случаяхъ и говоритъ Тацитъ,—долженъ быть скорѣе строгимъ, чѣмъ милосерднымъ, если онъ хочетъ держать ихъ въ повиновеніи и не позволять имъ презирать слишкомъ милостивую власть. Но эта строгость должна быть настолько умѣренна, чтобъ не порождать ненависти, потому что ни одинъ монархъ не имѣлъ выгоды быть ненавидимымъ. Средство къ этому есть уваженіе собственности подданныхъ; что же касается до ихъ крови, то монархъ рѣдко любитъ проливать ее безъ надобности, если только у него нѣтъ цѣли захватывать ихъ имущества, а эта надобность встрѣчается рѣдко. Но если къ жестокости присоединится скупость, то случаи и желаніе проливать кровь встрѣчаются безпрерывно, какъ это мы въ подробности объяснили въ отдѣльныхъ трактатахъ по этому поводу.

Итакъ Квинцій заслуживаетъ похвалы, въ которой должно отказать Клавдію; правило же Тацита, заключенное въ должныхъ границахъ, достойно одобренія, но не должно примѣняться въ обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ находился Аппій. Такъ какъ я заговорилъ о вліяніи милосердія и строгости, то будетъ нелишнимъ напомнить, какъ человѣколюбивый поступокъ болѣе подѣйствовалъ на Фалисковъ, нежели сила оружія.

ГЛАВА XX.

Человѣколюбивый поступокъ болѣе подѣйствовалъ на Фалисковъ, нежели всѣ силы Рима.

Когда Камиллъ находился съ войскомъ около города Фалисковъ, который онъ осаждалъ, одинъ школьный учитель, воспитывавшій дѣтей самыхъ знатныхъ гражданъ города, думая пріобрѣсти

расположеніе Камилла и римскаго народа, вышелъ съ своими воспитанниками подъ предлогомъ прогулки и отвелъ ихъ всѣхъ въ лагерь диктатора, которому и представилъ ихъ, говоря, что отдаетъ ему въ руки вѣрный залогъ сдачи города. Камиллъ нетолько не принялъ подобнаго подарка, но приказалъ снять съ этого учителя платье, связать ему на спинѣ руки, и, давъ каждому изъ учениковъ пучокъ розогъ, велѣлъ имъ отвести его въ городъ, осыпая ударами. Жители, узнавъ объ этомъ поступкѣ Камилла, были такъ тронуты его человѣколюбіемъ и честностью, что рѣшились сдать ему городъ, и не защищаться долѣе.

Этотъ замѣчательный примѣръ доказываетъ, что часто великодушный и справедливый поступокъ производитъ больше дѣйствія на сердца людей, чѣмъ насиліе и варварство, и что часто города и провинціи, входъ въ которыя не могъ быть открытъ ни арміями, ни военными орудіями, ни всею силою человѣка, бывали обезоруживаемы поступками, показывавшими человѣколюбіе или милосердіе, цѣломудріе или великодушіе. Кромѣ приведеннаго мною случая исторія представляетъ еще множество другихъ. Такъ Пирръ, котораго не могло выгнать изъ Италіи оружіе Римлянъ, удалился самъ, когда Фабрицій великодушно открылъ ему предложеніе, сдѣланное его медикомъ римлянамъ отравить его.

Сципіонъ Африканскій прославился въ Испаніи менѣе взятіемъ Карѳагена, чѣмъ примѣромъ цѣломудрія, который онъ подалъ отдавъ супругу молодую и прекрасную жену его не обезчестивъ ее. Славой этого поступка онъ пріобрѣлъ любовь цѣлой Испаніи. Примѣръ этотъ также показываетъ, до какой степени народы желаютъ этой добродѣтели въ великихъ людяхъ; до какой степени она составляетъ предметъ похвалы у историковъ и тѣхъ, которые описываютъ жизнь князей, и тѣхъ, которые научаютъ, какъ имъ должно жить. Между этими послѣдними Ксенофонтъ силится показать, какую честь, какія побѣды, какую славу доставили Киру его кротость, привѣтливость и стараніе, которое онъ употреблялъ, чтобъ не показаться гордымъ, жестокимъ, развратнымъ или вообще запятненнымъ какимъ-нибудь порокомъ, марающимъ жизнь другихъ людей. Однако, принимая въ соображеніе, что Аннибалъ, слѣдуя

совершенно другому образу дѣйствій, чѣмъ эти знаменитые люди, пріобрѣлъ большую славу и одерживалъ блистательныя побѣды, я долженъ разобрать въ слѣдующей славѣ, откуда можетъ происходить это различіе.

ГЛАВА XXI.

Аннибалъ, держа себя совершенно противоположно Сципіону, имѣлъ въ Италіи такой успѣхъ, какъ его противникъ въ Испаніи.

Мнѣ кажется довольно удивительнымъ видѣть, что полководецъ, слѣдуя совершенно иному образу дѣйствій, тѣмъ неменѣе пользуется такими же результатами, какъ тѣ, которые держали себя подобно тому, какъ я только-что сказалъ. Поэтому побѣда не зависитъ вѣроятно отъ этихъ причинъ; кажется даже, что эти добродѣтели не увеличиваютъ ни силъ, ни успѣховъ, потому что и слѣдуя совершенно иному образу дѣйствій можно также пріобрѣсти и славу и довѣріе.

Но, чтобъ не отдаляться отъ приведеннаго мною примѣра о двухъ великихъ людяхъ и чтобы лучше объяснить мою мысль, я прибавлю, что Сципіонъ едва успѣлъ проникнуть въ Испанію, какъ уже завоевалъ всѣ сердца своими добродѣтелями и своимъ человѣколюбіемъ и сталъ предметомъ восторга и такъ сказать обожанія народовъ этой страны. Съ другой стороны Аннибалъ лишь только вступилъ въ Италію, какъ слѣдуя совершенно противоположному образу дѣйствій, т. е. предаваясь насилію, жестокости, грабежу и особенно обману, онъ имѣлъ такой же успѣхъ въ Италіи, какъ Сципіонъ въ Испаніи. Въ самомъ дѣлѣ всѣ города Италіи возстали за Аннибала, всѣ ея народы бросились за нимъ.

Разсматривая, откуда могутъ проистекать подобные результаты, находишь нѣсколько причинъ. Первая та, что люди до такой сте-

пени жадны до новостей, что счастливцы желаютъ ихъ съ такимъ же рвеніемъ, какъ и люди, судьба которыхъ достойна сожалѣнія. Дѣйствительно, люди, какъ я уже сказалъ и какъ показываетъ опытъ, мучатся даже въ счастьи и жалуются на счастіе. Это желаніе разрушаетъ всѣ препятствія тому, который становится въ странѣ во главѣ какой-нибудь перемѣны: если это иностранецъ, то всѣ бросаются вслѣдъ за нимъ; если онъ соотечественникъ, то его окружаютъ, слушаютъ, поддерживаютъ, и, какимъ бы образомъ онъ ни дѣйствовалъ, онъ вскорѣ получаетъ самые блестящіе результаты. Вовторыхъ, людьми управляютъ два могущественные двигателя: любовь или страхъ, и тотъ, кого боятся, можетъ управлять такъ же легко, какъ и тотъ, кто любимъ; иногда случалось даже, что полководца, который внушалъ страхъ, слушались и слѣдовали за нимъ съ большей поспѣшностью чѣмъ за тѣмъ, котораго любили. Такимъ образомъ все равно, какому изъ этихъ двухъ путей будетъ слѣдовать полководецъ, лишь бы онъ былъ одаренъ высшимъ мужествомъ и чтобъ этимъ достоинствомъ онъ составилъ себѣ извѣстность. Если эта извѣстность такъ велика какъ у Аннибала и Сципіона, то она покрываетъ всѣ ошибки, которыя могли бы быть сдѣланы, чтобъ заставить или слишкомъ любить себя или слишкомъ бояться; потому что какъ одно, такъ и другое могутъ повести къ неудобствамъ достаточно важнымъ, чтобъ причинить погибель государя.

Дѣйствительно тотъ, который слишкомъ располагаетъ къ себѣ, заслуживаетъ одно презрѣніе лишь только переступаетъ должные предѣлы, напротивъ того тотъ, кто старается возбудить только страхъ и переходитъ въ этомъ всякую границу, дѣлается предметомъ ненависти. Идти между этими двумя крайностями вещь совершенно невозможная, отъ которой отказывается самая натура человѣка. Поэтому необходимо уравновѣшивать ихъ столь необыкновенными достоинствами, какъ тѣ, которыми обладали Аннибалъ и Сципіонъ.

Однако мы видимъ, что принципы, которыми они руководились въ своихъ дѣйствіяхъ, были ими столь же вредны, какъ выгодны. Мы говорили о славѣ, которую они имъ доставили. Но

Сципіонъ испыталъ также въ Испаніи неудобства своей излишней доброты, когда его воины и часть его друзей возстали противъ него единственно потому, что не боялись его, такъ какъ люди находятся въ столь безпрерывномъ безпокойствіи, что сейчасъ же забываютъ, при первомъ пути, открывающемся ихъ самолюбію, привязанность, которую должна была бы внушить имъ доброта князя; это показываетъ поведеніе воиновъ и друзей Сципіона. Такимъ образомъ этотъ великій человѣкъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ строгости, которой онъ до этого времени избѣгалъ.

Мы не можемъ указать ни на одинъ серьезный случай, гдѣ Аннибалъ былъ бы жертвою своей жестокости или недобросовѣстности, но можно предположить, что только внушаемый имъ страхъ удерживалъ Неаполь и многіе другіе города въ союзѣ съ Римлянами; однако очевидно, что его беззаконное поведеніе сдѣлало его для Римлянъ невыносимѣе всѣхъ враговъ, которыхъ когда-либо имѣла эта республика. Между тѣмъ какъ они открыли Пирру злодѣя, хотѣвшаго отравить его, хотя онъ былъ еще въ Италіи во главѣ своей арміи, они никогда не могли простить Аннибалу, и несмотря на то, что онъ былъ одинокъ и безоруженъ, они преслѣдовали его до тѣхъ поръ, пока не заставили его умереть. Вотъ какія невыгоды принесла этому полководцу его репутація человѣка жестокаго, безъ вѣры и презирающаго боговъ. Но съ другой стороны онъ извлекъ изъ нея огромныя выгоды, восхваляемыя всѣми историками: это то, что его армія, хотя составленная изъ множества разнообразныхъ націй, никогда не видала ни малѣйшаго возмущенія ни между войскомъ, ни противъ полководца; что происходило единственно вслѣдствіе чувства ужаса, внушаемаго его особою. Этого ужаса вмѣстѣ со славою, доставленною ему его мужествомъ, было достаточно, чтобъ держать воиновъ въ порядкѣ и послушаніи.

Поэтому я заключаю, что все равно какъ бы ни держалъ себя предводитель арміи, лишь бы его достоинства были достаточно значительны, чтобъ покрывать крайности того или другаго образа дѣйствій. Итакъ, какъ мы уже сказали, какъ тотъ такъ и дру-

гой представляютъ опасности и неудобства, если они не сглаживаются необыкновеннымъ мужествомъ и способностями.

Если Аннибалъ и Сципіонъ, одинъ поступками достойными похвалы, другой своимъ ужаснымъ поведеніемъ, получили одинаковые результаты, я все-таки считаю нелишнимъ сказать о двухъ римскихъ гражданахъ, которые, слѣдуя по разнымъ путямъ, хотя одинаково похвальнымъ, заслужили оба одинаковую славу.

ГЛАВА XXII.

Какимъ образомъ строгость Манлія Торквата и мягкость Валерія Корвина доставили имъ обоимъ одинаковую славу.

Римъ имѣлъ одновременно двухъ искусныхъ полководцевъ, Манлія Торквата и Валерія Корвина.

Оба жили въ этомъ городѣ равные по мужеству, побѣдамъ и славѣ; оба они, въ отношеніи къ непріятелю, пользовались этими выгодами за равныя достоинства; но что касается до способовъ предводительствовать арміею и обращаться съ воинами, то они слѣдовали въ этомъ совершенно разнымъ путямъ. Манлій, употребляя при всякомъ случаѣ неумѣренную строгость, безпрерывно заставлялъ свое войско исполнять трудныя работы. Валерій, напротивъ того, преисполненный къ нимъ кротости, любилъ выказывать имъ самую привѣтливую фамиліарность. Первый, чтобъ поддержать въ арміи дисциплину, предалъ смерти собственнаго сына, другой никогда не обидѣлъ ни одного гражданина; тѣмъ неменѣе оба получили одинаковые плоды изъ столь противоположнаго поведенія относительно непріятеля, республики и самихъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, никогда ни одинъ солдатъ не отказался идти въ бой, не поднялся

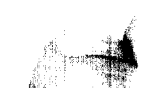
противъ нихъ и не выказалъ сопротивленія ихъ приказаніямъ, хотя приказанія Манлія были столь суровы, что всѣ приказанія, которыя отличались своею чрезмѣрною строгостью, называли *Manliana imperia*.

Слѣдовательно, надо сперва разобрать, что побуждало Манлія употреблять столь большую строгость и почему Валерій, напротивъ того, могъ предаваться свойственной ему кротости; затѣмъ какимъ образомъ могутъ столь различные пути привести къ одинаковымъ результатамъ, и наконецъ которому изъ этихъ путей всего желательнѣе и выгоднѣе подражать.

Если внимательно изслѣдовать характеръ Манлія, съ того времени, когда начинаетъ говорить о немъ Титъ Ливій, то въ немъ виденъ человѣкъ, одаренный непоколебимымъ мужествомъ, полный нѣжности къ своему отцу и отечеству и уваженія къ высшимъ себя. Онъ блестяще показалъ эти достоинства въ сраженіи, гдѣ убилъ Галла, и въ защитѣ своего отца, которую онъ предпринялъ противъ одного изъ трибуновъ. Прежде, чѣмъ идти противъ этого Галла, онъ явился къ консулу и сказалъ ему: *Injussu tuo adversus hostem nunquam pugnabo, non si certam victoriam videam.* *) Человѣкъ такого закала, получивъ команду, долженъ желать, чтобъ всѣ люди походили на него; его безнемощный духъ диктовалъ ему суровыя приказанія, и разъ что онъ высказалъ свою волю, онъ не терпѣлъ, чтобъ она нарушалась. Это правило безъ исключенія, что если отдаютъ приказанія, исполненныя строгости, слѣдуетъ безжалостно исполнять ихъ, если не хочешь самъ сдѣлаться жертвою ихъ; изъ чего слѣдуетъ заключить, что если хочешь послушанія, то надо умѣть командовать. Командовать же умѣютъ только тѣ, которые сравниваютъ свои качества съ качествами тѣхъ людей, которые должны ихъ слушаться,—только тѣ, которые даютъ приказанія лишь тогда, когда видятъ ихъ соразмѣрность и которые остерегаются предписывать что-либо, гдѣ не видятъ ея. Вотъ что заставляло говорить одного мудреца, что если хотятъ управлять

---

*) Безъ твоего приказанія я никогда не буду вступать въ бой, если не буду надѣяться на вѣрную побѣду.

государствомъ посредствомъ насилія, то нужно, чтобы была соразмѣрность между тѣмъ, кто употребляетъ ее, и народомъ, который ее терпитъ, и что если это равновѣсіе существуетъ, то можно надѣяться, что насиліе это можетъ быть продолжительно; но что если угнетаемый сильнѣе угнетателя, то можно всякій день ожидать прекращенія этого насилія.

Чтобы вернуться къ моему предмету, я скажу, что если хочешь давать приказанія полныя мужества, то нужно быть сильнымъ самому; и тотъ, кто, обладая такой душевной силой, даетъ строгія приказанія, не можетъ потомъ снисходить до кротости, чтобы заставить исполнить ихъ. Тотъ же, кто не обладаетъ столь сильнымъ духомъ, долженъ избѣгать необыкновенныхъ приказаній; но относительно приказаній, не выходящихъ изъ обыкновеннаго уровня, онъ можетъ вполнѣ предаваться мягкости своего характера, потому что обыкновенныя наказанія вмѣняются въ вину только законамъ и управленію государствомъ, но никогда не государю.

Такимъ образомъ надо предположить, что Манлій былъ принужденъ дѣйствовать такъ сурово вслѣдствіе такого характера, который склонялъ его къ суровымъ приказаніямъ. Такія приказанія полезны въ республикѣ, потому что они указываютъ на принципъ учрежденій и напоминаютъ ей ея древнія доблести. Еслибъ какая-нибудь республика была столь счастлива, чтобъ часто видѣть рожденіе среди себя людей, примѣръ которыхъ, какъ я уже сказалъ, придалъ бы ея законамъ суровость и которые нетолько удерживали бы ее на рубежѣ ея гибели, но и могли бы привести ее въ прежнее состояніе, то, конечно, она была бы вѣчною. Такимъ образомъ Манлій былъ однимъ изъ тѣхъ смертныхъ, суровость и положительный характеръ котораго сохранили въ Римѣ военную дисциплину: сначала онъ былъ увлеченъ своей натурою, а потомъ желаніемъ заставить исполнять приказанія, которыя подсказывали ему его прирожденныя склонности.

Съ другой стороны Валерій, который довольствовался тѣмъ, что поддерживалъ правила дисциплины и мужество въ римскихъ войскахъ, могъ вполнѣ предаваться кротости. Такъ какъ эта дисциплина была хороша, то ему было достаточно поддерживать ее,

чтобъ пріобрѣсти славу; кромѣ того, такъ какъ поддерживать ее было не трудно и не было надобности прибѣгать къ жестокости съ нарушителями ея, отчасти потому, что ихъ вовсе не было, отчасти, еслибъ и нашлось нѣсколько таковыхъ, то они, какъ мы уже сказали, приписали бы свое наказаніе законамъ, а не жестокости своего начальника. Такимъ образомъ Валерій могъ безпрепятственно слѣдовать своей склонности къ кротости, заслуживая этимъ любовь своихъ воиновъ и дѣлая ихъ довольными своей судьбой. Изъ этого слѣдовало то, что Валерій и Манлій, умѣя оба заставлять себя слушаться, получили, хотя разными путями, одинаковые результаты.

Во всякомъ случаѣ, тѣ, которые хотѣли бы подражать этимъ двумъ великимъ людямъ, могли бы избѣгнуть той потери уваженія и той ненависти, каковой подверглись, какъ я уже сказалъ, Сципіонъ и Аннибалъ; и только, такъ сказать, сверхъестественными достоинствами можно избѣжать это двоякое неудобство.

Мнѣ остается теперь разобрать, который изъ этихъ двухъ способовъ держать себя заслуживаетъ бóльшей похвалы. Этотъ вопросъ можетъ быть предметомъ спора, потому что писатели сдѣлали какъ тотъ такъ и другой предметомъ похвалъ; однако тѣ, которые писали о пути, которому должны слѣдовать государи, склоняются кажется скорѣе на сторону Валерія, чѣмъ Манлія. Ксенофонтъ, котораго я уже цитировалъ, разсказывая нѣсколько человѣколюбивыхъ поступковъ Кира, говоритъ почти тоже самое, что Титъ Ливій о Валеріѣ, который, будучи сдѣланъ консуломъ въ войнѣ противъ Самнитовъ, говоритъ своимъ воинамъ, въ самый день сраженія, съ тою же кротостью и привѣтливостью, которыя руководили всѣми его поступками. Послѣ этой рѣчи Титъ Ливій прибавляетъ слѣдующія слова: *Non alias militi familiarior dux fuit, inter infimos militum amnia haud gravate munia obeundo. In ludo præterea militari, cum velocitatis viriumque inter se aequales certamina ineunt, comiter facilis vincere ac vinci, vultu eodem; nec quemquam adspernari parem, qui se obferret; factis, benignus pro re; dictis, haud minus libertatis alienae, quam suae*

dignitatis memor; et, quo nihil popularius est, quibus artibus petierat magistratus iisdem gerebat. *)

Титъ Ливій говоритъ съ такимъ же уваженіемъ о Манліѣ, увѣряя, что выказанная имъ строгость въ смерти сына сдѣлала армію столь покорною консулу, что благодаря ей римскій народъ одержалъ побѣду надъ Латинами; онъ распространяетъ похвалу ему дотого, что описавъ эту побѣду и расположеніе сраженія и представивъ глазамъ читателя всѣ опасности, угрожавшія римлянамъ и всѣ препятствія, которыя имъ надо было преодолѣть, чтобъ остаться побѣдителями, онъ заключаетъ говоря, что только искусству Манлія былъ обязанъ Римъ за эту побѣду. Вслѣдъ затѣмъ онъ ставитъ сравненіе между силою обѣихъ армій и утверждаетъ, что та должна была торжествовать, которая имѣла Манлія своимъ предводителемъ.

Разсматривая различныя мнѣнія писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ, было бы трудно произнести положительное сужденіе. Однако, чтобъ не оставлять его нерѣшеннымъ, я думаю, что для гражданина, живущаго въ законахъ республики, поведеніе Манлія заслуживаетъ большей похвалы и представляетъ меньше опасности, потому что оно стремится единственно къ выгодѣ государства, а не внушается личнымъ честолюбіемъ; такъ какъ, будучи со всѣми черствымъ и сообразуясь единственно съ общественнымъ благомъ весьма трудно получить сторонниковъ. Подобнымъ поведеніемъ можно пріобрѣсти только особенныхъ друзей, которыхъ мы, какъ я уже сказалъ, называемъ приверженцами. Это до такой степени вѣрно, что республика не съумѣла бы оцѣнить поведенія,

*) Сдѣлался любимымъ вождемъ войска, особенно потому что безсильнѣйшихъ изъ воиновъ не исправлялъ чрезмѣрными наказаніями. Кромѣ того, въ военныхъ играхъ когда воины вступали между собою въ состязаніе въ силѣ и ловкости, съ одинаковымъ лицомъ, ласково и кротко относился какъ къ тѣмъ, кто его побѣждалъ, такъ и къ тѣмъ, кого онъ побѣждалъ. Не презиралъ никого, кто даже добровольно отступался бы отъ своего права на равенство съ нимъ. По поступкамъ своимъ — онъ былъ милостивъ, какъ царь, въ словахъ сохранялъ свое достоинство, не чуждался свободы. И, что болѣе всего нравится подначальнымъ, съумѣлъ этими самыми способами удерживать за собою власть надъ тѣми, кѣмъ управлялъ.

которое представляетъ ей такія выгоды и которое, стремясь только къ общественной пользѣ, не можетъ быть заподозрѣно въ личныхъ и своекорыстныхъ намѣреніяхъ.

Образъ дѣйствій Валерія, напротивъ того, несмотря на то, что результаты его относительно пользы государству одинаковы, долженъ зарождать множество подозрѣній, вслѣдствіе особеннаго расположенія, западающаго въ сердце воина, расположенія, способнаго, послѣ продолжительнаго обладанія этимъ начальникомъ, имѣть гибельные результаты для свободы. Если популярность Валерія не имѣла опасныхъ послѣдствій, то это потому, что римскіе нравы не были еще испорчены и что довѣренная ему власть не продолжалась вѣчно, и даже не долго.

Но еслибъ рѣчь шла о государѣ, какъ напримѣръ у Ксенофонта, мы склонились бы совершенно на сторону Валерія и отвергнули бы Манлія; потому что государь всего болѣе долженъ искать въ своихъ подданныхъ и своихъ воинахъ послушанія и любви. Онъ пріобрѣтаетъ послушаніе тогда, если самъ соблюдаетъ законы и если вѣрятъ его добродѣтелямъ. Онъ заслуживаетъ любовь привѣтливостью, гуманностью, кротостью и всѣми тѣми качествами, которыя можно видѣть въ Валеріѣ и которыя, по Ксенофонту, проявлялись также въ Кирѣ. Личная привязанность къ государю, преданность его войскъ совершенно гармонируютъ со всѣми учрежденіями монархическаго правленія; но когда какой-нибудь гражданинъ имѣетъ всю армію своими приверженцами, то въ этомъ случаѣ онъ совершенно отступаетъ отъ другихъ обязанностей, которыя обязываютъ руководствоваться одними законами и повиноваться ихъ судьямъ.

Въ древнихъ исторіяхъ Венеціи можно прочесть, что когда галеры этого города вошли въ портъ, то между матросами и народомъ случились нѣкоторыя несогласія; произошло безпокойство, и они схватились за оружіе; безпорядокъ былъ такъ великъ, что ни общественная сила, ни вліяніе главныхъ гражданъ не могли прекратить его. Вдругъ къ матросамъ является человѣкъ, бывшій за годъ передъ этимъ ихъ капитаномъ; успокоенные привязанностью, которую онъ внушалъ имъ, они удалились, прекративъ

бой. Это быстрое послушаніе внушило сенату такія подозрѣнія, что спустя нѣкоторое время венеціанцы обезпечили себя отъ этого человѣка, посадивъ его въ тюрьму или лишивъ его жизни.

Такимъ образомъ я заключаю, что поведеніе Валерія полезно въ государѣ, но что въ гражданинѣ оно опасно, нетолько для отечества, но и для него самого; оно опасно для отечества потому, что такимъ образомъ подготовляются пути къ самодержавію; оно опасно для него самого, потому, что государство, чтобы обезпечить себя отъ выведенныхъ имъ подозрѣній, принуждено, чтобы избавиться отъ него, употребить гибельныя для него мѣры. Дѣйствія Манлія, напротивъ того, могутъ только повредить государю, но они полезны въ гражданинѣ, и особенно для его отечества. Однако бываютъ случаи, гдѣ они дѣлаютъ нѣкоторый вредъ: это тогда, когда эта ненависть, внушаемая строгостью, усиливается еще подозрѣніями, которыя внушаютъ другія достоинства, пріобрѣтшія вамъ такое уваженіе. Мы это увидимъ въ слѣдующей главѣ по поводу Камилла.

ГЛАВА XXIII.

Вслѣдствіе чего Камиллъ былъ изгнанъ изъ Рима.

Выводомъ предъидущей главы было то, что дѣйствуя такъ какъ дѣйствовалъ Валерій вредишь своему отечеству и самому себѣ, а слѣдуя примѣру Манлія приносишь пользу государству, но иногда также вредишь себѣ. Для подтвержденія этого мнѣнія я приведу въ примѣръ Камилла, который дѣйствовалъ скорѣе въ духѣ Манлія, чѣмъ Валерія. Такъ Титъ Ливій, разсказывая о немъ, говоритъ, что «его воины и восхищались и въ тоже время ненавидѣли его мужество, *ejus virtutem milites oderant et mirabantur*. Достоинства, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ уваженіе, были

его заботливость, осторожность, величіе души и военные таланты, которые онъ умѣлъ выказывать при распоряженіяхъ и командованіи войсками; источникомъ ненависти была его склонность выказывать больше строгости въ наказаніяхъ, чѣмъ доброты въ наградахъ.

Титъ Ливій приписываетъ эту ненависть слѣдующимъ причинамъ: первая та, что онъ употребилъ на государственныя надобности выручку съ продажи земель города Вейй, вмѣсто того чтобы раздѣлить ее съ остальною добычею; вторая, что со времени своего торжества онъ ѣздилъ на колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми лошадьми, что̀ подало поводъ говорить, что въ своей гордости онъ хотѣлъ сравняться съ солнцемъ; третья, давъ обѣщаніе пожертвовать въ храмъ Аполлона десятую часть добычи полученной отъ города Вейй онъ долженъ былъ, чтобы исполнить это обѣщаніе, отнять ее изъ рукъ воиновъ, которые уже раздѣлили ее между собой.

Изъ этого примѣра ясно видно, какіе поступки дѣлаютъ государя ненавистнымъ народу и изъ которыхъ главный заключается въ отнятіи у нихъ выгоды, которою они уже обладаютъ: это чрезвычайно важный вопросъ. Человѣкъ, котораго лишаютъ какой-нибудь выгоды, никогда не забываетъ этого: достаточно малѣйшей надобности, чтобы напомнить ему это; а такъ какъ его надобности возобновляются съ каждымъ днемъ, то онъ вспоминаетъ это каждый день.

Гордость и тщеславіе также одинъ изъ самыхъ изобильныхъ источниковъ народной ненависти, особенно между свободными людьми. Хотя они не испытываютъ никакихъ результатовъ отъ этой гордости и тщеславія, но отъ этого они не менѣе ненавидятъ тѣхъ, кто предается имъ: вотъ чего государи должны бояться, какъ камня преткновенія; потому что дѣлаться предметомъ всеобщей ненависти, не получая отъ этого никакой выгоды, есть самое неосмотрительное и отважное поведеніе.

ГЛАВА XXIV.

Продолжительность военачальничества дѣлаетъ Римъ рабомъ.

Если внимательно разбирать образъ дѣйствій римской республики, то можно видѣть, что ея паденіе должно приписать двумъ причинамъ: первая—это распри, вызванныя аграрнымъ закономъ; а послѣдняя—это продолжительность военачальничества. Еслибъ эти двѣ причины были поняты съ самаго начала и еслибъ имъ противопоставили нужныя пособія, то свобода имѣла бы продолжительное и, быть можетъ, болѣе спокойное существованіе. Хотя продолжительность военачальничества повидимому никогда не была причиною безпокойствъ въ Римѣ, тѣмъ неменѣе видно, какъ вредна бываетъ для республики власть, которою граждане злоупотребляютъ съ помощью этого средства.

Еслибъ другіе граждане, власть которыхъ была продолжительна, были столь же разумны и столь же добродѣтельны, какъ Луцій Квинтій, то Римъ не подвергался бы такимъ опасностямъ. Добродѣтель его представляетъ замѣчательный примѣръ. Народъ, согласившись съ сенатомъ, продолжилъ на годъ власть трибуновъ, такъ какъ считалъ ихъ способными противиться честолюбію дворянъ, сенатъ же, чтобъ соперничать съ народомъ и не показаться ему ничтожнымъ, хотѣлъ оставить Л. Квинтію его консульскую власть; но Квинтій отвергъ это предложеніе и сказалъ, что надо стараться уничтожить дурные примѣры, а не увеличивать ихъ еще худшими; и онъ потребовалъ, чтобъ были избраны новые консулы.

Еслибъ всѣ граждане Рима обладали такимъ благоразуміемъ и такою добродѣтелью, то въ государственное правленіе не ввелся бы обычай оставлять магистратамъ ихъ власть и не пришли бы къ тому, чтобы продолжать также предводительство арміями,—обычай, который повелъ за собою паденіе республики. Первый, для

котораго было продолжено военачальничество, былъ Публій Фило. Онъ осаждалъ городъ Палэполисъ; его консульство должно было скоро кончиться; сенатъ же, боясь, чтобъ онъ не упустилъ изъ рукъ побѣду, не послалъ ему преемника, а назвалъ его проконсуломъ, и онъ первый былъ облеченъ этимъ достоинствомъ. Нововведеніе это, хотя сдѣланное сенатомъ въ виду интересовъ государства, было впослѣдствіи причиною паденія Рима. Чѣмъ далѣе удалялись римскія арміи отъ центра имперіи, тѣмъ эта мѣра казалась необходимѣе и тѣмъ болѣе употребляли ее. Она повела къ двоякому неудобству; вопервыхъ меньшее число гражданъ упражнялись въ военачальничествѣ, и отъ этого произошло, что только немногіе изъ нихъ получили все значеніе; вовторыхъ, что полководецъ, предводительствуя арміею въ теченіе довольно продолжительнаго времени, пріобрѣталъ любовь своихъ воиновъ и во всякомъ изъ нихъ имѣлъ своего приверженца; и, наконецъ, армія, забывая сенатъ, повиновалась только своему полководцу. Такимъ образомъ Суллѣ и Марію удалось найти воиновъ, которые не колеблясь послѣдовали за ними, чтобъ подавить республику; такимъ образомъ Цезарю было возможно поработить свое отечество. Еслибъ Римляне никогда не возобновляли магистратуръ и военачальствъ; еслибъ они пріобрѣли значеніе не такъ быстро; еслибъ они одерживали побѣды рѣже, то и паденіе ихъ къ рабству совершилось бы позже.

ГЛАВА XXV.

О бѣдности Цинцинната и многихъ гражданъ.

Мы говорили уже въ другомъ мѣстѣ, что одно изъ самыхъ полезныхъ учрежденій для правительства заключается въ томъ, чтобы держать гражданъ въ бѣдности. Хотя не видно, какое учреж-

деніе въ Римѣ было предназначено для достиженія этой цѣли, потому что аграрный законъ встрѣтилъ яростное сопротивленіе; однако мы видимъ, что спустя четыреста лѣтъ послѣ его утвержденія въ республикѣ царствовала страшная бѣдность; поэтому можно предполагать, что для достиженія этой цѣли не было надобности ни въ какихъ особенныхъ учрежденіяхъ и было достаточно увѣренности, что бѣдность не преграждаетъ ни одному гражданину пути къ почету и достоинствамъ, и что добродѣтель будетъ всегда открыта, подъ какой бы кровлею она ни жила.

Такіе строгіе нравы умѣряли стремленіе къ богатству. Мы находимъ ясное доказательство этому въ поведеніи римлянъ когда армія консула Минутія была окружена Эквами.

При извѣстіи объ этомъ Римъ, боясь гибели своей арміи, прибѣгнулъ къ назначенію диктатора, послѣдней помощи въ своихъ послѣднихъ несчастіяхъ. Квинтій Цинциннатъ былъ облеченъ въ это достоинство; въ это время онъ находился на маленькой фермѣ, которую обработывалъ собственными руками. Титъ Ливій прославляетъ этотъ поступокъ слѣдующими прекрасными словами: *Operae pretium est audire, qui omnia præ divitiis humana spernunt, neque honori magno locum, neque virtuti putant esse, nisi effuse affluant opes* *).

Цинциннатъ пахалъ самъ свое маленькое владѣніе, которое имѣло не болѣе четырехъ десятинъ, когда послы сената пріѣхали изъ Рима объявить ему возведеніе его въ диктаторское достоинство и увѣдомить его, въ какой ужасной опасности находится республика. Онъ взялъ сейчасъ же тогу и отправился въ Римъ; собравъ тамъ армію, онъ поспѣшилъ на помощь Минутію; но, разбивъ и разграбивъ непріятеля и освободивъ консула, онъ не хотѣлъ, чтобы спасенная имъ армія принимала участіе въ добычѣ, и обратился къ ней съ слѣдующими словами: «Я не хочу, чтобъ ты раздѣляла имущество тѣхъ, добычей которыхъ едва не сдѣлалась сама.» Онъ лишилъ Минутія консульства и сдѣлалъ его простымъ офицеромъ, сказавъ ему: «Ты будешь носить это званіе до тѣхъ поръ, пока не выучишься быть консуломъ.» Онъ назначилъ начальникомъ кавалеріи Тарквинія, котораго бѣдность принуждала сражаться пѣшимъ. Замѣтимъ, до какой степени уважалась въ Римѣ бѣдность, и что столь знаменитый и добродѣтельный человѣкъ какъ Цинциннатъ довольствовался четырьмя десятинами земли, чтобъ прокармливаться. Еще во времена Марка Регула видно существованіе этой бѣдности; этотъ полководецъ, находясь въ Африкѣ въ главѣ римскихъ армій, спрашивалъ у сената позволенія возвратиться для воздѣлыванія своей фермы, которая была запущена его фермерами.

*) Стоитъ труда задуматься надъ этимъ тѣмъ людямъ, которые всего ждутъ отъ богатства и полагаютъ всю свою доблесть и высочайшую честь въ томъ, чтобы къ нимъ изобильно стекались сокровища.

Здѣсь надо обратить вниманіе на двѣ весьма важныя вещи: первая это то, что мы видимъ гражданъ счастливыхъ въ самой бѣдности и довольствующихся славою, которую имъ доставляла война, и предоставляющихъ государству всѣ прочія ея выгоды. Между тѣмъ, еслибъ они имѣли въ виду разбогатѣть посредствомъ войны, то что бы значило имъ, что ихъ поля были бы запущены?

Другая состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть величіе души этихъ гражданъ. Едва становились они во главѣ арміи, какъ величіе души поднимало ихъ выше государей. Они презирали могущество государей и республикъ и ничто не могло ослѣпить ихъ или заставить упасть духомъ; но едва возвращались они къ частной жизни, они дѣлались умѣренны, скромны, обработывали свои маленькія владѣнія, подчиняясь судьямъ, уважая всѣхъ высшихъ себя,—до такой степени, что кажется почти невозможнымъ, чтобы характеръ человѣка могъ подчиняться подобнымъ измѣненіямъ.

Эта бѣдность продолжалась еще до временъ Поля Эмилія,—послѣдніе счастливые дни республики,—когда видѣли гражданина, побѣды котораго обогатили Римъ, самого жившимъ въ бѣдности. Въ это время бѣдность была еще столь уважаема, что серебряная чаша, которую Поль Эмилій далъ своему зятю, раздавая награды, назначенныя гражданамъ, отличившимся въ войнѣ, была первою серебряною вещью, вошедшею въ его домъ. Можно было бы доказывать очень долго, до какой степени плоды, выработанные бѣд-

ностью, выше плодовъ богатства, и какъ первая прославляла республики, государства и даже религіи, тогда какъ другое было причиною ихъ гибели, еслибъ этотъ предметъ не былъ уже разобранъ столько разъ другими писателями.

ГЛАВА XXVI.

Какимъ образомъ женщины бывали иногда причиною гибели государства.

Въ городѣ Ардеѣ между дворянствомъ и народомъ поднялся бунтъ, причиною котораго былъ бракъ. Дѣло состояло въ томъ, чтобы устроить богатую наслѣдницу, за которую сватались въ одно и тоже время плебей и дворянинъ: такъ какъ ея отецъ умеръ, то опекуны хотѣли выдать ее за перваго; но мать ея предпочитала послѣдняго. По этому поводу произошелъ такой безпорядокъ, что взялись за оружіе: все дворянство вооружилось за дворянина; народъ же взялся за оружіе, чтобъ поддержать плебея. Народъ былъ побѣжденъ и долженъ былъ оставить Ардею и просить помощи у Вольсковъ; дворяне обратились за нею въ Римъ. Вольски предупредили римлянъ и появились первые подъ Ардею и осадили ее. Когда пришли Римляне, то они стѣснили Вольсковъ между городомъ и своею арміею и принудили ихъ голодомъ сдаться безусловно: тогда они взошли въ Ардею, предали казни предводителей мятежа и возстановили въ городѣ порядокъ.

Этотъ разсказъ наводитъ на разныя размышленія. Вопервыхъ можно замѣтить, что женщины были причиною множества гибельныхъ событій и огромныхъ несчастій для тѣхъ, которые управляли государствомъ и что онѣ порождали тамъ многочисленныя раздѣленія. Какъ видно изъ этой самой исторіи, что нанесенное Лукреціи оскорбленіе сбросило съ трона Тарквиніевъ, точно также децемвиры лишились своего могущества вслѣдствіе обиды,

сдѣланной Виргиніи. Аристотель также считаетъ одною изъ главныхъ причинъ паденія многихъ тирановъ оскорбленія, нанесенныя женщинамъ, когда ихъ обезчещивали, насиловали или нарушали святость брака; предметъ этотъ мы уже разбирали въ главѣ, гдѣ говорили о заговорахъ.

Поэтому я скажу, что самодержавные государи и правительственныя лица республики не должны пренебрегать этимъ предметомъ; имъ не могутъ прійти на умъ всѣ обстоятельства, могущія возникнуть изъ этого. Противодѣйствовать вреду, могущему возникнуть изъ этого не позоря и не вредя государству или республикѣ, бываетъ весьма трудно. Это можно легко видѣть изъ примѣра гражданъ Ардеи, которые, позволивъ разростись несогласію жителей, дошли до открытаго разрыва и были принуждены, для возстановленія порядка, прибѣгнуть къ помощи чужеземцевъ; такое поведеніе неизбѣжно ведетъ за собою рабство.

Но намъ время посмотрѣть, какія средства достойны еще вниманія чтобы возстановить въ городѣ согласіе: это будетъ предметомъ слѣдующей главы.

ГЛАВА XXVII.

Какого образа дѣйствій слѣдуетъ держаться, чтобы возстановить согласіе въ городѣ, гдѣ царствуетъ несогласіе, и до какой степени ошибочно мнѣніе, что для сохраненія своей власти въ городѣ надо поддерживать несогласіе.

Способъ, которымъ римскіе консулы примирили жителей Ардеи, указываетъ на образъ дѣйствій, которому нужно слѣдовать, чтобы возстановить порядокъ въ городѣ, въ которомъ царствуетъ несогласіе, и который состоитъ въ уничтоженіи предводителей бунта. Другаго средства нѣтъ. Можно употребить только три слѣдующія средства: или безжалостно отдѣлаться отъ виновныхъ, какъ поступили Римляне, или изгнать изъ города, или принудить

ихъ примириться, взявъ съ нихъ обязательство не бунтовать болѣе. Изъ этихъ трехъ способовъ послѣдній есть самый опасный, самый невѣрный, самый безполезный. Невозможно, чтобы послѣ того, какъ лилась кровь и былъ нарушенъ порядокъ, — миръ, возстановленный силою, былъ проченъ, особенно когда враги ежедневно встрѣчаются лицомъ къ лицу. Трудно помѣшать имъ сразиться вновь, въ особенности когда всякое слово можетъ подать поводъ къ новой ссорѣ между ними.

По этому случаю невозможно привести примѣра болѣе рѣзкаго, какъ примѣръ города Пистойи. Этотъ городъ былъ раздѣленъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, между партіями Панціатики и Канцелліери; но въ то время онъ имѣлъ въ рукахъ оружіе, которое теперь сложилъ. Послѣ продолжительныхъ ссоръ пришли къ убійствамъ, разрушенію домовъ, разграбленію владѣній и ко всѣмъ крайностямъ, къ которымъ прибѣгаютъ относительно враговъ. Флорентинцы, которые предприняли усмиреніе этихъ безпокойствъ, прибѣгали всегда къ третьему средству, и поэтому постоянно возобновлялись новыя возмущенія и безпорядокъ усиливался. Увидя наконецъ безполезность своихъ усилій, они рѣшились употребить второе средство, устранивъ предводителей обѣихъ партій; поэтому они заключили нѣкоторыхъ изъ нихъ въ темницу, а другихъ разослали по разнымъ мѣстамъ; только тогда упрочилось согласіе, которое они возстановили въ городѣ и которое продолжалось до этого времени. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что первый способъ былъ бы самый вѣрный. Но такъ какъ подобныя дѣйствія имѣютъ въ себѣ что-то великое и смѣлое, то слабая республика не смѣетъ прибѣгать къ нимъ; она до такой степени далека отъ нихъ, что едва имѣетъ силы прибѣгать ко второму.

Вотъ одна изъ ошибокъ, въ которую, какъ я сказалъ вначалѣ, впадаютъ государи нашихъ дней, когда имъ приходится разбирать важное дѣло. Слѣдовало бы, чтобъ они пожелали сперва узнать образъ дѣйствій, къ которому прибѣгали въ древности тѣ, которые находились въ подобныхъ обстоятельствахъ; но недостатокъ энергіи въ современныхъ людяхъ, происходящій отъ слабости ихъ воспитанія и недостаточнаго знанія дѣлъ, дѣлаетъ то, что

приговоры, произносимые древними, считаются отчасти противными человѣчности, отчасти же неисполнимыми. Они приняли въ это новое время совершенно ложныя правила; таково же и то, которымъ руководились еще недавно граждане нашего города, считавшіеся самыми мудрыми, *Что надо поддерживать Пистойю партіями, а Пизу крѣпостями;* не видя, до какой степени безполезны обѣ эти мѣры.

Я не буду говорить о крѣпостяхъ, потому что я очень подробно разбиралъ этотъ предметъ въ XXIV главѣ предъидущей книги; я ограничусь указаніемъ, до какой степени безполезно поддерживать въ городѣ, которымъ управляешь, разногласіе, для сохраненія своей власти.

Вопервыхъ, управляетъ ли городомъ государь или это республика, во всякомъ случаѣ невозможно получить расположеніе обѣихъ партій. Въ характерѣ человѣка приставать къ той или другой сторонѣ, всюду, гдѣ представляются различныя мнѣнія, и предпочитать одно другому: изъ чего слѣдуетъ, что такъ какъ одна часть народа недовольна, то вы проигрываете первую открывшуюся войну, потому что невозможно сохранить государство, имѣющее внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Если страною управляетъ республика, то нѣтъ лучшаго средства развратить своихъ гражданъ и ввести между ними раздоръ, какъ управлять городомъ, раздѣленнымъ на партіи, изъ которыхъ каждая, стараясь заслужить расположеніе, прибѣгаетъ ко всѣмъ развращающимъ источникамъ, чтобъ купить себѣ друзей; такимъ образомъ изъ этого вытекаютъ два огромныя неудобства: первое состоитъ въ томъ, что никогда нельзя сдѣлаться другомъ народа, потому что никогда нельзя хорошо управлять имъ, если управленіе безпрестанно мѣняется смотря по тому, какая изъ партій одерживаетъ верхъ; второе же состоитъ въ томъ, что намѣреніе поддерживать разобщеніе непремѣнно разобщаетъ также самую республику. Это утверждаетъ также Біондо, когда выражается слѣдующимъ образомъ, говоря о Флорентинцахъ и жителяхъ Пистойи: *Между тѣмъ, какъ Флорентинцы стремились водворить согласіе въ Пистойѣ, они сами подвергались разногласію.* По

этому примѣру можно судить о гибельныхъ послѣдствіяхъ, которыя ведетъ за собою разобщеніе.

Когда въ 1501 Флоренція потеряла Ареццо и всю Валь-ди-Тевере и Валь-ди-Чіана, которыя занимали Вителли и принцъ де Валентинуа, одинъ Лаонскій вельможа, посланный французскимъ королемъ, пріѣхалъ, чтобъ возстановить Флорентинцамъ всѣ потерянныя ими крѣпости. Визитируя крѣпости, онъ нашелъ въ каждой изъ нихъ жителей, которые объявили ему, что они принадлежатъ къ партіи Марцокко. Онъ горячо порицалъ эти раздѣленія, и прибавилъ, что еслибъ во Франціи нѣкоторые подданные осмѣлились заявить, что они изъ партіи короля, они были бы немедленно наказаны, такъ какъ эти слова значили бы ничто иное какъ что въ королевствѣ существуютъ враги короля, и что его повелитель желаетъ, чтобъ всѣ города, подчиненные его власти, были бы преданы ему и жили бы между собою согласно и не раздѣлялись бы на партіи.

Но такое поведеніе и столь далекіе отъ истины принципы происходятъ единственно отъ слабости тѣхъ, которые управляютъ и которые, будучи убѣждены, что не могутъ сохранить своего государства силою и мужествомъ, предаются этому подлому образу дѣйствій, который можетъ быть иногда полезенъ въ мирное время, но который, когда являются сопротивленія и трудныя времена, разоблачаетъ внезапно всю тщетность свою.

ГЛАВА XXVIII.

Надо тщательно слѣдить за дѣйствіями гражданъ, потому что часто случается, что начало тираніи скрывается подъ добродѣтельнымъ поступкомъ.

Римъ изнывалъ отъ голода и общественные запасные магазины не могли прекратить его: нѣкій Спурій Мелій, обладатель довольно значительныхъ для того времени богатствъ, рѣшился сдѣлать на свой счетъ запасы хлѣба и раздавать его безвозмездно народу. Подобное поведеніе доставило ему столь сильное расположеніе всего населенія, что сенатъ, не довѣряя послѣдствіямъ, которыя могутъ произойти отъ такой щедрости, назначилъ, для уничтоженія этой опасности прежде чѣмъ она разростется, диктатора единственно противъ Мелія и предалъ смерти этого послѣдняго.

Это происшествіе доказываетъ, что часто дѣйствія, которыя кажутся добродѣтельными, а не достойными справедливаго порицанія, дѣлаются гибельны и подвергаютъ республику самымъ ужаснымъ опасностямъ, если не предупредить ихъ вовремя. Чтобы развить мою мысль, я прибавлю, что республика не можетъ существовать безъ достойныхъ гражданъ и счастливо управляться безъ ихъ помощи. Но съ другой стороны извѣстность гражданъ полагаетъ иногда начало тираніи. Чтобы предупредить это несчастіе, слѣдуетъ постановить такія учрежденія, чтобы репутація знаменитаго человѣка была полезна и никогда не вредила ни государству ни свободѣ. Поэтому надо разсмотрѣть пути, по которымъ слѣдуютъ граждане, чтобъ пріобрѣсти довѣріе. Этихъ путей два: поведеніе частное и поведеніе общественное. Общественное уваженіе пріобрѣтается посредствомъ подаванія хорошихъ совѣтовъ и еще болѣе дѣйствіями для общественнаго интереса. Пути эти должны всегда быть открыты гражданамъ, и надо давать тѣмъ, которые слѣдуютъ по нимъ, такія награды, чтобъ они находили въ нихъ и славу и удовлетвореніе, и когда награда, пріобрѣтенная этими путями, чиста и справедлива, то она не можетъ причинить никакой опасности.

Но когда репутація есть плодъ частнаго поведенія, которое есть другой путь, о которомъ мы говорили, то она очень опасна и вредна во всѣхъ отношеніяхъ. Частное поведеніе состоитъ въ томъ, чтобы оказывать услуги всѣмъ гражданамъ безразлично, или одолжая имъ деньги, или выдавая замужъ ихъ дочерей, или защищая ихъ противъ судей, или же осыпая ихъ всѣми благодѣяніями, которыя доставляютъ партизановъ и которыя даютъ смѣлость тому, кто пріобрѣлъ этимъ путемъ расположеніе народа, развращать его и насиловать законы.

Такимъ образомъ хорошо устроенная республика должна, какъ мы уже сказали, открывать всѣ пути тому, кто ищетъ любви народа посредствомъ общественныхъ путей, но она должна преграждать ихъ тѣмъ, которые слѣдуютъ частными путями. Такъ дѣйствовалъ Римъ устраивая для тѣхъ, поступки которыхъ были полезны обществу, тріумфы и всѣ тѣ почести, какими только онъ чествовалъ своихъ гражданъ; между тѣмъ онъ постановлялъ обвиненія противъ тѣхъ, которые подъ разными предлогами старались возвыситься посредствомъ частныхъ дѣйствій. Когда же эти обвиненія не были достаточны, чтобъ вывести изъ заблужденія народъ, ослѣпленный видомъ ложнаго добра, онъ учредилъ диктатора, сильная рука котораго заставляла войти въ границы того, кто выходилъ изъ нихъ; мы видимъ, что она сдѣлала это, чтобы наказать Спурія Мелія. Одно подобное дѣйствіе, оставшись безнаказаннымъ, можетъ погубить республику, потому что послѣ подобнаго примѣра безнаказанности трудно направить государство на должную дорогу.

ГЛАВА XXIX.

Ошибки народа происходятъ отъ государей.

Государи не имѣютъ права жаловаться ни на какую ошибку, совершаемую народомъ, правленіе которымъ находится въ ихъ рукахъ; потому что онѣ происходятъ всегда лишь отъ ихъ недосмотра или вслѣдствіе того, что сами они виноваты въ тѣхъ же заблужденіяхъ. Если прослѣдить исторію народовъ, которые отличались въ наше время грабежемъ и другими подобными пороками, то можно видѣть, что все произошло отъ тѣхъ, которые управляли и характеръ которыхъ походилъ на ихъ характеръ.

Романья, до того времени когда папа Александръ VI уничтожилъ въ ней эту массу феодальныхъ владѣтелей, которые распоряжались ею, представляла примѣръ всевозможныхъ мошенничествъ: малѣйшая причина была поводомъ убійствъ и самаго ужаснаго разбойничества. Источникомъ этихъ безпорядковъ была злоба государей, а не безнравственность народовъ, какъ они осмѣливались утверждать, потому что государи эти, будучи бѣдны, хотѣли жить въ роскоши; и, принужденные прибѣгать къ вымогательствамъ, они употребляли ихъ во всевозможныхъ формахъ. Одно изъ самыхъ злостныхъ примѣненій этого состояло въ изданіи законовъ для запрещенія извѣстныхъ дѣйствій; затѣмъ они первые доставляли случай нарушать ихъ и оставляли виновныхъ безнаказанными до тѣхъ поръ, пока не замѣчали, что число ихъ возрастало: тогда они принимались мстить за оскорбленіе, нанесенное законамъ, не изъ преданности къ справедливости, но въ надеждѣ удовлетворить свою жадность, обогащаясь штрафами.

Отсюда проистекало множество безпорядковъ: народъ бѣднѣлъ и не исправлялся, а тѣ, которые были такимъ образомъ разорены, старались вознаградить себя насчетъ людей, менѣе сильныхъ, чѣмъ они; а отсюда — всѣ тѣ преступленія, о которыхъ мы говорили и которыя нельзя приписать ничему иному, какъ поведенію государя.

Титъ Ливій подтверждаетъ это мнѣніе, когда сообщаетъ, что римскіе посланники, которымъ было поручено перенести остатки города Вейи въ храмъ Аполлона, были взяты корсарами Липари, въ Сициліи, и приведены въ этотъ портъ. Тимазитей, который управлялъ городомъ, узнавъ, въ чемъ состоялъ этотъ даръ, мѣсто его назначенія и кѣмъ онъ былъ посланъ, велъ себя, несмотря на то, что былъ уроженецъ Липари, такъ, какъ сдѣлалъ бы Римлянинъ: онъ представилъ народу, какъ было бы безчестно овладѣть этимъ священнымъ даромъ; и устроилъ дѣло такъ, что посланникамъ позволили единодушнымъ согласіемъ удалиться со всѣмъ тѣмъ, что имъ принадлежало. Вотъ слова, которыя употребляетъ историкъ: *Timasitheus multitudinem religione implevit,*

quæ semper regenti est similis *). А Лаврентій Медичи подтверждаетъ это правило, говоря:

«E que che fa il signor fanno poi molti,
Che nel signor son tutti gli occhi volti.» **)

ГЛАВА XXX.

Гражданинъ, который хочетъ воспользоваться довѣріемъ, которымъ онъ обладаетъ, для какого-нибудь предпріятія, полезнаго его отечеству, долженъ заглушить сперва зависть. Какъ должно, при приближеніи непріятеля, стараться о защитѣ государства.

Римскій сенатъ, узнавъ, что вся Тоскана поднялась съ оружіемъ въ рукахъ, чтобъ идти на Римъ, и что Латины и Герниквы, которые были до тѣхъ поръ союзниками римскаго народа, присоединились къ Вольскамъ, ихъ всегдашнимъ врагамъ, разсудилъ, что эта война представляетъ большія опасности. Камиллъ въ то время былъ однимъ изъ консульскихъ трибуновъ, и было предположено, что безполезно создавать диктатора, если его товарищи согласятся отдать ему въ руки главное начальство; на что эти трибуны охотно согласились: *Nec quicquam*, говоритъ Титъ Ливій, *de majestate sua detractum credebant, quod majestati ejus concessissent* ***). Камиллъ поспѣшилъ воспользоваться этою честью и предписалъ организованіе трехъ армій. Онъ рѣшилъ, что будетъ командовать первою, назначенною противъ тосканцевъ; онъ назначилъ Квинтія Сервилія предводителемъ другой и приказалъ ему находиться въ окрестностяхъ Рима, для сопротивленія Латинамъ и

*) Тимазитей поднялъ религію въ народѣ, всегда руководствующемся примѣромъ правителя.

**) Все, что дѣлаетъ правитель, повторяется потомъ и массами, такъ какъ на правителей обыкновенно обращены бываютъ взоры всѣхъ.

***) Никто не считалъ, что, уступая это ему, онъ терялъ часть своей власти.

Герниквамъ, если они двинутся; онъ поставилъ Луція Квинтія во главѣ третьей и поручилъ ему охраненіе города и защиту воротъ города и куріи, если обстоятельства потребуютъ этого. Онъ приказалъ между прочимъ, чтобы Горацій, одинъ изъ его товарищей, наблюдалъ за запасомъ оружія и съѣстныхъ припасовъ и за всѣмъ тѣмъ, что необходимо въ военное время; наконецъ онъ предложилъ сенату и народному собранію Корнелія, также своего товарища, чтобъ руководить рѣшеніями и мѣрами, которыя придется ежедневно предпринимать и приводить въ исполненіе. Вотъ какимъ образомъ желали въ то время трибуны командовать и слушаться для спасенія своего отечества.

Разсказъ этотъ научаетъ насъ, что можетъ сдѣлать умный и осторожный человѣкъ, источникомъ какого блага можетъ онъ быть, какую пользу можетъ онъ принести своему отечеству, если его добродѣтели и мужество заглушили въ немъ зависть, порокъ, который такъ часто бываетъ причиною, что добродѣтельные люди не могутъ употребить съ пользою своихъ хорошихъ качествъ, не позволяя имъ имѣть власть, необходимую въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Зависть побѣждается двумя обстоятельствами: это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ грозитъ большая и неминуемая опасность, причемъ каждый, видя свою гибель, жертвуетъ своимъ личнымъ честолюбіемъ, и подчиняется добровольно тому, мужество котораго можетъ, по его мнѣнію, спасти его; такъ случилось съ Камилломъ. Онъ далъ такъ много доказательствъ своего превосходства и, выбранный три раза диктаторомъ, управляя съ такою пользою для республики, никогда не заботясь о своихъ собственныхъ выгодахъ, что его сограждане нисколько не опасались его власти и никто не считалъ для себя постыднымъ подчиняться ему, такъ высоко поставили его добродѣтели и мужество. По этой причинѣ Титъ Ливій и сдѣлалъ приведенное нами выше замѣчаніе.

Зависть побѣждается также естественной или насильственной смертью тѣхъ, которые соперничаютъ съ вами въ славѣ и почестяхъ и которые, видя репутацію, болѣе блестящую нежели ихъ собственная, не могутъ ни оставаться спокойными, ни терпѣливо

переносить это превосходство. Это люди, привыкшіе жить при дурномъ правительствѣ, гдѣ воспитаніе не внушило имъ никакой добродѣтели и никакое обстоятельство не можетъ обратить ихъ къ лучшимъ чувствамъ; чтобы достигнуть исполненія своихъ желаній и удовлетворить преступныя стремленія своей души, они съ удовольствіемъ смотрѣли бы на гибель своего отечества. Чтобъ побѣдить эту зависть, есть только одно средство: это смерть завистниковъ. Если судьба такъ благопріятствуетъ добродѣтельному человѣку, что удаляетъ соперниковъ его естественною смертью, то онъ можетъ безъ сопротивленія достигнуть верха славы, такъ какъ онъ можетъ безпрепятственно выказать всю свою добродѣтель, никого не оскорбляя. Но если онъ не имѣетъ этого счастія, то ему нужно стараться освободиться отъ своихъ соперниковъ какими бы то ни было средствами, и прежде чѣмъ что-нибудь предпринять, онъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы восторжествовать надъ этимъ препятствіямъ.

Каждый, понимающій какъ должно Библію, увидитъ, что Моисей былъ принужденъ, чтобъ упрочить свои законы и постановленія, предать смерти множество людей, изъ зависти только противившихся его намѣреніямъ.

Іеронимъ Савонарола былъ убѣжденъ въ этой необходимости; Петръ Содерини, гонфалоньеръ Флоренціи, тоже понималъ это; но Савонарала не могъ сдѣлать этого, потому что у него не было должной власти и тѣ, которые могли бы это сдѣлать, не понимали его. Онъ съ своей стороны дѣлалъ все, что могъ, и проповѣди его наполнены обвиненіями и упреками мудрыхъ міра сего, какъ онъ называлъ завистниковъ и всѣхъ, кто противился его преобразованіямъ.

Содерини съ своей стороны думалъ, что время, его собственная доброта, богатство его, которое онъ расточалъ всѣмъ, наконецъ заглушатъ эту зависть; онъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ—и почести, доставляемыя ему постоянно его поведеніемъ, убѣдили его, что онъ безъ насилія и безпорядковъ возвысится надъ людьми, изъ зависти противившимися его намѣреніямъ; онъ не зналъ, что отъ времени ничего ожидать нельзя, что доброты недостаточно, что

счастіе часто измѣняется и что злоба не удовлетворяется никакими дарами. Поэтому оба погибли, и единственною причиною ихъ гибели было неумѣніе или невозможность побѣдить зависть.

Также достоинъ особаго замѣчанія тотъ порядокъ внутри и внѣ Рима, который постановилъ Камиллъ для защиты города. Благоразумные историки, какъ напр. Титъ Ливій, конечно не безъ причины подробно описали нѣкоторыя обстоятельства; они сдѣлали это для того, чтобы потомки видѣли на примѣрахъ, какъ надо защищаться въ подобныхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ разсказѣ надо обратить вниманіе на то, что защита, при которой все дѣлается безпорядочно и поспѣшно, представляетъ наиболѣе опасности и наименѣе пользы, какъ это доказываетъ третья армія, собранная Камилломъ для охраненія города и оставшаяся въ Римѣ. Многіе будутъ смотрѣть, и смотрятъ, можетъ быть, на это какъ на совершенно ненужную вещь у воинственнаго народа, привыкшаго быть постоянно вооруженнымъ, считая, что при этомъ наборы безполезны и что достаточно вооружить гражданъ, когда это потребуется.

Но Камиллъ думалъ напротивъ, какъ и всякій опытный военачальникъ, что никогда не надо позволять толпѣ браться за оружіе безъ извѣстнаго порядка и нѣкоторыхъ предосторожностей. Этотъ примѣръ показываетъ, что начальникъ, которому поручено заботиться о защитѣ государства, долженъ избѣгать, какъ роковой ошибки, безпорядочнаго вооруженія народа; нужно, чтобъ онъ выбралъ и назначилъ самъ людей, которыхъ онъ хочетъ призвать къ оружію, начальниковъ, которымъ они должны повиноваться, мѣсто, гдѣ они должны собраться, куда должны идти, и приказалъ остальнымъ оставаться въ домахъ и стеречь и защищать ихъ. Начальники, сообразующіеся съ этимъ въ осажденномъ городѣ, легко могутъ защищаться; тотъ, кто будетъ дѣйствовать обратно, не будетъ подражать Камиллу, и не защитится.

ГЛАВА XXXI.

Сильныя республики и люди твердаго характера сохраняютъ во всѣхъ положеніяхъ одинаковое мужество и достоинство.

Въ числѣ удивительныхъ поступковъ и словъ, приводимыхъ нашимъ историкомъ о Камиллѣ, чтобъ представить изображеніе великаго человѣка, онъ приписываетъ ему слѣдующія слова: *Nec mihi dictatura animos fecit, nec exilium ademit* *). Эти слова показываютъ, что великіе люди остаются тѣ же, въ какомъ бы положеніи они ни находились. Если судьба ихъ мѣняется, то возвышая, то унижая ихъ, они сами не мѣняются, и постоянно сохраняютъ то же душевное спокойствіе, какъ и обыкновенно, такъ что каждый легко видитъ, что измѣненіе ихъ положенія не имѣетъ на нихъ вліянія.

Люди безъ душевной твердости ведутъ себя совершенно иначе. Счастіе совершенно опьяняетъ ихъ и они приписываютъ его добродѣтелямъ, которыхъ никогда не знали; поэтому они скоро дѣлаются несносными и ненавистными всѣмъ окружающимъ, и этимъ объясняется скорое измѣненіе въ ихъ положеніи. Но едва постигло ихъ несчастіе, какъ они впадаютъ въ противоположную крайность и дѣлаются низкими и подлыми. Отсюда слѣдуетъ, что монархи этого характера заботятся въ несчастіи больше бѣжать отъ самихъ себя, чѣмъ защищаться, также какъ и люди, дурно пользовавшіеся счастіемъ, никогда не готовы къ защитѣ.

Это мужество и эта трусость, встрѣчающіеся, какъ я сказалъ, въ отдѣльныхъ людяхъ, встрѣчаются также и въ республикахъ, примѣромъ чему могутъ служить Римъ и Венеція. Первый никогда

*) Диктаторъ не заставитъ меня забыться, также какъ изгнаніе не унизило бы.

не падалъ духомъ въ несчастіи и не гордился въ счастіи, какъ это несомнѣнно доказываетъ то, какъ были приняты пораженіе при Каннахъ и побѣда надъ Антіохомъ. Каннское пораженіе, хотя и чрезвычайно несчастное для Рима, такъ какъ оно было третьимъ пораженіемъ, испытаннымъ республикою, не могло ни побѣдить постоянства Рима и удержать его отъ набора новыхъ войскъ, ни принудить къ нарушенію постановленій республики выкупивъ плѣнныхъ. Римъ не послалъ ни въ Карѳагенъ, ни къ Аннибалу просить мира; напротивъ того, отбросивъ всякія подлыя и унизительныя мѣры, онъ обратилъ всѣ свои мысли къ войнѣ и, по недостатку людей, способныхъ носить оружіе, вооружилъ даже невольниковъ и стариковъ. Карѳагенецъ Ганнонъ, узнавъ, какъ я уже говорилъ выше, объ этихъ мѣрахъ, объяснилъ карѳагенскому сенату, какъ мало можно надѣяться на пораженіе при Каннахъ. Это показываетъ, что трудныя обстоятельства не удивили Римлянъ и не могли унизить ихъ.

Съ другой стороны, счастіе никогда не дѣлало ихъ заносчивыми: когда Антіохъ послалъ къ Сципіону посланниковъ съ предложеніями передъ битвою, въ которой онъ былъ разбитъ, этотъ послѣдній поставилъ условіемъ мира, чтобъ Антіохъ удалился вовнутрь Сиріи, предоставивъ остальное великодушію Римлянъ. Антіохъ отказался и вступилъ въ битву, но, будучи разбитъ, послалъ снова къ Сципіону посланниковъ съ приказаніемъ принять всѣ условія, которыя ему предпишетъ побѣдитель. Сципіонъ поставилъ тѣ же условія, что и передъ побѣдою, и прибавилъ слѣдующее: *Quod Romani si vincuntur non minuuntur animis, nec si vincunt insolescere solent* *).

Венеціанцы, напротивъ, держали себя совершенно обратно. Опьяненные своимъ счастіемъ и полагая, что они обязаны имъ только ихъ мужеству, котораго у нихъ, между тѣмъ, не было, они сдѣлались такъ заносчивы, что называли французскаго короля

*) Пораженіе не дѣлаетъ Римлянъ малодушными; побѣда не обращаетъ ихъ въ тщеславныхъ.

не иначе, какъ сыномъ святаго Марка; они презирали папу, находили, что Италія слишкомъ тѣсна для нихъ, и обольщались до того, что мечтали имѣть столь же обширныя владѣнія, какъ въ древности Римляне. Но когда счастье измѣнило имъ и французскій король наполовину разбилъ ихъ при Вальѣ, они нетолько потеряли всѣ свои владѣнія вслѣдствіе возмущенія, но еще отдали большія провинціи папѣ и Испаніи, вслѣдствіе своей трусости и недостатка мужества. Они унизились даже дотого, что послали посланниковъ къ Императору, предлагая платить ему дань, и письма, которыя они писали папѣ, чтобы возбудить въ немъ жалость къ себѣ, будутъ служить памятниками позора. Итакъ четыре дня и полупораженіе были достаточны, чтобъ такъ унизить ихъ. Ихъ армія, послѣ первой битвы, принуждена была при отступленіи вступить снова въ битву, въ которой половина войска была почти разбита; одинъ изъ преведиторовъ обратился въ бѣгство съ остальнымъ войскомъ и привелъ въ Верону больше двадцати пяти тысячъ человѣкъ, какъ кавалеріи, такъ и пѣхоты, такъ что, еслибъ въ Венеціи и въ ея учрежденіяхъ была хоть тѣнь добродѣтели, республика легко могла бы поправить это несчастіе, снова попытать счастія и такимъ образомъ быть въ состояніи или побѣдить, или погибнуть со славой, или получить менѣе позорныя условія. Но трусость ея гражданъ, происходившая отъ дурныхъ ея военныхъ учрежденій, лишили ее разомъ и власти, и мужества.

Такова судьба, ожидающая всѣхъ, поступающихъ такимъ образомъ, потому что эта заносчивость въ счастіи и низость въ несчастіи происходятъ отъ образа жизни и полученнаго воспитанія; воспитаніе, если оно низко или пусто, производитъ такихъ же людей, но если другаго рода, то и даетъ другихъ людей, и, доставляя имъ болѣе вѣрное знаніе міра, не позволяетъ имъ слишкомъ радоваться счастію и слишкомъ печалиться въ несчастіи.

То, что я говорю объ отдѣльныхъ личностяхъ, относится ко всѣмъ живущимъ подъ однимъ и тѣмъ же правительствомъ, степень совершенства котораго всегда обусловливается образомъ жизни людей.

Хотя я и говорилъ уже выше, что основаніе всѣхъ государствъ есть хорошее войско и что тамъ, гдѣ его нѣтъ, не можетъ быть

ни хорошихъ законовъ, ни вообще чего-нибудь хорошаго, но считаю нужнымъ еще разъ повторить это, потому что при чтеніи исторіи на каждомъ шагу видна эта необходимость. Здѣсь видно, что войско не можетъ быть хорошо, если оно не упражняется постоянно, упражнять же его невозможно, если оно не составлено изъ вашихъ подданныхъ, такъ какъ государство не всегда въ войнѣ и не можетъ быть всегда въ войнѣ. Итакъ должно имѣть возможность упражнять армію въ мирное время, и если она не состоитъ изъ вашихъ подданныхъ, то упражненія эти невозможны вслѣдствіе большихъ расходовъ, которыхъ они требуютъ.

Камиллъ, какъ мы уже сказали, вышелъ съ своимъ войскомъ навстрѣчу Тосканцамъ; его воины испугались, видя многочисленность враговъ и считая себя слишкомъ слабыми, чтобы выдержать натискъ. Камиллъ узналъ объ этомъ дурномъ расположеніи войскъ, вышелъ къ нимъ и обошелъ весь лагерь, разговаривая съ солдатами; ему удалось изгладить изъ ихъ ума эту опасную мысль, и наконецъ, не дѣлая другихъ распоряженій, онъ сказалъ только: *Quod quisque didicit, aut consuevit, faciat* *).

Размышляя объ этомъ поступкѣ и о словахъ, произнесенныхъ имъ, чтобы побудить войска идти противъ непріятеля, легко убѣдиться, что сказать и сдѣлать это можно было только имѣя армію, одинаково упражнявшуюся и въ военное, и въ мирное время. Военачальникъ не можетъ ни положиться на незнающихъ солдатъ, ни быть увѣреннымъ, что они хорошо исполнятъ свою обязанность, и еслибы ими предводительствовалъ новый Аннибалъ, то и тотъ не вынесъ бы такого бремени, потому что въ битвѣ начальникъ не можетъ находиться въ одно и тоже время вездѣ, и если онъ не позаботился заранѣе, чтобъ солдаты его арміи прониклись его духомъ и знали его распоряженія, то онъ очевидно долженъ потерпѣть пораженіе.

Итакъ если государство вооружается и организуется, какъ Римъ,

---

*) Пусть каждый дѣйствуетъ, какъ можетъ и привыкъ.

Макіавелли.

если его граждане каждый день должны и публично, и въ частной жизни испытывать свое мужество и твердость характера, то, въ какихъ бы обстоятельствахъ они ни находились, они всегда будутъ сохранять то же самое мужество и достоинство. Но если они не вооружены и если они надѣятся только на прихоти судьбы, а не на собственное свое мужество, то они должны будутъ испытать всю ея измѣнчивость и представятъ такой же примѣръ, какъ и Венеціанцы.

ГЛАВА XXXII.

Какія средства употребляли нѣкоторые, чтобы нарушить миръ.

Цирцея и Велитра, двѣ римскія колоніи, возмутились противъ метрополіи, въ надеждѣ на помощь Латинцевъ; но такъ какъ народъ этотъ былъ побѣжденъ, то значительное число гражданъ совѣтовали послать въ Римъ посланниковъ, чтобъ просить сенатъ о милосердіи. Совѣтъ этотъ былъ отвергнутъ зачинщиками возмущенія, боявшимися, чтобъ все наказаніе не пало на нихъ, и чтобы удалить всякую возможность мирнаго предложенія, они побудили толпу взяться за оружіе и сдѣлать нападеніе на римскія владѣнія.

Дѣйствительно, когда хотятъ, чтобъ народъ или монархи отказались отъ всякаго примиренія, то нѣтъ болѣе вѣрнаго и надежнаго средства, какъ побудить ихъ къ какому-нибудь важному вѣроломству относительно того, съ кѣмъ не хотятъ видѣть примиренія; они будутъ тѣмъ болѣе противъ мира, чѣмъ болѣе будутъ бояться наказанія, котораго, по ихъ мнѣнію, заслуживаетъ сдѣланное ими оскорбленіе.

Послѣ первой пунической войны войска, служившія Карѳагенянамъ противъ Римлянъ въ Сициліи и Сардиніи, возвратились въ

Африку тотчасъ по заключеніи мира; недовольные платою, они возмутились противъ Карѳагена, выбрали себѣ начальниками Матона и Спендія, овладѣли многими городами республики и разграбили множество другихъ. Карѳагеняне, рѣшившись испытать всѣ средства прежде, чѣмъ вступить въ битву, послали къ нимъ своего соотечественника Асдрубала, который, какъ они думали, бывъ прежде ихъ начальникомъ, долженъ былъ сохранить надъ ними нѣкоторую власть. Но едва только онъ прибылъ въ ихъ лагерь, Матонъ и Спендій, желая принудить своихъ солдатъ не разсчитывать болѣе на миръ съ Карѳагеномъ, и напротивъ побудить ихъ къ войнѣ, убѣдили ихъ, что гораздо лучше убить Асдрубала и всѣхъ Карѳагенянъ, бывшихъ у нихъ въ плѣну. Эти изверги нетолько убили ихъ, но еще предварительно подвергли ихъ самымъ страшнымъ мученіямъ, и вдобавокъ къ этому варварству обнародовали законъ, угрожавшій такими же мученіями всѣмъ Карѳагенянамъ, которые только попадутъ къ нимъ въ руки. Это рѣшеніе и послѣдовавшія за нимъ убійства довели до крайняго предѣла ярость и упрямство этого войска противъ Карѳагена.

ГЛАВА XXXIII.

Для одержанія побѣды надо, чтобы армія надѣялась на себя и на своего полководца.

Если хотятъ, чтобъ армія одержала побѣду, нужно внушить ей такое довѣріе, чтобъ она была убѣждена, что ничто не помѣшаетъ ей побѣдить. Это довѣріе является въ ней, если она хорошо вооружена, хорошо дисциплинирована и составлена изъ войскъ, знающихъ другъ друга. Но довѣріе это, или эта дисциплина, можетъ возникнуть только между солдатами одной страны, привыкшими жить вмѣстѣ.

Необходимо, чтобъ военачальникъ пользовался уваженіемъ, такъ чтобы армія надѣялась на него; и она всегда будетъ надѣяться на него, если увидитъ, что онъ любитъ дисциплину, мужественъ, заботливъ и что достойно поддерживаетъ величіе своего сана. До всего этого онъ достигнетъ легко, если будетъ наказывать солдатъ за проступки, не утомляя ихъ безполезно, точно исполнять свои обѣщанія, показывая имъ, что путь къ побѣдѣ легокъ, будетъ скрывать отъ нихъ предметы, издали кажущіеся опасными, и уменьшить ихъ значеніе. Соблюденіе этихъ условій составляетъ одну изъ главныхъ причинъ увѣренности войска, а увѣренность ведетъ къ побѣдѣ.

Римляне пользовались религіей для внушенія своимъ войскамъ этой увѣренности, вслѣдствіе чего они начинали вопрошеніемъ ауспицієвъ и аруспицієвъ назначеніе консуловъ, наборъ войскъ, раздѣленіе арміи и битву. Хорошій полководецъ никогда не принялъ бы ни малѣйшаго рѣшенія не исполнивъ всѣхъ этихъ формальностей, будучи увѣренъ, что ему ничто не удастся, если солдаты не услыхали прежде, что боги на ихъ сторонѣ. И еслибъ какой-нибудь консулъ, или другой военачальникъ, вступилъ въ битву несмотря на ауспиціи, то они наказали бы его, какъ наказали Клавдія Пульхера.

Хотя примѣры подобнаго рода дѣйствій встрѣчаются во всей древней исторіи, но мы видимъ особое доказательство этого въ словахъ, приписываемыхъ Титомъ Ливіемъ Аппію Клавдію. Онъ жаловался народу на гордость и наглость трибуновъ, доказывая, что они одни причиною уменьшенія вліянія ауспиціи и другихъ религіозныхъ учрежденій; вотъ что онъ сказалъ: *Eludant nunc licet religionem. Quid enim interest, si pulli non pascentur, si ex cavea tardius exierint, si occinuerit avis? Parva sunt haec; sed parva ista non contemnendo, majores nostri maximam hanc rempublicam fecerunt* *). Эти мелочи дѣйствительно поддерживаютъ единство и довѣренность войскъ, что составляетъ первую причину побѣды; но онѣ должны быть всегда неразлучны съ мужествомъ, и иначе ни къ чему не служатъ.

*) Надъ религіею въ наше время смѣются. Въ самомъ дѣлѣ, что за важность, если куры дурно клюютъ, если цыплята медленно вылупляются, если вообще птица дѣлаетъ неблагопріятное предсказаніе? Все это вздоръ и сказки, но великіе наши предки, не пренебрегая такими мелочами, съумѣли создать нашу великую республику.

Жители Пренесты, выславъ свое войско въ походъ противъ Римлянъ, расположились лагеремъ на берегу Алліи, на томъ мѣстѣ, гдѣ Римляне были разбиты прежде Галлами; они сдѣлали это, чтобъ внушить довѣріе своимъ войскамъ и выборомъ мѣста испугать Римлянъ. Хотя этотъ планъ представлялъ нѣкоторое вѣроятіе, по вышеприведеннымъ причинамъ, тѣмъ неменѣе исходъ дѣла показываетъ, какъ выше стоитъ истинное мужество надъ этими слабыми препятствіями. Титъ Ливій очевидно доказываетъ это, приписывая слѣдующія слова диктатору, въ то время, когда онъ отдавалъ приказанія начальнику своей кавалеріи. *Vides-ne tu, loci fortuna illos fretos, ad Alliam consedisse? At tu, fretus armis animisque, invade mediam aciem* *).

Дѣйствительно, истинное мужество, строгая дисциплина, увѣренность, происходящая отъ привычки побѣждать, не могутъ быть побѣждены такими ничтожными обстоятельствами, и фальшивая тревога или неожиданный безпорядокъ не могутъ ни испугать, ни разстроить войска, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра. Оба Манлія, консулы, имѣвшіе одно и то же имя, находились въ присутствіи Вольсковъ; они неосторожно выслали часть своего войска на добычу, такъ что и вышедшіе и оставшіеся были осаждены непріятелемъ, и армію спасло отъ этой опасности не искусство консуловъ, а мужество солдатъ. Это заставило Тита Ливія сказать: *Militum etiam sine rectore stabilis virtus tutata est* **).

Я упомяну здѣсь также средство, употребленное Фабіемъ: онъ только-что вступилъ въ Тоскану, и, чтобы внушить своему вой-

*) Видишь ли, что они, надѣясь всего отъ мѣстоположенія своихъ войскъ, располагаются по берегу Алліи? Не смущайся этимъ и, надѣясь на духъ своего войска и силу оружія, ворвись въ самую средину ихъ строя.

**) Прочная доблесть войска, даже не имѣющаго (хорошаго) вождя, спасительна.

ску увѣренность, которую онъ считалъ необходимою для своихъ плановъ въ незнакомой странѣ, въ присутствіи новыхъ враговъ, онъ говорилъ съ солдатами своими о предстоящей битвѣ. Изложивъ имъ, по какимъ причинамъ они могли надѣяться на побѣду, онъ прибавилъ: «Я могъ бы привести вамъ еще много другихъ причинъ, изъ которыхъ вы увидали бы, что мы навѣрное побѣдимъ, но было бы опасно открывать ихъ.» Способъ этотъ, употребленный имъ очень умно, заслуживаетъ подражанія.

ГЛАВА XXXIV.

Какая извѣстность, какой общій голосъ, какое мнѣніе побуждаетъ народъ оказывать особое предпочтеніе одному изъ гражданъ и даетъ ли онъ высшія правительственныя мѣста съ бо́льшимъ выборомъ, чѣмъ монархъ.

Мы разсказали выше, какъ Титъ Манлій, названный позже Торкватомъ, спасъ своего отца Л. Манлія отъ обвиненія, направленнаго противъ него Маркомъ Помпоніемъ, народнымъ трибуномъ. Хотя способъ, которымъ онъ спасъ его, имѣетъ что-то насильственное и необыкновенное, но выказанная ихъ сыновняя любовь такъ понравилась толпѣ, что ему нетолько не сдѣлали выговора, но при выборѣ легіонныхъ трибуновъ назначили его вторымъ.

Полученный имъ въ этомъ случаѣ успѣхъ побуждаетъ меня разсмотрѣть, на чемъ основывается народъ при своихъ сужденіяхъ о людяхъ относительно распредѣленія должностей, и, какъ я сказалъ выше, съ бо́льшимъ ли выборомъ онъ дѣлаетъ это, чѣмъ монархи. Итакъ я говорю, что, когда дѣло идетъ о назначеніи гражданина, неизвѣстнаго еще по дѣйствіямъ, народъ въ своемъ рѣшеніи руководствуется репутаціею его и общимъ голосомъ на его счетъ, или предположеніемъ, или тѣмъ понятіемъ, которое подалъ о себѣ этотъ гражданинъ. Это мнѣніе основывается на извѣстности предковъ, которые въ свое время прославились въ государствѣ, что́ заставляетъ предполагать, что потомокъ ихъ будетъ подобенъ имъ, пока его дѣйствія не докажутъ противнаго; или оно происходитъ отъ образа дѣйствія самого гражданина. Всего лучше съ его стороны посѣщать общество людей, пользующихся общимъ уваженіемъ и извѣстныхъ своею хорошею нравственностью. Такъ какъ всего вѣрнѣе можно судить о характерѣ человѣка по людямъ, въ обществѣ которыхъ онъ бываетъ, то очевидно, что тотъ, кто бываетъ только въ обществѣ людей добродѣтельныхъ, не можетъ не пріобрѣсти хорошей репутаціи, потому что невозможно, чтобы онъ не былъ въ какомъ-нибудь отношеніи похожъ на людей, съ которыми онъ живетъ. Такъ же можно пріобрѣсти общее уваженіе какимъ нибудь необыкновеннымъ и блестящимъ поступкомъ, хотя бы и въ частной жизни, слѣдствіе котораго покрыло бы васъ славою.

Изъ этихъ трехъ условій, начинающихъ репутацію гражданина, самое вѣрное—послѣднее, потому что условіе извѣстности предковъ такъ обманчиво, что люди мало довѣряютъ ему, и оно скоро пропадаетъ, если не сопровождается личною добродѣтелью того, къ кому относится сужденіе согражданъ.

Второе, т. е. то, которое дѣлаетъ васъ извѣстнымъ по посѣщаемому вами обществу, лучше перваго, но гораздо ниже третьяго, потому что пока не видятъ отъ васъ никакого дѣйствія, происходящаго отъ вашей собственной добродѣтели, ваша репутація основывается на мнѣніи другихъ, которое легко можно стереть. Но третье, начатое и основанное вашими хорошими поступками, даетъ вамъ тотчасъ же такую извѣстность, что нужно опровергнуть ее многими противоположными дѣйствіями, чтобы ее уничтожить.

Итакъ родящіеся въ республикѣ должны слѣдовать по этому пути и стараться прославиться сначала какимъ-нибудь блестящимъ поступкомъ. Такъ дѣйствовали множество молодыхъ римлянъ—или заставляя издать выгодный для народа законъ или обвиняя какого-нибудь гражданина, пользовавшагося властью, въ нарушеніи законовъ, или совершая какой-нибудь другой блестящій поступокъ,

заставляющій говорить о нихъ. Этотъ образъ дѣйствія необходимъ нетолько для пріобрѣтенія извѣстности, но и для сохраненія и увеличенія ея.

Но, чтобъ успѣвать на этомъ пути, должно возобновлять блестящіе поступки, какъ дѣлалъ это Титъ Манлій въ теченіе всей своей жизни. И дѣйствительно, онъ защитилъ своего отца такимъ мужественнымъ и необыкновеннымъ образомъ, что этимъ поступкомъ пріобрѣлъ первую извѣстность; потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ позже онъ вступилъ въ бой и убилъ Галла, съ котораго сорвалъ золотое ожерелье, вслѣдствіе чего и получилъ названіе Торквата. Но этого ему было недостаточно, и въ зрѣломъ возрастѣ онъ приказалъ казнить своего сына за то, что тотъ вступилъ въ бой противъ его приказанія, хотя послѣдній и остался побѣдителемъ. Эти три поступка больше прославили его, и сдѣлали болѣе извѣстнымъ потомству, чѣмъ его побѣды и тріумфы, полученные имъ наравнѣ со многими другими римлянами. Причина этого состоитъ въ томъ, что въ побѣдахъ Манлій имѣлъ много соперниковъ, тогда какъ имѣлъ ихъ очень мало, если только имѣлъ, въ этихъ поступкахъ, свойственныхъ только ему одному.

Великій Сципіонъ пріобрѣлъ меньше славы своими тріумфами, чѣмъ тѣмъ, что въ молодости защитилъ своего отца на берегу Тезина, или тѣмъ, что послѣ пораженія при Каннахъ, мужественно обнаживъ мечъ, заставилъ молодыхъ римлянъ поклясться, что они никогда не оставятъ Италію, хотя они уже имѣли это намѣреніе. Эти два поступка начали его репутацію и послужили ему ступенью для достиженія испанскихъ и африканскихъ тріумфовъ. Но онъ достигъ верха славы отославъ въ Испанію дочь къ ея отцу и жену къ мужу.

Такого образа дѣйствія неизбѣжно долженъ держаться нетолько гражданинъ, добивающійся извѣстности только для пріобрѣтенія почестей въ республикѣ, но даже и монархъ, желающій сохранить свою репутацію въ государствѣ. Болѣе всего пріобрѣтаютъ ему уваженіе замѣчательныя и необыкновенныя слова и дѣйствія, имѣющія цѣлью счастіе народа и которыя пріобрѣтали бы ему извѣстность какъ великодушному, справедливому и щедрому государю, образъ дѣйствія котораго таковъ, что обратился между подданными въ пословицу.

Но, возвращаясь къ тому, чѣмъ мы начали эту главу, я замѣчу, что народъ не можетъ ошибаться, если начинаетъ давать одному изъ своихъ согражданъ, на основаніи одного изъ вышеприведенныхъ трехъ обстоятельствъ, государственныя должности; но шансы ошибки будутъ еще меньше, если впослѣдствіи избранный имъ увеличиваетъ свою репутацію часто повторяемыми добродѣтельными поступками, потому что въ этомъ случаѣ почти невозможно, чтобъ его сужденіе оказалось ошибочнымъ; я говорю здѣсь только о должностяхъ, даваемыхъ человѣку въ началѣ его поприща, и прежде чѣмъ онъ сталъ извѣстенъ постоянной опытностью, или перешелъ отъ одного образа дѣйствія къ другому, противоположному; отсюда слѣдуетъ, что относительно ошибочныхъ мнѣній народъ менѣе подверженъ заблужденію, нежели монархи.

Конечно можетъ случиться, что народъ обманется, прельщенный репутаціей, общимъ мнѣніемъ, или поступками, кажущимися ему болѣе великими, нежели каковы они въ дѣйствительности, что́ не случится съ монархомъ, которому совѣтники не замедлятъ открыть глаза. Но чтобъ народъ не былъ тоже лишенъ совѣтовъ, мудрые основатели республикъ постановили, что когда дѣло идетъ о назначеніи въ высшія государственныя должности, на которыя было бы опасно выбрать неопытныхъ людей, и если народъ склоняется къ выбору человѣка неспособнаго, то позволено, и даже похвально, со стороны каждаго гражданина публично заявить о недостаткахъ этого кандидата, чтобъ народъ, узнавъ о немъ болѣе, могъ правильнѣе судить.

Что этотъ обычай былъ въ употребленіи въ Римѣ, доказываетъ рѣчь, произнесенная Фабіемъ Максимомъ передъ народомъ, во время второй пунической войны, когда онъ увидѣлъ, что народъ выбиралъ консуломъ Тита Октасилія. Фабій, думая, что подобный кандидатъ не можетъ при такихъ обстоятельствахъ хорошо выполнить консульскихъ обязанностей, возсталъ противъ этого выбора, показалъ всю его недостаточность, и ему удалось убѣдить народъ выбрать болѣе достойнаго.

Итакъ народы руководствуются при выборѣ въ государственныя должности самыми несомнѣнными доказательствами, какія только можетъ дать человѣкъ относительно своихъ способностей; и если они могутъ сверхъ того получать совѣты, какъ монархи, то гораздо менѣе послѣднихъ бываютъ склонны къ заблужденію, и всякій гражданинъ, желающій съ самаго начала получить народное расположеніе, долженъ, какъ Титъ Манлій, заслужить его какимъ-нибудь блестящимъ поступкомъ.

ГЛАВА XXXV.

Какимъ опасностямъ подвергаются совѣтующіе, первыми, какое-нибудь рѣшеніе, и тѣмъ бо́льшимъ опасностямъ, чѣмъ самое рѣшеніе болѣе выходитъ изъ обыкновенныхъ правилъ.

Было бы слишкомъ долго и трудно разбирать здѣсь опасности, которымъ подвергаются люди, побуждающіе къ какому-нибудь новому предпріятію, требующему содѣйствія большаго числа людей, трудно направляемому и требующему особыхъ усилій для доведенія ихъ до конца. Предоставляя себѣ разборъ этого въ болѣе удобное время, я здѣсь буду только говорить объ опасностяхъ, которымъ подвергаются граждане или совѣтники монарха, предлагая первыми какое-либо важное рѣшеніе, такъ что на нихъ однихъ падаютъ всѣ послѣдствія возможныхъ неудачъ. Люди, привыкнувъ судить о происшествіяхъ по результатамъ, возлагаютъ всю отвѣтственность на совѣтовавшаго. Если дѣло удастся, то его, правда, будутъ хвалить, но эта награда далеко не уравновѣшиваетъ роковыхъ послѣдствій, которымъ онъ подвергается.

Султанъ Селимъ, царствующій въ настоящее время въ Турціи, приготовлялся, какъ разсказываютъ возвратившіеся оттуда путешественники, къ походу для завоеванія Сиріи и Египта; Паша, управлявшій отъ его имени на границѣ Персіи, убѣждалъ его выступить противъ Персіи. Послѣдовавъ этому совѣту, султанъ предпринялъ походъ этотъ съ многочисленною арміею; но, вступивъ въ обширныя пустыни, гдѣ вода встрѣчается чрезвычайно рѣдко, онъ встрѣтилъ тѣ же препятствія, которыя нѣкогда были причиною гибели римскихъ войскъ; доведенный до крайности, онъ, хотя и разбилъ непріятеля, но потерялъ большую часть своей арміи отъ чумы и голода. Въ гнѣвѣ на совѣтовавшаго эту войну, онъ убилъ его.

Исторія представляетъ множество примѣровъ гражданъ, отправленныхъ въ ссылку за то, что они посовѣтовали предпріятіе, кончившееся несчастливо. Нѣсколько римскихъ гражданъ стали во главѣ партіи, хотѣвшей плебейскаго консула; первый, получившій эту должность, былъ разбитъ въ первый же разъ, какъ онъ предводительствовалъ войсками. Посовѣтовавшіе это нововведеніе безъ сомнѣнія были бы наказаны, еслибы партія, введшая его, не была такъ сильна.

Люди, стоящіе во главѣ совѣтовъ республикъ или монархіи, находятся, очевидно, въ дурномъ положеніи: если они не подаютъ совѣта полезнаго, по ихъ мнѣнію, республикѣ или монарху, то не исполняютъ своей обязанности; если же подаютъ совѣтъ, то рискуютъ потерять мѣсто и жизнь, такъ какъ люди такъ слѣпы, что совѣтъ въ ихъ глазахъ хорошъ или дуренъ только по своимъ послѣдствіямъ.

Размышляя о томъ, какъ можно избѣгнуть этой опасности и этого позора, я нахожу, что всего вѣрнѣе принимать вещи спокойно, никогда не брать ихъ слишкомъ къ сердцу, высказывать свое мнѣніе безъ страсти, защищать его безъ заносчивости и скромно, такъ чтобы если государство или монархъ послѣдовали этому совѣту, они это дѣлали добровольно, а не были принуждены къ этому вашими настояніями.

Если вы держались этого образа дѣйствія, то было бы нелѣпо, чтобъ монархъ или народъ сердились на васъ за совѣтъ, съ которымъ всѣ были согласны. Опасность есть только тамъ, гдѣ ваше мнѣніе встрѣтило много противорѣчившихъ, которые поспѣ-

шатъ въ случаѣ неуспѣха способствовать вашей гибели. Если при этомъ образѣ дѣйствія вы и не будете имѣть славы, достающейся на долю людей, которые даютъ совѣты противъ мнѣнія всѣхъ, когда этотъ совѣтъ увѣнчивается успѣхомъ, то все-же вы извлечете двѣ выгоды: вопервыхъ вамъ нечего бояться никакой опасности, а вовторыхъ если скромно поданный вами совѣтъ отброшенъ и принятъ другой, имѣвшій несчастныя слѣдствія, то это по крайней мѣрѣ очень возвыситъ васъ. И хотя нельзя радоваться возвышенію, совершающемуся въ ущербъ монарха или отечества, но во всякомъ случаѣ и пренебрегать этимъ нельзя.

Я не думаю, чтобъ относительно этого можно было дать другой совѣтъ. Говорить совѣтникамъ, чтобъ они молчали и не высказывали своего мнѣнія, значитъ учить ихъ быть безполезными республикѣ или монарху; чѣмъ они даже не избѣгли бы опасности, потому что ихъ поведеніе скоро сдѣлается подозрительнымъ, и они могутъ тогда подвергнуться участи друзей Персея, царя Македонскаго. Разбитый Павломъ Эмиліемъ, во время бѣгства своего съ небольшимъ числомъ друзей, онъ напомнилъ имъ всѣ совершившіяся событія. Одинъ изъ нихъ рѣшился упрекнуть Персея въ многочисленныхъ ошибкахъ, сдѣланныхъ имъ и бывшихъ причиною его несчастія. Персей обратился къ нему: «Измѣнникъ,—сказалъ онъ,—развѣ можно было ждать, чтобъ, когда я останусь безъ средствъ, ты сталъ говорить мнѣ это?» И при этихъ словахъ онъ собственноручно убилъ его.

Такимъ образомъ этотъ придворный былъ наказанъ за то, что молчалъ, когда долженъ былъ говорить, и говорилъ, когда долженъ былъ молчать; онъ не съумѣлъ избѣжать опасности, которую думалъ избѣжать, не давая совѣтовъ. Поэтому я думаю, что нужно только держаться того образа дѣйствій, который я указалъ.

ГЛАВА XXXVI.

Отчего народы Франціи имѣли и имѣютъ еще репутацію, что они больше чѣмъ мужчины въ началѣ битвы, и меньше чѣмъ женщины позже.

Храбрость Галла, вызывавшаго на берегахъ рѣки Аніо храбрѣйшихъ изъ Римлянъ, и его борьба съ Т. Манліемъ напоминаютъ, что Титъ Ливій говоритъ нѣсколько разъ, что Галлы въ началѣ битвы больше чѣмъ мужчины, но во время сраженія дѣлаются меньше, чѣмъ женщины.

Размышляя о причинѣ, которая могла подать поводъ къ этому мнѣнію, обыкновенно приходятъ къ убѣжденію, что это есть слѣдствіе ихъ природнаго характера, и я думаю, что это справедливо. Но отсюда не слѣдуетъ неизбѣжно, чтобъ этотъ природный характеръ, внушающій ихъ въ началѣ такое мужество, не могъ быть такъ дисциплинированъ, чтобы они сохраняли одинаковую храбрость во все время битвы.

Чтобы доказать справедливость моихъ словъ, я замѣчу, что есть три рода армій: въ однѣхъ одинаково развиты мужество и порядокъ, составляющій истинный источникъ мужества. Таковы были римскія арміи, у которыхъ, какъ видно изъ исторіи, было превосходное устройство, давно уже введенное военною дисциплиною. Дѣйствительно, въ хорошо устроенной арміи никто не долженъ ничего дѣлать, что не было бы предписано заранѣе. Такъ мы видимъ, что въ римскихъ войскахъ, которыя могутъ въ этомъ отношеніи служить образцомъ для всѣхъ другихъ народовъ, такъ какъ они покорили міръ, никто не ложился спать, не ѣлъ, не продавалъ, не покупалъ, не предпринималъ никакого намѣренія, какъ въ военномъ отношеніи, такъ и въ частныхъ своихъ дѣлахъ, безъ позволенія консула. Арміи, дѣйствующія иначе, не могутъ быть названы настоящими арміями, и если онѣ иногда и отличаются въ

битвѣ, то это порывомъ, а не истиннымъ мужествомъ. Но тамъ, гдѣ самое мужество регулировано, солдатъ даетъ волю своему порыву, смотря по времени и обстоятельствамъ; никакое препятствіе не можетъ ни унизить его, ни лишить мужества; напротивъ того хорошій порядокъ постоянно поддерживаетъ его храбрость и мужество, еще болѣе усиленныя надеждою на побѣду, никогда не оставляющею его, пока сохранился еще порядокъ.

Обратное случается съ войсками, въ которыхъ есть только порывъ, но нѣтъ порядка, каковы были Галлы, порывы которыхъ часто измѣняли во время битвы. Если побѣда не давалась первымъ натискомъ, а такъ какъ этотъ порывъ, на которомъ они основывали всю свою надежду, не былъ поддерживаемъ истиннымъ мужествомъ и такъ какъ они не видѣли дальше ничего, на что они могли бы разсчитывать, то они и должны были быть побѣждаемы, какъ только этотъ порывъ охлаждался.

Римляне напротивъ, увѣренные въ хорошемъ устройствѣ своего войска, мало боялись опасностей, не сомнѣвались въ побѣдѣ, но, твердые и непоколебимые, сражались въ концѣ битвы съ тѣмъ же мужествомъ, какъ и въ началѣ, и, постоянно одушевляемые шумомъ оружія, бились все съ бóльшимъ увлеченіемъ.

Третьяго рода арміи не имѣютъ ни природной храбрости, ни случайной дисциплины, какъ напр. нынѣшнія итальянскія войска; онѣ даже совершенно безполезны, и не имѣли бы понятія о томъ, что такое побѣда, еслибъ случай не заставлялъ ихъ встрѣчать войска, обращенныя какимъ-нибудь неожиданнымъ происшествіемъ въ бѣгство, и нѣтъ надобности приводить особыхъ примѣровъ, такъ какъ онѣ постоянно доказываютъ свою трусость.

Чтобы объяснить на основаніи Тита Ливія, каково должно быть хорошее войско и каково бываетъ дурное, я приведу слова Папирія Курзора, когда онъ хотѣлъ наказать Фабія, начальника кавалеріи: «*Nemo hominum, nemo deorum verecundiam habeat: non edicta imperatorum, non auspicia observentur: sine commeatu vagi milites in pacato, in hostico errent; immemores sacramenti, licentia sola se, ubi velint, exauctorent; infrequentia deserantur signa; neque conveniatur ad edictum, nec discernatur interdiu, nocte, aequo, iniquo loco, jussu, injussu imperatoris pugnent; et non signa, non ordines servent; latrocinii modu, caeca et fortuita, pro solemni et sacrata militia sit* *).

По этому отрывку легко судить, есть ли въ настоящее время войско—важное и священное учрежденіе, или случайное и слѣпое сборище; можно видѣть, какъ много не достаетъ, чтобъ быть похожимъ на то, что называется арміею, и какъ далеко оно не соединяетъ подобно Римлянамъ дисциплину и мужество, и даже не имѣетъ, подобно Галламъ, одного натиска.

ГЛАВА XXXVII.

Нужно ли вступать до общаго сраженія въ частныя стычки, и что надо дѣлать, чтобы узнать новаго непріятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгнуть этихъ стычекъ

Во всѣхъ дѣйствіяхъ людей, какъ я уже сказалъ, кромѣ трудностей успѣха, есть еще всегда рядомъ съ добромъ и зло, такъ тѣсно съ нимъ связанное, что невозможно пользоваться однимъ не подвергаясь другому. Это доказываютъ всѣ предпріятія людей. Такимъ образомъ добро достигается съ трудомъ, развѣ только если счастіе настолько благопріятствуетъ вамъ, что превозмогаетъ это обыкновенное и естественное неудобство.

---

*) Въ войскѣ никто не пользовался уваженіемъ: ни боги, ни люди. Ни императорскіе эдикты, ни религіозные обряды не соблюдались. Люди, и въ мирное и въ военное время, бродили безъ провіанта. Забывая присягу, всякій своевольно оставлялъ службу, покидалъ знамена. Приступая къ сраженіямъ, не разбирали, соотвѣтствуетъ ли это эдиктамъ, не различали ни дня, ни ночи, не обращали вниманія на условія мѣстности и дѣйствовали скорѣе какъ слѣпая и случайно собранная разбойничья шайка, чѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ поступать сообразно съ торжественнымъ и священнымъ значеніемъ арміи.

Это мнѣ напомнило разсказъ Тита Ливія о борьбѣ Манлія Торквата съ Галломъ, — разсказъ, оканчивающійся слѣдующими словами: *Tanti ea dimicatio ad universi belli eventum momenti fuit, ut Gallorum exercitus, relictis trepide castris, in Tiburtem agrum, mox in Campaniam transierit* *). Съ одной стороны я думаю, что искусный полководецъ долженъ главнымъ образомъ избѣгать дѣлать что-нибудь, что по своей ничтожности произвело бы дурное впечатлѣніе на армію; начинать битву, въ которой не употреблять всѣхъ своихъ силъ, а рисковать всѣмъ успѣхомъ, чрезвычайно опрометчиво, какъ я говорилъ выше, осуждая защиту ущелій и горныхъ проходовъ.

Съ другой стороны я полагаю, что осторожный военачальникъ, имѣя противъ себя новаго непріятеля, пользующагося большой славою по своему мужеству, принужденъ, прежде чѣмъ вступить въ рѣшительное сраженіе, испытать своихъ солдатъ противъ непріятеля въ легкихъ стычкахъ, чтобы солдаты, освоившись съ этими опытами, потеряли страхъ, внушаемый имъ славою и репутаціею храбрости непріятеля. Эта вещь чрезвычайно важная для полководца, потому что необходимо, можно сказать, дѣйствовать такимъ образомъ, иначе войска будутъ думать, что идутъ на вѣрную гибель, если сначала не позаботились легкими стычками изгнать изъ ихъ ума страхъ, который могла имъ внушить слава непріятеля.

Валерій Корвинъ былъ посланъ съ войскомъ Римлянами противъ Самнитянъ, новыхъ враговъ, съ которыми они до того времени не мѣрились оружіемъ. Приэтомъ Титъ Ливій говоритъ, что Валерій вступалъ съ Самнитянами нѣсколько разъ въ легкія стычки, *ne eos novum bellum, ne novus hostis terreret* **).

Но это значитъ подвергаться величайшей опасности, потому что если ваши солдаты будутъ побѣждены въ этихъ битвахъ, ихъ

---

*) Минута этого сраженія дотого была благопріятна для полнаго успѣха войны, что галльское войско, наскоро разбившее въ трепетѣ лагерь на тибуртскомъ полѣ, тотчасъ же ушло въ Кампанью.

**) Чтобы они не страшились ни новой войны, ни новыхъ враговъ.

страхъ и трусость еще усиливаются, и это имѣетъ слѣдствія, совершенно обратныя тому, чего вы желали, т. е. что вмѣсто того, чтобы ободрить ихъ, вы ихъ еще болѣе напугаете. Итакъ это одна изъ тѣхъ мѣръ, гдѣ зло очень близко къ благу, и даже такъ смѣшано съ нимъ, что легко встрѣтить одно думая найти другое.

Слѣдовательно, искусный полководецъ долженъ особенно заботиться, чтобы не встрѣтилось ничего, что могло бы лишить мужества его армію. Неудача сначала лишаетъ солдатъ увѣренности, поэтому начальникъ долженъ избѣгать всякихъ мелкихъ битвъ, и позволять ихъ только тогда, когда онъ можетъ имѣть значительное преимущество и навѣрное надѣется на побѣду; онъ не долженъ пытаться занимать проходы, гдѣ не можетъ употребить въ дѣло всю свою армію; онъ долженъ защищать только тѣ крѣпости, взятіе которыхъ поведетъ за собою неминуемо гибель врага; что же касается до защищаемыхъ имъ, то онъ долженъ такъ распорядиться, чтобы съ помощью ихъ гарнизоновъ и своей арміи онъ могъ въ случаѣ осады располагать всѣми своими силами; остальныя же крѣпости онъ долженъ оставить безъ защиты. Дѣйствительно, когда оставляется уже безнадежно потерянная вещь и ваша армія еще не тронута, она не теряетъ ни своей военной репутаціи, ни надежды на побѣду. Но когда непріятель отниметъ у васъ пунктъ, который вы хотѣли защищать, и когда всѣ убѣждены въ этомъ, тогда къ потерѣ прибавляется новая невыгода и ничтожное событіе лишаетъ васъ, какъ Галловъ, всего успѣха на войнѣ.

Филиппъ Македонскій, отецъ Персея, воинственный монархъ и пользовавшійся въ свое время большою славою, во время войны съ Римлянами оставилъ часть своихъ владѣній, которыя онъ, по его мнѣнію, не былъ въ состояніи защищать, но предварительно разорилъ ихъ. Онъ понялъ, что опаснѣе потерять свою репутацію, защищая безполезно то, что онъ хотѣлъ бы сохранить, чѣмъ оставить это въ добычу непріятелю, какъ ненужное.

Римляне, послѣ пораженія при Каннахъ, видя, что положеніе ихъ такъ отчаянно, отказали въ помощи почти всѣмъ подвластнымъ имъ народамъ, совѣтуя имъ только защищаться по возможности.

Это гораздо лучше, чѣмъ взяться за защиту, и потомъ не имѣть возможности защитить, потому что въ этомъ послѣднемъ случаѣ теряются и друзья, и силы, а въ первомъ только друзья.

Но, возвращаясь къ мелкимъ стычкамъ, я долженъ замѣтить, что если начальникъ принужденъ прибѣгнуть къ этой крайности по незнакомству съ непріятелемъ, то онъ долженъ дѣлать это, имѣя такія выгоды на своей сторонѣ, чтобы нельзя было даже опасаться быть разбитымъ, или онъ долженъ держаться образа дѣйствія Марія,— и это самое благоразумное. Этотъ полководецъ долженъ былъ вести войну съ Кимврами, дикимъ народомъ, угрожавшимъ завоевать и разграбить всю Италію. Ихъ варварство и многочисленность внушали вездѣ ужасъ, усиливавшійся еще тѣмъ, что уже одна римская армія потерпѣла отъ нихъ пораженіе. Марій, прежде чѣмъ вступить съ ними въ битву, считалъ нужнымъ принять мѣры, чтобы уничтожить страхъ, внушаемый арміи славою непріятеля, и, какъ опытный полководецъ, онъ нѣсколько разъ располагалъ свои войска на мѣстахъ, гдѣ Кимвры должны были проходить со всѣмъ своимъ войскомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его солдаты, защищенные своими окопами, могли видѣть ихъ и привыкнуть къ виду непріятеля, и при видѣ безпорядочной толпы, затрудняемой въ своихъ движеніяхъ большимъ обозомъ, обвѣшенной безполезнымъ оружіемъ, частью же совсѣмъ не вооруженной, они ободрились и сами желали битвы.

Этотъ образъ дѣйствія, въ которомъ выказалось все искусство Марія, долженъ быть для всѣхъ полезнымъ примѣромъ, которому должно стараться слѣдовать, если не хотятъ впасть въ указанныя выше опасности и не быть принужденными подражать Галламъ, *qui ob rem parvi ponderis trepidi in Tiburtem agrum et in Campaniam transierunt* *).

Такъ какъ я говорилъ въ этой главѣ о Валеріѣ Корвинѣ, то

*) Которые изъ-за ничтожнаго дѣла въ трепетѣ удалились на тибуртское поле и въ Кампанью.

въ слѣдующей я приведу его слова, чтобы показать, какія качества долженъ имѣть полководецъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Какія качества необходимы полководцу, чтобы внушить довѣріе своимъ воинамъ.

Какъ мы только-что сказали, Валерій Корвинъ предводительствовалъ арміею, назначенною для сопротивленія Самнитамъ, новымъ врагамъ Рима. Чтобы увеличить довѣріе своихъ войскъ и познакомить ихъ съ врагами, онъ началъ дѣлать легкія стычки; но эти попытки казались ему недостаточны, онъ сказалъ имъ передъ сраженіемъ рѣчь, которою старался доказать, до какой степени не опасенъ имъ подобный непріятель, и выставлялъ имъ на видъ ихъ собственное мужество и мужество, которымъ обладалъ онъ самъ. Слова, которыя приписываетъ ему Титъ Ливій, могутъ служить указаніемъ на тѣ достоинства, которыя необходимы полководцу, чтобы пріобрѣсти довѣріе своихъ войскъ: *Tum etiam intueri cujus ductu auspicioque ineunda pugna sit: utrum qui audiendus duntaxat magnificus adhortator sit, verbis tantum ferox, operum militarium expers; an qui, et ipse tela tractare, procedere ante signa, versari media in mole pugnae sciat. Facta mea, non dicta, vos, milites, sequi volo, nec disciplinam modo, sed exemplum etiam a me petere, qui hac dextra mihi tres consulatus summamque laudem peperi* *).

*) Слѣдуетъ также разсудить, отъ какого полководца можно ожидать болѣе благопріятнаго исхода сраженія: отъ такого ли, который только рѣчами возбуждаетъ къ себѣ уваженіе, который только на словахъ и грозенъ и опытенъ, или отъ такого, который и самъ умѣетъ обнажить оружіе, пред-

*

Если хорошо обдумать эти слова, они укажутъ, какими качествами долженъ обладать всякій, кто захочетъ хорошо выполнить достоинство полководца; тотъ же, кто не будетъ имѣть ихъ, современемъ увидитъ, что это достоинство, достигнутое имъ посредствомъ удачи или честолюбія, лишитъ его репутаціи, а никакъ не составитъ ему ее; потому что не званія украшаютъ людей, а люди украшаютъ званія.

Изъ того, что я сказалъ въ началѣ этой главы, нужно вывести еще одно слѣдствіе: это то, что если самые знаменитые полководцы употребляли необыкновенныя средства, чтобы подкрѣпить мужество арміи, состоящей изъ старыхъ воиновъ, готовыхъ сражаться съ неопытными врагами, тѣмъ болѣе должны употреблять ихъ предводительствующіе новою арміею, которая никогда не стояла лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Если неопытный непріятель можетъ внушить ужасъ старымъ воинамъ, какъ же не внушить его новой арміи какому бы то ни было непріятелю?

Однако мы видимъ, что опытные полководцы часто искусно превозмогали всѣ эти трудности, таковы напр. Римлянинъ Гракхъ и Ѳивянинъ Эпаминондъ, о которыхъ я уже сказалъ, что они съ новыми войсками съумѣли побѣдить ветерановъ, давно привыкшихъ къ сраженіямъ. Средства, которыя они употребляли, заключались въ томъ, что они упражняли свои войска въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ ложныхъ сраженіяхъ, пріучали ихъ къ повиновенію и къ дисциплинѣ и тогда съ увѣренностью употребляли ихъ въ настоящія сраженія. Такимъ образомъ, военный человѣкъ никогда не долженъ отчаяваться создать хорошую армію, если у него нѣтъ недостатка въ людяхъ; государь же, нуждающійся въ воинахъ, несмотря на то, что его государство очень заселено, долженъ пенять только на свою слабость и на свою неопытность, а не на человѣческую подлость.

водительствовать войскомъ и трудныя минуты сраженія — обратить въ свою пользу. Я хочу, чтобы вы, солдаты, подражали не словамъ моимъ, а дѣйствіямъ, чтобы вы не ждали отъ меня только приказаній, но и руководствовались примѣромъ моего образа дѣйствій, удачность котораго позволила мнѣ трижды быть консуломъ и заслужить общую похвалу.

ГЛАВА XXXIX.

Полководецъ долженъ знать страну, гдѣ онъ ведетъ войну.

Между знаніями, нужными для предводителя арміи, одно изъ самыхъ нужныхъ есть знаніе мѣстоположеній и странъ, потому что безъ этого знанія, общаго и частнаго, нельзя составить никакого хорошаго военнаго предпріятія. Хотя всѣ науки требуютъ продолжительнаго упражненія, чтобы знать ихъ въ совершенствѣ, но та, о которой идетъ рѣчь, требуетъ этого болѣе чѣмъ всѣ другія. Это упражненіе, или лучше это особенное знаніе мѣстностей, пріобрѣтается охотою лучше, чѣмъ всякимъ другимъ упражненіемъ. Такимъ образомъ древніе историки говорятъ, что герои, которые управляли въ ихъ время міромъ, проводили свою жизнь въ лѣсу и на охотѣ, потому что такое упражненіе, кромѣ особеннаго знанія мѣстностей, даетъ безконечное множество знаній, необходимыхъ въ войнѣ.

Ксенофонтъ, въ Киропедіи, говоритъ, что Киръ, выступая въ походъ для войны съ королемъ Арменіи, напомнилъ своимъ полководцамъ, давъ предварительно каждому изъ нихъ свои инструкціи, что ихъ предпріятіе ни что иное, какъ одна изъ тѣхъ охотъ, которыя они такъ часто вмѣстѣ дѣлали. Онъ напомнилъ тѣмъ, которыхъ посылалъ въ засады на горы, что они походятъ на тѣхъ охотниковъ, которые отправляются разставлять сѣти на высокихъ мѣстахъ, а тѣмъ, которымъ надо было проходить долину, — что они походятъ на охотниковъ, преслѣдующихъ животное, чтобъ заставлять бѣжать его и попасть въ сѣти.

Я привожу этотъ примѣръ, чтобъ показать, что самъ Ксено-

фонтъ находитъ, что охота есть изображеніе войны. Поэтому великіе міра не могутъ предаваться болѣе достойному и полезному упражненію. Кромѣ того ничто не можетъ дать столь подробнаго знанія страны: посредствомъ охоты тотъ, кто ее устраиваетъ, узнаетъ до малѣйшей подробности страну, гдѣ онъ производитъ ее. Когда хорошо изучена какая-нибудь страна, то уже легко составлять себѣ понятія о новыхъ странахъ, такъ какъ каждая страна и каждая мѣстность въ частностяхъ имѣютъ сходства, вслѣдствіе чего знающіе одну легко пріобрѣтаютъ знаніе другой. Тотъ, у кого нѣтъ подробнаго знанія какой-нибудь страны, достигаетъ только съ большимъ трудомъ, продолжительнымъ изученіемъ, если онъ только когда-нибудь достигаетъ, знакомства съ новою страною. Имѣющій же навыкъ, напротивъ того, видитъ съ перваго взгляда, какъ разстилается равнина, какъ поднимается гора, гдѣ открывается долина, и тысячу другихъ подобныхъ подробностей, относительно которыхъ онъ въ прошедшемъ пріобрѣлъ прочное знаніе.

Титъ Ливій доставляетъ мнѣ примѣръ, поддерживающій мое утвержденіе. Публій Децій былъ легіонный трибунъ въ арміи, которую второй консулъ Корнелій велъ противъ Самнитовъ. Консулъ взошелъ въ ущелье, гдѣ Римляне могли бы легко быть окружены Самнитами; Децій увидѣлъ столь большую опасность и, обратясь къ консулу, сказалъ ему: *Videsne tu, Aule Corneli, cacumen illud supra hostem? Arx illa est spei salutisque nostræ, si eam (quam caeci reliquere Samnites) impigre capimus* *). Прежде чѣмъ привести эту рѣчь Деція, Титъ Ливій сказалъ уже самъ: *Publius Decius, tribunus militum, conspicit unum editum in saltu collem, imminentem hostium castris, aditu arduum impedito agmini, expeditis haud difficilem* **). Дѣйствительно, консулъ, пославъ

*) Видишь ли, Аулій Корнелій, этотъ холмъ, возвышающійся надъ мѣстностью занятой врагами? Это ковчегъ нашей надежды и спасенія, если только мы съумѣемъ быстро занять его, благо слѣпые Самнитяне его оставили.

**) Публій Децій, военный трибунъ, замѣтилъ одинъ холмъ, возвышавшійся въ лѣсу, который господствовалъ надъ мѣстностью, гдѣ былъ расположенъ непріятельскій лагерь, и считалъ дѣло выиграннымъ, еслибы только удалось поспѣшно занять эту высоту своими войсками.

его съ тремя тысячами воиновъ, чтобы овладѣть этимъ холмомъ, спасъ такимъ образомъ римскую армію; но при приближеніи ночи, желая въ свою очередь спастись и спасти своихъ, онъ сказалъ своимъ воинамъ такую рѣчь: *Ite mecum, ut dum lucis aliquid superest, quibus locis (hostes) praesidia ponant, qua pateat hinc exitus, exploremus. Haec omnia sagulo gregali amictus, ne ducem circumire hostes notarent, perlustravit* *).

Если прослѣдить внимательно этотъ разсказъ, то можно увидѣть, до какой степени полезно и необходимо, чтобы полководецъ зналъ характеръ страны. Дѣйствительно, еслибъ Децій не зналъ мѣстности, онъ бы не могъ знать, какъ важно было для Римлянъ овладѣть этимъ холмомъ, и судить издали, доступенъ онъ или нѣтъ; когда же онъ достигъ вершины его и рѣшился удалиться, чтобъ соединиться съ консуломъ, окруженный врагами, какъ онъ былъ, онъ не могъ бы изслѣдовать издалека открытыя ему дороги и тѣ, которыя были заняты непріятелемъ. Децій обладалъ такимъ образомъ столь превосходнымъ знаніемъ мѣстоположенія, что оно доставило ему возможность, овладѣвъ холмомъ, спасти римскую армію; и сверхъ того, спасти самого себя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ отъ непріятеля, несмотря на то, что они были окружены со всѣхъ сторонъ.

*) Идите со мной, чтобы мы успѣли найти выходъ отсюда, пока, на разсвѣтѣ, врагъ нашъ его не загородитъ. И обойдя предварительно всю мѣстность, прикрытый звѣриною шкурою (чтобы не быть узнаннымъ непріятелями), онъ нашелъ проходъ, которымъ вывелъ свое войско.

ГЛАВА XL.

Употреблять хитрость въ военномъ дѣлѣ есть достославный поступокъ.

Хотя употреблять обманъ въ жизни было бы отвратительно, тѣмъ неменѣе въ войнѣ этотъ поступокъ становится похвальнымъ и достославнымъ; и тотъ, кто побѣждаетъ непріятеля посредствомъ этого, заслуживаетъ такую же похвалу, какъ тотъ, который побѣждаетъ оружіемъ. Подобное сужденіе высказываютъ тѣ, которые писали исторію великихъ людей: они хвалятъ Аннибала и всѣхъ полководцевъ, которые отличились подобнымъ образомъ дѣйствій. Примѣры этого слишкомъ многочисленны, чтобы мнѣ нужно было приводить ихъ.

Я только замѣчу, что я не считаю достохвальною хитростью ту, которая заставляетъ насъ нарушать данное обѣщаніе или заключенный договоръ; потому что хотя она и доставляла иногда завоеваніе государства или короны, какъ я говорилъ выше, но она никогда не доставляла славы: я говорю лишь о тѣхъ обманахъ, которые употребляютъ относительно непріятеля, въ отношеніи котораго вы не обязаны обѣщаніемъ и которые заключаются только въ военныхъ дѣйствіяхъ. Таковъ обманъ Аннибала, когда, подошедши къ Трасименскому озеру, онъ сдѣлалъ видъ, что обращается въ бѣгство, чтобъ окружить консула и армію Римлянъ; и когда, чтобъ избѣжать Фабія Максима, онъ прикрѣпилъ къ рогамъ стада быковъ горящія головни.

Подобную же хитрость употребилъ Понтій, начальникъ Самнитовъ, чтобы запереть римлянъ въ *Кавдинскихъ Ущеліяхъ*. Спрятавъ свою армію на склонахъ горы, онъ послалъ нѣсколькихъ воиновъ, переодѣтыхъ пастухами, пасти въ долинѣ многочисленныя стада. Римляне, овладѣвъ ими, спросили, гдѣ находится самнитская армія: всѣ плѣнные, согласно инструкціямъ Понтія, единогласно отвѣчали, что она занята осадою Ноцеры. Это сообщеніе, которому консулы легко повѣрили, было причиною, что они смѣло отправились въ Кавдинскія ущелья, но едва взошли они туда, какъ вдругъ увидѣли себя окруженными Самнитами.

Эта побѣда, выигранная посредствомъ хитрости, была бы еще славнѣе для Понтія, еслибъ онъ захотѣлъ послушаться совѣтовъ своего отца, который уговаривалъ его или свободно выпустить Римлянъ или перебить ихъ всѣхъ и не останавливаться на одной изъ полумѣръ, которыя никогда не доставляютъ друзей и не освобождаютъ отъ враговъ, *quae neque amicos parat, neque inimicos tollit*, и, которыя, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, были всегда опасны въ дѣлахъ государства.

ГЛАВА XLI.

Отечество должно защищаться или позоромъ или славою, и въ томъ и въ другомъ случаѣ оно хорошо защищено.

Консулъ и армія Римлянъ были окружены, какъ я только-что сказалъ, Самнитами, которые предложили имъ самыя позорныя условія, между прочимъ заставить ихъ пройти подъ ярмомъ и, обезоруживъ ихъ, отправить въ Римъ. Подобныя предложенія поразили консуловъ удивленіемъ и привели въ отчаяніе армію; но Луцій Лентулъ выразилъ, что онъ считаетъ, что нельзя отвергнуть участи, съ которою связано спасеніе отечества, такъ какъ существованіе Рима зависѣло отъ этой арміи; что, слѣдовательно, нужно было спасти ее во что бы то ни стало; что отечество всегда хорошо защищать, какимъ бы образомъ ни защищать его, славою ли, позоромъ ли; что, избавивъ армію отъ гибели, Римъ всегда будетъ имѣть время смыть свой поозръ; но если не

спасти ее, то, несмотря на славную смерть, Римъ и свобода погибнутъ навсегда. Совѣтъ Лентула былъ принятъ.

Этотъ случай заслуживаетъ вниманія и достоинъ служить правиломъ всѣмъ гражданамъ, которые были бы призваны подать совѣтъ отечеству Всегда, когда приходится обсуждать вопросъ, отъ котораго единственно зависитъ спасеніе государства, не слѣдуетъ останавливаться ни передъ какимъ соображеніемъ справедливости или несправедливости, человѣчности или жестокости, славы или позора, но, отбросивъ всякія соображенія, рѣшиться на то, что спасаетъ и поддерживаетъ свободу.

Французы всегда держались подобнаго правила и въ дѣйствіяхъ и въ рѣчахъ, чтобы отстаивать величіе короля и могущество королевства: они не могутъ равнодушно слышать, что подобное дѣйствіе позорно для короля. Король—говорятъ они—не можетъ подвергнуться позору, какъ бы ни поступалъ онъ въ удачѣ и неудачѣ, потому что побѣдитель ли онъ или побѣжденный, рѣшенія его все-таки рѣшенія короля.

ГЛАВА XLII.

Не слѣдуетъ исполнять обѣщанія, вырванныя силой.

После всѣхъ претерпѣнныхъ оскорбленій обезоруженная армія вернулась въ Римъ со своими консулами. Консулъ Спурій Постумій рѣшилъ первый въ сенатѣ, что не должно соблюдать мира, заключеннаго въ Кавдіумѣ, сказавъ, что этотъ договоръ ничѣмъ не связывалъ Римлянъ, что онъ обязателенъ только для него и для тѣхъ, которые поклялись въ соблюденіи мира и что, слѣдовательно, если народъ пожелаетъ отдѣлаться отъ всякихъ обязательствъ, то ему стоитъ только выдать Самнитамъ его

самого и всѣхъ тѣхъ, которые принимали участіе въ этомъ договорѣ. Онъ такъ настойчиво поддерживалъ свое предложеніе, что сенатъ принялъ его и послалъ консула и его сотоварищей въ Самній, гдѣ они объявили Самнитамъ, что миръ этотъ недѣйствителенъ. Счастіе такъ благопріятствовало въ этомъ дѣлѣ Постумію, что Самниты отпустили его и что, возвратясь въ Римъ, онъ пріобрѣлъ въ глазахъ Римлянъ своимъ пораженіемъ болѣе славы, чѣмъ Понтій между Самнитами своею побѣдою.

Здѣсь нужно замѣтить двѣ вещи: вопервыхъ, что слава пріобрѣтается посредствомъ всевозможныхъ поступковъ, и хотя побѣда даетъ ее всегда, но ее также можно найти и въ пораженіи—или доказавъ, что васъ нельзя обвинить въ ошибкѣ, или поспѣшивъ смыть позоръ какимъ-нибудь поступкомъ, блестящимъ храбростью; вовторыхъ, что не можетъ быть позорно не соблюдать обѣщаній, предписанныхъ силою; вызванныя силою обѣщанія, если они касаются общественныхъ дѣлъ, будутъ всегда нарушаться не позоря того, кто ихъ нарушаетъ, лишь только прекратится сила, сдерживавшая ихъ. Древнія исторіи полны подобными примѣрами; и въ наше время мы постоянно видимъ ихъ. Между государями нетолько не соблюдаются обѣщанія, вынужденныя силою, когда эта сила прекращается, но они не соблюдаютъ также и другихъ обѣщаній, если вызвавшая ихъ причина перестаетъ въ свою очередь существовать. Я подробно разобралъ въ «*Разсужденіи о государѣ*», похвально ли такое поведеніе или нѣтъ, и долженъ ли государь считать себя связаннымъ подобными договорами или нѣтъ; поэтому я не буду болѣе говорить объ этомъ.

ГЛАВА XLIII.

Люди, рожденные въ одной и той же странѣ, сохраняютъ почти всегда одинаковый характеръ.

Умные люди не случайно и не безъ основанія имѣютъ привычку говорить, что чтобы знать, что должно случиться, достаточно прослѣдить, что было, потому что всѣ происшествія міра имѣютъ всегда соотвѣтствующія отношенія съ тѣми, которыя уже прошли. Это происходитъ оттого, что всѣ человѣческія дѣла дѣлаются людьми, которые имѣли и всегда будутъ имѣть однѣ и тѣ же страсти, и поэтому онѣ неизбѣжно должны давать одинаковые результаты. Правда, что дѣйствія ихъ бываютъ болѣе громки то въ одной странѣ, то въ другой, но это зависитъ отъ воспитанія, изъ котораго черпали эти народы свой образъ жизни.

Тогда еще легко узнавать будущее по прошедшему, когда въ какомъ-нибудь народѣ долго царствуютъ одни и тѣ же нравы, или постоянная скупость или постоянное коварство или какой-нибудь подобный порокъ или добродѣтель. Кто прочтетъ происшествія, бывшія въ нашемъ городѣ, Флоренціи, и прослѣдитъ также тѣ, которыя произошли въ послѣднее время, увидитъ, что Французы и Нѣмцы выказывали себя во всѣхъ случаяхъ полными скупости, гордости, жестокости и вѣроломства; потому что наша республика почти постоянно была съ ихъ стороны жертвою этихъ четырехъ недостатковъ. Что касается вѣроломства, то кто не знаетъ, сколько разъ давались деньги королю Карлу VIII, который обѣщалъ возвратить цитадели Пизы, а никогда не возвращалъ ихъ, чѣмъ государь этотъ выказалъ недостатокъ честности и свою чрезмѣрную жадность. Но оставимъ столь недавніе примѣры.

Всякій можетъ знать, что̀ случилось въ войнѣ, которую флорентинскій народъ предпринялъ противъ Висконти, миланскаго

герцога. Флоренція, лишенная всякихъ другихъ средствъ, составила проектъ призвать императора въ Италію и убѣдить его возстать на Ломбардію всею своею репутаціею и всѣми силами. Императоръ обѣщалъ явиться съ значительною арміею, объявить войну Висконти и защищать Флоренцію отъ могущества этихъ герцоговъ, съ условіемъ, что ему будетъ выдано сто тысячъ дукатовъ на походъ и еще сто тысячъ, когда онъ придетъ въ Италію. Флорентинцы приняли эти условія, заплатили ему первую сумму, а вскорѣ и вторую; но едва достигъ онъ Вероны, какъ вернулся назадъ, ничего не сдѣлавъ для нихъ, приводя въ оправданіе своего поведенія, что Флорентинцы не соблюли всѣхъ условій заключеннаго съ нимъ трактата.

Еслибъ Флоренція не была принуждена необходимостью и ослѣплена страстями и вспомнила бы о поведеніи въ древности варваровъ, она не дала бы обмануть себя ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ тысячѣ другихъ; она увидѣла бы, что сосѣди ея всегда были таковы; что они вели себя одинаково всюду, куда ихъ призывали; она увидѣла бы, что они поступили такъ же относительно древнихъ Тосканцевъ, которые, притѣсняемые римскимъ народомъ, который нѣсколько разъ обращалъ ихъ въ бѣгство и разбивалъ ихъ, и видя, что ихъ силы недостаточны для сопротивленія этому народу, уговорились съ Галлами, которые занимали тогда эту часть Италіи, по сю сторону Альпъ, заплатить имъ значительную сумму съ условіемъ, чтобъ они, соединивъ свои силы съ ихъ силами, отправились противъ Римлянъ. Галлы взяли деньги, но отказались взять оружіе въ пользу Тосканцевъ, говоря, что они получили ихъ не за то, чтобъ воевать съ ихъ врагами, но чтобы воздержаться отъ грабежа Тосканскихъ земель.

Такимъ-то образомъ жадность и вѣроломство Галловъ лишили Тосканцевъ въ одно и то же время и денегъ и помощи, которую они думали пріобрѣсти этимъ средствомъ. Примѣръ древнихъ Тосканцевъ и Флорентинцевъ нашего времени показываетъ, что Галлы и Французы всегда держались однихъ и тѣхъ же правилъ, и по

этому можно судить о довѣріи, которое они должны внушать государямъ.

ГЛАВА XLIV.

Силою и смѣлостью часто успѣваютъ въ томъ, чего никогда не достигли бы обыкновенными средствами.

Самниты, аттакованные римскою арміею, не могли оставаться въ полѣ и устоять противъ Римлянъ, и рѣшились поэтому поставить сильные гарнизоны во всѣ города Самнія и перейти со всею своею арміею въ Тоскану, которая находилась тогда въ перемиріи съ Римлянами, чтобы посмотрѣть, не побудитъ ли Тоскану ихъ переходъ и присутствіе ихъ арміи взяться за оружіе; въ чемъ они отказали ихъ посламъ. Въ рѣчи, съ которою Самниты обратились къ Тосканцамъ, чтобы лучше объяснить имъ причины, побудившія ихъ взяться за оружіе, они употребили слѣдующія замѣчательныя выраженія: *Rebellasse, quod pax servientibus gravior, quam liberis bellum esset* *). Такимъ образомъ, частью убѣжденіемъ, частью присутствіемъ своей арміи, они побудили ихъ взяться за оружіе.

Изъ этого факта слѣдуетъ вывести заключеніе, что если одинъ государь желаетъ получить что-нибудь отъ другаго, онъ долженъ, если обстоятельства позволяютъ это, не давать ему времени обдумывать — и поступить такимъ образомъ, чтобъ онъ самъ почувствовалъ необходимость быстраго рѣшенія; всегда случается, что тотъ, котораго просятъ, видитъ, что его отказъ или замедленіе

---

*) Они возстали потому, что для угнетаемыхъ миръ тягостнѣе, чѣмъ для свободныхъ война.

могутъ вызвать противъ него внезапное и опасное неудовольствіе.

Мы видѣли въ наше время поражающій примѣръ такого поведенія между папою Юліемъ и Французами и между маркизомъ де-Фуа, предводителемъ армій французскаго короля, и маркизомъ Мантуанскимъ. Папа Юлій II имѣлъ намѣреніе изгнать Бентиволи изъ Болоньи: разсудивъ, что французское войско можетъ быть ему полезно и что Венеціанцы останутся нейтральны, онъ обратился съ просьбою къ тѣмъ и къ другимъ; но, получивъ лишь уклончивые и неясные отвѣты, онъ рѣшился склонить ихъ къ своимъ намѣреніямъ, не давъ имъ времени на обсужденіе. Онъ оставилъ внезапно Римъ со всѣмъ войскомъ, которое могъ собрать, подошелъ къ Болоньѣ и велѣлъ сказать Венеціанцамъ, чтобы они сохраняли нейтралитетъ, а французскому королю, чтобы онъ предоставилъ ему свои войска: такъ что обѣ эти державы, побуждаемыя недостаткомъ времени и видя, что папа будетъ явно негодовать, если онѣ отложутъ или откажутъ, уступили его желаніямъ; король послалъ ему помощь, а Венеціанцы остались нейтральны.

Гастонъ де-Фуа находился еще въ Болоньѣ со своею арміею, когда узналъ о бунтѣ Бресчіи. Ему представлялись два пути, чтобъ идти завоевывать этотъ городъ: одинъ, вдоль владѣній короля, былъ длиненъ и утомителенъ; другой, болѣе короткій, проходилъ чрезъ мантуанскія земли; приходилось нетолько проходить черезъ нихъ, но и пробираться высокими дорогами между болотъ и озеръ, которыя маркизъ охранялъ крѣпостями и другими средствами защиты. Гастонъ рѣшился взять ближайшій путь и, не желая быть задержаннымъ никакимъ препятствіемъ и неизвѣстностью относительно маркиза, отправился этимъ путемъ и послалъ сказать маркизу, чтобы тотъ прислалъ ему ключи къ проходу. Этотъ послѣдній, растерявшійся отъ такого внезапнаго рѣшенія, сейчасъ же прислалъ ему ихъ: онъ никогда не сдѣлалъ бы этого, еслибъ Гастонъ де-Фуа дѣйствовалъ менѣе энергично и менѣе быстро; потому что маркизъ былъ союзникомъ папы и Венеціанцевъ; его сынъ былъ даже заложникомъ у папы и этихъ

поводовъ было достаточно для отказа. Но, удивленный столь внезапнымъ рѣшеніемъ, онъ по причинамъ, которыя мы изложили выше, вынужденъ былъ уступить. Вотъ какимъ образомъ дѣйствовали древніе Тосканцы съ Самнитами, когда эти послѣдніе присутствіемъ своей арміи заставили рѣшиться ихъ схватиться за оружіе, отъ чего они прежде отказались.

ГЛАВА XLV.

Какой образъ дѣйствій выгоднѣе въ сраженіи, выдерживать ли первое нападеніе непріятеля и аттаковать его потомъ, или порывисто нападать на него первымъ.

Консулы Децій и Фабій отправились съ двумя римскими арміями навстрѣчу арміи Самнитовъ и арміи Тосканцевъ: они одновременно дали имъ сраженіе; и нужно разобрать въ этомъ случаѣ, который изъ двухъ противоположныхъ способовъ дѣйствій, которыхъ держались два консула, слѣдуетъ признать лучшимъ.

Децій, полный отваги, бросился на непріятеля со всѣми своими силами; Фабій рѣшился только выдержать первое нападеніе, будучи убѣжденъ, что лучше аттаковать постепенно и сохранить всю свою силу подъ конецъ сраженія, когда непріятель растратитъ свой первый пылъ. Исходъ сраженія доказалъ, что поведеніе Фабія было благоразумнѣе, чѣмъ поведеніе Деція, который до такой степени утомился въ своемъ первомъ нападеніи, что, видя свою армію близкою къ бѣгству и желая пріобрѣсти смертію славу, которой не могла ему дать побѣда, онъ рѣшился, по примѣру своего отца, пожертвовать собою для спасенія римскихъ легіоновъ. Фабій, узнавъ это рѣшеніе и желая при жизни заслужить не меньшую славу, чѣмъ его товарищъ пріобрѣлъ смертью, выдвинулъ всѣ силы, которыя оставлялъ въ запасѣ для этой трудной минуты, и получилъ посредствомъ этого самую рѣшительную побѣду. Этотъ примѣръ доказываетъ, что образъ дѣйствій, которому слѣдовалъ Фабій, самый вѣрный и самый достойный подражанія.

ГЛАВА XLVI.

Почему нѣкоторыя фамиліи въ какомъ-нибудь государствѣ долго сохраняютъ одни и тѣ же нравы.

Кажется, что нетолько разныя страны имѣютъ разные нравы и учрежденія и производятъ людей болѣе сильныхъ или болѣе слабыхъ, но что то же разнообразіе замѣчается во всякомъ городѣ въ семействахъ, которыя его составляютъ. Эта истина замѣчается всюду; но особенно въ Римѣ можно найти бездну примѣровъ этого. Мы видимъ здѣсь, что Манліи обладали жесткимъ и непоколебимымъ характеромъ; что Публиколы были гуманны и популярны; что Аппіи были честолюбивы и врагами народа; и то же самое сходство представляли множество другихъ семействъ, изъ которыхъ каждое имѣло особенныя отличительныя свойства. Различія эти не могли происходить единственно отъ свойства крови, которая неизбѣжно мѣшается браками; слѣдовательно они должны были проистекать отъ разности воспитанія, которое получало каждое семейство. Достаточно, чтобы юноша слышалъ, съ первыхъ лѣтъ своей жизни, что то-то дурно или хорошо, чтобы это мнѣніе запечатлѣлось въ его душѣ и служило бы ему въ будущемъ правиломъ, руководящимъ поступками его жизни. Еслибъ это было не такъ, то какимъ образомъ поступками всѣхъ Аппіевъ управляла бы какъ будто одна воля? какимъ образомъ предавались бы они всѣ одинаковымъ страстямъ, какъ замѣчаетъ Титъ Ливій по поводу большинства изъ нихъ, а въ послѣднемъ случаѣ по поводу того, который былъ сдѣланъ цензоромъ?

Его товарищъ, повинуясь закону, сложилъ съ себя должность

послѣ осьмнадцати мѣсяцевъ: Аппій отказался послѣдовать этому примѣру и увѣрялъ, что имѣетъ право оставаться въ этой должности въ теченіе пяти лѣтъ, по первоначальному закону, постановленному цензоромъ. Хотя этотъ отказъ подалъ поводъ ко многимъ спорамъ и произвелъ серьезные безпорядки, тѣмъ неменѣе нельзя было заставить Аппія отказаться отъ должности, и онъ остался въ ней противъ воли народа и большинства сената.

Читая рѣчь, произнесенную противъ него Публіемъ Семпроніемъ, народнымъ трибуномъ, можно видѣть и всю наглость Аппіевъ, и тѣ уваженіе и покорность, съ которыми многіе граждане повиновались законамъ отечества.

ГЛАВА XLVII.

Хорошій гражданинъ долженъ изъ любви къ отечеству забывать частныя оскорбленія, нанесенныя ему.

Консулъ Манлій имѣлъ главное начальство въ войнѣ противъ Самнитовъ и былъ раненъ въ битвѣ съ ними. Войско его подвергалось вслѣдствіе этого обстоятельства большимъ опасностямъ, а потому сенатъ нашелъ нужнымъ послалъ туда въ качествѣ диктатора Папирія Курзора, чтобы замѣнить отсутствующаго консула. Такъ какъ было необходимо, чтобы диктаторъ былъ назначенъ Фабіемъ, находившимся тогда съ войскомъ въ Тосканѣ, и такъ какъ сверхъ того была извѣстна его ненависть къ Папирію, то сенаторы, боясь, что онъ не захочетъ согласиться, послали къ нему двухъ депутатовъ просить его, чтобы онъ отложилъ всякое чувство личной ненависти и назначилъ для блага государства Папирія. Фабій изъ любви къ отечеству согласился на эту просьбу, хотя его молчаніе и многія другія обстоятельства показывали, какъ непріятно ему это назначеніе.

Вотъ примѣръ, которому должны слѣдовать всѣ, желающіе заслужить репутацію добродѣтельнаго гражданина.

ГЛАВА XLVIII.

Когда непріятель дѣлаетъ очевидную ошибку, надо подозрѣвать, что ошибка эта скрываетъ какую-нибудь хитрость.

Консулъ, принужденный оставить Тоскану и отправиться въ Римъ, чтобы присутствовать при нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ, передалъ начальство надъ войскомъ своему помощнику Фульвію. Тосканцы, желая завести его въ западню, устроили около римскаго лагеря засаду и выслали многочисленныя стада, одѣвъ солдатъ пастухами; эти послѣдніе стали въ виду Римлянъ, и, переодѣтые такимъ образомъ, приблизились къ окопамъ лагеря. Фульвій, удивленный ихъ смѣлостью, нашелъ ее неестественною, открылъ засаду, и такимъ образомъ намѣреніе Тосканцевъ не удалось. Отсюда легко видѣть, что полководецъ не долженъ впадать въ заблужденіе, если онъ видитъ со стороны непріятеля очевидную ошибку; онъ долженъ здѣсь всегда заподозрить обманъ, потому что невѣроятно, чтобъ люди были такъ неосторожны. Но часто желаніе побѣды ослѣпляетъ людей, и тогда они видятъ только то, что имъ кажется выгоднымъ.

Галлы, побѣдивъ Римлянъ на берегахъ Алліи, пошли на Римъ, котораго ворота они нашли открытыми и безъ стражи: они простояли передъ ними весь день и всю ночь, не рѣшаясь войти, опасаясь какого-нибудь обмана и не вѣря, чтобъ Римляне были такъ трусливы, или такъ неблагоразумны, что оставили въ ихъ власти свое отечество.

Когда въ 1508 г. Флорентинцы осадили городъ Пизу, Альфонсо дель Мутоло, житель этого города, попалъ къ нимъ въ плѣнъ. Онъ обѣщалъ, что если его выпустятъ, то онъ передастъ

одни изъ воротъ города флорентинской арміи, и его выпустили. Чтобы привести въ исполненіе этотъ заговоръ, онъ нѣсколько разъ приходилъ въ лагерь переговариваться съ посланными отъ коммиссаровъ; онъ никогда не являлся тайно, но всегда открыто и въ сопровожденіи нѣсколькихъ согражданъ, которыхъ оставлялъ въ сторонѣ каждый разъ, какъ разговаривалъ съ Флорентинцами. Въ этомъ случаѣ легко было видѣть все его коварство, потому что было невѣроятно, чтобъ онъ такъ открыто дѣйствовалъ въ этомъ заговорѣ. Но желаніе овладѣть Пизою такъ ослѣпило Флорентинцевъ, что они пошли по его указанію къ луккскимъ воротамъ и потеряли тамъ позорно множество солдатъ и начальниковъ, павшихъ жертвою двойной измѣны Альфонсо.

ГЛАВА XLIX.

Республика, желающая сохранить свою свободу, должна постоянно прибѣгать къ новымъ мѣрамъ. Чѣмъ заслужилъ Квинтъ Фабій названіе Максима?

Я говорилъ уже выше, что въ городѣ неизбѣжно встрѣчаются постоянно случаи, требующіе врача, и чѣмъ они важнѣе, тѣмъ врачъ долженъ быть искуснѣе. Если въ какомъ-нибудь городѣ встрѣчаются подобные случаи, то именно въ Римѣ они были особенно сильны и неожиданны; такъ напр. открылось, что всѣ римскія женщины составили заговоръ, чтобъ убить своихъ мужей; оказалось даже, что многія отравили своихъ, другія же приготовили ядъ для отравленія.

Таковъ же былъ и «заговоръ вакханалій», открытый во время Македонской войны и въ которомъ уже приняли участіе нѣсколько тысячъ мужчинъ и женщинъ. Этотъ заговоръ угрожалъ государству большою опасностью, еслибы его не открыли и еслибы Римъ не имѣлъ обыкновенія наказывать только людей, совершившихъ какое-нибудь преступленіе. Еслибы величіе этой

республики и не выказывалось такъ очевидно различными признаками и силою, съ которою она исполняла всѣ свои предпріятія, то и тогда оно было бы видно въ томъ, какъ она наказывала виновныхъ

Она не колебалась предать смерти по приговору суда цѣлый легіонъ, или даже цѣлый городъ, или изгнать 8—10 тысячъ человѣкъ, сдѣлавъ имъ столь необыкновенныя условія, что исполненіе ихъ кажется невозможнымъ нетолько цѣлой толпѣ, но даже и одному человѣку; такъ напр. республика изгнала въ Сицилію солдатъ, такъ несчастливо сражавшихся при Каннахъ, запретивъ имъ приэтомъ жить въ городахъ и ѣсть иначе какъ стоя.

Но изъ всѣхъ наказаній самое ужасное было предавать смерти изъ цѣлой арміи по жребію одного на десять человѣкъ. Невозможно придумать для толпы виновныхъ болѣе ужаснаго наказанія. Дѣйствительно, когда провинилось много людей и когда главный виновный неизвѣстенъ, то всѣхъ нельзя наказать по многочисленности; наказать же часть и оставить другую безнаказанною было бы несправедливо относительно наказанныхъ и значило бы побуждать ненаказанныхъ къ новымъ преступленіямъ. Но если перебиваютъ по жребію десятую часть виновныхъ, когда всѣ заслуживаютъ одного и того же наказанія, то достигаютъ того, что наказанный жалуется на судьбу, а не наказанный боится, чтобы въ другой разъ жребій не палъ на него, и остерегается провиниться снова. Итакъ отравительницы и всѣ участвовавшія въ «заговорѣ вакханалій» были наказаны, какъ заслуживали.

Хотя эти эпидеміи имѣютъ дурное вліяніе на республику, но никогда не бываютъ смертельны, потому что почти всегда ихъ излечиваютъ во время; но угрожающія правительству почти всегда имѣютъ самыя гибельныя послѣдствія, если благоразуміе знаменитаго человѣка не поможетъ дѣлу.

Великодушіе, съ которымъ Римляне давали иностранцамъ право гражданства, ввело въ Римъ такое множество новыхъ людей, и ихъ вліяніе на выборы стало такъ значительно, что правительство стало измѣняться и удаляться отъ учрежденій и людей, которыхъ держалось до того времени. Квинтъ Фабій, бывшій тогда

цензоромъ, увидѣлъ опасность, грозившую государству, соединилъ въ четыре трибы эти новыя семейства, источникъ всѣхъ неудовольствій, чтобы, будучи замкнуты въ тѣсныхъ границахъ, они не могли имѣть дурнаго вліянія на весь Римъ. Эта мѣра была очень благоразумно придумана Фабіемъ: не измѣняя ничего, онъ предложилъ лучшее средство противъ зла, и республика была такъ благодарна ему, что называла его не иначе, какъ *Maximus*, или *величайшій*.